

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ СХLIX—СL.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ЮЛЬ-АВГУСТЪ 1917 Г., Т. СХLIX.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХLIX — СЛ.

1917

ПЕТРОГРАДЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Зртелевъ, 13

1917

1*

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЮЛЬ—АВГУСТЪ. 1917 г.

	СТРАН.
Историческая лѣтопись	V—XXXII
I. Въ нѣмецкихъ когтяхъ. Повѣсть. (Изъ старо-нѣмецкаго заси- лія). А. Дунина.	1
II. Воспоминанія Г. А. Манна. XI—XIV. (Продолженіе).	36
III. Петергофское совѣщаніе о проектѣ Государственной Думы подъ личнымъ его императорскаго величества предсѣдатель- ствомъ. (Секретные протоколы). Засѣданіе 21 іюля 1915 года.	78
IV. Среди отошедшихъ. XV—XVI. (Продолженіе). Р. И. Семент- ковскаго.	96
V. Очеркъ жизни и царствованія Николая II. (I—IV).	110
VI. Въ предверіи революціи. Н. О. Акаимова.	146
V. Николай Ивановичъ Костомаровъ въ его отношеніяхъ къ Кон- стантину Дмитріевичу Кавелину. Д. А. Корсакова.	157
VI. Разъясненіе «маленькой исторической тайны». Проф. В. И. Образцова.	165
VII. Пушкинскій уголокъ. А. Гладкова.	188

Иллюстраціи: 1) Терраса главнаго дома, съ которой открывается чуд-
ный видъ на р. Соротъ и озеро.—2) Главный домъ въ имѣніи Михайлов-
скомъ, построенный по образцу сгорѣвшаго дома.—3) Кабинетъ въ глав-
номъ домѣ; на письменномъ столѣ лежитъ книга для записи посѣтите-
лей.—4) Общій видъ главнаго дома и домика няни.—5) Домикъ, въ кото-
ромъ жилъ поэтъ съ няней. Теперь этотъ домикъ называютъ домикомъ
няни — Арианы Родионовны.—6) Одинъ изъ красивыхъ уголковъ с. Ми-
хайловскаго.—7) Главная аллея парка въ имѣніи Михайловскомъ.—8) До-
микъ колоніи для престарѣлыхъ писателей.—9) Карета, въ которой
ѣздилъ А. С. Пушкинъ. Доставлена недавно въ Михайловское изъ
Тригорскаго.—10) Порховъ—окрестности. Пушкинскій камень въ Миха-
левкѣ.—11) Порховъ—окрестности. «Михалево», здѣсь жилъ въ 1825 г.
Пушкинъ.

VIII. Критика и библиографія.	219
---------------------------------------	-----

1) Г. П. полк. Г. Г. Перець. «Въ цитадели русской революціи». За-
писки комеданта Таврическаго дворца 27 февраля — 23 марта 1917 г.
Изданіе первое. Пгр. 1917. Б. Глинскаго.—2) Н. Карѣевъ. Исторія западной
Европы въ началѣ XX столѣтія. Т. VII, часть II. Пгр. 1917 г. п. Б.—
3) Юлій Гессенъ. Исторія еврейскаго народа въ Россіи. Въ двухъ томахъ.
Томъ первый съ иллюстраціями и картинками. Пгр. 1916. м.—4) Описание
документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства
юстиціи. Книга 21. Москва. 1916. Бог—снго.—5) Записки Н. В. Басаргина.
Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Петроградъ. 1917. Е. Шу-
мигорскаго.—6) Сибирская церковная старина. 3-е изданіе Сибирскаго
епархіальнаго церковно-археологическаго общества. Сибирскъ. 1917.
А. Налимова.—7) М. М. Винаверъ. Воспоминанія и характеристики. Пе-
троградъ. 1917. г.—8) Ив. Лазаревскій. Среди коллекционеровъ. 2-ое изда-
ніе. Петроградъ. 1917. м. А. С.—9) Вл. П. Бранихфельдъ. Въ мірѣ идей
и образовъ (этюды и портреты). Т. III. Петроградъ. 1917. Влад. Книж-
(См. слѣд. стран.).

нина.—10) Шета Руставели. Носачій барсову шкуру. Грузинская поэма XII в. Переводъ К. Вальмонта. Москва. 1917. А. Захарова.—12) И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. Ч. I. Первая половина XIX в. Москва. 1916. Д. М.—но.—13) Остроумовъ Т., священникъ. Историческій очеркъ Астраханской 1-й мужской гимназии за время съ 1806 по 1914 годъ. Астрахань. Безъ обозначенія года (1916). Александра Лебедева.—14) И. А. Бунинъ. Храмы солнца. Съ 18 рис. въ текстъ. Пгр. 1917. А. Маллимова.—15) Г. Ферреро. «Величіе и паденіе Рима». Т. III. Отъ Цезаря до Августа. Переводъ А. Захарова. М. 1917. В. Калининскаго.—16) Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 22-ая. Петроградъ. 1917. п. майнова.—17) Викторъ Никольскій. Русская національная живопись. Изъ серіи книгъ «Знаніе для всехъ». Петроградъ. 1916. п. Василья—аго. 18) А. И. Гучковъ. Рѣчи по вопросамъ государственной обороны и объ общей политикѣ 1908—1917 г. Пгр. 1917. б. г.—19) Алфавитный сводъ опредѣлений сената по земскимъ дѣламъ за 50 лѣтъ. Составилъ секретарь Харьковской губернской земской управы М. И. Ржевусскій. Харьковъ. 1916. т. м.—20) В. М. Грибовскій, ординарный профессоръ Петроградскаго университета. Древне-русское право. Краткій обзоръ чтеній по исторіи русскаго права. Вып. II. Періодъ московскій. Петроградъ. 1917. в.—21) И. Я. Павловскій. Исторія одного убійства. Романъ. Петроградъ. 1917. г.—22) Фрѣзь дѣятельности совѣта императорскаго челоувѣколюбиваго общества за сто лѣтъ 1816—1916 г. Петроградъ 1916. и.

IX. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 247

X. Новости исторіи. 250

Русскій дворъ въ послѣдніе дни царствованія императора Николая II.

XI. Заграничныя историческія новости и мелочи. 257

1) Россія, войны Германіи и интернаціональ (двѣ параллели).—2) Французская революція и христіанство.—3) Настроеніе магометанскаго міра.—4) Талебранъ, въ роли Ефеневтскаго князя.—5) Эпизодъ изъ осады Мобежа.—6) Великая Среда въ конскомъ монастырѣ.—7) Изъ біографіи подлиннаго Донъ-Жуана.

XII. Смѣсь 280

1) Гибель памятниковъ.—2) Увѣковѣченіе имени А. Ф. Керенскаго.—3) Упорядоченіе могилы Т. Г. Шевченко.—4) Конкурсъ имени Островскаго.—5) Статуя свободы.—6) Освященіе памятника М. М. Ковалевскаго.—7) Собраніе Толстовскаго общества.—8) Общество «Славянъ».—9) Отъ Западно-Русскаго общества.

XIII. Некрологи 287

1) Антоновичъ, А. Я.—2) Барсовъ, Е. В.—3) Берманъ, Т. Н.—4) Бронель (Волинцевъ), М. Н.—5) Владимировъ, Л. Е.—6) Воскресенскій, Г. Н.—7) Дудченко, И. С.—8) Ефимовичъ, А. Я.—9) Заменгофъ, Л.—10) Игнатовичъ, П. А.—11) Карпинскій, Ч. А.—12) Кожениковъ, В. А.—13) Кляменскій, Е. С.—14) Левинскій, В. Д.—15) Маннзѣръ, Г. Г.—16) Марковскій (Свѣтловъ), С. А.—17) Натарова, А. П.—18) Никольскій, М. В.—19) Сажоновъ, В. В.—20) Свербеевъ, А. Д.—21) Скворцовъ, Н. А.—22) Смаковскій, К. И.—23) Соловьевъ, Н. А.—24) Стембо, А. Л.—25) Успенскій, А. Л.—26) Успенскій, К. Н.—27) Фокинъ, С. А.—28) Ханенко, В. И.—29) Чебышевъ, А. А.—30) Чириковъ, М. Г.—31) Шашковскій, А. П.—32) Эрль, В. Ф.—33) Яроцкій, В. Г.—44) Ярошенко, С. П.

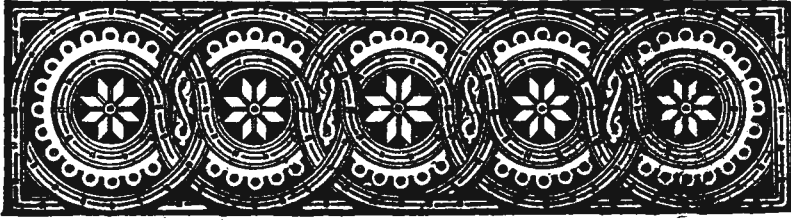
XIV. Замѣтка и поправка 304

Ель некрологу В. В. Матѣ. м. в. Маргина, урожденная Матѣ.

Приложеніе: Въ шатрахъ Кедара. Историческій романъ Генри Ситонъ-Мегриена. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. XIX—XXIV.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТРЕТЬЯГО марта великій князь Михаилъ Александровичъ отрекся отъ престола.

За революціонный періодъ съ 23-го февраля по 2-е марта въ Россіи образовалось Временное Правительство.

На французскомъ фронтѣ 27-го февраля, между рѣками Авръ и Энъ къ вечеру наши отряды произвели три нападенія на германскія траншеи, разрушенныя артиллерійскимъ огнемъ, при чемъ нами захвачены плѣнные. Въ теченіе ночи германцы продолжали бомбардировать Суассонъ.

На дорогѣ въ Круи сильныя непріятельскіе отряды, пытавшіеся атаковать наши линіи, были отражены. Другая непріятельская попытка въ районѣ Бонъ-Шиви также потерпѣла неудачу, благодаря нашему огню.

Къ западу отъ Мезонъ-де-Шампань германцы вечеромъ произвели ожесточенную контръ-атаку противъ высоты «185». Однако, благодаря нашему заградительному огню и пулеметному обстрѣлу французы остановили нападающихъ и удержали за собой всѣ свои позиціи.

На англійскомъ фронтѣ 28-го февраля къ сѣверо-востоку отъ Бушавена англичане улучшили свое положеніе.

Артиллерія обѣихъ сторонъ развивала особенную дѣятельность въ районѣ Анкра, вблизи Арраса и Невиль-Сенъ-Вааста, а также въ секторѣ Ипра.

На англійскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 4-го марта, вслѣдствіе произведеннаго англичанами обстрѣла непріятельскихъ позицій германцы оставили свою главную систему позицій вдоль выдвинутаго впередъ гребня возвышенности къ востоку отъ Вапома на фронтѣ протяженіемъ въ 3¹/₂ мили.

Въ теченіе дня англійскіе авангарды потѣзнили въ этомъ районѣ аріергарды непріятеля на 1 милю вглубь и заняли лѣсъ Лунарь и деревню Гревиллеръ. Мы продвинулись также къ востоку и сѣверо-востоку отъ Гомкура на фронтѣ протяженіемъ около 1 мили.

По сообщенію отъ 2-го марта, къ сѣверу отъ долины Анкра англичане продвинулись впередъ на фронтѣ протяженіемъ свыше 1¹/₂ мили юго-западу и западу отъ Бапомъ. Они также продвинулись на фронтѣ протяженіемъ свыше 2.000 ярдовъ къ югу отъ Ашьеле-Пти и заняли 1.000 ярдовъ германскихъ траншей къ юго-западу отъ Лезэсаръ (Les Essarts), расположеннаго къ сѣверо-востоку отъ Гомкура.

Въ Месопотаміи въ сраженіи, происходившемъ 1-го марта, англичане отбросили турецкіе арбергарды съ цѣлаго ряда холмовъ, на которыхъ они находились, къ сильно укрѣпленной непріятельской позиціи, прикрывающей Мушаидіе.

Англійскія войска, продолжая наступленіе въ теченіе ночи, на 2-е марта, захватили около 3 час. утра эту позицію.

Въ теченіе всего дня 2-го марта турецкія силы, представлявшія собою жалкіе остатки трехъ дивизій, продолжали отступать, быстро уходя въ безпорядкѣ по направленію къ Самаррѣ.

По сообщенію отъ 3-го марта, на французскомъ фронтѣ французы прорвались до третьей линіи германскихъ траншей къ востоку отъ Кенни на Матцѣ.

На англійскомъ фронтѣ пространство, оставленное германцами, еще увеличилось по направленію къ югу. Англичане заняли германскія траншеи отъ южной части лѣса Сень-Пьеръ-Ваастъ вплоть до сѣверной окраины деревни Сайизель на фронтѣ длиною въ 2— мили.

По сообщенію отъ 4-го марта, на французскомъ фронтѣ въ районѣ къ западу отъ Мезонъ-де-Шампань французы съ боемъ значительно продвинулись впередъ.

Къ востоку отъ Мааса 3-го марта днемъ и въ теченіе ночи съ 3-го на 4-е марта завязался горячій бой въ районѣ фермы Шамбретъ. Неоднократныя попытки непріятеля атаковать одинъ изъ нашихъ окоповъ были въ концѣ концовъ отражены и непріятель послѣ неоднократныхъ подвиженій отступилъ. Въ этихъ бояхъ германцы понесли значительныя потери.

Къ сѣверу отъ Авры и между Аврой и Уазой французскіе отряды, продолжая сильно тѣснить непріятеля, въ теченіе ночи продвинулись на фронтѣ длиною свыше 20 километровъ; на другихъ пунктахъ французы также нѣсколько продвинулись вглубь.

На ближнемъ Востокѣ за время съ 1-го по 5-е марта включительно послѣ цѣлаго ряда энергичныхъ атакъ въ районѣ къ сѣверу и къ западу отъ Монастыря и не взирая на упорное сопротивленіе непріятеля и сильныя снѣжныя мятели французскія войска овладѣли приступомъ высотой «1428», монастыремъ Слега и деревнею Растані. Всѣ непріятельскія атаки были отбиты. Французы захватили 9 пулеметовъ и свыше 1200 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 11 офицеровъ. Со своей стороны британскія войска совершили нѣсколько операций въ районахъ деревень Брестъ и Порой, къ востоку отъ озера Дойранъ и у подножія Велесскихъ горъ, захвативъ плѣнныхъ. Непріятель отвѣтилъ бомбардировкой Монастыря при помощи химическихъ снарядовъ.

По опубликованному 5-го марта сообщенію изъ Ставки на западномъ фронтѣ въ районѣ гор. Станиславова противникъ атаковалъ наши позиціи и занялъ было часть окоповъ, но контръ-атакой подошедшаго резерва былъ выбитъ и отброшенъ въ свои окопы.

На кавказскомъ фронтѣ въ Персіи наше наступленіе продолжало развиваться. Въ районѣ перевала Галиханъ наши атакующія части окружили противника и частью уничтожили, частью взяли въ плѣнъ. Переваль, открывающій дорогу въ Месопотамію, нами занятъ, несмотря на упорное сопротивленіе турокъ и огромныя трудности изъ-за снѣговъ.

На багдадскомъ направленіи послѣ взятія Керманшаха наши части продолжаютъ неотступно преслѣдовать турокъ. Въ этомъ направленіи 1-го марта мы овладѣли переваломъ Налешклянъ.

6-го марта изъ Ставки сообщено: на кавказскомъ фронтѣ въ огнотскомъ районѣ, въ 15 верстахъ западнѣе Огнота, наши развѣдывательныя части сбивъ турокъ съ позиціи, заняли селеніе Вараби: захваченъ складъ патроновъ и ручныхъ гранатъ. На саккизскомъ направленіи наши части, двигаясь по грудамъ снѣга, сбили съ позиціи турокъ у Сурана и заняли этотъ пунктъ. Преслѣдуя отступавшихъ турокъ, наши передовыя части вступили въ Банъ.

На сивасскомъ направленіи, въ районѣ селенія Маткутъ (въ 25 верстахъ юго-западнѣе Калкита, нашей заставой отбито огнемъ и штыками наступленіе турецкихъ развѣдчиковъ. Колонна турокъ въ составѣ двухъ батальоновъ, шести горныхъ орудій и 3 эскадроновъ, отходящая по Сеннѣ по керманшахскому направленію подъ напоромъ нашей конницы, была встрѣчена нашими частями конницы, высланными наперерѣзъ у с. Каміаранъ, и въ замѣшательствѣ повернула на западъ безъ дороги въ горы. Въ направленіи на Джеванрудъ (сѣверо-западнѣе Керманшаха) преслѣдованіе продолжается. На керманшахскомъ направленіи мостъ у сел. Майдештъ (западнѣе Керманшаха) захваченъ нами въ полной исправности. Противникъ старается задержаться у перевала.

На французскомъ фронтѣ въ теченіе дня 5-го марта отъ Авра до Эна на фронтѣ протяженіемъ болѣе 60 километровъ продолжалось наступленіе французовъ къ сѣверу отъ Авра. Французская кавалерія вошла въ Нэль (Nesle),

къ сѣверо-востоку отъ Лассиньи французы продвинулись свыше 20 километровъ вглубь въ направленіи къ Гаму.

Въ болѣе южномъ направленіи французская кавалерія и легкіе отряды, продвигаясь вдоль долины Уазы, заняли между Уазою и Суассономъ всю первую линію германскихъ позицій, а также деревни Карлепонъ, Морсэнь, Нувронъ и Венгръ, плоскогорье, простирающемся къ сѣверу отъ Суассона и заняли Круи; къ востоку отъ Нэля французы въ нѣсколькихъ пунктахъ подошли къ желѣзной дорогѣ Гамъ-Нэль. Къ сѣверу отъ Нуаойна они заняли Гискарь. Къ востоку отъ Уазы французы овладѣли второй линіей германскихъ позицій.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ дней французы очистили отъ непріятеля около 100 мѣстечекъ и деревень. Многія поселенія были разрушены и ограблены непріятелемъ. Тысячи жителей, которыхъ германцамъ не удалось эвакуировать, выходятъ навстрѣчу французскимъ войскамъ.

На англійскомъ фронтѣ англичане завладѣли Вапомомъ послѣ сильнаго боя съ германскимъ арьберггардомъ. Городъ этотъ подвергся систематическому ограбленію со стороны непріятели.

Въ теченіе дня англичане быстро продвинулись впередъ по обѣимъ берегамъ рѣки Соммы и къ югу отъ этой рѣки проникли въ германское расположеніе на фронтѣ протяженіемъ приблизительно въ 16 миль и заняли сел. Френъ, Орњи, Вильерь-Карбонель, Барле, Этерпињи и Ла-Маэнетъ.

Къ сѣверу отъ Соммы, кромѣ гор- Вапома, они еще завладѣли сел. Ле-Транслуа, Бьевеллеръ, Вигюкуръ, Аши-ле-Гранъ, Аши-ле-Пети, Аблензевиль, Букуа и Эссаръ. Они овладѣли также фермой Кенуа, находящейся на разстояніи 1.500 ярдовъ къ сѣверо-востоку отъ послѣдняго изъ упомянутыхъ селеній. Англичане достигли оборонительныхъ линій къ западу и сѣверо-западу отъ Монши-о-Буа.

6-го марта англичанами заняты Нэль, Шонъ и Пероннъ. Тѣсня непріятельскіе арьберггарды, англійскія войска за послѣднія сутки продвинулись въ нѣкоторыхъ пунктахъ на глубину 16 километровъ, на фронтѣ протяженіемъ около 72 километровъ, отъ Арраса къ югу до Шона.

Кромѣ вышеупомянутыхъ городовъ они еще заняли 60 селеній.

На англо-французскомъ фронтѣ англо-французскія войска, продолжая преслѣдовать отступающихъ германцевъ къ югу отъ Арраса, прошли линію Ашье-ле-Пти, Вапомъ, Транслуа, Перронъ. Къ югу отъ Соммы французскія войска перешли линію Нель-Гискаръ. Къ югу отъ Уазы французы заняли Карлебонъ, Невронъ и высоты сѣвернѣе Суассона. Такимъ образомъ англо-французскими войсками отнята у германцевъ полоса территории въ 75 верстъ по фронту и до 20 верстъ въ глубину.

6-го марта въ теченіе дня французскія войска прошли Гамъ на Соммѣ и Шони на Уазѣ, причемъ французы овладѣли большимъ числомъ мѣстностей между этими двумя городами. Французская кавалерія прошла нѣсколько километровъ къ сѣверу отъ Гама и захватила обозъ, отступавшій въ направленіи Сэнъ-Кентена. Въ этомъ пунктѣ продвиженіе французовъ впередъ достигло 35 километровъ въ глубину. Къ югу отъ Шони ихъ отряды достигли главной линіи Элетъ, Суасонъ совершенно освобожденъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Круи передовые французскіе отряды продвинулись вдоль пути Мобежъ. Въ теченіе дня французами занято около 20 новыхъ селеній и мѣстечекъ. Непріятель, прежде чѣмъ отступить, опустошилъ страну.

На лѣвомъ берегу Мааса 6 марта французы снова захватили почти всѣ траншеи, въ которыя удалось проникнуть непріятели. Бой продолжался.

На остальномъ фронтѣ продолжалась артиллерійская перестрѣлка съ перерывами.

На итальянскомъ фронтѣ артиллерійскія дѣйствія усилились, принявъ особенно интенсивный характеръ въ долину Лагарина. Въ полевые госпитали въ Горицъ и Ронши попало нѣсколько снарядовъ.

Непріятель пытался произвести нападенія на итальянскія позиціи въ долину Джумелла, у потока Товале и Лукати, а также у озера Гарда, но былъ повсюду отраженъ.

Въ Месопотаміи продолжалось наступленіе англичанъ. Разбитыя части турокъ пытаются удержаться въ районѣ Самарры. Бакуба (сѣверо-восточнѣе Багдада) на рѣкѣ Тигль занята англичанами.

На англійскомъ фронтѣ въ теченіе 7-го марта англичане продолжали преслѣдовать германцевъ, арьергарды которыхъ были отброшены кавалеріей и англійскими авангардами. Пространство, захваченное англичанами, имѣетъ отъ двухъ до восьми миль въ глубину. Въ ихъ власти находятся 40 деревень.

8-го марта изъ Ставки сообщалось: на кавказскомъ фронтѣ на саккизскомъ направленіи наши передовыя части, преслѣдуя турокъ, вступили въ предѣлы Турціи. На керманшахскомъ направленіи преслѣдованіе турокъ продолжалось.

На французскомъ фронтѣ къ востоку отъ Гама французскія части 7-го марта къ концу дня стремительнымъ ударомъ, несмотря на упорное сопротивленіе гарнизона, овладѣли замкомъ Саври-Эллау и деревней Жюси. Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Суассона они за ночь 7-го марта значительно продвинулись впередъ по обѣимъ сторонамъ дороги на Ланъ и заняли около 10 деревень.

Между Соммой и Эной французскія войска, продолжая наступленіе, приступили къ окупаціи вновь завоеванной зоны. Къ сѣверу отъ Соммы французская кавалерія, преслѣдуя разѣзды противника, подошла къ Сэнъ-Кантену приблизительно на разстояніе семи километровъ. Къ сѣверо-востоку отъ Шони французская пѣхота заняла Тервье и перешла Сэнъ-Кантенскій каналъ.

На англійскомъ фронтѣ, несмотря на менѣе благопріятныя климатическія условія, англичане 8-го марта все же значительно продвинулись вдоль большей части фронта, къ югу отъ Арраса, гдѣ еще 14 деревень были очищены отъ противника. Англійскія части перешли общую линію дер-Каниси, Эстре—въ Шоссе, Нурлю, Велю и Сэнъ-Лежэ. Огнемъ англійскихъ пулеметовъ къ югу отъ Арраса отбита попытка противника произвести контръ-атаку.

Къ юго-востоку и къ востоку отъ Перрона за послѣдніе 24 часа 6-го марта англичане быстро продвигались впередъ и достигли пунктовъ приблизительно въ 10 миляхъ къ востоку отъ Соммы. Ими занято 40 другихъ селеній въ этомъ районѣ. Между Нурлю и Аррасомъ германцы во многихъ пунктахъ начинаютъ оказывать значительное сопротивленіе. Тѣмъ не менѣе англичане непрерывно отгѣсняютъ ихъ передовыя части съ занятыхъ ими позицій и продолжаютъ продвигаться впередъ. Въ теченіе ночи къ востоку отъ Арраса и къ сѣверо-востоку отъ Невилль-Сэнъ-Вааста англичанами произведена успѣшная атака. Къ востоку отъ Невилль-Сэнъ-Вааста англичанами произведена успѣшная атака. Къ востоку отъ Невилль-Сэнъ-Вааста ими отброшены части, пытавшіяся произвести прорывъ.

На итальянскомъ фронтѣ, на фронтѣ Трентино, снова возобновились энергичныя дѣйствія артиллеріи. На горномъ массивѣ Костабелла, Санто Перегрино и въ долинѣ Авізіо послѣ сильной бомбардировки снарядами съ газами непріятель неоднократно предпринималъ атаки на итальянскія передовыя позиціи, но былъ отброшенъ съ тяжелыми.

8-го марта въ Царское Село выѣзжалъ главнокомандующій войсками петроградскаго военнаго округа ген.-лейт. Корниловъ, присутствовавшій при арестѣ, согласно распоряженію Временнаго Правительства, супруги отрекшагося

императора и нѣкоторыхъ лицъ свиты. 9-го марта съ особымъ поѣздомъ, подъ наблюдениемъ командированныхъ членовъ Гос. Думы, приѣзжаетъ арестованный въ ставкѣ Николай II и бывший министръ двора Фредериксъ.

8-го марта опубликованъ слѣдующій манифестъ объ утвержденіи конституціи великаго княжества Финляндскаго и о примѣненіи ея въ полномъ объемѣ.

Того же 8-го марта опубликовано слѣдующіе распоряженіе о лишеніи свободы Николая II и его супруги.

Временное Правительство постановило:

1) Признать отрекшагося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшагося императора въ Царское Село.

2) Поручить генералъ адъютанту Алексѣеву для охраны отрекшагося императора предоставить нарядъ въ распоряженіе командруемыхъ въ городъ Могилевъ членовъ Гос. Думы Бубликова, Вершинина, Грибунина и Калинина.

3) Обязать членовъ Думы, командированныхъ для сопровожденія отрекшагося императора изъ города Могилева въ Царское Село, представить письменный докладъ о выполненіи ими порученія.

4) Опубликовать настоящее постановленіе.

9-го марта изъ Ставки сообщено: на западномъ фронтѣ на лидскомъ направленіи на р. Березинѣ въ районѣ деревень Заберезина, Поташня, послѣ продолжительной артиллерійской подготовки противникъ атаковалъ наши позиціи и занялъ ихъ. Нашей контръ-атакой противникъ выбитъ изъ деревни Поташня; остальной участокъ позиціи въ рукахъ противника. Сѣверо-западнѣ Бродъ послѣ артиллерійской подготовки противникъ атаковалъ наши позиціи въ районѣ Балдуры. Послѣ упорнаго боя послѣдній былъ отброшенъ въ свои окопы.

На румынскомъ фронтѣ на фокшанскомъ направленіи противникъ проявляетъ интенсивную воздушную и артиллерійскую дѣятельность.

На Кавказскомъ фронтѣ на джеданрудскомъ и багдадскомъ направленіяхъ преслѣдованіе противника продолжается.

Къ востоку отъ Гама 8-го марта утромъ французы въ двухъ мѣстахъ прорвали фронтъ непріятели на каналѣ Соммы, несмотря на сильное сопротивленіе германцевъ. Энергично проведенная операція дала французамъ возможность освободить сѣверный и восточный берега канала и отбросить непріятели до окраинъ Кластра и Монткура. Противникъ искусственно затопилъ эту мѣстность. Большинство селеній, находящихся у французскихъ передовыхъ позицій въ районѣ Сэнъ-Кантена, подожжены. Французы продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Тернье. Въ долину Эллетъ произошло нѣсколько стычекъ съ патрулями непріятели, который, сильно укрѣпившись на восточномъ берегу канала Кроза и Эллетъ ожесточенно бомбардировалъ французскія передовыя линіи. Къ сѣверу отъ Суассона французы значительно продвинулись впередъ и имѣли нѣсколько оживленныхъ стычекъ.

10-го марта изъ Ставки донесено:

На западномъ фронтѣ на лидскомъ направленіи на рѣкѣ Березинѣ, въ районѣ деревни Заберезено возвращены окопы, отняты у насъ противникомъ 9-го марта. Въ общемъ положеніе возстановлено.

На Румынскомъ фронтѣ на фокшанскомъ направленіи противникъ проявляетъ оживленную артиллерійскую и воздушную дѣятельность. На брайловскомъ направленіи наши части въ ночь на 9-го марта выбили противника со станціи Халта-Ведени (южнѣ деревни Ведени); германскіе самолеты сбрасывали бомбы въ Галацъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ ночь на 8-го марта наша команда развѣдчиковъ скрытно проникла въ окопы противника Хавтана (Татванъ), что на юго-западномъ берегу Ванскаго озера, и лихимъ налетомъ, безъ выстрѣла, захватила пулеметный заводъ въ составѣ 3 офицеровъ, 8 аскеровъ, 2 пулемета, дальномѣръ, телефонъ. На подживинскомъ направленіи наши части вступили въ бой съ Турками, занимающими южный берегъ рѣки Абишированъ, что около 10 верстъ сѣвернѣ Пенджвина. На касриширскомъ направленіи наши части 3-го марта сбили турокъ послѣ 16-часового боя съ позицій у Шареза, заняли Али-Абадъ, что въ пяти верстахъ отъ Керинда, и вступили въ бой съ турецкой дивизіей у Керинда. Путь отступленія турокъ покрытъ брошенными повозками патронами и трупами.

На французскомъ фронтѣ англо-французскія войска продолжали преслѣдовать отступающихъ германцевъ на фронтѣ въ 120 верстъ въ районѣ къ югу отъ Арраса до рѣки Энъ. Французская конница достигла пунктовъ, лежащихъ въ 7 верстахъ западнѣ С.-Кантена. Пѣхота подошла къ Лаферъ.

Къ сѣверу отъ Деллона непріятель пытался днемъ 9-го марта путемъ яростныхъ контръ-атакъ заставить французовъ отойти съ восточнаго берега канала Сень-Кантенъ, который они занимали на фронтѣ Кластръ—Монткуръ. Послѣдовательныя атаки непріятели были отбиты французскимъ пулеметнымъ огнемъ, нанесшимъ сильныя потери непріятелю. Горячіе бои, происходившіе въ районѣ къ западу отъ Лаферъ, кончились такъ же полной неудачей для германцевъ. Въ районѣ Уазы французскіе отряды перешли Элоть въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Къ сѣверу отъ Эна германцы снова пытались наступать между дорогой въ Лаонъ и берегомъ рѣки. Три непріятельскія атаки на линію Вареньи—Шивръ были остановлены заградительнымъ огнемъ французской артиллеріи. Къ югу отъ Эны французская артиллерія, обстрѣлявъ непріятельскія войска анифиладнымъ огнемъ, нанесла имъ тяжелыя потери. Довольно ожесточенная артиллерійская перестрѣлка происходила въ районѣ Вепра. У подножія Масскихъ высотъ попытка непріятели наступать на ферму Ременвилъ (районъ Сень-Миель) не удалось.

Всѣ получаемыя французами извѣстія подтверждаютъ, что непріятель подвергъ систематическому опустошенію оставленныя имъ мѣстности, не руководствуясь большею частью никакими военными соображеніями.

Къ сѣверу отъ Сень-Симена непріятель 9-го марта къ концу дня произвелъ сильную атаку противъ французскихъ позицій, расположенныхъ впереди деревни Артанъ, и вначалѣ нѣсколько потѣснилъ французскія части, однако, немедленно произведенной стремительной контръ-атакой французамъ удалось отбросить непріятели до Гранъ-Серакура. Къ югу отъ Уазы новые француз-

скіе ряды перешли Элеттъ. Въ этомъ районѣ перемежающійся артиллерійскій огонь. Французы вновь продвинулись въ районѣ къ сѣверу отъ Суассона.

11-го марта опубликовано сообщеніе отъ Временнаго Правительства, гдѣ, между прочимъ, говорится:

Послѣ отреченія императора Николая II и великаго князя Михаила Александровича полнота власти перешла къ Временному Правительству...

«Временное Правительство заявляетъ, что оно приняло къ непремѣнному исполненію всѣ возложенныя на государственную казну при прежнемъ правительствѣ денежныя обязательства, какъ то: платежи процентовъ и погашенія по государственнымъ займамъ, платежи по договорамъ, содержаніе служащимъ, пенсіи и всякаго рода иные платежи, слѣдующіе кому-либо изъ казны по закону, по договору или на другомъ законномъ основаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ платежи, слѣдующіе въ казну, налоги, пошлины и иныя всякаго рода поступленія должны вноситься по прежнему, пврѣдь до измѣненія ихъ новымъ закономъ».

На французскомъ фронтѣ между Соммой и Уазой французскія войска, преслѣдуя противника, втянули его въ бой, и, несмотря на упорную оборону имъ каждой пяди земли, отбросили его приблизительно на одинъ километръ къ сѣверу отъ Грань-Серокура и Жибекюра, овладѣвъ затѣмъ западнымъ берегомъ Уазы, начиная отъ предмѣстья Лафера до сѣверной части Вандейля. причѣмъ два передовыхъ форта Лафера перешли въ руки французовъ.

Къ югу отъ Уазы, несмотря на наводненія, искусственно произведенныя непріателемъ, французы значительно продвинулись по восточному берегу рѣки, начиная отъ долины Эллетъ, и захватили нѣсколько селеній, отбросивъ германскія арьергады къ опушкѣ лѣса Уси.

12-го марта изъ ставки донесено:

На западномъ фронтѣ въ районѣ мѣстечка Поставы нѣмцы, выпустивъ четыре газовыя волны, пытались наступать, но были отбиты нашимъ огнемъ. Въ районѣ Одаховщины (восточнѣ Барановичей) около двухъ ротъ нѣмцевъ, переодѣтыхъ въ бѣлыя халаты, повели наступленіе на наши окопы, но артиллерійскимъ огнемъ были разсѣяны.

На кавказскомъ фронтѣ, на ханыкинскомъ направленіи, наши войска заняли укр. Кала-и-Шахинъ. Турки задерживаются на высотахъ у Маинтага.

12-го марта отъ Соммы до Эны французскія войска продолжали свое наступленіе въ теченіе дня.

На англійскомъ фронтѣ Ангичанами взято селеніе Руазель, въ 7 миляхъ къ востоку отъ Перонна. Въ теченіе дня англичане продвинулись впередъ на полторы мили на фронтѣ къ юго-западу и западу отъ Эку. Сенъ-Мэнъ. Ими отбиты атаки непріятеля въ этой области и къ сѣверу отъ Буари и Беккереля.

13-го марта изъ Ставки донесено:

Въ районѣ Можейки, сѣверо-западнѣ м. Поставы, нѣмцы были пущены ядовитые газы, не причинившіе намъ вреда.

На кавказскомъ фронтѣ, на ханыкинскомъ направленіи, наши войска 5-го марта сбили турокъ съ позицій у с. Хариръ и съ Сермилъ-Кериндскаго перевала. 6-го марта вели бой съ турками, занявшими позиціи у с. Мянтагъ.

На французскомъ фронтѣ между Соммой и Уазой германцы въ теченіе ночи нѣсколько разъ возобновляли атаки на фронтѣ между Эссинье-ле-Гранъ и Бенэ. Французы удержали дѣликомъ всѣ позиціи, захваченныя ими наканунѣ.

На югъ отъ Уазы движеніе французовъ подолжалось, несмотря на плохое состояніе почвы и дурную погоду.

Къ сѣверу отъ Реймса огонь нашихъ батарей вызвалъ взрывъ склада военныхъ припасовъ непріятеля на востоку отъ фермы Года.

14-го марта изъ Ставки сообщено:

Въ районѣ м. Поставы артиллерія противника проявляла болѣе оживленную дѣятельность, чѣмъ обыкновенно. Юго-восточнѣ Барановичей, въ районѣ Дарево—Лабузы, послѣ артиллерійскаго и минометнаго огня, противникъ дважды атаковалъ наши позиціи на западномъ берегу р. Шары. Первая атака была отбита. Вторая атака, сопровождавшаяся выпускомъ газовъ, противнику удалась: наши части, занимавшія западный берегъ р. Шары, были отгѣснены на восточный. Во время указанного наступленія противника германскими самолетами сожжены два нашихъ аэростата. Въ районѣ м. Свято-тичи (восточнѣ Барановичей) и сѣверо-западнѣ Кямполунга нашимъ огнемъ сбито два непріятельскихъ самолета, упавшихъ въ нашемъ расположеніи; летчики взяты въ плѣнъ.

На англо-французскомъ фронтѣ преслѣдованіе англо-французами оступающихъ германцевъ продолжается. Къ югу отъ Арраса англичане достигли линіи Борэнъ—Фишэ; восточнѣ Перрона овладѣли Руазель и Вермондъ. Между Соммой и Уазой Французы достигли долины Узы на участкѣ Вандей—Ля-Феръ и заняли форты Вандей и Лиезъ, сѣвернѣ Суассона. Французскія войска, сбивъ германцевъ съ высотъ, заняли Марживаль и наступаютъ на Лаонъ.

На французскомъ фронтѣ 13-го марта между Соммой и Уазой французская артиллерія разсѣяла скопленія непріятеля между Бенэ и Юрвиллеръ.

Къ югу отъ Уазы французы значительно продвинулись впередъ въ нижней части лѣса Куси. Несмотря на пересѣченную мѣстность и упорное сопротивленіе непріятеля, французскія войска заняли Фоламбрэ и Фейль.

Къ сѣверу отъ Суассона они также продвинулись въ районѣ Вреньи.

14-го марта къ югу отъ Уазы французы расширили свои успѣхъ въ нижней части лѣса Кусси всю сѣверную часть котораго они занимаютъ. Непріятель былъ отброшенъ за линію Бари—Сервэ. Къ югу отъ лѣса французскія вѣска блестящимъ ночнымъ штурмомъ завладѣли деревней Кусси-ле-Шато, энергично сбронявшимся Германцами. Въ районѣ къ сѣверу отъ Суассона они завладѣли фермой, расположенной на сѣверо-западъ отъ Марживеля, и опорнымъ пунктомъ, сильно защищавшимся непріятелемъ.

На англійскомъ фронтѣ 14 марта утромъ англичане атаковали и заняли деревню Ланькуръ къ сѣверу отъ дороги Баномъ—Камбрэ. Произведенныя днемъ Германцами сильныя контръ-атаки въ вост. и сѣв.-зап. направленіи были отбиты.

Артиллерія обѣихъ сторонъ развивала значительную дѣятельность къ востоку отъ Невилль-Сенъ-Вааста и Армантьера.

Въ С.-А. С. Штатахъ призвано 14 полковъ національной гвардіи. Личный составъ флота увеличенъ до 87 тысячъ человекъ.

15-го марта изъ Ставки сообщено:

На западномъ фронтѣ послѣ артиллерійской подготовки, нѣмцы атаковали наши позиціи восточнѣ Иллукста, но были отбиты. Также отбита атака нѣмцевъ сѣверо-западнѣ Поставы. На рѣкѣ Стоходѣ, въ районѣ Боровно, нами была произведена газовая атака.

На румынскомъ фронтѣ южнѣ р. Чабаніоошъ наши войска ведутъ бой за утраченныя 10-го марта позиціи. Южнѣ р. Усы (20 верстъ юго-западнѣ Мойнесчи) противникъ атаковалъ наши позиціи и послѣ упорнаго боя занялъ часть ихъ. Наступленіе незначительныхъ силъ противника вдоль желѣзной дороги Фокшаны—Мерешесчи и вдоль шоссе Фокшаны—Чиуслея отбито.

Отрядъ нашихъ морскихъ самолетовъ произвелъ налетъ на Деркосъ (въ 40 верстахъ сѣверо-западнѣ Константинополя) и сбросилъ до 50 бомбъ на водокачку, питающую Константинополь водой. Въ тотъ же день другой отрядъ нашихъ морскихъ самолетовъ произвелъ налетъ на Тульчу, сбросивъ бомбы.

На ближнемъ востокѣ послѣ сильной артиллерійской подготовки французскій батальонъ завладѣлъ 400 метрами непріятельскихъ траншей въ направленіи горнаго хребта Червена-Стѣна, захвативъ около ста плѣнныхъ.

16-го марта изъ Ставки донесено: на западномъ фронтѣ, сѣвернѣ Станиславова, въ районѣ деревни Ямницы и сѣвернѣ Славентинъ (15 верстъ юго-западнѣ Бржезанъ) были отбиты энергичныя попытки германцевъ наступать.

На румынскомъ фронтѣ наши контръ-атаки южнѣ рѣкѣ Чабаніошъ и Усы, съ цѣлью вернуть потерянные ранѣе позиціи, успѣха не имѣли. Попытки противника наступать вдоль шоссе Фокшаны—Чиуслея отбиты нашимъ огнемъ.

На ближнемъ востокѣ 15-го марта, послѣ ожесточенной артиллерійской подготовки, непріятель атаковалъ французскія траншеи, которыя французами были захвачены 13-го марта на Червена Стена въ районѣ къ западу отъ Монастыря. Эта атака была отражена французскимъ заградительнымъ огнемъ. Во время боя 13-го марта французами захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 29 офицеровъ, а также 6 бомбометовъ и 16 пулеметовъ.

На египетскомъ фронтѣ 14-го марта въ районѣ къ востоку отъ Газе послѣ ожесточеннаго боя англичане разбили турокъ, численность которыхъ опредѣляется примѣрно до 20.000. Взято въ плѣнъ 900 человекъ, въ томъ числѣ одинъ генераль, штабъ 53-й турецкой дивизіи въ полномъ составѣ, нѣсколько германскихъ и австрійскихъ офицеровъ и двѣ гаубицы.

17-го марта изъ Ставки сообщено: на западномъ фронтѣ въ районѣ деревни Голдовичи (20 верстъ юго-восточнѣ Барановичей) въ ночь на 16-е марта нами была произведена газовая атака. Одновременно съ выпускомъ газовъ артиллерія вела огонь по окопамъ противника химическими снарядами. У деревни Мартыновки на Огинскомъ каналѣ противникъ атаковалъ наши позиціи, обстрѣлявъ ихъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Противнику удалось было ворваться въ наши окопы, но контръ-атакой онъ былъ выбитъ и бѣжалъ въ свои окопы.

17-го марта опубликовано слѣдующее воззваніе Временнаго Правительства къ полякамъ, гдѣ заявляетъ: «Вѣрное соглашеніемъ съ союзниками, вѣрное общему съ ними плану борьбы съ воинствующимъ германизмомъ, Временное Правительство считаетъ созданіе независимаго Польскаго государства, образованнаго изъ всѣхъ земель, населенныхъ въ большинствѣ польскимъ народомъ, надежнымъ залогомъ прочнаго мира въ будущей обновленной Европѣ. Соединенное съ Россіей свободнымъ военнымъ союзомъ, Польское государство будетъ твердымъ оплотомъ противъ напора срединныхъ державъ на славянство. Освобожденный и объединенный польскій народъ самъ опредѣлитъ государственнй строй свой, высказавъ волю свою чрезъ Учредительное Собраніе, созданное въ столицѣ Польши и избранное всеобщимъ голосованіемъ: Россія вѣритъ, что связанные съ Польшей вѣками совмѣстной жизни народы получаютъ при этомъ прочное обезпеченіе своего гражданскаго и національнаго существованія».

Опубликовано постановленіе Временнаго Правительства объ отбѣнѣ смертной казни въ Россіи.

18-го марта на французскомъ фронтѣ между Соммой и Уазой происходилъ довольно оживленный артиллерійскій бой въ участкѣ Берэ.

Къ югу отъ рѣки Элеттъ французами произведены успѣшныя атаки противъ непріятельскихъ позицій, въ нѣсколькихъ пунктахъ фронта между Невилль-Сюръ-Марживаль и Врэньи. Французскія войска значительно продвинулись впередъ къ востоку отъ этой линіи и блестящимъ ударомъ, несмотря на энергичное сопротивленіе германцевъ, захватили нѣсколько важныхъ опорныхъ пунктовъ.

На англійскомъ фронтѣ 17-го марта англичанами заняты селенія Рюанкуръ, Сорель-ле-Гранъ и Фонъ. Послѣ упорнаго боя они продвинулись въ мѣстности близъ Андикура.

На итальянскомъ фронтѣ 17-го марта послѣ продолжительной и ожесточенной артиллерійской подготовки, непріятельскій отрядъ пытался штурмовать итальянскія позиціи на Монте-Фаинти, но былъ отраженъ и почти весь уничтоженъ пулеметнымъ огнемъ. Послѣдующія атаки непріятеля были также для него неудачны.

20-го марта изъ Ставки сообщено: съверо-западнѣ горы Капуль нашими развѣдчиками разсѣяна крупная партія противника. Въ районѣ Кирлибабы австрійцы силами до трехъ ротъ, при поддержкѣ артиллеріи, атаковали наши позиціи. Послѣ повторныхъ атакъ австрійцамъ удалось было ворваться въ наши окопы, но контръ-атаками были выбиты и положеніе возстановилось.

На румынскомъ фронтѣ наступленіе противника южнѣ шоссе Якобени-Валепутна отбито артиллерійскимъ огнемъ. Нашей артиллеріей и самолетами сожженъ непріятельскій аэроплатъ въ районѣ Одобесчи.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Алма (25 верстъ юго-западнѣ Гюмишхана) турки безрезультатно атаковали наши позиціи.

22 наши самолета произвели налетъ на Браиловъ. Суда, преслѣдуемая ими, ушли оттуда вверхъ по Дунаю.

На французскомъ фронтѣ 19-го марта французскія войска завладѣли на пространствѣ отъ Айлеттъ до дороги въ Ланъ рядомъ траншей и укрѣпленныхъ

опорных пунктовъ. Къ востоку отъ Невиль-сюръ-Марживаль непріятель былъ отброшенъ до подходовъ къ Во-Айлонъ и Лаффо.

На фронтѣ восточной арміи летчики проявили энергичную дѣятельность. Непріятель бомбардировалъ наши позиціи на Вардарѣ и выпустилъ около 50 снарядовъ по монастырю. Энергичный отвѣтный огонь, открытый нашей тяжелой артиллеріей по непріятельскимъ батареямъ, вызвалъ взрывъ, происшедшій въ участкѣ рѣки Црны.

На англійскомъ фронтѣ преслѣдованіе отступающихъ германцевъ продолжается. Англійской конницей заняты Гюанкуръ, Солькуръ, Виллеръ-Фонъ, Невилль-Бургонвилль.

Въ Месопотаміи преслѣдованіе отступающихъ турокъ продолжается.

20-го марта изъ Ставки донесено: на западномъ фронтѣ сѣверо-восточнѣе Бржезанъ, въ деревнѣ Конюхи, огнемъ нашей артиллеріи были вызваны пожары и взрывы, повидимому складовъ, огнестрѣльныхъ припасовъ.

На румынскомъ фронтѣ южнѣе рѣки Усы противникъ пытался атаковать наши позиціи, но былъ отбитъ.

На кавказскомъ фронтѣ на пенджвинскомъ направленіи въ районѣ селенія Гангаджи (15 в. южнѣе Бана) нашими войсками отбито наступленіе Турокъ. На ханыкинскомъ направленіи наши войска заняли Міантагъ, Пайтахтъ, Серпуль и преслѣдуютъ турокъ, отступающихъ на Касриширинъ.

На Черномъ морѣ нашъ миноносецъ уничтожилъ у анатолійскихъ береговъ двѣ груженныя баржи и артиллерійскимъ огнемъ разрушилъ въ районѣ Керасунда два ангара.

На итальянскомъ фронтѣ 20-го марта дѣятельность артиллеріи въ горныхъ районахъ была затруднена обильнымъ выпаданіемъ снѣга, но въ долинѣ Адидже артиллерійскій огонь былъ весьма значителенъ. Непріятель нѣсколько разъ бомбардировалъ Алу снарядами большого калибра, нанеся поврежденія городу. Итальянскія батареи успѣшно отвѣчали на огонь, обстрѣлявъ военныя зданія въ Ривѣ, Риверто и Вилла-Лагаринѣ.

20-го марта русскіе и британскіе отряды вошли въ соприкосновеніе на лѣвомъ берегу Діалы. Турецкія войска, находившіяся въ этомъ районѣ, отступили по направленію къ Кифри.

21-го марта изъ Ставки донесено: на западномъ фронтѣ южнѣе Иллукта, по обѣ стороны Поневѣжской желѣзной дороги и въ районѣ Шельвовъ—Войнинъ (35 верстъ юго-восточнѣе Владиміръ-Волынскаго), отбиты сильныя атаки германцевъ.

Въ Месопотаміи попытки турокъ окружить англійскія войска въ районѣ Шерабанъ (Дельтауэ) потерпѣли неудачу. Турки, наступающіе отъ Дели-Абаса, отброшены англійскими войсками и отступаютъ на Кифри.

17-го марта англичане достигли района Кизиль-Робатъ—Абу-Зенабилъ, гдѣ ведутъ бой съ турками.

Въ районѣ рѣки Шатъ-Эль-Адеймъ англійскія войска разбили двѣ турецкія дивизіи.

На англійскомъ фронтѣ 21-го марта англичане снова значительно продви-

нулись въ различныхъ пунктахъ того фронта, на которомъ происходитъ ихъ наступленіе.

Утромъ къ сѣверо-востоку отъ Сави они захватили деревни Франсильи, Селанси, Селанси и Ольнонь и находятся въ разстояніи менѣе двухъ миль отъ Сэпъ-Кантэча. Они также заняли Сэпъ-Кантенскій лѣсъ, Вильшолль и Бьскуръ. Мы выдвинули свои посты вплоть до фермы Оклеттъ, въ двухъ миляхъ къ востоку отъ Эдикура.

Англичане также захватили деревни Дуаньи, Луверваль, Норейль, Лонгетъ, Эку-Сэнь-Мень и Круазиль.

Президентъ Вильсонъ потребовалъ отъ конгресса объявленія о состояніи войны между С.-А. С. Штатами и Германіей.

Опубликовано постановленіе Временнаго Правительства объ отмѣнѣ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ границей.

22-го марта изъ Ставки сообщено: 21-го марта съ 4 часовъ противникъ открылъ сильный артиллерійскій огонь по нашему плацдарму на лѣвомъ берегу Стохода въ районѣ Старое Червище—Геленинь и по переправамъ черезъ рѣку; огонь велся частью химическими снарядами. Въ то же время непріятель выпустилъ съ участка Геленинь—Боровно до 13 газовыхъ волнъ. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня нѣмцы перенесли въ наступленіе на фронтѣ Тоболы—Геленинь и потѣснили наши войска, причемъ часть германцевъ прорвалась къ переправамъ черезъ Стоходъ, въ районѣ сѣверо-восточнѣе Геленинь, поставивъ въ тяжелое положеніе наши лѣвофланговые части, оборонявшія плацдармъ.

Въ виду создававшагося положенія наши войска, подъ натискомъ противника, отведены на правый берегъ Стохода, причемъ нѣкоторые изъ частей понесли большія потери. Наша артиллерія удачно обстрѣляла непріятельскій поѣздъ, проходившій у деревни Свидники (на линіи Ковель—Ровно). Наши партизаны атаковали противника, производившаго работы по укрѣпленію позицій въ районѣ 9 верстъ западнѣе Рафаилова, преодолѣли проволочныя загражденія, заняли три ряда окоповъ и перекололи австрійцевъ.

На румынскомъ фронтѣ нѣсколько развѣдывательныхъ партій противника трижды пытались приблизиться къ окопамъ румынъ въ районѣ юго-восточнѣе Моноштырка—Кашинуль, но каждый разъ отгонялись ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Въ районѣ Тульчи (Добруджа) болгары сдѣлали попытку переправиться на ялопкахъ черезъ Георгіевскій рукавъ Дуная, но были отбиты нашимъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ наши части продолжали преслѣдованіе турокъ на ханыкинскомъ направленіи.

На Черномъ морѣ нашими миноносцами въ западной части Чернаго моря утоплены двѣ турецкія шхуны, груженныя зерномъ.

На французскомъ фронтѣ къ востоку и къ западу отъ Соммы французы продолжали продвигаться впередъ на всемъ участкѣ фронта, на которомъ накатунѣ повели наступленіе.

Въ теченіе дня 22-го марта, несмотря на снѣжную бурю и глубокую грязь, французскія войска продолжали тѣснить непріятеля на всемъ фронтѣ Соммы Узасы и отбросили его съ господствующей позиціи, имѣющей весьма важное

значеніе, на линіи деревень Грюжи, Ювиллера и Муа-на-Уазѣ, стремительнымъ натискомъ захваченной французскими войсками.

Къ сѣверу отъ фермы Фоли германцы, отбитые атакой французскихъ солдатъ, поспѣшно очистили три линіи окоповъ.

Комиссія по иностраннымъ дѣламъ американскаго конгресса одобрила резолюцію, провозглашающую существующимъ состояніе войны съ Германіей.

23-го марта изъ Ставки донесено: на западномъ фронтѣ послѣ неудачнаго для насъ боя 21-го марта за плацдармъ на лѣвомъ берегу рѣки Стохода, въ районѣ Тоболю—Геленинъ, наши части заняли правый берегъ Стохода. Противникъ ведетъ рѣдкій артиллерійскій огонь. По донесеніямъ войсковыхъ начальниковъ двухъ полковъ пятой стрѣлковой дивизіи вышло на правый берегъ Стохода только нѣсколько десятковъ людей; оба командира полковъ убиты. Третій полкъ этой дивизіи отошелъ въ половинномъ составѣ. Отъ двухъ полковъ другихъ двухъ полевыхъ дивизій вышло изъ боя по нѣсколько сотъ человекъ отъ каждаго полка. Остальные полки пострадали въ меньшей степени. 22-го марта, въ 18 часу, противникъ открылъ сильный артиллерійскій огонь по участку Пеняки—Чепеле—Звиженъ (золочовское направленіе), обстрѣливая окопы первой и второй линіи, а также весь тылъ.

На кавказскомъ фронтѣ на ханыкинскомъ направленіи нашъ конный отрядъ занялъ Касриширигъ, Ханыкинъ и ведетъ бой у селенія Декке, сѣверо-западнѣ Ханыкина, съ турецкимъ арріергардомъ, пытающимся насъ задержать на переправѣ черезъ рѣку Діалу. Для связи съ англичанами выслана сотня изъ Ханыкина въ Кызылрабату.

Ночью французскіе развѣдочные отряды продвинулись къ сѣверу отъ Гоши и къ сѣверу отъ Муа до непріятельскихъ линій.

На англійскомъ фронтѣ послѣ ожесточеннаго боя англичане овладѣли деревнями Ронсуа и Бассбулонъ и, несмотря на энергичное сопротивленіе непріятеля, продолжали свое наступленіе къ востоку и сѣверо-востоку отъ Метцъ-анъ-Кутюръ и достигли западной и юго-западной опушекъ лѣса Гузокуръ и Авренкуръ.

Сенатомъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ принята резолюція объ объявленіи войны Германіи.

24-го марта изъ Ставки сообщено: на западномъ фронтѣ послѣ сильной артиллерійской подготовки, частью химическими снарядами, перешедшимъ въ наступленіе нѣмцамъ удалось знять часть нашихъ окоповъ восточнѣ Плаканенъ (20 верстъ южнѣ Риги); нашей контръ-атакой противникъ былъ битъ, и положеніе восстановлено.

На румынскомъ фронтѣ на быстрицкомъ направленіи противникъ послѣ артиллерійской подготовки пытался атаковать нашу позицію между шоссе Якобени—Валепутна и желѣзной дорожкой, но былъ отброшенъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. 22-го марта противникъ, послѣ сильнаго обстрѣла артиллеріей участка нашей позиціи между устьемъ рѣки Рымникъ и деревней Крендшени, дважды атаковалъ окопы южнѣ деревни Герлесчи и оба раза былъ отбитъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

На Черномъ морѣ наши гидроаэронавы, подъ огнемъ непріятельскихъ

батарей, произвели боевой налетъ на Босфоръ, сбросивъ удачно бомбы на форты; всѣ аппараты благополучно вернулись къ своимъ судамъ, которые были атакованы непріятельскими аэропланами.

На Ближнемъ Востокѣ на французскомъ фронтѣ отражено пять германскихъ атакъ на Червена-Стена къ западу отъ Монастыря.

На французскомъ фронтѣ въ районѣ къ югу отъ Уазы французы значительно продвинулись къ сѣверу отъ Ландрикура.

На французскомъ фронтѣ въ Реймсѣ французы продолжали продвигаться впередъ съ помощью ручныхъ гранатъ къ востоку отъ Салиньеля. Германцы ожесточенно обстрѣливали городъ Реймсъ.

На англійскомъ фронтѣ въ теченіе ночи и дня 23-го и 24-го марта англійскіе летчики развили энергичную дѣятельность, совершая непрерывныя нападенія на германскія линіи сообщенія въ глубокомъ тылу и нападаая на германскіе боевые летательные аппараты далеко за германскими линіями.

24-го марта президентъ Вильсонъ подписалъ резолюцію о войнѣ, а также объявленіе о состояніи войны съ Германіей.

25-го марта донесено: на западномъ фронтѣ сѣвернѣе Брезжаны въ районѣ Адгустовка-Конюхи послѣ артиллерійской подготовки противникъ атаковалъ наши позиціи, но былъ отбитъ. Юго-западнѣе Брезжаны, въ районѣ Липица Дольная, взрывомъ нашего горна разрушены непріятельскіе окопы, которые немедленно были захвачены нашими развѣдчиками.

Послѣдовавшія со стороны противника контръ-атаки были отбиты. Въ этомъ же районѣ нами была произведена газовая атака. Западнѣе гор. Томпатикъ крупная партія противника при поддержкѣ минобомбометнаго и артиллерійскаго огня ворвалась было въ наши окопы, но штыковой контръ-атакой была выбита.

На Кавказскомъ фронтѣ, на Ханыкинскомъ направленіи, наши войска ведутъ бой въ районѣ Декке (сѣверо-западнѣе Ханыкина). У Кизылрабата наши войска соединились съ англійскими.

Въ связи съ неудачей на Стоходѣ военный министръ А. И. Гучковъ отрѣшилъ отъ командованія командующаго арміей генерала Леша и командующаго корпусомъ ген. Янушевскаго.

На французскомъ фронтѣ къ востоку и западу отъ Соммы въ районѣ Даллонъ-Грюжи велся энергичный артиллерійскій бой. Къ сѣверу отъ Ландрекура французы вновь продвинулись.

На лѣвомъ берегу Мааса Французы успѣшно произвели внезапное нападеніе на Авокурскій лѣсъ, причемъ разрушили непріятельскія укрѣпленія и захватили боевые припасы.

Турція, чтобы спасти положеніе, Халилу-пашѣ отправила 11 полковъ.

26-го марта изъ Ставки сообщено: На западномъ фронтѣ, юго-восточнѣе Брезжанъ, противникъ дважды атаковалъ наши позиціи, но оба раза былъ отбитъ. Наступленіе противника силою до батальона въ районѣ юго-западнѣе г. Томпатикъ отбито ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

На румынскомъ фронтѣ наступленіе противника въ районѣ Монестирка—Кашенуль (20 верстъ южнѣе Окна) отбито румынскими войсками.

и*

Въ Черномъ морѣ нашимъ миноносцемъ высаженъ десантъ у устья рѣки Терме (5 верстъ восточнѣ Самсуна), которымъ сожженъ турецкій наблюдательный постъ. Этимъ же миноносцемъ въ Трапезундъ приведено 10 парусныхъ шхунъ съ цѣннымъ грузомъ. Въ районѣ Босфора нашей подводной лодкой уничтожена парусная шхуна.

На англійскомъ фронтѣ въ теченіе ночи въ окрестностяхъ Сень-Кантена англичане продвинулись въ нѣсколькихъ пунктахъ между деревнями Селанси и Жанкуръ и достигли окрестностей Френи-ле-Пети. Артиллерія обѣихъ сторонъ проявила сегодня энергичную дѣятельность въ окрестностяхъ Арраса, въ участкѣ Ипра.

На англійскомъ фронтѣ, 27-го марта въ 5 час. 30 мин. утра, англичане произвели атаку на большомъ протяженіи фронта. Отъ пункта южнѣ Арраса до пункта къ югу отъ Ланса войска ихъ проникли въ непріятельскія линіи и значительно продвинулись впередъ на всѣхъ участкахъ.

Въ направленіяхъ Камбрэ англичане овладѣли селеніями Эрми и Бурси и проникли въ лѣсъ Авренкуръ. Въ направленіи Сень-Кантена они захватили Пренуа-ле-Пти и продвинули свою линію къ востоку отъ Вернье, захвативъ много плѣнныхъ.

27-го марта сраженіе, начавшееся наканунѣ до восхода солнца на фронтѣ протяженіемъ, широко говоря, отъ Сень-Кантена до мѣстности противъ Ланса, продолжается съ тѣмъ же напряженіемъ. Успѣхъ сраженія клонится въ сторону англичанъ. Британскія войска значительно продвинулись впередъ и захватили большое количество плѣнныхъ, которые прибываютъ непрерывно. Къ полдню число плѣнныхъ, взятыхъ въ районѣ одной арміи, насчитывалось свыше 3.500 человекъ.

На итальянскомъ фронтѣ у Карсо итальянцы во многихъ пунктахъ принудили непріятеля отодвинуть назадъ свои аванпосты и прочно укрѣпились на одномъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ.

28-го марта изъ Сгавки сообщено: На Кавказскомъ фронтѣ, на пенджвинскомъ направленіи наши войска, сбивъ турокъ съ позицій въ районѣ села Нирванъ (20 верстъ юго западнѣ Бана), продолжаютъ дальнѣйшее наступленіе. На ханькинскомъ направленіи наши войска заняли Кызылрабатъ (40 верстъ юго-западнѣ Ханькина).

На Ближнемъ Востокѣ артиллерійскій бой имѣлъ чрезвычайно оживленный характеръ въ участкѣ Монастыря и рѣки Црны. Юслѣ сильной артиллерійской подготовки изъ тяжелыхъ орудій одинъ изъ германскихъ батальоновъ атаковалъ русскія войска, но былъ сразу же остановленъ пулеметнымъ огнемъ у проволочныхъ загражденій.

На англійскомъ фронтѣ въ теченіе ночи продолжался упорный бой на сѣверной части горнаго хребта Вими, откуда уже непріятель былъ выбитъ, восточный склонъ этого хребта былъ очищенъ отъ непріятеля и его контръатаки отражены. Англійскія войска продвинулись впередъ и овладѣли деревней Фампу и окрестными укрѣпленіями къ сѣверу и югу отъ рѣки Скарпъ. Число плѣнныхъ, взятыхъ за 27-го марта, превышало 9.000. Кромѣ того, захвачено болѣе 40 орудій.

Въ окрестностях Сень-Кантена непріятель былъ оттѣсненъ съ занятой имъ возвышенной мѣстности между Левергье и Аржекурюмъ.

Днемъ 28-го марта военныя операціи успѣшно продолжались согласно выработанному плану. Повсюду войска штурмомъ овладѣвали германскими укрѣпленіями, начиная отъ Генспь-сюръ-Кожель впрѣдъ до южныхъ подступовъ къ Жеванши-анъ-Госелль, проникнувъ въ глубь германскихъ линій на 2—3 мили и продолжая начатое наступленіе.

На этомъ фронтѣ англичане рано утромъ завладѣли выдвинутыми впередъ германскими укрѣпленіями, въ томъ числѣ и гребнемъ Вими, захваченнымъ канадскими войсками.

Эта система укрѣпленій охватываетъ цѣлую сѣть траншей и укрѣпленныхъ мѣстностей, а именно Невилль, Витассъ, телеграфный холмъ Тиллуа-ле-Мофленъ и наблюдательную высоту Сень-Лоранъ, Бланьи-ле-Тиллеръ и ферму Ла-Фоли.

Далѣе английскія войска, продвигаясь впередъ, завладѣли тыловыми германскими укрѣпленіями, въ числѣ которыхъ находится и могущественная система траншей и укрѣпленныхъ мѣстности Уши-Шапель, Шени, редуть Гидрабадъ и Атиссъ-анъ-Телюсъ. Захвачено большое количество плѣнныхъ и военныхъ припасовъ.

28-го марта Временное Правительство о цѣляхъ войны выпустило слѣдующее воззваніе, въ которомъ заявило:

«Оборона во что бы то ни стало собственного родного достоянія и избавленіе страны отъ вторгнувшагося въ наши предѣлы врага—первая насущная и жизненная задача нашихъ воиновъ, защищающихъ свободу народа. Предоставляя волю народа въ тѣсномъ единеніи съ нашими союзниками окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные съ міровою войною и ея окончаніемъ, Временное Правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нынѣ же заявить, что цѣль свободной Россіи—не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ національнаго ихъ достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи за счетъ другихъ народовъ, онъ не ставитъ своею цѣлью ничего поработенія и униженія. Во имя высшихъ началъ справедливости имъ сняты оковы, лежащія на польскомъ народѣ. Но русскій народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы униженной и подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ. Эти начала будутъ положены въ основу внѣшней политики Временнаго Правительства, неуклонно проводящей волю народную и ограждающей права нашей родины, при полномъ соблюденіи обязательствъ принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ».

29-го марта изъ Ставки донесено: на западномъ фронтѣ, въ ночь на 28-е марта, крупная партія противника сбила наше сторожевое охраненіе въ районѣ Вулька-Порская, 18 в. сѣвернѣе Рожища, и заняла было передовые окопы, но нашимъ артиллерійскимъ огнемъ была выбита и прогнана.

На кавказскомъ фронтѣ, въ районѣ Райята (южнѣе Ушнуэ), наши войска ведутъ упорный бой съ турками.

На французскамы фронтѣ, къ сѣверу и югу отъ Уазы и къ югу отъ Эллеты наблюдалась дѣятельность артиллеріи обѣихъ сторонъ.

На англійскомъ фронтѣ утромъ близъ Монши-ле-Прэ англичане отразили двѣ германскія контръ-атаки на наши новыя позиціи.

29-го марта утромъ захвачены англичанами и высоты Меш-ле-Прэ и Ла-баржеръ. На другихъ пунктахъ линіи боя они также достигли успѣха.

На французскомъ фронтѣ, къ югу отъ Уазы, непріятель послѣ сильной бомбардировки оттѣснилъ одинъ изъ французскихъ отрядовъ къ сѣверо-востоку отъ Верневель близъ Куси, но былъ немедленно выбитъ изъ нашихъ позицій контръ-атакою.

Усиленная артиллерійская дѣятельность происходила въ районѣ Берри-о-Бакъ и Ла-Помпелль, а также на различныхъ пунктахъ фронта Шампани. Въ Лепрестрекомъ лѣсу мы успѣшно обстрѣляли разрушительнымъ огнемъ непріятельскія укрѣпленія.

Между Соммой и Уазой съ ожесточенностью продолжался въ теченіе ночи артиллерійскій бой, въ особенности въ районѣ Юрвиллера. Къ югу отъ Уазы французскія войска послѣ артиллерійской подготовки атаковали позиціи германцевъ къ востоку отъ линіи Куси—Ла-Кенси—Бассъ. Послѣ оживленнаго боя они оттѣснили германцевъ къ юго-восточной опушкѣ лѣса Куси.

Французы завладѣли нѣсколькими опорными пунктами, несмотря на сопротивленіе германцевъ, оставившихъ на полѣ сраженія множество труповъ и потерявшихъ нѣкоторое число плѣнными.

Къ востоку отъ Сапинвеля французы энергичной атакой отбили у германцевъ послѣдніе участки траншей, которые еще оставались въ ихъ рукахъ съ 22 марта. Такимъ образомъ французская линія полностью возстановлена. Въ Шампани два внезапныхъ нападенія, произведенныхъ германцами въ участкахъ Виль-Сюръ-Турбъ и Менильскаго холма, были отражены огнемъ, нанесшимъ непріятелю значительныя потери.

Въ Месопотаміи 28-го марта генераль Модъ, отведя назадъ отряды, выдвинутыя на правый берегъ Діалы, привлекъ большую часть непріятельскихъ силъ, находившихся съ этой стороны въ направленіи къ Дельтаву.

Въ теченіе ночи съ 28-го на 29-ое марта англійскія войска продвинулись въ направленіи къ Діалу и утромъ 29-го марта атаковали непріятеля, который былъ отброшенъ со своихъ выдвинутыхъ позицій близъ Галиаха въ 10 миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Дальтевы. Рано утромъ 30 марта непріятель отступилъ на 6 миль въ направленіи къ сѣверо-востоку на Серайжикъ.

Въ теченіе дня 30 марта и въ ночь на 31-ое марта операціи продолжались успѣшно.

На французскомъ фронтѣ, 30-го марта утромъ между Соммой и Уазою французскія войска атаковали германскія позиціи къ югу отъ Сентъ-Кантена и заняли нѣсколько линій окоповъ, между Соммою и дорогою отъ Ля-фера до Сентъ-Кантена. Къ югу отъ Уазы французскія передовыя части продвинулись къ востоку отъ Куси-Ле-Вилль, причѣмъ захвачено много плѣнныхъ и военное снаряженіе. Въ районѣ Эна и въ Шампани происходитъ артиллерійскій бой. Въ районѣ Вердена двѣ германскія атаки были отбиты французскимъ огнемъ.

На Англійскомъ фронтѣ 30-го марта, рано утромъ англичане атаковали

и завладѣли двумя значительными позиціями, расположенными на непріятельской линіи къ сѣверу отъ хребта Вими, на обоихъ берегахъ рѣки Сушэ.

Англичане нѣсколько продвинулись впередъ къ югу отъ рѣки Скарпъ.

31-го марта изъ Ставки донесено: на западномъ фронтѣ, въ Галиціи, въ районѣ Озерки (сокальское направленіе), и въ районѣ Богородчаны были отбиты непріятельскія атаки.

На французскомъ фронтѣ, къ югу отъ Сень-Кантена сраженіе продолжается впереди позицій, захваченныхъ утромъ французскими войсками. Непріятель оказываетъ энергичное сопротивленіе, а французская артиллерія бомбардируетъ непріятельскія расположенія между Соммой и Уазой.

На англійскомъ фронтѣ, прошлой ночью въ районѣ между Сень-Кантенемъ и Камбрэ англичане послѣ сильнаго боя завладѣли непріятельскими позиціями на обширномъ фронтѣ, простирающемся отъ пункта сѣвернѣе Гаржикура вплоть до Метцанкура. Деревня и лѣсъ Гузокуръ, равно какъ ферма Сартъ и лѣсъ Гоше находятся теперь въ рукахъ англичанъ.

31-го марта англичане расширили свои операціи въ направленіи къ сѣверу. Къ востоку и сѣверу отъ горнаго кряжа Вими ихъ войска оттѣснили непріятеля по всему протяженію фронта отъ пункта къ сѣверу отъ Ла-Скарпа, къ югу до Лоолса.

Ими заняты селенія: Байлеръ, Виллерваль, Вими, Пти-Вими, Живанши-ан-Горрель и Анкръ, а кромѣ того они утвердились въ германскихъ траншеяхъ къ сѣверо-востоку отъ Ланса. Въ этомъ районѣ ими взяты плѣнные и захвачено нѣсколько орудій.

Къ югу отъ дороги въ Аррасъ англичане овладѣли Туръ-де-Ванкуръ на выступѣ къ востоку отъ селенія Ванкуръ и пересѣкли линію Гинденбурга на 7 миль къ юго-востоку отъ Арраса. Они снова продвинулись также въ возвышенной мѣстности къ востоку отъ Левергюйе и въ лѣсу Авренкуръ.

31-го марта днемъ къ югу отъ дороги изъ Арраса въ Камбре англичане взяли при ступомъ селенія Энинель, Ванкуръ и смежныя съ ними укрѣпленныя позиціи германцевъ.

Они перешли рѣку Кожель и заняли высоты на восточномъ берегу рѣки.

Въ теченіе дня—снова продвинулись впередъ къ сѣверу отъ рѣки Скарпы и къ востоку отъ кряжа Вими. Районъ, о занятіи котораго сообщалось сегодня утромъ, къ сѣверу отъ кряжа Вими, ими укрѣпленъ и позиціи ихъ усилены.

Въ Месопотаміи войска генерала Модъ 31-го марта продолжали, несмотря на сильную жару, преслѣдовать турокъ. 2-го апрѣля турки вновь заняли позиціи на холмахъ Джебуль-Хамрина, которыя они оставили 27-го марта.

1-го апрѣля донесено: на западномъ фронтѣ тяжелая артиллерія противника обстрѣливала Броды.

На французскомъ фронтѣ, между Сень Кантенемъ и Уазой французская артиллерія продолжала вести огонь съ цѣлью разрушенія непріятельскихъ позицій. Французскія части укрѣпились на захваченномъ наканунѣ участкѣ.

Къ югу отъ Уазы французы продвинулись на плато къ сѣверо-востоку отъ Кенси-Бассъ. Французская артиллерія подвергла ожесточенному обстрѣлу

неприятельскія сооруженія въ Сэнт-Губэнскомъ лѣсу и въ верхней части лѣса Куси, къ сѣверу отъ Эны, а также въ районѣ Реймса.

Послѣ ожесточеннаго боя англичане овладѣли ночью деревнею Фэйзъ въ 1.600 метрахъ къ сѣверо-западу отъ Сень-Кантена. На высотахъ къ востоку отъ Леверге они захватили важныя позиціи, ферму Ассансьонъ и ферму Гранъ-Пріель.

Они продвинулись также къ сѣверу отъ дороги Вапомъ—Камбрэ въ направленіи на Кеанъ.

Къ сѣверу отъ рѣки Скарпы неприятель подъ непрерывномъ напоромъ англійскихъ войскъ долженъ былъ еще отступить. Англичане захватили станцію Вими и Лашодьеръ, а также неприятельскія позиціи близъ канавы № 6 и мельницы Бюкэ между Живанши-въ-Гоэли и Антромъ. Въ числѣ взятыхъ англичанами въ этомъ районѣ орудій 4 восьмидюймовыхъ гаубицы.

Участокъ территории, которымъ англичане завладѣли путемъ послѣднихъ операций, нынѣ связанъ съ позиціями, отбитыми у неприятеля въ бою у Лооса.

1-го апрѣля неприятель предпринялъ атаку на Монши-ле-Прэ съ большою рѣшимостью.

Съ 27 марта британцами захвачено 13 тысячъ пѣхннхъ, 166 орудій, 84 мортиры и 250 пулеметовъ.

Итальянская артиллерія проявляла оживленную дѣятельность въ долинѣ Лагарины (Адидже). Неоднократно подвергались обстрѣлу желѣзнодорожная станція Кальяно и поѣзда, двигавшіеся близъ этой станціи. Огнемъ итальянской артиллеріи вызванъ взрывъ склада снарядовъ.

На Влижнемъ Востокѣ частичное наступленіе, произведенное ночью 2 апрѣля неприятелемъ близъ Тырнова, къ западу отъ Монастыря, не увѣчалось успѣхомъ. Между Вардаромъ и озеромъ Пресна и въ частности близъ Червена-Стена велся оживленный артиллерійскій бой. Неприятельской бомбардировкой въ Монастырѣ разрушено 17 домовъ. Отряды комитаджіевъ при поддержкѣ австрійскихъ частей пытались повести наступленіе въ районѣ къ западу отъ Корицы, но были отбиты.

Британскіе летчики успѣшно атаковали аэродромъ въ Драмѣ. Итальянскіе летчики отогнали неприятельскій воздушный отрядъ, пытавшійся бомбардировать участокъ итальянскихъ войскъ.

На англійскомъ фронтѣ 2-го апрѣля утромъ англичане заняли городъ Льевенъ, расположенный къ югу-западу отъ Ланса, овладѣли городомъ Сэнь-Пьерромъ къ сѣверо-западу отъ Ланса и продолжали продвигаться на всемъ участкѣ фронта, начиная съ пункта къ югу отъ Лооса до береговъ Скарпы, и достигли линіи, проходящей въ разстояніи отъ двухъ до трехъ миль къ востоку отъ кряжа Вими.

Къ югу отъ Скарпы въ теченіе всего дня происходили оживленные бои, въ которые германцами были введены сильные резервы. Атаки и контръ-атаки быстро чередовались. Англійскія войска повсюду удержались на занятыхъ позиціяхъ и нанесли неприятелю тяжелыя потери.

Въ теченіе дня англичане вновь продвинулись на обширномъ участкѣ фронта къ сѣверу и къ югу отъ дороги Вапомъ—Камбрэ. Произошелъ рядъ ожесточен-

ныхъ боевыхъ столкновений, которыя всё окончились въ пользу англичанъ, и они продвинулись къ югу и востоку отъ Фэйэ, подойдя на разстояніе въ нѣсколько сотъ ярдовъ къ Сентъ-Каштену. Штыковымъ ударомъ они заняли деревню Грикуръ.

Германскіе обозы и отряды пѣхоты были обстрѣляны англійскими летчиками изъ пулеметовъ.

На бельгійскомъ фронтѣ ночью послѣ сильной артиллерійской подготовки бельгійскія войска проникли въ Диксмуде до второй линіи непріятельскихъ окоповъ, которая оказалась не занятой. На всемъ фронтѣ бельгійской арміи 2-го апрѣля происходилъ интенсивный артиллерійскій бой.

3-го апрѣля Ставка извѣстила: на западномъ фронтѣ нашими развѣдчиками взорванъ мостъ черезъ р. Стыръ у л. Лясово (20 верстъ сѣверо-западнѣ Броды). Въ Галиціи, на различныхъ участкахъ фронта армій, были обнаружены попытки небольшихъ группъ противника съ флагами въ рукахъ приблизиться къ нашимъ позиціямъ. Обстрѣливаемыя нашимъ огнемъ эти группы быстро скрывались въ свои окопы.

На румынскомъ фронтѣ послѣ артиллерійской подготовки противникъ атаковалъ наши позиціи въ районѣ г. Ботошу. Ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ противникъ былъ отбитъ.

На Черномъ морѣ у Босфора нашей подводной лодкой уничтожена турецкая моторная лодка и двѣ груженныя шхуны.

На французскомъ фронтѣ между Сентъ-Кантенемъ и Уазой французы продолжали обстрѣливать германскія оборонительныя сооруженія; непріятель оживленно отвѣчалъ въ районѣ къ югу отъ Сентъ-Кантена.

Къ югу отъ Уазы французы продолжали продвигаться въ восточномъ направленіи по плоскогорью между Баризисомъ и нижнимъ Менши, занявъ новые опорные пункты непріятеля.

Въ Альзасской долинѣ французскіе ряды въ шести мѣстахъ достигли второй непріятельской линіи, нанеся непріятелю серьезныя потери, и захватили плѣнныхъ и военную добычу.

Къ югу отъ Уазы французы снова нѣсколько продвинулись по плоскогорью къ востоку отъ линіи Баризисъ—Нижній Кенси.

Между Суассономъ и Рейсомъ послѣ артиллерійской подготовки, продолжавшейся нѣсколько дней, 3-го апрѣля утромъ французы атаковали германскія линіи на фронтѣ протяженіемъ приблизительно въ 40 километровъ. Французскія войска овладѣли второй непріятельской позиціей къ югу отъ Жювенкура. Еще далѣе къ югу французы продвинули свои линіи до западной окраины Беръ-Мерикура и до Энекаго канала отъ Луавра до Курси. Ожесточенныя контръ-атаки непріятеля были отражены.

На англійскомъ фронтѣ 3-го апрѣля возобновились бои къ сѣверо-западу отъ Сентъ-Кантена. Во время этихъ боевъ англичане продвинулись въ районѣ Авранкурскаго лѣса и къ востоку отъ Лиевена, гдѣ ихъ войска подходятъ къ предмѣстьямъ Ланса.

Въ теченіе дня произошелъ рядъ упорныхъ боевъ.

Минувшей ночью англичане овладѣли селеніемъ Виллеръ къ юго-востоку отъ Ардикура и продвинулись далѣе къ сѣверо-западу отъ Ланса.

4-го апрѣля изъ Ставки доложено: на западномъ фронтѣ въ ночь на 2 апрѣля въ районѣ Кухары нами была произведена газовая атака. Высланные послѣ выпуска газовыхъ волнъ развѣдчики были встрѣчены пулеметнымъ огнемъ противника.

На французскомъ фронтѣ: между Суассономъ и Реймсомъ французскія войска укрѣпились на захваченныхъ позиціяхъ. Въ районѣ Энъ сильная контръ-атака, произведенная германцами противъ французскихъ новыхъ линій, была отражена заградительнымъ и пулеметнымъ огнемъ, отъ котораго непріятель понесъ большія потери. Въ участкѣ Курси контръ-атаки, произведенныя непріателемъ, были также отбиты.

Число плѣнныхъ, захваченныхъ англичанами съ утра 27 марта, превосходить въ настоящее время 14.000 человекъ, число захваченныхъ орудій достигаетъ 194.

Между Суассономъ и Оберивомъ французы энергично продолжали наступленіе на различные пункты, несмотря на продолжающуюся плохую погоду. Въ западной части фронта была произведена атака. Французскія операціи были увѣнчаны еще болѣе блестящимъ успѣхомъ къ сѣверу отъ Шавона. Здѣсь французскими войсками занято селеніе Остель, и непріятель отброшенъ на одинъ километръ къ сѣверу. Французами также заняты Вре-ан-Ланнуа, равно какъ вся мѣстность къ востоку до подходовъ къ Куртакону. Подъ энергичнымъ натискомъ ихъ пѣхоты и убійственнымъ огнемъ артиллеріи непріятель отступилъ въ беспорядкѣ, бросивъ значительные запасы снаряженія и склады провіанта.

Къ югу отъ Лафо французскимъ войскамъ, прикрытымъ съ юга дивизионной кавалеріей, удалось стѣснить непріятеля и занять Нантейль-Лафосъ. Наконецъ, на южномъ берегу Эна энергичной атакой удалось овладѣть предместнымъ укрѣпленіемъ, возведеннымъ непріателемъ между Кондъ и Вайи, равно какъ и и этими двумя селеніями. Лѣсъ Виль-о-Буа, являвшійся важнымъ, укрѣпленнымъ пунктомъ, французами былъ окруженъ, и непріятель былъ вынужденъ положить оружіе. Взято 1300 плѣнныхъ и захвачено 180 пулеметовъ, которыми защищался этотъ лѣсъ.

Около 4 час. 30 мин. дня германцы, въ составѣ двухъ дивизій, произвели ожесточенную контръ-атаку на французскія позиціи между Жювенкуромъ и Эномъ. Атака была отбита заградительнымъ и пулеметнымъ огнемъ и непріятель понесъ жестокія потери, нигдѣ не достигнувъ французскихъ линій. Къ востоку отъ Курси эти успѣхи были завершены подвигомъ русской бригады, овладѣвшей укрѣпленіемъ и захватившей плѣнныхъ.

Въ теченіе операціи во всемъ этомъ районѣ французами захвачено 24 тяжелыхъ и полевыхъ орудій. Три 150-миллиметровыхъ орудія, при которыхъ оказалось по тысячѣ снарядовъ на орудіе, были обращены французскими артиллеристами противъ непріятеля.

Въ Шампани французами было сломлено сопротивление непріятеля въ нѣсколькихъ направленіяхъ и заняты непріятельскіе опорные пункты, при чемъ было захвачено 20 орудій, въ томъ числѣ 8 тяжелыхъ, и взято 500 плѣнныхъ.

Общее число взятыхъ французами здоровыхъ плѣнныхъ съ начала сраженія

до настоящего времени превышает 17.000, а число захваченных ими орудий достигает 75.

На английском фронтѣ: въ теченіе ночи англичане достигли новаго успѣха къ востоку отъ Эпети, занявъ селеніе Виллеръ-Гилэнъ и захвативъ плѣнныхъ. У Ланькура они упрочили свое положеніе.

Прошлой ночью английскія войска продвинулись по лѣвому берегу Скарпа къ востоку отъ Фампу и захватили утромъ новый секторъ передовой линіи непріятеля къ юго-востоку отъ Лооса. Взяты плѣнные.

Въ теченіе ночи английскіе воздушные отряды произвели нападенія на поѣздъ, на два автомобильныхъ обоза и на стоявшій на бивуакѣ обозъ, нанеся непріятелю серьезныя потери.

6-го апрѣля французское наступленіе, благопріятно развиваясь, захватываетъ новые районы фронта въ направленіи на югъ.

На линіи Оберивъ—Пріонэ французы заняли двѣ линіи окоповъ, захвативъ при этомъ около 200 пулеметовъ. Въ районѣ Курси, сѣвернѣ Реймса, русскія войска заняли вторую линію окоповъ, захвативъ болѣе 1.000 плѣнныхъ. Въ этомъ районѣ нѣмцы, опасаясь натиска французскихъ войскъ, держали усиленные резервы, которые однако не спасли положенія и принуждены отступить на третью линію позицій.

Къ югу и юго-западу отъ Сень-Клентена артиллерія обѣихъ сторонъ проявила энергичную дѣятельность. На опушкахъ верхней части лѣса Куси происходили столкновенія патрулей, при чемъ французами взяты плѣнные. Между рѣкой Энъ и Шемень-де-Дамъ, французы продолжали продвигаться впередъ къ сѣверу отъ долины Вайи и Остэль.

Въ теченіе ночи на участкахъ Сапийель Дю Года и Ла-Помпелль произошли сильныя бои.

Въ Шампани французы продолжали развивать свой успѣхъ на горномъ массивѣ Моронъ-Виллеръ.

Между Соммой и Уазой довольно сильныя артиллерійскія бои продолжались весь день 6-го апрѣля.

Къ сѣверу отъ рѣки Энъ непріятель, энергично преслѣдуемый французскими войсками, отходить, какъ и вчера, въ направленіи дороги Дамъ.

Въ теченіе дня французы взяли деревни Эзи, Жуи и Лаффо и поддерживаютъ въ этомъ районѣ тѣсное соприкосновеніе съ непріателемъ. Фортъ-Конде также перешелъ въ ихъ руки.

Въ районѣ Гюртебизъ, послѣ сильнаго боя, французы завладѣли опорнымъ пунктомъ къ сѣверу отъ этой фермы и захватили 500 плѣнныхъ и два 105 мил. орудія.

Французы значительно расширили свои позиціи къ сѣверу отъ Высокой Горы, отразивъ двѣ германскихъ контръ-атаки: одну, направленную противъ этого района, а другую—противъ горы Кормидле.

Къ сѣверо-западу отъ Оберива ихъ войска завладѣли блестящей атакой, на фронтѣ протяженіемъ въ два километра, всей системой сильно укрѣпленныхъ траншей, соединяющихъ эту деревню съ лѣсомъ Моронвилліе.

На Ближнемъ Востокѣ 6 го апрѣля непріятель произвелъ въ теченіе дня

нѣсколько атакъ ревогпосцировокъ въ районахъ рѣки Црны и Старавина, предварительно подготовивъ ихъ сильной артиллерійскъй стрѣльбой. Всѣ эти наступательныя дѣйствія были легко французами стражены.

7-го апрѣля, къ югу отъ Сэнъ-Кантена непріятельская артиллерія вела въ теченіе ночи интенсивный огонь, французская артиллерія энергично отвѣчала. Въ районѣ Лафоръ французы значительно продвинулись, причѣмъ отразили нѣсколько контръ-атакъ германцевъ. На плоскогорьѣ Вокларъ и къ юго-востоку отъ Курси они съ боємъ, въ которомъ примѣняли ручныя гранаты, заняли нѣсколько германскихъ окоповъ. Къ востоку отъ Луавра, благодаря успѣшной операціи, они продвинулась и захватили 250 плѣнныхъ.

Въ Шампани непріятель въ теченіе ночи велъ энергичное контръ-наступление. Германцы произвели значительными силами три контръ-атаки въ районѣ Моронвилье. Контръ-атакамъ этимъ предшествовалъ интенсивный артиллерійскій обстрѣлъ французскихъ позицій. Эти контръ-атаки были отбиты заградительнымъ артиллерійскимъ, а также пулеметнымъ огнемъ, при чемъ непріятель понесъ большія потери.

Между Сэнъ Кантенемъ и Уазой артиллерія обѣихъ сторонъ проявила энергичную дѣятельность, особенно въ районѣ къ сѣверу отъ Грюжи. Къ сѣверу отъ рѣки Энъ французскія войска, нападая на непріятеля, продолжали продвигаться въ направленіи къ Шемель-де-Дамъ. Французы заняли деревню Санси.

Около 6 часовъ германцы, послѣ ожесточенной артиллерійской подготовки, произвели противъ района Ай-Гюртебизъ атаку съ участіемъ большихъ пѣхотныхъ силъ, но были совершенно отражены артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ. Въ этомъ районѣ продолжается сильный артиллерійскій бой.

Въ Шампани французы завладѣли важными опорными пунктами на горномъ хребтѣ Моронъ-Виллиеръ, несмотря на упорное сопротивление непріятеля. Начиная съ 3 апрѣля, они взяли въ плѣнъ между Суассономъ и Оберивомъ болѣе 10.000 человекъ. Число захваченныхъ въ это же время орудій превышаетъ 100.

Въ Аргоннахъ, послѣ сильнаго боя, французскіе отряды проникли вплоть до второй непріятельской траншеи, гдѣ нашли множество труповъ.

На англійскомъ фронтѣ 7-го апрѣля англичане снова продвинулись къ востоку отъ Фампу и въ системѣ германскихъ траншей къ юго-востоку отъ Лооса, гдѣ захватили новыхъ плѣнныхъ.

Въ теченіе ночи англичане продвинулись впередъ въ окрестностяхъ Виллеръ-Гюслэнъ.

8-го апрѣля Ставка извѣстила: на Черномъ морѣ нашимъ крейсеромъ разрушены портовые сооруженія въ Керасундѣ и совмѣстно съ нимъ миноносцемъ уничтожены 3 турецкихъ шхуны. Въ районѣ Босфора нашей подводной лодкой потоплены двѣ шхуны.

На Ближнемъ Востокѣ послѣ блестящей атаки французскія войска завладѣли нѣкоторыми частями траншеи, потерянными ими раньше у Червена-Стена. Къ востоку отъ Црны сербы отразили двѣ непріятельскія атаки.

На французскомъ фронтѣ за время съ 7-го апрѣля число плѣнныхъ германцевъ, взятыхъ англо-французскими войсками, достигаетъ болѣе 33.000 человекъ. За тотъ же періодъ взято 300 орудій.

У береговъ Англїи, въ ночь съ 7-го на 8-ое апрѣля, отрядъ, состоявшій изъ пяти германскихъ контръ-миноносцевъ, выпустивъ нѣсколько снарядовъ по воздѣланнымъ полямъ въ окрестностяхъ Дувра, направился къ стоянкѣ нѣсколькихъ британскихъ судовъ, повидимому, съ цѣлью атаковать ихъ, но былъ захваченъ врасплохъ двумя британскими крейсерами, вышедшими изъ Дувра, и послѣ пятиминутнаго боя потерялъ изъ своего отряда два, а можетъ быть три контръ-миноносца. Остальная часть отряда подъ прикрытіемъ темноты на всѣхъ парахъ обратилась въ бѣгство. Съ потопленныхъ контръ-миноносцевъ англійскими крейсерами подобрано 500 германцевъ, въ томъ числѣ 10 офицеровъ. Британскіе крейсера не потерпѣли никакихъ поврежденій и понесли лишь незначительныя потери людьми.

9-го апрѣля изъ Славки сообщено: на западномъ фронтѣ, на владимір-волинскомъ направленіи, въ районѣ Шельвова, рота противника, поддержанная артиллерійскимъ огнемъ, перешла въ наступленіе, но нашимъ ружейнымъ и бомбометнымъ огнемъ была загнана обратно въ свои окопы. Въ районѣ Зборова противникъ выбрасывалъ изъ окоповъ красные и бѣлые флаги и пытался выйти изъ своихъ окоповъ. Нашимъ огнемъ эти попытки были прекращены. Южнѣе Врезжанъ противникомъ былъ взорванъ горнъ. Взрывъ произошелъ въ нейтральной полосѣ между нашими проволочными загражденіями и противника.

На румынскомъ фронтѣ, на кезди-вазирельскомъ направленіи, части противника атаковали наши передовые посты и потѣснили ихъ. Контръ-атакой положеніе восстановлено. Въ районѣ Коту-Люнъ (сѣверо-западнѣе Браилова) наша тяжелая артиллерія удачно обстрѣляла производившій ученье батальонъ противника.

На кавказскомъ фронтѣ, въ Персіи, въ тылу нашихъ войскъ, персы и курды уничтожаютъ наши телеграфныя и телефонныя линіи.

На французскомъ фронтѣ непріятель ожесточенно бомбардировалъ городъ Реймсъ и особенно соборный кварталъ. Въ Шампани непріятель въ теченіе дня произвелъ рядъ атакъ на высоты, которыя французы занимали на горномъ кряжѣ Моронвилье.

На англійскомъ фронтѣ на сѣверномъ берегу рѣки Скарпы англичане въ теченіе ночи закрѣпили занятую ими территорію къ востоку отъ Фампу; къ западу и сѣверо-западу отъ Ланса бой продолжается съ благоприятнымъ для англичанъ результатомъ.

Въ Месопотаміи, ночью на 9-е апрѣля непріятель очистилъ еще оставшуюся у него часть позицій у Истебулата, частями которой и завладѣли англичане и закрѣпили ихъ за собой наканунѣ. Дальнѣйшія военныя дѣйствія англичанъ продолжались столь же успѣшно.

10-го апрѣля изъ Славки донесено: на западномъ фронтѣ, въ районѣ Аа нѣмцы обстрѣливали наши позиціи стеклянными пулями.

На кавказскомъ фронтѣ, въ Персіи, усилились враждебныя дѣйствія со стороны курдовъ по отношенію къ нашимъ войскамъ. 2-го апрѣля у Шерабана (25 верстъ юго-восточнѣе Кызы-Гарабата) арабы напали на нашу сотню, сопровождавшую англійскаго военнаго агента. Сотнѣ удалось пробиться къ Бакубѣ.

На французскомъ фронтѣ въ теченіе ночи артиллерія обѣихъ сторонъ проя-

явила энергичную дѣятельность къ югу отъ Сень-Кантена и между Суассономъ и Реймсомъ. Къ востоку отъ Краннъ непріятель производилъ ожесточенную бомбардировку, подготавливая атаку, однако энергичный отвѣтный огонь французскихъ батарей не позволилъ непріятелю осуществить атаку. Французы успѣшно отбили еще нѣсколько германскихъ атакъ.

Въ Египтѣ англійскія войска закрѣпляютъ за собою мѣстность, захваченную въ послѣднихъ бояхъ, и поддерживаютъ соприкосновеніе съ непріятелемъ у Газа. Непріятельская позиція простирается отъ моря, начинаясь близъ Шейхъ-Ахмеда, пересѣкая Алимунтеръ, направляясь къ востоку отъ города, и оттуда тянется въ южномъ направленіи къ Абухареира.

Между Турціей и С.-А. С. Штатами прерваны дипломатическія сношенія.

На англійскомъ фронтѣ въ Месопотаміи послѣ продолжительнаго боя на правомъ берегу Тигра выше Истабулата утромъ 10-го апрѣля англичане овладѣли Самаррой, захвативъ въ числѣ прочей добычи 16 локомотивовъ и 200 платформъ, большею частью исправныхъ, и 2 баржи, полныхъ военныхъ снаряженій. Во время происшедшихъ боевъ потери непріятеля были чрезвычайно велики.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 11-го апрѣля, въ районѣ Юртебиза происходилъ жестокой артиллерійскій бой. Отъ долины Фулона и Крана частичными дѣйствіями французамъ удалось продвинуться впередъ и упрочить свои позиціи на плоскогоріи Шемень де Дамъ и въ направленіи къ Жювенкуру, гдѣ ими занятъ германскій постъ. За день на всемъ фронтѣ главнымъ образомъ происходили артиллерійскія дѣйствія.

На англійскомъ фронтѣ англичанами захвачены селенія Виллеръ, Шлоншъ и Боканъ. Сильный бой продолжался 10-го апрѣля вечеромъ и съ перерывами въ теченіе ночи по всему фронту отъ Круазель до пункта къ сѣверу отъ Гаврель. Непріятель повторно предпринималъ контръ-атаки, окончившіяся безрезультатно, но производившіяся съ большою настойчивостью, не считаясь съ потерями. Захваченныя англичанами вчера позиціи они продолжали удерживать за собою.

Англичане снова продвинулись къ востоку отъ Монши-ле-Прэ и близъ Рэ. Особенно ожесточенная контръ-атака непріятеля, предпринятая имъ рано утромъ на деревню Гаврель, отражена. Къ югу отъ дороги Вапэмъ-Каморэ англійскія войска въ теченіе ночи захватили мѣстность на широкомъ фронтѣ отъ Энеги и достигли Сень-Кантенскаго канала, близъ Вондюиля.

Генераль Макензенъ принялъ на себя верховное командованіе турецкими силами въ Азіи.

На англійскомъ фронтѣ въ Месопотаміи во время операцій за 8-е и 9-е апрѣля англичанами захвачено въ общемъ 687 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 20 офицеровъ, а также одно 5-дюймовое орудіе, 14 крупновескихъ орудій, калибра 9,10, два пулемета, 1.240 ружей, значительное количество гранатъ. 200 орудійныхъ снарядовъ, 504.000 патроновъ, 4 орудійныхъ лафета, 16 паровозовъ, 240 вагоновъ, одинъ подъемный кранъ, запасныя колеса и другой матеріалъ.

Генераль Модъ доноситъ отъ 11-го апрѣля, что послѣ ночного перехода англійскія войска напали врасплохъ на дивизію 13-го турецкаго корпуса, находившуюся на лѣвомъ берегу рѣки Шать-эль-Адхаймъ, приблизительно въ семи

миляхъ къ сѣверу отъ слиянія ея съ Тигромъ, и принудили ее отступить къ расположенію второй дивизіи, стоявшей на 10 миль далѣе къ сѣверу. Во время этого боя англичане захватили 131 плѣннаго, а также большое число верблюдовъ, муловъ и лошадей.

12-го апрѣля изъ Ставки сообщено: на кавказскомъ фронтѣ сѣверо-западнѣе Касриширина, у Сенгера, въ ночь на 8-е апрѣля курды напали на нашу сотню. Нападеніе было отбито.

На Черномъ морѣ нашимъ крейсеромъ разрушены портовые сооруженія въ Керасундѣ и совмѣстно съ нимъ миноносцемъ уничтожены 3 турецкія шхуны. Въ районѣ Босфора нашей подводной лодкой потоплены двѣ шхуны.

На французскомъ фронтѣ 12-го апрѣля въ районѣ рѣки Энъ французы нѣсколько продвинулись къ юго-востоку отъ Серни-анъ-Жаоннуа. Германская атака, произведенная сегодня утромъ послѣ предварительной ожесточенной бомбардировки въ окрестностяхъ Гюртебизъ и на плоскогоріи Воклеркъ, была въ самомъ началѣ остановлена французскимъ огнемъ.

Въ Шампани, около Безымянной горы, французы также продвинулись впередъ, взяли плѣнныхъ и захватили одно орудіе. Непріятель тщетно пытался произвести нѣсколько внезапныхъ нападеній близъ Тагюръ и Мезонъ-де-Шампань, причемъ его отряды во время столкновеній оставили много труповъ въ проволочныхъ загражденіяхъ.

На французскомъ фронтѣ артиллерійскій бой продолжался въ теченіе всего дня 12-го апрѣля по всему фронту. Къ сѣверу отъ Воксалъона французскій артиллерійскій огонь и пулеметный остановилъ атаку германцевъ на французскія траншеи, произведенную послѣ полудня.

Въ ночь на 12-е апрѣля отрядъ германскихъ контръ-миноносцевъ, шедшій съ открытаго моря, бомбардировалъ Дюнкеркъ. Береговья батареи отвѣчали на огонь непріятели. Англо-французскія патрульные суда вступили въ бой съ противникомъ, который поспѣшно отступилъ къ Остендѣ. Въ теченіе боя одинъ изъ французскихъ миноносцевъ былъ потопленъ. Потери противника неизвѣстны.

12-го апрѣля вечеромъ, послѣ энергичной артиллерійской подготовки, непріятели произвели большими силами двѣ атаки на фронтъ около 2 километровъ къ востоку отъ Серни. Обѣ атаки были отбиты съ большими для германцевъ потерями.

Попытка наступленія въ районѣ Жермъ-Эртебизъ равнымъ образомъ окончилась неудачно для германцевъ.

На англійскомъ фронтѣ въ теченіе дня 12-го апрѣля англичане слегка продвинули свою линію къ югу отъ рѣки Скарпъ.

Въ теченіе ночи на 12-е апрѣля англичане заняли деревню Вильхемъ къ сѣверо-востоку отъ деревни Треско, находящейся на востокъ отъ Авренкурскаго лѣса. Бой произошелъ 12-го апрѣля рано утромъ вдоль англійскаго фронта между рѣчками Кожѣтъю и Скарпою. Англійскими частями были одержаны новые успѣхи. Знятые участки были укрѣплены. Число плѣнныхъ, взятыхъ съ утра 10-го апрѣля, 3.029, въ томъ числѣ 56 офицеровъ.

На Ближнемъ Востокѣ въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля англійскія войска

атаковали неприятеля къ западу отъ Дойранскаго озера и завладѣли неприятельскими траншеями на фронтѣ протяженіемъ въ 1.000 метровъ, къ сѣверу отъ линіи Брастели-Долджели, гдѣ удержались и укрѣпились, отразивъ четыре контръ-атаки и нанеся неприятелю тяжелыя потери. На фронтѣ рѣки Црны-Монастырь проіеходитъ сильный артиллерійскій огонь.

13-го апрѣля изъ Ставки донесено: на румынскомъ фронтѣ, на желѣзнодорожной линіи Текучіу—Галаць и Тудоръ—Владимиреску тяжелой артиллеріей противника обстрѣляя нашъ поѣздъ. 12-го апрѣля къ Рени на Дунаѣ со стороны Чернаго моря подходила подводная лодка противника, ушедшая затѣмъ обратно въ Черное море.

На англійскомъ фронтѣ англичанами захвачены селенія Виллеръ, Плоншь и Боканъ. Сильный бой продолжался 12-го апрѣля вечеромъ и съ перерывами въ теченіе ночи по всему фронту отъ Круазеля до пункта къ сѣверу отъ Гаврель. Неприятель повторно предпринималъ контръ-атаки, окончившіяся безрезультатно, но производившіяся съ большой настойчивостью, не считаясь съ потерями. Англичане удерживаютъ захваченныя ими наканунѣ позиціи.

Они снова продвинулись къ востоку отъ Монши-ле-Прэ и близъ Рэ. Къ югу отъ дороги Баломъ—Камбюэ англійскія войска въ теченіе ночи на 13 апрѣля захватили мѣстность на широкомъ фронтѣ отъ Эпеги и достигли Сень-Кантенскаго канала, близъ Вондюиля.

Въ Месопотаміи въ ночь на 12-е апрѣля 13 турецкій корпусъ быстро отступилъ по обоимъ берегамъ Шать-Эль-Адхеимъ, въ направленіи холмовъ Джебель-Хамринъ, откуда онъ выступилъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. 13-го апрѣля эти неприятельскія силы, послѣ произведенной ими второй по счету безуспѣшной попытки воспрепятствовать развитію операцій, предпринятыхъ генераломъ Модомъ противъ 18-го турецкаго корпуса, окопались на холмахъ Джебель-Хамринъ, гдѣ англійскія войска находятся съ ними въ соприкосновеніи.

14-го апрѣля изъ Ставки донесено: на западномъ фронтѣ на владиміровольнскомъ направленіи въ районѣ Шельвова бомбометный и минометный огонь.

На румынскомъ фронтѣ тяжелая артиллерія противника обстрѣливала Галаць.

На Черномъ морѣ нашъ миноносецъ артиллерійскимъ огнемъ разрушилъ нѣсколько жандармскихъ постовъ въ районѣ Вофра-Самсунъ, сжегъ въ этомъ же районѣ интендантскіе склады, уничтожилъ болѣе 10 фелюговъ и захватилъ одну большую шхуну съ зерномъ.

На французскомъ фронтѣ 14-го апрѣля въ районѣ Гюртебиза-Серны французы продвинулись впередъ. На массивѣ Моронъ-Вилье французами заняты части окоповъ и опорный пунктъ къ востоку отъ Безымянной горы. Число взятыхъ французами у неприятеля орудій между Суассономъ и Оберивомъ въ сраженіи, начавшемся 3-го апрѣля, по настоящее время составляетъ 130.

ВЪ НѢМЕЦКИХЪ КОГТЯХЪ.

Повѣсть.

(Изъ старо-московскаго нѣмецкаго засилья).

I.

ВЪ 1830 годъ.

Надъ Москвой стояло раннее зимнее утро, укутанное бѣлесоватой мглой. По Остоженкѣ кой-гдѣ изъ трубъ вились дымки отъ топившихся печей. Было тепло; пахло свѣжестью мягкаго пушистаго снѣга; за ночь мятель навела его цѣлые сугробы, завалила мостовую, тротуары и почти до самыхъ оконъ засыпала стоявшій въ палисадникѣ, близъ церкви, маленькій домикъ, обитый тесомъ и окрашенный въ розовую краску.

Надпись на ржавой жестянкѣ, прибитой къ воротному столбу, гласила, что «сей домъ принадлежитъ потомственному дворянину Андрею Павловичу Чемо-накову».

Домикъ Чемонова, съ полураскрытыми вѣтромъ ставнями, былъ еще объятъ сладкой утренней дремотой и чуть-чуть, въ полглаза, глядѣлъ на пустынную улицу.

Впрочемъ улица была не совсѣмъ пустынна: по направленію къ домику двигался высокій, широкій и длинный возокъ съ двумя запотѣвшими и залѣпленными снѣгомъ слюдяными окошечками по бокамъ и вентиляціонной трубой на крышѣ, изъ которой валилъ паръ. Возокъ, везомый восьмеркой лошадей, запряженныхъ гусемъ въ четыре пары, напоминалъ Ноевъ ковчегъ послѣ потопа.

«Истор. вѣстн.», июль—августъ 1917 г., т. сѣлхх.

Возокъ задержался посреди улицы и кучерь, перегнувшись съ облучка назадъ, закричалъ во всю Ивановскую:

— Энтотъ, баринъ, что ли?

Окошечко отворилось и сердитый голосъ отвѣтилъ:

— Тальши! Вонъ, тѣ перкофъ...фторой томъ отъ уголь...

Въ возкѣ звенѣлъ женскій смѣхъ и бойко звучала нѣмецкая и русско-ломаная рѣчь.

Наконецъ, колыхаясь на ухабахъ, возокъ остановился передъ домомъ Чедонакова,

Кучерь, соскочивъ съ козелъ, сунулъ въ передокъ кнутовище съ длиннымъ бичемъ, стряхнулъ снѣгъ съ шапки и бороды и подошелъ къ дверкѣ, изъ которой выглянуло сердитое лицо нѣмца.

— Приѣхали, баринъ,—весело проговорилъ онъ, улыбаясь.— Сломали таки путину.

— Стучи въ воротъ, пальванъ!

Изъ возка вышелъ, разминая затекшія ноги, толстякъ въ волчьей дорожной шубѣ и оленьей шапкѣ съ наушниками.

Кучерь, выхвативъ изъ передка бичъ, съ такой яростью принялся стучать кнутовищемъ, что стукъ громкимъ эхомъ отдавался на Остоженкѣ.

— Кто тамъ?—сердито окрикнули изъ-за воротъ.

— Свои, Фасилей... отпирай!

— Аа! Карла Богданычъ!

Голосъ зазвучалъ уже совсѣмъ привѣтливо, съ нѣкоторой рабской угодливостью. Залязгали и застучали запоры и засовы; но воротницы, занесенныя снѣгомъ, не растворялись.

— Паскарей, Фасилей!—нетерпѣливо крикнулъ толстякъ.

— Сей минутъ! Ишь, Богъ сколь много снѣгу послалъ...и не разгребешь.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ работы съ лопатой, Василиій настезъ распахнулъ обѣ воротницы.

— Милости просимъ!—радушно привѣтствовалъ онъ.—Вѣзжайте.

— А паринъ?—Спать?

— Почиваютъ еще...не вставали.

Василій, черный, какъ головня, дюжій мужикъ, въ одной пестрядиной рубашкѣ, опоясанной шерстянымъ краснымъ пояскомъ съ болтающимся на немъ мѣднымъ гребешкомъ, энергично поскребъ въ затылкѣ, покосился на возокъ, въ которомъ слышался смѣхъ и говоръ, и, ослабившись широкой улыбкой, осторожно спросилъ:

— Никакъ съ товарцемъ приѣхамши, Карла Богданычъ?

— Есть мало-мало,—усмѣхнулся нѣмецъ.—Карошіи товаръ, Фасилій.

— Знамо, худого не повезете въ Бѣлокаменную... То-то, Андрей

Пальчъ ждали вашу милость еще съ вечера... Тагъ—прикажете разбудить?

— Нишево. Можна немношка ждать.

Возокъ, колыхаясь, въѣхалъ на дворъ, а Карлъ Богданычъ направился къ парадному крыльцу, гдѣ, растворивъ двери, его уже ожидалъ казачекъ Тинка.

II.

Возокъ Карла Богданыча Гоффмана если и не соотвѣтствовалъ той пропорціи половъ, въ какой былъ населенъ Ноевъ ковчегъ, и не имѣлъ четвероногихъ, пернатыхъ и прочихъ тварей, то напоминалъ его численностью душъ: все его населеніе, представлявшее довольно пеструю этнографическую группу, высадившись, заняло почти всю гостиную чемонаковского домика.

Карлъ Богданычъ, грузный мужчина лѣтъ за сорокъ, съ жесткимъ, эгонстическимъ выраженіемъ тевтонскихъ голубыхъ глазъ, съ сухимъ горбатымъ носомъ, рыжими усами и бакенбардами и мелко остриженными свѣтлорусыми волосами на головѣ, съ порядочной лысиной на маковкѣ, представлялъ центральную фигуру этой группы, состоявшей изъ его жены, Каролины Ивановны, и шести дѣвушекъ, даже совсѣмъ дѣвочекъ-подростковъ. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрый камлотовый сюртукъ и бархатные сапоги, подбитые бѣлымъ мѣхомъ; изъ-подъ шарфа, въ два ряда повязаннаго на шеѣ, блестѣла серебряная цѣпочка отъ часовой луковницы, которую онъ успѣлъ уже дважды открыть и убѣдиться, что время—половина седьмого.

Справа отъ него сидѣла жена. По-годамъ почти ровесница мужу, она, въ противоположность ему, была худа, костлява, какъ сушеная рыба; въ ней и дѣйствительно было что-то рыбье: сѣрые, тусклые глаза, какіе бываютъ только у очень жестокихъ, тупыхъ людей, и сухіе, лишеныя блеска соломенные волосы; длинныя жилистыя руки съ костлявыми пальцами, то перебирая складки платья, то жестикулируя въ отвѣтъ на обращенную къ ней рѣчь мужа, находились постоянно въ движеніи. По-русски она говорила нѣсколько лучше мужа, но тоже съ неправильнымъ произношеніемъ. Она была одѣта, какъ и мужъ, по-дорожному—въ шерстяной капотъ лиловаго цвѣта съ крупными желтыми цвѣтами, чередовавшимися съ салными пятнами, и въ сѣрый пуховый платокъ, покрывавшій грудь и плечи; въ ушахъ сверкали серьги съ крупными рубинами.

По лѣвую сторону Гоффмана помѣстилась Эмма, дочь, дѣвушка лѣтъ 18-ти. Собственно Эмма не была родной дочерью Гоффмановъ, а только ихъ воспитанницей, безродной сиротой, вынянченной ими съ дѣтства, и считалась за родную дочь. Да и по внѣшности, пре-

лестная брюнетка, съ темными, глубокими глазами, сиявшими чистотой и наивностью юности, Эмма не имѣла ничего общаго съ четой ся воспитателей. Она была одѣта—какъ на балъ, на званый вечеръ и—нужно отдать справедливость опытной рукѣ, поработавшей надъ ея туалетомъ,—одѣта со вкусомъ. Повидимому, она плохо спала и, зѣвая, каждый разъ настойчиво повторяла:

— Ахъ, какъ хочется спать! Скоро ли явится этотъ господинъ...
Че-мо-на-ковъ?

Она говорила съ легкимъ акцентомъ.

Остальные пятеро были крѣпостныя дѣвушки, представлявшія—по одеждѣ и манерѣ держать себя—рѣзкій контрастъ съ фрау и фрейленъ Гофманъ. На нихъ были одѣты пестрые ситцевые сарафаны, малорусскія плахты; на шеѣ сверкали монисто, въ ушахъ качались тяжелыя серебряныя сережки; въ пышныхъ косахъ горѣли алая и ярко-красныя ленты. Всѣ, какъ на подборъ, были красавицы, взрощенные русской крѣпостной деревней. Самой старшей изъ нихъ, смуглянкѣ Фросѣ, шелъ 17-й годъ, а остальнымъ было лѣтъ 14—15.

Дѣвушки, прижавшись одна къ другой, какъ овечки въ отарѣ, тихо стояли у дверей, разсматривая съ робкимъ любопытствомъ обстановку гостиной.

Посторонній наблюдатель изъ этой сцены пожалуй могъ бы вывести, что Карлъ Богданычъ на худой конецъ—антрепренеръ крѣпостной театральнoй труппы, прибывшій въ Москву на гастроль въ помѣщичьихъ домахъ; однако сдѣланный имъ выводъ былъ бы не вѣренъ: Гофманъ, дѣйствительно, былъ своего рода антрепренеръ, но, какъ увидимъ ниже, не по театральнoй части...

III.

Гофманы считались «саратовскими нѣмцами». Въ саратовскихъ степяхъ у Карла Богданыча былъ хуторъ, на которомъ его дѣдъ осѣлъ въ царствованіе Екатерины II, поселившей нѣмцевъ на «пустыхъ» (т. е. незаселенныхъ) земляхъ дикаго саратовскаго края.

Колонизаціей саратовскихъ степей правительство Екатерины преслѣдовало двѣ цѣли: во-первыхъ, привить культурныя пріемы въ сельскихъ хозяйствахъ аборигеновъ, насажденію которыхъ, предполагалось, нѣмцы, сблизаясь съ населеніемъ, будутъ содѣйствовать личнымъ примѣромъ, а, во-вторыхъ, опереться на колонистовъ, какъ на консервативный элементъ, какъ на противовѣсъ волжской понизовой вольницѣ, которая и послѣ ликвидаціи пугачевского бунта еще далеко не была «умиротворена» и бродила по степнымъ хуторамъ и селамъ, нашептывая мужикамъ, что «батюшка Емельянъ Иванычъ еще живъ и придетъ въ степи, чтобы пощупать панамъ ребра». Первая цѣль, какъ извѣстно изъ исторіи

культуры нѣмецкой колонизаціи въ приволжскихъ степяхъ, все не была достигнута, потому что ни нѣмцы съ русскими, ни русскіе съ нѣмцами не желали «якшаться»¹⁾, и вопросъ о насажденіи культуры вообще въ степныхъ хозяйствахъ такъ и замеръ, пока за него впослѣдствіи, послѣ эпохи «великихъ реформъ», не взялись земскіе агрономы. Вторая цѣль оказалась удачнѣе первой: нѣмцы, обласканные императрицей, поддерживаемые вельможами-германофилами, освобожденные отъ суроваго крѣпостного права, отъ податей и рекрутчины, въ этомъ отношеніи сами собою стали на стражѣ интересовъ правительственной политики, и понизова вольница уже не могла «разгуляться», зажечь степи пожаромъ мятежа: за появленіемъ въ степи подозрительныхъ, праздношатающихся людей», нѣмцы колонисты зорко слѣдили и доносили властямъ. Вообще въ активѣ поведенія нѣмецкихъ колонистовъ, шедшихъ навстрѣчу политикѣ Екатерины II, были не минусы, а плюсы, и въ петербургскихъ «верхахъ» стали относиться къ нимъ съ усиленно-благосклоннымъ вниманіемъ. Благодаря этому вниманію, нѣмцы стали «шириться» все больше и больше, и сверхъ надѣльныхъ участковъ, весьма значительныхъ, достигавшихъ до 200—300 десятинъ на среднюю семью, начали арендовать и прикупать въ собственность по купчимъ крѣпостямъ земли у мѣстныхъ помѣщиковъ, и не только земли, но и крѣпостныхъ людей. Такъ какъ крѣпостное право составляло исключительную привиллегію русскаго дворянства, нѣмцы же были только «бауэры»—шварцвальдскіе мужики, то купля-продажа крѣпостныхъ совершалась при посредствѣ всевозможныхъ обходовъ закона, благодаря чему саратовскіе «бауэры» жили себѣ припѣваючи—какъ коренные русскіе помѣщики-дворяне.

Гофманы были тоже на линіи «господъ»: имѣли и купленную землю, и нелегальныхъ крѣпостныхъ, жившихъ подъ видомъ работниковъ, отданныхъ съ семьями изъ платежа оброка. Однако, сельское хозяйство въ саратовскихъ степяхъ для Богдана Карловича составляло не главное, а второстепенное дѣло; главное же было сосредоточено въ Петербургѣ, гдѣ онъ и проживалъ большую часть года; въ чемъ оно заключалось,—трудно сказать: объ этомъ знали только тѣ, кто входилъ съ Гофманомъ въ дѣловыя отношенія; но такъ какъ его услугами пользовалась большая масса лицъ всевозможныхъ общественныхъ положеній и его отношенія къ этой кліентурѣ были весьма различны, то, надо полагать, что у него было не одно, а нѣсколько обширныхъ и разнообразныхъ предпріятій. Между прочимъ, было извѣстно, что онъ покупалъ и продавалъ дома, земли, обстановку барскихъ особняковъ, лошадей, ссужалъ деньги подъ закладныя, векселя, устраивалъ людей на мѣста въ различныя учрежденія, тамъ, гдѣ у него была обязательно

¹⁾ Якшаться отъ тат. *значься*, *знакомиться*, жить по-хорошему съ сосѣдями.

«своя рука»—нѣмецъ, или же вообще что-то «дѣлалъ», бѣгалъ или разѣзжалъ по Петербургу, появляясь, съ таинственнымъ видомъ-то въ апартаментѣхъ сіятельной особы, то гдѣ-нибудь на окраинѣ, нахъ столицы, въ скромной мѣщанской квартиркѣ. Что онъ тамъ дѣлалъ,—для всѣхъ было покрыто мракомъ неизвѣстности; вообще Гофманъ былъ извѣстенъ Петербургу—какъ энергичный, но темный дѣлецъ. Многіе спрашивали: «не жидъ ли онъ», не течетъ ли въ его жилахъ кровь семитскаго племени?» Но, нѣтъ: онъ былъ чистокровнымъ нѣмцемъ и могъ установить развитіе своего «гсепеалогическаго древа» со всѣми его побѣгами и отпрысками по крайней мѣрѣ за два столѣтія...

Вотъ и теперь онъ пріѣхалъ въ Москву изъ Саратова—тоже по дѣлу. Шутка сказать: восемьсотъ верстъ тащились около двухъ недѣль!... А все дѣла,—не бросишь.

Посмотримъ, что за дѣла привели Гофмана въ Москву, предварительно познакомившись съ хозяиномъ розоваго домика на Остоженкѣ.

IV.

Андрей Павловичъ Чемопаковъ—саратовскій помѣщикъ, владѣлецъ порядочныхъ земель, граничившихъ съ хуторомъ Гофмана, съ которымъ они считались «шабрами»¹⁾. По родословной Чемопаковы происходили изъ семьи коренныхъ русскихъ людей; одинъ изъ предковъ Андрея Павловича служилъ Іоанну IV Грозному и значился въ спискахъ опричнины. Имѣніе Чемопакова, Даровка, было обременено долгами, какъ шелками, и долги эти, съ вѣтренностью юноши, онъ успѣлъ самъ надѣлать, несмотря на солидные годы (ему было сорокъ лѣтъ) и кратковременное управленіе имѣніемъ, доставшимся въ наслѣдство послѣ отца, умершаго отъ паралича. Когда былъ живъ отецъ, человѣкъ суроваго, деспотическаго характера, Андрей Павловичъ жилъ въ Даровкѣ и усердно занимался хозяйствомъ, но послѣ его смерти забросилъ имѣніе, уѣхалъ въ Москву, купилъ домъ на Остоженкѣ и, благодаря новымъ связямъ, новымъ знакомствамъ, очень круто перевернулъ простой образъ жизни, чему между прочимъ немало способствовали отчасти его холостая жизнь, отчасти слаболоіе и длительный режимъ отцовскаго деспотизма. Какъ бы то ни было,—онъ головой ринулся въ новую жизнь, какъ отважный пловецъ бросается съ утеса въ мятущийся океанъ. Отцовскія денежки, пушенные въ усиленный оборотъ необузданнаго мотовства, посыпались дождемъ, только успѣвай припасать; начались кутежи, оргіи, пріемы, визиты, карточная игра, ужины съ кокотками въ первоклассныхъ гербергахъ; держались сумашедшіе пари—кого предпочтетъ попу-

¹⁾ Шаберъ-сосѣдъ.

лярная актриса во французскомъ театрѣ: его, Чедонакова, или же его соперника... Чего только не патворилъ онъ за эти два безумновеселыхъ года, пролетѣвшихъ стрѣлой, какъ одинъ мигъ.

Однажды ночью, будучи пьянымъ, Андрей Павловичъ прямо съ пирушки отправился въ знаменитый гербергъ Дица у Камерь-Коллежскаго вала, представлявшій своего рода «дно», гдѣ сходились и «подлые люди»,—какъ тогда именовались крестьяне, мѣщане и даже солдаты,—и «бѣлая кость»—дворяне, чиновники и разночинцы. У Дица, въ потаенныхъ каморкахъ, недоступныхъ для ночныхъ полицейскихъ обходовъ, по суткамъ шла карточная игра. Въ дицовскій гербергъ ото всюду стекались и страстные игроки, и шулера, и просто любители сильныхъ ощущений; къ тому же въ его буфетѣ не было недостатка въ винахъ, а въ залахъ толпились красивыя женщины. У Дица не спрашивали: кто вы, а смотрѣли—денежный ли вы человѣкъ. Въ Москвѣ открыто говорили: «приходи къ Дицу хоть съ висѣлицы, но—съ деньгами и будешь первый гость».

У Андрея Павловича были еще крупныя средства, оставшіяся отъ кутежей и крупной игры въ «Аглицкомъ» клубѣ, и у завсегдатаевъ герберга Дица онъ считался если и не первымъ, то, во всякомъ случаѣ, и не послѣднимъ гостемъ. Туго набитый бумажникъ давалъ ему почетное мѣсто въ этомъ притонѣ, гдѣ деньги составляли все.

Андрея Павловича, послѣ того, какъ онъ вкусилъ сладкой отравы, какъ магнитомъ, неудержимо потянуло къ Дицу. Ему страстно хотѣлось во что бы то ни стало отыгратъся, наверстать сразу все, что было пущено на вѣтеръ и пошло прахомъ. Тѣ, кто хотя разъ въ жизни испытали, что такое значить страстное желаніе получить реваншъ,—тѣ, вѣроятно, поймутъ значеніе ужаснаго недуга, изсушающаго тѣло и дѣшу игрока.

У Дица онъ нашелъ обычную компанію игроковъ-завсегдатаевъ, среди которыхъ, однако, былъ новый человѣкъ, игравшій здѣсь первый вечеръ. Кто онъ и какъ попалъ къ Дицу,—никто не сумѣлъ бы объяснить болѣе или менѣе обстоятельно, точно; одни говорили, что онъ—купецъ изъ Замоскворѣчья, имѣетъ съ полсотни домовъ, лавки на Ильинкѣ, бѣговыхъ лошадей; даже называли его фамилію: Звѣревъ, извѣстный миллионеръ; другіе, напротивъ, увѣряли, что онъ—вовсе не Звѣревъ,—тотъ раскольникъ, и не слышно, чтобы онъ игралъ въ карты, да еще у Дица,—а нижегородецъ Соловьевъ, торговецъ краснымъ товаромъ; но все соглашались, что онъ—богатый человѣкъ, около котораго можно «погрѣться». Всякія сомнѣнія окончательно разсѣялись, когда Звѣревъ, сѣвъ играть, выложилъ на столъ съемистыя пачки ассигнацій.

Ему чертовски везло, «какъ утопленнику». Козыри шли къ нему, и онъ безъ счета билъ чуть ли не все таліи кряду. Около него на

столѣ лежали вороха ассигнацій, перешедшіе изъ бумажниковъ его партнеровъ.

Когда Андрей Павловичъ вошелъ въ комнату,—нѣсколько человѣкъ, проигравшіе «до-чиста», стояли около стола съ растерянно-жалкимъ или неестественно бравирующимъ видомъ и молча наблюдали за игрой. Игроки, продолжавшіе играть талію, находились—что называется—при послѣднимъ издыханіи.

Чемонаковъ получилъ освободившееся мѣсто, сѣлъ и заложилъ въ банкъ двадцать тысячъ, составлявшихъ половину его наличныхъ денегъ.

Звѣревъ убилъ карту.

За этими деньгами въ какіе-нибудь четверть часа послѣдовали и остальные, и Чемонаковъ съ безнадежно-виноватой улыбкой вышелъ изъ-за стола.

Звѣревъ, оказавшійся извѣстнымъ шулеромъ, обставивъ посѣтителей дицовскаго герберга на очень крупную сумму, на другой же день скрылся изъ Москвы.

Андрей Павловичъ заложилъ имѣніе, продалъ часть сельскохозяйственнаго инвентаря, фамилыныя брилліанты матери и снова, съ упорствомъ маіака, принялся «отыгрываться».

Но фортуна загадочна и тоже упряма; иногда она сыплетъ на васъ счастье, когда вы о немъ вовсе не думаете, а иногда—проси ее, распроси, хоть умолай,—она непреклонна, глуха и нѣма, безстрастно отвертываетъ отъ васъ свое лицо и обращаетъ его съ улыбкою къ своимъ избранникамъ, къ тѣмъ, о комъ трудно представить себѣ, чтобы они когда либо могли стать ея фаворитами—къ какимъ-нибудь безвѣстнымъ людямъ-замухрышкамъ.

Такъ случилось и съ Чемонаковымъ: фортуна ни разу не подарила его своею улыбкой. Спустивъ остатки состоянія, онъ вдобавокъ влѣзъ въ неоплатные долги, да еще втянулся въ авантюру, неприличную не только для дворянина, но и для всякаго порядочнаго человѣка.

V.

Въ періодъ карточного проигрыша Андрей Павловичъ доставалъ деньги вездѣ, гдѣ только могъ достать, обивалъ пороги знакомыхъ денежныхъ людей и ростовщиковъ, прибѣгалъ къ мольбамъ, обману, заманивая кредиторовъ всевозможными выгодными для нихъ обѣщаніями. Въ сущности, для него, никогда незнавшаго—что такое просить деньги займы, эти просьбы были настоящей мукой-мученской; мученіе усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что для него вообще было тяжело просить займы, такъ какъ онъ смутно сознавалъ, что можетъ случиться, что онъ будетъ не въ состояніи заплатить долги. Тѣмъ не менѣе его раздражало недовѣріе кредиторовъ,

которые, прежде чѣмъ дать деньги, подь сурдинку наводили справки о его кредитоспособности.

— Гуды проклятые!—ругался онъ, когда его друзья-пріятели давали понять ему, что Z или X справляются о его состояніи.—А впрочемъ,—иронически улыбался онъ,—пріятно и надуть ихъ, подлецовъ. Какіе проценты деруть,—ужась!

Въ этотъ періодъ игрецкаго азарта, на почвѣ отчаяннаго исканія денегъ, онъ и сблизился съ Гофманомъ.

Карль Богданычъ—съ которымъ Чемонаковъ не видался послѣдніе два года—встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями.

— Самъ собирался къ вамъ. Грѣшно забывать сосѣдей,—мягко упрекнулъ онъ, сжимая руку гостя въ своей широкой, пухлой рукѣ. А вѣдь съ вашимъ батюшкой мы были большіе друзья...

Разговорились, и рѣчь мало-по-малу перешла на вопросъ о кредитѣ для Андрея Павловича.

— Играете? И—слышалъ я—неудачно.

— Да, не везетъ,—мрачно отвѣтилъ Андрей Павловичъ.

— Чтожъ?—готовъ служить вамъ. А будете ли вы служить мнѣ, не знаю...

— Вамъ?

— Ну, да. Сдѣлаете ли мнѣ маленькое одолженіе, если я попрошу?

— Съ удовольствіемъ, Карль Богданычъ.

— Благодарю. А сколько нужно денегъ?

— Тысячъ десять.

— Большія деньги. А, можетъ быть, обойдетесь и пятью?

— Нѣтъ ужъ... дайте десять. До зарѣзу нужны...

— Хорошо. Можетъ быть, я дамъ вамъ и больше, Андрей Павловичъ, но это надо будетъ немножко обсудить... Мнѣ нужны люди, нѣсколько семействъ. Я присмотрѣлъ ихъ у васъ, въ Даровкѣ, и пашель ихъ подходящими. Уступите вы ихъ мнѣ или нѣтъ?

— Но Даровку я уже дважды заложилъ,—замѣтилъ Андрей Павловичъ.—Если хотите,—въ Жартахъ и Яблоновкѣ, въ Полтавской губерніи,—тамъ еще пока не заложены...

— Это ничего не значитъ, если и заложены. Объявите въ бѣгахъ.. и пусть ихъ ищутъ, кому надо. А Жарты и Яблоновку не думаете закладывать?

— Пожалуй, придется заложить.

— Я дамъ подь закладную, подь небольшіе проценты,—желаете?

— Пожалуйста. Только тамъ все хохлы, ужасные лѣнтяи...

— Это ничего, что лѣнтяи. Хе-хе!—разсмѣялся Гофманъ.— Намъ труды и не нужны.

— А на что вамъ люди?—вяло спросилъ Андрей Павловичъ.— И цѣлыми семьями?

— Цѣлыя семьи, скажу вамъ прямо, мнѣ не нужны, но семьями

удобнѣе взять, чтобы не было какого подозрѣнія... Вы спрашиваете: на что? Но это есть секретъ. Хе-хе!

Андрей Павловичъ, размышлявшій о неудачныхъ моментахъ игры въ гербергѣ Дица, насторожился и внимательно посмотрѣлъ въ лицо нѣмца. Несомнѣнно, что-то придумалъ. И ловкій же народецъ, эти нѣмцы, не то что нашъ братъ-русакъ. Мингомъ обмозгуешь какую-нибудь хитрую матерію и—готово!—чистыя денежки въ карманѣ. Онъ невольно пожалѣлъ, что не обладаетъ даромъ нѣмецкой изобрѣтательности, которая такъ пригодилась бы для операций у Дица, и глубоко вздохнулъ.

— Однако, что за секретъ?—осторожно спросилъ Андрей Павловичъ.—Можно узнать?

— Если пойдете въ долю?—отвѣтилъ вопросомъ Гофманъ.

— Отчего не пойти, разъ дѣло обѣщаетъ дать хорошій профитъ?

— Вы, кажется, знаете, что безъ профита я не работаю. Пфа! работать съ капиталомъ и чтобы къ вашему карману не пристали денежки,—да для этого, извините, надо родиться совсѣмъ круглымъ дуракомъ. А въ нашемъ гофмановскомъ родѣ, слава Богу, всѣ умницы. Не безпокойтесь, Андрей Павловичъ, профитъ будетъ и—недурной.

— Въ какой же долѣ я пойду?—У меня, вы сами знаете, нѣтъ денегъ.

Гофманъ, съ увѣренностью ловкаго дѣльца, хорошо продумавшаго хитрую финансовую комбинацію, выгоды которой были для него очевидны, разсмѣялся ему прямо въ лицо.

— Хе-хе!—Да неужели я не знаю, что у васъ нѣтъ денегъ? Если бы были,—не пришли бы ко мнѣ... За людей я плачу вамъ наличными, но по расцѣнкѣ...какой товаръ и чего будетъ стоить. А прибыль пополамъ,—идеть?

Онъ насмѣшливо взглянулъ на Чемонакова и протянулъ ему руку.

Андрей Павловичъ, усмѣхнувшись, пассивно положилъ въ нее свою.

— Въ чемъ же, однако, заключается ваше дѣло?

Карлъ Богданъчъ отвѣтилъ не сразу; видимо, придуманная имъ комбинація была не изъ простыхъ, поддающихся обыкновенному объясненію.

— Какъ вамъ сказать, Андрей Павловичъ?—Онъ запыхтѣлъ и наморщилъ лобъ.—Вы знаете,—въ Петербургѣ есть приличные герберги, гдѣ не только играютъ и пьютъ, но имѣютъ и пріятное препровожденіе времени съ красивыми женщинами...

— Но и въ Москвѣ есть такіе же герберги.

— Пфа! Конечно, есть и въ Москвѣ; но красивыхъ женщинъ въ нихъ нѣтъ.

— Положимъ, товаръ не важный,—согласился Чемонаковъ,— все больше мазанья куклы... но—что же вы хотите?

— Что я хочу? Я не хочу, конечно, связываться съ гербергомъ. Кромѣ убытковъ ничего не получишь... Я думаю собрать красивыхъ дѣвокъ въ деревнѣ, а если придется,—и въ городѣ, придѣть, отшлифовать ихъ немножко, а потомъ открыть модную мастерскую подъ присмотромъ Каролины Ивановны, къ тому же она первая затѣйница по дамскимъ модамъ.

— А дальше?

— Тутъ ничего нѣтъ дальше, а совѣмъ близко,—сострилъ Гофманъ и, довольный острою, раскатился жирнымъ, низкимъ смѣшкомъ, отъ котораго колыхался его животъ.—Моды сами по себѣ, а дѣвки будутъ забавлять гостей. Конечно, не всякаго можно принять, а по знакомству...

Андрей Павловичъ, поднявъ брови, съ недоумѣніемъ произнесъ:

— Вонъ оно что... а я думалъ... Однако это дѣло не дворянское, Карлъ Богданьчъ. Осрамишься на всю Россію. За него, какъ хотите, я не возьмусь.

— Да кто же васъ заставляеть браться?—Я самъ поведу его. Вашъ товаръ, наши деньги, а прибыль пополамъ,—кажется, ясно. Ваше имя будетъ въ сторонѣ. Вы и живите себѣ въ Москвѣ, играйте, наслаждайтесь жизнью, а я буду работать и здѣсь, и въ Петербургѣ. Отъ меня вы заработаете много больше, чѣмъ на обыкновенныхъ оброчныхъ мужиченкахъ. Сколько вы берете, когда отпускаете на оброкъ?

— Разно... глядя по работнику и по его ремеслу. Беремъ и 60, и сотню.

— А я дамъ на округъ по пятисотъ за каждую дѣвку. Не за мужика, а за дѣвку.

Чемонаковъ едва не привскочилъ на креслѣ и съ изумленіемъ воззрился на нѣмца. Съ минуту онъ молчалъ, не находя что сказать и, наконецъ, глухо проговорилъ:

— Вы, дѣйствительно, даете хорошія деньги, Карлъ Богданьчъ.

— Еще бы не хорошія!—улыбнулся Гофманъ.—Подите-ка, пощтите—кто вамъ ихъ дастъ!

— Сколько же, однако, душъ хотите вы взять?—спросилъ Чемонаковъ, посмотрѣвъ на Гофмана затуманеннымъ взглядомъ, въ которомъ сверкнула алчность.

— А на выборъ, мой другъ, на выборъ. Что-жъ?—возьму, сколько можно будетъ взять. Наберется сотня,—возьму и сотню, будетъ двѣ—двѣ возьму. Десять тысячъ я сейчасъ даю въ задатокъ.

Оба компаньона долго совѣщались, плотно притворивъ дверь кабинета.

А черезъ недѣлю, спустивъ въ гербергѣ Дица полученныя отъ Гофмана задаточныя десять тысячъ, Чемонаковъ, уже не поминая.

что «такимъ дѣломъ дворянину заниматься зазорно», отправился вмѣстѣ съ Карломъ Богданьяемъ въ объѣздъ по своимъ полтавскимъ деревнямъ—чтобы на мѣстѣ, въ своемъ присутствіи, выбрать «товарь» и съ рукъ на руки передать его Гофману.

VI.

Село Жарты и деревня Яблоновка—обширныя селенія, составлявшія полтавскую вотчину Чемонова, —нѣкогда принадлежали знаменитой гетманшѣ Скоропадской и вмѣстѣ заключали въ себѣ до четырехсотъ дворовъ съ населеніемъ около трехъ съ половиной тысячъ душъ обоого пола. Такъ какъ Чемоновы не жили въ саратовской вотчинѣ, то ею управляли бурмистръ Иванъ Егоровъ и его подручный Олимпій Савинъ, оба—саратовцы, поставленные сюда еще Чемоновымъ-отцомъ «для порядка и строгости», чтобы «драть шкуру съ лодырей-хохловъ», если они будутъ задерживать панскія повинности; оба—какъ говорили хохлы—были «чоботь чоботу пара» и крѣпко жали мужиковъ, не забывая набивать панскимъ добромъ и свой карманъ. Вотчина, стонавшая отъ управленія этихъ крѣпостныхъ церберовъ, пробовала жаловаться старику Чемонову, но—увы—изъ этой жалобы ничего не вышло, и только бурмистръ сталъ еще лютѣе и вынудилъ нѣкоторыхъ крестьянъ, опасавшихся жестокаго наказанія, бросить свои семьи и бѣжать въ новороссійскія степи. Вообще жизнь полтавской вотчины, по показанію самихъ крестьянъ, данному слѣдственнымъ властямъ, была «немного лучше каторги».

Пріѣздъ Андрея Павловича, приказавшаго бурмистру представить посемейные списки домохозяевъ, въ семьяхъ которыхъ имѣлись «дѣвки отъ 12 до 18 лѣтъ», и затѣмъ собрать изъ этихъ семей обоихъ селеній въ Жартахъ общую громаду ¹⁾, смутилъ крестьянъ, вызвавъ недоумѣніе.

— Слыхано ли, чтобы дѣвки на громаду ходили?—удивлялись хохлы.—И на что онѣ понадобились пану?

— А на то, что дѣвкамъ лобъ будутъ брить,—смѣялись шутники. Нехай! Наши дивчины крѣпкія, что гайдуки.

На площади передъ волостной расправой собралась и гудѣла, какъ потревоженный пчелиный улей, тысячная толпа.

Семьи разставили въ порядкѣ номеровъ списка.

Андрей Павловичъ съ Гофманомъ медленно обходили громаду, останавливаясь и отмѣчая въ спискѣ имена завербованныхъ дѣвушекъ.

— Ты Ганка Коваликова?—спросилъ помѣщикъ, обратившись къ статной, чернобровой дѣвушкѣ, первой красавицѣ въ округѣ.

¹⁾ Громада—сельскій сходъ.

— Я, — робко отвѣтила Гапка, зардѣвшись, какъ маковъ цвѣтъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Съ Рождества пошелъ семнадцатый, ваша милость, — отвѣтила за нее отецъ, здоровенный мужикъ съ длинными черными усами, висѣвшими, какъ у моржа.

Гофманъ уставился на Гапку жадными глазами.

— Хороша! — прошепталъ онъ. — Зеръ гуть.

— Она у насъ не пойдетъ въ общій счетъ, — дѣловито замѣтила Чемонаковъ. — Я слышалъ отъ Ивана: красивѣе ея, говорить, не сыскать во всей Малороссіи. Идемъ дальше.

Къ вечеру вербовка была окончена, и бурмистръ объявилъ, что, по приказанію пана, дѣвки будутъ отправлены въ Петербургъ для обученія швейному ремеслу.

Сразу по всей громадѣ раздались плачъ и причитанія дѣвушекъ, ихъ матерей, сестеръ, родныхъ, знакомыхъ, слившіеся въ одинъ вопль, жалобно гудѣвшій надъ селомъ, на которое уже опускалась темная южная ночь.

Дѣвушекъ, въ числѣ ста сорока семи душъ, какъ овечью отару, на другой же день согнали на панскій дворъ, предоставивъ ихъ заботамъ и попеченію Каролины Ивановны, ея сестры Анны, злущей старой дѣвы, и дворовыхъ женщинъ. Дѣвушекъ вымыли въ банѣ, переодѣли въ чистое бѣлье и лучшія платья, а затѣмъ обѣ нѣмки начали учить ихъ хорошимъ манерамъ...

— Коровы! — злобно шипѣла Каролина Ивановна. — Не умѣете ни повернуться, какъ слѣдуетъ, ни поклониться.

Увѣснстыя оплеухи летѣли направо и налево. Дѣвушки, предавшись отчаянію, тихо плакали и безпрекословно, какъ въ гипнозѣ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, продѣлывали все, что имъ приказывали.

А въ это время Гофманъ и Чемонаковъ сводили расчетъ.

— Сто сорокъ шесть душъ по пяти сотъ за душу, это... это составить семьдесятъ три тысячи, — подсчиталъ Гофманъ, ставя цифры на грязномъ клочкѣ бумаги. — Да за Гапку особо двѣ... итого семьдесятъ пять тысячъ. Вѣрно?

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ расчетъ Чемонаковъ. — За вычетомъ задатка мнѣ слѣдуетъ дополучить съ васъ шестьдесятъ пять тысячъ.

Гофманъ вынулъ изъ-за пазухи туго набитый бумажникъ и молча отчиталъ деньги.

— Извольте получить, — молвилъ онъ, передавая деньги Андрею Павловичу. — И пожалуйста записъ.

Еще днемъ позже всю партію дѣвичьяго набора, небольшими группами, стали переправлять въ Москву и Петербургъ, въ новооткрытыя «модныя мастерскія madame Гофманъ».

VII.

Какъ ни ломался Андрей Павловичъ, жонглируя съ «дворянскимъ достоинствомъ», но въ концѣ-концовъ пошелъ на компромиссъ и уступилъ Гофману подѣ «модную мастерскую» надворный флигель, а гостинную въ домѣ—для приѣма гостей, когда этихъ гостей нельзя было принять во флигелѣ, и затѣмъ во всемъ остальномъ очень быстро покатился по наклонной плоскости. Вся Москва знала, что Чедонаковъ—содержатель «аристократическаго публичнаго дома», финансируемаго Гофманомъ, и его уже не принимали въ семейныхъ домахъ, а золотая молодежь третировала его—какъ «папашу», у котораго «великолѣпный малинникъ».

Розовый домикъ на Остоженкѣ, днемъ всегда тихій, какъ бы замкнутый въ самомъ себѣ, странно оживлялся по ночамъ. Въ ярко освѣщенныхъ гостинной и залѣ толпились гости, мужчины и женщины, хлопали пробки откупориваемыхъ бутылокъ съ шампанскимъ, выкрикивались тосты, звучали скабрезныя пѣсенки и раздавались звонкіе поцѣлуи; къ парадному подъѣзду подкатывали экипажи съ новыми гостями; по двору и тѣснымъ корридорчикамъ домика сновали слуги. Часа въ два за полночь большинство гостей разъѣзжались, и домикъ погружался въ сонъ. Днемъ онъ дремалъ, оставаясь до полудни и дольше съ плотно прикрытыми ставнями, а затѣмъ, когда просыпался,—ставни на скрипучихъ петляхъ медленно открывались, какъ глаза кутилы послѣ ночи, проведенной въ усердномъ возліаніи Бахусу. Съ этого момента въ домикѣ постепенно начинало наростать оживленіе. Казачекъ Тишка подметалъ комнаты, отворялъ форточки, протиралъ оконныя стекла, чистилъ мѣдныя ручки дверей и собиралъ разбросанныя въ безпорядкѣ курительныя трубки; Василій съ неизмѣнно добродушнымъ ворчаньемъ приносилъ дрова, съ шумомъ бросалъ ихъ на полъ и начиналъ топить печи.

Нѣсколько иначе—хотя почти въ одно и то же время—начиналась жизнь въ большомъ флигелѣ съ двумя недавно пристроенными крыльями, стоявшемъ въ правомъ углу двора и выходившемъ окнами въ садъ изъ старыхъ липъ, яблоней и акацій.

Это—дѣвичій флигель, въ которомъ помѣщалась «модная мастерская» фрау Гофманъ. Въ немъ до десятка комнатъ съ обширной гостинной, обставленной во вкусѣ салоновъ шикарныхъ московскихъ герберговъ—съ портьерами изъ алаго бархата, съ бронзовыми канделябрами, люстрой, зеркалами, шелковой мебелью въ стилѣ Ампиръ, цвѣтами и клавиринами, съ запахами пачулей и крѣпкаго княстера. Тяжелыя занавѣси на окнахъ еще спущены, но флигель уже проснулся; изъ наглухо закрытыхъ комнатъ, расположенныхъ вдоль темнаго корридора, въ гостинную долетаютъ шепотъ, мягкое шлепанье туфель, звонкій дѣвическій смѣхъ, отрывки фразъ.

Одна изъ этихъ комнатъ, первая отъ гостиной, напоминала нѣчто среднее между будуаромъ и спальней; она больше была похожа на номеръ герберга высшей марки, чѣмъ на обыкновенную комнату дѣвичьяго флигеля. Обстановка была пестрая, кричащая: зеркала, шелковая мебель, изящные столки, мягкія скамеечки, диванчикъ, кушеточка причудливой формы и роскошная, еще неубранная двуспальная кровать подъ рѣзнымъ балдахиномъ изъ чернаго дерева съ позолоченными перламутровыми инструстаціями, изображавшими амуровъ со стрѣлами и фантастическіе цвѣты; на окнахъ стояли горшки съ увядшимъ гераніумомъ и восковымъ деревомъ.

На смятой постели, подобравъ подъ себя ножки, сидѣли въ одномъ бѣльѣ три дѣвушки: красавица Гапка, — имя которой, какъ неблагозвучное, Гофманъ успѣлъ переимѣнить на имя Маргариты, — и двѣ ея подруги изъ Яблоновки, Оедорка и Куля.

Дѣвушки только что проснулись и болтали безъ умолку.

— Да-а... графъ беретъ меня, — продолжала Гапка начатый разговоръ. — И всю нашу семью хочетъ выкупить... А-ахъ! — сладко потянула она. — Хорошо, еслибъ выкупилъ.

— Это офицеръ? Сержъ? — спросила Оедорка, обнимая Кулю и прижимаясь къ ней. — Красавчикъ какой!

— Да, графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ бѣдной дѣвушкѣ Гапкѣ слово свое далъ, — подтвердила Гапка. — Богатый... и добрый.. Ахъ, какой ласковой... жить и умереть бы съ такимъ!

— Что-жъ онъ беретъ тебя? какъ? — полюбопытствовала Куля. — Такъ ли будешь жить, какъ здѣсь, или по иному?

Въ глазахъ Гапки сверкнулъ огонекъ.

— Ха! Такъ жить... да будь оно проклято это житье! Развѣ это жизнь? Нѣтъ, я буду одна у Сережи.

— Метреской! — усмѣхнулась Оедорка.

— Зачѣмъ метреской? Женой буду, — твердо отвѣтила Гапка.

— Ну, это Гапочка ты моя, еще вилами на водѣ писано, — съ горечью проговорила Оедорка. — Если графъ и посулилъ жениться на тебѣ, то, знаешь, панскому посулу нашей сестрѣ вѣрить нельзя. Да и нѣмецъ тоже... — развѣ онъ отпуститъ тебя? Небось, ты вонъ какой доходъ ему даешь...

— Сережа не скаредъ, за деньгами не постоитъ, — замѣтила Гапка. — Обѣщаль, значить такъ и будетъ. Сегодня будетъ говорить съ нѣмцемъ и наномъ.

— Вотъ тебя графъ выручить, — молвила Оедорка, — а мы-то какъ?

— А славно бы уйти отсюда, — мечтательно произнесла Куля. — Далек-далеко, туда, гдѣ насъ никто не смогъ бы отыскать. Я, кажется, на край свѣтѣ ушла бы... И какъ живемъ? Божечко-жъ! Въ заперти, въ острогѣ...

— Надо бѣжать, — вздохнула Оедорка и быстро окинула под-

ругъ серьезнымъ, вдумчивымъ взглядомъ.—Всѣмъ уговориться и—бѣжать, бѣжать поскорѣе...

Въ гостинной послышался шорохъ; кто-то шель, скрадывая шаги. Дѣвушки замолчали, какъ испугнутыя мышки. Куля спрыгнула съ кровати и осторожно пріотворила дверь.

— Тес!—сдѣлала она предостерегающій жестъ.—Анка ходитъ... подслушиваетъ, сука,—прошептала она.—Вотъ вѣдьма кіевская!

Фрейленъ Анны, замѣнявшей Гофмана и его супругу во время ихъ отсутствія, дѣвушки боялись, какъ огня.

Шорохъ въ гостинной прекратился, и дѣвушки снова принялись болтать, какъ сороки.

— Карлушка не имѣетъ права держать насъ здѣсь, какъ непотребныхъ дѣвокъ,—возмутилась Куля.—Взяли будто для шитья, а выходитъ—на одинъ срамъ. Надо жаловаться...

— Попробуй-ка, пожалуйста!—усмѣхнулась Федорка.—У нихъ всѣ приказные задарены да засыпаны деньгами.. А продать тебя графу, Гапочка, нѣмецъ едва ли согласится... Графъ-то, говорятъ, прежде чѣмъ къ Гапчкѣ войти, по тысячѣ цалковыхъ платилъ... то самому Карлушкѣ, то Анкѣ...изъ рукъ въ руки. И за насъ тоже хорошія денежки беретъ. Сеня Рыбаковъ, знаешь, тотъ купчикъ изъ Замоскворѣчья, что со мной трои сутки гулялъ, пять тысячъ у нѣмца-то посѣялъ. Сеня-то самъ мнѣ сказывалъ... Жаднуцій Карлушка-то... страсть! Такой глотъ, какихъ мало.

Подруги помолчали, раздумывая о своей неволѣ.

— А вотъ что, дѣвушки,—серьезно заговорила Гапка:—надо намъ Сережу просить...

— А что онъ можетъ сдѣлать?—насмѣшливо спросила Федорка.—Пожалуется начальству... ну, повернуть насъ въ деревню... и будемъ тамъ у всѣхъ на смѣху, на позорѣ... Нѣтъ, лучше бѣжать. Уйдемъ въ лѣса. Гдѣ-то на Уралѣ, сказываютъ, есть скиты монашескіе. Уйдемъ и будемъ тамъ жить.

Въ комнату со смѣхомъ вбѣжали, тараторя и перебивая другъ друга, еще двѣ дѣвушки, Настя и Катя.

— Нѣмецъ пріѣхалъ!—объявила Катя.

— Вмѣстѣ съ Каролинкой!—добавила Настя.—Новыхъ привезли...

— А одну—связанную, съ закрытымъ лицомъ,—тихонько сказала Катя.—Въ баню посадили.

Это извѣстіе произвело на подругъ ошеломляющее впечатлѣніе.

— Кто же она такая?—спросила Гапка.

— Василій сказывалъ: городская,—отвѣтила Катя.—Купецкая дочь.

— Ну!—недовѣрчиво улынулась Куля.—Да ты, Катька, не врешь?

— Провалиться на мѣстѣ!—обидчиво завѣрила Катя.—Да, вотъ, спроси Настю.

— Я своими глазами видѣла, какъ ее вынули изъ возка,—подтвердила Настя.—Такъ въ шубѣ, связанную, и поволокли въ баню.

— Охъ, горькая наша доля!—тихо простонала Ѳедорка.—И Божечко жъ! Никола милословой!—и что съ нами, несчастными, будетъ?

— Откуда же ихъ привезли?—спросила Гапка.

— Изъ Саратова... Да, кромѣ купчихи-то еще пятерыхъ дѣвокъ привезли. Тѣ въ покояхъ сидятъ.

— И куда столько!—удивилась Катя.—У насъ и мѣста нѣтъ.

Около дверей зашлепали туфли фрейленъ Анны, и дѣвушки притихли.

VIII.

Пока Андрей Павловичъ всталъ, четъ Гофмановъ пришлось таки порядочно подождать. Умывшись и тщательнo причесавшись, въ шлафрокѣ и туфляхъ, Чемонаковъ прошелъ въ кабинетъ, куда Тишка и пригласилъ Гофмана.

— Аа! Карлъ Богданычъ!—привѣтствовалъ Чемонаковъ, обнимая и цѣлуя нѣмца?—Другъ! Ну, какъ дѣла? Садись, рассказывай.

Гофманъ, грузно опустившись въ широкое вольтеровское кресло, медленно, философски процѣдилъ:

— Гм... Какъ тебѣ сказать Андрей Павловичъ? Дѣла наши имѣютъ двѣ стороны, какъ рожа латинскаго бога Януса. Одна сторона какъ будто и ничего себѣ... хороша, а другая—ни къ чорту не годится.

— Ну, у тебя-то оно навѣрное имѣетъ только одну хорошую сторону,—льстиво улыбнулся Чемонаковъ, преклонявшійся предъ коммерческимъ гениемъ своего компаньона.—Не такъ ли?

— Не, нельзя похвастаться,—угрюмо пробурчалъ Гофманъ-закусывая усь, что у него всегда выражало признакъ сильнаго волненія.—Партія въ пять душъ подобралась ничего себѣ... чисто, ну, а шестую-то дѣвку, признаться, мы взяли силомъ. Вотъ и сумнѣ, ваюсь я—какъ бы чего не вышло...

По его одутловатому, мясистому лицу скользнула тѣнь тревоги.

— Откуда взяли?—вполголоса спросилъ Андрей Павловичъ.—Опять, видно, изъ градскихъ?

— Да, изъ Вольска... Агнія, купца Шмыгина дочь, раскольница,—знаешь?

Чемонаковъ молча кивнулъ головой.

— Давно я до нея добирался,—продолжалъ Гофманъ.—Охъ, и дѣвка же!—Отдай все и—мало. Твоя Гапочка и въ подметки ей не годится... Королева! Была за Жмыхова просватана... первый богачъ въ Вольскѣ. Наканунѣ свадьбы мы ее увезли.

— А ты, что же, Жмыхова боишься? да?—пахмурился Чемонаковъ.

— Боятся—не боюсь, а погони опасуюсь,—вздохнулъ Гофманъ. Слѣдъ-то мы плохо замели... А этотъ чортовъ Жмыхъ—горячій чоговѣкъ, сорви-голова. Да и старикъ Шмыга тоже каторжной... за вѣру въ Сибирь ходилъ...

— Знаешь, что посоветую тебѣ, Карлъ Богданычъ,—вдумчиво молвилъ Чемонаковъ:—спрячемъ ее на-время.

— Куда?

— Да въ Полтавщину. Тамъ, мой другъ, схоронимъ—какъ въ камскій мохъ... и концовъ не сыщешь... А гдѣ она?

— Въ баню посадили. Хочешь взглянуть?

— Разумѣется. Тащи сюда.

Нѣмецъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ плѣнницей.

Агнія вошла въ кабинетъ, поддерживаемая подъ руки Василиемъ и фрейленъ Анной.

— Раздѣть!—приказалъ Гофманъ, комфортабельно усаживаясь въ кресло.

Дѣвушка, скинувъ лисій салопчикъ и толстый ковровый платокъ, осталась въ шелковомъ темносинемъ, косоклинчатомъ сарафанѣ, какіе носятъ старообрядки, съ рассыпавшейся по плечамъ пышной темнорусой косой. Агнія была чисто-русская красавица: бѣлое лицо съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, черныя брови шнурочкомъ, тонкимъ штрихомъ сходящимся надъ переносьемъ, и черныя же, какъ влажная вишня, глаза.

Агнія изподлобья, мелькомъ взглянула на нѣмца, нѣсколько дольше остановилась на Чемонаковѣ, разсматривая его съ видимымъ недоумѣніемъ, (Чемонакова она дважды видѣла въ своемъ домѣ, у батюшки, который покупалъ хлѣбъ въ Даровкѣ), и на гранатовыхъ, чувственныхъ губахъ скользнула насмѣшливая улыбка.

— А товаръ не забракуешь, первый сортъ!—цинически воскликнулъ нѣмецъ, самодовольно поглаживая животъ, колыхавшійся отъ сдержаннаго смѣха.—А ты, красавица, голову не вѣшай, не печаль хозяина,—обратился онъ къ Агнии, нащупывая ее наглыми глазами, подернутыми маслянистой влагой.—Жениховъ найдемъ сколько угодно, получше твоего Жмыха... Что такое Жмыхъ?—Такъ себѣ, купчишка... тѣфу! А мы подберемъ тебѣ въ масть графа, князя...хе-хе!

Агнія подняла на него прекрасные лучистые глаза.

— Охъ, пусти къ батюшкѣ!—нараспѣвъ попросила она.—И что тебѣ отъ меня, какая польза?—А батюшка дастъ тебѣ выкупъ, какой ты хочешь.

— Э, дѣвка!—презрительно свиснулъ Гофманъ.—Деньги не шту-

ка. Намъ твои деньги не нужны,—поняла? Мы и такъ ихъ изъ тебя выжмемъ... А объ отцѣ и женихѣ забудь и думать...

Дѣвушка поблѣднѣла, нахмурила брови и гордо выпрямилась. Непокорливая шмыгинская кровь забулплила и горячей, алой краской залила щеки и огнемъ занескрилась въ очахъ.

— Такъ что-жъ вы хотите?!—гнѣвно заговорила она, тяжело дыша высокою, красивой грудью, трепставшей подь шелкомъ саравана.—По-разбойничьи взаперти будете держать меня, что ли? Что-жъ вы?! или думаете, батюшка и женихъ забудутъ обо мнѣ, не выручатъ? Они, чай, не такіе хамы, какъ вы, а вольные люди. По-годи, пѣмчура, доберутся они до тебя. И тогда не одобровать тебѣ, разбойникъ!

— Ого!—злбно усмѣхнулся Гофманъ.—Рано пташечка запѣла.. э-э, какъ это... какъ бы кошечка не съѣла.

— Не боюсь!—изступленно крикнула Агнія.—Не боюсь, разбойникъ! Вотъ тебѣ!

Она схватила стоявшій подлѣ нея стулъ и пустила его въ нѣмца.

Ножка тяжелаго стула ударилаь Гофману въ лицо, и онъ, обливаясь кровью, со стономъ повалился на полъ.

— Ахъ, Боже мой!—взволнованно воскликнулъ Андрей Павловичъ, пораженный и неожиданностью развязки, и смѣлой выходкой дѣвушки.—Чего ты стоишь, болванъ!—накинулся онъ на Василю, стоявшаго съ разинутымъ ртомъ.—Воды! Полотенце! Живваа! Да уведи эту разбойницу!

— Сами вы разбойники!—оборвала его Агнія.—Ка-ра-ууль!

— Уведи ее

Василій схватилъ въ охапку барахтавшуюся на его рукахъ Агнію и вынесъ ее изъ кабинета.

— О, мейнъ готтъ!—стонать Карлъ Богданычъ.—И какъ я съ такимъ ударомъ буду казаться добрымъ людямъ?

Шумъ и стоны Гофмана привлекли въ кабинетъ Каролину Ивановну и Эмму.

Обѣ женщины растерялись отъ неожиданности.

— Охъ, охъ —безтолково заметалась по кабинету Каролина Ивановна.—Пѣтнай. Тѣлайте послѣ этотъ топро лютямъ. Та я всё шила путу вытягивать, этой негодной тѣвченка.

Наконецъ, она взяли воду, обмыла кровь съ лица своего супруга и занялась перевязкой раны.

Эмма, оглядѣвшись кругомъ, спокойно спросила:

— А гдѣ же эта... Агнія?

— Чортъ бы ее побралъ, эту разбойницу—ошетинился Андрей Павловичъ.—Извините, фрейленъ Эмма, но я приказалъ запереть ее въ банѣ.

Эмма, холодно выразивъ сожалѣніе, Карлу Богданычу, незамѣтно выскользнула изъ комнаты.

Слѣдомъ за ней удалилась и Каролина Ивановна, спѣшившая раздѣлаться съ «негодной дѣвченкой», разукрасившей лицо ея «обожасмаго» Карлуши.

IX.

Гофманъ, съ забинтованной головой и пластырями на лицѣ, уныло сидѣлъ въ креслѣ и ворчалъ.

— Чортъ знаетъ, что такое. Какова бестія, эта раскольникья дѣвка! (Онъ говорилъ:—«Эта шортъ знаетъ, ишто такое». и. т. д., но, уже однажды приведя образчикъ его произношенія, мы исключаемъ вездѣ ломанную рѣчь этого нѣмца).

Андрей Павловичъ съ разстроеннымъ видомъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и, въ тонъ Гофману, дѣлалъ послѣдному горькіе упрёки.

— И на кой чортъ ты вывезъ эту жарь-птицу? Скандалистка.

— Ничего, обойдется.

— Сколько времени надо ее тренировать. Иначе—и гостямъ нельзя показать. Тоже утѣшилъ...

— Красавица. Такая, говорятъ, только у Стеньки Разина была, персидская царевна.

— Положимъ, великолѣпный экземпляръ... и ты, вѣроятно, пожнешь съ нея недурную жатву.

— Пополамъ, какъ условлено.

— Гмъ,—иронически усмѣхнулся Чемонаковъ.—Пополамъ-то пополамъ, только моя половина какъ будто меньше твоей.

— Ты же знаешь наши доходы.

— Ихъ знаетъ фрейленъ Анна, и ты знаешь, а я вижу деньги только отъ васъ. Угодно вамъ дать мнѣ столько-то,—ладно, неудобно,—тоже съ вами ничего не подѣлаешь.

— Чего жъ ты хочешь?

— Я давно собираюсь попросить тебя уступить мнѣ Гапку. Я хочу снять ее съ оброка и оставить для себя. А съ остальныхъ, какъ и прежде, будемъ дѣлить доходъ пополамъ. Согласенъ?

— Но вѣдь я тебѣ платилъ за Гапку особо двѣ тысячи.

— И получилъ доходу больше сорока тысячъ. Этого тебѣ мало?

— Изволь, я, пожалуй, уступлю,—не ссориться же намъ?—Хотя ты и поступаешь не по-компанейски. Вѣдь не хочешь же ты нарушить нашу запись?

— Совсе и не думаю нарушать, но, согласишь, когда одинъ компаньонъ беретъ львиную долю дохода, а другой, глядя на него, только облизывается, выходитъ какъ будто и обидно...

— Хорошо, хорошо. Я не спорю. Владѣй Гапкой.

— Исключи ее сейчасъ же изъ записи.

— Хорошо.

Гофманъ, осѣдлавъ на носъ серебряные очки, полѣзъ въ боко-

вой карманъ сюртука и извлекъ туго набитый бумажникъ. Отыскавъ въ пачкѣ разныхъ бумагъ и записокъ записъ на взятыхъ въ Полтавщинѣ въ оброкъ дѣвокъ Чемонакова, онъ взялъ перо и сдѣлалъ въ документѣ соответствующую надпись объ исключеніи «Гапкиной души».

— Вотъ, смотри: все сдѣлалъ по формѣ.

Чемонаковъ внимательно прочиталъ надпись и, повидимому, остался доволенъ ею,

— Ну, а теперь, сдѣлавъ тебѣ одолженіе, Андрей Павловичъ, я тоже попрошу объ одолженіи,—сказалъ Гофманъ, наблюдая за компаньономъ.

— Въ чемъ дѣло?—насторожился Чемонаковъ.

— Видишь ли... это цѣлый прожектъ... Наше дѣло хотя и выгодное, но непріятное, и ведемъ мы его безъ всякаго порядка... какъ это говорится по-русски... черезъ пня въ колоду. А я хочу содержать его въ аккуратѣ, чтобъ оно еще было прибыльнѣе и... чтобъ какъ можно меньше непріятностей.

— Какія же непріятности?—тревожно спросилъ Чемонаковъ.—Скандалы по пьяному дѣлу...

— Ну, да,—согласился Гофманъ.—Именно скандалы. Съ купчиками.

— Но эти скандалы не идутъ дальше съѣзжей и квартальныхъ, которымъ мы хорошо платимъ,—возразилъ Чемонаковъ.—Опасаться нечего.

— Не то поете, милостивый государь мой,—разсердился Гофманъ.—Квартальные-то молчатъ, а сплетнѣ рта не зажмешь. Въ томъ-то и дѣло, что сплетни о скандалахъ идутъ дальше съѣзжей и квартальныхъ... не официальнымъ путемъ, а такъ... частнымъ образомъ, и доходятъ до Голицына, да еще въ разукрашенномъ видѣ, чего и не было... Скандалы-то эти какъ у насъ происходятъ? Изъ-за кого?—Купчикъ изъ Замосковорѣчья загуляетъ, зеркала побьетъ... какую-нибудь Катьку или Федорку березкой на столѣ поставить и шампанскимъ обольетъ, а свидѣтели-то сего безобразія кто?—Люди великосвѣтскаго общества... всѣ эти гвардейскіе офицеры: баронъ Черкасовъ, Воейковъ, Пашковъ, графъ Потемкинъ. Отъ нихъ все и идетъ.—«А вы слышали, что въ чемонаковскомъ-то монастырѣ, на Остоженкѣ, произошло?»—И пошли, и пошли все дальше и дальше. Наконецъ, сплетня докатывается до его сятельства, князь Димитрія Владиміровича ¹⁾. А его сятельство слушаютъ, да только головкой покачиваютъ: нечего сказать, хорошими дѣлами занимается дворянинъ Андрей Павловичъ Чемонаковъ...

— Но, Карлъ Богданъ—умоляюще произнесъ Чемонаковъ, блѣднѣя:—вы же мнѣ обѣщали...

¹⁾ Московскій военный губернаторъ Кн. Д. В. Голицынъ.

— Что я вамъ общалъ, милостивый государь мой?—Что ваше имя будетъ въ сторонѣ? Да, я общалъ, но что я подѣлаю съ людской молвой, скажите на милость? Я—не богъ. А наши сѣятельные гости не дѣти, которыхъ можно ввести въ заблужденіе... Главное: скандалы купчишекъ, порождающіе въ Москвѣ самые нелѣпыя слухи. И меня чествятъ,—не думайте... А компаньону-то, говорятъ, купецъ такой-то всю лысину горчицей вымазалъ.—А кто онъ?—«Да, знаете, говорятъ, пѣмца Гофмана, ростовщика, извѣстнаго торговца живымъ товаромъ?»—Ахъ, этотъ самый —М-да. А каково мнѣ слышать? Вѣдь эти слухи-то и до меня доходятъ въ лучшемъ видѣ. Положимъ, я не дворянинъ, въ геральдическихъ книгахъ не записанъ, но у меня, милостивый государь мой, семья, дочь, да и мое имя чего нибудь да стоитъ... тоже веду дѣла на большіе капиталы... и знатные люди меня принимаютъ—какъ нужнаго человѣка. Пожалуйста, говорятъ, Карлъ Богданычъ... А тутъ—не угодно-ли —вымазанная горчицей лысина. Такъ-то.

— Срамъ —воскликнулъ Андрей Павловичъ, хватаясь за голову.—Какъ же поправить дѣло? Говорите...

— То, что прошло, не поправишь. Вся Москва знаетъ и мои, и ваши качества. Но, думаю, впредь можно сдѣлать такъ, чтобы скандалы замоскворѣцкихъ купчиковъ не были извѣстны въ высшемъ обществѣ. Нельзя же принимать вмѣстѣ, въ одномъ домѣ, и подлыхъ, и благородныхъ,—до этого надо было сразу додуматься, а мы упустили изъ виду.

— Но купцы—какіе же подлые? возразилъ Чемонаковъ.

— Конечно, по-моему—такіе же люди, какъ и эти фертки, но—подите-ка, поговорите съ позолоченными господчиками, по ихнему—подлые.

— Такъ что же вы собственно надумали?—спросилъ Чемонаковъ.

— А вотъ что. Присмотрѣлъ я домъ на Большой Якиманкѣ. Цѣна подходящая и всѣ удобства. Купимъ мы этотъ домъ и отведемъ его для купчиковъ. Расходы пополамъ. Товаръ, разумѣется, отберемъ для нихъ похуже: у купцовъ сойдетъ за первый сортъ.

— Опять мое имя—съ неудовольствіемъ воскликнулъ Чемонаковъ, отмахиваясь досаднымъ жестомъ.—Неужто вы не можете обойтись безъ меня?

— Въ томъ-то и дѣло, мой другъ, что не могу. Еслибъ въ Петербургѣ,—тамъ можно, а здѣсь—не могу: Голицынъ противъ меня. Да ты не безпокойся,—вдругъ перешель онъ на фамиллярный, товарищескій тонъ.—Купчую, конечно, сдѣлаемъ на тебя, а мнѣ выдашь векселя. Это—главное. А затѣмъ передашь мнѣ домъ въ аренду. Не безпокойся... какъ это по-русски... да, комаръ носъ не подточить... Профитъ пополамъ. Не вѣришь мнѣ,—ставь своего приказчика, или самъ слѣди за доходами. А потомъ черезъ одного

человѣка можно будетъ похлопотать и объ открытіи при этомъ же домѣ герберга, да какого—съ лакеями-арапами, съ садомъ, съ карточными и бильярдными играми. Все Замоскворѣчье будетъ у насъ въ гостяхъ... Дицу ножку подставимъ... Ты можешь вести тогда широкую игру и—Гофманъ лукаво подмигнулъ компаньону— въ проигрышѣ не будешь, какъ у Дица, гдѣ у тебя вывернули карманы на изнанку. Чистой игрой не выиграешь... м-да. Подумай только, что мы можемъ зарабатывать впятеро больше, чѣмъ теперь.

— Я чтожь?—я согласенъ, если... если будетъ гербергъ,— нерѣшительно произнесъ Андрей Павловичъ.—Значить, только для однихъ купцовъ?

— Да, для однихъ купцовъ. Народъ денежный, за все—наличные.

— Хорошо. Приторговывай домъ.

— Просятъ сорокъ тысячъ. Не домъ,—дворецъ.

— Ладно. А когда мы отправляемъ въ Полтавщину эту разбойницу?

— Да, думаю, сегодня ночью.

Въ кабинетъ вошелъ Тишка и громко доложилъ:

— Графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ.

Чемонаковъ замѣтно смутился и растерянно посмотрѣлъ на своего компаньона.

— Карлъ Богданычъ, могу я попросить тебя оставить насъ однихъ,—попросилъ онъ Гофмана.—Для тебя сейчасъ удобнѣе не показываться ему въ такомъ ужасномъ видѣ. Выйди на минутку хоть въ спальню.

— Съ удовольствіемъ,—поморщился Гофманъ, и подозрительно заглянулъ въ его лицо.—Секретшки видно завелись.

— Какіе секреты, просто такъ... надо съ человѣкомъ поговорить съ глазу на глазъ по одному щекотливому предмету.—Проси!—приказалъ онъ Тишкѣ.

Гофманъ, кряхтя, поднялся съ кресла, прошелъ въ спальню, затворилъ за собой дверь и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ.

X.

Графъ Сергѣй Павловичъ, какъ кутила, считался у Чемонакова своимъ человѣкомъ; онъ цѣлыми сутками проводилъ свое время или въ розовомъ домикѣ, или же въ дѣвичьей, въ комнатѣ Гапочки. Дѣвушка поразила его своей красотой и непосредственностью яснаго народнаго ума; а когда она рассказала ему о томъ, какъ ихъ, яблоновскихъ и жартовскихъ дѣвокъ, выводили на площадь и выбирали, «якъ волівъ», причемъ нѣмецъ щупалъ у нихъ груди, плечи и ляжки; какъ онѣ, согнанныя на панскій дворъ, плакали горькими слезами, «у три ручья», графъ почувствовалъ къ ней искрен-

нее влеченіе. Развѣ какая нибудь изъ извѣстныхъ московскихъ красавиць, блистающихъ въ свѣтѣ, перенесла бы подобное униженіе съ такимъ мужествомъ, съ какимъ перенесла его эта простая дѣвушка? Нѣтъ, эти женщины изъ народа, котораго мы совсѣмъ не знаемъ,—думалъ графъ,—положительно какія-то новыя героини чудныхъ, ненаписанныхъ поэмъ. А затѣмъ, когда Гапочка отъ спокойно-эпическихъ разсказовъ о тяжеломъ положеніи крѣпостныхъ, которыми паны торгуютъ, какъ скотомъ, перешла на чисто-женскія жалобы на свою несчастную долю, на загубленную дѣвичью жизнь, чувство влеченія мало-по-малу перешло въ сложное чувство мужской жалости, очень близкое къ чистой любви, которая завязалась въ прочный узелъ, соединивъ между собой двухъ людей діаметрально противоположнаго общественнаго положенія — красавицу-дикарку и блестящаго гвардейскаго офицера.

Но, проводя дни и ночи въ домѣ Чемонова, графъ испытывалъ глубочайшее отвращеніе къ личности хозяина дома.—«Игрокъ, мотъ, это—куда бы еще ни шло, можно извинить,—мало ли дворянъ и кутятъ, и мотають, и играютъ на пропалую, спуская цѣлыя состоянія, разсуждалъ графъ,—но, чтобы дворянинъ, имѣющій опредѣленные связи въ обществѣ, принимаемый въ извѣстныхъ домахъ, чтобы этотъ дворянинъ содержалъ публичный домъ, состоялъ компаньономъ ростовщика, человѣка битаго, прошедшаго огонь и воду и мѣдныя трубы и занимающагося такими дѣлами, о которыхъ принято говорить на ухо,—этого я не могу переварить... нѣтъ!»

Однако графа, пользуясь его увлеченіемъ Гапочкой, усердно обирали оба компаньона, и онъ не протестовалъ. «Помилуйте, ваше сіятельство, обращался къ нему Гофманъ, требуя двѣ-три тысячи рублей авансомъ «на мелкіе расходы»,—Гапочка—исключительно ваша, и кромѣ васъ къ ней никто не заглядываетъ. Вы ужъ не скупитесь, какъ эти купчишки изъ Замоскворѣчья, которые привыкли торговаться за каждый грошъ».— И графъ, вообще щедрый, платилъ и платилъ безъ конца и авансы Гофману, и проигрыши Чемонова въ гербергѣ Дица, и считалъ эти платежи чѣмъ то обязательнымъ. Денегъ онъ не жалѣлъ; но ему съ каждымъ днемъ все омерзительнѣе казалась обстановка, въ которой находилась любимая дѣвушка, и были противны окружавшіе ее люди, потерявшіе всякій стыдъ. Возможно, какъ человѣкъ далекій практическаго смысла жизни, онъ не скоро нашелъ бы и для Гапочки, и для себя, для обоихъ соотвѣтствующій выходъ изъ создаваемаго положенія, и Богъ знаетъ до какого времени продолжались бы его визиты въ «чемоновскій монастырь», пропитанный тлетворнымъ воздухомъ разврата, лжи и ужаснаго рабства женскаго тѣла, еслибъ Гапочка сама не навела его на мысль о выкупѣ ея у Гофмана.

Сергѣя Павловича сразу осѣнилъ лучъ свѣта.

— На волю? Радость моя! Да конечно, надо уходить отсюда. Это—адъ.

— Вызволь меня, милый! Въѣкъ тебѣ не забуду, до гроба буду молить за тебя Бога.

— Обязательно, обязательно!—обнадежилъ ее графъ, обнимая стройный станъ дѣвушки.—Я это немедленно устрою.

— Только, прошу тебя, имѣй ты дѣло не съ Карлушкой,—онъ жаднога, какъ липку обереть тебя,—а переговори съ Андреемъ Павловичемъ. Онъ попроще будетъ, не какъ этотъ паукъ.

— Да, да, милая... я переговорю съ Чемонаковымъ. Я думаю выкупить и дать вольныя всей твоей семьѣ. Что ты скажешь, моя рыбка?

Дѣвушка, вмѣсто отвѣта, обняла его и стыдливо спрятала головку на его груди.

— Сережа! Милый! шептала она.—Хорошій ты мой!

И этотъ ласковый шопоть любимой женщины, какъ шопоть акацій и липъ въ паркѣ его имѣнія, гдѣ онъ родился, гдѣ жила его старушка-мать, былъ такъ обаятеленъ, такъ красивъ, какъ сладкая мелодія игры на скрипкѣ, слышанная имъ однажды въ старомъ швейцарскомъ городкѣ, гдѣ онъ провелъ все лѣто, ища человѣческую душу, возможности излить все, что у него наболѣло на душѣ. А наболѣло въ ней много, много горечи... «Народъ,—думалъ онъ, слушая прелестную мелодію, созданную этимъ народомъ,—вовсе не такой, какимъ мы представляемъ его себѣ. Онъ грубъ по внѣшности, но мягокъ и нѣженъ въ глубинѣ души своей, въ глубинѣ своего я. Онъ не допускаетъ, какъ мы, обладанія чело-вѣкомъ на основахъ придуманнаго нами крѣпостного права, и уже въ одномъ этомъ отношеніи стоитъ неизмѣримо выше насъ, поработившихъ его волю и стремящихся вытравить изъ него свободную, великую душу... А фальшь? А ложь наша?... Эхъ, жаль, что я не родился мужикомъ. Не чувствовалъ бы теперь всей этой гнили, плѣсени, которой пропиталась вся наша жизнь, какъ платье дояго пролежавшее въ сырости, затхломя помѣщеніи, и жилъ бы простыми радостями и скорбями народной души... Попробую слиться съ народомъ хоть черезъ Гапочку. Важенъ первый шагъ...».

Съ этими мыслями онъ вошелъ въ кабинетъ, поздоровался съ Андреемъ Павловичемъ, заискивавшимъ и лебезившимъ передъ нимъ, и коротко спросилъ:

— Ну, что? Какъ? Рѣшили?

— Это вы о чемъ, ваше сіятельство?—переспросилъ Чемонаковъ, сдѣлавъ видъ, что не догадывается о цѣли его визита.

— Да все на счетъ Гапочки и ея семьи.

— Я не прочь, графъ, продать всю семью. Садитесь, прошу васъ, и давайте все обсудимъ.

— Цѣна?—спросилъ графъ, присаживаясь къ столу.

Глазки Чемонакова безпокойно звѣгали, какъ вороватыя мышки, въ одно и то же время почуявшія и сало, и крадущуюся къ нимъ кошку. Онъ покосился на дверь спальни, откуда уловилъ легкое сопѣніе своего компаньона, и отвѣтилъ:

— Видите-ли, графъ, семья, которую вы хотите купить, состоитъ, кромѣ Гапочки, изъ ея отца 45 лѣтъ, матери 32 лѣтъ и двухъ братьевъ отъ 14 до 16 лѣтъ. Пять душъ. Отецъ—искусный скорнякъ, здоровый мужикъ, баба...

— Позвольте!—рѣзко прервалъ его графъ.—Мнѣ это не нужно. Говорите прямо цѣну, не стѣсняйтесь.

Сопѣніе Гофмана за дверью прекратилось.

— Если вамъ будетъ не обидно, графъ, я попрошу за Гапочку тридцать тысячъ, а ея семья пойдетъ въ пяти.

— Я согласенъ. Дайте мнѣ бумаги. Я напишу записку въ мою контору и, представивъ вольную, вы можете когда угодно получить деньги.

— Вольную я пришлю завтра, ваше сіятельство.

— Прекрасно. А Гапочку я возьму сегодня же. Можетъ быть нуженъ задатокъ?

— Какъ вамъ угодно,—замаялся Чемонаковъ; однако, вспомнивъ о предстоявшей вечеромъ большой игрѣ у Дица, всѣмъ своимъ видомъ далъ понять графу, что онъ очень и очень хотѣлъ бы получить деньги.

Графъ, угадавшій его желаніе, вынулъ бумажникъ и небрежно бросилъ на столъ пачку кредитокъ.

— Тутъ ровно десять тысячъ. Честь имѣю кланяться,—сказалъ онъ, вставая.

Едва графъ успѣлъ уйти, какъ въ дверяхъ спальни показался Гофманъ. Онъ былъ красенъ, какъ вареный ракъ. Его единственный незавязанный полотенцомъ глазъ метнулъ на Чемонакова злобный взглядъ.

— Кажется, изволили все переговорить?—не безъ ехидства спросилъ онъ ледянымъ тономъ Андрея Павловича.—Охъ, и компаньоны же нынѣ пошли! Когда ему нужно урвать отъ васъ кушъ пожирнѣе, такъ онъ—милости просимъ къ намъ, посовѣтуемся; а когда онъ этого самаго компаньона хочетъ одурачить, такъ—милости просимъ о выходѣ; у насъ, видите ли, секреты, о которыхъ другой компаньонъ не долженъ знать ни подъ какимъ видомъ.

Чемонаковъ слушалъ его съ смущеннымъ видомъ, не подымая глазъ отъ стола, на которомъ лежала съ еще не засохшими чернилами записка графа.

— Что-жь, сударь, отвѣчайте? Продали Гапочку-то?

— Ну, продалъ. Я имѣю право продать ее кому хочу.

— Нечего сказать, ловко повели дѣльцо, Андрей Павловичъ.

Я и не воображалъ, что вы Гапочку сосватаете графу... и, признаться готовилъ ему другую.

Чемонаковъ съ любопытствомъ поднялъ голову.

— Кого же? спросилъ онъ.

— Эмму—вотъ кого!—злбно произнесъ Гофманъ.

— Да какъ же это... дочь?—изумился Андрей Павловичъ.

— Какая она мнѣ дочь? Она—русская. Воспитываль... восемнадцатъ лѣтъ поилъ, кормилъ, одѣваль... Надо же мнѣ что нибудь отъ нея заработать... А съ графомъ мы почти уже совсѣмъ сговорились... все было готово, налажено... Я какъ-то говорю графу: «Есть, молъ, у меня дѣвочка на примѣтъ, всѣ пальчики оближете...» А онъ былъ пьянъ.—«Я, говоритъ, беру ее у васъ. Получите задатокъ».—Далъ пять тысячъ. Хорошо. А тутъ Воейковъ присталь:—«Я, говоритъ, можетъ быть, больше твоего дамъ. Если хочешь купить,—давай торговаться».—«Какъ же я буду торговаться,—спрашиваетъ графъ,—когда ея здѣсь нѣтъ?»—Я и говорю: «не сумнѣвайтесь, графъ: я отвѣчаю. Дѣвица благородной фамилии и красавица». И я не солгалъ: что правда, то правда: Эмма хороша. Начали торговаться. Графъ и нагналъ шестьдесятъ тысячъ. Воейковъ отступился. Вотъ на утро графъ просыпается,—а онъ въ гостинной на софѣ заснулъ,—спрашиваетъ: «Не помню, Карлъ Богданычъ, какой-то торгъ у насъ съ Воейковымъ былъ,—да? Я торговался и Воейковъ торговался, а что я купилъ,—шутъ ее знаетъ»—А самъ все въ сторону смотритъ, стыдится. А я и говорю: «съ покупкой поздравить, ваше сіятельство»... да все ему и обсказалъ.—«Ну, дѣлать, говоритъ, нечего. Купилъ, такъ купилъ. Значить задатокъ мой пропалъ... Дѣвица эта мнѣ не нужна, другая у меня есть...»—Воейковъ тоже не пожелалъ перенять ее, и осталась моя Эмма на бобахъ. Такъ-то. А еслибъ я зналъ, что ему Гапочка нужна,—я могъ бы тогда же продать обѣихъ графу и взять чистенькихъ тысячь полтора. Гапочки безъ Эммы не продалъ бы... А ты спустилъ за тридцать... Э-эхъ. Ну-ка, любезнѣйшій, подсчитайте, что вы натворили съ своими секретами,—а?

— Чего же раньше молчали? Или, можетъ быть, хотѣли за обѣихъ взять денежки и положить въ свой карманъ? Тоже и вы хороши, Карлъ Богданычъ.

— Нѣтъ, я не взялъ бы, а подѣлился пополамъ, не какъ вы... не утаилъ бы. А если я и молчалъ, то потому, что опасался, что вы разстроите дѣло съ графомъ. Я бы и Эмму, и Гапочку продалъ ему... А теперь, любезнѣйшій, помоги мнѣ пристроить Эмму.

— Какъ же ее пристрою?

— Будетъ сегодня у насъ Грязновъ?

— А чортъ его знаетъ,—съ досадою отвѣтилъ Чемонаковъ.

— А не будетъ,—надо за нимъ послать. Только съ нимъ дѣло надо сразу кончать, когда онъ въ подпитіи. Купчина ничего себѣ,

важный, а выпьетъ,—тряпка тряпкой. Тутъ изъ него хоть веревки вей. Все около меня вьется насчетъ мамзельки, и тоже—въ собственность... По-графски. Пиши, чтобъ пріѣзжалъ сегодня, привозилъ деньги.

— Ты и самъ можешь написать ему.

— Тебѣ онъ больше повѣритъ.

— А Эмма?—не окажется она сопротивленія, какъ эта... Агнія?

— Ну, съ ней-то я справлюсь... это ужъ мое дѣло. Такъ, по рукамъ?

Между компаньонами наружно состоялось примиреніе, хотя каждый изъ нихъ держалъ камешекъ за пазухой.

ХІ.

Старая бревенчатая баня, покосившаяся отъ ветхости на сторону, куда Василиій на рукахъ принесъ «разбойницу», стояла въ углу сада, недалеко отъ дѣвнчей, засыпанная снѣгомъ до самой крыши; лишь въ простѣнкахъ между окнами снѣгъ былъ разгребенъ и высился ослѣпительно бѣлыми откосами, какъ амбразуры у старыхъ военныхъ крѣпостей, да еще дорожка къ дверямъ была расчищена. Въ банѣ—которую топили чуть-ли не каждый день для гостей, мывшихся вмѣстѣ съ дѣвущками,—было жарко, пахло душистымъ мыломъ и березовымъ вѣникомъ; за горячей каменкой безъ умолку стрекоталъ сверчокъ.

Агнія безсильно опустила на скамью, оправляя растрепавшіяся волосы и измятый сарафанъ; она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Не бунтуй, дѣвка,—погрозилъ ей Василиій.—Бунтовать будешь,—хуже будетъ. Небось, не знаешь—каковъ есть Карлъ Богданъчъ. А евойная нѣмка, пожалуй, пожестче его будетъ. Стерва!

Агнія посмотрѣла на него съ пренебрежительнымъ видомъ и процѣдила сквозь зубы:

— Видали шестерокъ.

— Погоди, они тѣ покажутъ шестерку,—разсердился Василиій.— Ты, дѣвонька, настоящей-то страсти-то еще не видала... Тоже вотъ о прошломъ годѣ такъ-то привезли къ намъ Ониску. Прямо изъ деревни. Красивая, а вздорная дѣвка... не приведи Богъ такой карактеръ... и руками и ногами брыкается... хоть ты что хошь. Ни одного мужчину къ себѣ не подпускаетъ. Ужъ Каролина ее и лаской пробовала, и порола, и голодомъ морила, нѣтъ, ничѣмъ не могли пронять... Вотъ Каролинка возьми да и посади ее въ эту самую баню. Подала мнѣ овечьи ножницы и говоритъ: «Стриги ей пальцы на ногахъ».—Ужаснулся я,—слушаю, а у самаго зубъ на зубъ не попадаетъ. «Нѣтъ,—говорю,—барыня, не могу. Увольте».—«А, не можешь».—Да какъ мнѣ по мордѣ—индо искры изъ глазъ посыпались. Схватила ножницы да хрусть,—и отхватила у Ониски

мизинецъ на правой ногѣ. Кровища такъ и хлыщеть, крикъ, плачь... Я бѣжать. Прибѣгаю къ барину, къ Андрею Павловичу. Такъ, моль, и такъ. Выслушалъ меня и говоритъ:—«Дуракъ! Оъ одного пальца твоя Ониска, чай, не умретъ, а утихомирится въ лучшемъ видѣ».—Понялъ я тутъ, что у Андрея-то Павловича свой былъ интересъ въ этой самой Онискѣ-то. Вишь, барину ее продали, Панчулидзеву, и продали за большія тысячи. А она, Ониска-то, возьми да и упрись... шкандалъ и сдѣлала, полбакенбарда Панчулидзеву-то вырвала... Вотъ хорошо... бѣгу опять въ баню. Вижу нѣмка надъ Ониской стоитъ, ногу ей перевязываетъ.—«Будешь-ли слушаться меня?»—Это барыня-то спрашиваетъ. А она—«Охъ, буду, все исдѣлаю, ни въ чемъ не поперечу».—И что же ты думаешь?—ночью повѣсилась въ чуланѣ на полотенцѣ... Вотъ оно какое дѣло-то. А кабы покорила дѣвка,—жировала бы, какъ сыръ въ маслѣ каталась... Вотъ и твое дѣло тоже: смиришь и—живи себѣ. Гости у насъ бывають тароватые, все господа важнѣющіе...

— Жива не буду, а не покорюсь,—съ бѣшенствомъ крикнула Агнія; даже вскочила съ мѣста и ногой топнула.—Пусть тираняють, хоть живую на куски рѣжутъ, а не сдамся поганцамъ по доброй волѣ.

Съ распушенной косой, въ раскольниковѣмъ сарафанѣ, съ гнѣвнымъ выраженіемъ горящихъ глазъ, она была величественно-прекрасна, напоминая царевну Софью въ сценѣ съ Никитой Пустосвятомъ.

Василій улынулся и раздумчиво покачалъ головой.

— Видно захотѣла по Онискиной дорожкѣ пройтись... Ну, и перецъ же ты, дѣвка, Да чья ты такая уродилась: хоть сказала бы? Отколь ты?

— Вольскія мы...—неохотно отвѣтила Агнія.

— Вольскія? Такъ мы, выходитъ, земляки. Изъ самага городу иль изъ села?

— Изъ городу. Шмыгинныхъ слыхалъ?

— Какъ не слыхать. Не Андрея ли Петровича? Да ужъ ты не дочь ли его будешь?

— Да, около того. А развѣ ты знаешь батюшку?

— Вотъ тѣ и нѣ—удивился Василій.—Да какъ же мнѣ не знать его?—Благодѣтель, отецъ родной... Хлѣбъ твоему батюшкѣ возили, почитай, годовъ десять. Вся семья кормилась шмыгинскими заработками. А когда погорѣли,—батюшка-то твой и лѣсу далъ, и хлѣба, и денегъ,—только стройтесь. Баринъ нашъ и не зналъ—какъ мы выстроились и скотинкой обзавелись... Богобоязненный человекъ, Андрей Петровичъ. Строгонекъ, а въ правилѣ: не дать потачки ни себѣ ни людямъ. Да какъ же ты, Агнія Андреевна, къ нашимъ-то паскудникамъ попала,—а?

Дѣвушка, внимательно слушавшая Василия, что-то усиленно соображала, хмуря брови.

— Да такъ вотъ и попала: увезли, выкрали... Поѣхали съ мамкой въ моленную ко всенощной,—а моленная-то у насъ, знаешь, за городомъ, на самомъ выгонѣ,—тутъ онъ, этотъ Карлушка, съ своими людьми и настигъ насъ. Мамку къ амбару привязали,—меня увезли... Да, вотъ что, Василий, ежели ты батюшкино добро еще помнишь,—не оставь моей просьбы...

— Для тебя, касатка, хоть въ огонь и воду. Будь покойна.

— Сходи сейчасъ на Рогожское, въ Суконный переулокъ, къ Василию Гордѣвичу Цыбашеву... третій домъ отъ угла, съ палисадникомъ. Онъ мой крестный... Скажи, что, молю, немедля подалъ бы вѣсть нашимъ... чтобъ выручали. А, можетъ быть, и наши уже здѣсь... Вотъ, отдай ему...

Она свяла съ шеи маленькій серебряный образокъ-складень и подала Василию.

Василій, спрятавъ образокъ за пазухой, истово перекрестился широкимъ раскольничьимъ крестомъ.

— Я духомъ летаю,—сказалъ онъ.—Запрягу гнѣдка и—айда!

Дверь на передбанникѣ хлопнула, въ баню ворвалась струя морознаго воздуха и паровито разостлалась по полу.

— Смотри, кабы не сама Каролина пожаловала,—прошептала Василию.—Ты ужъ, Агнія Андреевна, тово... не задирай ее... потерпи малость, пока вызволятъ...

Онъ не ошибся: въ баню, съ пучкомъ розогъ, вошла Каролина Ивановна.

— Фасиль, потержи-ка эта сука,—указала она глазами на Агнію.

— Не могу, барыня,—хмуро отвѣтилъ Василій, пятясь къ двери.—Баринъ къ себѣ требуетъ... чобъ шель сей минутъ...

Онъ выскочилъ изъ бани, хлопнувъ дверью.

— Раздѣвайся, шкура —свирѣпо крикнула нѣмка, наступая на дѣвушку съ угрожающимъ видомъ.—Я путу твой немношка учить разумъ... показывайть тибѣ...

Но нѣмка не успѣла сказать, что она намѣривалась показать Агнѣ, какъ двѣ сильныхъ, мускулистыхъ руки дѣвушки желѣзными клещами сдавили ей горло. Рыбы глаза выкатились изъ орбитъ съ выраженіемъ застывшаго ужаса и, медленно присѣдая и храпя, она опустилась на полъ.

— Ахъ ты, колдовка проклятая,—прошипѣла Агнія, продолжая сдавливать шею своей жертвы.—Вѣдьма!

Фрау Гофманъ уже не шевелилась: легкая судорога въ послѣдній разъ пробѣжала по ея вытянувшемуся тѣлу и—все было кончено.

Дѣвушка со страхомъ заглянула въ лицо умершей и осторожно прислушалась. Въ баню каждую минуту могъ ктонибудь войти

и застигнуть ее на мѣстѣ преступленія. Надо было слѣшить. Агнія осмотрѣлась кругомъ. Одна доска на полу перегнила и надломилась около конца, прибитого гвоздемъ, и не представляло ни малѣйшаго затрудненія поднять ее. Агнія подняла половицу, скрывавшую подъ собою вонючую яму, наполненную грязной водой. Дѣвушка втиснула туда покойницу, бросила на нее пучокъ розогъ и опустила половицу.

ХІІ.

Было далеко за полночь. Морозило. Снѣжная пелена, покрывавшая улицу, блистала алмазами. Въ куполѣ темносиняго бархатнаго неба сіяли мнѣяды загадочно-мерцающихъ звѣздъ. Остороженка спала глубокимъ, безмятежнымъ сномъ, и лишь у подъѣзда чомонаковского домика стояли экипажи и толпились кучера, фореиторы и гайдуки; застоявшіеся кони звонко ржали и били подковами; отъ времени до времени по улицѣ проносился монотонно-унылый окрикъ соннаго алебардщика: «Слу-шша-ай». Сквозь ставни на улицу вылеталъ мотивъ бравурной пѣсенки, былъ слышенъ шумъ, смѣхъ и звонъ посуды и шпоръ.

Челядь усердно точила зубы надъ господами.

— Ишь, раскутились наши господа,—молвилъ кучеръ-бородачъ, похлопывая рукавицами.—Имъ тепло и не дуеть, а ты мерзнитъ, какъ собака.

— Имъ что,—усмѣхнулся гайдукъ графа Потемкина, плутоватый Сашка, знавшій о всѣхъ нескромныхъ походахъ графа.—Гладкіе, черти. Нашъ-то сегодня кралю отсель беретъ... На манеръ метрески. Видѣлъ я ее: красавица. Сегодня они, значить, вродѣ какъ прощаются съ Карлушкинымъ заведеніемъ, потому что для нея только сюда и ѣздили.

— Да и нашъ старый чортъ тоже...—вмѣшался въ общій разговоръ грязновскій кучеръ.—Сказываютъ: вотъ какъ увязался за Карлушкиной дочкой... водой не разольешь. И что въ ней хорошаго?—нехристь, одно слово, а вотъ—поди жъ ты... Сѣдина, видно, въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

— Га, га,—смѣялась челядь.—Какъ жеребцы стоялые...

Въ покояхъ чомонаковского домика шель пиръ горой. Собралась «золотая молодежь» съ Потемкинымъ во главѣ, десятка два офицеровъ, трое купчиковъ; присутствовалъ, съ видомъ амфітріона, и Матвѣй Ивановичъ Грязновъ, благообразный старикъ, лѣтъ поды шестьдесятъ, съ широкой сѣдой бородой, какъ у библейскаго патріарха, одѣтый въ синій долгополый сюртукъ, съ повязаннымъ на шеѣ краснымъ шелковымъ платочкомъ, и въ щегольскіе лакированные сапоги. Онъ уже былъ хмѣленъ.

— Пей, братцы,—крикнулъ Грязновъ.—Сегодня мой день. Я всѣхъ угощаю, какъ...—Онъ осѣкся, встрѣтивъ строгій взглядъ

Гофмана.—Ну, и что жъ ты на меня косишься, свать,—обратился. онъ къ нѣмцу.—Позолотить тебя надо, что ли?—такъ это мы можемъ.

— Вѣрно, старикъ,—усмѣхнулся сидѣвшій рядомъ съ нимъ баронъ Черкасовъ.—Карль Богданычъ у насъ только одной палки не любитъ, а денежки обожаетъ.

— На вотъ, лопай,—презрительно улынулся Грязновъ, бросая Гофману черезъ столъ объемистую пачку ассигнацій.

Гофманъ съ безстыдной жадностью схватилъ деньги на лету и спряталъ ихъ въ карманъ.

Гапочка и графъ сидѣли въ темномъ уголку гостинной, прикрытые красивой куртиной изъ пальмъ, составленныхъ въ одно мѣсто.

— Ты понимаешь, Сережа, что я говорю?—спросила Гапочка, продолжая начатый разговоръ.—Вѣдь этотъ негодяй продалъ Эмму старику Грязнову. Мнѣ она сама сказала. Кажется, ее сегодня хотятъ увезти.

— Не можетъ быть, мы не допустимъ.

— Что ты подѣлаешь? Возьмутъ и увезутъ. Агнiю вонъ изъ-подъ носу у отца и жениха увезли, а тутъ...

— Тутъ разбойничiй вертепъ,—досказалъ ея мысль графъ.— Но не безпокойся, моя ласточка, мы не допустимъ надругательства надъ ней. Вотъ увидишь. А теперь, пойдѣмъ, повеселимся вмѣстѣ съ нашими друзьями.

Они присоединились къ пирующимъ, занявъ мѣсто среди офицеровъ.

Лакеи разлили въ бокалы шампанское, и всѣ шумно поднялись съ своихъ мѣсть.

— Горько,—смѣясь крикнулъ поручикъ Каченовскiй.

Потемкинъ съ смущеннымъ видомъ посмотрѣлъ на Гапочку, потомъ на товарищей. Имъ привѣтливо улыбались; всѣ взоры были устремлены на нихъ.

— Горько! горько!—настаивали развеселившiеся гости.

— Ну, дѣлать нечего,—улынулся Потемкинъ, смѣясь притянулъ къ себѣ Гапочку и крѣпко поцѣловалъ ее въ губы.

Загремѣли тосты, зазвенѣлъ хрусталь чокающихся бокаловъ.

Грязнову и Эммѣ шампанское подаль, съ низкимъ поклономъ, самъ Гофманъ.

— Горько!—выкрикнулъ Карль Богданычъ съ сильнымъ акцентомъ и строго посмотрѣлъ на Эмму, на хорошенькомъ личикѣ которой отразилось чувство брезгливости къ неопрытному старику, съ плотояднымъ видомъ разглаживавшему бороду.

Эмма залпомъ вышила свой бокалъ.

— Поцѣлуйтесь-же. Эй вы, молодые —насмѣшливо крикнулъ имъ кто-то изъ офицеровъ.

— А чтожь?—и поцѣлুষь —хвастливо воскликнулъ Грязновъ, обливъ Эмму обѣими ручищами.—Вотъ какъ по-нашему, — крикнулъ онъ, срывая поцѣлуй.—Своимъ добромъ завсегда можемъ распорядиться...

Эмма вдругъ безсильно опустила голову на столъ.

— Что съ вами?—участливо спросилъ ее Потемкинъ.

Дѣвушка не отвѣчала.

— Знаешь, она заснула,—сказалъ Черкасовъ, съ изумленіемъ поглядывая на своего пріятеля.—Вотъ такъ штука. Неужели она такъ скоро опьянилась?

Подозрительная мысль, какъ молнія, сверкнула въ мозгу Потемкина: «Не подсыпали ли ей соннаго порошку, чтобъ легче овладѣть ею?»

— Зачѣмъ заснула, баронъ?—возразилъ Грязновъ.—Ей дурно. Эмма!—позвалъ онъ дѣвушку.—Вставай. Хочешь, прокачу?— все какъ рукой сниметь... Кони застоялись...

Поторошивъ еще Эмму, спавшую крѣпкимъ сномъ, Грязновъ всталъ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Шубку,—приказалъ онъ лакею.

— Покатайтесь-ка, погуляйте... хе-хе —поддержалъ его Карлъ Богданъчъ.

— Оставьте ее въ покоѣ,—строго остановилъ его Потемкинъ.

— А почему, ваше сіятельство, изволишь мѣшаться не въ свое дѣло?—съ досадою спросилъ Грязновъ.—Чай, съ своей дамой я могу распорядиться, какъ хочу.

— Молчать —грозно крикнулъ Потемкинъ.

Въ это время у подъезда зазвенѣли бубенчики, заскрипѣли полозья подѣхавшихъ трехъ паръ саней и загудѣлъ шумный, возбужденный говоръ.

— Кто бы могъ быть?—спросилъ, прислушиваясь, изумленный Гофманъ, бросая на гостей тревожные взгляды.—Такъ поздно...

Гости уже входили въ прихожую, и чей-то громкій, самоувѣренный голосъ спрашивалъ:

— А, ну-ка, гдѣ этотъ нѣмчура?

Гофманъ поблѣднѣлъ и безпомощно озирался кругомъ, какъ затравленный на садкѣ волкъ.

Въ гостинную, не раздѣваясь, въ шубахъ, шапкахъ и валенкахъ, запушенныхъ снѣгомъ, шумно ввалилась толпа людей во главѣ съ рослымъ красивымъ парнемъ въ полшубкѣ, поверхъ котораго былъ накинутъ суконный чепанъ, и въ собольей шапкѣ.

— Миръ честной компаніи —привѣтствовалъ онъ гостей, шуря отъ яркаго свѣта красивые, блестящіе каріе глаза.—Я—Василій Жмыховъ. Я пріѣхалъ за своей невѣстой. Ее, какъ тать въ ночи, укралъ нѣмецъ Карлушка, извѣстный плуть... да вотъ и онъ.

Жмыховъ, какъ ураганъ, ринулся на Гофмана; тѣло нѣмца,

«истор. вѣстн.», июль—августъ 1917 г., т. сѣлх.

мелькнуло въ воздухѣ, тяжело ударилось объ полъ. Жмыховъ размахнулся рукой, въ которой блеснулъ ножъ, и въ маленькой гостинной, среди тишины оцѣпейвшихъ и неуспѣвшихъ еще придти въ себя гостей, послышалось зловѣщее хрипѣніе и хлюпанье.

Жмыховъ поднялся съ полу тяжело дыша.

— Собакѣ собачья и смерть,—мрачно проговорилъ онъ.

Онъ быстро повернулся и вмѣстѣ съ своими спутниками, нѣмыми свидѣтелями кровавой сцены вышелъ на дворъ.

Никто не остановилъ его.

Гости засуетились: всѣ спѣшили поскорѣе выбратъся изъ дома до прибытія полиціи. Графъ, неся на рукахъ спавшую Эмму, вмѣстѣ съ Ганочкой вышли на подъѣздъ послѣдними. Они уже усаживались въ сани, какъ кто-то изъ челяди крикнулъ:

— Батюшки! Никакъ пожаръ!

Весь дворъ освѣтился яркимъ заревомъ. Занялись сразу и флигель и баня. Пламя пылало, вздымая къ небу огненные языки. Изъ настежь распахнутыхъ воротъ бѣжали шумной толпой обитательницы дѣвичьей. Всѣ были одѣты и несли въ рукахъ узлы съ пожитками. Очевидно пожаръ для нихъ не былъ неожиданностью. Впереди всѣхъ бѣжала Федорка.

— Слава тебѣ, Господи!—крестилась она.—Ослобонились.

— Куда?—спросилъ Потемкинъ.

— А куда Богъ приведетъ.

Дѣвушки, выйдя за ворота, крестились и степенно шли дальше.

Жмыховъ несъ на рукахъ Агнію, одѣтую въ шубку. Онъ усадилъ ее въ сани, вскочилъ на облучекъ и гикнулъ. Всѣ шестеро саней сразу взяли съ мѣста и стрѣлой полетѣли къ Кремлю.

— Надо и намъ убраться отсюда по-добру, по-здорову,—молвилъ Потемкинъ.

— Пшелъ!—крикнулъ онъ кучеру.

Слѣдствіе «о найденномъ въ домѣ дворянина Андрея Чемонакова зарѣзанномъ нѣмцѣ Гофманѣ и объ удушенной его женѣ Каролинѣ, а также о сгорѣвшихъ отъ неизвѣстной причины флигелѣ и банѣ» началось на другой же день. Благодаря показаніямъ Чемонакова, не пожелавшаго ничего скрывать отъ властей, скоро удалось установить, что Гофманы раскинули цѣлую сѣть «заведеній» въ обѣихъ столицахъ и вовлекли въ это «предпріятіе» не одного Чемонакова, но и другихъ дворянъ; что Гофманы держали «заведенія» не только для представителей «высшаго общества», но не брезговали держать притоны и для «подлаго народа»; что дѣвушекъ, входя въ противозаконныя сдѣлки съ помѣщиками, они не только покупали у послѣднихъ, но и выкрадывали у мѣщанъ и купцовъ,

поставляя ихъ въ свои и чужіе публичныя дома или отправляя въ Турцію и продавая тамъ въ гаремы. Далѣе, выяснилось, что отъ этого предпріятія Гофманъ нажилъ огромное состояніе, помѣщавшееся въ банкахъ въ Берлинѣ и Гамбургѣ.

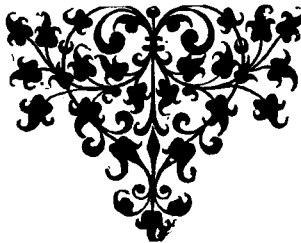
Чемонаковъ послѣ этого скандала исчезъ съ московскаго горизонта, переселившись на свободныя земли въ Новороссію. Впослѣдствіи о немъ доходили слухи, что онъ тамъ сдѣлался хорошимъ хозяиномъ и разбогатѣлъ.

Гапочка болѣе трехъ лѣтъ прожила съ графомъ Потемкинымъ на правахъ гражданской жены и когда графъ охладѣлъ къ ней, — вышла замужъ за рязанскаго купца Пычугина.

Эмма устроилась гувернанткой въ богатомъ дворянскомъ домѣ въ Москвѣ.

О судьбѣ дѣвушекъ, населявшихъ чемонаковскій флигель, извѣстно только одно, что все онѣ ушли въ уральскіе скиты. Обнаружилось это послѣ того, когда Катю, занявшуюся пропагандой раскола, задержали гдѣ-то около Самары.

А. Дунинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА¹⁾.

ХІ.

Знакомство съ Н. М. Барановымъ.—Мысль объ устройствѣ Морского музея.—Дѣятельность по образованію его Н. М. Баранова.—Характеристика Баранова.—Его отношенія къ наслѣднику престола.

ВЕРВОЕ мое знакомство съ Николаемъ Михайловичемъ Барановымъ относится къ давно прошедшему времени. Въ 1864 году, когда я былъ еще вице-директоромъ канцеляріи Морского Министерства, получилъ я какъ-то отъ Управляющаго Морского Министерства Краббе номеръ газеты «Кронштадскій Вѣстникъ» съ просьбой переговорить съ нимъ по статьѣ, напечатанной въ этомъ номерѣ, о трофеяхъ, хранящихся въ церкви въ Павловскѣ. Кто-то изъ морскихъ офицеровъ зашелъ въ эту церковь и увидѣлъ въ одномъ изъ угловъ флаги, расположенные въ видѣ трофеевъ. «Что это за флаги?» спросилъ онъ сторожа. «А Богъ ихъ знаетъ»,—отвѣчалъ сторожъ. «Вотъ прежній сторожъ, тотъ зналъ, но онъ умеръ. А мнѣ откуда знать?» Любознательный туристъ, рассказавъ въ газетѣ этотъ фактъ, разсуждаетъ въ заключеніе о равнодушіи нашемъ къ отечественнымъ памятникамъ славы.

На другой день я явился къ Краббе съ номеромъ «Кронштадтскаго Вѣстника».—«Посмотрите,—сказалъ Краббе,—что о насъ пишутъ, и пишутъ совершенно справедливо. У насъ въ залѣ Адмиралтейства на окнѣ находится судовая модель собственноручной

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXLVIII, стр. 340.

работы Петра Великаго, и даже не прикрытая колпакомъ. Жиды-сторожь копають тамъ своими руками каждый разъ, когда ему придетъ на умъ стереть пыль. Вѣроятно, найдутся въ разныхъ мѣстахъ и другія достопримѣчательности. Подумайте, что можно сдѣлать для сохраненія подобныхъ вещей?»

Изслѣдовавъ это дѣло, я убѣдился, что къ нему можетъ быть примѣнена поговорка: ничто не ново подъ луной. Оказалось, что въ морскомъ вѣдомствѣ съ самаго основанія флота принимались мѣры къ собранію и сохраненію моделей и предметовъ, по чему-либо примѣчательныхъ или полезныхъ, какъ образцы для морской науки и практики, что въ немъ существовалъ даже морской музей, но все это исчезло въ водоворотѣ различныхъ административныхъ распоряженій.

Еще Петръ Великій въ регламентѣ своемъ, между прочимъ, постановилъ: всѣ приобретаемыя книги, модели, чертежи и другія вещи, относящіяся до морского искусства, хранить при Адмиралтействъ-коллегіи. Какимъ образомъ это постановленіе было исполняемо до 1805 года, я не подвергалъ изслѣдованію. Но въ дѣлахъ мною найдено, что въ 1805 году, по инициативѣ Морского Министра адмирала Чичачова, состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи при адмиралтейскомъ департаментѣ морского музея. При энергичномъ участіи адмирала Чичагова возникшій музей быстро пополнился коллекціями разнообразныхъ предметовъ и книгъ, не имѣвшихъ въ значительной степени прямой связи съ морскими спеціальностями. Между моделями судовъ, машинъ находились окаменѣлости, древнія медали, раковины, а также оружіе и одежда дикихъ народовъ, доставленные изъ кругосвѣтныхъ плаваній Лисянскимъ, Крузенштерномъ, Литке, Беллингаузеномъ, Лазаревымъ и другими нашими моряками. Собраніе же книгъ въ томъ же 1805 году весьма много пополнилось покупкою въ Копенгагенѣ у извѣстнаго датскаго ученаго, графа Беренсдорфа, нѣсколькихъ тысячъ томовъ, въ томъ числѣ на языкахъ греческомъ, латинскомъ, еврейскомъ, халдейскомъ и арабскомъ. По содержанію своему книги эти, весьма цѣнныя и рѣдкія, принадлежали преимущественно къ разряду наукъ историческихъ, затѣмъ слѣдовали отдѣлы наукъ богословскихъ, юридическихъ, политическихъ, дипломатическихъ, географическихъ, философскихъ, и медицинскихъ; встрѣчались между ними также сочиненія по отдѣлу изящной словесности, художества, естествознанія и, наконецъ, самое послѣднее мѣсто занималъ отдѣлъ путешествій; книгъ же морскихъ вовсе не было.

Этотъ столь разнообразный по своему составу музей никогда не достигалъ надлежащаго устройства. Причина этому была двоякая: во-первыхъ, при учрежденіи музея не было выработано опредѣленной программы для тѣхъ статей, которыя могли бы

входить въ составъ его, его, а потому въ скоромъ времени въ немъ сосредоточились самыя разнообразныя предметы, не имѣвшіе никакого отношенія къ морской спеціальности; во-вторыхъ, съ самаго начала въ управленіи музея открылась крайняя неурядица. Завѣдываніе музеемъ переходило отъ одного лица къ другому безъ сдачи хранившихся вещей и книгъ. Имущество музея находилось до такой степени безъ надзора, что для побужденія одного изъ директоровъ къ дѣятельности адмиралтейскій департаментъ предписалъ даже производить ему только половинное жалованье. Въ 1825 году начальникъ морского штаба вице-адмиралъ Моллеръ доложилъ Государю, что силы и свѣдѣнія одного человѣка недостаточны для наблюденія за такимъ разнообразнымъ музеемъ и просилъ разрѣшенія раздѣлить его на четыре части: а) заключающія въ себѣ морскія карты и атласы, б) библіотеку, в) натуральный кабинетъ и г) модель-камеру. На это послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, и каждая изъ частей была передана въ завѣдываніе отдѣльному лицу. Однако адмиралтейскій музей въ этомъ видѣ существовалъ не болѣе трехъ лѣтъ. Въ 1827 году для освобожденія мѣста подъ помѣщеніе гидрографическаго депо испрашено было Высочайшее повелѣніе на раздачу вещей, находившихся въ музеѣ, въ различныя вѣдомства. Кабинетъ натуральной исторіи, монеты, оружіе дикихъ народовъ, ихъ одежда и проч. были переданы въ Академію наукъ; экономическія модели—въ вольно-экономическое общество; портреты русскихъ адмираловъ, картины и скульптурныя модели судовъ—въ морской корпусъ. Оставлены только модель-камера и вещи, современныя Петру Великому или ему принадлежавшія. «Сіи вещи, кажется, не слѣдовало бы отпускать изъ вѣдомства адмиралтейства, но пріискать имъ приличное мѣсто для сбереженія и храненія», говоритъ въ своемъ рапортѣ директоръ гидрографическаго депо. Вещи эти дѣйствительно были оставлены въ Морскомъ Министерствѣ, но соотвѣтственнаго мѣста для сбереженія ихъ найдено не было. Модель-камера помѣщена была во дворѣ зданія главнаго адмиралтейства въ С.-Петербургѣ, въ тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи; вещи же, принадлежавшія великому основателю флота, были помѣщены въ залѣ Адмиралтейства, не будучи обезпеченными въ отношеніи разрушительнаго вліянія времени. Такъ, модель, сдѣланная собственноручно Петромъ Великимъ, стояла на окнѣ, ничѣмъ не прикрытая; штандартъ, подъ которымъ онъ плавалъ, помѣщался въ той же комнатѣ въ углу, за шкафомъ. Вещи, современныя Петру и принадлежащія къ послѣдующему времени, которыя представляли что-либо замѣчательное въ томъ или другомъ отношеніи, были сданы въ экипажескіе магазины и мало по малу разошлись по частнымъ рукамъ, будучи продаваемы для очистки помѣщенія въ магазинахъ, какъ негодныя и вышедшія изъ употребленія. Такимъ образомъ, между прочимъ,

были распроданы современные портреты русских императоровъ и императрицъ и въ числѣ ихъ весьма рѣдкій современный портретъ императора Петра II. Находящійся нынѣ въ музеѣ прекрасный портретъ императрицы Екатерины II былъ купленъ однимъ чиновникомъ морского вѣдомства за 11 рублей и выкупленъ потомъ у него обратно музеемъ за 100 рублей.

Модель-камеру я нашелъ въ крайне запущенномъ состояніи. Содержатель ея, офицеръ, былъ уже нѣсколько времени боленъ: онъ сошелъ съ ума. Онъ находился въ больницѣ, но изъ состраданія къ нему и по родству съ директоромъ кораблестроительнаго департамента его не увольняли отъ должности. Такимъ образомъ модель-камера была на рукахъ сторожей. Нагроможденіе кое-какъ въ такомъ помѣщеніи, въ одной комнатѣ, моделей, покрытыхъ пылью, отсутствіе не только какого-нибудь каталога, но даже простой номенклатуры дѣлало пользованіе модель-камерой совершенно невозможнымъ; да о ней совсѣмъ и забыли. Въ то время, когда парусный флотъ замѣнялся паровымъ, деревянный—железнымъ и потомъ броненоснымъ, въ то время, когда за большія деньги выписывалось изъ заграницы и изготовлялось большое число моделей новыхъ изобрѣтеній, модель-камера вовсе не пополнялась новыми моделями, и послѣднія, по минованіи надобности, валялись въ разныхъ помѣщеніяхъ Адмиралтейства.

Въ представленной мною докладной запискѣ я предложилъ возстановить музей, преобразивъ въ него модель-камеру, въ которую назначить новаго содержателя. Съ своей стороны я указалъ на князя Ухтомскаго для замѣщенія этой должности. Краббе одобрилъ проектъ возстановленія музея, но относительно предлагавшагося мною лица сказалъ: «Ну нѣтъ, я вамъ назначу поспособіе для такой должности. Есть нѣкто лейтенантъ Барановъ; онъ великій мастеръ на всякія ручныя издѣлія. Вотъ онъ будетъ тутъ на мѣстѣ. Я вамъ пришлю его».

Дня черезъ два мнѣ доложили, что пришелъ лейтенантъ Барановъ. Въ кабинетъ вошелъ молодой человекъ, брюнетъ высокаго роста съ тонкими чертами лица и живыми, выразительными и пронизательными глазами. Общее впечатлѣніе немного еврейскаго типа. Мундиръ съ иголки сидѣлъ безукоризненно, но свободно, безъ перехватовъ; видно было, что шить не военнымъ портнымъ, а хорошимъ статскимъ. Все было пригнано до степени совершенства, все блестяло, но не кидалось особенно въ глаза: пуговицы съ рельефными орлами, цѣпочка, брелочки, орденъ маленькаго Станислава и медаль въ память войны 1853 года съ изящно завязанной ленточкой. Длинные пальцы оканчивались отрошенными ногтями безукоризненной чистоты и округленности, а на мизинцѣ, которымъ онъ обыкновенно указывалъ нужное на планахъ, картахъ и моделяхъ при представленіи ихъ, ноготь особенно длиненъ и кра-

совался перестень съ большой бирюзой. Я помню, что тщательность и изящество его туалета, строго согласнаго съ формой, тогда же произвела на меня впечатлѣніе, и эта отличительная черта никогда не покидала его. На работѣ, въ мастерской, въ гостинной, въ канцеляріи онъ былъ всегда одѣтъ не только чисто, но изящно. Говорятъ, что во время сраженія на «Вестѣ» онъ былъ также одѣтъ безукоризненно изящно.

Съ строгимъ соблюденіемъ того тона, съ которымъ подчиненный военнаго званія является къ начальству, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ сохраненіемъ достоинства и съ сдержанностью онъ лишь сказалъ, что управляющій министерствомъ назначаетъ его содержателемъ модель-камеры и состоящей при ней модельной мастерской, что онъ приказалъ ему явиться ко мнѣ, что онъ, Барановъ, любитъ эту часть, готовъ работать и явился за моими указаніями. Барановъ съ перваго же раза произвелъ на меня отличное впечатлѣніе. Было очевидно, что это человѣкъ умный, развитой, бывалый и ловкій. Изъ моихъ разспросовъ, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ, оказалось, что онъ плавалъ на военныхъ судахъ, потомъ былъ на коммерческихъ, затѣмъ былъ мировымъ посредникомъ и опять явился служить въ военномъ флотѣ. Я высказалъ ему мое удовольствіе, что съ нимъ познакомился, и рассказалъ результаты моихъ изысканій въ архивѣ. Мы порѣшили дѣйствовать такъ, какъ будто музей уже существовалъ, собирать пока вещи въ модель-камерѣ, а тамъ, что Богъ дастъ. Однимъ словомъ не затруднять начальство требованіями на первыхъ порахъ, но пользоваться обстоятельствами. Надо замѣтить, что я никогда не получалъ никакого спеціальнаго порученія на устройство музея, что высшее завѣдываніе этимъ дѣломъ сосредоточилось у меня въ рукахъ какъ-то само собой, и шуточное прозвище, данное мнѣ Краббе: «Маннъ-музей» такъ часто имъ повторялось, что дѣйствительно я сдѣлался олицетвореніемъ этого учрежденія.

Дѣло пошло очень успѣшно. Разобравъ модели и очистивъ ихъ отъ пыли, Барановъ вскорѣ нашель возможнымъ увеличить самое помѣщеніе модель-камеры и сдѣлать его сколько нибудь приличнымъ. Для этого онъ вывелъ изъ сосѣдняго помѣщенія квартиру сторожей и присоединилъ эту комнату къ модель-камерѣ, черезъ что образовалось помѣщеніе въ два свѣта. Модели и вещи расположены по стѣнамъ въ самой комнатѣ красивыми группами, все заблестало безукоризненной чистотой, вездѣ появились надписи, сторожа одѣлись въ новое съ иголочки, вытянулись, помолодѣли, стали вѣжливей и развязнѣе. Модельная мастерская, состоящая при модель-камерѣ, также помолодѣла и начала изготовлять самыя сложныя и мелкія издѣлія. Барановъ во всякое время, всегда на мѣстѣ. Съ видомъ человѣка, исполняющаго дѣло первой государственной важности, съ уточненной вѣжливостью и

предупредительностью принимает онъ каждого изъ посѣтителѣй, которыхъ самъ же искусно увлекаетъ подъ разными предлогами въ забытое помѣщеніе модель-камеры, и всегда умѣетъ заинтересовать посѣтителя объясненіемъ ему какой-нибудь новинки, смотря по характеру и развитію послѣдняго. А новинки то-и дѣло стали появляться въ стѣнахъ модель-камеры. Экипажескіе магазины и другія портовые и министерскія помѣщенія осматрѣны, и все интересное въ историческомъ или техническомъ отношеніи и не распроданное еще начальствомъ для очистки помѣщеній «за негодностью» перенесено оттуда въ модель-камеру и получило объяснительные ярлыки. Въ архивахъ найдены слѣды, куда исчезли тѣ или другія вещи изъ бывшаго музея и, что было возможно вернуть въ министерство покупкою, или другими способами, возвращено. Центральнымъ мѣстомъ для моделей новыхъ изобрѣтеній также сдѣлалась модель-камера, и посѣщеніе ея стало поучительно. Число посѣтителей модель-камеры начало быстро увеличиваться, о ней начали говорить, ее посѣтилъ великій князь. Я помогаль Баранову своимъ вліяніемъ, какъ вице-директоръ канцеляріи, содѣйствовалъ отысканію въ смѣтѣ денегъ на покрытіе расходовъ, но устройство модель-камеры въ подробностяхъ всецѣло принадлежало ему.

Человѣкъ очень умный и необыкновенно ловкій, съ такимъ изящнымъ, артистическимъ вкусомъ, онъ на лету хваталъ то, что не приходило ему самому въ голову при устройствѣ ввѣреннаго ему учрежденія, и развивалъ поданную ему мысль во всѣхъ деталяхъ превосходно. Вести съ нимъ дѣло было чрезвычайно пріятно, легко, интересно, увлекательно. Я восхищался каждый разъ, когда онъ показывалъ кому-нибудь при мнѣ модель-камеру или какую-нибудь вещь. «Вотъ человѣкъ,—говорилъ я себѣ сперва,—на своемъ мѣстѣ, какъ онъ умѣетъ заинтересовать, придать значеніе каждой вещи...» Черезъ нѣсколько времени, однако, какъ-то само собою сдѣлалось, что я началъ говорить про его объясненія: «Какъ онъ хорошо показываетъ казовый конецъ каждой вещи, какъ онъ умѣетъ пускать пыль въ глаза!» Наконецъ, присмотрѣвшись болѣе, въ одинъ прекрасный день я долженъ былъ сказать себѣ: «Да онъ просто лжетъ». И, сдѣлавъ это открытіе, я путемъ опыта убѣдился, что Барановъ одинъ изъ совершеннѣйшихъ лжецовъ въ мірѣ, не стѣсняющійся размѣрами лжи до такой степени, что большинству лицъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло, не приходило и въ голову, что онъ лжетъ, другіе же допускали только, что онъ привираетъ. Между тѣмъ по части лжи онъ великій артистъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Ловкость, съ которой онъ пускаетъ въ ходъ эту ложь, поистинѣ изумительна. Иногда въ видѣ намека, полуслова, иногда въ видѣ тонкой лести, вырвавшася сердечнаго порыва, глубокаго чувства, съ которымъ онъ не въ состояніи совладѣть, Барановъ бро-

саль въ обращеніе при удобномъ случаѣ разныя замѣтки, мнѣнія, истины, небывалые факты, которые могли быть полезны ему или повредить тѣмъ лицамъ, которымъ ему было выгодно напакостить. Онъ не стѣснялся размѣрами лжи въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельство нельзя было провѣрить или онъ зналъ, что избличать его невыгодно и что избличать не стоитъ. Такія импровизаціи давались ему необыкновенно легко, безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, безъ запинки, спокойно, съ большой самоувѣренностью рассказывалъ онъ съ большими подробностями то, чего никогда не было, и иногда мнѣ казалось, что онъ самъ вѣритъ рассказываемому; онъ извивался и ловко выскользнулъ всякій разъ, когда представлялось, что вотъ-вотъ его уловншь. Эта несчастная слабость Баранова ставила меня къ нему въ ненормальное положеніе. Я очень полюбилъ его за умъ, способности, готовность услужить, наконецъ, доброту и великодушіе къ подчиненнымъ, которыхъ онъ любилъ выдвигать впередъ и награждать. Хлопоча о себѣ, онъ любилъ подѣлиться пріобрѣтенными выгодами съ меньшей братіей и былъ очень щедръ. Но рядомъ съ этимъ у меня сдѣлалась привычкою, когда я говорилъ съ нимъ, всегда имѣть на умѣ, не лжетъ ли онъ, или сколько въ томъ, что онъ сказалъ, солгано. Барановъ лгалъ такъ умно и ловко, что ложь не только не внушала къ нему отвращенія, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ была увлекательна и возбуждала невольное сочувствіе. Напримѣръ, какъ онъ былъ хорошъ на всевозможныхъ международныхъ и отечественныхъ выставкахъ, куда его назначали представителемъ отъ морского вѣдомства посреди всевозможныхъ аферистовъ и благеровъ! Барановъ всегда любилъ представлять себя большимъ патріотомъ, таланты котораго возбуждаютъ зависть и не признаются по достоинству. Въ это первое время его патріотичная дѣятельность сосредоточилась на заботѣ о снабженіи нашихъ сухопутныхъ войскъ скорострѣльными ружьями. Въ 1867 году послѣ необыкновенныхъ успѣховъ пруссаковъ, благодаря игольчатымъ ружьямъ въ войнѣ ихъ съ Австріей, повсюду въ Европѣ стали вводить скорострѣльныя ружья, заряжающіяся съ казенной части. Наше военное сухопутное вѣдомство медлило, колебалось между различными предлагавшимися ему системами и имѣло въ виду не изготовленіе новыхъ ружей, но передѣлку въ скорострѣльныя находившихся въ изобиліи въ запасахъ семи линейныхъ парѣзныхъ ружей, заряжающихся съ дула. Барановъ предложилъ на испытаніе свой образецъ, составлявшій примѣненіе системы Альбини къ нашимъ ружьямъ съ нѣкоторыми въ ней улучшеніями. Военно-сухопутное вѣдомство болѣе склонялось въ пользу другого образца, принадлежавшаго иностранцу Крынку. Барановъ очень искусно и тонко провелъ пропаганду въ пользу своего образца, распространяя подъ рукой извѣстіе, что изобрѣтенію его не даютъ хода потому, что оно

принадлежить русскому, а не иностранцу, и не даетъ возможности корытоваться, кому слѣдуетъ. Въ послѣднемъ, вѣроятно, было не безъ правды, ибо взяточничество чиновниковъ и офицеровъ сухопутнаго артилерійскаго управленія процвѣтало въ то время въ обширныхъ размѣрахъ. Какъ отличный стрѣлокъ, онъ умѣлъ показать достоинства своего изобрѣтенія знатокамъ; передъ незнакокомъ онъ ограничивался шелканіемъ курка на своей винтовкѣ. Но какъ увлекательно онъ умѣлъ объяснять, съ какимъ видомъ достоинства и скромности умѣлъ онъ выставлять преимущества своего изобрѣтенія, какъ искусно и ловко у него вырывались полунамеки на интриги противниковъ, съ какимъ чувствомъ звучала патріотическая струна въ этихъ отрывистыхъ фразахъ! И какую чудесную щегольскую винтовку онъ показывалъ и какъ граціозно и мастерски она двигалась у него въ рукахъ! Онъ сумѣлъ какимъ-то образомъ заинтересовать этимъ дѣломъ наслѣдника престола, незадолго передъ тѣмъ получившаго это званіе послѣ смерти брата и не умѣвшаго еще различать предложеній аферистовъ отъ дѣла. «Отечество находится въ опасности, беззащитно», твердили его высочеству окружавшіе его молодые офицеры: графъ Воронцовъ-Дашковъ, Козловъ, графъ Олсуфьевъ и К^о, сдѣлавшіеся изъ пріятелей и адъютантовъ великаго князя пріятелями и адъютантами наслѣдника престола, а потому и государственными людьми. «Нѣмцы у насъ повсюду; они помогаютъ своимъ собратьямъ-пруссакамъ». Мнѣ неизвѣстно, черезъ кого и какъ проникъ Барановъ къ наслѣднику; спрашивать его было неумѣстно, да онъ и не сказалъ бы правды, но сплелъ бы какую-нибудь исторію себѣ въ пользу. Какъ бы то ни было, а наслѣдникъ сдѣлался жаркимъ сторонникомъ ружья Баранова и вошелъ въ это дѣло со всѣмъ увлеченіемъ неосторожнаго молодого человѣка. Мнѣ неизвѣстно также достовѣрно, какъ примкнулъ къ этому дѣлу одинъ изъ величайшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичнѣйшихъ русскихъ аферистовъ, которыхъ я встрѣчалъ въ своей жизни, Николай Ивановичъ Путиловъ.

ХІІ.

Н. И. Путиловъ и дѣятельность его по морскому министерству.—Устройство Морскаго музея.—Художественная сторона музея Великій Князь Константинъ Николаевичъ и художникъ Ге.—Общества: садоводства и духовой музыки.

Путиловъ получилъ образованіе въ Морскомъ корпусѣ, но вскорѣ оставилъ службу во флотѣ и занялся промышленностью. Во время восточной войны 1853-1856 годовъ онъ построилъ на коммерческомъ основаніи нѣсколько клиперовъ и по окончаніи постройки представилъ великому князю обратно нѣсколько десят-

ковъ тысячъ рублей, какъ остатокъ данной ему въ безотчетное распоряженіе суммы на постройку этихъ судовъ. Денегъ этихъ отъ него никто не требовалъ, и представленіе ихъ произвело большой эффектъ. Съ тѣхъ поръ слово «Путиловъ» и «честность» сдѣлались синонимами въ морскомъ вѣдомствѣ, и Николай Ивановичъ пошелъ шибко въ ходъ. А онъ не задумывался долго надъ избраніемъ предметовъ дѣятельности. Чего, чего онъ не предпринималъ? И чугуны плавилъ, и пушки отливалъ, и ядра ковалъ, и рельсы прокатывалъ, строилъ желѣзныя дороги, устраивалъ морской каналъ и коммерческій портъ въ С. Петербургѣ. Все это онъ дѣлалъ съ большимъ шикомъ и трескомъ, бросалъ много денегъ направо и налево и не разбирая кому, устраивалъ лукулловскіе завтраки и обѣды, имѣлъ большой штабъ и свиту, въ которыхъ иногда появлялись довольно громкія имена. Морскаго канала и торговаго порта въ С. Петербургѣ онъ не устроилъ, а модель прозкта этихъ сооружений, расположенная на зеркалѣ для лучшаго изображенія воды, съ игрушечными моделями церквей всѣхъ вѣроисповѣданій, больницы, пакгаузовъ, долго мозолила всѣмъ глаза и, наконецъ, попала въ музей. Онъ даже ухитрился, при неимѣннн въ сущности порта, дать представленіе, какъ два судна, одно пришедшее изъ Америки, а другое съ Волги, обмѣниваются у него въ порту товарами, и по этому случаю угостилъ очень многочисленное общество отличнымъ обѣдомъ и патріотическими спичами. Прокатка каждаго милліона рельсовъ на его желѣзно-прокаточномъ заводѣ давала ему также поводъ къ отличнымъ обѣдамъ и спичамъ. Обыкновенно посылались приглашенія въ такой формѣ: «Владѣтель рельсоваго и механическаго завода Н. Путиловъ, за себя и по порученію мастеровыхъ, имѣетъ честь покорнѣйше просить удостоить заводъ посѣщеніемъ (такого-то числа) для осмотра работъ на полномъ ходу при прокаткѣ (такого-то) милліоннаго пуда рельсовъ, затѣмъ откушать заводскаго хлѣба-соли и посмотреть праздникъ мастеровыхъ по случаю окончанія прокатки (такого-то) милліона пудовъ». На заводѣ при этомъ веегда давалось такое представленіе: Путиловъ приводитъ публику въ одну изъ мастерскихъ, гдѣ устроено нѣчто въ родѣ висѣлицы съ тяжелой бабой наверху и съ обозначеніемъ футовой мѣры на столбахъ. «Давай рельсъ съ нашего завода», командуетъ Путиловъ и приказываетъ его бить бабой сперва съ умѣренной высоты, а потомъ все болѣе и болѣе поднимая бабу до самаго верха. Рельсъ не ломается. «Давай англичанина», командуетъ затѣмъ Путиловъ, и рельсъ разбивается вдребзги при первомъ ударѣ, едва подняли бабу. Посѣщать эти обѣды съ представленіями не считалось предосудительнымъ лицами наиболѣе высоко поставленными, а равно вести съ Путиловымъ дружбу несмотря на его подрядческую дѣятельность. Какъ-то подразумевалось, что Путиловъ подрядчикъ не изъ барыша, а изъ патріотиз-

ма, что, хлопоча о предоставленіи ему того или другого предпріятія, онъ имѣеть въ виду прежде всего выгоды отечества и жертвуетъ собою. «Я человекъ русскій. Спаси насъ Богъ и сохрани отъ нѣмцевъ! Потрудитесь для младшаго брата, рабочаго, дать ему и его семейству сытнѣй и обезпеченный кусокъ хлѣба и чарку хорошаго вина—вотъ цѣль моей дѣятельности». Такія и тому подобныя фразы такъ и сыпались у него и не могу сказать, чтобы не исходили изъ глубины убѣжденія. Путиловъ былъ прежде всего фантазеръ. Когда было возможно, онъ ограничивался такими фразами. Онъ былъ очень щедръ и, когда при деньгахъ, не жалѣлъ ихъ. Многіе, очень многіе, безъ сомнѣнія, поживились отъ него, но обезпеченности отъ него не ожидай. Черезъ его руки прошли не сотни тысячъ рублей, а миллионы, но онъ кончилъ тѣмъ, что умеръ, обремененный долгами и подъ опекой государственнаго банка. Это былъ человекъ инициативы и благожелательной фантазіи, но не дѣла; однако дѣятельность его, какъ дорого она ни обошлась казнѣ и какъ печально ни окончилась для предпринимателя, имѣла положительно полезныя результаты. Онъ будилъ нашу апатію въ администраціи и мѣшалъ передать всѣ предпріятія по желѣзнодорожному дѣлу въ руки иностранцевъ, что было такъ удобно и безответственно для министерствъ, но ставило насъ въ зависимость отъ иностранцевъ не только въ дѣлѣ промышленности, но даже охраны государственной безопасности.

Въ 1867 году Путиловъ уже совсѣмъ сформировался въ такого дѣятеля, но не достигъ еще апогея своего величія. Показать изумительную свою дѣятельность наслѣднику престола и послужить патриотическому дѣлу очень польстило его самолюбію, и онъ, по приглашенію наслѣдника, принялъ на передѣлку 10 тысячъ пѣхотныхъ шестилинейныхъ винтовокъ въ скорострѣльные ружья по образцу Баранова въ чрезвычайно короткій срокъ и на необыкновенно выгодныхъ условіяхъ съ тѣмъ, чтобы передѣлка производилась на морскихъ ижорскихъ заводахъ. Этимъ маневромъ хотѣли доказать, что система, предложенная Барановымъ, лучшая, и что у насъ имѣются и дѣятели, и средства, чтобы вооружить всю армію въ Россіи въ короткій срокъ и на выгодныхъ условіяхъ, была бы только охота со стороны военнаго вѣдомства дать ходъ такому патриотическому дѣлу. Управляющій морскимъ министерствомъ Краббе и Великій Князь генераль-адмиралъ также нашли нужнымъ поддерживать Наслѣдника, который принялъ на себя расходы по передѣлкѣ оружія.

Ружья были дѣйствительно передѣланы Путиловымъ чрезвычайно скоро, но такое непрошенное вмѣшательство въ дѣла военнаго вѣдомства чрезвычайно оскорбило военнаго министра Милютина. Онъ просилъ отставки, и Государь сдѣлалъ нагоняй Наслѣднику, повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ израсходованную сумму воз-

вратить ему изъ государственнаго казначейства. Весьма естественно, что военно-сухопутное вѣдомство не могло послѣ всего этого благопріятствовать ружьямъ Баранова, его имя проносилось въ Военномъ Министерствѣ съ скрежетомъ зубовъ, его система была забракована и отдано предпочтеніе образцу Крынка; передѣланныя же по образцу Баранова винтовки переданы въ Морское Вѣдомство для вооруженія матросовъ. Барановъ, впрочемъ, получилъ орденъ Владиміра и 10 тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства за свои хлопоты, Путиловъ также какую-то награду. Но вся эта исторія имѣла и хорошую сторону. Она обратила вниманіе на вопросъ о скорѣйшемъ введеніи скорострѣльныхъ ружей, и это дѣло быстро двинулось впередъ.

Около этого же времени чрезвычайно улучшилось положеніе Баранова, какъ начальника морскаго музея: съ задняго двора адмиралтейства музей перебрався въ бель-этажъ зданія Главнаго Адмиралтейства съ окнами на адмиралтейскую площадь и занялъ обширное помѣщеніе, которое вскорѣ еще расширилось.

Выше, по случаю передѣлки зданія Адмиралтейства въ квартиры для Управляющаго Министерствомъ и другихъ высшихъ административныхъ лицъ, я упомянулъ объ Инженерномъ и Артиллерійскомъ училищахъ морскаго вѣдомства по поводу происходившихъ тамъ театральныхъ представленій. Училище это въ началѣ 60-хъ годовъ значительно сократилось, и прежнее помѣщеніе отъ среднихъ воротъ Адмиралтейства подъ шпицомъ до самой Невы со стороны Сената далеко превышало потребность училища. Обширныя комнаты въ бель-этажѣ отъ среднихъ воротъ до церкви стояли почти пустыя, заняты кое-гдѣ квартирами офицеровъ училища; въ верхнемъ же этажѣ помѣщались, во исполненіе требованія Третьяго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, агенты тайной полиціи. Заключая въ себѣ лицъ всѣхъ возрастовъ и обоого пола, она имѣла обязанностью шпионить въ толпѣ, подсматривать, подслушивать и доносить, кому слѣдуетъ. Люди эти переодѣвались въ разное платье, надѣвали парики, бороды; мальчики переодѣвались даже въ женское платье. Начальникомъ этой почтенной команды былъ нѣкто Газе, зять дѣлопроизводителя канцеляріи морскаго министерства Мицкевича, того самаго, который потомъ сдѣлался директоромъ канцеляріи министерства финансовъ, гофмейстеромъ, поднимавшимъ такъ высоко носъ и выдававшимъ себя за аристократа чистой крови. Я ничего не зналъ относительно этого родства, и, Боже, какъ онъ сконфузился, когда однажды, сопровождая меня при осмотрѣ помѣщенія чиновъ этой полиціи, нечаянно встрѣтилъ въ коридорѣ своего зятя.

Сдѣлавшись директоромъ канцеляріи Морскаго Министерства, я началъ хлопотать, чтобы свободныя комнаты въ бель-этажѣ отвести подъ музей. Тутъ мнѣ пришлось выдержать цѣлую битву съ

только что назначеннымъ главнымъ командиромъ С.-Петербургскаго порта, Аркадіемъ Васильевичемъ Воеводскимъ, предполагавшимъ помѣстить въ этихъ комнатахъ вновь образованное въ то время управленіе С.Петербургскаго порта, сдѣланнаго главнымъ портомъ. Въ другомъ мѣстѣ я расскажу о значеніи этой мѣры и о томъ вліяніи, которое оно имѣло на мое служебное поприще. Въ дѣлѣ перенесенія музея въ новое помѣщеніе я настоялъ на своемъ, доказавъ, что для помѣщенія С. Петербургскаго порта совершенно достаточно верхняго этажа въ правомъ крылѣ Главнаго Адмиралтейства. Почти въ то же время мнѣ удалось придать музею значеніе учрежденія, существованіе котораго утверждено законодательной властью черезъ Государственный Совѣтъ. Для этого я включилъ постановленіе о существованіи музея, какъ составной части учрежденій министерства въ представленіе въ Государственный Совѣтъ о новомъ управленіи морскимъ министерствомъ, которое тогда экстренно разматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ по случаю необходимости съ января 1867 года сдѣлать значительныя сокращенія въ смѣтѣ морскаго министерства. Я такъ много хлопоталъ о музеѣ, что мои сильныя симпатіи къ этому учрежденію были хорошо пзвѣстны какъ Краббе, такъ и Великому Князю, и оба они, шутя, увѣковѣчили мое участіе въ этомъ дѣлѣ. Слушая составленную мною записку для представленія въ Государственный Совѣтъ, которая заключала въ себѣ проэктъ преобразованія морскаго министерства и докладывалось мною же въ корректурныхъ листахъ, Краббе, когда я ему читалъ мѣсто о музеѣ, попросилъ у меня корректурные листы и набросалъ сбоку на поляхъ карандашемъ рисунокъ, изображающій какого-то господина въ круглой шляпѣ съ *rinse-nez* верхомъ и подписалъ: «К. А. Маннъ на любимомъ конѣ». Когда послѣ этого я докладывалъ дѣло его высочеству, онъ увидѣлъ этотъ рисунокъ и спросилъ— «А это что за иллюстрація?» Я объяснилъ. «Да какъ же это? Николай Карловичъ ошибся, васъ нужно изобразить морякомъ, а не статскимъ» и нарисовалъ внизу другой эскизъ. Я храню эти два рисунка какъ воспоминаніе о времени созданія музея и моего въ этомъ дѣлѣ участія и думаю, что, когда насъ всѣхъ тутъ не будетъ въ семь мѣрѣ, мѣсто этимъ оригинальнымъ иллюстраціямъ въ музеѣ.

При моемъ, какъ директора канцеляріи, содѣйствіи черезъ ассигнованіе денежныхъ средствъ и другими всякими способами, находившимися въ моей власти, Барановъ превосходно устроилъ музей въ новомъ помѣщеніи. Гдѣ-то, въ экипажескихъ магазинахъ, онъ нашелъ старый паркетъ и, перебравъ его заново, замѣнилъ въ залахъ музея досчатый полъ паркетнымъ. Цѣлыя арки вынуты, и комнаты превращены въ залы. Все заблестѣло, вещи соединились въ красивыя группы. Вскорѣ и верхній этажъ присоединился къ музею, такъ какъ чины тайной полиціи если не безчинствовали

въ зданіи Адмиралтейства, то по крайней мѣрѣ, страшно тамъ свинствоваши и не признавали высшей власти, если не Управляющаго Министерствомъ, то по крайней мѣрѣ, смотрителя зданія. Этимъ обстоятельствомъ Краббе воспользовался, чтобы настоять у шефа жандармовъ на выселеніи этихъ гостей изъ своихъ владѣній, и такимъ путемъ верхній этажъ отошелъ къ музею. Это дало новый просторъ артистической фантазіи Баранова, и онъ устроилъ одну часть музея въ два свѣта съ помѣщеніемъ въ ней громадной модели корабля «Императоръ Николай» съ полнымъ вооруженіемъ. Вообще надо отдать справедливость Баранову: ему удалось устроить музей на славу. Вездѣ видна идея, все красиво, изящно.

Рядъ залъ, раздѣленныхъ широкими пролетами, начинался заломъ, предназначенною для лекцій, собраній и разныхъ засѣданій. Далѣе въ слѣдующихъ залахъ помѣщено въ послѣдовательномъ порядкѣ множество моделей и другихъ вещей, относящихся къ морской спеціальности, морской артиллеріи, строительнаго искусства, быта людей на военныхъ судахъ, одежды и питанія людей, освѣщенія морей, спасательныхъ снарядовъ и пр. Тутъ же много вещей, пожертвованныхъ нашими командирами судовъ, возвращавшимися изъ кругосвѣтнаго плаванія, которыхъ Барановъ умѣлъ заинтересовать музеемъ. Въ глубинѣ музея устроенъ особый залъ, которому онъ присвоилъ названіе «Пантеонъ». Въ этомъ залѣ собраны всѣ вещи, принадлежащія флоту, съ именемъ которыхъ соединены особенно славныя воспоминанія. Баранову пришла счастливая мысль въ этомъ же залѣ помѣщать портреты всѣхъ морскихъ героев и непременно всѣхъ моряковъ, которые получили военный орденъ св. Георгія 3 степени. Это такая высокая военная награда, что каждому, кто удостоился ея, по справедливости, принадлежитъ мѣсто въ музеѣ. Начали собирать коллекцію имѣющихся литографированныхъ или гравированныхъ такихъ портретовъ, снимать копіи съ портретовъ масляными красками, составляющихъ семейную принадлежность; съ тѣхъ моряковъ, имѣющихъ орденъ св. Георгія 3 степени, которые находятся еще въ живыхъ, положено снять портреты. Къ несчастью, въ этомъ послѣднемъ залѣ я совершенно неумышленно повредилъ успѣху: безъ вины виновать.

Съ Николаемъ Николаевичемъ Ге, извѣстнымъ нашимъ живописцемъ, я свелъ дружбу еще въ то время, когда онъ былъ ученикомъ Академіи художествъ. Окончивъ довольно ordinarily курсъ въ Академіи, онъ потомъ въ Италіи написалъ извѣстную свою картину: «Тайная вечеря», отличающуюся не только широтою кисти и эффектнымъ сопоставленіемъ свѣта и тѣней, но и оригинальностью идеи. Подъ вліяніемъ незадолго передъ тѣмъ появившейся книги Эрнеста Ренана «Vie de Jĕsus», въ которой авторъ представилъ Иисуса Христа не Богомъ, но высоконравственнымъ человѣкомъ,

Ге изобразилъ тайную вечерю не по шаблону всѣхъ прежнихъ картинъ этого рода—Иисуса Христа въ серединѣ съ сіяніемъ вокругъ головы, а ученики въ шеренгу вокругъ стола—а въ простой обстановкѣ бѣднаго жилища, и самое предательство Иуды представилъ не результатомъ корысти, но слѣдствіемъ различія убѣжденій, различія, которое окончательно выразилось во время тайной вечера. Картина именно выражаетъ тотъ драматическій моментъ, когда Христосъ окончательно разрываетъ съ Иудой, и послѣдній, набрасывая свою хламиду, оставляетъ мѣсто собранія. Картина произвела большой переполохъ въ С. Петербургскомъ обществѣ, когда появилась на выставкѣ. Цѣлыя толпы собирались смотрѣть ее, большинство, конечно, благодаря смѣлости и новизнѣ способа обработки сюжета. Но и присяжные цѣнители нашли картину до такой степени замѣчательной въ художественномъ отношеніи, что Ге получилъ званіе академика, и картина его пріобрѣтена Академіей художествъ. Другая картина: «Петръ Великій, допрашивающій царевича Алексѣя въ Монплезира», написанная Ге черезъ нѣсколько времени, также произвела большое впечатлѣніе и куплена была Государемъ. Н. Н. Ге, милѣйшій и добрѣйшій человекъ, былъ мнѣ всегда очень симпатиченъ, и я находился съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Я предложилъ Баранову его для снятія въ музей портретовъ съ морскихъ героевъ, находящихся въ живыхъ, такъ какъ на выставкѣ были уже нѣкоторые портреты работы Ге, обратившіе на себя также вниманіе публики. Условія вознагражденія были скоро установлены, и для дебюта положено снять портретъ съ адмирала Панфилова, одного изъ участниковъ Синопской битвы. Портретъ удался какъ нельзя лучше, сходство было поразительное, и Барановъ въ полной увѣренности, что портретъ будетъ одобренъ Великимъ Княземъ, повезъ его въ Мраморный дворецъ, чтобы получить согласіе его Высочества на заказъ Ге и послѣдующихъ портретовъ. Музей въ то время такъ интриговалъ Великаго Князя, что безъ его одобренія нельзя было принять такой важной мѣры.

Въ это время я случайно былъ съ докладомъ у Его Высочества и, выйдя изъ его кабинета, нарочно остался въ бильярдной, гдѣ былъ выставленъ портретъ и находился Барановъ, чтобы присутствовать при торжествѣ Ге. Но намъ пришлось присутствовать при явленіи совершенно противоположнаго свойства. «Что за гадость?» вскричалъ Великій Князь, едва бросивъ взглядъ на портретъ. «Ничего хуже никогда не видывалъ; это какое-то мазанье для вывѣски! Нѣтъ, наше портретное искусство такъ упало, что музею не слѣдуетъ обращаться къ живописцамъ масляными красками. Теперь фотографія сдѣлала такіе большіе успѣхи, что для тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ музей, она вполне можетъ служить. Заказывайте впредь большіе фотографическіе портреты.

«Истор. вѣстн.», июль—августъ 1917 г., т. сѣлх.

4

раскрашенные красками», закончилъ онъ, обращаясь къ Баранову.

Великій Князь зналъ толкъ въ живописи, и меня чрезвычайно удивилъ такой рѣзкій, неумолимый приговоръ, въ которомъ просвѣчивала какая-то враждебность къ Ге. Впослѣдствіи я узналъ, что причина заключалась въ размолвкѣ, незадолго передъ тѣмъ происшедшей между Ге и сыномъ Вейкаго Князя, Николаемъ Константиновичемъ. Великій Князь Николай Константиновичъ незадолго передъ тѣмъ заказалъ Ге написать копию съ его же картины: «Петръ и царевичъ Алексѣй» и отказался уплатить условленную сумму. Вслѣдствіе этого между художникомъ, вообще благоговѣвшимъ передъ достоинствомъ людей, а не передъ титулами и званіями, и молодымъ Великимъ Княземъ произошли недоразумѣнія, которыя Великій Князь представилъ отцу какъ примѣръ возмутительной алчности со стороны Ге. Генераль-Адмиралу пришлось судить портретъ подъ этимъ впечатлѣніемъ, и чувство отца взяло верхъ надъ безпристрастіемъ официальнаго лица. Тѣмъ не менѣе портретъ адмирала Панфилова помѣщенъ въ музеѣ.

Два учрежденія примкнули къ музею. Общество садоводства, процвѣтавшее въ первое время своего существованія, въ началѣ 50-хъ годовъ, когда предсѣдателемъ его былъ С. Петербургскій городской секретарь, Николай Егоровичъ Моллеріусъ, умный, образованный, любезный человѣкъ и большой любитель садоводства, а послѣ его смерти прозябавшее подъ предсѣдательствомъ состоявшаго по морскому вѣдомству камергера Захарія Николаевича Мухартова, также любезнаго человѣка, но совершеннаго нуля въ умственномъ отношеніи и Богъ знаетъ почему попавшаго въ предсѣдатели, ¹⁾ воскресло снова и развернулось еще болѣе, когда предсѣдателемъ его сдѣлался Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ, въ то время еще бывшій директоромъ Канцеляріи Морского Министрства. Большой любитель садоводства, онъ началъ посѣщать собранія общества, происходившія въ одной изъ полуосвѣщенныхъ залъ Городской Думы, дошедшія до послѣдней степени малолюдства и не представлявшія рѣшительно ни для кого никакого интереса, и началъ возбуждать разные любопытные вопросы, касающіеся не администраціи общества, но техники са-

¹⁾ Захарій Николаевичъ былъ придворнымъ человѣкомъ до конца ногтей. Красивый когда-то собой, представительный, изящныхъ манеръ, говорящій безукоризненно по-французски, богатый, онъ жилъ и дышалъ только обществомъ. Онъ былъ долгое время камеръ-юнкеромъ, и вдругъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники его не сдѣлали одновременно камергеромъ. Боже мой, какъ онъ затосковалъ! «Я десять лѣтъ былъ камеръ-юнкеромъ и исполнялъ въ это время самыя трудныя порученія при дворѣ, и вдругъ меня не сдѣлали камергеромъ. Что, я разбилъ тарелку во время обѣда, наступилъ кому-нибудь на шлейфъ?» говорилъ онъ мнѣ съ отчаяніемъ въ голосѣ. Къ счастью, его отчаяніе было услышано: онъ былъ сдѣланъ камергеромъ и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ даже гофмейстеромъ.

доводства и огородничества. Появленіе блестящаго свѣтскаго генерала, умнаго и умѣющаго говорить, сосредоточило на немъ все вниманіе присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ. Бѣдный Захарій Николаевичъ исчезалъ передъ нимъ, не смотря на свое предсѣдательское званіе, и потому не удивительно, что при первой же очередной баллотировкѣ Грейгъ былъ выбранъ предсѣдателемъ общества. Онъ тотчасъ же возвысилъ значеніе общества, сдѣлавъ собранія интересными для специалистовъ, увеличилъ число членовъ, вербуя ихъ между своими многочисленными знакомыми, усиливъ денежныя средства общества, исходатайствовалъ ему наименованіе императорскаго, вошелъ въ сношеніе съ иностранными обществами и даже устроилъ первую международную выставку садоводства въ Россіи. Зато какимъ же деспотомъ онъ былъ въ этомъ обществѣ! Его воля была здѣсь болѣе, чѣмъ законъ, и въ голову никому не приходило ему противорѣчить. Самыя собранія ожидали его часами. Помѣщеніе въ думѣ было для него неудобно и некомфортабельно. Поэтому онъ обратился ко мнѣ съ просьбою отвести въ музей помѣщеніе для канцеляріи, гербарія и библіотеки общества и дать обществу право собираться въ большой залъ музея въ условленные дни. Это устроилось, и музей пріютилъ общество садоводства. Не могу по этому случаю не вспомнить о томъ ужасномъ положеніи, въ которое поставилъ меня Грейгъ.

Онъ вздумалъ отпраздновать новоселье общества молебномъ и обѣдомъ. Вообще охотникъ до религіозныхъ торжествъ по православному обряду, хотя самъ былъ англиканцемъ, и до обѣдовъ со спичами, которые превосходно говорилъ, Грейгъ въ этомъ случаѣ тѣмъ охотиѣ сдѣлалъ подобное предложеніе, что возсѣданіе за трапезой съ разными садовниками и огородниками увеличивало его популярность, а проявленіе на подобныхъ собраніяхъ различными способами несомнѣннаго «обожанія» со стороны членовъ общества къ его особѣ пріятно щекотало его самолюбіе. Обѣдъ былъ устроенъ по подпискѣ, но и я, подъ вліяніемъ, очевидно, Грейга, получилъ приглашеніе въ число гостей. Мнѣ крайне не хотѣлось появляться на обѣдѣ, ибо я зналъ, что дѣло не обойдется безъ госта въ мою честь какъ по поводу устроеннаго мною новоселья, такъ и потому, что я уже нѣсколько времени помогалъ обществу въ его различныхъ потребностяхъ съ тѣхъ поръ, какъ оно начало устраивать свои общія собранія въ залахъ Адмиралтейства. Я хотѣлъ отказаться отъ обѣда подъ предлогомъ болѣзни, но Грейгъ и слышать не хотѣлъ. Онъ такъ настаивалъ, чтобы я пріѣхалъ, что я, наконецъ, согласился, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ далъ мнѣ честное слово не предлагать госта въ мою честь. Въ концѣ обѣда я преспокойно трудился надъ какимъ-то цыпленкомъ или куропаткой въ образѣ жаркого, когда Грейгъ послѣ блестящаго спича, въ которомъ онъ разсказалъ исторію

возникновенія и развитія общества садоводства, всталъ во второй разъ, чтобы говорить. «Я имѣю обыкновеніе», сказалъ онъ, «хранить крѣпко разъ данное честное слово, но, когда такое слово дано въ удовлетвореніе ни съ чѣмъ не сообразнаго каприза ближняго, кажется, можно его нарушить. Вотъ мой сосѣдъ (онъ указалъ на меня) взялъ съ меня слово, что я не упомяну о немъ въ тотъ день, когда мы празднуемъ новоселье, которымъ мы ему обязаны. Сообразно-ли это съ самыми основными правилами справедливости? Вы, господа, согласитесь со мною, что мнѣ слѣдуетъ нарушить слово, и я его нарушаю. Вотъ, что онъ сдѣлалъ для насъ...» и пошелъ и пошелъ. Я очень хотѣлъ провалиться сквозь землю, но такъ какъ это мнѣ не удалось, то я принужденъ былъ принять тостъ и отвѣчать на него. Это было въ первый разъ, что я говорилъ въ обществѣ и притомъ, не приготовившись. Сердце сильно у меня билось, когда я всталъ съ бокаломъ въ рукахъ, и въ залѣ воцарилось молчаніе. Поэтому я могъ только ограничиться нѣсколькими словами, сказавъ, что обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ, что мои заслуги преувеличены Самуиломъ Алексѣвичемъ, что общество своею полезною дѣятельностью само открыло себѣ путь въ Адмиралтейство, что я только помогъ отворить дверь. Сильно досадовалъ я въ то время на почтеннаго Самуила Алексѣвичемъ, но вскорѣ мнѣ пришлось искренно благодарить его за эту вышеприведенную «пробу пера» моего краснорѣчія. Послѣ обѣда вздумали меня еще качать: чуть не вырвало.

Къ другому обществу, нашедшему также пріютъ въ музеѣ, я не имѣлъ никакого отношенія. Оно введено въ музей Барановымъ, и замѣчательно тѣмъ, что въ немъ участвовалъ Наслѣдникъ престола. Это общество духовой музыки. Цесаревичъ пожелалъ играть марши на духовыхъ инструментахъ, подобралъ желающихъ угодить ему въ этомъ дѣлѣ, и вскорѣ образовалось музыкальное общество, «негласное», которое собиралось въ музеѣ для репетицій и потомъ отъ времени до времени играло во дворцѣ Наслѣдника, иногда даже въ присутствіи Государя. Въ тѣ вечера, когда общество собиралось въ музеѣ, послѣдній становился недоступной святыней, и Барановъ, какъ хозяинъ, охранялъ эту недоступность. Какъ онъ умѣлъ показать всю важность своей задачи! Это было не чванство выскочки; это было скорѣе стараніе скрыть самое существованіе собраній и участіе въ нихъ Цесаревича, стараніе, не удающееся вслѣдствіе важности самаго событія. Если по пословицѣ и простого шила нельзя утаить въ мѣшкѣ, то какъ же ему, Баранову, сумѣть утаить присутствіе въ музеѣ Наслѣдника престола, и у него вырывались фразы о добротѣ къ нему Наслѣдника, объ умѣ и патріотизмѣ Его Высочества, о добротѣ и привѣтливости Цесаревича, объ умѣ ихъ малютки-сына. Такимъ образомъ для простыхъ смертныхъ Барановъ явился уже окруженный ореоломъ

августѣйшей бесѣды, рукопожатій и ужиновъ. Съ другой стороны, Наслѣднику Барановъ представлялся человѣкомъ очень умнымъ и дѣльнымъ: это мнѣ положительно извѣстно со словъ Краббе. Барановъ могъ обворожить всякаго, кого пожелалъ бы; какъ же ему было не заинтересовать Наслѣдника, къ чему онъ, безъ сомнѣнія, приложилъ особое стараніе, если принять во вниманіе, что Цесаревичу и въ голову не могла придти мысль, что Барановъ великій мастеръ соединять былъ съ небылицой!

Музей получилъ видное положеніе въ разрядѣ учреждений Министерства; все, что было живого и мыслящаго въ морскомъ вѣдомствѣ, интересовалось имъ; его посѣтилъ Государь, посѣщали Великіе Князья, и Генераль-Адмираль посѣщаль довольно часто. Барановъ плавалъ посреди всего этого, какъ рыба въ водѣ, то и дѣло выставляя въ музей новыя приманки. Вся обстановка въ музей была такъ хороша, удобна и комфортабельна, что Барановъ никакъ не могъ пожаловаться на недостатокъ гостей. То и дѣло собирались въ этомъ модномъ въ то время учрежденіи засѣданія разныхъ комиссій, обществъ. Въ открытые для публики дни въ музей стало являться много посѣтителей. Самъ Барановъ много выросъ и расширялъ свою дѣятельность за предѣлы Адмиралтейства сперва по поводу устройства Московской политехнической выставки, а потомъ—Вѣнской всемірной.

XIII.

Московская политехническая выставка.—Участіе морского министерства.—В. М. Лосевъ и П. Е. Щуровскій.—Великій князь Алексѣй Александровичъ.—Дѣятельность Н. М. Баранова и моя.

Возникновеніе и устройство Московской политехнической выставки имѣетъ болѣе тѣсную связь съ Морскимъ Министерствомъ, чѣмъ это извѣстно официально. Дѣло происходило вотъ какимъ образомъ.

Въ 1870 году мнѣ было необходимо писать всеподданѣйшій отчетъ о дѣятельности Морского Министерства. Подобные отчеты обыкновенно пишутся директоромъ канцеляріи, такъ какъ ему болѣе, чѣмъ кому-либо другому, извѣстенъ весь ходъ дѣлъ въ вѣдомствѣ, общій его смыслъ и виды лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, т. е. Управляющаго Морскимъ Министерствомъ и Генераль-Адмирала. Въ это время я былъ уже сильнымъ человѣкомъ въ Морскомъ Министерствѣ. Управление всѣхъ хозяйственныхъ департаментовъ въ 1867 году чрезвычайно увеличило дѣятельность канцеляріи Морского Министерства, такъ какъ не мелочное хозяйничанье, перешедшее въ порты, но направленіе дѣлъ и надзоръ за ними стало задачей Управляющаго министерствомъ и дало возможность

последнему быть не номинальнымъ, а дѣйствительнымъ распорядителемъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Я хорошо понималъ общій смыслъ дѣла, безъ преувеличенія могу сказать, былъ правой рукой Краббе, и онъ безусловно мнѣ довѣрялъ. Но вслѣдствіе этого и дѣла у меня въ рукахъ сосредоточилось очень много. Можетъ быть, мнѣ когда нибудь удастся рассказать въ подробностяхъ значеніе этого преобразованія и о томъ участіи, которое я принималъ въ немъ. Здѣсь упомяну только, что дѣйствительное, а не номинальное сосредоточеніе общаго направленія въ рукахъ центральной власти съ большимъ уменьшеніемъ письменнаго дѣлопроизводства, ежедневно привлекало массу лицъ къ объясненію со мною, дѣлало необходимыми мои частые доклады Управляющему министерствомъ и Великому Князю и постоянно прерывало всякую серьезную организаторскую работу. Составленіе всеподданнѣйшаго отчета изъ сырыхъ, дурно редактированныхъ матеріаловъ требовало возможности оглянуться, не торопясь. Я рѣшительно не могъ этого сдѣлать, исправляя должность, и мнѣ пришла въ голову мысль уѣхать на двѣ недѣли, страстную и святую, въ Москву, чтобы тамъ пробыть дней десять въ совершенномъ уединеніи и составить отчетъ. Краббе одобрилъ мою мысль, и я собрался въ путь.

Передъ самымъ отъѣздомъ я отправился къ Великому Князю съ какимъ-то докладомъ и ожидалъ по обыкновенію въ бильярдной своей очереди, чтобы идти къ Его Высочеству. Изъ кабинета вышелъ адъютантъ Великаго Князя, князь Ухтомскій, разстроенный и недовольный. «Никакой нѣтъ возможности сладить съ Великимъ Княземъ»; сказалъ онъ, отводя меня въ сторону. «Вамъ извѣстно, что вскорѣ послѣ Святой Его Высочество ѣдетъ въ Каспійскіе порты и на югъ. Путь лежитъ черезъ Москву, и это было бы первое посѣщеніе ея послѣ намѣстничества Великаго Князя въ Польшѣ. Но, помня тогдашніе нападки Москвы и «Московскихъ Вѣдомостей» на него, онъ никакъ не хочетъ ѣхать черезъ Москву и поручилъ мнѣ составить маршрутъ черезъ Рыбинскъ. Великій Князь, русскій и православный до мозга костей, сдѣлалъ такъ много для Россіи, сердечно любитъ Москву и не въ ладахъ съ Москвой! На что это похоже! Если онъ теперь минуетъ Москву, потомъ еще труднѣе будетъ покончить это непріятное недоразумѣніе. Я убѣждалъ его всѣми святыми, доказывалъ несомнѣнность хорошаго приема... никакъ не хочетъ отступить отъ своей мысли. Вы ѣдете въ Москву. Нельзя ли тамъ что нибудь устроить на встрѣчу къ Великому Князю, что показало бы расположеніе къ нему и заставило бы Великаго Князя измѣнить принятое рѣшеніе ѣхать на Рыбинскъ?» Зная убѣжденія Его Высочества, проникнутыя глубочайшимъ патріотизмомъ истинно-русскаго человѣка, зная благотворную его дѣятельность на пользу Россіи по всѣмъ преобразованіямъ

того времени, а равно то глубокое огорченіе, которое доставляли ему пристрастныя сужденія Москвы и «Московскихъ Вѣдомостей» во время намѣстничества въ Польшѣ, я душевно желалъ содѣйствовать устраненію этого прискорбнаго недоразумѣнія тѣмъ болѣе, что Его Высочество по своему вліянію, какъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта и какъ Великій Князь, могъ всегда сдѣлать очень много добраго Москвѣ. Поэтому по пріѣздѣ въ Москву я обратился за совѣтомъ къ одному большому моему пріятелю Василию Михайловичу Лосеву, занимавшему въ то время уже не первое трехлѣтіе должность городского секретаря. Человѣкъ образованный, въ высшей степени добрый и благонамѣренный, проникнутый искреннимъ желаніемъ быть полезнымъ своему родному городу Москвѣ, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ, Василій Михайловичъ пользовался тогда огромнымъ вліяніемъ среди Московскаго городского общества, состоявшаго изъ представителей всѣхъ сословій. Я рассказалъ ему все откровенно, такъ какъ на скромность и тактъ Лосева вполне можно было положиться. «Не знаю, что вамъ посоветовать?»—сказалъ онъ мнѣ. «Развѣ нельзя-ли чего нибудь сдѣлать изъ предположенія общества естествознанія, состоящаго при Московскомъ Университетѣ, которое имѣетъ въ виду устроить въ Москвѣ политехническую выставку въ годовщину двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго? Извѣстный вамъ заслуженный профессоръ Григорій Евфимовичъ Щуровскій душа всего этого дѣла». «Мысль хорошая», отвѣчалъ я. «Техника и Петръ Великій, во имя которыхъ устраивается выставка, близки къ интересамъ и сердцу морскаго вѣдомства. Но я вовсе не знаю Щуровскаго. Вамъ извѣстно, что я былъ на юридическомъ факультетѣ, а онъ профессоръ математическаго. Я слышалъ только нѣсколько его лекцій по минералогіи, заходя къ нему въ аудиторію въ свободные часы, такъ, изъ любопытства...» «Ну, такъ я съ вами его познакомлю», сказалъ Лосевъ и на другой день пріѣхалъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Щуровскимъ.

Почтенному Григорію Евфимовичу въ то время было подъ семьдесятъ, но что за энергія, что за живость, воспріимчивость! Онъ просто очаровалъ меня, и послѣ часовой бесѣды мы разетались, какъ будто я былъ съ нимъ знакомъ десятки лѣтъ. Мы порѣшили, что Московскій Университетъ въ уваженіе заслугъ Великаго Князя и по поводу слуховъ о предстоящемъ прѣѣздѣ его черезъ Москву выберетъ его почетнымъ членомъ университета, что депутація отъ университета немедленно же отправится въ С. Петербургъ и поднесетъ Его Высочеству дипломъ на это званіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены общества естествознанія обратятъ вниманіе Великаго Князя на предполагаемую выставку, предсѣдательство на которой уже было въ то время предложено Великому Князю Алексѣю Александровичу. «Ни минуты не надо терять времени

на устройство этого предпріятія», говорилъ Щуровскій, прощаясь со мною. «Подумайте, осталось всего два года до срока открытія...»

Оставшись вдвоемъ съ Лосевымъ, мы не могли не подивиться энергіи этого человѣка, стоящаго уже одной ногой въ могилѣ. «Разсчитывать за два года впередъ въ его годы! Да проживетъ ли онъ столько?»—разсуждали мы. Наши опасенія за Щуровскаго не оправдались: онъ не только довелъ выставку до конца, но и осуществилъ мысль о постройкѣ и устройствѣ громаднаго политехническаго музея въ Москвѣ. И до сихъ поръ (октябрь 1880 года), онъ, слава Богу, здравствуетъ, а бѣдный Лосевъ, который по лѣтамъ годился, если не во внуки, то въ сыновья Щуровскому, не дожидъ и до открытія выставки. Воспоминаніе о немъ одно изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни и всегда соединено съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія объ его утратѣ.

Все такъ и случилось, какъ было предположено. Московскій университетъ 16-го мая единогласно избралъ Великаго Князя своимъ почетнымъ членомъ и немедленно же отправилъ въ С. Петербургъ депутацію изъ ректора и декановъ факультета съ приглашеніемъ осчастливить университетъ своимъ посѣщеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ депутація просила о содѣйствіи выставкѣ. Великій Князь общалъ такое содѣйствіе и поручилъ мнѣ сообразить, что можно было бы сдѣлать. Согласившись въ общихъ чертахъ относительно программы съ Щуровскимъ и московскимъ городскимъ головой княземъ Черкасскимъ (устроителемъ впоследствии администраціи въ Болгаріи), я предложилъ образовать въ морскомъ министерствѣ комиссію для обсужденія вопроса объ участіи морского вѣдомства въ выставкѣ и, въ виду того, что Великій Князь Алексѣй Александровичъ уже считался почетнымъ предсѣдателемъ выставки, сдѣлать воспитателя его адмирала Посьета предсѣдателемъ этой комиссіи. Комиссія образована, я назначенъ членомъ ея, а Барановъ дѣлопроизводителемъ.

Засѣданія комиссіи происходили въ музеѣ. Предсѣдательство Посьета было не долгимъ по обстоятельствамъ, о которыхъ скажу ниже, но онъ очень много сдѣлалъ для выставки. Благодаря ему Путиловъ, чтобы заручиться его покровительствомъ для своихъ промышленныхъ предпріятіи, сдѣлалъ крупное пожертвованіе для выставки, принявъ на себя постройку изъ рельсовъ и стеколь двухъ зданій, изъ которыхъ въ одномъ долженъ былъ помѣститься морской отдѣлъ, а другое предназначалось Путиловымъ для помѣщенія его галереи русскихъ дѣятелей, состоявшей изъ множества копій съ портретовъ лицъ, упоминаемыхъ въ русской исторіи, и отчасти портретовъ живыхъ лицъ, нужныхъ Путилову для его предпріятіи и возведенныхъ имъ вслѣдствіе этого въ чинъ русскихъ историческихъ дѣятелей. Мысль объ устройствѣ такой галереи

въ Москвѣ на выставкѣ Путиловъ почему-то послѣ оставилъ, и построенный имъ павильонъ послужилъ для помѣщенія выставки садоводства. Посѣтъ испросилъ ранѣе Высочайшее соизволеніе на перевозъ въ Москву на выставку съ помѣщеніемъ въ морскомъ отдѣлѣ, изъ Эрмитажа и дворцовъ всѣхъ оригинальныхъ картинъ, содержаніе которыхъ имѣеть какое-нибудь отношеніе къ музею. Онъ же пеходатайствовалъ у министра финансовъ 10 тысячъ рублей на переводъ и изданіе разныхъ иностранныхъ сочиненій, полезныхъ для дѣла торговаго мореплаванія. Но предѣдательствованіе его въ комисіи была вещь вообще нелегкая для ея членовъ, въ особенности же для меня, какъ представителя въ ней морской центральной власти, подпись котораго въ журналѣ была равносильна заявленію, что исполненіе предлагаемой мѣры возможно въ финансовомъ и административномъ отношеніяхъ. Миѣ приходилось вести тяжелую борьбу въ комисіи съ Посѣтомъ, несмотря на все личное къ нему сочувствіе. Съ одной стороны онъ хотѣлъ, чтобъ на выставкѣ находились только предметы, имѣющіе отношеніе къ торговому мореплаванію. Я опровергалъ эту мысль, указывая на крайнюю бѣдность этого рода предметовъ, которые мы могли бы собрать и на богатство, напротивъ того, интересныхъ предметовъ въ нашемъ распоряженіи, относящихся вообще къ морской техникѣ, если имѣть въ виду и военный флотъ. Многое, выработанное нами для военного плаванія, можетъ быть полезно и для коммерческаго. Притомъ выставка имѣеть въ виду вообще технику, а не только коммерческую, и объянется именемъ Петра Великаго. Слѣдовательно, какое же мы имѣемъ право не показать на выставкѣ результатовъ дѣятельности нашихъ заводовъ въ изготовленіи вещей для военного флота? Съ другой стороны Посѣтъ расширилъ задачу выставки по отношенію къ коммерческому флоту до невозможныхъ предѣловъ. Такимъ образомъ онъ предлагалъ комисіи заняться пересмотромъ торговаго устава. Я рѣшительно протестовалъ противъ этого послѣдняго намѣренія, говоря, что комиссія компетентна въ разсмотрѣніи вопросовъ объ устройствѣ выставки, но никакъ не въ законодательномъ трудѣ по части торговли, для чего необходимо участіе представителей Министерства финансовъ, второго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и Министерства юстиціи. Такіе споры замедляли работы комисіи, но не останавливали ихъ. Личное самолюбіе не усложняло эти споры; напротивъ того, желаніе успѣха дѣлу было общее для обѣихъ сторонъ. Барановъ былъ великолѣпный посреди этихъ споровъ. Не вмѣшиваясь въ нихъ въ засѣданіяхъ комисіи, но хорошо понимая, гдѣ правда и практичность, онъ ловко помогалъ подъ рукою безостановочному ходу дѣла. Всѣ, рѣшительно всѣ, были имъ чрезвычайно довольны. Скоро, впрочемъ, Посѣтъ вынужденъ былъ обстоятель-

ствами оставить комиссію менѣе, чѣмъ на полдорогѣ, и передать мнѣ предѣдательствованіе въ ней.

Почетный предѣдатель выставки Великій Князь Алексѣй Александровичъ, влюбившись въ фрейлину Жуковскую, дочь нашего знаменитаго поэта, вошелъ съ ней въ связь. Она сдѣлалась беременною, и молодой князь, еще не искусившійся на привольномъ поприщѣ жизни августѣйшихъ особъ, рѣшился на ней жениться. Это сдѣлалось извѣстнымъ родителямъ и произвело переполохъ въ августѣйшей семьѣ. Разсказывали въ то время, что Государь собралъ у себя всѣхъ своихъ сыновей и взялъ съ нихъ слово не разрѣшать никогда своимъ братьямъ жениться на подданныхъ. Думалъ ли онъ тогда, что первый самъ же нарушитъ запретъ! Жуковская была сослана за границу, а Великому Князю Алексѣю Александровичу назначено отправиться въ продолжительное заграничное плаваніе въ Америку, чтобы провѣтриться, чтобы дурь вышла изъ головы. Снаряженъ былъ фрегатъ «Свѣтлана». Посѣтъ, какъ воспитатель Великаго Князя, долженъ былъ состоять при немъ.

Плаваніе это продолжалось очень долго, около двухъ лѣтъ, съ августа 1871 года по весну 1873 года. Главною цѣлью этого плаванія были Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Великій князь былъ тамъ принимаемъ съ большими оваціями. Но не смотря на такія торжества и воспитанникъ, и воспитатель одинаково стремились домой. Государь былъ твердъ и, не видя раскаянія въ сынѣ, не давалъ разрѣшенія идти въ Россію. Тщетно Посѣтъ писалъ и телеграфировалъ, что возвращеніе снова въ Сѣверо-Американскіе Штаты послѣ такихъ овацій неловко, что и въ первое ихъ путешествіе, въ концѣ, слышался въ Штатахъ ропотъ на издержку, порожденныя пріемомъ Великаго Князя для государственной казны, что котлы «Свѣтланы» такъ не надежны, что не выдержать долгого плаванія, что ихъ нужно замѣнить другими, Государь оставался непоколебимъ. Великій Князь проплавалъ еще весь 1872 годъ между южной Америкой, Китаемъ и Японіей, и только весною 1873 г. ему разрѣшено было вмѣстѣ съ Посѣтомъ ѣхать въ С. Петербургъ сухимъ путемъ черезъ Сибирь. Въ это время выставка была уже окончена и закрыта. Плаваніе это, кажется, повліяло на молодого князя; по крайней мѣрѣ, безобразная и наглая французенка, актриса Мокуръ, съ этого времени заняла мѣсто его фаворитки и начала выставлать на показъ свою новую должность.

Отбытіе Посѣта въ 1871 году сосредоточило въ моихъ рукахъ все дѣло устройства морского отдѣла политехнической выставки. Не отступая отъ мысли Посѣта о сосредоточеніи въ отдѣлѣ всего, что относилось къ торговому флоту, я имѣлъ, однако, возможность дать большее развитіе всему тому, что касалось военнаго флота,

и это чрезвычайно облегчило задачу. Не помню, кому принадлежит мысль о посылкѣ въ Москву по случаю выставки ботика Петра Великаго и объ устройствѣ тамъ торжества, подобнаго тому, какое имѣло мѣсто при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, когда онъ, окончивъ сооруженіе трехъ дивизій флота, согласно предположенной имъ же программѣ, вздумалъ показать ботику свой флотъ. Теперь имѣлось въ виду показать ботику результаты техники. Кажется, мысль эта возникла еще при Посѣтѣ; она должна была придать морскому отдѣлу много блеска. Присутствіе и перевозка ботика была сопряжена съ присутствіемъ на выставкѣ отряда матросовъ съ офицерами и всей морской обстановки. Точно также посланъ на выставку стволъ стального орудія 12-ти дюймоваго калибра, отлитаго и отдѣланнаго на морскомъ пушечномъ Обуховскомъ заводѣ. Для отливки этого ствола была употреблена масса стали въ 2400 пудовъ. Въ отточенномъ и высверленномъ видѣ стволъ вѣсилъ 1200 пудовъ. Перевозка такого громаднаго орудія въ Москву составило цѣлое событіе. Масса вещей, подлежащихъ помѣщенію на выставкѣ, оказалась очень велика. Барановъ былъ назначенъ распорядителемъ по устройству морского отдѣла на мѣстѣ.

Элементы были достаточно блестящи, чтобы можно было щегольнуть ими и простому смертному. Какое же раздолье представляли они для исполненнаго фантазіи ума Баранова, для его кипучей дѣятельности! Подобралъ себѣ въ помощники нѣсколькихъ офицеровъ, также очень дѣятельныхъ и безусловно ему преданныхъ, онъ энергично повелъ работу по устройству зданія для помѣщенія морского отдѣла выставки внѣ кремлевскихъ садовъ, предназначенныхъ для выставки, на набережной Москвы рѣки, слѣдовательно при водѣ. Взвѣсившись построить это зданіе изъ старыхъ рельсовъ, бѣдный Путиловъ кряхтѣлъ при удовлетвореніи требованій Баранова. Говорятъ, постройка этого зданія стоила ему, кромѣ цѣнности рельсовъ, до 40 тысячъ руб., и я этому вѣрю. Скоро громаднаго зданія изъ рельсовъ и стекла оказалось недостаточно для фантазіи Баранова. Потребовалось возвести вокругъ еще нѣсколько лишнихъ строеній; онъ же затѣялъ воздвигнуть около зданія фрегатскую мачту въ натуральную величину и вооружить ее по всѣмъ правиламъ морского искусства. Тутъ уже мнѣ пришлось кряхтѣть, входя поминутно съ докладомъ къ Управляющему Министерствомъ, впрочемъ очень симпатизировавшему выставкѣ, объ ассигнованіи дополнительныхъ суммъ на «окончаніе» устройства выставки. Остановить дѣло на полдорогѣ было невозможно. Барановъ то и дѣло перелеталъ изъ С.-Петербурга въ Москву и обратно и блестящимъ метеоромъ появлялся на московскомъ небосклонѣ, очаровывая тамъ всѣхъ отъ генераль-губернатора и митрополита до послѣдняго плотника, не останавливаясь ни передъ какими обѣщаніями и возвращаясь въ С. Петербургъ съ полными карманами этихъ данныхъ

нимъ обѣщаній. Все это онъ выкладывалъ предо мною въ формѣ самыхъ невинныхъ затѣй, какъ естественное слѣдствіе того, что будто уже прежде мною было «указано», искусно сопоставляя и противопоставляя были съ небыдницами, московское начальство съ министерскимъ, профессоровъ-распорядителей и Путиловымъ и заводчиками, митрополита съ чертомъ. Я протягивалъ ему кончикъ мизинца въ помощь какой-нибудь затѣй; онъ втягивалъ сначала всю руку, а потомъ и всю мою особу. Императорское общество любителей естествознанія, состоящее при московскомъ университетѣ, прислало мнѣ, по окончаніи выставки, почетный адресъ первой степени и золотую медаль, выразивъ въ адресѣ, что мнѣ присуждаются эти высокія награды за заслуги, состоящія: 1) въ иниціативѣ мысли объ устройствѣ выставки, участіе котораго скоро вызвало и содѣйствіе другихъ вѣдомствъ, столь значительно расширившихъ и обогатившихъ выставку; 2) въ трудахъ по устройству замѣчательнаго и заслужившаго общее одобреніе морского отдѣла, ставшаго однимъ изъ лучшихъ украшеній выставки; 3) въ постоянно, неизмѣнномъ содѣйствіи обществу во всѣхъ его ходатайствахъ и начинаніяхъ, потребовавшихъ содѣйствія предсѣдателя морского отдѣла, и 4) въ содѣйствіи къ обогащенію политехническаго музея многими замѣчательными и цѣнными собраніями. Все это совершенно справедливо, но тѣмъ не менѣе я долженъ покаяться, что не будь Посьета и Баранова я и сотою доли не сдѣлалъ бы того, что сдѣлалъ для выставки. Первый, при самыхъ благихъ намѣреніяхъ, затѣялъ постройку огромнаго зданія для морского отдѣла, и нужно было его наполнить; второй вовлекалъ меня мало по малу въ это дѣло и постоянно ставилъ въ такое положеніе, что я долженъ былъ или содѣйствовать его фантазіямъ, или отречься отъ сдѣланныхъ имъ на мѣстѣ распоряженій, данныхъ обѣщаній, и произвести скандалъ. Само собою разумѣется, моя любовь къ Москвѣ, мое благоговѣніе передъ университетомъ, мое желаніе служить распространенію образованія въ народѣ заставило меня быть къ ухищреніямъ Баранова болѣе, чѣмъ снисходительнымъ; я постоянно имѣлъ въ виду, что затѣи его очень хороши, но самъ я не пошелъ бы такъ далеко и, если бы зналъ въ началѣ, что будетъ стоить Морскому Министерству устройство морского отдѣла, не затѣвалъ бы дѣла. Но расходы возникали мало по малу, и каждый разъ послѣ крупныхъ объясненій съ Барановымъ по каждой новой его затѣй, я смягчался, вспоминая о цѣли и оправдывая себя тѣмъ, что не грѣшно увеличивать сумму на народное образованіе, отпускаемую правительствомъ въ столь неограниченномъ размѣрѣ. Притомъ Барановъ дѣйствовалъ такъ со мною не изъ корыстныхъ видовъ, а изъ желанія удовлетворить своему самолюбію устройствомъ чего-нибудь выходящаго изъ ряда. Тѣмъ не менѣе одно время я былъ на него до того

золь, что запретилъ ему всякое другое сношеніе со мною кромѣ официальнаго, бумагами за нумерами. Онъ былъ такъ увлеченъ своимъ успѣхомъ въ Москвѣ, что позабылъ о своемъ состояніи на службѣ и началъ чествовать начальство, на чемъ свѣтъ стоитъ. Принятая мною мѣра имѣла отличное вліяніе. Онъ тотчасъ же понизилъ тонъ и сдѣлался шелковымъ. Но, несмотря на всю его проницательную ловкость соединять были съ небылицами, это свойство его характера не осталось незамѣченнымъ въ Москвѣ. Какъ то разъ почтеннѣйшій Григорій Евфимовичъ Щуровскій, притворивъ двери и оглядѣвшись кругомъ, дѣйствительно ли никого нѣтъ въ комнатѣ, шепотомъ спросилъ меня, какъ поступать, когда Барановъ говорить такія вещи, которыя ни съ чѣмъ не сообразны, положительно ложны.

Во время постройки и приготовленія морского отдѣла къ выѣзду я нѣсколько разъ ѣздилъ въ Москву и въ одну изъ такихъ поѣздокъ долженъ былъ явить въ московскомъ университетѣ образецъ своего краснорѣчія. При нашей всеобщей непривычкѣ говорить въ публикѣ я отличался еще отсутствіемъ во мнѣ ораторскихъ способностей и застѣнчивостью. Разбирать дѣло въ тиши кабинета, изложить его просто и ясно—это моя сфера. Но найтись вдругъ возражать или отвѣтить въ требуемый моментъ—это выше моихъ силъ; фразы выходятъ у меня при такихъ обстоятельствахъ неуклюжія, и по окончаніи слова мнѣ всегда приходится сообщать, что я не досказалъ чего нибудь существеннаго. Узнавъ о моемъ приѣздѣ въ Москву, распорядительный комитетъ выставки пригласилъ меня посѣтить его собраніе. Въ полной увѣренности, что все ограничится дѣловымъ обсужденіемъ различныхъ подробностей выставки, я приѣхалъ. Засѣданіе происходило въ залѣ университета, въ которой я когда-то экзаменовался; присутствовавшихъ было человекъ сотня и между ними профессора: нашъ извѣстный историкъ Соловьевъ, Щуровскій, деканъ математическаго факультета Давыдовъ, одинъ изъ дѣятельныхъ устроительныхъ устроителей выставки профессоръ зоологіи Богдановъ и другіе. Уже мѣсто собранія и лица произвели довольно сильное впечатлѣніе на мою нервную натуру. Помѣстившись въ нѣсколько рядовъ вокругъ огромнаго стола, они меня посадили рядомъ съ предсѣдателемъ. Все смолкло. Поднимается Давыдовъ и въ самыхъ лестныхъ словахъ начинаетъ засвидѣтельствованіе мнѣ отъ имени общества естествознанія благодарность за содѣйствіе, оказываемое его предпріятію. «Вашей инициативѣ, Константинъ Александровичъ», сказалъ онъ въ заключеніе, «общество очень много обязано, такъ какъ выраженное вами сочувствіе выставкѣ и увѣреніе въ благопріятномъ приѣмѣ ходатайства общества въ Морскомъ Министерствѣ разсѣяли наше опасеніе официально предъявить свое ходатайство лицамъ, стоящимъ во главѣ морского дѣла въ Россіи. Вы были дѣятельнымъ участ-

никомъ въ выраженіи драгоцѣннаго для насъ содѣйствія морского министерства и его комиссіи, вы лично привлекли многихъ полезныхъ сотрудниковъ и почтенныхъ дѣятелей къ участию въ осуществленіи предпріятія, и потому общество поручило мнѣ не только въ лицѣ вашемъ благодарить все морское министерство и морскую комиссію, но и выразить вамъ лично его искреннюю и глубокую благодарность».

Я сидѣлъ, какъ на угольяхъ. Совершенная неприготовленность, чтобъ отвѣчать въ стѣнахъ университета посреди профессоровъ и москвичей, которые не имѣютъ обыкновенія относиться особенно снисходительно къ С. Петербургскимъ «умникамъ», особенно, если этотъ «умникъ» довольно быстро пробилъ себѣ дорогу и занимаетъ довольно видное мѣсто въ администраціи, все это дѣлало положеніе мое не изъ легкихъ. Тутъ-то поблагодарилъ я мысленно Грейга, что онъ заставилъ меня дебютировать въ области краснорѣчія на обѣдѣ общества садоводства. Но, дѣлать нечего, надо было отвѣчать. Петръ Великій и техника вотъ смыслъ выставки, думалъ я, и о нихъ будемъ говорить, а тамъ, что Богъ дастъ, и, собравшись съ духомъ, я поднялся съ своего мѣста. Экспромтъ мой въ общихъ чертахъ заключался въ слѣдующемъ: «Совершенно неожиданно удостоился я чести выслушать столь лестныя для меня слова г. вице-президента, въ которыхъ моему личному участию въ дѣлѣ устройства морского отдѣла выставки приписано такъ много значенія. Собраніе не можетъ сомнѣваться въ моемъ горячемъ сочувствіи прекрасному предпріятію тѣмъ болѣе, что я, какъ воспитанникъ московскаго университета и москвичъ, не могъ уже поэтому не сочувствовать ему. Но содѣйствіе мое, если угодно было признать его полезнымъ, стало возможнымъ лишь при томъ сильномъ сочувствіи, какимъ пользуется политехническая выставка у Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала и у г. Управляющаго Морскимъ Министерствомъ генераль-адъютанта Краббе. Имъ достаточно было узнать, что предпріятіе посвящено памяти Петра Великаго, и что оно въ то же время техническое, дабы вниманіе и сочувствіе ихъ обратилось на это дѣло, и только благодаря выраженному Великимъ Княземъ согласію на участіе морского вѣдомства и мѣрамъ, принятымъ г. Управляющимъ министерствомъ, я получилъ возможность внести и мое посильное содѣйствіе на пользу общей задачи».

«Находясь проѣздомъ въ Москвѣ и не ожидая, что буду имѣть честь присутствовать въ собраніи комитета, я, къ сожалѣнію, не приготовилъ отчета о дѣйствіяхъ комиссіи морского дѣла, и мнѣ трудно представить полный очеркъ ея занятій, но я постараюсь сообщить комитету тѣ свѣдѣнія, на основаніи которыхъ онъ будетъ имѣть по крайней мѣрѣ возможность отвѣтить на вопросъ, не опоздалъ ли морской отдѣлъ сравнительно съ другими отдѣлами выставки?...

Съ этими словами я вышелъ, такъ сказать, въ моемъ экспромитѣ на большую дорогу. Далѣе говорить было легко, такъ какъ дѣло заключалось уже не въ болѣе или менѣе громкихъ фразяхъ, а въ фактахъ, которые я хорошо зналъ. Разказавъ, чѣмъ будетъ представлена историческая часть морского дѣла на выставкѣ, я перешелъ къ технической части, къ ея современному значенію въ морскомъ дѣлѣ. «Вся исторія морской техники», сказалъ я, «представляетъ почти непрерывный рядъ переходовъ отъ однихъ усовершенствованій къ другимъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ торжествомъ науки и быстрыми успѣхами являются неразлучныя неудачи и напрасныя усилія, заставляющія изыскивать новыя рѣшенія, добиваться новыхъ успѣховъ. Разница въ результатахъ недавняго времени и тѣхъ, которыхъ мы достигаемъ теперь, громадна. Достаточно указать для примѣра на сооружаемый нынѣ мониторъ (впослѣдствіи корабль «Петръ Великій»), вооруженіе котораго состоитъ лишь изъ четырехъ пушекъ, при чемъ, однако, одинъ залпъ этого монитора по силѣ дѣйствія можетъ равняться двумъ залпамъ прежняго ступушечнаго корабля. При такихъ успѣхахъ въ то же время мы видѣли ожесточенную борьбу между двумя частями морского дѣла, каковы кораблестроеніе и артиллерія: въ то время, когда артиллерія изобрѣтаетъ разрушительныя орудія и быстро усиливаетъ ихъ дѣйствіе, кораблестроитель находитъ новыя средства и способы защищать судно отъ грозящей ему опасности. Успѣхъ одной изъ этихъ специальностей составляетъ поражение другой и даетъ этому безконечному конкуренту новую пищу. Въ настоящее время всѣ наши суда, всѣ самые сложные механизмы къ нимъ строятся у насъ, всѣ наши артиллерійскія орудія изготовляются также на нашихъ заводахъ, и мы не зависимъ отъ заграницы, пользуясь какъ русскими матеріалами, такъ и трудомъ внутри Россіи. Тѣмъ не менѣе техника морского вѣдомства составляетъ только часть цѣлага. Техника коммерческаго судостроенія и судоходства представляютъ поэтому не только желательное, но и крайне необходимое дополненіе. Морское вѣдомство сознаетъ возможность и необходимость для Россіи коммерческаго флота, но организація его подвигается медленнѣе, чѣмъ было бы желательно. Политехническая выставка представляетъ удобный случай, чтобы привлечь сочувствіе русскаго коммерческаго міра къ этому важному дѣлу...»

Я такъ увлекся, что и позабылъ, что говорю въ незнакомомъ мнѣ обществѣ. Слушали, повидимому, съ большимъ интересомъ, и общее впечатлѣніе было такъ удачно, что черезъ два-три дня «Московскія Вѣдомости» напечатали даже передовую статью по поводу рѣчи и на тему высказанной мною мысли о необходимости развитія у насъ коммерческаго флота.

Выставка прошла прекрасно. Великій князь Константинъ Николаевичъ пробылъ въ Москвѣ долгое время и катался какъ сыръ въ

маслѣ. Его ласковость и доступность, его умъ и знанія сильно расположили къ нему москвичей, и онъ сдѣлался чрезвычайно популяренъ. Выставку посѣтилъ Государь, и, какъ обыкновенно, пріѣздъ его въ Москву былъ для нея большимъ праздникомъ. Все лѣто Москва была оживлена, толпы пріѣзжихъ смѣнялись однѣ другими, и слово «техника» перестало быть синонимомъ какого-то несуразнаго чудовища, каковымъ она до тѣхъ поръ представлялась! Наконецъ результатами выставки явились: обширный политехническій музей и общество содѣйствія торговому мореплаванію. Воспоминаніе о выставкѣ составляетъ одно изъ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни, и съ этимъ воспоминаніемъ всегда соединяется представленіе о Барановѣ. Онъ много содѣйствовалъ ея успѣху и оставилъ по себѣ въ Москвѣ и въ тѣхъ лицахъ, которыя прикасались къ выставкѣ, отличное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ очень умномъ, способномъ, любезномъ и для подчиненныхъ добрымъ.

Путиловъ за выставку получилъ Станиславскую звѣзду и былъ очень доволенъ. Честолюбіе его было удовлетворено. Онъ могъ бы получить и матеріальныя выгоды отъ своего пожертвованія на это дѣло, потому что оно еще болѣе, чѣмъ прежде сблизило его съ Великимъ Княземъ и открыло ему свободный доступъ къ Посѣту, который вскорѣ былъ назначенъ министромъ путей сообщенія. Но Николай Ивановичъ никогда и ни въ чемъ не умѣлъ останавливаться. Деньги, полученныя на какое-нибудь предпріятіе, только увеличивали его аппетитъ на полученіе новыхъ сотенъ тысячъ и даже милліоновъ рублей; они обыкновенно шли не по прямому назначенію, но отчасти на уплату прежнихъ долговъ, отчасти на новыя затѣи. Такимъ образомъ чугунный, желѣзнодорожный, сталелитейный, рельсовый заводы обобраны для устройства при устьѣ Невы коммерческаго порта, въ которомъ океанскія суда обмѣнивались бы товарами съ рѣчными, волжскими, а портъ обобранъ для сооруженія желѣзной дороги и для разныхъ другихъ проектовъ и затѣи. Все начиналось, и ничего не оканчивалось. Такимъ Путиловъ остался и до конца своей жизни. Онъ умеръ въ 1879 году, оставивъ 2½ милліона долга и дѣла въ такомъ положеніи, что вдова его не рѣшалась вступить въ права наслѣдства.

XIV.

Московская консерваторія.—С. Т. Аполлонская.—Н. Г. Рубинштейнъ.—Хлопоты К. А. Манна о консерваторіи.

Къ числу благотѣльныхъ результатовъ политехнической выставки надлежитъ отнести также упроченіе въ Москвѣ музыкальной консерваторіи. Ходъ этого дѣла очень курьезенъ. С.-Петербургская музыкальная консерваторія, возникшая стараніями великой княгини Елены Павловны и знаменитаго нашего композитора и вир-

туоза Антона Григорьевича Рубинштейна, уже процвѣтала въ началѣ 70-хъ годовъ. Частныя пожертвованія, казенныя субсидіи, сборы отъ концертовъ совершенно обезпечивали ея существованіе, и она даже богатѣла. Въ Москвѣ, въ небольшомъ кружкѣ любителей, возникла мысль устроить тамъ такое же учрежденіе, но путь былъ труднѣе, такъ какъ правительство не являлось на помощь. Но усердіе кружка любителей, во главѣ котораго стоялъ братъ Антона Рубинштейна—Николай Рубинштейнъ, въ достиженіи предположенной цѣли не ослабѣвало. При помощи концертовъ сколотили въ 6 лѣтъ нѣсколько тысячекъ и рѣшились открыть на нихъ консерваторію не на счетъ процентовъ, которыхъ было бы слишкомъ мало, но, расходуя самый капиталъ, въ надеждѣ, на будущія блага:—авось не обанкротимся, авось прійдетъ на помощь или частная благотворительность, когда появятся результаты дѣятельности общества, или, можетъ быть, правительство поможетъ субсидіей. Консерваторія открыта была въ 1866 году.

Я болѣе или менѣе зналъ, что происходило въ средѣ музыкальнаго общества черезъ двухъ членовъ его, которые принимали дѣла общества очень близко къ сердцу. Объ одномъ изъ этихъ членовъ, о Василии Михайловичѣ Лосевѣ, московскомъ городскомъ секретарѣ, я уже упомянулъ выше, рассказывая о началѣ политехнической выставки. О другомъ стоитъ упомянуть здѣсь не только по влиянію, которое эта дѣвушка имѣла на обезпеченіе матеріальнаго положенія дѣлъ Московской консерваторіи, но и какъ о примѣрѣ того, что можетъ сдѣлать энергія и настойчивость.

Въ 1860 году, въ пріѣздъ мой въ Москву по командировкѣ моей отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для осмотра Московской адресной конторы, я получилъ приглашеніе отъ моей сестры къ ней на музыкальный, квартетный вечеръ. Зять мой Павелъ Давыдовичъ Бражниковъ, служившій въ то время въ канцеляріи Московскаго военнаго генераль-губернатора, сдѣлалъ замѣчательный музыкальный талантъ жены средствомъ привлекать къ себѣ въ домъ разныхъ лицъ, связи съ которыми ему были полезны на службѣ или посѣщеніе которыхъ льстило его узкому, мелкому самолюбію. Благодаря этому замѣчательному музыкальному таланту жены, ея уму и радушію онъ, при помощи различныхъ заискиваній и хорошихъ ужиновъ привлекъ къ этимъ вечерамъ лучшихъ артистовъ того времени, находившихся въ Москвѣ, и составлялъ квартеты на рѣдкость, ничего не платя артистамъ. Эти квартеты служили приманкою для людей «нужныхъ», а обильные, вкусные ужины, иногда же и позднія карты вознаграждали тѣхъ изъ гостей, которымъ приходилось скучать отъ бетховенской музыки. Все это стоило очень дорого и очень не соответствовало небольшимъ въ то время средствамъ моего зятя, но очень льстило его самолюбію.

Я засталъ у сестры довольно многочисленное общество. Нѣсколь-

ко почетныхъ и «нужныхъ» людей съ супругами, нѣсколько профессоровъ, нѣсколько артистовъ, нѣсколько лицъ, не знавшихъ, куда дѣваться вечеромъ. Все это очень мало интересовалось музыкой, а еще менѣе понимало ее. Хозяинъ лѣзь изъ кожи вонъ: угощалъ гостей, любезничалъ съ ними, хвалилъ сыгранную пьесу и нисколько не слушалъ музыку. Артисты, играя даромъ, старались дать почувствовать, что они самые дорогіе гости и оказываютъ одолженіе. Все это производило на меня далеко не отрадное впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что я не могъ не сознавать, что хозяйка, играя на фортепіано и исполняя роль любезной хозяйки, дѣйствуетъ тутъ не по своей охотѣ, а въ угоду мужу, что сердце ея въ дѣтской у малютокъ-дѣтей, что ее не можетъ не угнетать сознаніе, какое тяжелое вліяніе эти угощенія многочисленныхъ и совершенно постороннихъ лицъ должны имѣть на ея крошечныя домашнія средства.

Въ теченіе вечера я замѣтилъ немолодую дѣвушку, которая составляла исключеніе въ равнодушной и самоувѣренной массѣ гостей. Крайне некрасивая, худая, блѣдная, съ выдающимися неровными зубами, и рѣдкими волосами, она садилась въ углу, поодаль отъ другихъ, какъ только начиналась музыка, и, видимо, наслаждалась ею. «Софья Тимоѣевна Аполонская»,—сказала мнѣ сестра въ одинъ изъ антрактовъ, представляя меня ей.—Мой искренній другъ и большая любительница музыки». На другой день я попросилъ сестру дать мнѣ о ней болѣе подробныя свѣдѣнія. «Это очень хорошая и добрая дѣвушка»,—объясняла она мнѣ.—Она сестра очень богатой женщины, Жеребцовой, бывшей классной дамой въ одномъ изъ институтовъ и вышедшей замужъ за богатаго идиота. Софья Тимоѣевна живетъ теперь у сестры, такъ какъ не имѣетъ куска хлѣба и ведетъ прежалкую жизнь. Сестра ея завела себѣ любовника и то и дѣло рождаетъ отъ него дѣтей, не стѣсняясь присутствіемъ мужа, который совершенный идиотъ; любовникъ даже потѣшается надъ нимъ. Софья Тимоѣевна одна заботится о несчастномъ и онъ чуть-чуть на нее не молится. Она очень любитъ музыку, и я даю ей теперь по дружбѣ уроки, но, къ сожалѣнію, у ней очень мало способностей, хотя усердія и не оберешься»...

Вскорѣ послѣ того зять съ семействомъ переѣхалъ на службу въ С.-Петербургъ, а Софья Тимоѣевна поступила въ число ученицъ консерваторіи, чтобы изучать гармонію и пріемы преподаванія. Черезъ нѣсколько времени она получила какіе-то грошевыя уроки музыки, и это дало ей возможность ежегодно пріѣзжать въ С.-Петербургъ гостить къ моей сестрѣ. Въ беззавѣтная привязанность къ моей сестрѣ и безграничная любовь къ музыкѣ сблизили меня съ чею, и каждый разъ, когда я пріѣзжалъ въ Москву, я непременно заѣзжалъ къ ней.

По бывшимъ примѣрамъ и въ пріѣздъ въ Москву, незадолго до открытія выставки, я заѣхалъ къ ней. «А у насъ большое горе»,

сказала она мнѣ между прочимъ. «Наша консерваторія доживаетъ послѣдніе дни за неимѣніемъ средствъ къ дальнѣйшему существованію. Весь свой собранный капиталъ она издержала и несмотря на то, что образованіе идетъ въ ней превосходно, что желающихъ учиться очень много, средствъ не хватаетъ. Рубинштейнъ и другіе директора хлопочуть насчетъ увеличенія средствъ, но изъ этого ничего не выходитъ, и на дняхъ будетъ объявлено, что консерваторія закрывается. Для Москвы это большая потеря. Помогите ей, Константинъ Александровичъ». — «Что вы, Софья Тимофеевна! Да что я могу дѣлать? Я не имѣю никакого отношенія къ этому дѣлу, а своихъ капиталовъ у меня нѣтъ». — «Не знаю, какъ это сдѣлать, но нужно помочь полезному учрежденію. Всѣ говорятъ, что вы такъ много сдѣлали для выставки; если захотите, сдѣлаете и ѣдѣсь. Прошу васъ именемъ музыки, которую вы такъ любите, именемъ той молодежи, которая начала въ консерваторіи свое музыкальное образованіе и должна теперь остановиться на полдорогѣ. Я скажу Рубинштейну, чтобы онъ къ вамъ пріѣхалъ; поговорите съ нимъ. Когда васъ застать дома?» Я сказалъ, когда буду дома, но старался увѣрить, что визитъ Рубинштейна будетъ бесполезенъ, что я очень сомнѣваюсь, чтобы онъ привелъ къ какимъ-нибудь благотворнымъ для консерваторіи результатамъ.

Дня черезъ два-три Софья Тимофеевна явилась ко мнѣ, чтобы спросить о результатахъ моего свиданія съ Рубинштейномъ. Я сказалъ, что не видѣлъ Рубинштейна, который у меня не былъ, и что черезъ день я уѣзжаю въ С.-Петербургъ. Софья Тимофеевна осадила меня самыми горячими мольбами, чтобы я непременно повидался съ Рубинштейномъ. «Онъ непременно хотѣлъ быть у васъ; вѣроятно, его что-нибудь задержало. Онъ не знаетъ, какъ вы ему можете быть полезны, но васъ будетъ упрекать совѣсть, что вы не протянули руку помощи дорогому дѣлу въ родной Москвѣ. Съѣздите къ нему теперь же; онъ теперь дома. Какъ можно жертвовать дѣломъ ради исполненія пустой формальности: кому сдѣлать первый визитъ. Это стыдно въ общественномъ дѣлѣ и пр. и пр.» — Я защищался, сколько могъ, но, конечно, сдался и, чтобы прекратить дальнѣйшіе разговоры и споры, поѣхалъ къ Рубинштейну, съ которымъ вовсе не былъ знакомъ.

Явившись къ Рубинштейну, я объяснилъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, какъ происходило все дѣло. «Я исполняю настоящее желаніе нашей общей доброй знакомой. Въ желаніи моемъ содѣйствовать дѣлу не сомнѣвайтесь, но весьма сомнѣваюсь, чтобы я въ состояніи былъ помочь, и я боюсь, что понапрасну отвлеку васъ отъ дѣла моимъ визитомъ».

Рубинштейнъ съ большими подробностями и откровенностью рассказалъ мнѣ современное положеніе консерваторіи въ Москвѣ. Возникшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ почти противъ воли покро-

вительницы музыкальнаго общества, великой княгини Елены Павловны, которая считала достаточною для Россіи одной консерваторіи въ С.-Петербургѣ, она не получала никакой субсидіи отъ правительства и существовала на свои собственные средства. Хотя число учащихъ очень велико, расходы, однако, такъ значительны, что пришлось все время расходовать собранный еще до открытія консерваторіи основной капиталъ, и въ данный моментъ онъ былъ на исходѣ. «Въ предвидѣніи близкаго банкротства», сказала Рубинштейнъ, «мы обратились къ великой княгинѣ съ ходатайствомъ о назначеніи Московской консерваторіи субсидіи по примѣру С.-Петербургской, но она и прежде относилась равнодушно къ дѣламъ Московской консерваторіи, а теперь, когда ея дѣлами началъ завѣдывать на правахъ гофмаршала тайный совѣтникъ Квистъ, мы умремъ съ голоду прежде, чѣмъ онъ окончитъ свои соображенія и справки съ законами о помощи намъ. Мы обратились въ городскую думу съ просьбой о субсидіи изъ городскихъ суммъ. Здѣсь встрѣтили большое сочувствіе, но, какъ торгаши, они возымѣли мысль соединить такую субсидію съ собственной выгодною. Городъ, какъ извѣстно, съ давняго времени вноситъ ежегодно нѣкоторую сумму въ помощь императорскимъ театрамъ. Дума рѣшила эту сумму перевести на консерваторію, если отъ платежа ея городъ будетъ освобожденъ. По этому поводу въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатана очень рѣзкая статья, въ которой доказывается, что сборы московскихъ театровъ покрываютъ расходы на ихъ содержаніе, что даютъ даже барыши, и что такимъ образомъ Московская субсидія идетъ въ пользу С.-Петербурга. Это подняло цѣлую бурю въ театральной администраціи, которая защищается. Въ дѣло вмѣшался Московскій генераль-губернаторъ и министръ двора графъ Адлербергъ, но изъ всего этого все-таки ничего не выходитъ, и мы доживаемъ наши послѣдніе дни. Дадимъ прощальный спектакль воспитанниковъ во время выставки—это дастъ намъ тысячку-другую въ кассу, чтобы расплатиться съ долгами,—и закроемъ лавочку. А очень жаль! Дѣло пошло такъ хорошо, да и таланты имѣются въ виду»...

«Ну, едва ли удастся вамъ вырвать что-нибудь изъ когтей театральной дирекціи, какъ скоро это что-нибудь попало ей въ когти», сказалъ я. «Но бросать дѣло, такимъ достойнымъ образомъ вами, москвичами, начатое и доведенное уже до недурныхъ результатовъ въ короткій срокъ, никакъ не слѣдуетъ, по моему мнѣнію. Помилуйте! Къ вамъ на дняхъ пріѣдетъ сюда великій князь Константинъ Николаевичъ, большой любитель и знатокъ музыки; черезъ нѣсколько времени потомъ прибудетъ въ Москву Государь. Покажите великому князю ваше учрежденіе, познакомьте его съ достигнутыми вами успѣхами въ вашемъ театральномъ спектаклѣ, постарайтесь заинтересовать его и упросить, чтобы онъ убѣдилъ государя пріѣхать на этотъ спектакль, и ваше дѣло будетъ выиграно. Посѣщеніе

Государя не можетъ остаться безслѣднымъ для вашего учрежденія, и онъ не допуститъ послѣ того паденія консерваторіи. Что вы готовяете для спектакля?—«Оперу Глюка «Орфей».—«И прекрасно. Приготовьте мнѣ поскорѣе записку о вашемъ настоящемъ критическомъ финансовомъ положеніи и скажите въ ней, что безъ субсидіи отъ правительства вы не можете далѣе существовать. Я возьму ее съ собой и доложу великому князю, сказавъ ему, что вы готовите спектакль и будете просить его удостоить этотъ спектакль своимъ посѣщеніемъ; соберу свѣдѣнія о субсидіи, получаемой С.-Петербургской консерваторіей и, если великій князь разрѣшитъ, войду въ переговоры съ управляющимъ теперь министерствомъ финансовъ Грейгомъ, котораго я хорошо знаю, о согласіи его на отпускъ такой субсидіи. Такое согласіе необходимо ранѣе каждаго доклада государю о расходѣ. Все это будетъ очень неправильно, потому что этому дѣлу слѣдовало бы итти черезъ вашу покровительницу, великую княгиню, но, если удастся получить согласіе управляющаго министерствомъ финансовъ до пріѣзда Государя въ Москву, а великій князь испроситъ высочайшее повелѣніе на отпускъ такой субсидіи здѣсь, послѣ спектакля, то все обойдется какъ нельзя лучше, неправильность не будетъ бросаться въ глаза, и самъ Квистъ со всѣми его батареями законовъ не въ состояніи будетъ придратъся».

Рубинштейнъ благодарилъ меня съ увлеченіемъ, сказалъ, что я воскресилъ его упавшій духъ, жаль мнѣ руки, и, наконецъ, мы расцѣловались въ обѣ щеки.

Записка была готова къ моему отъѣзду, и я съ ней явился къ великому князю. Я откровенно разсказалъ ему все, какъ было дѣло, объяснилъ ему составленный нами планъ и просилъ разрѣшенія, по приведеніи въ извѣстность размѣра субсидіи, получаемой С.-Петербургской консерваторіей, просить его именемъ Грейга о содѣйствіи. «Хорошо», сказалъ онъ, смѣясь. «Смотри, только ты меня поссоришь съ теткой! Тогда я ей головой тебя выдамъ, а съ ней шутить плохое дѣло».

Великій князь затѣмъ уѣхалъ въ Москву для открытія выставки, а я началъ дѣйствовать. По справкѣ оказалось, что С.-Петербургская консерваторія получаетъ всего субсидіи около 19 тысячъ руб. въ годъ. Округливъ эту сумму до 20 тысячъ руб., я обратился къ Грейгу. Онъ нѣкоторое время откладывалъ отвѣтъ, ожидая возвращенія министра финансовъ Рейтерна, отсутствовавшего изъ С.-Петербурга. Но такъ какъ срокъ поѣздки государя въ Москву приближался, да и мнѣ надлежало туда ѣхать съ докладомъ къ великому князю по дѣламъ морского министерства, то я началъ настаивать. Наконецъ мнѣ удалось получить предварительное, словесное отъ него согласіе на отпускъ 20 тысячъ руб. въ годъ на условіяхъ, которыя будутъ указаны Рейтерномъ, если послѣдуетъ высочайшее разрѣшеніе. Немедленно же я полетѣлъ въ Москву.

Тамъ я уже засталъ великаго князя расположеннымъ наилучшимъ образомъ къ консерваторіи. Онъ уже осмотрѣлъ ее въ подробности, ознакомился съ успѣхами учениковъ и ученицъ и обѣщаль доложить государю о готовившемся спектаклѣ. Разучиваніе «Орфея» шло самымъ дѣятельнымъ образомъ. Великій князь былъ очень доволенъ, что привезъ предварительное согласіе Грейга на субсидію. Наконецъ пріѣхалъ государь. Его высочество доложилъ ему о спектаклѣ, и о хорошемъ впечатлѣніи, которое производитъ консерваторія. Государь обѣщаль быть на спектаклѣ и назначилъ для этого день. Никогда я не забуду этого спектакля. Сцена была устроена въ большой залѣ Благороднаго собранія. Въ оперѣ, можно сказать, почти одна роль Орфея (контральто), и она была раздѣлена между двумя ученицами: Эйбоженко и Кадминой, такъ что въ I и II актахъ была одна, въ III актѣ—другая. Хоры и оркестры состояли изъ учениковъ и ученицъ; Рубинштейнъ дирижировалъ. Зала, убранная цвѣтами и залитая огнями, была биткомъ набита самой избранной московской публикой. Интересъ былъ возбужденъ въ высшей степени и ученическимъ спектаклемъ, составлявшимъ въ то время совершенную новость, и ожидавшимся посѣщеніемъ государя; все было построено самымъ торжественнымъ образомъ. Государь пріѣхалъ ко II акту.—Исполненіе гимна встрѣтило восторженные крики ура! Опера шла очень хорошо; публика слушала ее съ затаеннымъ дыханіемъ, внутренно вознося пожеланія объ успѣхѣ и хорошемъ впечатлѣніи. Государь остался такъ доволенъ, что великій князь доложилъ ему до окончанія акта о критическомъ положеніи консерваторіи и о предварительномъ согласіи управляющаго министерствомъ финансовъ на субсидію въ 20 тысячъ руб. въ годъ. Государь тутъ же поздравилъ директоровъ съ пожалованіемъ этой субсидіи. Вѣсть эта тотчасъ же перешла въ залу, распространяясь между лицами, причастными къ консерваторіи и публикой. Восторгъ и увлеченіе были всеобщіе.

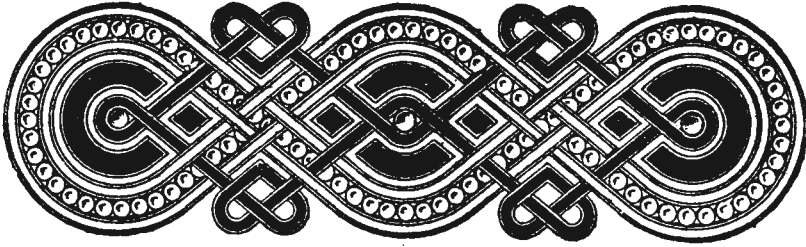
На другой день я пріѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ съ докладомъ къ великому князю. Въ пріемной меня окружили депутаты Московскаго музыкальнаго общества и директоръ консерваторіи, которые пріѣхали во дворецъ благодарить великаго князя за дарованную консерваторіи милость. «Вотъ первый виновникъ», сказалъ Рубинштейнъ, «полученнаго консерваторіей благодаренія. Принесемте ему благодарность отъ всей музыкальной Москвы и попросимъ его о принятіи званія почетнаго члена Московскаго музыкальнаго общества». Бывшіе въ пріемной довольно многочисленныя постороннія лица также стѣснились вокругъ меня и я не успѣвалъ пожимать протягивавшіяся мнѣ руки. Поблагодаривъ за избраніе въ почетные члены, я прибавилъ Рубинштейну на ухо: «Не позабудьте, что первымъ началомъ въ этомъ удачномъ дѣлѣ была Софья Тимоѣевна». «Нѣтъ, нѣтъ», отвѣчалъ Рубинштейнъ, смѣясь. «Ей

навсегда свободный входъ не только въ консерваторію, но и въ наши сердца; мы никогда не забудемъ ея услуги!» Дѣйствительно, она получила чрезъ посредство консерваторіи такъ много уроковъ для приготовленія начинающихъ обучаться музыкѣ, что не только сдѣлалась совершенно независимой отъ своей сестры, но ежегодно уѣзжала лѣтомъ за границу, и даже, когда сестра ея, вслѣдствіе разныхъ безумныхъ спекуляцій, разорилась, сдѣлалась поддержкою всей семьи.

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕТЕРГОФСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ¹⁾.

(Секретные протоколы).

Засѣданіе 21 іюля 1905 года.

ГО ИМПЕРАТОРСКОЕ Величество. Прежде чѣмъ пойти дальше, Я предлагаю заявить о замѣчаніяхъ по пройденнымъ въ прошедшемъ засѣданіи статьямъ.

Графъ А. П. Игнатьевъ. Я имѣю замѣчаніе по статьѣ 29 относительно служащихъ въ Канцеляріи Думы. Я думаю, что Канцелярію Думы лучше бы имѣть казенную. Почему Думѣ не пользоваться знаніями опытныхъ чиновъ Канцеляріи по назначенію отъ правительства?

А. Г. Булыгинъ. Въ моемъ первоначальномъ проектѣ Канцелярія Думы предполагалась изъ чиновъ по назначенію, съ правами государственной службы. Въ Совѣтѣ Министровъ я присоединился къ мнѣнію о томъ, что штатные чины Канцеляріи пользуются правами службы и назначаются Предсѣдателемъ, по представленію Секретаря Думы.

Графъ Д. М. Солскій. Служащіе въ Канцеляріи Думы будутъ по проекту назначаться ея Секретаремъ, условія же, коимъ они должны удовлетворять, а равно правила о прохожденіи службы въ Канцеляріи, будутъ установлены особымъ закономъ, который надлежитъ выработать.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», 1917 г., т. СХLXVIII, стр. 402.

О. В. Р и х т е р ь. Учрежденіе при Думѣ правительственной Канцеляріи будетъ показываться какъ бы недовѣріе къ Думѣ. Едва ли есть къ тому основанія.

В. В. В е р х о в с к і й. Я не могу себѣ представить, какимъ образомъ Дума будетъ въ состояніи вести дѣло, если Канцелярія будетъ отъ нея совершенно независима и состоять изъ чиновниковъ по назначенію отъ правительства.

Е. И. В. Необходимо имѣть въ виду пользу дѣла. Думѣ нужна помощь Канцеляріи. Что лучше? Выбранныя Секретаремъ лица или подготовленные чиновники?

В. В. В е р х о в с к і й. Если Секретарь Думы,—какъ уже рѣшено,—избирается ею изъ числа членовъ, то необходимо ему же предоставить подобрать себѣ служащихъ—его ближайшихъ сотрудниковъ. Иначе все дѣло затормозится.

Г р. Д. М. С о л ь с к і й. Примѣромъ можетъ служить Англія.

Э. В. Ф р и ш ь. Правила о служащихъ будутъ установлены особымъ закономъ, о чемъ и оговорено въ концѣ статьи 29.

Е. И. В. Да, но когда еще законъ этотъ выйдетъ. Надо теперь же разработать правила къ слѣдующему засѣданію.

Баронъ Ю. А. И к с к у л ь. Едва ли, В а ш е И м п е р а т о р с к о е В е л и ч е с т в о, возможно будетъ успѣть изготвить правила такъ скоро.

Е. И. В. Развѣ это такъ трудно составить одну, двѣ статьи? Во всякомъ случаѣ надо это сдѣлать къ одному изъ слѣдующихъ засѣданій.

Г р. А. П. И г н а т ь е в ь. Я всетаки продолжаю думать, что предпочтительнѣе имѣть казенную Канцелярію при Думѣ.

Е. И. В. Вопросъ надо поставить на практическую почву, какой прокъ будетъ отъ казенной Канцеляріи. Что лучше—то ли, что проектировано, или новое казенное учрежденіе?

Бар. А. А. Б у д б е р г ь. Канцелярія Думы есть исполнительный ея органъ. Если она будетъ учрежденіемъ чисто правительственнымъ, то между ними не будетъ связи, единства. Едва ли отсутствіе такой связи, такого единства будетъ отвѣчать пользѣ для дѣла.

К. П. П о б ѣ д о н о с ц е в ь. Вѣдь бѣда въ томъ, что Канцелярія Думы можетъ превратиться въ учрежденіе, подобное земскимъ управамъ, въ которыхъ находятъ себѣ пріютъ сосланные, состоящіе подъ надзоромъ полиціи и тому подобные люди.

С. С. М а н у х и н ь. Нѣтъ основаній уподоблять Думу земскому собранію, а ея Канцелярію—земской управѣ.

Е. И. В. Необходимо разработать правила для служащихъ въ Канцеляріи Думы.

А. С. С т и ш и н с к і й. Надлежитъ предусмотрѣть въ правилахъ, чтобы низшій слой вольнонаемныхъ служащихъ въ Канцеляріи Думы не походилъ на служащихъ въ земскихъ управахъ.

А. А. Н а р ы ш к и н ъ. Я присоединяюсь къ мысли А. С. Стишинскаго. Необходимо принять мѣры къ тому, чтобы въ Канцелярію Думы не попали земскіе статистики, агрономы и имъ подобные. Надо бы также опредѣлить отвѣтственность членовъ Канцеляріи за служебные проступки.

В. В. В е р х о в с к і й. Обязанности чиновъ Канцеляріи Думы совсѣмъ другія, чѣмъ служащихъ въ земствѣ. На чинахъ Канцеляріи Думы будутъ лежать обязанности по дѣлопроизводству, которыя весьма несложны и будутъ сводиться къ записи и перепискѣ постановлений Думы; отчеты же о ея засѣданіяхъ будутъ составляться присяжными стенографами.

Гр. Д. М. С о л ь с к і й. Въ земствѣ совершенно иное, чѣмъ въ Канцеляріи Думы. Служащіе въ земствѣ завѣдываютъ извѣстными отраслями земскаго хозяйства, обязанности же чиновъ Канцеляріи будутъ ограничиваться обязанностями чисто канцелярскаго свойства. Если служба по земству обставлена нехорошо, то это обстоятельство во многомъ зависитъ отъ того, что нѣтъ правилъ по сему предмету. Давно слѣдовало бы издать подобныя правила, но до сихъ поръ это не сдѣлано, и вотъ теперь приходится объ этомъ сожалѣть.

Кн. М. И. Х и л к о в ъ. Во вѣренномъ мнѣ вѣдомствѣ есть много вольнонаемныхъ служащихъ, и неудобствъ отъ этого не ощущается. Вольнонаемные служатъ нисколько не хуже штатныхъ должностныхъ лицъ, иногда и лучше послѣднихъ.

С. С. М а н у х и н ъ. Въ отношеніи служебной отвѣтственности нѣтъ разницы между штатными и вольнонаемными: и тѣ, и другіе отвѣчаютъ одинаково за служебныя преступныя дѣянія.

Э. В. Ф р и ш ь. Сенатъ давно уже разъяснилъ, что за преступленія и проступки служащіе, хотя бы они служили по вольному найму, отвѣчаютъ наравнѣ съ должностными лицами, состоящими на дѣйствительной службѣ.

А. А. Н а р ы ш к и н ъ. Желательно было бы во главѣ Канцеляріи поставить особаго директора по назначенію.

Н. С. Т а г а н ц е в ъ. Для пользы дѣла необходимо, чтобы между Думою и Канцеляріею была связь, а это возможно лишь, если назначенія служащихъ будутъ предоставлены Секретарю, избираемому, какъ уже рѣшено, Думою изъ числа ея членовъ.

Е. И. В. Необходимо изготovitъ правила для служащихъ въ Канцеляріи Думы и теперь же ихъ рассмотреть. Когда они могутъ быть готовы?

Бар. Ю. А. И к с к у л ь. Къ одному изъ слѣдующихъ засѣданій они будутъ выработаны.

Е. И. В. Есть ли еще замѣчанія по пройденнымъ статьямъ.

В. Н. К о к о в ц о в ъ. У меня есть замѣчаніе по статьѣ 8. Необходимо оговорить въ ней, что Предсѣдатель Думы исполняетъ

свои обязанности до выбора новаго Предсѣдателя, кромѣ, однако, случая распушенія Думы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Предсѣдатель не можетъ болѣе исполнять предсѣдательскихъ обязанностей, такъ какъ не будетъ состоять болѣе членомъ Думы, въ которую онъ былъ избранъ.

С. С. М а н у х и н ъ. Необходимо также оговорить, что избранный на послѣдній годъ пятилѣтія Предсѣдатель исполняетъ свои обязанности до окончанія пятилѣтія.

Е. И. В. Надо ввести предлагаемыя поправки.

Э. В. Ф р и ш ъ. Статью 17 о томъ, кто теряетъ званіе члена Думы въ случаѣ учиненія преступленія, слѣдовало бы изложить, какъ это было въ проектѣ Совѣта Министровъ, въ видѣ ссылки на статью 7 положенія о выборахъ, которая говоритъ о томъ же, чѣмъ избѣгнется повтореніе одинаковыхъ по содержанію статей, а главное не воплѣтъ удобное по отношенію къ членамъ Думы указаніе на воровство, присвоеніе чужой собственности и тому подобныя преступныя дѣянія.

Е. И. В. Слѣдуетъ вернуться къ прежнему проекту.

С. С. М а н у х и н ъ. Въ статьѣ 27 надо указать, что Секретарь Думы и его Товарищъ избираются на пять лѣтъ, а въ 28 статьѣ о томъ же слѣдуетъ сказать въ отношеніи Секретарей отдѣловъ.

Е. И. В. Можно ввести предлагаемыя поправки. Болѣе замѣчаний нѣтъ? Перейдемъ къ дальнѣйшимъ статьямъ, начиная съ 34 по измѣненному проекту.

В. В. В е р х о в с к і й. Я позволю себѣ остановиться на пунктѣ 5 статьи 34. Согласно этому пункту, къ вѣдѣнію Думы относятся лишь дѣла о постройкѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, сооруженіе же рельсовыхъ путей чрезъ посредство частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, хотя бы облигаціонному ихъ капиталу присваивалась гарантія за счетъ государственнаго казначейства, будетъ находиться внѣ компетенціи Думы. Съ такимъ положеніемъ едва ли можно согласиться, и приведенныя въ пользу подобнаго ограниченія круга дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію новаго законсовѣщательнаго учрежденія, изложенныя въ меморіи Совѣта Министровъ, соображенія представляются, по моему мнѣнію, мало убѣдительными. Главный въ этихъ соображеніяхъ доводъ сводится, въ существѣ своемъ, къ тому, что присвоеніе капиталу частнаго желѣзнодорожнаго общества гарантіи не всегда связано съ фактическимъ расходованіемъ народныхъ средствъ, такъ какъ приплатъ можетъ въ дѣйствительности и не потребоваться. Между тѣмъ, примѣнявшійся въ послѣдніе годы способъ развитія нашей желѣзнодорожной сѣти, а именно возложеніе на частныя компании постройки новыхъ путей, свидѣтельствуетъ, какъ кажется, объ обратномъ. Хотя при разрѣшеніи такихъ построекъ Соединенному Присутствію Комитета Министровъ и Департамента Государственной Экономіи и

представлялись подробныя данныя, позволявшія надѣяться на то, что дорога не потерпитъ убытковъ отъ увеличенія своего протяженія, и вновь построенныя вѣтви въ ближайшемъ же будущемъ станутъ приносить чистый доходъ, на дѣлѣ оказывалось совершенно другое. Оптимистическіе расчеты не оправдывались; даже крупныя и благоустроенныя желѣзнодорожныя общества, какъ, на примѣръ, Рязанско-Уральское и Юго-Восточное, не только не увеличили своихъ доходовъ противъ прежняго, но потребовали фактическихъ приплатъ по гарантіи, изъ которыхъ давно вышли. При усиленномъ въ концѣ минувшаго столѣтія желѣзнодорожномъ строительствѣ допущена была и другая ошибка, вслѣдствіе которой развитіе сѣти не принесло всей той пользы, которую отъ нея могла ожидать страна. При быстромъ увеличеніи сѣти частныхъ рельсовыхъ путей, казенныя дороги, къ нимъ примыкавшія, не были усилены въ надлежащей степени и не были готовыми принимать и своевременно передавать далѣе тѣ грузы, которые скоплялись на нѣкоторыхъ узловыхъ станціяхъ. Это было причиною накопленія огромныхъ залежей, нарушающихъ правильнѣйшій товарообмѣнъ, причиняющихъ огромныя убытки частнымъ лицамъ и несомнѣнно вредно отражающихся на отпускѣ нашихъ продуктовъ, и главнымъ образомъ, хлѣбовъ за границу. Изъ этого краткаго очерка явствуетъ, что желѣзнодорожное строительство близко затрагиваетъ насущныя интересы всего населенія, и что опытъ прошлаго обязываетъ смотрѣть на дарованіе гарантій, какъ на такой способъ поощренія, который не обходится безъ новыхъ для казны расходовъ. Каждая вновь сооруженная линія большаго протяженія имѣетъ огромную важность для нѣсколькихъ губерній, которыя она прорѣзываетъ, и можетъ измѣнить кореннымъ образомъ издавна сложившіяся въ цѣломъ районѣ условія торговли, къ явной выгодѣ однихъ и къ несомнѣнному ущербу для другихъ. Едва ли, вообще, можно отрицать, что вопросы развитія и улучшенія путей сообщенія суть экономическіе вопросы по преимуществу, а въ дѣлахъ подобнаго рода мнѣніе выборныхъ отъ земли людей особенно цѣнно, и за ними должно быть обезпечено право высказаться со всею полнотою и откровенностью по всѣмъ предположеніямъ желѣзнодорожнаго строительства, независимо отъ того, будетъ ли оно осуществляться непосредственнымъ распоряженіемъ правительства за счетъ казны или чрезъ посредство частныхъ обществъ.

Е. И. В. Что скажетъ на это Министръ Финансовъ?

В. Н. К о к о в ц о в ѣ. Нашедшее себѣ выраженіе въ статьѣ 34 проекта рѣшеніе вопроса о предѣлахъ компетенціи Думы по дѣламъ желѣзнодорожнаго строительства явилось результатомъ самаго подробнаго обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ, причѣмъ я рѣшительно возражалъ противъ предложенной В. В. Верховскимъ постановки. Не входя въ обсужденіе правильности высказанныхъ здѣсь

въ примѣненіи къ желѣзнодорожной политикѣ недавняго прошлаго положеній, какъ не относящихся къ предмету обсужденія, и ограничиваясь лишь заявленіемъ, что упомянутыя выше приплаты по гарантіи крупнѣйшихъ нашихъ обществъ, возстановившіяся временно и на короткій срокъ, уже прекратились, я вынужденъ вкратцѣ повторить предъ высокимъ собраніемъ тѣ доводы, которые побуждаютъ меня и нынѣ отстаивать самымъ энергичнымъ образомъ принятое въ Совѣтѣ Министровъ рѣшеніе.

Надлежитъ, прежде всего, замѣтить, что по точному смыслу рескрипта 18 февраля, избранныя отъ населенія лица должны быть призваны къ участию въ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предложеній. Вопросъ о желѣзнодорожномъ строительствѣ не имѣетъ характера законодательнаго; въ примѣненіи къ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ это свойство проявляется въ томъ только отношеніи, что на ихъ постройку требуются прямыя ассигнованія изъ государственнаго казначейства, т. е. отпускъ кредитовъ, показываемыхъ въ росписи, которая подлежитъ разсмотрѣнію Думы. Такимъ образомъ включеніе въ кругъ вѣдѣнія Думы дѣлъ о гарантіи облигаціонныхъ капиталовъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, какъ вопросовъ государственнаго управления, находилось бы внѣ соотвѣтствія съ положительными указаціями рескрипта В а ш е г о И м п е р. В е л и ч е с т в а отъ 18 февраля сего года на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Не слѣдуетъ забывать, что и въ настоящее время означенныя дѣла не подчиняются обще-установленному для законодательныхъ предложеній теченію, т. е. минуютъ Государственный Совѣтъ. Въ виду сего и такъ какъ, кромѣ дѣлъ о гарантіи, есть еще цѣлый рядъ вопросовъ высокой важности, которые остаются внѣ компетенціи не только Думы, но и Государственнаго Совѣта, едва ли можно настаивать на измѣненіи существующаго нынѣ порядка для дѣлъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства.

Въ пользу сохраненія нынѣшняго положенія вещей могутъ быть приведены также весьма вѣскія, на мой взглядъ, соображенія иного характера. Государственная Дума будетъ состоять изъ 491 члена, выбранныхъ отъ населенія огромнаго нашего отечества. Весьма сомнительно, чтобы члены отъ дальнихъ окраинъ интересовались постройкою какихъ-либо желѣзныхъ дорогъ центральныхъ губерній, если онѣ имѣютъ по преимуществу мѣстное значеніе. Точно также развитіе дорогъ на одномъ концѣ Имперіи безразлично для жителей противоположныхъ ему мѣстностей. Не будучи прямо заинтересованы въ правильномъ рѣшеніи подобнаго рода вопросовъ и не будучи въ состояніи содѣйствовать ему своимъ опытомъ и познаніями, такіе члены могутъ даже оказывать неблагоприятное вліяніе на согласное съ нуждами страны направленіе желѣзнодорожной политики. Можно опасаться, что предоставленіе вѣдѣнію Думы

дѣль подобнаго рода поведеть на практикѣ къ тѣмъ же злоупотребленіямъ, какія мы наблюдаемъ во Франціи, что и у насъ повторится своего рода Панама. Лица, извлекающія прямыя или косвенныя выгоды изъ того либо иного разрѣшенія желѣзнодорожнаго вопроса—выгоды, нерѣдко не имѣющія ничего общаго съ государственными цѣлями и задачами,—займутся агитаціею въ Думѣ и путемъ различнаго рода обѣщаній будутъ составлять, изъ непричастныхъ въ сущности дѣлу членовъ, большинство, которое станетъ по своему усмотрѣнію вершить въ Думѣ эти заманчивыя и выгодныя для многихъ дѣла. Значеніе приведенныхъ соображеній усугубляется въ настоящее время тѣмъ обстоятельствомъ, что въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, казенное желѣзнодорожное строительство должно временно уступить мѣсто частному. Подробныя предложенія о способахъ привлеченія вновь частныхъ капиталовъ въ эту область народнаго хозяйства недавно удостоились Высочайшаго утвержденія *Вашею Императорскаго Величества*, надо думать, будутъ служить побужденіемъ къ проявленію оживленной дѣятельности разнаго рода предпринимателей.

Нынѣшній порядокъ разсмотрѣнія вопросовъ о постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ особой комиссіи изъ представителей подлежащихъ правительственныхъ вѣдомствъ и наиболѣе заинтересованныхъ мѣстностей въ достаточной степени обезпечиваетъ правильное и согласное съ общими интересами рѣшеніе названныхъ дѣлъ. Кромѣ того, огражденіе этихъ интересовъ противъ увлеченій или злоупотребленій правительственныхъ органовъ, къ сему прикосновенныхъ, приняла на себя повременная печать, которая безъ различія отбѣнокъ и направленія, охотно, какъ всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, занимается болѣе или менѣе заслуживающими вниманіе предположеніями о сооруженіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

В. В. Верховскій. Не всѣ вносимыя въ Думу дѣла въ одинаковой степени затрагиваютъ интересы всѣхъ мѣстностей, посылающихъ своихъ выборныхъ для участія въ законосовѣщательной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе всѣ члены признаются компетентными въ обсужденіи такихъ дѣлъ. Дѣла желѣзнодорожныя не могутъ въ этомъ отношеніи составлять исключенія. А такъ какъ, кромѣ того, гарантія требуетъ принципиальнаго по крайней мѣрѣ согласія на производство расхода изъ народныхъ средствъ, то нѣтъ, казалось бы, основаній къ допущенію предложеннаго пунктомъ 5 статьи 34 изъятія.

Н. Н. Герардъ. Прежде всего слѣдуетъ устранить примѣръ Панамы. Создаваемый новымъ учрежденіемъ порядокъ разсмотрѣнія у насъ дѣлъ настолько отличенъ отъ западно-европейскаго, что никакія аналогіи не имѣютъ подъ собою прочной почвы. Достаточно указать на то, что министры во Франціи остаются у власти до тѣхъ

поръ, пока они имѣютъ за собою большинство палаты, т. е. съ нею ладятъ. При такихъ условіяхъ и рѣшающемъ голосѣ законодательнаго корпуса всякія злоупотребленія гораздо болѣе возможны, нежели въ странѣ, гдѣ главные начальники распорядительныхъ вѣдомствъ назначаются по избранію *В а ш е г о В е л и ч е с т в а* и никому другому не подчиняются, ни прямо, ни косвенно, а высшія государственныя установленія имѣютъ лишь совѣщательный характеръ. Въ этомъ отношеніи нашъ государственный строй представляетъ неизмѣримо болѣе гарантій противъ крупныхъ злоупотребленій, нежели республиканскій.

Затѣмъ нельзя признать вполне точнымъ и заявленіе о томъ, что дѣла частнаго желѣзнодорожнаго строительства минуютъ совершенно Государственный Совѣтъ. Къ обсужденію и рѣшенію ихъ дѣйствительно не привлекается Общее его Собраніе, но въ немъ участвуетъ одинъ изъ Департаментовъ Совѣта,—а именно Департаментъ Государственной Экономіи, который соединяется съ Комитетомъ Министровъ.

Разсматривая означенныя дѣла со стороны ихъ существа, нужно, мнѣ кажется, признать, что они глубоко затрагиваютъ и интересы государства въ его цѣломъ, облегчая условія сообщенія и товарообмѣна, и интересы отдѣльныхъ районовъ Имперіи, содѣйствуя увеличенію благосостоянія однихъ и достигая противоположныхъ цѣлей въ отношеніи другихъ, и интересы частныхъ лицъ, лишая ихъ отчуждаемой подъ рельсовые пути собственности, и, наконецъ, требуютъ во многихъ случаяхъ новыхъ пожертвованій изъ казны. Эти особенности придаютъ входящимъ въ область желѣзнодорожнаго строительства вопросамъ всѣ рѣшительно свойства дѣлъ законодательныхъ. Засимъ сохраненіе для однородныхъ, въ сущности, вопросовъ, постройки рельсовыхъ путей, различныхъ порядковъ обсуждения и рѣшенія, въ зависимости отъ того только, кто является исполнителемъ работъ—само правительство или концессионеръ,—едва ли правильно. Предлагаемая статьею 34 проекта постановка грѣшитъ и въ томъ отношеніи, что Дума болѣе компетентна въ оцѣнкѣ необходимости, пользы или вреда дороги коммерческаго значенія, нежели стратегическаго, а между тѣмъ ей будетъ предстоять имѣть сужденіе только по этимъ послѣднимъ дорогамъ, а дороги экономическаго характера будутъ разрѣшаться къ постройкѣ помимо Думы. Другая несообразность заключается въ томъ, что по смыслу пункта 5 статьи 34. для доставленія паровозному предпріятію гарантіи требуется предварительное заключеніе Думы, а если гарантія присваивается обществу какой-либо желѣзной дороги, правительство можетъ обойтись безъ такого заключенія.

Е. И. В. Почему въ пунктѣ 4 статьи 34 упомянуты дѣла о постройкѣ только казенныхъ желѣзныхъ дорогъ?

В. Н. К о в ц о в ъ. Это, въ сущности, результатъ компромиса, оправдываемый тѣмъ, что сооруженіе рельсовыхъ путей непосредственнымъ распоряженіемъ правительства требуетъ ассигнованія крупныхъ денежныхъ средствъ. При наличности пункта 2 статьи 34, по которому всѣ предположенія о денежныхъ изъ казны ассигнованіяхъ должны итти въ Думу, пунктъ 4 могъ бы быть, безъ всякаго ущерба, исключенъ.

Въ дополненіе къ высказаннымъ мною въ настоящемъ засѣданіи соображеніямъ я не могу не заявить глубокаго своего убѣжденія, что отъ того или иного рѣшенія вопроса о направленіи дѣлъ, касающихся постройки желѣзныхъ дорогъ съ гарантіей казны опредѣленнаго дохода на строительный капиталъ, зависитъ быть или не быть частному желѣзнодорожному строительству. Я полагаю, что оно имѣетъ будущность при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, при подчиненіи же означенныхъ вопросовъ компетенціи Думы всѣ попытки правительства облегчить бюджетъ отъ огромныхъ, совершенно необходимыхъ, но въ то же время непосильныхъ одновременныхъ затратъ на развитіе нашей сѣти, путемъ пробужденія частной инициативы, разобьются о противодѣйствіе, которое встрѣтятъ предположенія правительства въ Думѣ по соображеніямъ, имѣющимъ мало общаго съ разумною желѣзнодорожною политикою.

Кн. М. И. Х и л к о в ъ. Я раздѣляю мнѣніе Министра Финансовъ.

К. П. П о б ѣ д о н о с ц е в ъ. Во мнѣ зарождается опасеніе, что, останавливаясь слишкомъ долго на такихъ, въ сущности, второстепенныхъ вопросахъ, мы приносимъ въ жертву болѣе существенные въ настоящемъ важномъ дѣлѣ предметы. Мы вторгаемся въ такую область, изъ которой трудно выйти. Оставаясь въ точно очерченныхъ рескриптомъ 18 февраля границахъ, мы должны составить такое положеніе о Государственной Думѣ, которое примыкало бы къ существующему законодательному порядку, а не измышлять новые пути. Подъ дѣлами законодательными, къ обсужденію коихъ должна быть привлечена Дума, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, разумѣть тѣ изъ обладающихъ этимъ свойствомъ предметовъ, которые предусмотрѣны учрежденіемъ Государственнаго Совѣта. Не нужно нынѣ же усложнять задачи соображеніемъ того, чѣмъ слѣдуетъ дополнить этотъ списокъ, какіе дѣла, не восходящія нынѣ въ Совѣтъ, направить къ общему законодательному порядку для того только, чтобы расширить одновременно съ симъ кругъ компетенціи Думы. Въ предѣлахъ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи времени сознательное отношеніе къ разрѣшенію этого важнаго вопроса было бы невозможно. Дума, навѣрно, возбудитъ сама ходатайство о расширеніи своихъ правъ въ указанномъ отношеніи, и тогда наступитъ моментъ подвергнуть этотъ вопросъ новому всестороннему обсужденію. Нынѣ же слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что предла-

гаеть Совѣтъ Министровъ, т. е. неизмѣнять существующаго порядка разсмотрѣнія и разрѣшенія дѣлъ, возникающихъ на почвѣ частнаго желѣзнодорожнаго строительства.

В. В. В е р х о в с к і й. Государственный Контролеръ не откажется, конечно, подтвердить, что правительственные гарантіи по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ требовали громадныхъ приплатъ отъ казны. Устранить Думу отъ обсуждения подобныхъ бюджетныхъ вопросовъ нѣтъ никакихъ основаній.

В. Н. К о к о в ц о в ъ. Это не вполне точно. Прежній порядокъ дарованія концессій частнымъ желѣзнымъ дорогамъ съ правительственными гарантіями отошелъ въ область преданій, и съ тѣхъ поръ дѣло частнаго желѣзнодорожнаго строительства, благодаря принятымъ правительствомъ мѣрамъ, упорядочено.

П. Л. Л о б к о. Въ пользу принятаго Совѣтомъ Министровъ рѣшенія, сохраняющаго различные порядки для теченія дѣлъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ правительства или чрезъ посредство частныхъ предпринимателей, можно привести также и то соображеніе, что развитіе рельсовой сѣти, по моимъ понятіямъ, есть дѣло правительства. Какъ таковое и какъ требующее крупныхъ ассигнованій изъ казны, оно, по основному положенію статьи 34, не можетъ миновать Думы. Частное строительство было въ послѣднее время весьма ограничено и является, въ сущности, исключеніемъ изъ приведеннаго общаго, по моему мнѣнію, правила, для котораго возможно допустить изъятіе и въ порядкѣ его разсмотрѣнія. Кромѣ того, хотя гарантіи строительныхъ капиталовъ и предполагаетъ расходы изъ казны, но расходы послѣдняго рода не имѣютъ такой тѣсной связи съ бюджетомъ, которая требовала бы подчиненія обсуждаемыхъ дѣлъ общему порядку слѣдованія дѣлъ о денежныхъ изъ казны ассигнованіяхъ.

Гр. А. А. Б о б р и н с к о й. Пунктъ 4 статьи 34, касающійся дѣлъ объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, требующихъ В ы с о ч а й ш а г о соизволенія, не вполне ясенъ. Онъ можетъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что подъ него подойдутъ назначенія различнаго рода денежныхъ окладовъ, арендъ и тому подобныхъ ассигнованій изъ доходовъ казны.

Гр. Д. М. С о л ь с к і й. Можно дать другую редакцію этому пункту, сказавъ: «дѣла объ отчужденіи государственныхъ доходовъ или имуществъ, восходящихъ на В ы с о ч а й ш е е благовозраженіе чрезъ Государственный Совѣтъ».

Бар. Ю. А. И к с к у л ь. Изложеніе этого пункта заимствовано въ обобщенной формѣ изъ учрежденія Государственнаго Совѣта, въ коемъ указано, въ пунктѣ II статьи 31, на частные случаи отчужденія какой-либо части государственныхъ доходовъ или иму-

ществъ, требующіе В ы с о ч а й ш а г о соизволенія. Пунктъ этотъ никогда не понимался въ томъ смыслѣ, что онъ относится къ окладамъ, арендамъ и тому подобнымъ назначеніямъ.

В. Н. К о к о в ц о в ъ. Редакція этого пункта соответствуетъ уставу объ оброчныхъ статьяхъ, въ коемъ предусматриваются случаи отчужденія казенныхъ доходовъ и имуществъ властью главнаго начальника вѣдомства государственныхъ имуществъ, и наряду съ симъ и случаи, требующіе В ы с о ч а й ш а г о разрѣшенія черезъ Государственный Совѣтъ.

Е. И. В. Статья 34 находится въ прямой связи со статьею I учрежденія Думы, гдѣ выражено, что она призывается для предварительной разработки и обсуждения законодательныхъ предположеній, проходящихъ черезъ Государственный Совѣтъ; между тѣмъ дѣла о дарованіи гарантіи не относятся къ компетенціи Совѣта. Поэтому статью 34 оставить въ томъ видѣ, какъ она редактирована Совѣтомъ Министровъ.

Гр. А. А. Г о л е н и щ е в ъ - К у т у з о в ъ. Статьею 35 проекта предусмотрено возбужденіе Государственною Думою предположеній объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ. Статья эта представляется недостаточно опредѣленной въ томъ отношеніи, что не даетъ прямого отвѣта на вопросъ, имѣетъ ли Дума инициативу предложенія новыхъ налоговъ или производства новыхъ расходовъ. Небезполезно при этомъ отмѣтить, что даже въ Англии, этой классической странѣ парламентаризма, палаты лишены означеннаго права. Это мудрое правило имѣетъ своимъ послѣдствіемъ медленный сравнительно ростъ государственныхъ расходовъ въ Соединенномъ Королевствѣ, тогда какъ въ другихъ государствахъ съ представительнымъ образомъ правленія, гдѣ такихъ ограниченій не имѣется, бюджетъ увеличивается чрезвычайно быстро. Поэтому нельзя не опасаться, что свободный починъ Думы по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ новыми расходами изъ казны, поведетъ и у насъ къ чрезмѣрному обремененію платежныхъ силъ населенія. Осторожнѣе было бы нѣсколько сузить въ указанномъ направленіи изъясненное право Думы, постановивъ въ законѣ, что возбужденныя ею предположенія не должны имѣть своимъ предметомъ такія мѣропріятія, которыя сопряжены съ новыми бюджетными издержками. Тогда дѣятельность Думы была бы сосредоточена на усовершенствованіи законодательства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и опасенія чрезмѣрно быстрого роста государственныхъ расходовъ не могли бы имѣть мѣста. Нельзя, конечно, не признать основательности сдѣланнаго въ настоящемъ засѣданіи возраженія противъ примѣровъ, заимствуемыхъ изъ практики западно-европейскихъ конституціонныхъ учреждений. Это возраженіе, сводящееся къ указанію на то, что Дума не имѣетъ рѣшающаго голоса въ предлагаемыхъ ея обсужденію дѣлахъ, наравнѣ съ Главою государства,

можетъ быть приведено въ данномъ случаѣ. Ваше Императорское Величество, конечно, сохраняете за Собою право не утвердить заключенія Думы, направленнаго къ отягченію бремени налоговъ или къ увеличенію расходовъ, но не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что такіе случаи будутъ лишнимъ поводомъ къ коллизіямъ между Верховною Властью и призванными Ею къ совѣщательной дѣятельности по дѣламъ законодательства выборными отъ населенія людьми. Число этихъ конфликтовъ желательнo уменьшить всѣми возможными мѣрами, и одинъ изъ вѣрнѣйшихъ для этого способовъ заключается въ предложенномъ мною суженіи законодательной инициативы создаваемого нынѣ новаго законсовѣщательнаго учрежденія.

Починъ этотъ нуждается, по моему мнѣнію, въ ограниченіи и въ другомъ отношеніи. Статья 35 возбраняетъ Думѣ касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ Основными Законами. Между тѣмъ, самое учрежденіе Думы представляется, по моему, настолько важнымъ органическимъ закономъ, что съ точки зрѣнія законодательнаго почина самой Думы едва ли можетъ быть отождествляемо со всѣми прочими дѣйствующими у насъ законоположеніями. Мысль о необходимости оградить предстоящее къ изданію учрежденіе Думы отъ нежелательныхъ на первыхъ же порахъ колебаній возникала и въ Совѣтѣ Министровъ при разсмотрѣніи въ немъ проекта гофмейстера Булыгина. Но по ближайшемъ соображеніи этого предположенія, Совѣтъ усумнился въ необходимости воспретить Думѣ возбуждать ходатайства объ измѣненіи собственнаго своего учрежденія. Какъ видно изъ меморіи Совѣта Министровъ, онъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что нѣкоторыя частности новаго закона по примѣненіи его на практикѣ могутъ дѣйствительно потребовать нѣкоторыхъ измѣненій. Не отрицая правильности этого заключенія, слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что не всѣ постановленія разсматриваемаго здѣсь учрежденія Государственной Думы имѣютъ одинаковое значеніе для обезпеченія правильнаго хода законодательныхъ дѣлъ и прочности призываемаго къ жизни выборнаго учрежденія. И если въ отношеніи менѣе существенныхъ статей стѣсненіе законодательной инициативы Думы было бы излишне, то въ примѣненіи къ тѣмъ статьямъ, которыя имѣютъ характеръ основныхъ положеній, должна была бы быть соблюдена та же благоразумная осторожность, какая проявлена составителями проекта относительно Законовъ Основныхъ. Къ числу такихъ именно статей учрежденія Думы я отношу статью I, въ окончательнo установленной ея редакціи, и статью 34, опредѣляющую компетенцію Думы.

С. С. М а н у х и н ъ. Лишеніе Думы права возбуждать законодательныя предположенія, связанныя съ производствомъ новыхъ расходовъ, равносильно было бы совершенному отнятію у нея законодательнаго почина ибо всѣ вообще новыя мѣропріятія требуютъ

для своего осуществленія извѣстныхъ денежныхъ средствъ. По поводу же предложенія воспретить Думѣ касаться статей 1 и 34 разсматриваемаго учрежденія слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи первой изъ этихъ статей оно излишне, ибо это само собою разумѣется. Статья 1 въ измѣненной Совѣщаніемъ редакціи имѣетъ ссылочный на Основныя Законы характеръ, и воспрещеніе Думѣ дѣлать эту статью предметомъ возбуждаемыхъ ею предположеній объ измѣненіи закона прямо вытекаетъ изъ такого же воспрещенія, постановленнаго въ отношеніи Законовъ Основныхъ. Статья же 34, содержащая въ себѣ перечисленіе подлежащихъ вѣдѣнію Думы дѣлъ, несомнѣнно потребуетъ съ теченіемъ времени пересмотра и дополненія, какъ уже выяснилось въ настоящемъ Совѣщаніи, при обсужденіи этой статьи, причемъ никакихъ возраженій противъ возбужденія Думой подобныхъ ходатайствъ здѣсь не было высказано.

Н. С. Таганцевъ. Условія, при соблюденіи коихъ предположеніе объ измѣненіи или отмѣнѣ дѣйствующаго закона или изданія новаго можетъ получить движеніе, вполне гарантируютъ обдуманность, серьезность и основательность подобныхъ предположеній. Поэтому нѣтъ основанийъ воспрещать Думѣ касаться статьи 34.

Е. И. В. При изданіи наказа, Дума также не должна касаться тѣхъ предметовъ, которые не могутъ служить предметомъ возбуждаемыхъ ею предположеній объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ законовъ и изданій новыхъ.

Э. В. Фришъ. Это должно быть положительно выражено въ подлежащей статьѣ учрежденія Думы.

Бар. Ю. А. Икскуль. Въ статьѣ 32 указано, что наказъ издается Думою въ развитіе правилъ Высочайше утвержденныхъ Вашимъ императорскимъ Величествомъ для Думы и, слѣдовательно, не можетъ ему противорѣчить. Кромѣ того, наказъ подлежитъ опубликованію во всеобщее свѣдѣніе черезъ Правительствующій Сенатъ. Если окажется какое-либо несоотвѣтствіе между постановленіями наказа и учрежденіемъ Думы, Сенатъ откажетъ въ опубликованіи.

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Едва ли справедливо указаніе, что всякое законодательное предположеніе связано съ расходомъ, и что поэтому дѣлаемое мною предложеніе сводилось бы на практикѣ къ отнятію у Думы всякаго законодательнаго почина. Усовершенствованіе уложеній гражданскаго, уголовнаго и проч. не влечетъ за собою никакихъ расходовъ. На этихъ именно отрасляхъ законодательства и должно сосредоточиться вниманіе Государственной Думы. Инициативу же установленія налоговъ предоставлять ей было бы неосторожно.

Е. И. В. Совершенно съ вами согласенъ.

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Воспрещеніе Думѣ касаться статьи 34 ея учрежденія могло бы быть ограничено опредѣленнымъ срокомъ, по истеченіи коего, когда накопится необходимый матеріалъ и явится опытъ, это запрещеніе могло бы быть снято.

Гр. А. А. Бобринской. Я вполне присоединяюсь къ мнѣнію графа Голенищева-Кутузова относительно статьи 34. Если не будетъ предлагаемаго имъ ограниченія, Дума съ первыхъ же своихъ шаговъ станетъ стремиться къ расширенію круга вносимыхъ въ нее дѣлъ, и это будетъ основнымъ источникомъ столкновеній между нею и правительствомъ.

А. А. Нарышкинъ. Съ своей стороны я не могу не присоединиться къ заявленію графа Голенищева-Кутузова о необходимости ограничить Думу въ правѣ законодательной инициативы въ области установленія новыхъ или увеличенія существующихъ налоговъ.

Е. И. В. Министръ Финансовъ готовъ ли отвѣтить на этотъ вопросъ?

В. Н. Кокцовъ. Мнѣ, какъ Министру Финансовъ, болѣе чѣмъ кому-либо извѣстно, что бремя взимаемыхъ съ населенія налоговъ достигло крайнихъ предѣловъ, и что въ ближайшемъ будущемъ не только не предвидится возможности облегченія податныхъ тягостей, но предстоитъ даже изыскивать новые источники пополненія государственныхъ ресурсовъ для покрытія предстоящихъ огромныхъ расходовъ.

Вникая въ существо сдѣланнаго гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ предложенія, я не могу не присоединиться къ той его оцѣнкѣ, которая сдѣлана Министромъ Юстиціи. Нѣтъ такого закона, который не требовалъ бы прямыхъ или косвенныхъ, большихъ или меньшихъ пожертвованій государственнаго казначейства. Если будетъ введено въ учрежденіе Государственной Думы ограниченіе законодательной инициативы предметами, не требующими новыхъ расходовъ, то Дума фактически никогда не будетъ въ состояніи осуществить даруемое ей весьма важное право.

В. О. Ключевскій. Воспрещеніе Думы касаться, въ порядкѣ законодательнаго почина, собственнаго ея учрежденія будетъ ли согласно съ мыслью Вашего Императорскаго Величества, выраженною въ словахъ, которыми Вы удостоили представлявшуюся Вашему Величеству 21 минувшаго іюня депутацію? Вамъ Самимъ угодно было выразить, что «жизнь укажетъ намъ пути къ устраненію тѣхъ несовершенствъ и погрѣшностей, которыя могутъ оказаться въ такомъ новомъ и большомъ дѣлѣ», которое задумано на благо всѣхъ подданныхъ.

Всѣ эти несовершенства прежде всего почувствуются самой Думою, и потому именно за нею долженъ быть обезпеченъ починъ

возбужденія порядка ходатайствъ объ усовершенствованіи предстоящаго къ изданію органическаго закона.

А. С. С т и ш и н с к і й. Едва ли сдѣланное гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ предложеніе воспретить Думѣ касаться въ порядкѣ законодательнаго почина налоговъ равносильно, какъ заявляютъ здѣсь нѣкоторые члены, лишенію права инициативы. Расходы, сопряженные съ изданіемъ новыхъ законовъ или измѣненіемъ существующихъ, могутъ быть покрываемы и безъ установленія новыхъ налоговъ. Съ источниками же податнаго обложенія необходимо обращаться съ должной осторожностью, которой отъ Думы едва ли можно ожидать. Поэтому я нахожу, что Дума не должна обладать правомъ возбуждать вопросы объ установленіи новыхъ налоговъ и усиленіи существующихъ, причемъ воспрещеніе это не должно быть ограничивасмо какимъ-либо срокомъ, а должно войти въ учрежденіе Думы въ видѣ кореннаго и неизмѣннаго правила. Къ числу такихъ же неизмѣнныхъ опредѣленій слѣдовало бы отнести и статью 34-ю компетенціи Думы, чтобы преградить домогательства о ея расширеніи.

В. В. В е р х о в с к і й. Не нужно обольщать себя иллюзіею, что новые расходы могутъ быть покрыты за счетъ получаемыхъ отъ существующихъ налоговъ средствъ, а потому высказанныя А. С. Стишинскимъ соображенія нисколько не ослабляютъ того положенія, которое поддерживается здѣсь многими членами, а именно, что воспрещеніе инициативы въ области налоговъ сведетъ къ фикціи право законодательнаго почина и во всѣхъ другихъ областяхъ.

Гр. Д. М. С о л ь с к і й. Я полагаю, что опасенія могутъ возникнуть скорѣе на счетъ инициативы облегченія податнаго бремени и отмѣны наиболѣе тягостныхъ налоговъ и сборовъ, нежели на счетъ установленія новыхъ налоговъ.

Е. И. В. Возбужденіе Государственною Думою предположеній объ измѣненіи дѣйствующей системы налоговъ ни къ чему еще не обязываетъ.

И. Л. Л о б к о. Лишить Думу права разобратся въ достоинствахъ и недостаткахъ нашей налоговой системы было бы несправедливо. Отъ нея можно ожидать весьма полезныхъ для дѣла указаній, напримѣръ: объ установленіи новыхъ болѣе справедливыхъ налоговъ, взамѣнъ существующихъ, страдающихъ неравномѣрностью и другими несовершенствами. Конечно, большая или меньшая цѣнность этихъ указаній будетъ въ прямой зависимости отъ состава Думы, т. е. къ нимъ должно будетъ отнестись съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, чѣмъ болѣе будетъ основаній считать мнѣніе Думы выразителемъ мнѣній и желаній всего нашего отечества.

Гр. А. А. Г о л е н и щ е в ъ-К у т у з о в ъ. Въ Думѣ всегда будетъ много членовъ, въ сущности, вовсе не заинтересованныхъ

въ правильномъ разрѣшеніи столь важныхъ вопросовъ, а преслѣдующихъ лишь поставленныя извѣстною партіею цѣли и стремящихся къ производству такихъ расходовъ, которые для данного момента могутъ оказаться непосильными. Явный примѣръ подобной неосмотрительности мы видимъ въ земствѣ, которое слишкомъ быстро увеличивало, путемъ самообложенія, бремя земскихъ сборовъ. Предѣлъ этому былъ положенъ закономъ. Того же слѣдуетъ опасаться и въ дѣлѣ государственнаго обложенія, если Дума не будетъ ограничена въ правѣ законодательной инициативы по вопросамъ о налогахъ. Такое ограниченіе тѣмъ болѣе справедливо, что и Государственный Совѣтъ, представляющій учрежденіе, внушающее гораздо болѣе довѣрія въ смыслѣ осторожности, не обладаетъ правами, равными представляемому Думѣ.

Н. С. Таганцевъ. Прямое воспрещеніе въ законѣ касаться этихъ вопросовъ послужить, само по себѣ, поводомъ для Думы заняться прежде всего этими вопросами, если бы даже къ тому не имѣлось болѣе вѣскихъ причинъ. Тогда какъ разрѣшеніе откровенно высказываться по столь важному предмету, обставленное при томъ необходимыми гарантіями обдуманности и осторожности, со внесеніемъ выраженныхъ Думою предположеній въ Государственный Совѣтъ,—не представляетъ никакой опасности и можетъ только принести пользу правительству.

С. С. Манухинъ. Государственный Совѣтъ нельзя считать лишеннымъ законодательной инициативы. Онъ осуществляетъ ее въ тѣхъ порученіяхъ, которыя даетъ Министрамъ разработать тотъ или иной законопроектъ. Сенатъ имѣетъ также право законодательной инициативы.

Я хотѣлъ бы еще указать, для ослабленія убѣдительности сдѣланной на Англію ссылки, что она такъ богата, что въ установленіи новыхъ налоговъ не нуждается, тѣмъ болѣе, что ресурсы ея могутъ подкрѣпляться, такъ сказать, механически—увеличеніемъ ставки подоходнаго налога. Что же касается сравнительной медленности роста ея бюджета, то обстоятельство это безъ освѣщенія цифрами и подробнаго изслѣдованія причинъ, обслуживающихъ эту медленность, не можетъ служить достаточнымъ доводомъ въ пользу ограниченія права законодательной инициативы Думы.

Гр. А. А. Бобринскій. Установленіе срока, въ теченіе коего Дума не должна бы касаться нѣкоторыхъ вопросовъ, въ порядкѣ своего законодательнаго почина, не противорѣчило бы тѣмъ Высочайшимъ словамъ, которыя были здѣсь цитированы профессоромъ Ключевскимъ. Жизнь укажетъ несовершенства и погрѣшности разсматриваемаго нами проекта учрежденія Думы, не сейчасъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ примѣненія его на практикѣ. Необходимо принять всѣ мѣры къ обезпеченію спокойнаго хода дѣлъ именно на первыхъ порахъ.

Бар. А. А. Б у д б е р г т ь. Не нужно забывать, что Дума не имѣтъ рѣшающаго голоса, и потому даруемыя ей права не представляютъ того опаснаго характера, о которомъ шла рѣчь. Установленіе запрета, хотя бы на срокъ, было бы нежелательнымъ.

Кн. А. А. Ш и р и н с к і й-Ш и х м а т о в т ь. Я раздѣляю мнѣніе о томъ, что установленіе срока было бы неудобно. Воспрещеніе Думѣ касаться въ порядкѣ законодательнаго почина налоговыхъ вопросовъ не должно быть ограничено въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени. Оно должно войти въ законъ въ качествѣ правила постояннаго. Отмѣна этого запрещенія должна зависѣть отъ непосредственнаго изволенія В а ш е г о И м п е р а т о р с к а г о В е л и ч е с т в а.

Е. И. В. Возбужденіе Думою законодательныхъ вопросовъ ни къ чему еще не обязываетъ, а такъ какъ противъ ограниченія въ этомъ отношеніи правъ Думы представлены вѣскія соображенія, то оставить статью, какъ она проектирована. Пойдемъ далѣе.

Гр. А. А. Б о б р и н с к о й. По статьѣ 41 постороннія лица въ засѣданіи Думы, какъ въ Общія ея Собранія, такъ и въ отдѣлы не допускаются; между тѣмъ представители печати, съ разрѣшенія Предсѣдателя Думы, будутъ допускаться въ засѣданія Общія Собранія Думы, кромѣ засѣданій закрытыхъ. Такимъ образомъ газетнымъ корреспондентамъ дается преимущество, которымъ не будутъ пользоваться даже высшіе государственные чины, напримѣръ, Члены Государственнаго Совѣта, Сенаторы... Едва ли есть достаточныя основанія давать такое преимущество печати. Мнѣ думается, что Предсѣдателю надо предоставить право разрѣшать присутствіе въ засѣданіяхъ Думы высшимъ государственнымъ чинамъ.

Гр. А. П. И г н а т ь е в т ь. Мнѣ кажется, что разъ засѣданіе Думы признаются непубличными, то не слѣдуетъ допускать въ засѣданія Думы и газетныхъ корреспондентовъ. Если ихъ допускать, то все, что будетъ происходить въ засѣданіяхъ, тотчасъ же будетъ оглашаться въ печати.

Н. С. Т а г а н ц е в т ь. Надо различать публичность засѣданій отъ ихъ гласности. Проектъ устраняетъ публичность засѣданій, не допуская присутствія въ нихъ постороннихъ лицъ, публики, но не устраняетъ гласности засѣданій, давая Предсѣдателю Думы право разрѣшать присутствіе въ засѣданіяхъ ея представителямъ печати. Такая постановка мнѣ кажется совершенно правильною—тѣмъ болѣе, что вѣдь нѣтъ возможности сдѣлать засѣданія совершенно негласными, коль скоро въ нихъ участвуютъ сотни лицъ.

Е. И. В. В. Кн. В л а д и м і р ь А л е к с а н д р о в и ч т ь. Я нахожу совершенно правильнымъ проектированное Совѣтомъ Министровъ правило: не допускать публики и допускать печать.

Кн. А. А. Ш и р и н с к і й-Ш и х м а т о в т ь. Быть можетъ, правильнѣе постановить, что Предсѣдателю Думы дается право

разрѣшать присутствіе въ ея засѣданіяхъ представителямъ лишь извѣстныхъ органовъ печати, а не всѣхъ.

Е. И. В. В. Кн. Владиміръ Александровичъ. Вѣдь, проектъ разсматривался Совѣтомъ Министровъ и имъ одобренъ. Что же теперь заявлять такія замѣчанія, которыя только затягиваютъ дѣло?

К. П. П о б ѣ д о н о с ц е в ѣ. Если не допускать представителей печати, то все-таки отчеты о засѣданіяхъ, стенографически составленные, будутъ оглашаться въ печати.

Д. Ф. Т р е п о в ѣ. Съ точки зрѣнія надзора гораздо лучше разрѣшить присутствіе въ засѣданіяхъ Думы представителямъ печати, нежели ихъ туда не пускать. Если печати не разрѣшить имѣть своихъ корреспондентовъ въ Думѣ, то несомнѣнно редакціи газетъ найдутъ средство имѣть своихъ сотрудниковъ чреди членовъ Думы, которые будутъ, однако, оставаться неизвѣстными. Предпочтительнѣе допустить представителей печати въ засѣданіе Думы, ибо тогда они станутъ извѣстными, и будетъ извѣстно, съ кого въ случаѣ надобности взыскивать.

Е. И. В. Вопросъ кажется исчерпанъ, и мы можемъ пойти дальше.

В. Н. К о к о в ц о в ѣ. Въ статьѣ 43 слѣдовало бы прямо выразить, что засѣданія отдѣловъ Думы всегда бываютъ закрытыми.

Э. В. Ф р и ш ѣ. Это прямо вытекаетъ изъ статьи 41, въ которой говорится только о присутствіи корреспондентовъ газетъ въ засѣданіяхъ Общихъ Собраній Думы.

Е. И. В. Этимъ устраняется сдѣланное Министромъ Финансовъ замѣчаніе.

А. С. С т и ш и н с к і й. Я позволю себѣ представить соображенія по поводу статей 47 и 50. По моему мнѣнію, нельзя придавать рѣшающее значеніе большинству Думы. Поэтому надо измѣнить статью 50 о томъ, что отклоненные предположенія Министровъ на В ы с о ч а й ш е е благовозрѣніе не представляются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и статью 47, на основаніи коей заключеніемъ Думы признается мнѣніе, принятое большинствомъ.

Гр. Д. М. С о л ь с к і й. Въ заключеніи мнѣніе меньшинства тоже надо формулировать.

А. С. С т и ш и н с к і й. Новое начало нежелательно для пользы государства. Согласно учрежденію Государственнаго Совѣта, всѣ мнѣнія—большинства, меньшинства и отдѣльныя—представляются на В ы с о ч а й ш е е благовозрѣніе, и прямо предусмтрѣна формула обнародованія М о н а р ш а г о рѣшенія, когда имъ утверждается мнѣніе меньшинства, или когда оно отличается отъ всѣхъ высказанныхъ въ Совѣтѣ заключеній. Если принять предположеніе проекта по отношенію къ Думѣ, Г о с у д а р ь можетъ только или принять мнѣніе большинства ея членовъ, или отвергнуть егѡ. Это—западно-европейскій порядокъ, не соотвѣтствующій

принципу Самодержавія. Принять его значило бы поставить наше законодательство на новый, чуждый намъ путь. Дума будетъ отклонять законопроекты не только потому, что они нуждаются въ дополнительной разработкѣ, но и когда по существу она съ ними несогласна, и тогда эти дѣла, отвергнутыя тоже Государственнымъ Совѣтомъ, не дойдутъ до Государя Императора. Это наиболѣе важный вопросъ, и согласиться съ предлагаемою постановкою нельзя. Дѣйствующій законъ существуетъ съ 1810 г. Въ теченіе четырехъ Царствованій Государя Императора нерѣдко соглашались съ мнѣніемъ меньшинства Совѣта, а теперь его голосу хотятъ преградить путь къ Престолу. Мнѣніе меньшинства Думы также можетъ получить много голосовъ и нерѣдко будетъ исполнено.

Надо дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что, согласно обсуждаемому постановленію, для обращенія законодательнаго предположенія въ законъ, одобреніе его большинствомъ законосовѣщательныхъ учреждений станетъ столь же необходимымъ, какъ и Высочайшая санкція. Говорятъ, что правило вводится, чтобы устранить коллизіи. Но это будетъ всегда зависѣть отъ Верховной Власти, которая можетъ утверждать мнѣніе большинства, а для полноты сужденій мнѣніе меньшинства должно быть извѣстно Государю.

В. Н. Кокцовъ. Существо правила статьи 50 сводится къ тому, что только предположенія, отклоненныя большинствомъ двухъ учреждений, не вносятся на Высочайшее благовозрѣніе. Всѣ же остальные законопроекты, за которые высказалось большинство голосовъ хотя бы одного собранія, будутъ представляться на Высочайшее благовозрѣніе съ изложеніемъ всѣхъ высказанныхъ мнѣній.

В. О. Ключевскій. Всѣ возражающіе противъ статьи 50 имѣютъ въ виду распространить на Думу порядокъ движенія дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Учрежденія эти столь различны, что едва ли приложимы къ нимъ одинаковые приемы производства дѣлъ. У Думы есть свои задачи, которыя исполнить только она, и порядокъ производства дѣлъ въ Думѣ долженъ быть установленъ такой, чтобы сдѣлать эти задачи выполнимыми. Дума—совѣщательное учрежденіе, она должна быть знакома не только съ потребностями страны, но и съ ея настроеніемъ, съ градусомъ психологической ея температуры. Знать это настроеніе составляетъ насущную потребность правительства, а дать ему это знаніе можетъ только Дума. Спрашивались народные представители уже въ XVI, XVII вѣкахъ, но созывавшіеся Соборы не представляли Верховной Власти двухъ мнѣній. Всегда сводили къ тому, что на Высочайшее благовозрѣніе повергалось одно мнѣніе, для изложенія коего установилась стереотипная форма: «Какъ рѣшить—то воля Государя и его бояръ, а мы приносимъ свое мнѣніе и жертвовать

всѣмъ готовы». Не эти приговоры были важны, а важно то, что постановленія эти мотивировались такъ, что правительство чувствовало пульсъ жизни. Руководствуясь имъ, правительство отклоняло нерѣдко предложенія народа нести жертвы, когда видѣло, что народъ не въ силахъ ихъ выдержать. Такъ было въ 1642 году по вопросу о войнѣ съ Турками. Такое основанное на довѣрїи и взаимномъ пониманїи отношеніе имѣло высокую цѣну. Царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ: «Мїра всѣ слушаютъ». Правда, Петръ Великій дѣйствовалъ безъ содѣйствїя общества, но имъ руководила мысль, что, несмотря на предрасудки, надо исполнить мысль лучшихъ людей земли. Послѣ 1730 года Цари снова внимали голосу народа. Императрица Екатерина II созвала представителей и съ 1767 года по рѣчамъ ихъ узнала истинныя желанія народа, и народъ сталъ судить о дѣлахъ, какъ зрячїй. Въ томъ и состояла ея заслуга, что, познавъ нужды народа, она пользовалась этимъ познаніемъ все свое царствованіе. Она сравнивала нашихъ представителей съ генеральными штатами во Франціи и говорила, что отъ своихъ людей она узнала, гдѣ башмакъ жметъ ногу. У насъ успѣшнѣе, чѣмъ у нихъ. Затѣмъ мысль о пользѣ народнаго представительства опять гаснетъ и воскресаетъ вновь лишь въ Царствованіе Александра II. Вѣра въ свою власть, какъ выраженіе воли народа, дала Ему силу провести великія реформы. Слѣдовалъ Онъ завѣту, что Верховная Власть—защитникъ выраженной народной мысли.

Какое же лучше средство узнать настроеніе народа, какъ не спросить его черезъ Государственную Думу? Законъ долженъ пророчествовать, обнять и урегулировать нарождающіеся интересы. Это не всегда удается самымъ предусмотрительнымъ умамъ. Наблюденіе надъ настроеніемъ народныхъ представителей, отражающихъ душу народную, создастъ почву для законодательства. Видно будетъ, какая мѣра сколько встрѣтитъ препятствїй или поддержки. Но какъ узнать, если власти рѣшающей будутъ представляться разныя мнѣнія, мнѣнія большинства и меньшинства? Какому отдать предпочтеніе—это всегда будетъ острой дилеммой. Если мысль меньшинства жизнеспособна, она не пропадетъ. Въ отдѣльномъ собранїи съ нею не согласятся, но въ концѣ-концовъ она восторжествуетъ, къ ней перейдетъ большинство, если не всѣ. Надо, чтобы къ Верховной Власти всегда доходило господствующее чувство: только тогда взаимная работа будетъ производительна. Передъ Царемъ будетъ тихое спокойное озеро. Онъ будетъ видѣть дно его—душу народа. Только тогда устранятся всѣ обстоятельства, затрудняющія нынѣ законодательную работу.

Н. С. Таганцевъ. Мысль 18 февраля очень глубокая. Она требуетъ не уподобленія создаваемого учрежденія Государственному Совѣту, а выдвигаетъ вопросъ объ измѣненїи порядка законодательства. Надо, чтобы законъ былъ построенъ людьми, знающими

жизнь, надо угадать потребности, захватить их и регулировать. Надо, чтобы законъ соотвѣтствовалъ запросамъ дѣйствительности, а для этого онъ долженъ быть почерпнутъ не изъ головы, а изъ жизни. Законъ—это распорядокъ житейскій. Были законы, глубоко продуманные: однако, они гибли, потому что не нашли себѣ сочувствія въ народѣ. Знающіе жизнь народные представители скажутъ свое жизненное слово, а умудренный опытомъ Государственный Совѣтъ подѣлится съ ними своими познаніями. Въ Думѣ будетъ одно большее мнѣніе, а потомъ разбродъ, которому нельзя придавать дѣйствительнаго значенія. Нельзя же всѣ эти мнѣнія нести къ подножію Престола; ихъ невозможно разсмотрѣть. Значеніе долженъ имѣть только голосъ большинства. Это никакъ не будетъ нарушеніемъ Основныхъ Законовъ потому, что статья 1 и 47 остаются неизмѣнными, и право рѣшенія всякаго законодательнаго вопроса неотъемлемо остается за однимъ только Государемъ. Но управлять всѣмъ Лично, при обширности нашего отечества, Онъ не можетъ; поэтому дѣйствуетъ Верховная Власть черезъ другихъ, черезъ посредство законовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ. Толкуя иначе, можно сказать, что Самодержавная Власть уже ограничила себя давно. Такъ несмѣняемость судей, воспрещеніе приносить жалобы на рѣшенія Сената—все это ограниченія, установленныя Верховною Властью для того, чтобы облегчить правосудіе. Точно также и относительно изданія законовъ. Верховная Власть ограничила себя, не допуская представленія ихъ на утвержденіе иначе, какъ черезъ посредство Государственнаго Совѣта. Установленіе обсуждаемаго правила составитъ только развитіе того же начала.

Н. М. П а в л о в ъ. Основывать предположенную реформу на примѣрѣ вселенскихъ соборовъ едва ли правильно. Теорія о соборахъ во многомъ доктринерна. Вообще, это было явленіе, которое ни подъ какой регламентъ не подходитъ. Соборовъ было много, но только нѣкоторые изъ нихъ, далеко не самые многочисленные, признаются за Божью правду. Правда можетъ быть только единою, а посему и заключеніе Думы должно быть единымъ.

П. Л. Л о б к о. Надо рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли, призывая людей отъ населенія къ обсужденію законовъ, измѣнять въ чемъ-либо самый порядокъ ихъ составленія и изданія. Нынѣ, дѣйствительно, Верховная Власть не сама составляетъ законы, а имѣетъ для этого Государственный Совѣтъ. Этого учрежденія оказывается недостаточно, и къ нему имѣется въ виду добавить второе—Государственную Думу, чтобы облегчить исполненіе работъ. Теперь на В ы с о ч а й ш е е благовозрѣніе представляются всѣ мнѣнія: и большинства, и меньшинства, и даже отдѣльные голоса. Новое учрежденіе тоже будетъ законосовѣщательное, и въ такое точно положеніе его и слѣдуетъ поставить. Рѣшать дѣло должна попрежнему Самодержавная Власть, а для нея важно, какъ оно будетъ

освѣщено. Освѣщеніе не будетъ всестороннимъ, если до Г о с у д а р я будетъ доходить только мнѣніе большинства Думы, а мнѣніе меньшинства никогда не дойдетъ. Важно узнать духъ народа, его вождельнія, его чувствованія, — этого одно большинство дать не можетъ. Да даже если допустить, что мнѣніе большинства будетъ лучшимъ, во всякомъ случаѣ это умаленіе власти Г о с у д а р я. Отъ него должно зависѣть согласиться съ мнѣніемъ большинства или меньшинства, а какъ же это право можетъ осуществиться, если нѣкоторые проекты вовсе Г о с у д а р ю представляться не будутъ, даже если за нихъ высказалось нѣсколько голосовъ, только потому, что большинство ихъ поглощаетъ? При этихъ условіяхъ Дума станетъ парламентомъ, а не законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, каковымъ она по смыслу рескрипта 18 февраля должна быть.

О. Б. Р и х т е р ь. Если Дума отклонитъ по однимъ соображеніямъ, а Государственный Совѣтъ по другимъ, то пришлось бы представлять Г о с у д а р ю И м п е р а т о р у четыре мнѣнія, а это чрезвычайно затруднитъ правильное разрѣшеніе дѣла.

Гр. Д. М. С о л ь с к і й. Въ журналъ Государственнаго Совѣта вносятся два мнѣнія, остальные прилагаются къ журналу. Въ Государственномъ Совѣтѣ можно опредѣлить, гдѣ большинство, гдѣ меньшинство, а въ Думѣ будетъ масса мнѣній, но вотироваться будетъ только заключеніе; откуда же взять мнѣніе меньшинства, когда оно разобьется? Нельзя же писать каждое мнѣніе; это внесетъ путаницу и не дастъ возможности разобраться въ дѣлѣ. Это только относительно Сената постановлено, что голосъ сенатора не умираетъ и во всякомъ случаѣ доходитъ до Г о с у д а р я; даровать такую привилегію членамъ Думы нѣтъ основаній.

Э. В. Ф р и ш ь. Рѣшать дѣло Дума все-таки не будетъ, ибо по смыслу проектированнаго постановленія она не можетъ окончательно отклонять проекты законовъ, а будетъ ихъ возвращать Министрамъ для дальнѣйшей разработки. Отъ Министра будетъ зависѣть, если онъ признаетъ вопросъ настоятельнымъ, снова испросить В ы с о ч а й ш е е соизволеніе и вторично внести дѣло въ Государственную Думу. Практическихъ неудобствъ это представить не можетъ, потому что трудно предположить, чтобы два совершенно различныхъ собранія—Государственный Совѣтъ и Дума—большинствомъ голосовъ отклонили полезное предположеніе. Такимъ образомъ, проектированное правило только оградитъ Особу Г о с у д а р я отъ утружденія Его дѣлами, не заслуживающими вниманія или недостаточно разработанными.

Гр. Д. М. С о л ь с к і й. Съ этой точки зрѣнія статья 56 имѣетъ скорѣе значеніе дѣлопроизводственнаго правила.

А. С. С т и ш и н с к і й. Ссылаться на примѣры, въ коихъ Самодержавная Власть будто бы уже ограничила себя, совершенно неправильно. Примѣры несмѣняемости судей, воспрепятствія обжалованія

ванія рѣшеній Сената необѣдительно, потому что все это вопросы, не имѣющіе политическаго значенія. Въ Думѣ могутъ быть мнѣнія весьма различныя, и нерѣдки случаи, когда мнѣніе, получившее меньшее количество голосовъ, заслуживаетъ по качеству своему больше вниманія, а Г о с у д а р ь его не будетъ знать. Поставить дѣло такъ—значило бы отвлечь членовъ Думы отъ полезной работы и сосредоточить ихъ вниманіе на собираніи голосовъ въ пользу своего, не всегда справедливаго заключенія. Краеугольный камень всего нашего законодательства—это огражденіе Самодержавія, а тутъ ему ставятся преграды.

А. А. Нарышкинъ. Чтобы знать, чего хочетъ народъ, надо знать, чего хочетъ и большинство его представителей, и меньшинство ихъ. Только тогда уяснится, изъ какихъ группъ сложилось большинство и меньшинство, и выяснится нерѣдко случайность или искусственность группировки. Благодаря этому явится возможность судить, гдѣ дѣйствительныя потребности народа, и каковы дѣйствительныя его взгляды и настроенія.

Д. Ф. Треповъ. Ваш е И м п е р а т о р с к о е В е л и ч е с т в о, предположеніе о возвращеніи Министрамъ отклоненныхъ предположеній несомнѣнно составляетъ ограниченіе Самодержавія, но ограниченіе, исходящее отъ В а ш е г о В е л и ч е с т в а и полезное для законодательнаго дѣла, устраняющее возможность колебаній въ немъ.

П. Х. Шванебахъ. Разрѣшите, В а ш е И м п е р а т о р с к о е В е л и ч е с т в о, досказать мысль, высказанную Д. Ф. Треповымъ. Какъ и онъ, я убѣжденъ въ томъ, что принятіе 50 статьи проекта будетъ ограниченіемъ Самодержавныхъ В а ш и х ь правъ, но ограниченіемъ—Самоограниченіемъ,—упрочивающимъ Священную Вашу Власть. Вѣдь, и самъ Господь подчиняется законамъ, которыми Е г о же премудрость управляетъ вселенною.

А. А. П о л о в ц о в ь. Надо себѣ уяснить, чего мы ждемъ отъ Думы. Нужны ли мнѣнія отдѣльныхъ, случайно, быть можетъ, избранныхъ лицъ? Нѣтъ, правительству надо слышать пульсъ страны, а его можетъ дать только большинство присланныхъ народомъ людей. Если бы мелкія группы выслушивались съ такимъ же вниманіемъ, какъ большинство, то это только отобьетъ охоту трудиться на пользу общую.

С. С. М а н у х и н ь. Полезно ли, чтобы законъ дефектуозный, немилый, могъ появляться? Важно, чтобы за М о н а р х о м ь осталось неизблемое право наблюдать, наоборотъ, чтобы законъ вредный не получилъ санкціи, а это право, конечно, останется неприкосновеннымъ, ибо отъ Г о с у д а р я попрежнему будетъ зависѣть не утверждать мнѣнія, принятаго не только большинствомъ, но хотя бы единогласно. Отвергнутое же предположеніе всегда лучше дополнительно разработать.

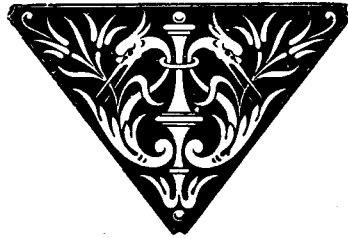
Графъ А. А. Б о б р и н с к о й. Во всякомъ случаѣ, для большей гарантіи полезно установить, чтобы отклоненными почитались только тѣ предложенія вѣдомствъ, противъ которыхъ выскажется большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ какъ въ Думѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Е. И. В. Я согласенъ на это правило съ предложенною графомъ Бобринскимъ поправкою. На этомъ мы сегодня покончимъ.

Баронъ Ю. А. И к с к у л ь. Когда Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ назначить слѣдующее засѣданіе?

Е. И. В. Въ субботу, 23 числа, въ 2 $\frac{1}{2}$ часа.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ ОТОШЕДШИХЪ¹⁾.

(Изъ моихъ воспоминаній).

XV.

Почему я не увлекся народничествомъ?—Флейтистъ и его Мишель.—Интеллигенты въ роли слесарей, машинистовъ, мастеровыхъ: князя В. В. Вяземскій и М. И. Хилковъ, гр. Л. Н. Толстой и Н. Д. Лалчинскій. — «Баронская» дорога и вендрихада. — Паника въ Сестрорѣцкѣ въ 1905 г.—Какъ люди остаются честными.

Въ 70-хъ годахъ у насъ, какъ извѣстно, возникло и получило развитіе такъ называемое народничество. Меня оно интересовало, какъ одно изъ проявленій умственной жизни нашей интеллигенціи; само по себѣ оно представляло для меня мало интереса. Я вообще предпочиталъ оригиналь копи, а наши партійные лозунги составляли не болѣе какъ перефразировку или приспособленіе иностранныхъ, преимущественно нѣмецко-еврейскихъ образцовъ. Такъ было и съ народничествомъ — перелицовкою на русскій ладъ нѣмецкой народной партіи, если не возникшей, то окончательно установившейся во второй половинѣ 60-хъ годовъ; такъ было и съ позднѣйшимъ марксизмомъ. Къ тому же я не могъ въ точности себѣ уяснить, что собственно подразумѣвалось подъ народничествомъ. Любить народъ насъ уже гораздо раньше учили и Жоржъ-Сандъ, и Ауэрбахъ, и Тургеневъ, и Мельниковъ; изучать народъ насъ тоже гораздо раньше учили и Григоровичъ, и тотъ-же Тургеневъ,

¹⁾ Продолженіе см. «Истор. Вѣстн.», т. СXLVIII, стр. 382.

и Якушкинъ, и Максимовъ; учиться у народа, конечно, можно, только нѣсколько зная его, а то вѣдь не извѣстно, стоитъ-ли еще у него учиться. Оставалось понимать подъ народничествомъ, что мы сами хотимъ учить народъ, но чему? Не тому-ли, чему соби-рался его учить Неждановъ въ «Нови», или тому, что впоследствіи вызвало, къ счастью, въ маломъ размѣрѣ повтореніе прелестей пугачевского бунта? Ни то, ни другое не представляло для меня ничего привлекательнаго.

Но если народничество меня не соблазняло, то другое движеніе меня сильно интересовало. Оно до сихъ поръ не получило названія и все еще проявляется слабо. И тѣмъ не менѣе оно представлялось мнѣ въ тысячу разъ болѣе существеннымъ, чѣмъ народничество или вообще тѣ многообразныя модныя теоріи иностраннаго происхожденія, черезъ которыя прошла скитальческая душа русскаго интеллигента и которыя смѣняются съ поразительной быстротой, не оставляя послѣ себя сколько-нибудь замѣтнаго слѣда, кромѣ развѣ духа протеста, который въ насъ уже и такъ силенъ.

Однако, надо-же какъ нибудь обозначить движеніе, охватив-шее меня и другихъ въ 70-хъ годахъ. Его можно обозначить слѣдующимъ образомъ: какъ послѣ отмѣны крѣпостнаго права при новыхъ экономическихъ условіяхъ оставаться... честнымъ.

Это можетъ показаться неяснымъ или даже наивнымъ: честный-де человѣкъ при всякихъ условіяхъ будетъ честенъ, и тутъ никакого вопроса, а тѣмъ болѣе движенія быть не можетъ. Однако, я на первыхъ же порахъ убѣдился, что большинство людей не остается честными при новыхъ условіяхъ. Чего стоили въ этомъ отношеніи нѣкоторые мои профессора, говорившіе эзоповскимъ, т. е. нечестнымъ языкомъ, юлившіе и передъ начальствомъ, и передъ нами, безусой молодежью? Обломову и его прообразу Тѣн-тѣтникову, разсуждалъ я, легко было сохранить кристальной чистоты душу: вѣдь они получали изъ своихъ имѣній болѣе или менѣе значительные доходы и могли морщить носъ или выходить въ отставку, когда замѣчали, что ихъ начальники въ «разговорахъ съ высшими превращались въ какой-то приторный сахаръ», а въ обращеніи съ подчиненными въ «уксусъ». Теперь не то, говорилъ я себѣ, теперь не выйдешь въ отставку и, не желая остаться безъ куска хлѣба и обречь семью на горькую нужду, по-неволѣ будешь терпѣть несправедливость, произволъ начальства, общественнаго или правительственнаго, вступать въ компромиссы съ совѣстью, кривить душой, словомъ, нарушать правила элементарной честности.

Это былъ для меня вопросъ безконечно важный. Я разстался съ ученой карьерой, не желая кривить душой. Рѣшивъ сдѣлаться публицистомъ, я избѣгалъ самыхъ вліятельныхъ и обеспеченныхъ органовъ, чтобы не быть вынужденнымъ писать то, что хоть

малѣйшимъ образомъ противорѣчило моимъ взглядамъ, не мирившимся ни съ ходячимъ консерватизмомъ, ни съ ходячимъ либерализмомъ. Полная необезпеченность, если не нужда и нищета, стучались ко мнѣ въ дверь. Надо было, во что бы то ни стало, выйти изъ этого положенія, но какъ?

Я сталъ жадно присматриваться къ тѣмъ, кого я привыкъ уважать, кто оставался честенъ и не погибалъ съ голоду. Какъ, напримеръ, устроился Г. И. Архангельскій? Онъ около десяти лѣтъ по окончаніи курса въ медико-хирургической академіи состоялъ простымъ полковымъ врачомъ въ глухой провинціи, но достигъ всероссійской и даже европейской извѣстности, принесъ такую пользу родиѣ, какъ рѣдкій гигиенистъ. Какъ же онъ принялся за дѣло: лебезилъ передъ начальствомъ, заискивалъ у власть имущихъ, вступалъ въ сдѣлки съ совѣстью? Нѣтъ, стоило только взглянуть на Григорія Ивановича, чтобы понять, что ему не только совершить нечестный поступокъ, но и промолвить нечестное слово было такъ же противно, какъ проглотить что-нибудь смрадное, въ родѣ асафетиды. Чѣмъ-же онъ взялъ? Написалъ статью объ этиологіи возвратной горячки», причѣмъ открылъ медицинскому міру глаза на просмотрѣнную болѣзнь, писалъ о «Rombosis spontanea артеріи сильвіевой бороздки», о «возстановленіи хрящевой ткани при ранахъ», о «міазматическихъ болѣзняхъ въ лейбъ-гв. московскомъ полку». Это—начало его дѣятельности, а конецъ всѣмъ извѣстенъ: бѣдный людъ Петрограда и не только Петрограда, но и всѣхъ нашихъ центровъ безконечно много ему обязанъ, такъ какъ по его плану въ столицѣ организована медицинская помощь съ привлеченіемъ женскаго труда. Другими словами, избравъ спеціальнѣйшій вопросъ, Архангельскій изучилъ его такъ основательно, что сдѣлался какъ-бы своего рода законодателемъ, въ которомъ нуждались, безъ котораго обойтись было трудно. Такіе люди не заискиваютъ: въ нихъ заискиваютъ.

Когда я былъ студентомъ, ко мнѣ одно время часто захаживалъ гвардейскій офицеръ, страстно любившій флейту. Я ему аккомпанировалъ, иногда перекладывалъ ему любимыя имъ вещи въ виду бѣдности литературы для его инструмента. Я смутно помню и его фамилію, и его наружность. Помню только, что онъ былъ малъ ростомъ, склоненъ къ тучности, что фамилія его напоминала что-то русско-ветхозавѣтное, въ родѣ Авраамова, Исаева, Моисеева, и что когда онъ игралъ, онъ мнѣ нестерпимо дулъ въ затылокъ, такъ что ветхозавѣтныя фамиліи до сихъ поръ иногда вызываютъ у меня ощущеніе холода въ затылкѣ. И вотъ что я еще объ этомъ офицерѣ помню. Уставъ играть, онъ садился, начиналъ бесѣдовать, и изъ его вопросовъ (онъ очень любилъ спрашивать) мнѣ особенно вѣзался въ памяти вопросъ: «Да почему Мишель вышелъ въ отставку? Кончить курсъ въ пажескомъ корпусѣ, носить громкую фамилію

и удрать, Богъ знаетъ зачѣмъ, въ Америку—это ни съ чѣмъ несообразно». И флейтистъ недоумѣвалъ. Въ отвѣтъ я ему предлагалъ вопросъ, не аболіціонистъ-ли его товарищъ? Это заставляло его ужъ совершенно дико выпучить глаза, а я спрашивалъ его объ этомъ потому, что слышалъ о бѣгствѣ нѣкоторыхъ русскихъ въ Америку, чтобы тамъ сражаться за освобожденіе рабовъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Флейтисту надоѣло играть на флейтѣ или мнѣ аккомпанировать, но мы совсѣмъ разошлись. Вдругъ я его какъ-то встрѣчаю въ театрѣ. Мы привѣтствовали другъ друга, какъ старые друзья. «Ахъ, наши вечера!—проговорилъ онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.—Представьте себѣ, я флейту забросилъ. Но вотъ что удивительно: Мишель опять удралъ за границу, и знаете... нѣтъ это просто невѣроятно. Онъ тамъ служитъ простымъ рабочимъ, слесаремъ, что-ли, *dites, est-ce congruent!*». И онъ широко развелъ руками. И дался ему этотъ Мишель, котораго я не только никогда не видалъ, но и совершенно не знаю,—подумалъ я, хотя и меня поразило, что гвардейскій офицеръ мечется, видимо не зная, что съ собой дѣлать. Я подумалъ еще тогда, что скитальчество крѣпко засѣло въ душѣ русскаго человѣка, если ему покорны даже богатые аристократы; я вспомнилъ кн. В. В. Вяземскаго—этотъ прототипъ гр. Л. Н. Толстого, какъ моралиста,—кн. Вяземскаго мастерового, съ ремешкомъ на головѣ, кн. Вяземскаго мужичка и пустынника на берегу Нары.

Не знаю, что сказалъ мой флейтистъ, когда узналъ въ послѣдствіи, что на его Мишеля, т. е. кн. М. И. Хилкова, обратилъ особенное вниманіе такой предприимчивый дѣятель, какъ генералъ Анненковъ, что Хилковъ потомъ сдѣлался министромъ общественныхъ работъ въ Болгаріи, назначенъ былъ начальникомъ многихъ нашихъ дорогъ и наконецъ русскимъ министромъ путей сообщенія. Не могу я въ точности сказать, чѣмъ были вызваны не совсѣмъ обычныя метаморфозы съ самимъ кн. Хилковымъ. Но съ однороднымъ дѣятелемъ я смолоду былъ друженъ и хорошо знаю, что того побудило продѣлать почти буквально то же самое, что продѣлалъ кн. Хилковъ. Я говорю о Н. Д. Лапчинскомъ, промѣнявшемъ обезпеченное положеніе на мѣсто желѣзнодорожнаго машиниста съ тѣмъ, чтобы дослужиться въ послѣдствіи до такого отвѣтственнаго поста, какъ постъ правительственнаго директора одной изъ крупнѣйшихъ нашихъ желѣзнодорожныхъ артерій.

Началъ онъ свою общественную службу совершенно заурядно, какъ приблизительно всѣ путейцы, т. е. кончилъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, получилъ мѣсто начальника дистанціи въ Красномъ Селѣ и укрѣплялъ путь противъ разливовъ тамошнихъ озеръ. Но ему сразу повезло. «Бароны» (балтійская дорога была тогда предпріятіемъ частнымъ и всецѣло находилась въ рукахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, остзейскихъ бароновъ, почему

ее обыкновенно и называли «баронской») обратили на него благо-склонное вниманіе и предложили ему мѣсто завѣдующаго матеріальной частью съ очень приличнымъ содержаніемъ. Можно себѣ представить радость недавняго студента: не было ни гроша, и вдруг алтынъ. Онъ не заставилъ себя долго упрашивать и вмгъ отправился въ Ревель, свою новую резиденцію, а я его съ торжествомъ проводилъ. Но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ я получаю отъ него письмо съ приглашеніемъ явиться въ Ревель для совѣщанія. Буду, и въ вечеръ моего пріѣзда узнаю слѣдующее. Началось дѣло хорошо. Мой другъ тотчасъ же принялся водворять порядки, учитывать служащихъ, смотрѣть людямъ на руки, даже уволилъ кое-кого, назначеннаго не имъ, и пользовавшагося баронскимъ благоволеніемъ; дѣйствовалъ онъ однако по возможности осторожно, не мирясь только съ явными злоупотребленіями или хищеніями. Но главному «барону» онъ не угодилъ. Пригласивъ его къ себѣ, тотъ обратился къ нему съ пространной рѣчью, краткій смыслъ которой былъ слѣдующій. Есть-де три сорта людей: одни сами живутъ и другимъ даютъ жить; другіе сами не живутъ, но даютъ другимъ жить; наконецъ, третьи сами не живутъ и другимъ жить не даютъ, и этотъ третій сортъ самый несносный. Выслушавъ эту рѣчь, мой другъ откланялся, на другой день подалъ въ отставку и настоялъ на ней. И вотъ тутъ началась для него такая же трагедія, какъ и для меня. Гдѣ ручательство, что, принявъ другое мѣсто, онъ не встрѣтится съ тою же философіей о полной непригодности людей, которые и сами не живутъ и другимъ жить не даютъ? А кушать надо. Какъ же быть? Не стану приводить соображеній моего друга, но кончилось дѣло тѣмъ, что онъ оказался помощникомъ машиниста, а потомъ и машинистомъ на маршанско-сызранской дорогѣ. Накатавшись вдоволь по этой дорогѣ въ 30⁰ морозы, въ бурю и вьюгу, и въ хорошую погоду, т. е. изучивъ до основанія и паровозъ въ дѣйствиіи, и службу машиниста, онъ занялъ постъ помощника начальника, а потомъ и начальника депо, другими словами, изучилъ на практикѣ самымъ основательнымъ образомъ всю службу тяги, а затѣмъ пересталъ опасаться, что для хлѣба насущнаго и для обезпеченія семьи надо будетъ поддаться искушенію кривить душой, могъ даже вступить въ открытую и рѣшительную борьбу съ такимъ всеильнымъ дѣятелемъ, какъ пресловутый полковникъ фонъ-Вендрихъ, разоблачить всю безсмыслицу такъ называемой вендрихиады во время голода 1891—92 гг., вступаться за желѣзнодорожную мелкоту, улучшить во многихъ отношеніяхъ трудное ея положеніе, сдѣлать много полезныхъ нововведеній и, подобно Г. И. Архангельскому, ни въ комъ не заискивать, потому что въ немъ нуждались, цѣня его опытъ и знанія, которыми сами не располагали.

Помню, меня очень поразило одно его замѣчаніе, относящееся

къ тому времени, когда онъ состоялъ начальникомъ тяги на курско-харьково-азовской дорогѣ. Я выразилъ удивленіе, что среди его подчиненныхъ такъ мало путейцевъ, т. е. лицъ, окончившихъ курсъ какъ онъ, въ институтѣ путей сообщеній. «Не люблю я моихъ однокашниковъ,—отвѣтилъ онъ.—Они вѣчно въ погонѣ за большими окладами, но не за работой, соответствующей этимъ окладамъ. Многого желаютъ, а я мало добра отъ нихъ вижу: всезнайки рѣдко знаютъ свое непосредственное дѣло». Это замѣчаніе относится къ 80-мъ годамъ. Вѣроятно, теперь дѣло измѣнилось къ лучшему, но оно мѣтко характеризуетъ подготовку и повадки нашего служащаго люда.

Самъ Н. Д. Лапчинскій былъ практикъ въ лучшемъ значеніи этого слова, т. е. не въ смыслѣ загребанія кушей, какъ у насъ обыкновенно понимаютъ это слово, а въ смыслѣ улучшенія и облагороженія того дѣла, которое ему было довѣрено. Это былъ человѣкъ рѣшительный, мужественный (онъ, не пикнувъ и безъ наркоза перенесъ страшную операцію удаленія раковой опухоли подъ языкомъ). Помню, какъ мы съ нимъ въ 1905 г. обѣдали въ сестро-рѣзкомъ курортѣ, собираясь потомъ послушать музыку. После обѣда мы отправились въ сосѣднее зданіе, чтобъ осмотрѣть тамъ лечебныя ванны и бассейны съ проточной водой, но только что успѣли войти, какъ видимъ, публика бурнымъ потокомъ ринулась изъ курзала къ намъ. Лица у всѣхъ были искажены, блѣдны, мужчины чуть-ли не тащили на рукахъ женщинъ, впадавшихъ въ истерику, рыдавшихъ или стонавшихъ. Вся эта людская волна хлынула къ намъ, спасаясь отъ какой-то страшной опасности. Говорили, что рабочіе бросали камни въ поѣздъ, выбили окна въ курзалѣ, стрѣляли изъ револьверовъ, что движеніе на желѣзной дорогѣ приостановлено, что можно ожидать серьезныхъ беспорядковъ, что полиція отсутствуетъ, рабочіе грозятся избить и изувѣчить всѣхъ подлыхъ капиталистовъ и буржуевъ. Что тутъ было дѣлать? Я самъ недоумѣвалъ и подчинялся общему психозу. Мой другъ тѣмъ временемъ, даже не прислушиваясь къ тому, что говорятъ, обращается къ моей женѣ со словами: «Лидія Павловна, пожалуйте вашу ручку» и открываетъ шествіе прямо на вокзалъ; я слѣдую за нимъ съ моей крестницей. Публика удивлена, съ секунду колеблется, но затѣмъ робко идетъ за нами, и мы всѣ черезъ три минуты сидимъ въ поѣздѣ и спокойно ѣдемъ въ Петербургъ. Такъ что-же это было?—спрашиваютъ себя со всѣхъ сторонъ. «А было то, — отвѣчаетъ мой другъ — что людямъ... робкимъ лучше въ такое время сидѣть дома и не ѣздить на музыку».

Съ тѣмъ же спокойствіемъ онъ исполнялъ свои обязанности въ это смутное время въ Варшавѣ, когда ему то и дѣло грозили смертью за добросовѣстное ихъ исполненіе, когда одинъ изъ его товарищей дѣйствительно заплатилъ жизнью. Чѣмъ труднѣе

исполненіе долга, тѣмъ честнѣе и строже надо его исполнять,— таково было его правило.

Вотъ эти три лица: Г. А. Архангельскій, кн. М. П. Хилковъ и мой другъ Н. Д. Лапчинскій и научили меня, что предпринять, когда я очутился въ безвыходномъ положеніи послѣ крушенія трубниковскихъ изданій. Примѣромъ своимъ они мнѣ подали мысль, какъ устроиться, чтобы при сложившихся новыхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ оставаться... честнымъ.

Уже тогда у насъ существовало множество политическихъ направленій, вѣяній, партій, теченій,—назвать ихъ можно какъ угодно, сущность отъ этого не измѣнится. Назывались-ли они либерализмомъ, или консерватизмомъ, или народничествомъ, въ основѣ ихъ лежалъ протестъ противъ власти, противъ существующаго политическаго, экономическаго и соціальнаго строя. Вотъ эта-то основа и была жизненна въ міросозерцаніи или, скромнѣе выражаясь, въ настроеніи нашего общества. Протестовали и либералы, и консерваторы, и народники, ибо всѣ они были въ самомъ дѣлѣ или, чтобы угодить обществу, прикидывались недовольными; на этой почвѣ всѣ сходились, что однако нисколько имъ не мѣшало страстно враждовать другъ съ другомъ изъ за своихъ заимствованныхъ лозунговъ. Катковъ могъ быть сегодня фритредеромъ, завтра протекціонистомъ, сегодня конституціоналистомъ, завтра абсолютистомъ, радикалы могли быть сегодня народниками, завтра марксистами. Это все было заимствовано, иногда даже внѣ всякой преемственности и послѣдовательности. Сущность же заключалась въ томъ, что всѣ были недовольны. Это уже вытекало изъ хода нашего политическаго развитія, т. е. вытекало изъ вынужденнаго политическаго бездѣйствія, вызвавшаго постепенно въ нашемъ обществѣ почти фанатическую потребность принять участіе въ государственной жизни, а эта потребность въ свою очередь сильно поддерживалась убѣжденіемъ, что отдѣльное лицо совершенно безсильно передъ «условіями», что измѣнить ихъ подъ силу только правительству, и что поэтому вся задача заключается въ томъ, чтобы подчинить правительство своимъ видамъ.

Я не раздѣлялъ этого взгляда, т. е. не приписывалъ всей вины правительству, не вѣрилъ, что въ немъ одномъ сила и что условія могутъ быть измѣнены только при помощи той или другой организациіи правительства. Но отрицать все это значило сдѣлаться чело-вѣкомъ невозможнымъ въ тогдашней повременной печати, на всѣ лады доказывавшей, что основная задача въ борьбѣ съ правительствомъ, что его надо вразумлять, наставлять, стыдить, учить, подрывать и т. д. Высказываться въ противоположномъ смыслѣ было одинаково невозможно какъ въ консервативной, такъ и въ либеральной печати. А между тѣмъ именно въ высказываніи взглядовъ, хотя бы не соотвѣтствовавшихъ общераспространеннымъ,

по соответствовавших внутреннему моему убеждению, и я усматривал основную мою задачу. А этого я не могъ. Повидимому мнѣ оставалось только отказаться отъ публицистической дѣятельности и избрать другую карьеру. Но какъ мнѣ это было трудно! Послѣ университетской кафедры приходилось отказаться и отъ кафедры публициста, признать себя окончательно побѣжденнымъ. Я чувствовалъ, что мнѣ есть что сказать и обществу, и правительству, чего другіе не скажутъ, душа моя рвалась занять мѣсто среди другихъ русскихъ публицистовъ, среди людей, знакомыхъ съ государственной наукой и подготовленныхъ къ обсужденію государственныхъ вопросовъ, и я этого сдѣлать не могъ. Я переживалъ тяжелый кризисъ.

Но по мѣрѣ того, какъ я присматривался къ дѣятельности Г. И. Архангельскаго и Н. Д. Лапчинскаго, я началъ успокаиваться: она мнѣ указывала выходъ, она меня убеждала, что публицистическая дѣятельность для меня все-таки возможна. Вѣдь и для нихъ вопросъ заключался въ томъ, чтобы не кривить душой, чтобы оставаться честными въ средѣ, въ которой имъ приходилось вращаться и жить. Оба они для этого отказались отъ проторенныхъ путей, свернули съ широкаго наѣзженнаго пути, выбрали никому невѣдомыя тропинки, повидимому далеко уклонявшіяся отъ заманчивой для подавляющаго большинства цѣли, ведущія въ непроходимую чащу или въ вязкое болото, въ которомъ они неизбежно должны были погрязнуть. А между тѣмъ они, какъ и кн. Хилковъ, не только не погрязли въ болотѣ, а напротивъ уцѣлѣли и служатъ даже другимъ путеводной звѣздой. Я рѣшился послѣдовать ихъ примѣру, сдѣлать, какъ публицистъ, то, что они сдѣлали, какъ медики или инженеры.

XVI.

Г. П. Данилевскій, какъ чиновникъ и какъ писатель. — Закрытие «Собесѣдника» по высочайшему повелѣнію и Ю. М. Богусевичъ. — Его антиподъ, «дантистъ нигилизма», А. С. Героглифовъ. — Польскій вопросъ. — Сенкевичъ, Оржешко, Прусъ, Свентоховскій.

Не сразу однако для меня выяснили вопросъ, какъ въ точности быть и что предпринять. Начало моей публицистической и редакторской дѣятельности было настолько успѣшно, что я сталъ получать съ разныхъ сторонъ предложенія. Это свело меня между прочимъ съ Ю. М. Богусевичемъ и съ А. С. Героглифовымъ, журналистами и издателями диаметрально противоположнаго направленія.

Ю. М. Богусевичъ, извѣстный издатель «Литературной Библиотеки», вздумалъ послѣ десятилѣтняго перерыва вновь попытать счастья и издавать газету «Собесѣдникъ». Подбирая сотрудни-

ковъ, онъ остановился между прочимъ и на мнѣ, и я, не зная, что онъ собственно затѣваетъ, бывалъ нѣсколько разъ на такъ-называемыхъ учредительныхъ его собраніяхъ. Тутъ были и другіе литераторы, изъ которыхъ я помню Г. П. Данилевскаго и В. П. Ключникова.

Данилевскій меня сразу поразилъ своимъ умѣніемъ интересно рассказывать. Когда онъ начиналъ говорить, всѣ затихали. Любилъ онъ предаваться воспоминаніямъ о поѣздкахъ по южной Россіи, объ общественной и земской службѣ въ харьковской губерніи. Но меня вскорѣ поразилъ слѣдующій фактъ. Одинъ изъ его рассказовъ меня живо заинтересовалъ: личности въ немъ выступали точно живыя, и я нисколько не сомнѣвался, что онъ списываетъ съ натуры; въ общемъ получалась картина довольно благопріятная для нашихъ земскихъ дѣятелей. Прошелъ мѣсяць или два. Мы опять собрались у Богусевича, но при нѣсколько измѣненномъ составѣ собесѣдниковъ. Разговоръ коснулся однородной темы, и Данилевскій, по забывчивости, весьма понятной при его склонности часто бывать въ обществѣ, повторилъ свой рассказъ, при чемъ я былъ пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что рассказъ этотъ на меня произвелъ совершенно другое впечатлѣніе. Факты оставались приблизительно тѣ же, хотя и они подверглись нѣкоторому измѣненію, но въ первый разъ рассказъ оказывался благопріятнымъ для земскихъ дѣятелей, а во второй разъ неблагопріятнымъ для нихъ. Я задался вопросомъ: откуда сіе? Я не могъ и подумать, что Данилевскій преслѣдуетъ какія-нибудь своекорыстныя цѣли: собравшіеся люди были не настолько вліятельны. Но составъ собесѣдниковъ во второмъ случаѣ былъ болѣе консервативенъ, чѣмъ въ первомъ, и рассказъ Данилевскаго соотвѣтственно измѣнился. Позже, когда я ближе съ нимъ познакомился, мнѣ все это стало совершенно ясно, и я получилъ новую яркую иллюстрацію того, какъ у насъ люди устраивались, чтобы благополучно рѣшать такъ сильно занимавшій меня вопросъ.

Собственно существовалъ не одинъ Г. П. Данилевскій—ихъ было два: одинъ жилъ для того, что любилъ, другой жилъ для того, чтобы жить, т. е. пріобрѣтать необходимыя ему средства къ жизни. Одинъ Данилевскій умѣлъ всѣмъ угождать: онъ въ началѣ своей карьеры былъ что называется душа общества: и пѣвецъ, и актеръ, и занимательный рассказчикъ, умѣлъ исполнять ловко какія угодно порученія и начальства, и его супруги, ѣздить для нея по модисткамъ и магазинамъ, «искусно выбирать тряпки, пахучіе и блистательные фрукты» или составлять докладныя записки, когда и о чемъ угодно,—словомъ, былъ человѣкъ, для котораго, какъ и для молодого Каткова, «максимумъ амбиціи» было «попасть къ какому-нибудь тузу или тузику въ особыя порученія». Отмѣчу между прочимъ, что этимъ тузомъ былъ, какъ для Каткова, такъ

и для Данилевскаго, министр народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, съ той разницей, что Катковъ въ чиновники особыхъ порученій къ нему не попалъ, а Данилевскій очень быстро угодилъ, какъ онъ самъ выразился, въ «его адъютанты», состоя въ то же время и «адъютантомъ» его супруги и племянницы. Тотъ же Данилевскій служилъ образцово, получалъ всевозможныя командировки по изученію историческихъ памятниковъ, архивовъ, бытовыхъ сторонъ разныхъ русскихъ и инородческихъ народностей, служилъ по земству, былъ и мировымъ судьей, и присяжнымъ повѣреннымъ, и членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, и помощникомъ редактора, а затѣмъ и редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника», въ каковой должности благополучно и завершилъ свои дни.

Но рядомъ съ этимъ Данилевскимъ, бойкимъ служакой, существовалъ еще и другой Данилевскій,—тотъ, который рѣшительно заявлялъ, что «литераторъ тотъ-же честный чиновникъ великаго Божьяго государства, но его поприще выше всякаго другого» Этотъ другой Данилевскій бросаетъ на 12 лѣтъ службу, чтобы оставаться лѣто, весну, осень въ провинціи, присматриваться, прислушиваться, собирать наблюденія, работать въ тишинѣ и крѣпнуть вдали отъ свѣта. Этотъ другой Данилевскій жаждетъ отдаться литературѣ: «одной, безраздѣльно и навѣки»... «иначе жизнь его въ собственныхъ глазахъ будетъ безчестна». Этотъ другой Данилевскій то и дѣло возится съ литераторами, не устаетъ посѣщать всякаго рода литературныя вечеринки и собранія, въ качествѣ редактора официальной газеты помѣщаетъ въ ней замѣтки, статьи и рецензіи, превозноситъ книги, которыя съ правительственной точки зрѣнія врядъ-ли этого заслуживаютъ, все свое свободное время посвящаетъ литературной работѣ, помѣщаетъ свои произведенія въ либеральныхъ органахъ и пользуется уваженіемъ литераторовъ, признающихъ въ немъ достойнаго своего собрата.

Какъ тутъ не признать, что въ Данилевскомъ совмѣщалось два лица? Если онъ такъ высоко ставилъ литературу, то зачѣмъ ему было служить; если же онъ такъ высоко ставилъ службу, что посвятилъ ей почти всю жизнь, то зачѣмъ ему было такъ страстно увлекаться литературой; если же онъ одинаково ставилъ высоко и службу, и литературу, то, будучи практикомъ, какъ могъ онъ не сообразить, что, погнавшись за двумя зайцами, рискуешь ни одного не поймать? Нѣтъ, въ Данилевскомъ было два человѣка, и вѣроятно онъ иногда вмѣстѣ съ Расиномъ горестно восклицалъ:

*Mon Dieu, quelle guerre cruelle!
Je trouve deux hommes en moi.*

Но было-ли это рѣшеніемъ занимавшаго меня вопроса? Конечно, нѣтъ. Не писалъ-ли самъ Данилевскій, что онъ жаждетъ отдаться

литературѣ, «одной, безраздѣльно и навѣки», и что иначе жизнь въ его собственныхъ глазахъ будетъ «безчестна». Дѣйствительно, желая служить чему нибудь добросовѣстно, желая сдѣлать въ данной области все, что можно, чтобы не упрекать себя впоследствии въ поверхностномъ отношеніи къ дѣлу, нельзя раздвигаться, какъ раздвигался Данилевскій. Сколько у него уходило времени на службу! Въ сущности Данилевскій оставался только дилетантомъ, и если онъ чего-нибудь достигъ въ литературѣ, то только благодаря своимъ значительнымъ способностямъ и необычайной усидчивости.

А Богушевичъ, а Героглифовъ!

Богушевичъ былъ ярый консерваторъ, черносотенецъ, какъ теперь выражаются, но газета его была тотчасъ-же закрыта по Высочайшему повелѣнію. Это можетъ показаться страннымъ. Что-же онъ проповѣдывалъ, чтобы заслужить такую экстраординарную кару?

Существовалъ тогда на свѣтѣ польско-еврейско-французскій публицистъ Юліанъ Клячко, мечтавшій, какъ все поляки, о восстановленіи Польши. Въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ поляковъ онъ возлагалъ свои надежды на союзъ Франціи и Австріи, который и долженъ былъ осуществить его мечту. Поэтому онъ и служилъ этимъ двумъ государствамъ, какъ только могъ: Австріи—въ качествѣ чиновника, Франціи—въ качествѣ публициста; Россію же и Пруссію онъ отъ души ненавидѣлъ, какъ государства, мѣшавшія осуществленію его завѣтной мечты. Между прочимъ онъ написалъ въ этомъ духѣ нашумѣвшую въ Европѣ книгу: «Два канцлера», посвященную разоблаченію князей Бисмарка и Горчакова.

Легко себѣ представить, какъ этимъ двумъ государственнымъ дѣятелямъ досталось отъ фантазера-публициста, особенно кн. А. М. Горчакову, давшему въ своихъ дипломатическихъ нотахъ во время повстанія 1863 г. такое блестящее выраженіе нашему національному чувству. Тутъ Ю. Клячко дошелъ въ своей злобѣ прямо до изобрѣтенія никогда не существовавшихъ фактовъ, до совершенно очевидныхъ сплетенъ. Не требовалось особенной проницательности, чтобы понять, что этотъ пасквиль встрѣтитъ сочувствіе не только во враждебно намъ настроенной Европѣ, но и въ той части русскаго общества, которую, вопреки пословицѣ, что соловья баснями не кормятъ, смѣло можно кормить ими, если только онѣ касаются правительственныхъ дѣятелей. Сообразилъ это и Ю. М. Богушевичъ и до того увлекся желаніемъ сразу обезпечить успѣхъ своему «Собесѣднику», что послѣшилъ начать печатаніе «Двухъ канцлеровъ», совершенно забывъ, что онъ—консерваторъ. Газета его была закрыта по Высочайшему повелѣнію, но это ему послужило на пользу, ибо убѣдило его, что угождать публикѣ сенсационными статьями не всегда удобно, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и не такъ-то легко издавать газету и что благоразумнѣе избрать «благую часть», которая имъ и была найдена: онъ вскорѣ получилъ мѣсто дѣлопроизводителя главнаго управленія по дѣламъ печати, а затѣмъ и редактора «Сельскаго Вѣстника».

А. С. Героглифовъ, его политическій антиподъ, тотъ, кажется сразу послѣ кратковременнаго пребыванія въ тогдашней медико-хирургической академіи сдѣлался чиновникомъ министерства финансовъ и продолжалъ неизмѣнно служить въ этомъ министерствѣ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1901 г.; но это однако не мѣшало ему издавать двѣ газеты («Русскій Миръ» и «Гласность»), одинъ журналъ («Пчелу», прославившуюся, благодаря М. О. Микѣшину, бывшему соиздателю Героглифова) и быть сотрудникомъ почти всѣхъ либеральныхъ журналовъ и газетъ 50—70 гг.: «Отечественныхъ Записокъ», «Русскаго Слова», «Голоса» и т. д. Когда я познакомился во второй половинѣ 70-хъ годовъ съ Героглифовымъ (онъ тогда былъ неразлученъ съ Терпигоревымъ, котораго еще юношей, кажется, пригрѣлъ въ своемъ «Русскомъ Мирѣ», воспринявъ его отъ литературной купели), я все тщетно старался уяснить себѣ его духовный обликъ. Онъ несомнѣнно владѣлъ перомъ, былъ, что называется, зубастъ и могъ человѣка такъ отдѣлать, что ему не поздоровится. Но мнѣ по крайней мѣрѣ всегда становилось жаль того человѣка, котораго онъ отдѣлывалъ: въ этомъ отдѣлываніи чувствовалось что-то напускное, такъ что я рѣшительно не могъ пользоваться въ «Телеграфѣ», который я тогда фактически редактировалъ, услугами Героглифова даже для полемическихъ цѣлей въ то время, какъ я постоянно пользовался услугами Терпигорева, который принималъ дѣятельное участіе въ газетѣ, вопреки заявленію его біографовъ, что онъ въ 70-хъ годахъ въ литературѣ не принималъ участія, а занимался совсѣмъ другими дѣлами.

Съ прелестями полемическихъ приемовъ «дантистовъ нигилизма», какъ ихъ называлъ Герценъ, я былъ знакомъ и не могъ не видѣть въ Героглифовѣ одного изъ ихъ представителей. Онъ возбуждалъ во мнѣ живой интересъ. Другихъ «дантистовъ» я на своемъ вѣку не встрѣчалъ, и мнѣ все хотѣлось добраться до истиннаго источника озлобленія, съ какимъ онъ относился къ своимъ противникамъ. Съ другой стороны мнѣ это нужно было, такъ какъ онъ хотѣлъ непремѣнно сдѣлать меня редакторомъ задуманной имъ газеты. Но сколько я его ни выпрашивалъ, я вразумительнаго отвѣта отъ него добиться не могъ: за готовымъ запасомъ приемовъ и рѣзкихъ ругательствъ, какъ я все больше убѣждался, не скрывался источникъ обоснованнаго гнѣва или печали. Слова-то были громкія, но чувства и даже мысли—мелкія. Одно было для этихъ литературныхъ дѣятелей ясно: во-первыхъ, что надо критиковать, поносить, бранить, ругать, устраивать скандалы, такъ какъ это нравится публикѣ, и, во-вторыхъ, что объектомъ этой кри-

тики, брани, ругани должны быть власти. Я-же, по логическимъ и историческимъ основаніямъ, старался относиться къ властямъ съ тою-же объективностью, съ какой я относился къ обществу, распредѣляя между ними и добро и зло русской жизни, и понялъ въ концѣ концовъ, что Героглифовъ, будучи чиновникомъ, неистовствовалъ противъ властей по той-же причинѣ, по которой Богушевичъ сталъ печатать книгу о «Двухъ канцлерахъ», т. е. стремясь угодить публикѣ, отъ которой зависитъ успѣхъ журнала или газеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ участіе въ ихъ изданіяхъ стало для меня невозможнымъ.

Но пока я присматривался къ Героглифову, онъ дѣйствовалъ, и такимъ образомъ получился тотъ курьезъ, что я годъ спустя послѣ того, какъ съ нимъ разстался, вдругъ получаю официальное извѣщеніе, что я утвержденъ редакторомъ «Гласности», т. е. газеты, которую я никогда не редактировалъ и, сколько помнится, даже не видѣлъ. Впрочемъ, она просуществовала безъ году недѣлю и была послѣднею попыткой Героглифова создать себѣ или, вѣрнѣе говоря, тому настроенію, выразителемъ котораго онъ хотѣлъ быть, самостоятельный органъ. Потерпѣвъ и на этотъ разъ крушеніе, онъ до конца дней уже не покидалъ своего чиновничьяго кресла и не пытался уже снискать журнальныхъ лавровъ и журнальныхъ рублей.

Но все это моихъ дѣлъ не двигало, а только окончательно мнѣ выяснило, насколько я далекъ отъ своей цѣли.

Какъ разъ въ это время опять усиленно дебатировался въ русской печати польскій вопросъ, постоянно, какъ какая-нибудь хроническая болѣзнь, то обострившійся, то опять утихавшій. Я и рѣшилъ имъ воспользоваться и вступить на путь, указанный Архангельскимъ и Лапчинскимъ. Хотя я въ дѣтствѣ жилъ въ Варшавѣ и съ грѣхомъ пополамъ зналъ польскій разговорный языкъ, но въ сущности я болѣе или менѣе находился въ томъ-же положеніи, какъ и большинство русскихъ публицистовъ, т. е. имѣлъ довольно слабое представленіе о Польшѣ и полякахъ и могъ только руководствоваться въ своихъ статьяхъ общими принципами и благими пожеланіями на тему «самоопредѣленія», какъ теперь у насъ выражаются, или напротивъ «обрусѣнія», какъ выражались уже тогда. Но я все-таки рѣшился избрать именно польскій вопросъ для того, чтобы противопоставить общимъ принципамъ и благимъ пожеланіямъ строго проверенные факты, верховлядству—болѣе глубокое знаніе. Я окружилъ себя новѣйшими польскими книгами, журналами, газетами и весь погрузился въ нихъ, забывая и ѣсть, и спать. Мой трудъ не пропалъ даромъ: я сразу набрелъ на искомое, на то, что мнѣ помогло зарабатывать хлѣбъ, ни на іоту не отказываясь отъ полной своей писательской самостоятельности.

Къ первому моему улову я сейчасъ вернусь, а теперь скажу только два слова о второмъ. Мои статьи по польскому вопросу находили широкій сбытъ: два журнала и двѣ газеты охотно ихъ помѣщали, нисколько не мѣшая мнѣ высказываться свободно. Спорить со мною было трудно, потому что меня сразу признали своего рода авторитетомъ. И не даромъ. Достаточно повторить здѣсь фактъ, мною уже отмѣченный въ печати, что мнѣ, напримѣръ, пришлось разъяснять такому образованному редактору, какъ М. Е. Салтыковъ, что народъ въ нашей Польшѣ вовсе не малороссы, а такіе-же поляки, какъ и образованные классы, и что онъ смѣшиваетъ Царство Польское съ Галиціей, гдѣ дѣйствительно такъ-называемые русины—малороссы. Само собою разумѣется, что при такомъ слабомъ знакомствѣ нашего образованнаго общества съ Польшей мнѣ легко было сойти за авторитетъ и пользоваться всеми преимуществами такой репутаціи. Мнѣ лично было важно только одно изъ нихъ, именно свобода отъ стѣсненій, которыя наше общество не менѣе властей склонно было налагать на печатное слово. И я ее получилъ, такъ что собранныя мною и впоследствии изданныя «Польскія письма» вполне выражаютъ мое политическое сѣдо, во многихъ отношеніяхъ рѣзко расходящееся и съ консервативной, и съ либеральной программой.

Что-же касается перваго улова, то онъ состоялъ въ томъ, что я наткнулся на нѣсколькихъ польскихъ авторовъ, совершенно тогда у насъ неизвѣстныхъ, а между тѣмъ представлявшихъ несомнѣнный интересъ. То были Сенкевичъ, Оржешко, Свентоховскій, Прусь (Гловацкій). Разказомъ перваго («Эскизы углемъ») я и воспользовался, т. е. перевелъ его и рѣшилъ помѣстить въ распространенномъ органѣ, чтобы сразу обратить вниманіе читателя на тогдашнюю польскую литературу. Для этой цѣли я остановился на «Отечественныхъ Запискахъ».

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ II.

В 1912 году за границей появилось сочинение, посвященное истории царствования Николая II, которое представляет собою убогий томъ (561 стр.) in 4°, съ огромнымъ количествомъ иллюстрацій. Въ книгѣ этой, посвящей заглавіе: «Послѣдній Самодержецъ», изложены событія первыхъ семнадцати лѣтъ царствования императора Николая II въ довольно правдивой, объективной оцѣнкѣ, съ подробностями, мало извѣстными русскому читателю, вѣчно находившемуся въ зависимости отъ цензурныхъ условій. Внимание автора устремлено, главнымъ образомъ, на развитіе политическихъ движеній въ Россіи, въ связи съ личностью послѣдняго самодержца, и перспективъ борьбы правительства съ общественными элементами. Въ этой области автору были доступны, какъ показывается все содержаніе его книги, важные матеріалы обоихъ лагерей: правительственнаго и общественнаго, но, къ сожалѣнію, они недостаточно имъ обработаны и приведены въ стройную систему. Нѣкоторыя данныя заставляютъ предполагать, что авторомъ является П. Н. Облиньскій, извѣстный земскій дѣятель, служившій ранѣе офицеромъ въ императорскомъ стрѣлковомъ батальонѣ, помѣщавшемся въ Царскомъ Селѣ. Зависимость автора отъ характера находившихся въ его распоряженіи матеріаловъ чувствуется во многихъ мѣстахъ его работы; отсюда недомолвки и пробѣлы въ его изложеніи, отсутствіе исторической перспективы и даже противорѣчіе въ сужденіяхъ при оцѣнкѣ фактовъ и лич-

ностей. При всемъ томъ богатство содержанія книги искупаютъ съ лихвой ея недостатки, и съ этой точки зрѣнія для русскаго читателя, мало знакомаго съ тѣмъ, что совершалось у него дома въ теченіе царствованія Николая II, книга представляетъ исключительный интересъ. Съ важнѣйшими заключающимися въ ней данными мы и познакомимъ своихъ читателей съ нѣкоторыми дополненіями и съ исправленіями съ своей стороны. Книга богато иллюстрирована, но иллюстраціи, соотвѣтственно содержанію книги, также носятъ иногда случайный характеръ.

I.

Императоръ Александръ III и его семья.—Воспитаніе наследника престола Николая Александровича.—Придворная обстановка.—Путешествіе на Дальній Востокъ.— Сибирская желѣзная дорога.

Извѣстно, что катастрофа 1-го марта 1881 года, повлекшая за собою смерть Александра II, наложила мрачную тѣнь на царствованіе его преемника Александра III. Твердо рѣшившись, подъ вліяніемъ К. П. Побѣдоносцева, поддерживать самодержавную власть, Александръ III изъ боязни революціонныхъ покушеній поселился въ Гатчинѣ, гдѣ и повелъ строгій, замкнутый образъ жизни, столь свойственный его характеру, въ своей семьѣ, избѣгая шумныхъ, блестящихъ празднествъ и всей сутолоки придворной жизни. Въ этомъ своемъ настроеніи императоръ Александръ встрѣтилъ поддержку въ своей супругѣ, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Обстановка жизни была самая скромная, буржуазная. Царь и царица съ дѣтьми проживали не въ парадныхъ комнатахъ дворца, а на антресоляхъ его, гдѣ прежде, при Павлѣ и Николаѣ, ютились лица, принадлежавшія къ придворному штату. Комнаты были малопомѣстительныя, съ низкими потолками, такъ что царь, бывшій высокаго роста, легко доставалъ до нихъ рукой. Профессоръ Захарьинъ, лѣчившій императора въ послѣдніе годы его жизни, пораженъ былъ недостатками свѣта и воздуха въ царскомъ помѣщеніи и прямо сказалъ министру двора, гр. Воронцову Дашкову, что стыдно ему держать царя въ такой квартирѣ, въ которой не стали бы жить многіе изъ его подданныхъ. Монотонный, скучный образъ жизни императорской семьи нарушался почти ежедневнымъ пріемомъ министровъ съ докладами, но эти пріѣзды приносили съ собою лишь доuku и обремененіе. Императоръ Александръ, вообще внимательно и честно относившійся къ своему долгу правителя огромной имперіи, зарывался въ груды бумагъ, поступающихъ на его разсмотрѣніе и затемнявшихъ въ его сознаніи истинное положеніе

Россіи. Замкнувшись въ Гатчинѣ, окруженный одними и тѣми же лицами избраннаго придворнаго кружка, императоръ лишилъ себя возможности вступить въ соприкосновеніе съ общественными кругами своихъ подданныхъ и о народныхъ нуждахъ и потребностяхъ судилъ лишь по докладамъ спѣвшихся между собою докладчиковъ-министровъ, на знамени которыхъ написано было лишь одно слово: репрессіи. Наибольше вліятельными въ этомъ смыслѣ совѣтниками государя были: оберъ прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ, министры внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой и И. Н. Дурново, военный министръ П. С. Ванновскій, министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Островскій и министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій; негласную роль консультанта, безъ опредѣленнаго амплуа, по всемъ важнѣйшимъ вопросамъ внутренней политики игралъ другъ юности императора Александра, извѣстный издатель «Гражданина», князь В. П. Мещерскій, человекъ строго охранительныхъ воззрѣній и не чуждый личныхъ слабостей. Послѣдствіемъ вліянія всехъ этихъ лицъ на государственныя дѣла было то, что Россія, поднявъ свое международное значеніе своей строго національной политикой и сближеніемъ съ Франціей, въ дѣлахъ внутреннихъ отличалась застойемъ народной жизни, полнымъ равнодушіемъ къ кореннымъ вопросамъ государственнаго строительства и отчужденіемъ отъ началъ, положенныхъ въ основу реформъ еще при Александрѣ II. Народныя нужды не только не удовлетворялись, но даже обострялись.

Есть свидѣтельства, между прочимъ графа С. Ю. Витте ¹⁾, что незадолго до своей смерти императоръ Александръ признавалъ, однако, необходимость сближенія своего съ народомъ и вступленія на путь реформъ. Но этотъ планъ уже не суждено было ему привести въ исполненіе.

Въ тѣсномъ, замкнутомъ гатчинскомъ семейномъ кругу протекало дѣтство и юность старшаго сына императора Александра, его наслѣдника Николая Александровича, родившагося 6-го мая 1867 года. По внѣшнимъ своимъ свойствамъ Наслѣдникъ пошелъ по линіи предковъ по матери, герцоговъ гольштейнъ-аугустенбургскихъ, взошедшихъ на датскій престолъ въ 1864 г., и не имѣлъ ярко выраженныхъ признаковъ Романовскаго типа. Родители Николая Александровича не обратили должнаго вниманія на его воспитаніе, положившись въ этомъ дѣлѣ на случайно подобранный составъ воспитателей и наставниковъ. Императоръ Александръ, заслоняемый отъ свѣта рано умершимъ старшимъ своимъ братомъ, цесаревичемъ Николаемъ, постоянно сознавалъ недостатки своего образованія и полагалъ, что его личное участіе въ дѣлѣ воспитанія

¹⁾ Сообщаемъ со словъ Б. Б. Глинскаго.

дѣтей совершенно излишне, о чемъ впоследствии ему, вѣроятно, пришлось много разъ пожалѣть.

Вначалѣ, однако, какъ самъ наследникъ, Николай Александровичъ, такъ и его братья, великіе князья Георгій и Михаилъ, окружены были заботами честной и привязанной няньки, англичанка Хиса, «Карла Осиповича», какъ его называли, бывшаго передъ тѣмъ воспитателемъ Александровскаго лица. «Чистѣйшій идеализмъ,—говоритъ авторъ,—хорошо по своему образованный умъ, прелестный художникъ (акварелистъ), спортсменъ, Хисъ принесъ во дворецъ, кромѣ всего этого, еще и глубокую преданность пріютившей его царской семьѣ. Но ни сорокъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Россіи, ни постоянныя встрѣчи и бесѣды съ русскими людьми не принесли ему никакого знанія страны, народа, его исторіи. Поэтому и влияніе этого человѣка было ограничено такъ же, какъ и влияніе всякой няньки,—стѣнами дѣтской. Въ раннемъ дѣтствѣ оно оказалось привитіемъ, вмѣсто родного, англійскаго языка. И долго еще спустя, когда Николай уже царствовалъ, его русскія рѣчи, если не были приготовлены, были подстрочными переводами англійскихъ фразъ... Никто не прививалъ Николаю сознанія важности его будущей роли, но онъ смутно ощущалъ ее самъ. Когда въ первый разъ появился за обѣденнымъ столомъ старикъ, съ красивымъ, ласковымъ лицомъ типичнаго англійскаго джентельмена, Николай холодно привѣтствовалъ своего будущаго воспитателя. А послѣ обѣда, когда Хисъ, желая сломать чувствовавшійся ледокъ, предложилъ мальчику поиграть съ нимъ, Николай съ нешедшей къ его милой и скромной фигуркѣ напыщенностью, сказалъ: «Какъ мнѣ съ вами играть? Я князь, а вы простой старикъ». Умный англичанинъ схватилъ тогда «князя» на руки, и черезъ полминуты тотъ заливался веселымъ хохотомъ, защищаясь отъ блохи, которую изображалъ изъ себя Хисъ. Впоследствии, напоминая подросткамъ царскимъ дѣтямъ о необходимости скромности, онъ сложилъ для нихъ очень милую сказку о поросенкѣ, кичившемся своей породой и крючковатымъ хвостомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что поросенка опрокидывалъ какой-то плебей того же скотнаго двора, и видъ голубого неба, облаковъ и деревьевъ обращалъ негоднаго свиненка въ вполне порядочную свинью».

Георгій, второй сынъ, былъ болѣе замкнутъ. Будущая болѣзнь (чахотка) какъ бы отражалась уже на его характерѣ, тогда какъ младшій братъ его, Михаилъ, здоровый, краснощекій мальчуганъ, отличался живымъ, веселымъ нравомъ. Михаилъ пользовался пріемущественной любовью отца.

Авторъ сурово отзывается объ образовательной школѣ, которую прошелъ наследникъ русскаго престола. Полученное имъ образованіе, по мнѣнію автора, «оставляло его навсегда на уровнѣ гвардейскаго офицера съ его замашками, неосвѣдомленностью и

наклоностью судить обо всемъ подъ угломъ зрѣнія «человѣка въ аксельбантахъ». Составъ преподавателей былъ на рѣдкость плохъ, а тѣ, что готовы были бы развязать свои языки на урокахъ, стѣснялись своего общаго руководителя, Побѣдоносцева, и присутствовавшего всегда на урокахъ воспитателя, генерала Даниловича, тупого, мало знавшаго человѣка, не имѣвшаго и отдаленнаго представленія о важности и существѣ выпавшей на его долю задачи. Совершенно очевидно, что наука, подносившаяся и безъ того неподготовленному мозгу, должна была только утомлять его, а не развивать, надѣдать, а не интересовать. Не лучше шли и военные предметы. Сколько-нибудь талантливые люди держались военнымъ министромъ Ванновскимъ, что называется, въ черномъ тѣлѣ, а бездарности изъ главнаго штаба давали еще меньше, нежели бездарности изъ университетовъ. Надо всемъ доминировали попы, церковныя церемоніи и обряды, парады, маневры, формы одежды войскъ и тому подобныя вещи и дѣла, способныя только принизить интеллектъ будущаго монарха. По странной ироніи судьбы, воспитаніе и образованіе будущихъ русскихъ царей подвергалось словно преднамѣренной деградации, шедшей въ обратномъ направленіи съ ростомъ и усложненіемъ государственной жизни: Лагарпъ у Александра I и ничтожный швейцарецъ, любитель богословія, у Николая I,—Жуковский у Александра II и Даниловичъ у Николая II, молодой Пообѣдоносцевъ у Александра III и Побѣдоносцевъ—руина у его сына». Къ этимъ словамъ автора можно добавить еще, что сынъ Николая II, наслѣдникъ престола Алексѣй Николаевичъ, до самаго конца царствованія своего отца оставался вовсе безъ главнаго воспитателя, среди дворцовыхъ интригъ и вліяній Распутинскаго характера, хотя давно уже вышелъ изъ возраста, охраняемаго няньками: фактически это мѣсто при наслѣдникѣ занималъ любимый имъ фельдфебель, Деревенко.

Можно сказать положительно, что Николай II лишенъ былъ научной подготовки для исполненія обязанностей русскаго монарха, обремененнаго самодержавной властью. Кромѣ того, онъ лишенъ былъ главнаго качества, которымъ должны обладать монархи,—умѣнья выбирать людей, стремленія познавать истину чрезъ призму наполняющую придворную атмосферу официальной лжи. «Пока вы еще наслѣдникъ, пользуйтесь случаемъ слышать правду. Станете царемъ, поздно будетъ», не разъ говорилъ Хисъ Николаю Александровичу. Но онъ и самъ не зналъ этой правды.

Полезной школой для наслѣдника могли бы служить путешествія его по Россіи, близкое знакомство его съ положеніемъ и бытомъ народовъ, ее населяющихъ. Всего вѣроятнѣе, что этому помѣшала боязнь террористическихъ покушеній, дѣлавшая и царскіе выѣзды изъ Гатчины крайне затруднительными вслѣдствіе чрезвычайныхъ предосторожностей по охранѣ пути. Взамѣнъ

того, нашли нужнымъ отправить Николая Александровича, въ сопровожденіи брата его Георгія, въ кругосвѣтное путешествіе на военномъ суднѣ: «Память Азова». Но образовательное значеніе поѣздки пропало, замѣнившись увеселительнымъ, преимущественно хмѣльнаго характера; этому способствовала окружавшая молодыхъ великихъ князей свита, почти исключительно состоявшая, подъ начальствомъ стараго и полухмѣльнаго царедворца князя Барятинскаго, изъ молодыхъ офицеровъ преображенскаго и гусарскаго полковъ. Во хмѣлю молодежь эта предавалась спортивнымъ упражненіямъ, а то и просто полу-дракамъ, и во время одной изъ нихъ Георгій Александровичъ упалъ, какъ говорили, съ лѣстницы, расшибъ грудь и тѣмъ такъ ускорилъ болѣзненный процессъ, уже бывшій у него въ легкихъ, что его пришлось высадить въ первомъ порту и поселить въ кавказскомъ горномъ курортѣ Аббасъ-Туманъ, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ онъ и скончался. Николай продолжалъ путешествіе среди празднествъ всякаго рода въ южной Азій, направляясь къ берегамъ Японіи, которой суждено было, по его легкомыслію, дважды сыграть трагическую роль въ его жизни. Русскіе гости раздражали японское простонародье посѣщеніями японскихъ храмовъ, гдѣ вели себя черезчуръ свободно. Одинъ изъ фанатиковъ бросился при этомъ на Николая съ саблей и успѣлъ одинъ разъ ударить его по головѣ. Второй ударъ былъ однако отведенъ товарищемъ Николая по путешествію, греческимъ королевичемъ, и фанатика-японца схватили. Но вслѣдъ за тѣмъ и наслѣднику пришлось закончить свое путешествіе по Японіи, по приказу Александра III, и возвратиться домой черезъ Сибирь.

Рана, нанесенная Николаю японцемъ, по словамъ автора, оказалась серьезнѣе, чѣмъ думали сначала. «Хотя повидимому сотрясенія мозга и не послѣдовало, но въ черепной кости, слегка надтреснутой отъ удара, началось разрушеніе костнаго вещества. Процессъ шелъ въ обѣ стороны, и теперь Николай всегда испытываетъ въ лѣвой половинѣ мозга давленіе, которое должно отражаться и на психическихъ функціяхъ. Продолжаясь годами, такой болевой эффектъ приводитъ къ основательному разстройству или, во всякомъ случаѣ, измѣненію интеллекта и нарушаетъ психическое равновѣсіе. Въ странѣ, гдѣ личная политика государя не исключается и гдѣ чиновничество умѣетъ использовать всякій дефектъ правителя, такое травматическое нарушеніе здоровья не могло остаться безъ послѣдствій и для самаго народа... Интеллигенція была недовольна поведеніемъ наслѣдника, предвидя новое ничтожное царствованіе. Въ придворныхъ сферахъ сплетничали и рассказывали небылицы, ожидая возвращенія путешественниковъ, чтобы установить истину. Царь долженъ былъ быть огорченъ искреннѣе всѣхъ, потому что, тяготясь своею ролью, онъ все же

отдавалъ ей все свое разумѣніе. И, во всякомъ случаѣ, среди мелкихъ, корыстныхъ и безвольныхъ людей, составлявшихъ ряды разросшейся царской фамилии, это была, кажется, единственная опредѣленная, честная и знавшая, чего хочетъ, величина. Николай ничего этого не унаслѣдовалъ».

Возвращаясь въ Россію, Николай Александровичъ, по порученію отца, принялъ однако участіе въ великомъ культурномъ предпріятіи, ознаменовавшемъ царствованіе Александра III—въ закладкѣ великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, соединявшаго Европу и Россію съ берегами Тихаго океана. Торговые и стратегическіе интересы Россіи, связанные съ проложеніемъ этого пути, были ясны для всѣхъ и каждаго, такъ какъ до того времени сношенія Россіи съ Дальнимъ Востокомъ поддерживались лишь рейсами пароходовъ Добровольнаго флота, совершавшихъ свое плаваніе черезъ Дарданеллы, Суэцкій каналъ, кружнымъ путемъ по Индійскому и Тихому океанамъ и могли быть въ каждый данный моментъ прерваны въ силу той или другой случайности и, прежде всего, недоброжелательства Турціи, владѣвшей проливами, и Англии, господствовавшей надъ Суэцкимъ каналомъ. Александръ III желалъ связать имя своего наслѣдника съ этимъ важнымъ актомъ своего царствованія и назначилъ Николая Александровича предсѣдателемъ комитета по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги. Къ несчастью для государя, проявившаго въ постройкѣ Сибирскаго пути столь рѣдко проявляющуюся твердую волю самодержавной власти, именно на этой постройкѣ сказались все техническіе, военные и административные недостатки бюрократической системы и стремленіе разныхъ вліятельныхъ лицъ, сильныхъ своими связями, учесть эти недочеты для расхищенія народныхъ средствъ. Менѣе всего, конечно, могъ предотвратить это самъ номинальный предсѣдатель комитета, обязанности котораго въ сущности сводились бюрократами лишь къ представительству и къ прикрытію его именемъ, за его спиною, всѣхъ сдѣлокъ, совершавшихся темными дѣльцами. Это повело, между прочимъ, къ тому, что когда, въ царствованіе самаго Николая, сенаторское слѣдствіе графа Медема подняло завѣсу надъ злоупотребленіями при постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, то оно было немедленно прекращено по высочайшему повелѣнію. Среди «дѣльцовъ», приписывавшихъ себѣ даже инициативу постройки великаго Сибирскаго пути, нельзя не упомянуть здѣсь объ извѣстномъ вдохновителѣ официальной лжи и показнаго патріотизма, генералѣ Богдановичѣ, котораго, какъ замѣчаетъ освѣдомленный авторъ книги, «Александръ III совершенно основательно презиралъ, называя не иначе, какъ «болтуномъ», и отлично зная все шашни генерала, ловившаго рыбу въ мутной водѣ съ ловкостью прирожденнаго хищника». Злоупотребленія были такъ

велики, что привели автора къ пессимистическому и невѣрному по существу утверженію, что «на самомъ дѣлѣ дорога нужна была всего болѣе тѣмъ казнокрадамъ, которые въ Россіи слетаются не только на всякое государственное предпріятіе, но и сами производятъ крупныя расходы казны подъ предлогомъ государственной необходимости».

Съ возвращеніемъ Николая Александровича въ Петербургъ, онъ отдался полковой жизни въ Преображенскомъ полку и лейбъ-гусарскомъ, гдѣ наслѣдникъ послѣдовательно проводитъ стажъ пѣхотной и кавалерійской службы. Преображенскимъ полкомъ командовалъ въ то время великій князь Сергій Александровичъ, а лейбъ-гусарскимъ великій князь Николай Николаевичъ. Съ обоими этими своими родственниками наслѣдникъ подружился и до нѣкоторой степени поднялъ подъ ихъ вліяніе. Къ сожалѣнію, среда офицеровъ обоихъ полковъ не могла имѣть никакого развивающаго вліянія. Балы, спектакли, дружескія возліянія въ офицерскихъ собраніяхъ, связи съ интересными дамами изъ общества и пикантными балеринами—заслоняли собою даже интересы службы отбывавшейся по давно установившемуся шаблону; между офицерами и солдатами не было никакой связи, что и отразилось впослѣдствіи при волненіяхъ, возникшихъ въ военной средѣ. Между тѣмъ, эти офицеры, при всей своей безответственности и склонности къ прожитанію жизни, оставили свой слѣдъ на мягкой, впечатлительной и безвольной натурѣ будущаго русскаго самодержца и въ его царствованіе занимали видныя и отвѣтственные посты въ администраціи во вредъ дѣлу и престижу избравшаго ихъ монарха.

Такъ изо дня въ день жилъ наслѣдникъ престола, не думая о близкомъ будущемъ, когда на его плечи ляжетъ управление огромнѣйшимъ государствомъ въ мірѣ. Между тѣмъ, его отецъ, императоръ Александръ III, таилъ въ себѣ зародышъ смертельной болѣзни, и когда она наконецъ обнаружилась для его подданныхъ, они узнали въ то же время, что врачи отказались спасти его жизнь...

II.

Смерть Александра III.—Бракъ новаго царя съ принцессой Алисой Гессенской.—Настроенія русскаго общества.—Пріемъ 17-го января 1896 г.—Совѣтники Николая II

Скромный въ своихъ привычкахъ, застѣнчивый въ обращеніи съ посторонними лицами, императоръ Александръ III не любилъ говорить о своемъ здоровьѣ. Русскіе люди называли его могучимъ дубомъ и увѣрены были въ продолжительность его жизни и царствованія. Между тѣмъ, здоровье императора подтачивала злая болѣзнь—нефритъ почекъ, на развитіе которой придворные врачи, къ удивленію всѣхъ оказавшіеся весьма плохими, не обратили

должнаго вниманія. Лишь тогда, когда худоба государя сдѣлалась замѣтной для всѣхъ окружающихъ, рѣшились обратиться къ московской медицинской знаменитости, профессору Захарьину. Но было уже поздно, и Захарьину оставалось только опредѣлить приблизительно срокъ, когда долженъ былъ умереть царь, слышій русскимъ богатыремъ и не имѣвшій еще и 50 лѣтъ отъ роду. Въ Россіи вѣсть эта вызвала всеобщее сожалѣніе, потому что всѣ уважали честный, прямодушный характеръ императора и вѣрили искренней любви его къ Россіи и ея процвѣтанію, каковы бы ни были ошибки его во внутреннемъ управленіи государствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, невольныя опасенія за будущее Россіи возбуждала слабая, безцвѣтная личность его преемника, Николая Александровича, тогда какъ внутреннее положеніе Россіи требовало сверху до низу неотложныхъ и коренныхъ реформъ, проводимыхъ твердой и опытною рукой.

Говорять, что эти опасенія возникали и въ душѣ умиравшаго самодержца и даже самаго наследника престола. Ходили слухи, что Николай Александровичъ одно время настойчиво отказывался отъ престола, хотя одинъ изъ его братьевъ, Георгій, уже былъ боленъ чахоткой, а другой, Михаилъ, не достигъ еще совершеннолѣтія,—но отецъ убѣдилъ его отказаться отъ этой мысли и заставилъ его еще при своей жизни подписать заранѣе заготовленный манифестъ о вступленіи его на престоль. Государь съ своей семьей находился въ это время, осенью 1894 года, въ Ливадіи, въ Крыму, чтобы тамъ спокойно провести послѣдніе дни своей жизни, но мысль о будущемъ Россіи не оставляла его ни на минуту. Безъ сомнѣнія, ею руководился онъ и въ стремленіи своемъ обезпечить своему преемнику и семейную жизнь помолвкой его на принцессѣ гессенъ-дармштатской Алисѣ, которая для этой цѣли и приглашена была въ Ливадію. Родная сестра сунруги великаго князя Сергѣя, Елисаветы Феодоровны, принцесса Алиса уже навѣщала ранѣе русскій дворъ и пользовалась репутаціей твердой и энергичной женщины, которая могла бы служить поддержкой Николаю Александровичу при его колеблющемся, нерѣшительномъ характерѣ. Помолвкой спѣшили, потому что силы государя замѣтно падали. 20-го октября 1894 года Александръ III умеръ въ Ливадіи, сидя въ креслѣ, въ полномъ сознаніи, среди своей семьи, напутствуемый о. Іоанномъ Кронштадтскимъ. Безъ сомнѣнія, будущее Россіи и династія не представлялись умирающему монарху въ радужныхъ краскахъ въ предсмертныя его минуты, и жизнь императорской семьѣ въ Ливадіи въ октябрѣ 1894 года, въ ея трагическихъ чертахъ, дастъ много благодарнаго матеріала для бытописателя-художника.

Тѣло почившаго монарха торжественно перевезено было въ Петербургъ и погребено въ Петропавловскомъ соборѣ. Но въ Петербургѣ усердіе не по разуму блюстителей порядка привело къ

тому, что во время перевезенія тѣла Александра III. народъ, въ общемъ любившій его, далеко оттѣсненъ былъ войсками на пути слѣдованія процессіи, и гробъ провожала только официальная Россія и, какъ знаменіе времени, въ большомъ безпорядкѣ, хорошо описанномъ авторомъ книги. «Никто не знаетъ своихъ мѣстъ,— говорить онъ.— Депутаціи перепутались. Подъ конецъ разбрелись кто куда. Въ группахъ духовенства, придворныхъ лакеевъ, чиновниковъ, всюду слышались громкіе разговоры, перекидывались поклонами и замѣчаніями съ знакомыми, занимавшими балконы и окна, весело смѣялись чѣмъ-либо шуткамъ. Николай понуро брелъ за пышной колесницей, не глядя по сторонамъ, и производилъ впечатлѣніе самаго незамѣтнаго изъ всей толпы царедворцевъ и великихъ князей человѣка. Далеко впереди гроба шли два мясника, одѣтые одинъ въ бѣлыя, другой въ черныя рыцарскія латы, символизировавшія печаль о смерти царя и радость о новомъ. Но такъ какъ никто не присматривалъ за этими господами, то они окончили тѣмъ, что мирно потащились рядомъ, символизируя весьма наглядно тотъ хаосъ, который долженъ былъ водвориться въ управленіи.

Вслѣдъ за погребеніемъ императора Александра III совершенно было 14 ноября, безъ всякой пышности и торжествъ, бракосочетаніе молодого царя съ принцессой Алисой. «Посреди скорбнаго испытанія,— сказано было въ манифестѣ 21 октября,— которое ведемъ намъ послано было по несловѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, вѣруемъ со ведемъ народомъ нашимъ, что душа возлюбленнаго родителя нашего въ селеніяхъ небесныхъ благословила избранную по сердцу его и нашему раздѣлять съ нами вѣрующею и любящей душою непрестанныя заботы о благѣ и преуспѣянніи нашего отечества».

И новый царь, и новая царица встрѣчены были народомъ по случаю бракосочетанія дѣйствительно тепло и даже восторженно, такъ какъ отъ нихъ ожидали обновленія Россіи, пережившей тяжелый періодъ репрессій. Говорили о мягкости и добротѣ новаго императора, объ умѣ и твердомъ характерѣ его супруги, получившей англійское воспитаніе, отмѣчали съ удовлетвореніемъ каждый мелкій фактъ, свидѣтельствовавшій о смягченіи прежняго суроваго режима. Новому русскому государю предстояла завидная доля закрѣпить за собою сочувствіе къ себѣ своего народа и вывести Россію на широкій путь преобразованій. Надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Неопытный, совершенно незнакомый съ дѣлами государственнаго управленія, Николай II всецѣло поддался вліянію старыхъ реакціонныхъ совѣтниковъ отца, поддерживаемыхъ императрицей-матерью и не встрѣчавшихъ уже отпора со стороны слабохарактернаго государя. Бюрократы-царедворцы уже не боялись, какъ при Александрѣ III, возмездія и каръ сверху и почувствовали, что могутъ дѣйствовать безнаказанно, не считаясь съ общественными настроеніями, и удовлетворять личные,

свокорыстные интересы. Что касается до молодой императрицы, принявшей имя Александры Феодоровны, то она поражала всѣхъ въ первое время своею холодностью, замкнутостью и видимымъ презрѣніемъ ко всему русскому. Народъ долгое время не могъ привыкнуть къ этому, видя въ ней избранницу Александра III. Въ этой атмосферѣ, окружавшей Николая II, не было замѣтно никакого вліянія живой общественной среды, не было слышно ни одного голоса, который бы указалъ царю на необходимость укрѣпить довѣріе народа къ верховной власти заботами о его благосостояніи. Прогрессивная часть общества, разсѣянная и обезсиленная режимомъ предшествовавшаго царствованія, не была организована и не могла дѣйствовать активно, чтобы постепеннымъ осуществленіемъ реформъ предотвратить крахъ государственной жизни въ Россіи и создать живую связь между правительствомъ и населеніемъ. Молчали пока и революціонныя партіи, занятія теоретическими разногласіями въ своей средѣ и раздѣлаемыя уточненными приемами провокаціи и шпіонажа. Бюрократы при этихъ условіяхъ, освободившись отъ тяжелой руки почившаго монарха, торжествовали полную свою побѣду. Во главѣ ихъ сталъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, Ив. Ник. Дурново, благодаря покровительству графа Д. А. Толстого и императрицы-матери, быстро возвысившійся изъ поручиковъ арміи до поста предѣдателя совѣта министровъ: это былъ искусный царедворецъ, но бездарный, невѣжественный и корыстный государственный дѣятель. За спиной его стояли, но на второмъ уже планѣ, Побѣдоносцевъ и князь В. П. Мещерскій. Реакціонная партія, вдохновляемая этими людьми, пользуясь неопытностью и слабохарактерностью молодого государя, рѣшилась съ самаго начала его управленія вырыть пропасть между нимъ и русскимъ обществомъ и заставить верховную власть слѣдовать и на будущее время реакціонному пути. Для этого совѣтники Николая II избрали моментъ приема имъ депутацій отъ дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ, явившихся 17 января 1895 г. въ Зимній дворецъ поднести новому самодержцу всеподданнѣйшее поздравленіе по случаю вступленія его на престоль.

Органы мѣстнаго самоуправленія еще въ первые мѣсяцы царствованія Николая II во всеподданнѣйшихъ адресахъ, въ особенно въ тверскомъ, исполнили свой долгъ, указавъ на необходимость коренныхъ реформъ въ разныхъ сторонахъ государственной жизни. Въ адресахъ не было требованій объ ограниченіи царской власти и установленіи конституціи; указывалась только сказавшаяся на долгомъ опытѣ земскихъ учрежденій важность тѣснаго сближенія власти съ народомъ для скорѣйшаго и всесторонняго удовлетворенія настоятельныхъ его потребностей. Это, разумѣется, вело къ уменьшенію значенія бюрократіи, ея произвола, и поэтому Дурново съ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинымъ, при под-

держкѣ Побѣдоносцева, убѣдили царя, что на его власть готовится покушеніе какими-то крамольниками, взявшими на себя смѣлость самозванно говорить отъ имени всего русскаго народа. Въ этомъ смыслѣ составили они отвѣтную рѣчь, которую Николай II долженъ былъ произнести при приѣмѣ депутацій 17-го января. Она вложена была въ барашковую шапку, которую Николай держалъ въ рукахъ, принимая депутатовъ. Въ волненіи, столь естественномъ въ молодомъ государѣ при важнѣйшемъ актѣ начала его царствованія, Николай торжественно провозгласилъ предъ избранныками русской земли слѣдующія фразы, опредѣлившія надолго характеръ взаимоотношеній его съ подданными. Онъ сказалъ между прочимъ:

«Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земствъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду сохранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ сохранялъ его мой незабвенный покойный родитель».

Увѣряли, что въ текстѣ рѣчи «мечтанія» названы были не «безсмысленными», а «безпочвенными», и что Николай, волнуясь, сдѣлалъ замѣну этихъ словъ, не разобравъ точно текста. Быть можетъ, впрочемъ, что сами составители рѣчи поспѣшили отказаться отъ своей редакціи, взваливъ ее на отвѣтственность послушнаго имъ монарха, увидѣвъ впослѣдствіи, какой комическій характеръ она приобрѣла во всеобщемъ сознаніи. Во всякомъ случаѣ рѣчь царя призвала на слушавшія ихъ депутаціи удручающее впечатлѣніе, и волненіе Николая передалось и депутатамъ. Представитель тверской депутаціи, передавая царю хлѣбъ-соль, уронилъ блюдо, на которомъ они находились, и тѣмъ вызвалъ замѣшательство. Соль просыпалась, а по русской примѣтѣ это дурной признакъ. Теперь, спустя двадцать два года спустя послѣ описываемыхъ событій, нетрудно, конечно, понять, что рѣчь царя положила первый камень розни его съ народомъ, и что внушившіе ее царскіе совѣтники-бюрократы сдѣлали для подрыва значенія самодержавія въ народѣ въ тотъ моментъ болѣе, чѣмъ могли сдѣлать это революціонныя партіи.

Въ глазахъ императора Николая II и его совѣтниковъ тверское земство имѣло репутацію самаго «крамольнаго», такъ какъ въ его всеподданнѣйшемъ адресѣ особенно ясно подчеркнута была мысль о необходимости привлеченія общественныхъ силъ къ управленію государствомъ въ сферѣ законодательной. Еще до приѣма 17-го января въ Петербургѣ сдѣлалась извѣстна и резолюція Николая на адресъ тверскаго земства: «Крайне недоволенъ выходкой 30-ти гласныхъ». Правительство рѣшило поэтому, въ примѣръ другимъ, принять репрессивныя мѣры по отношенію къ тверскимъ земцамъ, составъ которыхъ еще со времени освобожденія крестьянъ пополнялся

почти исключительно лицами, принадлежавшими къ интеллигентнымъ и прогрессивнымъ кругамъ общества. Предводителю дворянства былъ объявленъ высочайшій выговоръ; тѣ изъ гласныхъ тверскаго земскаго собранія, которые состояли на государственной службѣ, было уволены изъ нея; наконецъ вся выборная земская управа не была утверждена въ своихъ должностяхъ. Вдохновителями всѣхъ этихъ мѣръ считался Побѣдоносцевъ, все еще, несмотря на старость, продолжавшій вліять на ходъ государственныхъ дѣлъ въ самомъ реакціонномъ духѣ и среди совѣтниковъ царя пользовавшійся преобладающимъ значеніемъ.

Почти всѣ совѣтники императора Николая II въ первое время его правленія завѣщаны были предыдущимъ царствованіемъ. Но при Александрѣ III, сдерживаемые желѣзною рукою прямодушнаго царя, они не выказывали въ полной мѣрѣ своихъ свойствъ и воледействій, прикрываясь стремленіемъ ко благу государства. Теперь, учитывая слабость характера молодого государя и его неопытность, они обнаружили присущія имъ, соотвѣтственно натурѣ каждаго изъ нихъ, властолюбіе, любовь къ интригамъ, а нѣкоторые даже и корыстныя побужденія; огромное большинство, по своей бездарности и безпринципности, приносило только вредъ дѣлу управления государствомъ, но крѣпко держалось за свои мѣста, пуская въ ходъ для этой цѣли связи и угодничество. Теперь для нихъ уже не могла повториться резолюція Александра III на докладѣ о Петрѣ Николаевичѣ Дурново, воспользовавшимся своимъ положеніемъ, какъ директора департамента полиціи, чтобы выкрасть посредствомъ своихъ агентовъ письма своей возлюбленной изъ помѣщенія бразильскаго посольства: «Убрать этого негодяя въ двадцать четыре часа». Чтобы угодить Николаю II, нужно было скрывать отъ него правду, а потому предъ нимъ открыто лгали, давая широкій просторъ официальной лжи и отмѣткамъ: «Прочелъ съ удовольствіемъ». Разумѣется, Николай замѣтилъ въ концѣ-концовъ царившій вокругъ него обманъ, но, утративъ довѣріе къ кому бы то ни было и не чувствуя въ себѣ твердости воли, чтобы измѣнить установившуюся систему, онъ предоставилъ дѣла ихъ обычному теченію. У него не хватало ни опытности, ни умѣнья выбирать людей, чтобы выбраться изъ покрывшей его придворной и бюрократической паутины. Холодная и замкнутая по характеру супруга его, Александра Ѳеодоровна, въ этомъ отношеніи также была ему подъ пару и не могла служить ему опорой.

Авторъ книги: «Послѣдній самодержецъ» рисуетъ портреты совѣтниковъ Николая II яркими и желчными красками, сообщая, между прочимъ, такіе факты, достовѣрность которыхъ не всегда можетъ быть установлена точно, но въ общемъ характеристики этихъ лицъ изложены правдиво, насколько можно судить намъ, современникамъ и очевидцамъ описываемыхъ событій.

Ивапа Николаевича Дурново онь считаетъ креатурой графа Д. А. Толстого, не терпѣвшаго возлѣ себя талантливыхъ людей. По писъму кн. Мещерскаго, Александръ III изъ главноуправляющаго вѣдомствомъ императрицы Маріи назначилъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Бывшій подпоручикъ арміи, затѣмъ предводитель дворянства, Дурново вышелъ въ сановники, будучи челоѣкомъ безъ образованія, ума и способностей, но весьма покладистымъ и тароватымъ. Впослѣдствіи Дурново за погашеніе векселя въ 200.000 р., должныхъ имъ А. К. Кривошеину, выгнали послѣдняго въ министр путей сообщенія, гдѣ послѣдній жестоко проворовался. Злые языки говорили, что Кривошеинъ разорвалъ копіи, а за подлинныя заставилъ Дурново прекратить о себѣ слѣдствіе.

«Ивапа Дурново (назначеннаго на постъ предсѣдателя совѣта министровъ) смѣнилъ на посту министра внутреннихъ дѣлъ Н. Л. Горемыкинъ, считавшійся специалистомъ по крестьянскому вопросу, но на дѣлѣ избравшій себѣ другую специальность—женщинъ. На докладѣ во дворцѣ этотъ старый жуиръ имитировалъ сцены, устраиваемыя ему возлюбленными, когда онѣ сомнѣвались въ прочности своего положенія, и однажды разыгралъ при царѣ настоящую истерику. Испуганный Николай нѣжно утѣшалъ хитраго министра, гладилъ его руки и такъ хорошо былъ обмануть, что еще въ моментъ созванія перваго парламента не нашелъ лучшаго кандидата въ предсѣдатели совѣта министровъ, какъ этого плаксу. Характерно, что на новомъ мѣстѣ Горемыкинъ смѣнилъ именно Витте, противъ котораго и были направлены ручья его слезъ въ царскомъ кабинетѣ. Витте въ свое время осадилъ Горемыкина, рассказавъ царю о сношеніяхъ его съ сэромъ Джексонемъ, англійскимъ капиталистомъ, поддерживавшимъ взятками проектъ петербургскаго метрополитена (не состоявшагося).

«Старый Ванновскій былъ смѣщенъ еще при Александрѣ III Куропаткинымъ, который ловко сберегалъ лучи скобелевской славы, на немъ игравшіе, служа въ отдаленныхъ азіатскихъ краяхъ. Бездарность его, столь наглядно сказавшаяся въ японской войнѣ, заслонялась тогда стремленіемъ самому вершить даже самыя мелкія дѣла своего вѣдомства. Но эта-то черта и свидѣтельствовала объ отсутствіи широкихъ взглядовъ, реформаторскаго размаха и просто талантливости. Онъ сумѣлъ только составить себѣ изрядное состояніе, арміи же предоставилъ итти по тому же пути къ рутинѣ и регрессу, на который направилъ ее еще Ванновскій. Но въ то время, когда простой, неученый солдатъ Ванновскій неожиданно проявилъ здравые педагогическіе взгляды, будучи назначенъ послѣ разслѣдованія студенческихъ волненій министромъ народнаго просвѣщенія, Куропаткинъ покрылъ себя, своей исторіей войны и дразгами съ Витте, Каульбарсомъ и прочими соратниками, еще большимъ позо-

ромъ, чѣмъ самой кампаніей, когда дѣйствовали и другія, помимо его бездарности, причины пораженія Россіи.

«Витте былъ тогда въ зенитѣ своей славы финансиста. Девальвация, о которой такъ же, какъ потомъ о конституціи, говорили, что мы «не доросли» (до монometализма) и что переходъ къ новому финансовому строю погубитъ насъ,—была проведена мастерски, упрочила нашъ общій балансъ и разнесла Виттевскую репутацію по всему биржевому и торговому міру. Но въ дѣлахъ подпольнаго характера этотъ человѣкъ былъ слабѣ своихъ товарищей и, самъ постоянно интригуя то противъ одного, то противъ другого, пошелъ въ сѣти, разставленныя ему В. Плеве, и потерпѣлъ временное крушеніе. На эти придворныя тренія, на закулисные ходы и подставленіе другъ-другу погъ всегда уходитъ много времени. Широкія способности Витте, имѣвшаго къ тому же въ своей женѣ умнаго совѣтника, позволяли ему до поры до времени гнать довольно успѣшно обоихъ зайцевъ: и финансы и дворъ. Другіе были менѣ одарены и, сосредоточивъ вниманіе на своихъ личныхъ дѣлахъ, все болѣе запускали свои вѣдомства, гдѣ постепенно и водворялся тотъ хаосъ, въ которомъ застала ихъ первая Государственная Дума.

«Ермоловъ, министръ земледѣлія, прозванный «навознымъ жукомъ» какъ за смѣшную и мрачную наружность свою, такъ и за изобрѣтеніе имъ телѣги для навоза; графъ Муравьевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ и развратникъ, отравившійся вслѣдствіе царской немилости; Тертіи Филипповъ, государственный контролеръ и интриганъ, собиравшій и сплетни, и русскія пѣсни; Боголѣповъ, гроза студентовъ во время своей профессуры въ московскомъ университетѣ и всей русской школы во время министерства (смертельно раненъ Карновичемъ 14-го февраля 1901 г.); самъ Плеве, все больше и больше забиравшій силы (какъ государственный секретарь, а потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ),—всѣ они были слабѣ желѣзнаго Побѣдоносцева, державшаго ихъ въ рукахъ своимъ значеніемъ при царѣ.

«По русскому закону оберъ-прокуроръ синода является лишь посредникомъ между цѣрковью и государствомъ, не участвуя въ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ синклита іерарховъ, а лишь слѣдя за закономѣрностью ихъ дѣйствій. На дѣлѣ же онъ занимался прямымъ давленіемъ на цѣрковь въ цѣляхъ государства, и Побѣдоносцевъ не имѣлъ себѣ равнаго въ этомъ искусствѣ предшественника. Дошло до того, что собраніе митрополитовъ стало въ его рукахъ театромъ *Fantoches*, гдѣ среди маріонетокъ были умные, хитрые и своекорыстные монахи, и желавшіе бы выпутаться изъ крѣпкихъ оберъ-прокурорскихъ лапъ, но безсильные это сдѣлать. Обоюдное раздраженіе прорывалось тольکو въ исключительныхъ случаяхъ, но внѣшность должна была соответствовать высокимъ санамъ участ-

никовъ. Разъ только не выдержалъ Иоанникій, митрополитъ кіевскій, переведенный изъ Москвы влѣдствіе неладовъ съ генераль-губернаторомъ, великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Услыхавъ, что рѣшеніе синода не можетъ быть доложено царю, такъ какъ послѣдній уже выразилъ свою волю противоположнаго характера, и что предложенный Побѣдоносцевымъ вопросъ былъ имъ заранѣе рѣшенъ, Иоанникій сказалъ:

«— Вы бы, ваше высокопревосходительство, выписывали, вмѣсто насъ, наши печати.

«Мышиное лицо оберъ-прокурора позеленѣло, но онъ смолчалъ.

«— Вообще,—продолжалъ митрополитъ,—позвольте узнать, по какому праву ваше высокопревосходительство присутствуете на этомъ собраніи?

«— Какъ по какому праву?—вскричалъ Побѣдоносцевъ.—Да по закону!

«Иоанникій потребовалъ книгу закона и громко прочелъ статью, запрещающую присутствіе въ синодскомъ засѣданіи оберъ-прокурора. Тогда взбѣсившійся старикъ не нашелъ ничего иного сказать, какъ слѣдующую фразу:

«— А я все-таки останусь въ засѣданіи!

«Но тутъ-то и готовилась ловушка весельному оберъ-прокурору.

«— Отцы,—обратился митрополитъ къ остальнымъ іерархамъ,—недостойно намъ ссориться съ его высокопревосходительствомъ: если имъ не угодно оставить засѣданіе, то мы должны покинуть его.

«Послѣ чего, перекрестившись на образа, владыки смиренно вышли гуськомъ въ другія залы синода, оставивъ Побѣдоносцева одного и «въ дуракахъ».

Впрочемъ, злобный инквизиторъ переносилъ эти щелчки съ тѣмъ стоицизмомъ, который потомъ вознаграждаетъ себя местию, хотя бы мелкой и гнусной. Онъ продолжалъ безконтрольно распоряжаться дѣлами церкви, выдвигалъ, когда это нужно было по его расчетамъ, на высшіе духовные посты развратниковъ, въ родѣ Николая Алеутскаго, грабителей, въ родѣ Палладія, расхитившаго драгоценности грузинскихъ церквей, чревоугодниковъ, въ родѣ Исидора, петербургскаго митрополита, эротомановъ, какъ московскій Леонтій. Эти господа, за личной монаховъ скрывавшіе свои истинныя наклонности, охотно давали свои подписи подъ любыя рѣшенія человѣка, обезпечившаго имъ за то веселое и безпечальное житье, стотысячные оклады, блескъ власти и преклоненіе наивныхъ душъ.

Еще болѣе черными красками описываетъ авторъ любимыхъ генераль-адъютантовъ Николая II: фонъ Валя и Клейгельса, преемственно занимавшихъ нѣкоторое время постъ петербургскаго градоначальника. «О воровствѣ Клейгельса,—говоритъ онъ,—было закончено при министрѣ юстиціи Муравьевѣ слѣдствіе, но оставлено безъ движенія. Не было того темнаго дѣла въ Россіи, гдѣ можно

было поживиться, чтобы имя Клейгельса не фигурировало тамъ, всегда благополучно ускользая отъ суда. Послѣдній процессъ этого рода—процессъ Волыярлярскихъ едва не обратилъ Клейгельса изъ свидѣтеля въ подсудимаго, но старая лисица опять ускользнула отъ правосудія». Послѣ долгаго и сытнаго пребыванія на мѣстѣ петербургскаго градоначальника, будучи назначенъ кievскимъ генералъ-губернаторомъ. Клейгельсъ подалъ царю и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ просьбу о дозволеніи, по его бѣдности, жить его матери и сестрѣ въ Петербургскомъ вдовьемъ домѣ, и эта просьба стараго хитреца была уважена, къ крайнему недоумѣнію главноуправлявшаго вѣдомствомъ Императрицы Маріи, графа Протасова-Бахметева, вынужденнаго отказывать въ пріемѣ въ домъ, по ограниченности вакансій, дѣйствительно бѣднымъ кандидаткамъ, всю жизнь свою служившимъ по вѣдомству. Фонъ-Валь, по разсказу автора, былъ выгнанъ съ должности за воровство. Николай тѣмъ не менѣе взялъ его въ свиту, сдѣлалъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ и членомъ государственнаго Совѣта; по милости императрицы Маріи Ѳеодоровны состоялъ почетнымъ опекуномъ Ксеніинскаго института. Фонъ-Валь, привычный алкоголикъ, былъ орудіемъ нѣмецкой партіи и, будучи губернаторомъ въ шести губерніяхъ, преимущественно Западнаго края, всюду покровительствовалъ весьма энергично нѣмецкимъ колонистамъ и заполнялъ нѣмцами губернскую администрацію.

О прочихъ приближенныхъ и совѣтникахъ Николая II будетъ упомянуто ниже въ дальнѣйшемъ изложеніи.

III.

Коронація императора Николая II и императрицы Александры Ѳеодоровны.— Ходынская катастрофа.— Внутренняя политика Николая II.— Сипягинъ, Плеве.— Зубатовщина.— Плачевное состояніе администраціи.— Выраженіе общественнаго протеста.

Коронація императора Николая II совершилась лишь чрезъ полтора года послѣ вступленія его на престолъ, и этотъ огромный промежутокъ времени былъ посвященъ на организацію этого грандіознаго торжества, всегда совершавшагося съ необычайной пышностію и блескомъ, въ присутствіи депутацій отъ всѣхъ сословій со всѣхъ концовъ Россіи и представителей иностранныхъ державъ. Вѣнчаніе на царство произошло 15 мая 1896 г. по традиціи спокойно и торжественно, но празднества коронаціи омрачились, по винѣ администраціи, небывалой катастрофой—гибелью тысячъ народа на Ходынскомъ полѣ.

«Московскія власти,—разсказываетъ авторъ,—готовились къ коронаціи безъ малаго два года, но такъ какъ борьба вліяній не осла-

бывала ни предъ какими событіями, то и въ этомъ исключительномъ положеніи первое мѣсто занимали не заботы объ организаціи гражданскаго праздника, а заботы о палкахъ, которыя можно было бросать въ чужія колеса. На этомъ именно поприщѣ и состязались московскій генераль-губернаторъ, великій князь Сергѣй, съ министромъ императорскаго двора, графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. И, подобно тому, какъ уличная схватка привлекаетъ къ себѣ зѣвакъ, которые бросаютъ для зрѣлища свои дѣла, такъ и здѣсь всѣ заинтересованныя вѣдомства больше ждали исхода борьбы царскаго дяди съ министромъ, нежели самой коронаціи... Въ то время полицеймейстеромъ Москвы былъ нѣкій Власовскій, чрезвычайно вѣломощный, но энергичный человѣкъ... Въ чаду собственныхъ веселыхъ похожденій полицейскія власти какъ-то забыли, что самымъ ответственнымъ пунктомъ является народное гулянье на обширномъ Ходынскомъ полѣ. Не соображаясь съ топографіей его, позволили антрепренеру двора разставить палатки со сладостями и обычными коронаціонными кружками въ такомъ мѣстѣ, что между ними и народомъ очутился рядъ глубокихъ рвовъ, какихъ-то забытыхъ колодезѣвъ и тому подобныхъ сюрпризовъ, въ инженерномъ искусствѣ извѣстныхъ подъ именемъ «волчьихъ ямъ». (Антрепренеромъ былъ статсъ-секретарь П. А. Рихтеръ, управлявшій удѣлами, другъ Побѣдоносцева, а помогалъ ему архитекторъ Николай). Для народа,—не того народа, который допускается тайной охраной къ созерцанію процессій въ качествѣ суррогата толпы,—а народа настоящаго, рабочаго и деревенскаго, Ходынское гулянье было единственною приманкой въ коронаціи царя. Поэтому поле еще ночью занято было полумилліонной толпой, къ утру сгрудившейся въ такую компактную массу, что пробиться сквозь нее не могло бы и пушечное ядро. Въ мѣстѣ съ тѣмъ въ тихую погоду, которая на бѣду тогда и случилась, углекислота, выдыхаемая такой массой людей и висящая надъ ея головами, должна была повести къ повальной асфиксін; кромѣ того, и нетерпѣніе получить подарки подѣйствовало возбуждающе. И вотъ наступилъ моментъ, когда раздались крики удушасмыхъ женщинъ и дѣтей, которые заставили толпу попробовать двинуться: кое-гдѣ приняли это движеніе за сигналъ къ атакѣ палатокъ съ лакомствами, и вся громада, какъ дикое, обезумѣвшее стадо, шарахнулось прямо на ямы. Не прошло, вѣроятно, нѣсколькихъ мгновеній, какъ картина поля была уже такова: поваленныя палатки и качели, и семь, восемь тысячъ, по официальной версіи двѣтри тысячи поверженныхъ на землю людей: частью труповъ, съ синими лицами, частью живыхъ еще, но молящихъ о смерти, у которыхъ грудныя клѣтки были расплющены и кости торчали сквозь праздничныя рубашки. Все остальное съ воемъ, плачемъ и проклятіями мчалось, куда глаза глядятъ, истерически хохоча, крестясь о спасеніи и забывая объ оставленныхъ на полѣ родныхъ.

Ужасная вѣсть о «Ходынкѣ» быстро разнеслась по всей Россіи. «Блистательное теченіе коронаціонныхъ празднествъ нарушено было прекоробнымъ событіемъ», такъ сообщило о ней народу министерство двора, для котораго, очевидно, важнѣе всего были блистательныя празднества. Но это была точка зрѣнія и двора. Только что принявшіе царскій вѣнецъ императоръ Николай и императрица Александра Федоровна холодно отнеслись къ гибели тысячъ ихъ подданныхъ и даже не проявили обычныхъ для царей въ этихъ случаяхъ оффиціального состраданія и оффиціальной щедрости. Николай поѣхалъ на Ходынское поле лишь тогда, когда мертвецы были убраны, и ямы были засыпаны землей поверхъ мертвыхъ и живыхъ коношившихся еще людей. Семьи пострадавшихъ получили нищенское пособіе, а вечеромъ того же дня, когда случилась катастрофа, молодой императоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ на балу одного изъ пословъ, удивляя иностранцевъ не только своимъ безсердечіемъ, но и полнымъ отсутствіемъ такта. И все это на глазахъ населенія Москвы и сотенъ тысячъ рабочихъ и крестьянъ, собравшихся на коронацію «батюшки царя» изъ подмосковныхъ губерній! Въ этомъ случаѣ Николай въ первый разъ оттолкнулъ отъ себя сердца простого народа, подобно тому, какъ ранѣе, 17 января 1895 г., онъ оттолкнулъ отъ себя все интеллигентные и общественныя классы. Видимое негодованіе народа сосредоточилось, впрочемъ, въ то время на великомъ князѣ Сергѣѣ Александровичѣ, въ борьбѣ своей съ министромъ двора упустившемъ изъ виду припятъ мѣры для поддержанія безопасности и порядка на Ходынскомъ полѣ: онъ получилъ наименованіе «князя Ходынскаго». Но царь и въ этомъ случаѣ пошелъ противъ народнаго чувства: онъ удостоилъ великаго князя рескриптомъ, въ которомъ обычныя казенныя выраженія жалости звучали чисто-мефистофелевской насмѣшкой надъ собственнымъ народомъ.

Для всѣхъ, однако, было ясно, что коренной причиной всѣхъ настоящихъ и будущихъ не порядковъ въ государствѣ являются не дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, а прогнившій бюрократическій режимъ, поддерживаемый властью и личностью монарха. «Около безвольнаго, неумнаго и туго ощущавшаго жизнь царя вились вихри чиновничьихъ интригъ, обдѣлывались дѣла, не имѣвшія въ виду народныхъ нуждъ; заигрывались одни, возбуждались другіе, наказывались третьи, все безъ опредѣленной даже системы, точно на пожарѣ, когда всякій думаетъ только о своемъ спасеніи. Бюрократія кончала варится въ собственномъ соку и обращалась въ аморфную массу».

Дѣйствительно, ходъ управленія въ Россіи и принятая молодымъ императоромъ правительственная система, отвѣчавшая его уму, характеру и міровоззрѣнію, въ это время уже опредѣлились съ ясностью, не допускавшею иллюзій въ самыхъ преданныхъ престолу

умахъ и возбуждавшихъ даже въ нихъ тревогу за будущность Россіи. Народъ терялъ довѣріе къ царю, видимо обнаруживавшему равнодушіе къ его судьбѣ и пользамъ. Грядущій провалъ бюрократіи былъ ясенъ даже для вѣрнѣйшихъ ея слугъ. Но, съ другой стороны, инертность и разрозненность общественныхъ силъ, казалось, обезпечивали въ ближайшемъ будущемъ неприкосновенность существующаго строя. Для укрѣпленія его слѣдовало, по мнѣнію вліятельныхъ въ правительствѣ лицъ, усилить репрессіи общественнаго теченія, выдвинуть на первый планъ мѣры полицейскаго воздѣйствія и, въ особенности, снабдить широкими полномочіями органы мѣстной административной власти въ лицѣ губернаторовъ и земскихъ начальниковъ. Бревномъ въ глазу у правительства были земскія учрежденія. Хотя дѣятельность ихъ и была ослаблена и сѣужена по закону 1890 года, но они единственно были строителями и регуляторами хозяйственной дѣятельности народа, служба, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, неподражаемымъ образцомъ для дѣятельности казенныхъ учреждений. Школы, дороги, медицина, страховое и продовольственное дѣло, — вотъ области, въ которыхъ работало земство и въ которыхъ чиновничья дѣятельность не могла итти съ нимъ и въ сравненіе. Понизить земскую работу взялся назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягинъ и для этой цѣли выработалъ проектъ введенія въ сѣверо-западномъ краѣ земскихъ учреждений, гдѣ главная роль предоставлялась правительственнымъ чиновникамъ; въ случаѣ, если бы планъ удался, его предположено было распространить и на тѣ 34 русскія губерніи, гдѣ земство работало уже четверть вѣка. Сипягинъ, большой баринъ въ старо-помѣщичьемъ стилѣ, большой охотникъ и гастрономъ, впрочемъ, не торопился проведеніемъ этой реформы; когда онъ былъ убитъ Балмашовымъ, въ обществѣ шутили, что гастрономія потеряла одного изъ полезнѣйшихъ своихъ поклонниковъ. «Не все сразу», говорилъ Сипягинъ, не замѣчая общественнаго сдвига и всей безнадёжности своего дѣла.

Еще менѣе понималъ положеніе государства и покровитель Сипягина, великій князь Сергѣй Александровичъ, бывшій оплотомъ реакціи при дворѣ своего племянника, хотя и продолжалъ занимать постъ московскаго генералъ-губернатора. При его поддержкѣ сталъ работать надъ подавленіемъ общественныхъ силъ и преемникъ Сипягина, Плеве. Опытный полицейскій, оцѣнивавшій историческую жизнь народа съ полицейской точки зрѣнія: «тащить и не пущать», Плеве составилъ себѣ геніальный, какъ ему казалось, планъ однимъ ударомъ раздавить революціонную гидру, организовавъ рабочихъ и вызвавъ съ ихъ стороны активное выступленіе. Полицейскій умъ Плеве не могъ предвидѣть, что онъ играетъ съ огнемъ и что образованная имъ на казенный счетъ рабочая организація въ концѣ концовъ обратится противъ правительства. Перво-

начальнымъ поприщемъ для осуществленія этого плана избрана была Москва.

«Москва,—говоритъ авторъ,—была центромъ заводско-фабричнаго района, гдѣ издавна существовало броженіе, съ которымъ великій князь Сергѣй справиться не могъ. Здѣсь-то свилъ себѣ гнѣздо Зубатовъ (агентъ Плеве), имѣвшій, какъ и большинство провокаторовъ, quasi-революціонное прошлое. Въ данное время онъ числился на службѣ въ общей полиціи и дѣйствовалъ съ напускною искренностію человѣка, желающаго рабочимъ всякаго добра. Къ его и Плеве радости рабочіе пошли на закинутую имъ приманку легальной организаціи, показавъ при этомъ выдающіяся способности къ усвоенію себѣ партійной сплоченности и дисциплины. Довольно сказать, что когда Зубатовъ рѣшилъ демонстрировать правительству свою армію, онъ вывелъ, въ годовщину освобожденія крестьянъ, въ Кремль, къ намятнику Александра II¹⁾, не менѣе пятнадцати, а увѣрялъ, что и двадцати пяти тысячъ рабочихъ. Они продефилировали съ вѣнками, но безъ рѣчей, предъ безобразной будкой, въ которой былъ заключенъ бронзовый Освободитель и около которой стоялъ ни живъ, ни мертвъ, великій князь Сергѣй, вѣроятно плохо вѣрившій глазамъ своимъ. Но этотъ пролетаріатъ-парадъ былъ и лебединой пѣснью Зубатова. Организація его попала въ руки болѣе близкихъ по духу рабочимъ людей, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, на похоронахъ Баумана, убитаго наемнымъ хулиганомъ Михайловымъ, среди двухсотъ тысячъ человѣкъ, провожавшихъ гробъ, покрытый краснымъ знаменемъ, были, вѣроятно, цѣликомъ зубатовскіе «ученики». Но зубатовскія организаціи осуществлялись департаментомъ полиціи и въ другихъ крупныхъ центрахъ, напиримѣръ, въ Одессѣ, съ тѣмъ же, впрочемъ, результатомъ. Въ Петербургѣ они выросли и расцвѣли подъ руководствомъ извѣстнаго священника Гапона.

Стараясь подчинить своему полицейскому самодержавію народъ, Плеве подчинилъ ему и отдалившагося отъ народной жизни и царя, мнившаго себя самодержцемъ. «Въ этомъ отношеніи Николай не представлялъ для него никакихъ трудностей. Старинная система запугиванія царей опасностію для ихъ жизни была доведена до небывалаго совершенства, путемъ провоцированныхъ полиціей поку-

---

¹⁾ По поводу постановки этого памятника недлишне напомнить читателю о ходившей въ обществѣ эпиграммѣ:

Нелѣпому строителю
Пришелъ нелѣпый плачъ:
Царя-Освободителя
Поставить въ кегель-банъ.

шеній на ближайшихъ имъ императору лицъ. Здѣсь Плеве проявилъ кромѣ врожденной преступности, такую жестокость души, которой позавидоваль бы опытнѣйшій изъ профессиональныхъ убійць. Но, вызвавъ къ дѣятельности провокаторовъ, онъ и самъ палъ жертвою имъ же вознесеннаго Азефа. Такъ, въ конечномъ счетѣ, надъ департаментомъ полиціи и надъ жандармскимъ корпусомъ возвышались вліяніе и власть людей безъ всякой совѣсти, безъ всякаго государственнаго сознанія. Худшій видъ анархизма разваливался на самодержавномъ тронѣ, который такъ тщательно защищали отъ умѣреннаго конституціонализма». Могъ ли великій князь Сергѣй и самъ Плеве думать, что они будутъ убиты по распоряженію ими же созданнаго правительственнаго провокатора—агента (Азефа), при содѣйствіи полиціи и за казенный счетъ? Мало того, что этотъ самый агентъ вслѣдъ за симъ, не только не подвергнется какой-либо карѣ, но и получить почетный титулъ «сотрудника правительства»?

А общественное движеніе, между тѣмъ, развивалось. Увидѣвъ, что царская власть въ плѣну у бюрократіи и что нѣтъ болѣе надежды работать на пользу народа рука объ руку съ правительствомъ ни при какихъ условіяхъ, общественная мысль отшатывается отъ него въ сторону, и по всей странѣ началась самостоятельная организационная работа общественныхъ силъ, внѣ правительственнаго контроля и даже вопреки ему, а революціонныя партіи, пользуясь отказомъ верховной власти отъ совмѣстной работы съ общественными силами, возобновили свою дѣятельность на этой почвѣ и занялись подготовкой революціонныхъ актовъ. Бездарная, погрязшая въ обдѣльваніи личныхъ дѣлишекъ и въ придворныхъ интригахъ, бюрократія всю творческую дѣятельность правительства обратила на путь провокаціи и шпіонажа, и съ этого времени департаментъ полиціи обратился фактически въ высшее государственное учрежденіе, дѣйствовавшее въ контактѣ съ революціонными партіями, посредствомъ своихъ агентовъ—провокаторовъ, и въ концѣ концовъ само превратившееся въ безотвѣтственное орудіе провокаторовъ—революціонеровъ, совершавшихъ террористическіе акты на средства самого правительства. Въ концѣ концовъ современникамъ невозможно было разобраться, гдѣ дѣйствуютъ террористы по убѣжденію и гдѣ органы правительства за его счетъ. Въ этомъ конечномъ этапѣ антигосударственной политики, усвоенной въ личныхъ цѣляхъ представителями бюрократіи, потерявшей смыслъ и всякое чувство мѣры, повиненъ былъ и самъ императоръ, увлекавшійся эфемерными успѣхами провокаціонной дѣятельности департамента полиціи и охранныхъ отдѣленій, вовсе не думавшій о томъ, что онъ на собственные средства и собственными силами способствуетъ революціонизированію самыхъ спокойныхъ дотолѣ элементовъ населенія государства въ ущербъ спокойной созидательной работѣ здоровыхъ общественныхъ слоевъ. Во дворецъ царя, въ качествѣ его фаво-

ритовъ, стали появляться люди, которымъ мѣсто было лишь среди подонковъ населенія. Сипягинъ, ставшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, блюститель старыхъ дворянскихъ традицій, при пріемѣ чиновъ министерства, не подалъ руки извѣстному охраннику Рачковскому, котораго не безъ основанія считалъ за негодяя. Въ тотъ же день онъ призванъ былъ къ Николаю, который, указывая на тутъ же стоявшаго Рачковского, встрѣтилъ министра словами: «рекомендую вамъ Рачковского, котораго особенно люблю». Это непосредственное участіе императора къ охранно-провокаторской дѣятельности, его личное вниманіе къ ея каторжнымъ героямъ, несомнѣнно развращающимъ образомъ дѣйствовали на и безъ того уже развращенную бюрократическую среду: всесторонне-каторжнаго Азефа даже Столыпинъ уже не стѣсняется въ публичной рѣчи именовать «сотрудникомъ правительства»! Только при слабости умѣ и полномъ непониманіи исторической жизни народовъ можно было задачи государственнаго управленія измѣрять успѣхами полицейскихъ розысковъ и въ нихъ видѣть панацею отъ государственныхъ золъ.

Нельзя сказать, чтобы всѣ безъ исключенія представители бюрократіи того времени не сознавали вреда для государства установившейся системы полицейской охраны. Бывшій директоръ департамента государственной полиціи, разоблачитель знаменитаго Азефа, Лопухинъ, въ книгѣ своей: «Изъ итоговъ служебнаго опыта», пишетъ слѣдующее:

«При отсутствіи элементарныхъ научныхъ понятій о правдѣ, при знакомствѣ съ общественною жизнью только въ ея проявленіяхъ въ стѣнахъ военной школы и полковыхъ казармъ, все политическое значеніе чиновъ корпуса жандармовъ заключается въ представленіяхъ о томъ, что существуютъ народъ и государственная власть, что послѣдняя находится въ постоянной опасности со стороны перваго, что она подлежитъ отъ этой опасности охранѣ и что для осуществленія таковой всѣ средства безнаказанно дозволены. Когда же такое міровоззрѣніе совпадаетъ со слабо развитымъ сознаніемъ долга и неспособностію, по умственному развитію, разобратъ въ сложныхъ общественныхъ явленіяхъ, то основанныя на немъ наблюденія останавливаются только на внѣшнихъ признакахъ этихъ явленій, не усваивая внутренняго ихъ содержанія и поэтому всякое явленіе общественное принимаетъ характеръ для государственной власти опасный. Вслѣдствіе чего охрана государственной власти въ рукахъ корпуса жандармовъ обращается въ борьбу со всѣмъ обществомъ, а въ конечномъ результатѣ приводитъ къ гибели и государственную власть, неприкосновенность которой можетъ быть обезпечена только единеніемъ съ обществомъ. Усиливая расколъ между государственною властью и народомъ, она создаетъ революцію. Вотъ почему дѣятельность политической поли-

ція представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной».

Эти слова Лопухина авторъ книги: «Послѣдній самодержецъ» сопровождаетъ слѣдующимъ справедливымъ разсужденіемъ. «Такое и было на дѣлѣ положеніе вещей. Оно носило тѣмъ болѣе трагикомическій характеръ, что либерализмъ широкихъ общественныхъ круговъ, интересовавшій правительство гораздо сильнѣе, чѣмъ революціонность меньшинства, былъ весьма умѣренъ. Впереди всѣхъ продолжали идти все тѣ же земства; да, какъ выясняется изъ исторіи платформъ партій «Земли и Воли» и народовольческой, стремленія даже крайнихъ организацій не шли далѣе скромныхъ конституціонныхъ гарантій, безъ которыхъ, по мнѣнію этихъ группъ, никакое развитіе государственной жизни не было возможно. Чиновничеству хорошо были извѣстны и умѣренность прогрессистовъ, и скромность революціонныхъ силъ, не шедшихъ дальше единичнаго террора и непонятной народу пропаганды. Но признаніе только общественнаго настроенія равнялось бы необходимости пойти ему на встрѣчу, а этого чиновничество допустить не могло. Осталось, за отсутствіемъ широкой революціонной организаціи, создать ея фикцію, и, въ этомъ отношеніи, указанная Лопухинимъ умственная ограниченность жандармовъ (да и однихъ ли только жандармовъ?) была весьма на руку россійскимъ Макіавелли, изъ которыхъ первое мѣсто по праву занималъ въ то время Плеве. Подъ его руководствомъ связь департамента полиціи съ корпусомъ жандармовъ была живою связью, а самый департаментъ началъ дѣйствовать еще съ большими безпринципностью, безконтрольностью и откровенностью. Не только расширялась работа его по устройству обысковъ, административной ссылки и заключенію подъ стражу; но, подобно тому, какъ въ дореформенномъ III отдѣленіи собственной его величества канцеляріи сѣкли заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности молодыхъ людей, въ департаментъ полиціи вызывались выдающіеся земскіе и общественные дѣятели для внушеній и потацій, которыхъ не чуждался и самъ Лопухинъ. Разница между нимъ и Плеве была только та, что въ то время, какъ Лопухинъ искренно стремился къ объединенію правительства съ обществомъ, Плеве столь же искренно хотѣлъ уничтожить всякій намекъ на организацію общественныхъ силъ. Но, какъ вѣрно замѣчаетъ Лопухинъ, въ корнѣ испорченное учрежденіе всегда обращалось противъ его творцовъ, и на этотъ разъ оно не пощадило его самого. Только уйдя изъ департамента полиціи могъ онъ познать ошибочность шага, приведшаго его, выдающагося юриста, представителя рода, давшаго Россіи одну изъ ея царицъ, самостоятельнаго и честнаго человѣка, въ объятія выскочки, мстившаго обществу за свое плебейство, безпринципнаго временщика, В. Плеве. Много позднѣе, когда и Плеве былъ убитъ, и Лопухинъ былъ далекъ отъ всякой служебной дѣятель-

ности, этотъ невѣрный шагъ сказался на его судьбѣ послѣднимъ роковымъ ударомъ».

Общее направленіе внутренней политики Николая II и его присѣшниковъ, которые можно охарактеризовать однимъ словомъ: репрессія, — отражалась пагубнымъ образомъ на всѣхъ важнѣйшихъ сторонахъ государственной жизни Россіи, прежде всего и яснѣе всего въ области народнаго просвѣщенія. Еще со временъ Николая I эта область сдѣлалась самымъ чувствительнымъ барометромъ, отражавшимъ на себѣ всѣ колебанія во внутренней политикѣ правительства. Николай II, какъ человѣкъ, получившій преимущественно военное воспитаніе, привыкъ относиться къ гражданской школѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, отнюдь, вѣроятно, не подозрѣвая, что воспитанники гражданскихъ школъ, въ свою очередь, питали нѣкоторое презрѣніе къ военному ремеслу, какъ не производительному въ мирное время, и думали, что оно заражаетъ казарменными навыками, и мышленію сообщаетъ тотъ самоувѣренный, но вполнѣ невѣжественный характеръ, которымъ отличается большинство строевыхъ офицеровъ. Призванный на мѣсто министра народнаго просвѣщенія Деляновъ продолжалъ по отношенію къ школѣ, особенно высшей, репрессіи Толстого. Свобода науки и преподаванія были секвестрованы въ русскихъ университетахъ, уровень знаній понизился. Лучшіе профессора часто или уходили сами, или выѣзжали за границу, гдѣ, какъ М. Ковалевскій и де-Роберти въ Парижѣ, Виноградовъ въ Оксфордѣ, Эрисманъ въ Цюрихѣ, Милуковъ въ Софіи, — проявляли дѣятельность, въ которой отказано было имъ на родинѣ. Низкій уровень преподаванія въ университетахъ, кафедры которыхъ заняты были ставленниками Делянова и Боголѣпова съ невысокой научной подготовкой. Студенчество мало занималось наукой, а увлекалось усвоеніемъ политическихъ доктринъ, оставлявшихъ поверхностное впечатлѣніе, и склонно было къ волненіямъ, отражавшимъ на себѣ событія въ общественной жизни. Репрессіи правительства вызывали новыя волненія, такъ что, въ концѣ-концовъ, Николая убѣдили дать разрѣшеніе на отдачу политически неблагонадежныхъ студентовъ въ солдаты. Эту мѣру отмѣнили лишь по настоянію Ванновскаго, потому что она оскорбляла армію, которая такимъ образомъ являлась ссыльнымъ учрежденіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давало широкій просторъ для пропаганды противъ правительства со стороны озлобленной молодежи.

Военная часть въ Россіи также не находилась на должной высотѣ. «Можно было, — говорить авторъ, — ожидать, что военное образованіе, служба въ строю и управленіе цѣлыми отраслями военнаго дѣла сдѣлали изъ членовъ русской царской фамиліи серьезныхъ знатоковъ военнаго дѣла, способныхъ лично двигать боевой прогрессъ арміи и, во всякомъ случаѣ, способныхъ открывать въ немъ задерживающіе моменты. Но этихъ сторонъ солдатъ

чина ни въ комъ изъ князей никогда не развила; русскіе императоры оказывались бессильными вносить въ излюбленное ими ремесло что-либо, кромѣ новыхъ формъ одежды (не ими, понятно, изобрѣтавшихся) и новыхъ знаковъ отличія. Въ этой области прогрессъ шель зато безирерывно, и Николай отмѣтивъ свое царствованіе такимъ длиннымъ спискомъ указовъ о пуговичкахъ, кисточкахъ, вырѣзокъ, шапкахъ и надписяхъ, а также такимъ числомъ всякихъ медалей, крестиковъ и значковъ, какъ никто изъ его предковъ. Теперь, послѣ войны (японской) русская армія переодѣта съ ногъ до головы, такъ что само военное министерство запуталось въ разнообразіи формъ. Довольно сказать, что военный министръ Сухолиновъ бесѣдовалъ на обѣдѣ у германскаго посла въ Петербургѣ съ русскимъ офицеромъ по-нѣмецки, сочтя его за прусскаго офицера. Кавалеристы опять стали похожи на опереточныхъ гусаръ, а груди гвардейскихъ и особенно полицейскихъ офицеровъ могли спорить, въ смыслѣ количества украшеній котильоннаго характера, съ любымъ знаменитымъ борцомъ или фокусникомъ. Что касается до существа военнаго дѣла, то оно всегда было неизвѣстно или чуждо царямъ. Николай I зналъ, напримѣръ, о воровствѣ военныхъ инженеровъ, но не могъ его искоренить. Александръ II страшно любилъ только парады, хорошую маршировку, хлесткіе ружейные приѣмы; но за него, по крайней мѣрѣ, работалъ военный министръ, просвѣщенный гр. Милютинъ, благодаря которому русская армія, потерпѣвъ на турецкой войнѣ дипломатическое пораженіе, все же вернулась домой въ ореолѣ славы. Александръ III ничего военнаго не любилъ и знать не хотѣлъ, а его приближенный министръ Ванновскій былъ старъ, невѣжественъ и только лично честенъ. Подъ его руководствомъ рутинна плотна застѣла во всѣхъ отдѣлахъ военнаго хозяйства и управленія. Вслѣдствіе этого понизилась и самая техника дѣла; перевооруженіе пѣхоты и артиллеріи совершалось медленно, опаздывая противъ европейскихъ армій, а тактика не мѣнялась, несмотря на новое оружіе, дѣлавшее веденіе боя со старыми тактическими приѣмами невозможнымъ. Главнымъ же недостаткомъ, въ которомъ, впрочемъ, не Ванновскій былъ виноватъ, а институтъ всеобщей воинской повинности,—было разобщеніе солдатъ и офицеровъ. Послѣдніе являлись одни профессионалами войны, а солдаты выступали подъ знамена на все болѣе короткіе промежутки времени. Отчужденность двухъ частей арміи одна отъ другой вносила разложеніе и въ самый духъ войска, утратившаго всякія традиціи. Одно время падали и вспомогательныя учрежденія, разныя управленія, школы, заводы... Интендантское вѣдомство воровало безнаказанно, подготавливая провалъ японской войны и свой собственный. Словомъ, недостатки арміи вполнѣ отвѣчали самодержавному строю государства, а достоинства: всеобщая воинская повинность, короткій срокъ службы и т. п. ему не соответствовали.

дѣлали армію ненадежной въ политическомъ отношеніи, что потомъ и сказалось. Все это шло мимо глазъ царя, словно пыль, поднимаемая эскадронами на парадномъ плацу. Онъ, царь, оставался во всемъ военномъ дѣлѣ, какъ и на парадахъ, только машиной, произносящей одно слово: «спасибо».

Не менѣе строги сужденія автора и о положеніи русскаго флота въ началѣ царствованія Николая II. Генераль-адмираль великій князь Алексѣй Александровичъ, братъ Александра III, получилъ флотъ отъ своего предшественника, великаго князя Константина Николаевича, въ плохомъ состояніи, но самъ Алексѣй привелъ его еще въ большую негодность. На постройкѣ броненосныхъ судовъ наживалось чуть ли не все морское вѣдомство, болѣе чѣмъ всякое другое, сохранившее свой кастовый характеръ. Нѣкоторыя семьи, преимущественно финляндскаго происхожденія, являлись какъ бы монопольными поставщиками офицеровъ для флота, и оттого на морской службѣ развился страшный деспотизмъ, а число офицеровъ, въ противоположность сухопутной арміи, увеличилось сверхъ мѣры до того, что они составляли иногда болѣе 30% всего состава флота, включая въ него и всѣхъ матросовъ. Послѣдствіемъ этого явилось огромный составъ такъ называемыхъ береговыхъ офицеровъ, которые только числились на судахъ, получая усиленное содержаніе, что вносило деморализацію въ офицерскую среду. Постройка судовъ хозяйственнымъ способомъ, путемъ торговъ и подрядовъ, введенная адмираломъ Верховскимъ, приводила къ цѣлому ряду злоупотребленій, а корабли строились такъ, что аваріи и крушенія стали обычными явленіями при плаваніяхъ судовъ русскаго флота. Когда во время стрѣльбы у о. Крита на русскомъ броненосцѣ «Сысоѣ Великомъ» разорвало орудіе и поврежденія заставили ввести этотъ «новѣйшій» броненосецъ въ докъ Тулона, обшивка судна безъ словъ рассказала французскимъ инженерамъ о государственномъ строѣ страны, гдѣ оно строилось: изъ сотни заклепокъ было не болѣе двадцати пяти металлическихъ, а остальные состояли изъ деревянныхъ пробокъ, тряпокъ, наконецъ, просто суриковыхъ шляпокъ, имитировавшихъ округленные концы заклепокъ. Хищники морского вѣдомства учитывали характеръ Николая II, не имѣвшаго мужества не казать завѣдомыхъ ему самому казноградовъ. Морская эпопея эта закончилась, какъ извѣстно, Цусимой. Въ день Цусимскаго пораженія, великій князь Алексѣй спокойно развѣзжалъ по Петербургу, которому хорошо извѣстна была связь генераль-адмирала съ актрисой французскаго театра Балета: чрезъ нее дѣлывы устраивали, какъ всѣ говороили, свои дѣлишки по морскому вѣдомству.

Если таково было положеніе военнаго и морского вѣдомства, находившихся подъ ближайшимъ наблюденіемъ верховной власти, то можно представить себѣ дѣйствія администраціи на мѣстахъ, въ

провинціи, гдѣ рапоряжались губернаторы, изъ представителей верховной власти въ теоріи давно уже превратившіеся на практикѣ въ простыхъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ губернаторы, исполняя волю своего министра, писали обыкновенно не то, что отвѣчало истинному положенію дѣлъ въ ввѣренныхъ имъ губерніяхъ, а то, что соотвѣствовало, «видамъ правительства», т. е. центрального управленія. Въ огромномъ своемъ большинствѣ отчеты эти были официальной ложью, обманомъ государя, который, однако же серьезно относился къ нимъ, добросовѣстно дѣлая на нихъ свои помѣтки, къ соблазну многихъ, знавшихъ дѣло, объявлявшіяся иногда во всеобщее свѣдѣніе. Лада съ министромъ, своимъ начальникомъ, рабски исполняя его циркуляры, часто противорѣчившіе законамъ и написанные безобразнымъ юридическимъ языкомъ, губернаторы во всемъ прочемъ чувствовали себя полными хозяевами въ губерніи, были въ нихъ маленькими самодержцами. При этомъ, важно отмѣтить, что большинство «опытныхъ» губернаторовъ получило подготовку въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петроградѣ, проводило служебный стажъ не столько въ министерствѣ, сколько въ великосвѣтскихъ гостиныхъ и мало знакомы были съ Россіей. Иногда, впрочемъ, въ дѣляхъ поддержать дворянство, приходила полоса назначеній губернаторовъ изъ предводителей дворянства, а въ моменты усиленія при дворѣ военнаго элемента—полоса назначеній изъ офицеровъ гвардіи или генеральнаго штаба. Многие помпадуры изъ этихъ сѣрій еще ждуть своихъ историковъ и бытописателей; особенно прославился генераль Зеленыи въ Одессѣ. Впрочемъ, и положеніе губернаторовъ было нелегкое: они должны были чутко прислушиваться къ петербургскимъ вѣяніямъ, мѣнявшимъ свое направленіе отъ умѣреннаго либерализма до крайняго реакціонерства, иначе быстро теряли мѣсто или переводились въ другія губерніи похуже. За спиною министра губернаторы чувствовали себя безотвѣтственными, а миѣстры обыкновенно ссылались на монаршую волю, что провѣрить было невозможно для обыкновенныхъ смертныхъ. Чаше всего были ссылки на отмѣтки царя на губернаторскихъ отчетахъ, въ особенности на встрѣчавшуюся болѣе всего отмѣтку его: «Прсчель съ удовольствіемъ», обратившуюся въ поговорку, подобно «безсмысленнымъ мечтаніямъ». Земскія и даже дворянскія учрежденія, стѣсняемая въ своей дѣятельности центральной властью, также постоянно чувствовали свою зависимость отъ губернаторскихъ усмотрѣній и должны были испытывать административный гнетъ; въ особенности не везло тверскому земству, съ самаго начала царствованія Николая II приобрѣвшему себѣ репутацію «крамольнаго». Давали чувствовать свой произволъ въ губерніяхъ всему населенію, особенно крестьянскому, и мѣстныя полицейскія власти, въ дѣляхъ политической охраны надѣленные большими полномочіями и дѣй-

ствовавшія произвольно, въ корыстныхъ видахъ, подъ защитой губернаторовъ.

Въ странѣ, гдѣ административный произволъ являлся сверху до низу основаніемъ правительственной системы, не могла правильно функціонировать и юстиція. Судебная реформа Александра II была искажена отчасти уже въ царствованіе Александра III, когда на посту министра юстиціи появился Н. В. Муравьевъ, который, вслѣдствіе своей безпринципности и стремленія сдѣлать себѣ карьеру, подчинялъ достоинство суда административному усмотрѣнію. Его дѣйствіямъ отчасти долженъ былъ подражать и Манухинъ, хотя и докучалъ царю своими представленіями о необходимости слѣдовать принципамъ, положеннымъ въ основу судебныхъ уставовъ. По мѣрѣ торжества реакціонной политики давленіе на судебные органы власти производилось все чаще и чаще, въ особенности, когда министромъ юстиціи назначенъ былъ Щегловитовъ. Въ рукахъ его сдѣлался послушнымъ орудіемъ даже Сенатъ, а несмѣняемость судей превратилась просто въ фикцію. Многіе честные представители магистратуры должны были оставить службу, послѣ тщетныхъ попытокъ отстоять свою судебную независимость, и перейти въ адвокатуру. Увеличившееся число политическихъ процессовъ создали особый классъ политическихъ защитниковъ, и въ противовѣсъ имъ образованъ былъ кадръ прокуроровъ по политическимъ дѣламъ. Дѣла о печати почти цѣликомъ изъяты были изъ вѣдѣнія судебныхъ учреждений, и печать была подвергнута мѣрамъ административнаго воздѣйствія.

Живой протестъ противъ правительственной политики, тормозившей всякое стремленіе къ развитію народной дѣятельности даже въ хозяйственной сферѣ, представляли собою земскія учрежденія. Успѣхи земства въ этой области, какъ было уже упомянуто, волновали бюрократію, потому что она, по ея мнѣнію, создавали оппозиціонность населенія, она какъ будто не понимала, что стремленіе положить препоны плодотворной и необходимой для страны работѣ создаетъ оппозиціонность даже въ тѣхъ кругахъ, гдѣ о ней и не думали, такъ какъ правительство являлось причиною застоя народной жизни, врагомъ благосостоянія народа. Губернаторы получали инструкціи стѣснять тѣ стороны земской дѣятельности, которыя ближе всего касались населенія, а самый бюджетъ земствъ былъ зафиксированъ послѣ установленія предѣловъ земскаго обложенія. Губернаторы получили право вмѣшиваться въ назначеніе и увольненіе земскихъ служащихъ, а такъ какъ земская работа опиралась на вольно-наемныхъ учителейхъ, агрономахъ, врачахъ, техникахъ и статистикахъ и т. д., то она встрѣчала постоянныя затрудненія. Послѣдствіемъ этого былъ упадокъ земскаго хозяйства, тѣсно связаннаго съ жизнью крестьянскихъ обществъ, развитіе эпидемій и эпизоотій. Даже въ

области помощи голодающимъ правительство устранило земства отъ всякаго участія въ дѣлѣ. Общее преслѣдованіе земской работы заставило земцевъ безъ различія направленій и мнѣній сплотиться въ «Союзъ Освобожденія», и устраивать земскіе съѣзды для устранения общими силами дефектовъ въ земской дѣятельности. Даже люди явно реакціоннаго образа мыслей, по традиціи готовые вѣрить правительству и главѣ его, царю, сбиты были съ позиціи и теряли голову при надвигавшемся хаосѣ. Тогда же появился за границей, въ Штутгартѣ, русскій политическій органъ «Освобожденіе», подъ редакціей Петра Струве, имѣвшій цѣлью выражать мнѣнія прогрессивной части русскаго общества. Онъ издавался въ теченіе 1901—1905 г. и много способствовалъ объединенію оппозиціонныхъ правительству элементовъ и выясненію ихъ настроенія.

IV.

Революціонные и террористическіе акты въ началѣ царствованія Николая II.— Борьба съ ними Плеве.—Репрессіи по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ.—Витте и борьба съ нимъ Плеве.—Мистическія настроенія при дворѣ.—Отношеніе къ нимъ Плеве и бюрократическихъ круговъ.—Начало русско-японской войны.

Революціонное броженіе въ царствованіе Николая II рѣзкимъ образомъ проявилось лишь съ 1899 г., начавшись въ наиболѣе возбужденныхъ классахъ населенія, среди рабочихъ и студентовъ. «Одновременное увлеченіе интеллигенціи и рабочихъ марксизмомъ словно воскресшимъ послѣ долгой спячки, было вызвано стихійными причинами. Мысль болѣе подвижной, и умственно, и физически, части народа не случайно фиксировалась на доктринахъ, шедшихъ въ діаметрально-противоположномъ направленіи со всей внутренней политикой русскаго правительства. Инерціи реакціи была противопоставлена инерція поступательнаго движенія. И такъ какъ послѣднее всегда было жизненнѣе, и ему недоставало только организованности, то устраненіе послѣдняго недостатка дѣлало кризисъ неизбѣжнымъ.

Инстинктивное ожиданіе такого кризиса и становится основнымъ тономъ общественнаго настроенія второй половины девяностыхъ годовъ.

Соціалъ-демократическая пропаганда широкою волною вливается въ высшую школу, фабрики и заводы, затрагиваетъ даже деревню, куда на лѣтніе мѣсяцы возвращается для полевыхъ работъ большая часть русскихъ рабочихъ, и объединяетъ рабочую и интеллигентную молодежь въ желаніи чаще и рѣзче проявлять во внѣ свои чувства и солидарность. Стачка фабричнаго района волнуетъ университетъ ближайшаго центра, студенческія волненія отзываются на фабрикахъ и заводахъ, но и само общество, все еще

недостаточно сдвинувшееся съ узкой позиціи, на которую его загнала реакція, начало по иному относиться къ новой формѣ движенія, открыто высказывая свои симпатіи стачечникамъ и демонстрантамъ. Даже чопорный Петербургъ мѣняетъ свою физиономію. Такъ, извѣстная демонстрація у Казанскаго собора, когда г. Клейгельсъ, сидя верхомъ на конѣ и размахивая по воздуху саблей, велъ въ атаку на безоружную толпу молодежи казаковъ и жандармовъ, заранѣе спрятанныхъ во дворѣ поповскаго дома, демонстрація эта глубоко потрясла столичное населеніе. А благородный поступокъ кн. Вяземскаго, пытавшагося защитить отъ наскока градоначальника студентовъ, столпившихся возлѣ него, горячо одобрялся даже въ нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ кружкахъ. И, несмотря на то, что всѣмъ было извѣстно, что Клейгельсъ не болѣе, какъ воръ, а Вяземскій — человѣкъ, по крайней мѣрѣ, честный, царь отстранилъ послѣдняго на одинъ годъ отъ присутствованія въ государственномъ совѣтѣ, и на его мѣсто назначилъ завѣдомаго обманщика и преступника, Клейгельса.

И въ то же время правительство преслѣдовало старообрядцевъ, особенно въ Москвѣ, гдѣ богатѣйшая изъ старообрядческихъ общинъ, Рогожское кладбище, была закрыта, а храмъ ея опечатанъ и шли притѣсненія инородцевъ, въ особенности на Кавказѣ, гдѣ вліятельные бюрократы нахватили себѣ земельные участки на Кавказской Ривьерѣ и расхищали нефтеносныя земли въ «путяхъ высочайшаго милосердія». Какъ будто, правительство Николая II поставило себѣ задачей вооружить противъ себя все населеніе Россіи! Къ подножію престола со всѣхъ концовъ неслись жалобы, протесты, но царь уже связалъ свою судьбу съ судьбой чиновничества, державшаго его въ моральномъ плѣну, и измѣнялъ свою политику репрессій на болѣе мягкую, склонную къ уступчивости, тогда только, когда его начинали пугать террористическіе акты.

Террористическіе акты начались съ 1900 года убійствомъ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова и министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина (2-го апрѣля 1901 г.). Потеря Сипягина, къ которому царь относился дружески, была особенно для него тяжела, насколько вообще его натура способна была къ глубокимъ чувствамъ. Россіи же Сипягинъ остался памятенъ лишь учрежденіемъ института земскихъ стражниковъ да огромными суммами, затраченными имъ на отдѣлку министерской квартиры. Но смерть Сипягина выдвинула на должность самаго талантливаго изъ бюрократовъ, В. К. Плеве, занимавшаго дотолѣ постъ государственнаго секретаря.

Человѣкъ крупныхъ способностей и огромной энергіи, Плеве, но своей безпринципности, не останавливался ни передъ какими комбинаціями и рѣшеніями. Авторъ книги «Послѣдній самодержецъ», очевидно, лично зналъ его хорошо и даетъ ему нелестную

характеристику. «Плеве,—пишетъ онъ,—мѣтили не только на управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но на самое спасеніе Руси отъ надвигавшейся смуты и на самодержавную власть, которой должно было компенсироваться это спасеніе... Сынъ бѣднаго калужскаго аптекаря, ногами мѣсившій грязь большой дороги, возвращаясь съ каникулъ въ университетъ, онъ зналъ изнанку жизни и хотѣлъ теперь использовать ея казовую сторону. Плебей, онъ затаилъ навсегда презрѣніе къ родовитости, и любилъ ставить глуповатыхъ предводителей дворянства и губернаторовъ въ неловкое положеніе умышленно, недоступными имъ вопросами. Хорошій юристъ, онъ зналъ цѣну облику законмѣрности, хотя бы она прикрывала, какъ венеціанскіе дворцовые фасады—грязь каналовъ, гнусную грязь провокаціи и предвзятыхъ ревизій. Умный администраторъ, наконецъ, Плеве притворялся передъ всякимъ нужнымъ ему человѣкомъ искреннимъ слугою родины и народа и любилъ въ туманныхъ выраженіяхъ обнаруживать якобы таившіяся въ немъ залежи либеральнаго золота, на дѣлѣ бывшаго лишь сѣрнымъ колчеданомъ. Словомъ, это была нешаблонная, сложная натура, на голову превосходившая всѣхъ вліятельныхъ членовъ правительства, и только Витте мѣшалъ ему на дорогѣ къ безраздѣльной власти надъ Россіей и царемъ... При этомъ лично Плеве не былъ трусомъ и любилъ обусловливать свои обѣщанія стереотипнымъ:

— Если буду завтра живъ.

Вознагражденіе министра достигало почтенныхъ размѣровъ. Будучи неподкупнымъ и ничего раньше не скопивъ, онъ оставилъ семьѣ своей за два года службы до 150,000 р.

«Въ сферахъ, гдѣ протекала подготовительная часть работы Плеве, нетрудно было забрать силу. Умъ, безпринципность и ловкость хищника обеспечивали здѣсь успѣхъ всякому, въ комъ эти качества сочетались. Легкость, съ какой Плеве преодолѣлъ обычныя въ началѣ такой карьеры тренія, располагали его даже къ нескрывавшемуся неуваженію къ окружающимъ, которое выливалось подчасъ въ довольно рѣзкія опредѣленія. «Государственный совѣтъ, это просто стадо валуховъ (быковъ, оперированныхъ для увеличенія мясистости)», — любилъ онъ говаривать о высшемъ органѣ правительственной власти. И онъ обращался съ этимъ стадомъ, въ которомъ было немало почтенныхъ людей, съ аллюрами грубаго пастуха, гонящаго скотину туда, куда ему хочется».

Плеве, однако, достигъ власти слишкомъ поздно, чтобы вести спокойно свою политику: въ странѣ началось революціонное броженіе, и онъ долженъ былъ считаться съ послѣдствіями ошибокъ обоихъ бездарныхъ своихъ предшественниковъ: Горемыкина и Сипягина. Министръ долженъ былъ сначала дискредитировать дѣятельность земскихъ учреждений, и потомъ уже думать о ея

ликвидации. Извѣстные враги всякаго самоуправленія, сенаторъ Зиновьевъ и членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Штюмеръ, назначены были ревизорами земствъ, при чемъ Штюмеръ имѣлъ особое порученіе изслѣдовать дѣятельность губернскихъ земскихъ управъ. Старанія ревизоровъ однако не дали Плеве нужнаго ему матеріала. Пришлось опять прибѣгнуть къ репрессіи. Въ Москвѣ уволенъ былъ извѣстный всей Россіи предсѣдатель губернской земской управы, Д. Н. Шиповъ. Въ тверское земство посажены были правительственные чиновники. Распоряженія земствъ по случаю голода, основаніе обще-земскаго органа печати, обсужденіе вопроса о мелкой земской единицѣ были воспрещены. Роль земства сводилась къ узко-хозяйственнымъ распоряженіямъ и къ обсужденію отдѣльныхъ правительственныхъ проектовъ, въ родѣ ветеринарнаго и аптекарскаго, которыми Плеве собирался занять время и рѣчи земскихъ собраній, разъ что проектъ уничтоженія послѣднихъ приходилось отложить до лучшихъ дней.

Борьба съ земствами однако усложнялась тѣмъ, что въ огромномъ большинствѣ губернаторскій составъ по своему умственному развитію и невѣжеству оказался чрезчуръ плохъ. Когда министръ собралъ въ Петербургѣ губернаторовъ для обсужденія коренныхъ, но элементарныхъ вопросовъ управленія, то они, по разсказу кн. Урусова въ его «Запискахъ», молчали, переглядывались, мычали, прятались одинъ за другого, чтобы Плеве не позвалъ ихъ къ отвѣту, и одинъ изъ товарищей министра, Стишинскій, имѣлъ полное право воскликнуть, покидая залу, гдѣ топтались злополучные губернаторы: «c'est à en pleurer!» Да и въ самомъ министерствѣ Плеве.

Для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ Плеве, самъ бывший директоромъ полиціи, изобрѣлъ, какъ мы выше указали, планомѣрную систему провокаціи, скоро разросшейся до гигантскихъ размѣровъ и скоро предавшей само правительство въ руки людей, «по которымъ плакала Сибирь», по русскому выраженію. Главнымъ и типичнымъ агентомъ этого рода оказался Азевъ, еврей изъ Ростова на Дону, инженеръ по профессіи, пользовавшійся одинаковымъ довѣріемъ и властью и революціонныхъ круговъ, и самодержавнаго правительства, и распоряжавшійся судьбою тѣхъ и другихъ. За границей Азевъ именовался Азефомъ (Asef), и въ этой транскрипціи фамилія его стала извѣстна и въ Россіи.

Но главнымъ образомъ вниманіе Плеве устремлено было на укрѣпленіе своего значенія при дворѣ. Для этого нужно было прежде всего подорвать довѣріе царя къ Витте, единственному лицу, который по уму, работоспособности и неразборчивости въ средствахъ могъ соперничать съ Плеве. Едва ли самъ Плеве вѣрилъ въ реформаторскій либерализмъ Витте, но не было лучшаго средства свалить его, какъ играть на скрытой политической его небла-

гонадежности. Здѣсь все годилось: и письма къ Витте отъ людей, отвѣты на которыя должны были скомпрометировать его, и подкупъ прислуги на средства департамента полиціи, не удавшійся только вслѣдствіе колоссальныхъ наградныхъ, которыя выдавалъ ей Витте дважды въ годъ; и поиски финансовыхъ комбинацій, гдѣ дальше игры на биржѣ жены Витте, ничего нельзя было открыть, и обычныя придворныя нашептыванія, ведшіяся чрезъ подставныхъ лицъ, такъ какъ Плеве инстинктивно продолжалъ сторониться отъ двора. Витте, разумѣется, не дремалъ и парировалъ удары тѣмъ съ большей легкостью, что его либерализмъ, вѣроятно, смѣшилъ его самого. Онъ надѣялся даже поставить самого Плеве въ невыгодное положеніе своею запиской о «Земствѣ и самодержавіи». Въ этомъ документѣ Витте со свойственной ему увертливостью и подготавливая путь отступленія, стремился, такъ же, какъ Плеве, Сипягинъ и другіе ихъ предшественники до графа Д. Толстого включительно, противопоставить понятіе «земщины», какъ института самоуправления, абсолютизму, какъ исконному устою русскаго государственнаго строя. Записка была неудачна. Изъ нея не видно было, зоветъ ли Витте царя на опредѣленное рѣшеніе или предоставляетъ ему выборъ и отвѣтственность. Здѣсь Плеве съ его радикальной программой уничтоженія земства импонируетъ Николаю безмѣрно больше. Но роковымъ ходомъ Витте оказались предложенныя имъ мѣстныя совѣщанія (о нуждахъ сельскаго хозяйства). Плеве, не безъ умысла, конечно, гарантировалъ имъ, по просьбѣ Витте, извѣстную свободу выраженія мнѣній, отвѣтственность за которую возлагалась на инициатора совѣщаній. Гарантія эта не помѣшала, разумѣется, Плеве преслѣдовать потомъ откровенныхъ земцевъ, сослать Бунакова, Михайлова и другихъ, но, объявленная впередъ, она очень помогла еще провоцировать общую «неблагонадежность» совѣщаній. Вѣроятно, и Витте не ожидалъ того успѣха, который возымѣла его идея въ земскихъ кругахъ, ни того направленія, въ которомъ двинулись единодушныя заявленія совѣщаній. Это было первой попыткой правительства нащупать пульсъ общества, и если результаты получились неутѣшительные, то теперь, по крайней мѣрѣ, Плеве могъ съ большей точностью намѣтить свою будущую программу. Въ этомъ отношеніи Витте собственными руками натаскалъ ему каштановъ изъ огня. Онъ могъ считать себя впослѣдствіи отомщеннымъ, видя куски тѣла соперника въ гробу, а себя немного спустя графомъ; но промахъ былъ очевиденъ, и Плеве уже не стоило никакого труда, поставивъ вопросъ ребромъ, добиться удаленія Витте съ поста министра финансовъ и временной пріостановки всякой его дѣятельности. Трудно допустить, чтобы неожиданная отставка была пріятна Витте, и едва-ли утѣшилъ его послѣдовавшій вскорѣ рескриптъ за десятилѣтнее управленіе финансами. Но онъ, во всякомъ случаѣ, оставлялъ послѣ себя недурное наслѣдство. Если

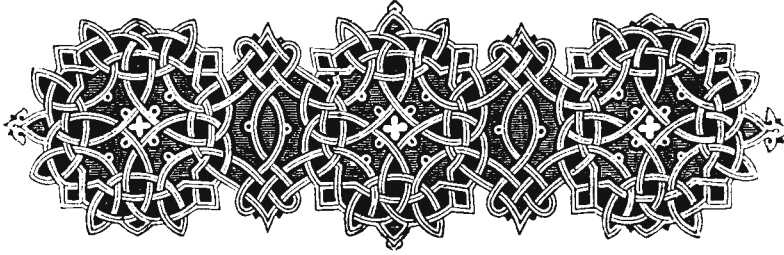
бы не скопленный имъ путемъ займовъ и другихъ финансовыхъ комбинацій золотой запасъ, то и Плеве не могъ бы приступить къ выполнению своего плана поднятія престижа самодержавія.

Устранивъ съ дороги соперника, Плеве спѣшилъ завладѣть психикой царя, удовлетворяя назрѣвавшія у него мистическія наклонности. Николай не обнаруживалъ до сихъ поръ особой набожности, хотя строго соблюдалъ всѣ обрядности культа. Возможно, впрочемъ, что избавленіе отъ смерти при крушеніи поѣзда въ Боркахъ, спасеніе отъ японской сабли и покушеній террористовъ, дали ему поводъ чаще думать о покровительствѣ Божіемъ, и несчастныя обстоятельства, при которыхъ началось его царствованіе, а неизвѣстность будущаго, чреватаго борьбой и опасностями при явномъ расхожденіи его политики съ народнымъ благомъ и стремленіями внушали ему желаніе узнать свою судьбу посредствомъ гаданій и спиритизма. Въ его душѣ, на ряду съ возникшей религіозностью или, точнѣе, преданностью къ внѣшней обрядности, стало укореняться суевѣріе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, давнее желаніе царя и царицы имѣть сына, наследника престола, не давало имъ покоя, и оба они, имѣя уже четырехъ дочерей, обращались за помощью къ молитвѣ и разнымъ шарлатанамъ, въ родѣ извѣстнаго Филиппа, француза съ уголовнымъ прошлымъ, разыгрывавшаго при царскомъ дворѣ роль оккультиста. Но столоверченіе, предсказанія и гаданія не привели ни къ чему, и тогда царская чета стала совершать паломничества по монастырямъ и къ народнымъ святынямъ. Этимъ воспользовался Плеве, и въ архивѣ департамента полиціи была найдена бумага, гдѣ находились слѣдующія предсказанія святого старца Серафима, погребеннаго въ Саровской пустынѣ: «Во началѣ царствованія сего монарха будутъ несчастія и бѣды народныя. Будетъ война неудачная. Настанетъ смута великая внутри государства, отецъ подымется на сына и братъ на брата. Но вторая половина правленія будетъ свѣтлая и жизнь государя долговременная». Это предсказаніе отца Серафима, память котораго была чтима въ Россіи еще со времени его кончины въ 1833 году, привело къ тому, что царская чета прибѣгла къ его молитвенному покровительству, а въ синодѣ возбужденъ былъ вопросъ о его канонизаціи, рѣшенный, разумѣется, утвердительно. На торжество открытія мощей царь и царица лично отправились въ Саровскую пустыню, чтобы помолиться угоднику. На сколько можно думать, здѣсь зародилась и религіозная манія императрицы Александры Ѳеодоровны, молившейся здѣсь о дарованіи ей сына и ставшей доступной, подъ этимъ впечатлѣніемъ, влияніямъ не только лицъ духовнаго сана, но и разнаго рода странниковъ и старцевъ, иногда простыхъ проходимцевъ, начиная съ Митьки Юродиваго и кончая знаменитымъ Григоріемъ Распутинымъ. Религіозный бредъ своей супруги раздѣлялъ и Николай II, какъ нынѣ оказывается, всегда находившійся подъ ея неотразимымъ

вліяніемъ. Велика была радость царя и царицы, когда въ самый разгаръ несчастной японской войны у нихъ дѣйствительно родился сынъ Алексѣй. Вслѣдъ затѣмъ во дворецѣ появился и Распутинъ, введенный туда, какъ благочестивый «старецъ», духовникомъ царицы, архимандритомъ Теофаномъ.

Несомнѣнно, Плеве содѣйствовалъ и возникновенію войны съ Японіей, чтобы отвлечь вниманіе царя и Россіи отъ положенія внутреннихъ дѣлъ, становившагося угрожающимъ. Торжество надъ внѣшнимъ врагомъ, побѣда надъ Японіей, по мнѣнію Плеве, должны были содѣйствовать укрѣпленію самодержавнаго строя или по меньшей мѣрѣ, ослабить недовольство населенія правительствомъ. Но самъ Плеве былъ чуждъ корыстнымъ побужденіямъ совѣтниковъ царя: адмирала Алексѣева, намѣстника Дальняго Востока, и статсъ-секретаря Безобразова, стремившихся якобы къ утверженію Россіи на берегахъ Тихаго океана посредствомъ развитія мѣстныхъ операций на рѣкѣ Ялу въ Корей. Ихъ не остановило враждебное положеніе, занятое при этомъ Японіей, боявшейся ради политическаго своего самосохраненія утвержденія русскаго вліянія въ Корей и Китаѣ. Примирившись съ занятіемъ Россіей южной Манчжуріи и Квантуна съ Портъ-Артуромъ, Японія разсматривала Корею, какъ страну, входящую въ сферу ея вліянія и необходимую для сохраненія ея самостоятельности. Чтобы примирить свои интересы съ интересами Россіи, Японія предлагала ей даже союзъ. Но въ этомъ совѣтники царя, даже Плеве, видѣли только признакъ ея слабости: дѣло дошло до того, что царь, подъ разными предлогами, уклонялся принять японскаго посланника, добивавшагося ауденціи, чтобы привести дѣла къ полюбовному соглашенію. Всѣмъ казалось, что маленькая Японія въ предстоящей борьбѣ будетъ раздавлена русскимъ колоссомъ, и въ этой мысли поддерживалъ царя угодливый военный министръ Куропаткинъ, посѣтившій незадолго до того Японію, но видѣвшій въ ней только то, что японцы хотѣли ему показать. Одноколейный желѣзнодорожный путь черезъ Сибирь и Манчжурію былъ уже въ то время готовъ, и Россія спѣшила направлять на Дальній Востокъ войска и снаряженіе; въ гавани Портъ-Артура стоялъ нашъ флотъ, также готовый къ дѣйствіямъ. Но японцы, отчаявшись въ мирномъ исходѣ переговоровъ, предупредили русскихъ и, пославъ свои миноносцы на Портъ-Артурскій рейдъ, ночью 24-го января 1905 года, внезапной атакой взорвали три нашихъ броненосца, безъ объявленія войны. Этимъ событіемъ началась памятная русско-японская война, послѣдствіемъ которой было умаленіе престижа Россіи, какъ великой державы, и паденіе абсолютизма въ самой имперіи.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ПРЕДВЕРИИ РЕВОЛЮЦІИ.

I.

Какъ нашли трупъ Распутина.

ЕМНАДЦАТАГО декабря 1916 г., около 8 часовъ утра, меня позвали къ телефону. Телефонировалъ петроградскій градоначальникъ Балкъ, съ которымъ я много лѣтъ былъ знакомъ въ Варшавѣ.

— Приѣзжайте, Н. Ф., сейчасъ же, чрезвычайная новость о томъ лицѣ, про которое говорилъ въ Думѣ Пуришкевичъ.

Черезъ полчаса я былъ въ градоначальствѣ.

— Вы будете единственнымъ представителемъ печати, который узнаетъ все, что буду знать я. Въ газетахъ напечатать Адабашъ не позволитъ, но, можетъ быть, лѣтъ черезъ десять можно будетъ помѣстить въ «Историческомъ Вѣстникѣ»... А, впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть, и раньше...

Затѣмъ ген. Балкъ разсказалъ мнѣ странную исторію, доложенную ему полицеймейстеромъ ген. Григорьевымъ, явившимся съ приставомъ и городовымъ въ 7 часовъ утра.

Городовой (изъ «старослужащихъ») стоялъ ночью на посту, неподалеку отъ дворца Юсуповыхъ. Было тихо. Вдругъ часа въ 3 ночи раздалось нѣсколько выстрѣловъ—два или три. Городовой прошелъ по своему району, но вездѣ было безлюдно. Дежурные дворники мирно спали у воротъ...

Спустя нѣсколько минутъ къ вернувшемуся на постъ городовому подбѣжалъ одинъ изъ лакеевъ кн. Юсупова.

— Иди скорѣй, тебя князь требуетъ.

Городовой, предшествующій лакеемъ, прошелъ во дворецъ черезъ боковую дверь, выходящую въ отгороженный отъ улицы рѣшеткой дворикъ.

Затѣмъ городского ввели въ комнату, въ которой сидѣлъ «блѣдный, какъ смерть» кн. Юсуповъ и стоялъ какой-то господинъ въ защитной формѣ съ погонами дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Этотъ господинъ спросилъ городского:

— Ты меня знаешь?

— Никакъ нѣтъ, ваше-ство.

— О Пуришкевичѣ слышалъ?

— Такъ точно.

— Я Пуришкевичъ. Ты царя и отечество любишь?

— Такъ точно.

— Если любишь, поклянись, что никому не скажешь: Григорія Распутина не стало.

Послѣ этого городского отпустили. Онъ сначала вернулся на постъ, но потомъ надумалъ «доложиться» приставу.

Приставъ спросонокъ не разобралъ было, въ чемъ дѣло. Потому рѣшилъ, что городской пьянъ. Заставилъ «дохнуть». Оказалось— трезвый. Подумалъ было, что городской «свихнулся», сталъ подробнѣе разспрашивать. Городовой «не сбивался»...

Приставъ поѣхалъ съ городovýmъ къ полицеймейстеру Григорьеву. Тотъ сначала тоже былъ пораженъ странностью повѣствованія городского и, выславъ его, спросилъ пристава, приложивъ указательный перстъ къ челу:

— А что, городской не того?

Въ концѣ концовъ полицеймейстеръ отправился съ приставомъ и городovýmъ къ ген. Балку.

— Я тоже, рассказывалъ ген. Балкъ, усомнился сначала въ здоровомъ умѣ городского, но несомнѣнно, что онъ говорилъ правду. Только все это очень странно и нелѣпо. Григорьевъ предполагаетъ, что тутъ мистификація, придуманная гостемъ Юсупова послѣ выпивки.

— А что слышно о Распутинѣ?

— Сейчасъ мнѣ сообщать по телефону. Я передалъ и охранѣ, и сыскной полици. Охранка, по обыкновенію, ничего не знаетъ, хотя она завѣдывала охраной Распутина.

Вскорѣ по телефону сообщили, что Распутина нѣтъ дома. Его родные впрочемъ не тревожились: «старецъ» часто пропадалъ по цѣлымъ ночамъ и возвращался часамъ къ 9 утра.

— Еще вчера,—рассказалъ мнѣ ген. Балкъ,—Гришка прислалъ ко мнѣ какого-то просителя со своей запиской. По обыкно-

венію я записку не читалъ, изорвалъ (такъ дѣлалъ и князь Оболенскій), а просителя принялъ въ общей очереди. Просилъ онъ о какой-то льготѣ для своего трактира, и я конечно отказалъ. Гришка на меня вѣроятно очень сердить...

— А часто вы его видите?

— Видѣлъ всего одинъ разъ, да и то издали, когда былъ вечеромъ у Х. Гришка сидѣлъ и молчалъ. И хотя я съ нимъ никогда не разговаривалъ, онъ все-таки писалъ мнѣ каракулями: «милой»... Какъ увидишь такое начало, такъ и рвешь. А Гришкины просители удивительные нахалы. Непремѣнно требуютъ принять ихъ внѣ очереди. «Мы отъ самаго Григорія Ефимовича». Много съ ними хлопотъ Николаю Николаевичу (секретарь при градоначальствѣ).

— А кто эти просители?

— Разные: и дамы, и мужчины, и чиновники. Я счастливъ, что отбоярился отъ охраны Гришки. Когда меня назначили, я просилъ избавить меня отъ продовольственной части и отъ руководства охраной. Охранное отдѣленіе подчинили департаменту полиціи, а продовольствіе города пока оставили за мной. Я сказалъ «имъ», что иначе я не справлюсь со своими прямыми обязанностями. Вѣдь кн. Оболенскій увлекся продовольствіемъ и совсѣмъ распустилъ полицію, а здѣсь они бѣдовали... Однако, надо позвонить къ ген. Григорьеву. Онъ что-то копается...

Ген. Григорьевъ сообщилъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, Распутинъ отпустилъ вечеромъ дежурившихъ у него охранниковъ, и что часовъ въ 11 вечера на квартиру къ «старцу» прибылъ какой-то бритый молодой человѣкъ, который и увезъ его куда-то на автомобилѣ. Распутина все еще нѣтъ, и его родные начинаютъ волноваться...

Начальникъ сыскной полиціи А. А. Кирпичниковъ протелефонировалъ, что при осмотрѣ дворика при дворцѣ Юсуповыхъ обнаружены на снѣгу у бокового входа большія пятна крови. Ген. Балкъ приказалъ ему сообщить объ этомъ судебнымъ властямъ.

Тѣмъ временемъ ген. Григорьевъ опять побывалъ въ квартирѣ Распутина и сообщилъ, что его все еще нѣтъ.

Протелефонировавъ Протопопову и директору департамента полиціи, ген. Балкъ сталъ ждать новыхъ вѣстей отъ Григорьева и Кирпичникова. Около 11 часовъ позвонила по телефону одна изъ великосвѣтскихъ почитательницъ исчезнуваго «старца».

— Я слышала, что беспокоятся о Григоріи Ефимовичѣ. Не тревожьтесь. Я знаю, гдѣ онъ отдыхаетъ...

Но вскорѣ та же дама сообщила:

— Навѣрное что-нибудь случилось. Тамъ, гдѣ я думала, Григорія Ефимовича нѣтъ...

Въ 11 часовъ къ градоначальнику приѣхалъ по собственному

почину кн. Юсуповъ. Вмѣстѣ съ нимъ явился ген. Григорьевъ, котораго князь просилъ проводить его въ градоначальство.

Разговоръ кн. Юсупова съ ген. Балкомъ происходилъ съ глазу на глазъ.

Какъ разсказаль мнѣ ген. Балкъ, кн. Юсуповъ заговорилъ съ нимъ о томъ, что пріѣхаль спеціально для выясненія недоумѣній, вызванныхъ словами Пуришкевича.

По словамъ князя, дѣло было такъ.

Предполагая выѣхать въ дѣйствующую армію, онъ пригласилъ къ себѣ на прощальный ужинъ близкихъ знакомыхъ и друзей. Собралось человекъ 10, въ числѣ коихъ были великій князь Дмитрій Павловичъ и В. М. Пуришкевичъ. Распутина не было. Когда ночью стали развѣзжаться, въ дворикѣ раздался выстрѣлъ. Князь и оставшійся еще съ нимъ Пуришкевичъ не знали, что произошло, и, опасаясь, что съ кѣмъ нибудь изъ гостей случилось несчастіе, кн. Юсуповъ сталъ телефонировать въ ихъ квартиры. Пуришкевичъ въ это время вызвалъ городского, но о чемъ онъ говорилъ съ нимъ, князь не знаетъ, такъ какъ былъ занятъ разговорами по телефону. При этомъ князь выяснилъ, что выстрѣлъ былъ произведенъ великимъ княземъ въ большую собаку. Князь велѣлъ прислугѣ розыскать эту собаку. Она оказалась мертвой, и князь приказалъ выбросить трупъ, что прислуга и исполнила.

По заявленію князя, слѣды крови у входа въ его особнякъ оставлены этой собакой. Она принадлежала ему и почему-то вдругъ бросилась на уѣзжавшихъ гостей.

Послѣ отъѣзда Юсупова ген. Балкъ приказалъ начальнику сыскной полиціи допросить прислугу кн. Юсупова. Всѣ лакеи показали, что никакой собаки никто не убивалъ, и что никто изъ нихъ трупа собаки не убиралъ. Гости прибыли къ кн. Юсупову черезъ боковой подъѣздъ, выходящій на дворикъ, а черезъ главный пожаловали лишь великій князь Дмитрій Павловичъ и еще одинъ офицеръ. Ужинъ былъ накрытъ заблаговременно, и никого изъ прислуги при немъ не присутствовалъ. Сколько человекъ было въ гостяхъ у князя, никто изъ лакеевъ не зналъ. Распутина никто въ этотъ вечеръ у князя не видѣлъ.

— Хорошо бы спросить Пуришкевича,—замѣтилъ, по полученіи этихъ данныхъ, ген. Балкъ,—но Протопоповъ телефонироваль мнѣ, чтобы ограничиться пока лишь опросомъ прислуги Юсупова. До сихъ поръ еще неизвѣстно, убить ли Распутина или только закутиль... Протопоповъ все еще думаетъ, что тутъ возможна мистификація, хотя Пуришкевичъ не такой человекъ, чтобы этимъ заниматься. А участіе великаго князя, убившаго «собаку», наводитъ на мысль о началѣ дворцовой революціи. Видятъ, что она возможна снизу, и начинаютъ ее сверху, чтобы спасти династію... Впрочемъ, можетъ быть, еще Гриша и найдется...

Но о Распутинѣ никакихъ вѣстей не было, а къ вечеру въ сыскную полицію явился одинъ изъ юсуповскихъ лакеевъ, и заявилъ, что онъ «вспомнилъ»: дѣйствительно, кн. Юсуповъ велѣлъ ему выбросить убитую собаку. По указанію лакея, собаку нашли въ каналѣ, но на ней, при наружномъ осмотрѣ, не оказалось никакихъ огнестрѣльныхъ ранъ.

Ветеринарный врачъ произвелъ вскрытіе и установилъ, что пуля, выпущенная изъ браунинга почти въ упоръ, раздробила у собаки ребра, но входное отверстіе быстро затянулось, такъ что кровоизліянія изъ него не было.

Чья же кровь: человѣка или собаки была пролита у входа въ юсуповскій домъ?

Выясненіемъ этого вопроса занялся съ утра, по просьбѣ начальника сыскной полиціи, д-ръ Цвѣтъ, но, само собой понятно, изслѣдованіе состава крови не могло быть произведено быстро.

А тѣмъ временемъ судебныя власти, узнавъ объ обнаруженіи трупа собаки, отказались отъ слѣдствія.

— Объ убитыхъ собакахъ мы дознаній не производимъ, а пока не будетъ установлено, что у входа къ Юсупову слѣды человѣческой крови, мы палець о палець не ударимъ...

Къ вечеру 17-го декабря анализъ крови еще не былъ произведенъ. Гдѣ Распутинъ—убить, загулялъ или уѣхалъ, установлено не было.

Генералу Балку предстояло теперь рѣшать мудреный вопросъ, докладывать ли или нѣтъ объ этомъ «чрезвычайномъ происшествіи» во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, представляемомъ ежедневно рано утромъ царю въ бытность его въ Петроградѣ. Царь долженъ былъ пріѣхать утромъ 18-го. Докладывать ему или нѣтъ о Юсуповской собакѣ и о пропажѣ Распутина?

Градоначальникъ рѣшилъ «испросить указаній» у директора департамента полиціи. Тотъ посоветовалъ ему ничего о Распутинѣ въ рапортѣ не писать.

— Все равно въ Царскомъ знаютъ. Протопоповъ туда посылаетъ телеграммы чуть-ли не каждый часъ...

Что касается газетъ, то ген. Адабашъ запретилъ имъ даже упоминать фамилію Распутина, и лишь вечернія «Биржевыя Вѣдомости» рискнули нарушить запретъ и сообщить, что Распутинъ покончилъ жизнь въ одномъ изъ великосвѣтскихъ особняковъ.

Утро 18-го декабря принесло крупную новость, давшую возможность не только установить фактъ смерти Распутина, но и найти его трупъ.

На Петровскомъ мосту (между Петровскимъ и Крестовскимъ островами) проходившіе утромъ 17-го числа рабочіе замѣтили кровавыя пятна на полотнѣ моста и на перилахъ съ западной его

стороны. Пятна эти находились приблизительно на половинѣ разстоянія отъ Петровскаго острова до Крестовскаго. Ниже моста по теченію была громадная полынья.

Рабочіе сообщили о замѣченныхъ ими пятнахъ постовому городовому. Тотъ по смѣнѣ съ моста доложилъ приставу, а приставъ лишь къ вечеру удосужился поговорить объ этомъ съ мѣстнымъ полицеймейстеромъ. Ни тотъ, ни другой объ исчезновеніи Распутина еще не знали. Къ вечеру, впрочемъ, кто-то сообщилъ объ этомъ полицеймейстеру, а когда онъ получилъ циркулярную телеграмму градоначальника, предлагавшаго обратить особое вниманіе на розыскъ Распутина или его трупа, полицеймейстера «осѣнило»:

— «А вдругъ Распутина привезли на мостъ и въ воду бросили?»

Ночью онъ протелефонировалъ къ градоначальнику, который на разсвѣтѣ мобилизировалъ полицію мѣстнаго участка, сыскную и рѣчную, приказавъ имъ осмотрѣть мостъ и его устои. При осмотрѣ, на деревянныхъ сваяхъ обнаруженъ былъ «ботинокъ». Начальникъ сыскной полиціи сѣзидилъ съ нимъ въ квартиру Распутина, и его племянница признала ботинокъ за «дяденькинъ».

Было рѣшено искать трупъ Распутина въ полыньѣ. Вызвали водолаза.

Когда я пріѣхалъ съ ген. Балкомъ на Петровскій мостъ, работа была въ полномъ ходу. На мосту рабочіе «подавали воздухъ» водолазу, ходившему по дну Невки, а у перила моста стояли чины полиціи и судебного вѣдомства, слѣдя за воздушными пузырями, выпускаемыми водолазомъ. На настилѣ моста кровавые слѣды были запорошены свѣжимъ снѣгомъ, но на деревянномъ откосѣ устоя отчетливо видна была кровавая полоса, надъ которой лежалъ бѣлый пушистый снѣгъ.

Солнце свѣтило ярко, но было холодно...

— Вотъ, вѣроятно, водолазу тамъ жутко приходится, замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Каково-то въ холодной водѣ...

Но водолазъ, выбравшійся изъ воды по лѣсенкѣ и снявшій шлемъ, не походилъ на замерзающаго. Лицо его было красно и покрыто потомъ.

— Ну что?

— Ничего не видать!

— А холодно?

— Никакъ нѣтъ... Взопрѣлъ... Передохну, опять полѣзу.

Вскорѣ водолазъ опять скрылся подъ водой. Полюбовавшись на пузыри, всѣ присутствовавшіе пошли погрѣться въ находящійся неподалеку пріютъ для пеерстарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей. Встрѣченные хозяйками пріюта и г. Молчановымъ, неожиданные гости осмотрѣли домовую церковь со склепомъ, въ которомъ г. Молчановъ устроилъ гранитныя гробницы для своей жены—М. Г. Са-

виной и для себя, а затѣмъ были приглашены любезными хозяевами въ столовую и погрѣлись чайкомъ.

— Что новаго?—спросилъ я А. А. Кирпичникова.

— Да вотъ д-ръ Цвѣтъ сообщилъ, что кровь, которую онъ изслѣдуетъ, не птичья. Къ вечеру опредѣлить, человѣческая она или нѣтъ...

Когда мы кончали пить чай, помощникъ начальника рѣчной полиціи пришелъ съ докладомъ, что водолазъ осмотрѣлъ дно рѣки вблизи моста, но ничего не нашелъ. Было рѣшено продолжать поиски на слѣдующій день и приготовить лодку, съ которой водолазъ будетъ спускаться на дно для осмотра всей полыньи. Къ вечеру д-ръ Цвѣтъ сообщилъ, что при изслѣдованіи крови, найденной на снѣгу около входа въ особнякъ Юсупова, она оказалась человѣческой. Судебныя власти возобновили слѣдствіе, а великому князю Дмитрію Павловичу и кн. Юсупову жандармы предложили не выѣзжать изъ Петрограда. В. М. Пуришкевичъ, какъ говорили, уѣхалъ со своимъ поѣздомъ на фронтъ.

Утромъ 19-го декабря ген. Балкъ собирался ѣхать къ Петровскому мосту, когда ему сообщили, что трупъ Распутина найденъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Чины рѣчной полиціи готовили лодку для плаванія съ водолазомъ. Одинъ изъ нихъ пошелъ по льду вдоль полыньи и замѣтилъ, что на краю льда торчитъ изъ-подъ воды что-то черное, оказавшееся полой шубы, которая была унесена теченіемъ подъ ледъ и тамъ застряла.

Шуба, оказавшаяся принадлежавшей Распутину, была вытащена, но трупа въ ней не оказалось. около воротника шуба была завязана полосой темной матеріи.

Принялись розыскивать подъ льдомъ и неподалеку отъ его края обнаружили трупъ Распутина, примерзшій сѣдалищной частью ко льду. Ледъ прорубили и трупъ вытащили.

Видъ убитаго былъ отвратителенъ. На вискъ была громадная ссадина, причиненная повидному ударомъ о сваю моста. Руки были приподняты кверху, словно Распутинъ собирался пуститься въ присядку. Борода прилипла къ лицу, на которомъ зіялъ раскрытый ротъ съ оскаленными зубами.

— Вотъ увидите,—сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ,— что про Гришку станутъ говорить, будто онъ умеръ съ благословляющими руками...

Трупъ былъ сфотографированъ сыскной полиціей, которая спустя нѣсколько дней представила ген. Балку цѣлый альбомъ «для Распутина»: снимки съ трупа, фотографіи дома Юсупова, кровяныхъ пятенъ у входа въ этотъ домъ и т. д. Къ сожалѣнію, альбомы эти погибли при разгромѣ сыскной полиціи во время

переворота. Быть можетъ, впрочемъ, что одинъ изъ нихъ и уцѣлѣлъ у А. А. Кирпичникова.

Распутинъ былъ раненъ двумя пулями: въ грудь и въ спину. По всей вѣроятности, онъ былъ брошенъ въ воду еще живымъ и, очнувшись отъ холода, началъ барахтаться. Шуба сыграла роль парашюта, и Распутинъ проплылъ подъ ледъ, гдѣ и застрялъ. Шуба была на него лишь накинута и привязана у шеи полосой матеріи, повидимому кускомъ драпировки.

Трупъ былъ положенъ въ большой ящикъ и отвезенъ «подъ секретомъ» въ Чесменскую богадѣльню.

Впрочемъ, этотъ секретъ вскорѣ былъ раскрытъ однимъ изъ репортеровъ (газеты въ то время писали уже объ «одномъ убитомъ лицѣ»). Онъ позвонилъ въ Чесменскую богадѣльню. Къ телефону подошла городовой.

— Что, актъ и вскрытіе кончили?—спросилъ репортеръ.

— Нѣтъ еще? А кто спрашиваетъ?..

Но репортеръ не отвѣтилъ: онъ узналъ, что ему было нужно.

Роль градоначальника въ дѣлѣ раскрытія убійства Распутина была окончена: трупъ былъ найденъ. Протопоповъ черезъ нѣскольکو дней сообщилъ ген. Балку, что царь повелѣлъ объявить ему высочайшую благодарность «за тактичныя и умѣлыя дѣйствія полиціи».

Случайность выручила... «А что было бы, замѣтилъ ген. Балкъ, если бы трупъ унесло въ море? Признали бы, пожалуй, наши дѣйствіе «неумѣлыми»...

II.

Передъ 14 февраля.

Передъ возобновленіемъ 14-го февраля 1917 года занятій Государственной Думы въ Петроградѣ ходили упорные слухи о предстоящихъ уличныхъ выступленіяхъ и манифестаціяхъ. Въ виду этого градоначальникъ ген. Балкъ собралъ 8-го февраля новое совѣщаніе «по вопросу о мѣрахъ къ охраненію порядка и спокойствія въ столицѣ въ дни 10-14 февраля 1917 г»..

Совѣщаніе состоялось, подъ предсѣдательствомъ ген. Балка, при участіи помощника градоначальника камергера Лысогорскаго, представителя отъ управленія гвардейскихъ запасныхъ частей полк. Михайличенко, командира 1-го Донского казачьяго полка полк. Троилина, начальника охраннаго отдѣленія ген. Глобачева, управляющаго канцеляріей градоначальника Голованова, полицеймейстеровъ г. Петрограда Значковскаго, Григорьева, Мораки, Спиридонова, Шалфѣева и Пчелина, начальника полицейскаго резерва подполк. Левинсона и чиновниковъ особыхъ порученій

при градоначальникѣ Стобеуса, графа Ланского и барона фонъ деръ Остенъ-Сакена.

Въ «журналѣ», составленномъ управляющимъ канцеляріей Головановымъ, сообщаніе это описано слѣдующимъ образомъ.

«Градоначальникъ, открывъ засѣданіе и объявивъ присутствующимъ, что, въ виду циркулирующихъ слуховъ относительно подготовленій въ Петроградѣ забастовокъ и выступленій рабочихъ на улицахъ и у зданія Государственной Думы, представляется необходимымъ выработать мѣры къ недопущенію предполагаемыхъ беспорядковъ, предложилъ начальнику охраннаго отдѣленія доложить совѣщанію объ имѣющихся агентурныхъ въ этомъ отношеніи свѣдѣніяхъ.

Изъ сообщенія генераль-маіора Глобачева выяснилось, что еще въ январѣ мѣсяцѣ рабочіе комитеты организовали агитацію съ цѣлью склонить рабочихъ къ революціоннымъ выступленіямъ, имѣющимъ ближайшей задачей прекращеніе войны въ соотвѣтствіи съ резолюціей Циммервальдскаго съѣзда и смѣну существующаго правительства. Среди руководителей рабочихъ явилась мысль устроить 14-го февраля демонстративное шествіе къ Таврическому дворцу. Соціалъ-демократы большевики, будучи противъ этого шествія, не отказались тѣмъ не менѣе отъ выступления, намѣреваясь пріурочить таковое къ годовщинѣ суда надъ депутатами (10-го февраля). Соціалъ-демократы меньшевики предлагали перенести выступленіе рабочихъ на 13-ое февраля. Словомъ, цѣлый рядъ дней съ 10-го по 14-ое февраля можетъ быть использованъ социалистами и рабочими организаціями для устройства уличныхъ беспорядковъ. Среди различныхъ по этому поводу слуховъ циркулируетъ, между прочимъ, слухъ о томъ, что рабочіе будто бы будутъ бросать ручныя гранаты въ полицію. Однако агентурное освѣщеніе съ тѣхъ поръ не выяснило въ этомъ отношеніи чего-либо опредѣленнаго, равно какъ и срока выступления. Извѣстно лишь, что на заводахъ происходятъ митинги, требующіе шествія. Во всякомъ случаѣ можно ожидать забастовки рабочихъ съ обычными ея эксцессами, попытками образованія толпъ, уличныхъ шествій и т. п.

Градоначальникъ, не отрицая, что слухи о предстоящихъ выступленіяхъ рабочихъ, быть можетъ, и преувеличены, признаетъ тѣмъ не менѣе необходимымъ принятіе со стороны полиціи самыхъ энергичныхъ мѣръ къ предупрежденію малѣйшихъ попытокъ къ нарушенію уличнаго порядка и къ рѣшительному прекращенію ихъ въ самомъ зародышѣ при содѣйствіи кавалерійскихъ частей, предоставленныхъ въ распоряженіе градоначальника командующимъ войсками округа. При этомъ градоначальникъ предложилъ обсужденію совѣщанія два нижеслѣдующихъ основныхъ вопроса: 1) о порядкѣ использования полицейскихъ силъ и кавалерійскихъ

частей въ случаѣ возникновенія забастовки рабочихъ и 2) о порядкѣ использованія этихъ силъ въ случаѣ попытокъ рабочихъ собраться 14-го февраля или въ другіе дни у зданія Государственной Думы и произвести беспорядокъ.

Съ своей стороны, ген-майоръ Балкъ обратилъ вниманіе полицеймейстеровъ на то, что въ дни ожидаемыхъ выступленій рабочихъ чины столичной полиціи должны строго придерживаться инструкціи по предупрежденію и прекращенію противозаконныхъ сборищъ и уличныхъ беспорядковъ, утвержденной градоначальникомъ 5-го января 1917 года, и что въ полной мѣрѣ должно быть использовано полиціей содѣйствіе кавалерійскихъ частей, дабы нигдѣ не было допущено сосредоточенія толпъ. Малѣйшія подозрительныя группировки на улицахъ и тротуарахъ должны быть тотчасъ же разсѣиваемы. При появленіи болѣе значительныхъ группъ слѣдуетъ немедленно вызывать кавалерійскія части, имѣя въ виду, что если вслѣдствіе недостаточной бдительности полиціи будетъ допущено демонстративное скопленіе или иной беспорядокъ на улицѣ, то, согласно указаній его высокопревосходительства командующаго войсками округа, будетъ отвѣтственъ въ этомъ старшій чинъ полиціи, не сумѣвшій использовать предоставленныя въ его распоряженіе силы».

Затѣмъ совѣщаніемъ былъ выработанъ «проектъ распредѣленія кавалерійскихъ частей, назначенныхъ для содѣйствія полиціи въ чертѣ города» на 10—13-ое февраля и на 14-го февраля.

На 10—13-ое февраля было предназначено:

1) въ распоряженіе градоначальника и для содѣйствія полицеймейстеру 1-го отдѣленія—2 жандармскихъ эскадрона;

2) въ распоряженіе полицеймейстера 2 отдѣленія 1 сотня казаковъ во дворѣ 4 уч. Нарвской части, 1 сотня на Путиловскомъ заводѣ и 1 взводъ во дворѣ 2-го уч. Коломенской части;

3) въ распоряженіе полицеймейстера 3-го отдѣленія 1 взводъ казаковъ во дворѣ 4-го уч. Литейной части,

4) въ распоряженіе полицеймейстера 4-го отдѣленія полсотни казаковъ на Васильевскомъ островѣ, 16 линіи N 73 и 1 сотня въ манежѣ Павловскаго военнаго училища,

5) въ распоряженіе полиціеймейстера 5-го отдѣленія 1 сотня казаковъ въ Михайловскомъ артилерійскомъ училищѣ, 1 взводъ во 2 уч. Выборгской части и 1 взводъ—въ 1 уч. Выборгской части; кромѣ того 50 городовыхъ отъ резерва полиціи для установки загражденій на Сампсоніевскомъ проспектѣ, и

6) въ распоряженіе полиціеймейстера 6-го отдѣленія—1 сотня казаковъ въ казармахъ казачьяго полка.

Въ качествѣ резервныхъ частей въ распоряженіи градоначальника должны были находиться 3 сотни и 1 взводъ казаковъ и 2 эскадрона 9-го запаснаго кавалерійскаго полка.

На 14-го февраля и на «другіе дни, на случай попытокъ къ шествію къ зданію Государственной Думы и беспорядкамъ» нарядъ предполагается усиленный: въ распоряженіе градоначальника 1 сотня казаковъ, полицеймейстеровъ: 1-го отдѣленія—1 сотня, 2-го отдѣленія—2 сотни и 2 взвода, 3-го отдѣленія 2 жандармскихъ эскадрона «для вызова на случай продвиженія толпы къ зданію Гос. Думы», 4-го отдѣленія 1½ сотни, 5-го отдѣленія 3 сотни и 6-го отдѣленія 1½ сотни.

Въ день 14-го февраля должно было быть усилено «полицейское наблюденіе на мостахъ, а также переѣздахъ и переходахъ черезъ Неву, главнымъ образомъ, съ правой стороны рѣки, дабы не допустить перехода бастующихъ рабочихъ въ центральныя части города». Особенное вниманіе должно было быть обращено на мосты Николаевскій, Дворцовый, Троицкій, Александровскій и Охтенскій и на переходы черезъ Неву отъ Балтійскаго завода на корабельную набережную, отъ Николаевской набережной на Перевозную ул., отъ часовни Спасителя на Гагаринскую ул., отъ Тихвинской ул., Воскресенскую набережную, отъ Тимофеевской ул. на Смольную набережную, отъ Ириновскаго вокзала на Пальменбахскую ул. и отъ Перевозной ул. на Калашниковскій проспектъ. На всѣхъ этихъ пунктахъ по правую сторону рѣки должны были быть поставлены отъ надлежащихъ участковъ усиленные полицейскіе посты, «для содѣйствія которымъ, въ случаѣ скопленія, немедленно вызывать кавалерійскія части».

Полицеймейстеру 3-го отдѣленія въ день 14-го февраля, въ случаѣ полученія свѣдѣній о движеніи рабочихъ по направленію къ зданію Гос. Думы, предложено было «выставить заставы, базируясь на Воскресенской, Кировной, Кавалергардской улицахъ и Смольной набережной» по плану, который долженъ былъ быть представленъ градоначальнику.

«Журналь совѣщанія» былъ представленъ ген. Балкомъ на утвержденіе министру внутреннихъ дѣлъ Протопопову, который на слѣдующій день сообщилъ, что доложилъ его въ Царскомъ Селѣ и получилъ высочайшее одобреніе.

10—14-го февраля выступать въ борьбу съ манифестантами полиціи почти не пришлось, но 23-го февраля, когда начался «голодный бунтъ», ген. Балкъ приказалъ разставить полицейскіе посты и кавалерійскія части согласно проекту журнала совѣщанія отъ 8-го февраля. Это распредѣленіе полицейскихъ силъ существовало до 2 часовъ дня, когда столица перешла въ вѣдѣніе военныхъ властей, использовавшихъ не только казаковъ и жандармовъ, но и пѣхоту по такъ называемому «второму положенію».

Н. Э. Акаемовъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ КОНСТАНТИНУ ДМИТРІЕВИЧУ КАВЕЛИНУ.

ЧЕТВЕРТАГО мая настоящаго года исполнилось столѣтіе со дня рожденія Н. И. Костомарова. Вслѣдствіе этого своевременно вспомнить отношенія его къ К. Д. Кавелину, не только его современнику, но и сверстнику. Кавелинъ родился 4-го ноября 1818 г. и умеръ почти одновременно съ Костомаровымъ. (Костомаровъ умеръ 7-го апрѣля 1885 г., Кавелинъ 3-го мая того же года).

Въ бумагахъ Кавелина сохранились не бывшіе въ печати черновикъ его письма къ Костомарову и три письма Костомарова къ нему. Эти письма и составляютъ основной матеріалъ настоящихъ замѣтокъ, матеріалъ тѣмъ болѣе интересный, что, какъ мнѣ извѣстно, переписка Костомарова далеко не дошла до насъ въ полной сохранности и въ печати недостаточно извѣстна. Эти письма, обнимая собою небольшое количество лѣтъ, съ 1857 по 1862 г., интересны для нашего времени по заключающимся въ нихъ подробностяхъ изъ взаимныхъ отношеній Кавелина и Костомарова.

Кавелинъ и Костомаровъ, будучи сверстниками, являются представителями двухъ противоположныхъ направленій въ современной имъ русской историко-политической и общественной мысли. Кавелинъ, одинъ изъ основателей въ русской исторіографіи школы родового быта, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ XIX в. былъ по преимуществу историкомъ—теоретикомъ и критикомъ, изучавшимъ общественно-юридическіе элементы въ исторической жизни русскаго народа, и по этимъ возрѣніямъ примыкалъ

къ великорусскимъ западникамъ первой половины прошлаго вѣка. Костомаровъ являлся главнымъ образомъ историкомъ-художникомъ и поэтомъ, обосновавшимъ свои историческія воззрѣнія на правахъ, обычаяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ русской крестьянской массы, исповѣдая то общественно-политическое міросозерцаніе, которое принято у насъ называть народничествомъ.

При этомъ необходимо замѣтить, что въ концѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка подѣ «народничествомъ» разумѣлось далеко не то понятіе, которое явилось впоследствии, въ началѣ шестидесятихъ годовъ этого вѣка. Тогда оно стало активнымъ политическимъ пріемомъ, между тѣмъ какъ въ исходѣ пятидесятихъ годовъ «народничество» состояло въ идейномъ сочувствіи со стороны русской интеллигенціи крестьянскимъ массамъ. Кавелинъ придавалъ первенствующее значеніе въ историческомъ развитіи Россіи племени великорусскому и выработанному имъ началу московскаго единодержавія; онъ признавалъ большую роль, какъ въ этомъ развитіи, такъ и въ современной намъ жизни, народныхъ крестьянскихъ массъ, называя Россію, вслѣдъ за Герценомъ, «мужицкимъ царствомъ», и былъ искреннимъ врагомъ крѣпостного права, но никогда не приписывалъ главенства этимъ массамъ въ русскомъ историческомъ развитіи и считалъ исторической ошибкой выдвигать народныя массы на первый планъ въ политической жизни Россіи удѣльно-вѣчевой поры. Костомаровъ, наоборотъ, относился несочувственно къ великоруссамъ и къ московскому единодержавію и отдавалъ преимущество въ русскомъ историческомъ развитіи народнымъ массамъ южнорусскимъ и казачеству. Вслѣдствіе этого Костомаровъ преувеличенно смотрѣлъ на народную поэзію, какъ на главный источникъ для изученія исторической жизни Россіи, и еще болѣе преувеличенно и во многихъ случаяхъ прямо несправедливо относился къ полякамъ и римскому католицизму, въ особенности къ польскому панству и шляхетству, являвшимся истинными насильниками надъ южнорусскимъ племенемъ. Искренняя любовь Кавелина и Костомарова къ крестьянскимъ массамъ, у перваго къ великорусскимъ, у втораго къ южнорусскимъ, составляла ту общую почву, на которой сходились они оба, но Кавелинъ до польскаго повстанія 1863 г. не только не раздѣлялъ ненависти Костомарова къ полякамъ, но даже надѣялся на возможность мирнаго сожителства поляковъ съ русскими.

Знакомство Н. И. Костомарова съ К. Д. Кавелинымъ начинается съ 1855 г., какъ утверждаетъ Костомаровъ,¹⁾ но по моему, вѣрнѣе съ 1856 г., когда Кавелинъ былъ впервые на Волгѣ и посѣтилъ Саратовъ, гдѣ проживалъ въ то время Костомаровъ. Въ 1857 г.

¹⁾ «Юбилейный сборникъ Литературнаго фонда, изд. въ память 50-лѣтія (1859—1909 г.г.)». Спб. 1910 г. См. изъ автобіографіи Костомарова, стр. 128.

Костомаровъ поѣхалъ за границу и проѣздомъ черезъ Петербургъ навѣстилъ Кавелина, имя котораго было тогда однимъ изъ самыхъ популярныхъ именъ въ Петербургѣ. То было время сильнаго возбужденія къ крестьянскому дѣлу и въ обществѣ, и въ правительственныхныхъ сферахъ. Записка Кавелина объ освобожденіи крестьянъ ходила по рукамъ въ большомъ количествѣ списковъ по Петербургу и въ провинціи; его отношенія къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ по дѣлу освобожденія крестьянъ были извѣстны въ Петербургѣ и ставили Кавелина на ряду съ немногими избранниками въ исключительное положеніе по этому важному дѣлу. Лѣтомъ 1857 г. великая княгиня Елена Павловна отправилась въ Германію на воды и вызвала Кавелина въ Вильдбадъ для обсужденія составяемаго имъ «Положенія объ освобожденіи крестьянъ въ ея Полтавскомъ имѣніи Карловѣ»¹⁾. Кавелинъ указалъ великой княгинѣ на Костомарова, какъ на ученаго, близко знакомаго съ народнымъ бытомъ южной Руси, и она обратилась черезъ Кавелина къ Костомарову съ просьбой изложить для нея очеркъ исторіи малороссійскихъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого Кавелинъ отправилъ Костомарову, находившемуся тогда также за границей, въ началѣ августа 1857 г., слѣдующее письмо:

«Милостивый государь Николай Ивановичъ!

По тому какъ мы съ вами условились, я докладывалъ Государынѣ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ о готовности вашей заняться составленіемъ записки. Ея Высочество съ удовольствіемъ изволила это выслушать и поручила мнѣ просить васъ написать для Ея Высочества краткій, но точный и полный обзоръ послѣдовательныхъ измѣненій юридическаго быта сословій въ Малороссіи, т. е. собственно земледѣльцевъ и подверженныхъ личной зависимости, отъ древнѣйшихъ временъ и до нашего.

Такъ какъ я очень скоро, именно уже въ самомъ началѣ сентября н. с., ѣду изъ Вильдбада обратно въ Россію, то прошу васъ адресовать отвѣтъ вашъ фрейлинѣ Ея Высочества, ея превосходительству баронессѣ Эдитѣ Феодоровнѣ Раденъ (Radhen), къ которой вамъ должно будетъ и впредь относиться по этому предмету. О мѣстопробываніи же Ея Высочества въ данное время вамъ всегда легко будетъ узнать изъ газетъ.

Прошу васъ принять искреннѣйшее увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ вамъ почтеніи и совершенной преданности.

К. Кавелинъ».

Мнѣ неизвѣстно, исполнилъ-ли Костомаровъ просьбу великой княгини Елены Павловны, изложенную въ этомъ письмѣ Кавелина. Осенью 1857 г. Костомаровъ вернулся изъ заграницы въ Россію

¹⁾ Подробности см. въ «Матеріалахъ для біографіи Кавелина», «Вѣстн. Евр.» 1886 г., августъ, стр. 539—557.

и прожилъ въ Петербургѣ недѣли двѣ. Въ эти двѣ недѣли онъ сблизился съ Кавелинымъ, который произвелъ на него большое впечатлѣніе еще раньше, при первомъ ихъ свиданіи въ 1855 или въ 1856 г. «Человѣкъ живого нрава, увлекающійся современными вопросами, съ поэтическимъ отблескомъ, человѣкъ много читавшій, а еще болѣе много думавшій»—такъ характеризуетъ Костомаровъ Кавелина. Особенно у Костомарова осталось въ памяти одно посѣщеніе его Кавелинымъ осенью 1857 г. въ гостиницѣ Демута. Однажды вечеромъ въ 11 часовъ Кавелинъ заѣхалъ къ Костомарову, и они проговорили съ глазу на глазъ почти до разсвѣта. Это было время благихъ ожиданій, готовилось уничтоженіе крѣпостного права и вся мыслящая Россія отъ мала до велика только о томъ постоянно и думала. «И у насъ съ Кавелинымъ—говоритъ Костомаровъ—тогда бесѣда вращалась преимущественно около вопроса объ освобожденіи крестьянъ»¹⁾.

Тою же осенью 1857 г. Кавелинъ начинаетъ преподаваніе Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу и чтеніе лекцій по гражданскому праву въ Петербургскомъ университетѣ, а съ 1858 г., когда Костомаровъ снова пріѣзжаетъ въ Петербургъ, еще болѣе сблизается съ нимъ и является частымъ гостемъ Костомарова. Кромѣ Кавелина постоянными посѣтителями Костомарова были его старинные друзья: Шевченко и Бѣлозерскій, близкіе знакомые по Саратову—Чернышевскій, Пыпинъ, Мордовцевъ и поляки Желеховскій (панславистъ поэтъ, извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ А. Сова), Сѣраковский и Спасовичъ. «Вечера эти,—говоритъ Костомаровъ,—были очень оживленные, что отчасти объясняется тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, въ какомъ находилось тогда все петербургское общество; встрѣчались люди и наговориться не могли. Все казалось ново, все занимало. Какихъ только вопросовъ не касались, спорили, горячились»²⁾.

Въ концѣ 1858 г. Устряловъ оставилъ кафедру русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, и Кавелинъ очень старался содѣйствовать Костомарову въ полученіи кафедры Устрялова. Онъ обратился къ Костомарову съ просьбой доставить ему списокъ напечатанныхъ до 1858 г. его сочиненій. Последними въ этомъ списокѣ были монографіи, упочившія имя Костомарова въ русской исторіографіи: «Богданъ Хмѣльницкій» и «Бунтъ Стеньки Разина». Въ началѣ 1859 г. Костомаровъ писалъ Кавелину:

¹⁾ «Сборникъ Литературнаго фонда», стр. 128.

²⁾ «Русская Мысль», 1885 г., стр. 33. (болѣе ранній вариантъ автобіографіи Костомарова, чѣмъ помѣщенный въ «Сборникѣ Лит. фонда» и въ этомъ Сборникѣ, стр. 125—128 и слѣд.

«Милостивый Государь
Константинъ Дмитріевичъ!»

По желанію вашему посылаю вамъ списокъ моихъ сочиненій. Сегодня прїѣзжалъ ко мнѣ какой-то мужъ, рекомый Пахитоновъ, предлагать мнѣ читать публичныя лекціи; я соглашался, но съ тѣмъ, чтобы эти лекціи были—о происхожденіи Варяго-Руссовъ. Они навели на него страхъ, и я разстался съ г. Пахитоновымъ. Видно, что Варяго-Руссы не производятъ сильнаго впечатлѣнія. А между тѣмъ предметъ животрепещущій.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и преданности.

Вашъ весь

Н. Костомаровъ».

Мнѣ думается, что Кавелинъ даже представилъ совѣту Петербургскаго университета Костомарова на кафедре Устрялова; но для подтвержденія такого предположенія у меня не имѣется документальныхъ данныхъ. Ихъ нужно искать въ архивѣ Петроградскаго университета

Для поясненія этого письма необходимы слѣдующія подробности.

Въ 1858 г. образовалось въ Петербургѣ товарищество подъ названіемъ «Общественная Польза» для распространенія въ публикѣ научныхъ свѣдѣній, преимущественно по реальнымъ и прикладнымъ знаніямъ, и изданія ученыхъ и научно-популярныхъ сочиненій. Учредителями этого товарищества были петербургскій купецъ Григорій Даниловичъ Пахитоновъ и инженеръ путей сообщенія Николай Ивановичъ Водовъ. Товарищество завело свою типографію, и главнымъ распорядителемъ ея и редакторомъ изданій товарищества былъ Николай Григорьевичъ Писаревскій. Въ Пассажѣ товарищество организовало рядъ публичныхъ чтеній: профессоръ Пузыревскій читалъ геологію; акад. Ленцъ—физику; Хоневъ—химію; Вышнеградскій—механику; Ценковскій—ботанику, Пеликанъ—патологію, Лебедевъ—военную администрацію, Погодинъ прочелъ лекцію о судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Къ чтенію по русской исторіи былъ приглашенъ и Костомаровъ.

Вмѣсто публичной лекціи о Варяго-Руссахъ Костомаровъ уже позднѣе, 19-го марта 1860 г., устроилъ въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета публичный диспутъ съ Погодинымъ. Костомаровъ желалъ имѣть посредниками на диспутѣ Кавелина, Калачова и Буслаева, но эти посредничества почему-то не состоялись. На учебномъ турнирѣ, представившемъ небывалое на Руси зрѣлище, при многочисленной публикѣ доказывалъ Костомаровъ жмуд-

ское происхожденіе первыхъ русскихъ князей—Рюрика, Синеуса и Трувора, вопреки, такъ сказать, канонизованной въ то время теоріи о ихъ скандинавскомъ происхожденіи, упорнымъ послѣдователемъ которой былъ Погодинъ. Диспутъ этотъ надѣлалъ очень много шума въ Петербургѣ и въ печати, создалъ цѣлую литературу и возбудилъ въ журналистикѣ ученую полемику, по своему задору напомнившую бывшія пререканія по тому же вопросу, слишкомъ сто лѣтъ назадъ, между Миллеромъ, Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ¹⁾.

По поводу приведеннаго выше письма, Костомаровъ пишетъ въ своей автобіографіи²⁾ «Въ октябрѣ 1859 г., когда послѣдовало Высочайшее утвержденіе меня въ должности (профессора русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ), Кавелинъ первый прибѣжалъ ко мнѣ въ гостиницу Балабина, гдѣ я жилъ, съ такимъ радостнымъ чувствомъ, какъ будто бы дѣло шло о немъ самомъ». Далѣе Костомаровъ прибавляетъ: «Студенты его чрезвычайно любили. Онъ читалъ государственное право³⁾. На его лекціяхъ всегда было много постороннихъ слушателей, потому что онъ отличался прекраснымъ даромъ слова, ясностью изложенія, быстротою выраженія и большимъ остроуміемъ; въ немъ казалось нѣчто французское. И въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ говорили, его мать была французженка по происхожденію⁴⁾»).

Вступивъ съ большимъ успѣхомъ на кафедру русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ въ 1859 г., Костомаровъ еще чаще видался съ Кавелинымъ, и у нихъ возникаютъ принципиальные споры по разнымъ историческимъ и политическимъ вопросамъ вообще и изъ русской исторіи и политики въ частности. Слѣды этихъ споровъ находятся, между прочимъ, въ слѣдующихъ письмахъ Костомарова къ Кавелину.

Января 22-го 1860 г. Костомаровъ писалъ ему: «Я бы васъ покорнѣйше просилъ, Константинъ Дмитріевичъ, въ статьѣ Кулиша оставить выраженіе (хотя бы какъ угодно смягченное: лишь бы мысль оставалась)⁵⁾, что шляхетская нація погибла именно отъ того, что ложилась несправедливымъ бременемъ на южно-русскій народъ. Вы соображаетесь съ политическими видами, но историческая наука выше всякой современной политики. Горе

1) «Современникъ» 1860 г., мартъ, стр. 257—292. Указанія на всю литературу и на полемику по поводу диспута Н. И. Костомарова см. въ книгѣ В. И. Межова «Литература русской исторіи за 1859—1864 г.г.», т. I, стр. 57—60, №№ 795—845.

2) «Сборн. Лит. фонда», стр. 129.

3) Костомаровъ ошибается. Кавелинъ читалъ, какъ замѣчено выше, гражданское право.

4) Мать Кавелина была родомъ шотландка.

5) П. А. Кулишъ печаталъ въ то время свои статьи въ «Современникѣ». О какой именно статьѣ идетъ здѣсь рѣчь—мнѣ неизвѣстно.

тому историку, который разсуждаетъ о минувшемъ, имѣя въ виду настоящее, хотя бы съ самой гуманной цѣлью. При томъ же, можно ли намъ приносить дань европейскимъ воззрѣнiямъ въ нашихъ дѣлахъ, когда мы ихъ лучше знаемъ, чѣмъ знаютъ ихъ въ Европѣ? Поляки могутъ обманывать европейскую публику своими возгласами о свободѣ и національности, а насъ, южноруссовъ, имъ обмануть трудно. Мы очень хорошо знаемъ, что вся національность польская питалась кровью и соками нашего народа, очень хорошо видимъ и чувствуемъ, что и теперь поляки, въ своихъ стремленiяхъ къ восстановленiю независимости, имѣютъ въ виду одно господство надъ нами и не только не отрекаются отъ него искренно, но стараются засыпать всему свѣту глаза представлениемъ своего дѣла не въ истинномъ его видѣ. Кто же будетъ открывать чужимъ глаза, если не мы, когда намъ это дѣло хорошо извѣстно. Развѣ у поляковъ на первомъ планѣ освобожденiе себя? Нѣтъ, имъ хочется поссорить насъ, добрыхъ хохловъ, съ вами, москалями, для того, чтобы осѣдлать нашъ народъ по-прежнему и опять заколотить въ немъ человѣческiя чувства панскимъ канчукомъ да католической дисциплиной. Можетъ быть для васъ, москалей, все равно, если бы Польша освободилась и составила особое государство по Днѣпръ. Вы, можетъ быть, жертвуете своимъ отечествомъ, готовы будете рукоплескать этому изъ подражанiя Европѣ, да намъ это невкусно: мы вовсе не хотимъ изъ угожденiя европейскимъ идеямъ отдаваться въ порабощенiе, особенно такимъ господамъ, отъ которыхъ когда-то освобождались съ такими потерями собственныхъ силъ. За что же вы, москальи, будете потакать ляхамъ, а изъ подражанiя Западу вѣрить ихъ лжи, и рисковать отдачей насъ въ прежнее ярмо, одобрять восстановленiе одной національности и топтать другую? Если подъ вами намъ не было вполнѣ хорошо, то все таки мы надѣемся, что впередъ будетъ лучше, а подъ ляхомъ никогда, потому что ляхъ и теперь хочетъ насъ привлечь въ свои когти. Нѣтъ, если ляхи хотятъ, чтобъ мы имъ сочувствовали, то пусть откажутся навсегда отъ всякихъ попытокъ на государство въ сигизмундовскихъ границахъ и не прославляютъ ни своей уни, ни кротости своихъ поступковъ съ нами, а такъ, какъ теперь у нихъ идетъ, мы всегда будемъ и должны держать себя положительно въ непрiязненномъ къ нимъ отношенiи и стараться всѣми силами разогнать туманъ, который они напускаютъ на свѣтъ Божiй.

Вамъ преданный душевно Н. Костомаровъ».

Въ этомъ письмѣ Костомаровъ даетъ неправильную окраску воззрѣнiямъ Кавелина на польское дѣло въ 1860 г., вслѣдствiе своего предвзятаго нерасположенiя къ полякамъ. Кавелинъ никогда не раздѣлялъ мысли о «принесенiи дани европейскимъ воз-

зрѣніямъ въ русскихъ дѣлахъ», въ чемъ его упрекаетъ Костомаровъ, тѣмъ менѣе еще могъ онъ быть такимъ историкомъ, «который,—по словамъ Костомарова—разсуждаетъ о минувшемъ, имѣя въ виду настоящее, хотя бы съ самою гуманною цѣлью».

Осенью 1860 г. къ журналу «Русское Слово», издававшемуся въ Петербургѣ съ 1859 г. графомъ Г. А. Күшелевымъ-Безбородко, были приложены «Памятники старинной русской литературы», вышедшіе подъ редакціей Костомарова. Посылая эту книгу Кавелину, Костомаровъ писалъ ему:

«Вчера вы мнѣ сказали: «вотъ и сходишь на государственную точку». Не спѣшите дѣлать заключенія, не дослушавши конца. Притомъ же, если народъ дѣйствительно наклонялся къ самодержавію, то это не исключаетъ разницы между народной и государственной точкой зрѣнія. Государственникъ описываетъ политическія событія, не обращая вниманія на то, какъ ихъ понималъ народъ, какое принималъ участіе въ нихъ, а народникъ, тоже самое описывая, доискивается послѣдняго. Вотъ, по моему мнѣнію, разница. Теперь уже начинается мода нападать на Соловьева и государственниковъ, но ни Соловьевъ, ни кто другой, а тѣмъ менѣе вы, и не говорили никогда, чтобы обратная точка зрѣнія была не нужна. Соловьеву можно ставить въ вину развѣ дубовое изложеніе, а никакъ не односторонность, въ которой его обвиняютъ. Не все разомъ. Писатель добросовѣстный, онъ достоинъ гораздо большаго уваженія, чѣмъ стали ему оказывать въ послѣднее время. Какъ будто нельзя вести науку далѣе, не бросая грязью въ прежнихъ ея дѣятелей. Вы такъ думаете, я иначе; безъ сомнѣнія, есть правдивыя стороны и у васъ, и у меня, а полной правды вѣрно нѣтъ, потому что иначе мы бы розно и не думали.

Вамъ преданный душевно и глубоко уважающій васъ

Н. Костомаровъ».

«Вотъ и о родовомъ бытѣ: тѣмъ, что вы говорили въ послѣдній разъ у меня, для меня уже многое разъясняется въ томъ, что составляетъ правдивую сторону этой теоріи».

Кавелинъ съ своей стороны обвинялъ Костомарова въ историческихъ пристрастіяхъ и въ неустойчивости историческихъ воззрѣній. Онъ нападалъ на Костомарова за преувеличеніе имъ роли народныхъ массъ въ исторіи, за предвзятое отношеніе къ историческимъ источникамъ вообще и къ произведеніямъ народной поэзіи въ частности, за излишнее восхваленіе начала вѣчевого, за непониманіе историческаго призванія великорусскаго племени, значенія московскаго единодержавія и преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

«Никогда не забуду,—разсказывалъ мнѣ Кавелинъ,—какъ мы шли съ Костомаровымъ съ его публичной лекціи о Выговскомъ».

Это было въ началѣ 1861 года. У насъ возникъ споръ о Выговскомъ, при чемъ я не соглашался съ выводами Костомарова. И что же? Онъ не только не возражалъ мнѣ по существу, но прямо призналъ многія изъ моихъ замѣчаній совершенно вѣрными. И это послѣ долгихъ лѣтъ изученія малорусской исторіи, которой я никогда не занимался, и по поводу моихъ мыслей, пришедшихъ мнѣ въ голову на его же лекціи и на основаніи имъ же сообщенныхъ фактъ! Я рѣшительно понять не могу такого отношенія къ дѣлу, такого отсутствія твердыхъ историческихъ убѣжденій...»¹⁾

Въ концѣ 1861 г. въ Петербургскомъ университетѣ произошли такъ называемые студенческіе беспорядки изъ-за «матрикулъ» для студентовъ, введенныхъ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. Путятинымъ. Вслѣдствіе этихъ беспорядковъ вынуждены были покинуть университетскія каѳедры Кавелинъ, Стасюлевичъ, Спасовичъ, Пыпинъ и Б. Утинъ. Они надѣялись, что и Костомаровъ послѣдуетъ ихъ примѣру, и старались даже побуждать его къ тому, но онъ, не раздѣляя ихъ образа мыслей, былъ увѣренъ, что волненіе среди студентовъ уляжется и университетъ войдетъ въ свою обычную колею. Но дальнѣйшія обстоятельства сложились такъ, что вскорѣ, въ 1862 году и Костомаровъ долженъ былъ выйти въ отставку изъ профессоровъ Петербургскаго университета²⁾. Съ тѣхъ поръ ни онъ, ни упомянутые выше пять профессоровъ, никогда уже болѣе не занимали университетской каѳедры. Въ началѣ 1862 г. Кавелинъ былъ командированъ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинымъ за границу для изученія состоянія университетовъ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Бельгіи. У него съ Костомаровымъ прекратились всякія сношенія. Они не видались больше другъ съ другомъ, и только послѣ Польскаго повстанья 1863 г., когда воззрѣнія Кавелина на польскій вопросъ совершенно измѣнились, его симпатіи обратились къ писаніямъ Костомарова, въ которыхъ тотъ бичевалъ польское шляхетство и католическія воззрѣнія поляковъ. Кавелинъ съ восхищеніемъ читалъ печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» монографіи Костомарова «Смутное время Московскаго государства» и «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой».

«Никто не нанесъ полякамъ такого сильнаго пораженія въ области литературы, какъ Костомаровъ своей книгой о раздѣлахъ Польши,—говорилъ мнѣ Кавелинъ,—никто такъ мѣтко не характеризовалъ поляковъ, какъ онъ въ предисловіи къ этой книгѣ, и никто такъ рельефно и доказательно не представилъ всей политической и исторической близорукости и безтактности поляковъ³⁾!»

¹⁾ «Матеріалы для біогра. Кавелина». «В. Евр.» 1887 г., февраль, стр. 636.

²⁾ См. въ «Сборн. Литер. фонда» автобіографическія воспоминанія Костомарова.

³⁾ См. Матеріалы для біогра. Кавелина. «В. Евр.», 1897, февр., стр. 635.

Не видаясь съ Кавелинымъ, Костомаровъ продолжалъ отдавать должное его историческимъ и общественнымъ воззрѣнiямъ, и въ 1867 г., когда уже заходила рѣчь объ открытiи въ Варшавѣ русскаго университета, онъ говорилъ мнѣ: «Кавелинъ—вотъ кто болѣе всѣхъ другихъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ, можетъ достойно занять кафедру русской исторiи въ Варшавѣ... Имя его популярно и у поляковъ, и никто лучше его не разъяснитъ ляхамъ ихъ должнаго отношенiя къ Россiи, никто лучше его не заставитъ ихъ понять русской исторiи, потому что Кавелинъ умѣетъ стоять въ своихъ воззрѣнiяхъ на объективной почвѣ, не раздражая противника!»¹⁾.

Д. Корсаковъ.

РАЗЪЯСНЕНИЕ „МАЛЕНЬКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТАЙНЫ“.

(Материалы къ вопросу о проблемахъ пола).

В ОДИННАДЦАТОЙ книгѣ журнала «Историческій Вѣстникъ» за 1915 годъ, была помѣщена статья И. Виташевского подъ заглавіемъ: «Маленькая историческая тайна».

Вопреки предположенію автора, единственная въ настоящее время хранительница этой тайны, названная имъ вымышленной фамиліей С. П. Чарнецкая, а въ дѣйствительности Серафима Петровна Терлецкая, оказалась и понынѣ благополучно здравствующей и проживающей въ г. Одессѣ. Неудивительно, что «маленькая историческая тайна» г. Виташевского сдѣлалась извѣстной и С. П., которая, прочитавъ статью, была оскорблена тяжкимъ обвиненіемъ, возводимымъ на нее и ея покойнаго мужа, а кромѣ того удивлена тѣмъ таинственнымъ оттѣнкомъ, который авторъ придавъ содержанію статьи. Дѣйствительно, нельзя не выразить недоумѣнія по адресу автора названной статьи, который, раскрывая, какъ увидимъ ниже, чужую тайну, вѣрнѣе, касаясь просто чужой семейной жизни, не постарался прежде всего поискать въ живыхъ С. П. и отъ нея получить необходимыя свѣдѣнія, а сдѣлавъ предположеніе о ея смерти, нашелъ возможнымъ оказывать довѣріе лицамъ, которыя «что-то» и «когда-то» слышали; изъ этого матеріала онъ построилъ «легенду», надѣливъ ее, хотя и маленькимъ, но «историческимъ» значеніемъ.

Но интереснѣе всего то, что, не будучи, повидимому, освѣдомленъ о концѣ разсказанной имъ исторіи, о концѣ который проли-

ваетъ свѣтъ на созданную легенду, онъ, узнавъ этотъ конецъ, долженъ будетъ самъ написать опроверженіе на свою статью и признаться, что способъ созданія историческихъ тайнъ избранъ имъ въ данномъ случаѣ не удачный.

С. П. Терлецкая теперь сама должна способствовать раскрытію «тайны», которую она переживала въ своемъ материнскомъ сердцѣ и не только, какъ она намъ заявила, во «имя справедливости и желанія оберечь свое имя и имя родственниковъ отъ подозрѣній, выраженныхъ въ статьѣ г. Виташевского, но и въ память своей горячо любимой, нынѣ уже покойной дочери».

Читателю можетъ показаться страннымъ, что въ разъясненіи этой тайны принимаетъ участіе постороннее лицо, я, профессоръ Новороссійскаго университета В. И. Образцовъ. Это слѣдуетъ объяснить. Жизнь покойной дочери С. П.—Анны Мамертовны Терлецкой, по свѣдѣніямъ и документамъ, полученнымъ мною отъ С. П., представляется чрезвычайно интереснымъ явленіемъ, а именно, съ точки зрѣнія проблемы пола, чѣмъ я очень интересуюсь въ настоящее время. За разъясненіемъ этой исключительной натуры, С. П., еще задолго до появленія статьи г. Виташевского обращалась къ покойному профессору В. В. Подвысоцкому и къ профессору Л. И. Ускову; съ этой же цѣлью она обратилась и ко мнѣ. Но такъ какъ статья г. Виташевского совершенно иначе рисуетъ дѣло, чѣмъ это передала мнѣ родная мать интересующаго меня субъекта, то для меня является существенно важнымъ выяснить вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло дѣйствительно съ какой-то темной исторіей, или г. Виташевскій просто введенъ въ заблужденіе рассказами своихъ родственниковъ. На послѣднемъ настаиваетъ С. П. и проситъ меня опубликовать имѣющійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ, видя въ этомъ средство самозащиты отъ возводимыхъ на нея обвиненій, тѣмъ болѣе, что и редакція «Историческаго Вѣстника» признала за лучшее, вмѣсто привлеченія С. П. г. Виташевского къ законной отвѣтственности, помѣстить на страницахъ того же журнала отвѣтъ на статью автора «маленькой исторической тайны».

Съ своей стороны полагаю, что читатели «Историческаго Вѣстника» также не посѣтуютъ на меня за освѣщеніе тайны съ другой стороны, чѣмъ это сдѣлано г. Виташевскимъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло касается явленій, интересныхъ не только въ научномъ отношеніи, но и въ житейскомъ смыслѣ.

Пользуясь случаемъ, приношу мое извиненіе С. П. Терлецкой въ томъ, что, несмотря на данное ей мною обѣщаніе спѣшно сообщить матеріалъ редакціи и тѣмъ доставить ей моральное успокоеніе, я посылаю его съ значительнымъ опозданіемъ. Виною тому—недостатокъ свободнаго времени.

Проф. В. И. Образцовъ,

Героиней маленькой исторической тайны является родная дочь С. П. Терлецкой, Анна Мамертовна Терлецкая, скончавшаяся, въ 1906 г., въ Америкѣ, въ г. Фениксѣ, штата Оризонъ. Эта личность, по рассказамъ ея матери и представленнымъ намъ документамъ, и является предметомъ нашего изслѣдованія.

А. М. Терлецкая окружена въ статьѣ г. Виташевского такой таинственностью, что даже подало поводъ отнести «Нину»—дѣтское имя А. М.—къ числу исторически неразгаданныхъ натуръ, въ родѣ Сибирскаго старца Федора Кузьмича и т. п.

И. Виташевскій передаетъ легенду, основываясь на воспоминаніяхъ своей сестры, М. А. Миролюбовой и тетки Е. Г. Канели, которая, какъ онъ выражается, «выжала изъ своей памяти», будто въ семьѣ его родственниковъ Чарнецкихъ, подъ видомъ дѣвочки Нины, воспитывался мальчикъ, неизвѣстнаго происхожденія, родъ котораго никому, кромѣ Терлецкихъ, не былъ извѣстенъ. Семью Терлецкихъ авторъ рисуеъ отрицательно и относится подозрительно къ ихъ матеріальному положенію, полагая, что таинственный мальчикъ являлся главнымъ источникомъ средствъ для ихъ существованія. Особо авторитетнымъ и осведомленнымъ лицомъ въ статьѣ г. Виташевского является его тетка г-жа Канели,—содержательница меблированныхъ комнатъ, сначала въ Петроградѣ, а потомъ въ Одессѣ. Особенности достоинства его тетки, какъ свидѣтельница, заключаются, по мнѣнію г. Виташевского, въ томъ, что «отъ ея наблюдательности, искушенной, по своей профессіи содержательницы меблированныхъ комнатъ, въ оцѣнкѣ обывательскихъ дѣлъ и положеній, не могло ускользнуть то, что для другихъ было незамѣтно...». На эти профессиональныя способности своей тетушки и опирается главнымъ образомъ авторъ, дѣлая предположенія, что въ семьѣ Терлецкихъ есть «что-то». Самое же главное доказательство заключалось въ томъ, что «Канели знала о рожденіи у Чарнецкихъ ребенка, но дѣйствительно ли родила Чарнецкая или же обстановка была симулирована, этого съ увѣренностью она сказать не могла...» Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, лишь личное присутствіе Канели при актѣ родовъ могла бы разрушить всякую тайну, но такъ какъ этого не было, то и произошло «нѣкое таинственное событіе», а именно: «тутъ въ Петроградѣ, пишетъ авторъ, «у Чарнецкихъ «родился» ребенокъ, котораго они воспитывали, какъ дѣвочку, подъ именемъ Нины и соотвѣтственно одѣвали, но который на самомъ дѣлѣ былъ мальчикъ и, по всей вѣроятности, даже не былъ ихъ сыномъ...»

Въ настоящее время предъ нами новая свидѣтельница, сама мать этого злополучнаго ребенка, т. е. С. П. Терлецкая, которая утверждаетъ, что она родила Нину, самую настоящую дѣвочку. Нужно думать, что г. Виташевскій не откажетъ въ довѣрїи Серафимѣ Петровнѣ, если она представитъ ему доказательства, тѣмъ

болѣе, что статью онъ писалъ, имѣя въ виду рассказы своей тетки г-жи Канелли, которая жила въ Петроградѣ въ то время, когда въ Одессѣ у С. П. родилась Нина.

Легенду о таинственномъ мальчикѣ авторъ не доводитъ до конца, а сообщаетъ лишь, что Нина въ концѣ концовъ пропала изъ дома своихъ родителей.

Мы полагаемъ, что авторъ не зналъ конца этой исторіи и что онъ будетъ очень удивленъ, если мы сообщимъ ему о смерти въ 1906 году въ г. Фениксѣ, штата Оризона, въ Америкѣ, письмоводителя русскаго консульства въ Чикаго, Николая Константиновича Ройлана, который оказался дочерью С. П.—Анной Мамертовой Терлецкой. Этотъ фактъ устанавливается официальными документами и столь же официальной перепиской съ розысканной въ Россіи матерью покойной Анны Мамертовны.

Кто же въ концѣ концовъ была эта таинственная «Нина»? Правъ ли г. Виташевскій, допустившій, что семья названныхъ имъ Чернецкихъ, скрывала, подъ видомъ дѣвочки, мальчика, или права С. П. Терлецкая, утверждающая, что дочь ея Нина скрылась въ Америку и Америка въ продолженіи 12 лѣтъ считала ее за Николая Ройлана и лишь по смерти узнала, что названная Ройланомъ была женщина, даже больше, дѣвушка?

Такимъ образомъ интереснымъ является не только рассказанное г. Виташевскимъ и съ точки зрѣнія С. П. Терлецкой совершенно противорѣчащее дѣйствительности событіе, но и вся жизнь Нины, въ ея цѣломъ, всѣ эти странные слухи и предположенія, создавшіе легенду и завершившіеся столь неожиданно для окружающихъ, знавшихъ семью Терлецкихъ.

Нужно думать, что г. Виташевскій дѣйствительно не зналъ конца рассказанной имъ исторіи; въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы обойти его молчаніемъ и долженъ былъ бы такъ или иначе разъяснить эту загадку или отказаться отъ своихъ легендарныхъ предположеній.

Нашей задачей явилось изслѣдованіе жизни Нины, со словъ ея матери, такъ какъ натура покойной дѣвушки представляетъ интересъ не только въ общежитейскомъ смыслѣ, но и съ точки зрѣнія научной, какъ матеріалъ къ вопросу о проблемахъ пола. Но, прежде чѣмъ воспользоваться всѣмъ полученнымъ матеріаломъ, мы естественно должны были сами разъяснить эту тайну и просить С. П. Терлецкую рассказать намъ все, что имѣетъ отношеніе къ интересующему насъ вопросу.

С. П. Терлецкая въ настоящее время имѣетъ 74 г. отъ роду, но, несмотря на преклонный возрастъ, обладаетъ въ общемъ удовлетворительнымъ физическимъ здоровьемъ, недюжинной интеллигентностью, обнаружившей воспитанность стараго дворянскаго рода въ своихъ рѣчахъ, въ скромномъ туалетѣ и во всемъ укладѣ

своей теперешней одинокой жизни. Въ небольшой квартирѣ, оставленной безъ всякой роскоши и богатства, она, вдвоемъ со своей компаньонкой проводила жизнь больше въ воспоминаніяхъ своего прошлаго, поддерживая очень ограниченный кругъ знакомства. Въ ея памяти до мельчайшихъ подробностей сохранились воспоминанія о ея покойной дочери, которыми она подѣлилась съ нами не только охотно, но съ явнымъ желаніемъ объяснить самой себѣ особенность натуры своей дочери.

Вотъ, что она намъ сообщила о самой себѣ, о своей семейной жизни и жизни Нины.

С. П. Терлецкая происходитъ изъ фамиліи Сизовыхъ, которыхъ и до сихъ поръ еще помнятъ въ Николаевѣ и Севастополѣ. Отецъ С. П.—Петръ Тимофѣевичъ Сизовъ, капитанъ I-го ранга, былъ извѣстенъ, какъ сообщаетъ она, своими трудами въ области астрономіи. Выйдя въ отставку, онъ продолжалъ общественную дѣятельность въ Одесскомъ Земскомъ банкѣ, скончался въ 1871 г., похороненъ въ г. Николаевѣ. Родословное древо С. П. довольно сложное и многовѣтвистое, такъ какъ въ роду встрѣчались вторичные браки, а потому поколѣнія образовывались отъ двухъ различныхъ родовъ.

Авторъ «Маленькой исторической тайны», И. Виташевскій, приходится С. П. очень дальнимъ родственникомъ. Упоминаемая въ статьѣ Авдотья Гавриловна Новицкая и бабушка С. П. были сестрами. Мать же Виташевского, Полина Григорьевна, была дочерью Новицкаго, но не отъ Авдотьи Гавриловны, а отъ перваго брака. Такимъ образомъ родство у С. П. съ Виташевскимъ создавалось не по крови, а по свойству. Личныхъ встрѣчъ съ Н. Виташевскимъ у С. П. въ жизни было очень мало. Она припоминаетъ, что встрѣчала его юношей въ домѣ Новицкаго уже тогда, когда была замужемъ за М. М. Терлецкимъ. Извѣстно ей далѣе, что лѣтъ 18—19 отъ роду И. Виташевскій былъ принужденъ покинуть Одессу и много лѣтъ пробыть гдѣ-то въ Сибири. Въ 1898 году онъ встрѣтился съ С. П. уже въ то время, когда она овдовѣла, а Нины еще не было въ Россіи.

Все это С. П. приводитъ въ доказательство того, что личная жизнь ея была очень далека отъ жизни Н. Виташевского и что «тайна» не могла протекать, какъ онъ пишетъ, въ нѣдрахъ «его» семьи. Все, что онъ сообщаетъ, онъ могъ слышать лишь потому, въ свободномъ пересказѣ другихъ лицъ, а главнымъ образомъ Миролюбовой и Канели, о которыхъ мы упомянули выше.

Отецъ С. П. былъ женатъ два раза и имѣлъ многочисленное потомство, но въ настоящее время изъ ближайшихъ родственниковъ у С. П. почти никого нѣтъ въ живыхъ. С. П. происходитъ отъ перваго брака Сизова, и въ живыхъ сейчасъ имѣетъ сводную сестру, замужемъ за К—л—о, племянника П—га и двухъ племянницъ, заму-

жемъ за Б—леемъ и Б—нымъ, лицами, занимающими видныя административныя положенія.

Личная жизнь С. П. сложилась слѣдующимъ образомъ. Своего будущаго мужа, Ромуальда-Мамерта Мамертовича Терлецкаго, С. П. встрѣтила на Кавказѣ, гостя въ семьѣ своей сестры, Шафрановой. Онъ занималъ мѣсто судебного чиновника при военномъ штабѣ. Любовь 18-лѣтней С. П. не встрѣтила сочувствія со стороны ея отца, который рѣшительно воспротивился вступленію въ бракъ его дочери. Причиной этому служило польское происхожденіе жениха, къ чему старикъ Сизовъ относился не только отрицательно, но прямо враждебно. Тѣмъ не менѣе дочь, сильно любившая красавца-поляка, несклонна была подчиниться волѣ родителя и пообѣщала побѣгъ, если ея желаніе не будетъ исполнено. Полгода шла борьба между отцомъ и дочерью, и въ концѣ-концовъ побѣда осталась за дочерью, но отецъ, давая согласіе, рѣшительно отказался чѣмъ либо обезпечить молодую чету. Вотъ вѣроятная причина, почему Терлецкіе считались бѣдными родственниками въ домѣ Новицкихъ, и, дѣйствительно, вначалѣ имъ пришлось нуждаться, но гордость Мамерта Мамертовича не позволяла ему открыто сознаваться въ этомъ. Мало по малу отношенія Сизова къ зятю сгладились, но матеріальной помощи онъ отъ него никогда не получалъ. Родныхъ своего мужа С. П. знала очень мало. Близкихъ отношеній наладить не удалось, такъ какъ при единственной встрѣчѣ они произвели на С. П. невыгодное впечатлѣніе. Видя это, мужъ не настаивалъ на дальнѣйшихъ встрѣчахъ и даже мало говорилъ, о своихъ родственникахъ. Да, повидимому, ихъ у него было немного. Единственное лицо, о которомъ онъ когда-либо говорилъ былъ племянникъ Лявдонскій, живущій сейчасъ гдѣ-то въ Могилевѣ, которому С. П. переслала кое-что изъ оставшагося послѣ смерти Мамерта Мамертовича, какъ воспоминаніе о дядѣ.

Въ семьѣ Терлецкихъ было пять человѣкъ дѣтей. Первый сынъ, Викторъ, родился черезъ годъ послѣ брака, въ 1864 году, и умеръ семи лѣтъ, отъ дифтерита; второй сынъ, Николай, скончался шести недѣль отъ конвульсій; третья дочь, Ангелина, умерла спустя десять дней отъ рожденія; четвертый ребенокъ была дочь Варвара, родившаяся въ 1868 г. Такимъ образомъ въ семьѣ, до 1871 г., т. е. до смерти Виктора было двое дѣтей, Викторъ и Варвара. Викторъ, какъ первенецъ, былъ любимцемъ родителей и потому смерть его глубоко опечалила ихъ. Желаніе имѣть вновь сына у отца и матери было сильное. С. П. жила мыслью, что у нея долженъ быть опять сынъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ смерти любимаго первенца-сына, С. П. сдѣлалась беременной и 12-го декабря 1872 г. родила, но, сверхъ ожиданія, родившаяся оказалась дѣвочкой, которую при крещеніи назвали Анной. Но въ семьѣ установился обычай, какъ это иногда бываетъ, называть Анну—«Ниной», и новое имя осталосъ

за нею такъ прочно, что даже нѣкоторые знакомые не знали ея дѣйствительнаго имени.

Нина родилась въ Одессѣ въ то время, когда ея отецъ, Мамертъ Мамертовичъ Терлецкій, занималъ мѣсто помощника секретаря Одесскаго окружнаго суда. Воспріемникомъ былъ нынѣ здравствующій Н. Ф. С—новъ, видное лицо среди Херсонскаго дворянства и членъ одной изъ государственныхъ палатъ, а воспріемницей—его воспитанница, Кл. Петр. Т—вская. Это справка, по указаніямъ С. П., избличаетъ И. Виташевскаго въ неправильномъ сообщеніи фактовъ изъ ея жизни, а именно: 1)—Нина родилась въ Одессѣ, а не въ Петроградѣ, 2)—г-жа Канели въ это время находилась въ Петроградѣ, гдѣ содержала меблированныя комнаты и, слѣдовательно, не могла проявить на такомъ разстояніи свой наблюдательности, на которую ссылается авторъ статьи, 3)—указанія на воспріемниковъ, актъ крещенія и служебное положеніе мужа, въ формулярѣ коего, какъ чиновника, записаны родившіяся дѣти, указываютъ, что «таинственнаго» въ рожденіи Нины ничего не было и, наконецъ, 4)—положеніе Терлецкихъ въ это время было уже настолько удовлетворительно, что средствъ на «пеленки» новорожденной могло хватить, а потому не было основаній обращаться за помощью къ постороннимъ или къ Новицкимъ.

Такимъ образомъ со времени рожденія Нины въ семьѣ Терлецкихъ одновременно воспитывались двѣ дочери: Варвара и Анна; разница въ годахъ между ними была въ четыре года. Варвара до 15 лѣтъ училась въ гимназіи въ Петроградѣ, гдѣ жила и семья, а потомъ въ Кіевѣ, гдѣ и окончила курсъ. Сестры находились вмѣстѣ вплоть до времени выхода замужъ Варвары. Въ 1889 г. Варвара вышла замужъ за Волчанинова, но спустя годъ скончалась послѣ родовъ отъ скоротечной чахотки.

Чтобы освободиться отъ разнаго рода необходимыхъ фактическихъ справокъ, мы укажемъ служебный *curriculum vitae* отца Нины. Въ зависимости отъ службы ему приходилось мѣнять свое мѣсто жительства. Мамертъ Мамертовичъ послѣдовательно занималъ должности военнаго чиновника на Кавказѣ, помощника секретаря Одесскаго окружнаго суда, юрисконсульта въ правленіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, служилъ въ Петроградѣ въ управленіи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, временно былъ агентомъ по отчужденію земель въ г. Кіевѣ и наконецъ получилъ назначеніе въ г. Уральскъ на новостроющуюся желѣзную дорогу. Здѣсь, въ Уральскѣ, онъ заболѣлъ и умеръ въ Одессѣ, куда перевезла его С. П. незадолго до его смерти, въ надеждѣ, что теплый морской климатъ окажетъ благоприятное вліяніе на здоровье ея супруга.

По мнѣнію С. П. та легенда, о которой рассказываетъ г. Виташевскій, бросая обвиненія и клевета на семью Терлецкихъ, имѣетъ

глубокіе корни, истинное значеніе которыхъ совершенно не оцѣнивалось окружающими. Такъ какъ у С. П. не было, по существу говоря, никакихъ особенныхъ отношеній ни къ Миролюбовой, которая была въ домѣ С. П. всего одинъ разъ, ни къ Канели, съ которой отношенія были лишь холодно-вѣжливыми, то разработанный г. Виташескимъ матеріалъ ткался изъ неясныхъ и неопредѣленныхъ слуховъ, провѣрить которые, путемъ личныхъ наблюденій, они не могли уже потому, что семья Терлецкаго кочевала, мѣняя мѣстожителство, благодаря служебному положенію Мамерта Мамертовича. Единственно, что могло долетать до нихъ, это—то, что Нина какой-то «особенный» ребенокъ. Вотъ это выраженіе «особенный» превратилось у г. Виташевского въ прилагательное «таинственный», а необходимость оправдать это превращеніе повела автора «маленькой исторической тайны» по пути къ вымыслу.

О жизни Нины со дня ея рожденія, объ особенностяхъ ея характера и пр. С. П. сообщила намъ по возможности подробно, что мы постарались записать съ наибольшей точностью.

«Помню,—передаетъ намъ С. П.,—Нина родилась слабой и хилой дѣвочкой. Это обстоятельство и заставило меня взять для нея кормилицу. То была замѣчательно здоровая шведка, лѣтъ 27, проявлявшая однако изрѣдка нѣкоторыя странности, какъ-то: добрая и внимательная къ окружающимъ, она иногда безъ всякой причины противилась желанію моему или мужа взять у нея изъ рукъ ребенка, и, когда мы настаивали, она грубо отказывалась исполнить наше желаніе. Съ этой и подобными странностями кормилицы я мирилась, такъ какъ женщина эта была рѣдкая, въ качествѣ кормилицы.

Когда Нинѣ исполнилось три мѣсяца, съ ней случился припадокъ, сильно меня испугавшій, но такъ какъ онъ скоро прошелъ и больше никогда не повторялся, то я и не придавала ему серьезнаго значенія. Кормилица оставалась у насъ еще мѣсяцевъ семь, а затѣмъ уже я отказала ей, потому что докторъ совѣтовалъ мнѣ перейти на одиннадцатомъ мѣсяцѣ къ искусственному питанію ребенка.

Ребенокъ росъ. Былъ слабъ, лишень живости и веселости, былъ какой-то «маленькій флегматикъ», ко всему относился холодно, ничего не желалъ и ни къ чему не тянулся. Но, особенно поразительна была его пассивность по отношенію къ тѣмъ положеніямъ своихъ рукъ и ногъ, которыя придавали имъ я или няня.

Когда ребенку исполнилось три года и здоровье его оставалось, по-прежнему, слабымъ, я обратилась за помощью къ профессору Быстрову,—это было въ Петербургѣ. Изслѣдовавъ дочь, онъ посовѣтовалъ мнѣ измѣнить воспитаніе ея. «Одѣвайте,—говорилъ онъ,—Нину въ костюмы мальчиковъ. Не стѣсняйте ея тѣла никакими шнуровками и застежками. Устройте ей на дому трапецію, положите

тюфячекъ и предоставьте ей полную свободу. Пусть она развивается какъ мальчикъ». Я такъ и сдѣлала. Черезъ полгода дѣвочка совершенно преобразилась. Она стала здоровѣе, бодрѣе, появился аппетитъ, а главное и самое замѣчательное, такъ это то, что она очень полюбила свои мальчишескія забавы и почти никогда не отрывалась отъ нихъ. Годы шли. Нина поправилась, и вотъ, когда ей наступилъ седьмой годъ, я рѣшила одѣвать ее уже какъ дѣвочку. Но каково было мое удивленіе, когда я замѣтила, что Нина ненавидитъ свой новый костюмъ—платице. Она начала просить меня избавить ее отъ подобнаго наряда, увѣряя, что костюмы дѣвочекъ для нея невыносимы, но я не уступала. Нина расплакалась. «Я не хочу быть дѣвочкой», говорила она, рыдая...

Что было дѣлать? Конечно, я была поражена и разстроена этой сценой, однако не обратила серьезнаго вниманія на такое странное отношеніе шестилѣтней дочери къ нарядамъ ея пола. Я сочла это просто капризомъ.

Но поразительное постоянство и сила чувства ненависти дочери къ своимъ платицамъ заставили меня тревожиться... И было отчего. Нина пользовалась каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы изрѣзать ножницами свое платье или испачкать его чернилами.. Мало того, она ломала всѣ свои игрушки, если только онѣ соответствовали ея полу. Куклы, колясочки, кровати, все уничтожалось ею съ какимъ-то особеннымъ презрѣніемъ и негодованіемъ. Она даже отказывалась играть съ дѣвочками. Ея друзьями могли быть только мальчики, а любимыми игрушками—барабанъ и сабля, лошадка. Несмотря на всѣ эти странности, Нина была очень умной и доброй, хотя и вспыльчивой дѣвочкой. Это была натура глубокая и очень впечатлительная. Бывало, читаетъ какую-нибудь сказочку, да вдругъ и расплачется, а затѣмъ, продолжая читать, разсмѣется, потомъ опять плачетъ... Спрашиваю: «Ниночка, что съ тобою?»— «Ничего», говоритъ, «жалко», или скажетъ: «Смѣшно», и только; больше отъ нея ничего не добьешься. Какъ-то я пріѣхала въ Одессу, Нинѣ было тогда лѣтъ 8-9. Остановились мы въ гостиницѣ. Проживъ нѣсколько дней въ этомъ городѣ, я была удивлена и встревожена выходкой Нины: подходитъ какъ-то ко мнѣ и проситъ двадцать копѣекъ. Спрашиваю: «На что?» Молчитъ. Денегъ я не дала. Тогда она обращается, какъ я послѣ узнала объ этомъ, съ такой же просьбой къ кухаркѣ. Та тоже отказала. Прошелъ часъ, два,— Нина исчезла. Бросились искать ее. Гувернантка, благодаря указаніямъ швейцара, городского и нѣкоторыхъ прохожихъ, нашла Нину въ шагахъ 80 отъ гостиницы. Нина возвращаться не хотѣла и только послѣ усиленныхъ просьбъ гувернантки вернулась домой.— На улицѣ гувернанткѣ, а дома мнѣ Нина сказала, что когда-нибудь она все равно убѣжитъ, и при этомъ она была совершенно спокойна и серьезна. На мои просьбы объяснить свой поступокъ,

она упорно молчала, и я спустя нѣкоторое время успокоилась и забыла объ этомъ, такъ какъ подобныя явленія больше не повторялись.

Но вотъ исполняется Нинѣ десять лѣтъ. Послѣ неудачной баллотировки въ два института, я опредѣляю ее въ гимназію и въ это время замѣчаю новыя странности: шляпки ей нравятся только тѣ, которыя болѣе всего похожи на мужскія, то же и съ нарядами; удивительное отвращеніе къ волосамъ, заплетеннымъ въ косу: она всегда прятала свою косу за воротникъ пальто или рубашечки, и только при мнѣ или въ гимназіи она терпѣла такую прическу. Но это не все... Иногда ночью она неожиданно просыпалась и, ставъ въ кроваткѣ на колѣни, начинала горячо молиться. Какъ я ни старалась услышать ея молитвы, могла только разобрать, страстно произносимыя, слова: «Господи, Господи».

Но особенно поражала меня Нина своими горькими сожалѣніями о томъ, что она родилась дѣвочкой, а не мальчикомъ. Бывало, сижу съ ней въ комнатѣ, и вдругъ, обратившись лицомъ къ иконѣ, она съ глубокой печалью говоритъ: «Боже, почему ты сдѣлалъ меня дѣвочкой, а не мальчикомъ?» Это меня страшно удивляло, такъ какъ въ періодъ моей беременности, когда ожидалось появленіе на свѣтъ Нины, я страстно желала, чтобы родился мальчикъ; но когда, вмѣсто мальчика, родилась у меня дѣвочка Нина, я конечно, была огорчена, но скоро примирилась съ этимъ, забыла свое желаніе и очень полюбила дѣвочку. Никогда и никто больше не слыхалъ отъ меня словъ сожалѣнія. Я забыла. Я очень полюбила Нину, и вдругъ такая странность ея поведенія... Обращаюсь къ профессору Попову. Онъ совѣтуетъ ждать наступленія физиологической особенности ея пола, такъ какъ у многихъ дѣтей въ этотъ критическій періодъ исчезаютъ всѣ странности, опредѣлявшія психику ребенка въ сторону, противоположную типу его пола. Я начала ждать. «Критическій» моментъ наступилъ, а странности не только не исчезали, наоборотъ, къ нимъ прибавились такія явленія, которыя заставили меня снова обратиться за совѣтомъ врачей. Дѣло въ томъ, что я стала замѣчать у Нины вздрагиванія тѣла, частую потребность вздохнуть и невозможность удовлетворенія: она начинала, напримѣръ, глубокой вздохъ и не могла его окончить; у нея появились сильныя боли носа, уха, около глазъ и въ колѣнныхъ суставахъ, которыя однако были скоропреходящи и никогда не наступали одновременно: онѣ чередовались; появились у нея и галлюцинаціи: ночью, напримѣръ, проснется и начинаетъ страшно кричать. При этомъ она была всегда сильно испугана, дрожала, глаза ея были широко открыты, а крикъ былъ такъ трогателенъ и такъ тревоженъ, что я не могла долго терпѣть и, вотъ, обратилась къ профессорамъ Скляревскому, Краншевскому и Афанасьеву. Всѣ они рѣшили, чтобы я взяла дочь изъ гимназіи, вслѣд-

ствіе ея нервности, и воспитала ее дома. Конечно, я такъ и поступила. Пригласила студента-филолога, который могъ бы проходить съ Ниной курсъ гимназіи дома, а для усовершенствованія ея во французскомъ языкѣ пригласила французенку, гувернантку Ротонъ. Нинѣ въ это время было лѣтъ 15—16 и ушла она изъ гимназіи, будучи уже въ четвертомъ классѣ. Съ французенкой Р. она подружилась и очень ее полюбила. Эта гувернантка понравилась и мнѣ, такъ какъ она была хорошо образована, добра, не раздражительная, хотя и очень нервна. Помню, она всегда имѣла при себѣ флакончикъ съ эфиромъ, которымъ часто пользовалась для своего успокоенія.

Прошелъ годъ, два. Нина прилежно занималась со студентомъ—репетиторомъ и поражала всѣхъ своими способностями. Она любила музыку, играла на фортепіано, на гитарѣ, пѣла. Физическое состояніе ея было нормально, и только неглубокіе обмороки, которые случались съ нею изрѣдка, заставляли желать лучшаго.

Въ это время, благодаря знакомому доктору Г-ву, который часто бывалъ у насъ въ домѣ, и брату моему Вадиму, я начала обращать вниманіе на отношенія Ротонъ и дочери: дѣло въ томъ, что сначала докторъ, а потомъ и братъ не разъ предупреждали меня, что отношенія Ротонъ и дочери очень странны и что французенка отрицательнѣйшимъ образомъ вліяетъ на Нину. Братъ даже намекнулъ мнѣ о «любви двухъ женщинъ» Поля Бурже и хотѣлъ, чтобы я отказала гувернанткѣ. Но я не допускала не только возможности, но даже мысли о подобныхъ отношеніяхъ, и потому Ротонъ оставалась у насъ по-прежнему, хотя я и замѣтила, послѣ замѣчаній моихъ друзей, что она имѣла, дѣйствительно, огромное вліяніе на Нину. Но что-жъ тутъ было страннаго? Нина любила добрую и умную гувернантку и привязалась къ ней. Вотъ и причина вліянія Ротонъ.

Но послѣдующія событія, которыя въ то время не обратили на себя моего серьезнаго вниманія и казались независимыми другъ отъ друга, теперь невольно соединяются мною въ причинной послѣдовательности.

Уѣхала я какъ-то въ Кіевъ, на могилу моей старшей дочери. Пробывъ тамъ два дня, я уѣхала обратно въ Петербургъ, хотя и предполагала оставаться въ Кіевѣ болѣе продолжительное время. На вокзалѣ въ Петербургъ меня встрѣтила одна гувернантка. Встревоженная отсутствіемъ Нины, я спрашиваю ее о дочери. Ротонъ отвѣчаетъ, что Нинѣ нездоровится, и потому она осталась дома. Приѣзжаю домой и застаю дочь, лежащей въ кровати и плачущей. Распросы и просьбы ни къ чему не привели. Нина только сказала мнѣ: «Мама, я здорова. Все это пустяки... Знаешь я только одной тебѣ и рассказала бы все, да ты будешь смѣяться, вотъ почему я и не скажу тебѣ. Впрочемъ, подожди, мамуся, годъ. Черезъ

годъ исполнится все то, что мнѣ обѣщали, вотъ, тогда ты все и узнаешь». Тѣмъ дѣло и кончилось. Спустя нѣкоторое время, попадаетъ въ мои руки дневникъ Нины. Раскрываю. И что же? Во всемъ дневникѣ написаны только три фразы: «Боже, когда это исполнится? Когда же это будетъ? Когда же, наконецъ, Боже, это исполнится?» Зову Нину и прошу объясненій. Ни слова. Такъ я тогда ничего и не узнала. Но скоро я догадалась въ чемъ дѣло. Знакомая намъ старая дама, которую дочь называла «бабусей» и очень любила, сказала мнѣ, что Нина ждетъ съ нетерпѣніемъ того момента, когда ее, какъ ей кто-то обѣщаль, сдѣлають женщиной.

Что мнѣ было дѣлать? Кто могъ давать подобныя обѣщанія? И, какъ Нина, умная и развитая восемнадцатилѣтняя дѣвушка, могла серьезно вѣрить имъ? ..

Все послѣдующія событія приводятъ С. П. къ мысли, что Нина преслѣдовала какую-то скрываемую ею, но ужъ строго опредѣленную цѣль и шла въ достиженіи къ ней по разработанному плану. Она ждала лишь благопріятно сложившихся обстоятельствъ, чтобы исполнить свое завѣтное желаніе. Благопріятный моментъ наступилъ.

Послѣ смерти Варвары Мамертовны семья Терлецкихъ находилась въ Петроградѣ. Въ это дремя, 1891 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ М. М. Терлецкій долженъ былъ покинуть семью и выѣхать къ мѣсту своей службы въ г. Уральскъ; семья же, т. е. Нина съ матерью, должны были перезимовать въ Петроградѣ и въ маѣ поѣхать къ отцу. Отсутствіе отца, повидимому, облегчало задачу Нины; вѣроятно рассчитывала она и на то, что послѣ готовившагося ей несчастія мать поспѣшитъ къ отцу и тѣмъ дастъ ей возможность скрыть слѣды своего побѣга. Нужно думать, что съ этой цѣлью она назначила временемъ своего побѣга послѣдніе дни пребыванія матери въ Петроградѣ, когда все было распродано, уложено, и семья ждала дня, чтобы выѣхать. За нѣсколько дней до отъѣзда Нина стала упрашивать мать отложить отъѣздъ на 3—4 дня, мотивируя это тѣмъ, что дорога совпадетъ съ ея менструальнымъ періодомъ, который она переносила очень тяжело. 13-го мая 1891 г. Нина упростила С. П. отпустить ее обѣдать къ ея подругѣ, Танѣ Р—вой. Пришлось и эту просьбу исполнить, тѣмъ болѣе, что съ семьей Р—выхъ Терлецкіе были хорошо знакомы и Таня считалась подругой Нины. На обѣдъ Нина поѣхала въ сопровожденіи гувернантки Р—нѣ, которой поручено было проводить Нину на Васильевскій островъ. Гувернантка, —передаетъ С. П.,—возвратилась съ значительнымъ опозданіемъ, очень взволнованная и со слезами сообщила, что встрѣтила по дорогѣ своего знакомаго, отъ котораго узнала, что въ Парижѣ умеръ ея братъ. Горе Р—нѣ казалось искреннимъ, и С. П. сердечно утѣшала ее. Передалось ли мнѣ ее нервное состояніе или оно возникло самостоятельно, говорить—С. П.,—но только, по

мѣрѣ наступленія вечера, я дѣлалась сама не своя... Мнѣ почему-то вспомнилось, что Нина, прощаясь со мною, была какъ-то особенно нѣжна, какъ-то нервно и горячо цѣловала меня... Я сказала о своемъ странномъ настроеніи Р—нѣ, но та успокоила, говоря, что мать Жени хотѣла сама проводить Нину и что Нина должна возвратиться къ одиннадцати часамъ. Ровно въ 11 ч. раздался въ передней звонокъ. Я сама бросилась къ дверямъ въ полной увѣренности, что встрѣчу Нину, но, къ удивленію моему, вошелъ посыльный и вручилъ мнѣ письмо, запечатанное нашей печатью и адресованное на мое имя. По почерку я узнала, что письмо отъ Нины. Она писала: «Мама, прости меня, я тебя обманула. Когда ты получишь это письмо меня ужъ больше не будетъ въ живыхъ. Я утомлена, жизнь мнѣ надоѣла. Не ищи меня. Уѣзжай скорѣе къ папѣ въ Уральскъ. Люди тебя не поймутъ и будутъ дѣлать разныя предположенія и только этимъ тебя разстраиать. Молю тебя, уѣзжай скорѣе. Прости, прости, прости».

Какъ пережила первыя минуты несчастная С. П., не трудно себѣ представить. Съ ней сдѣлался истерическій припадокъ, вызвали врачей... Разказывали, что, получивъ письмо, С. П. съ плачемъ вбѣжала въ квартиру инженера Штольберга, жившаго въ томъ же домѣ, который принялъ живое участіе въ поискахъ Нины. Въ часъ ночи, захвативъ письмо, онъ поѣхалъ къ градоначальнику фонъ-Валю. Послѣдній, прочитавъ письмо, не придавъ ему никакого значенія, такъ какъ полагалъ, что оно было написано съ цѣлью ввести въ заблужденіе, тѣмъ не менѣе онъ отдалъ распоряженіе рѣчной полиціи о розыскѣ тѣла. С. П. сообщила о несчастіи своему племяннику, который также, по тону письма, сдѣлалъ заключеніе, что Нина симулировала самоубійство, тѣмъ болѣе, что никогда она не высказывала отрицательнаго отношенія къ жизни, да и ничѣмъ его не проявляла. Удалось установить, что письмо было передано посыльному на Мойкѣ дамой въ густой черной вуали.

Передавая эту часть исторіи, С. П. останавливается на поведеніи гувернантки. «По вѣдѣности, Р—нѣ была искренно удручена происшедшимъ, плакала и много молилась... Но одновременно она, какъ бы соглашаясь съ письмомъ Нины, настаивала на скоромъ отъѣздѣ, опасаясь за здоровье С. П.; кромѣ того Р—нѣ ссылалась на необходимость подготовить къ несчастію Мамерта Мамертовича прежде, чѣмъ онъ самъ узнаетъ о случившемся изъ газетъ. Во время путешествія, Р—нѣ развивала мысль о возможности дѣйствительнаго самоубійства Нины, была очень внимательна и предупредительна. По пріѣздѣ въ Уральскъ, видя теплое къ намъ отношеніе Р—нѣ, мы предложили ей остаться у насъ жить, на что она дала согласіе, если мы отпустимъ ее въ Парижъ на два, три мѣсяца, обѣщая вернуться къ намъ въ августѣ. Пробывъ до конца

мѣсяца, она уѣхала, какъ сообщила намъ, въ Парижъ. Недѣли черезъ двѣ мой мужъ получилъ телеграмму отъ Б—на о томъ, что Нина жива, выдасть себя за непомнящаго родства Владимира и находится въ Москвѣ у присяжнаго повѣреннаго Плевако, а дѣло о ней находится у судебного слѣдователя Сахарова. Мужъ тотчасъ же телеграфировалъ Сахарову, что подъ именемъ Владимира скрывается наша дочь Нина, а я выѣхала въ Москву. Въ Москвѣ, встрѣтившись съ племянникомъ, я узнала, что ему удалось видѣть въ Петроградѣ Нину, переодѣтой въ мужское платье, онъ не рѣшился ее останавливать, опасаясь, что, встрѣтившись съ нимъ, она постарается болѣе тщательно хранить свое инкогнито».

Побывавъ у судебного слѣдователя Сахарова, С. П. постаралась уяснить смыслъ того плана, который задумала Нина, и посѣтила лицъ, къ которымъ являлась дочь.

Нужно думать, что въ Москвѣ Нина появилась числа двадцатаго мая, такъ какъ 26-го мая 1892 г. было начато о ней дѣло судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Сахаровымъ. Въ Москву же она явилась, какъ сообщилъ Серафимъ Петровнѣ Плевако, изъ Петрограда съ письмомъ отъ оберъ-прокурора Свят. Синода К. П. Побѣдоносцева. Поэтому С. П. посѣтила К. П. Побѣдоносцева, который отнесся къ ней очень сочувственно и сообщилъ слѣдующее: приблизительно за годъ до побѣга Нины изъ дому, къ нему на пріемъ явилась дѣвушка, почти ребенокъ, и просила его установить ея родъ, указавъ, что хотя она и одѣвается дѣвушкой, но на самомъ дѣлѣ, она юноша, при томъ—сынъ итальянскаго принца, отданный на воспитаніе чужимъ людямъ за огромныя деньги для сокрытія его дѣйствительнаго происхожденія. Вся рассказанная исторія показалась К. П. Побѣдоносцеву настолько неправдоподобной, что онъ не придалъ ей особеннаго значенія, полагая, что передъ нимъ душевнобольная и потому уклонился отъ дальнѣйшихъ объясненій. Спустя годъ, эта особа вновь явилась къ нему, но уже въ сопровожденіи какой-то другой дѣвушки, причемъ эта послѣдняя утверждала, что дѣвушка—переодѣтый ея женихъ, съ которымъ она намѣрена вступить въ бракъ, но препятствіемъ служить неустановленный родъ жениха. С. П. передаетъ, что якобы мужской полъ былъ установленъ, послѣ чего Нина и была направлена въ Москву къ Плевако, который и долженъ былъ разслѣдовать это дѣло.

Напавъ на слѣдъ Нины, С. П., вмѣстѣ съ племянникомъ Буякинымъ, посѣтила Плевако, у котораго жилъ направленный къ нему Владимиръ. Узнавъ о пріѣздѣ матери, Владимиръ скрылся. Этому предшествовало такого рода обстоятельство. Получивъ телеграмму о выѣздѣ матери, Плевако сообщилъ это Владимиру, который, понявъ, что его инкогнито открыто, бѣжалъ, и найти его не удалось.

По этому поводу у С. П. сохранилась переписка съ Сахаровымъ,

которая рѣшительно опровергаетъ легенду г. Виташевского, а потому С. П. просить привести ее полностью.

13-го іюля 1892 г. Милостивая Государыня, Серафима Петровна! Къ сожалѣнію, Анны Мамертовны доселѣ не могли найти въ Москвѣ. У Плевако она не была съ тѣхъ поръ, какъ ушла отъ него. Она не можетъ къ нему пойти послѣ того наполненнаго упреками ему за возбужденіе дѣла письма, которое оставила она, уходя отъ него. Если будутъ какія-нибудь вѣсти о ней, я сейчасъ же Вамъ напишу. Прошу принять увѣренія въ полнѣйшемъ къ Вамъ уваженіи. Н. Сахаровъ.

Второе письмо еще болѣе убѣдительно.

Милостивая Государыня Серафима Петровна! Къ сожалѣнію, Анны Мамертовны до сихъ поръ еще нѣтъ, хотя я не разъ уже писалъ въ С.-Петербургскую сыскную полицію о розыскѣ ея у Р—нѣ. Затѣмъ изъ лицъ, указанныхъ въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ, наиболѣе нужной для дѣла оказывается Анна Алексѣевна Мясникова, такъ какъ она купалась вмѣстѣ съ Вашей дочерью. Поэтому потрудитесь прислать формальное заявленіе о допросѣ ея одной, съ указаніемъ ея адреса. Другія, указанные Вами лица, представляются ненужными для дѣла, такъ какъ метрической справкой, показаніемъ свидѣтелей, и между прочимъ, бывшаго Вашего зятя М. П. Волчанинова, твердо установлено, что Анна Мамертовна бесспорно есть Ваша дочь и что ни о какой подмѣнѣ не можетъ быть рѣчи. М. П. Волчаниновъ, между прочимъ, удостовѣряетъ, что никогда не слыхалъ отъ покойной своей жены ни одного слова о томъ, что Анна Мамертовна—не Ваша дочь. Попросите, пожалуйста, извиненія у Мамерта Мамертовича, что не пишу ему отдѣльно. Покорнѣйше прошу Васъ принять увѣренія въ полномъ моемъ уваженіи къ Вамъ. Н. Сахаровъ.

Москва. 11-го августа 1892 г.

Наконецъ, послѣднимъ исчерпывающимъ дѣло, документомъ является постановленіе суд. слѣдователя по дѣлу о Владимирѣф.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

1892 года 13-го ноября, Судебный Слѣдователь Московскаго Окружного Суда по важнѣйшимъ дѣламъ, рассмотрѣвъ настоящее дѣло, нашель, что 26-го мая сего года къ г-ну Прокурору Окружного Суда явился молодой человекъ въ мужскомъ костюмѣ, заявилъ себя неимѣющимъ акта состоянія и фамилію Владимиромъ, сообщилъ, что доселѣ онъ воспитывался у постороннихъ людей, которыхъ онъ считалъ родителями но недавно узналъ, что онъ имъ чужой, а кто онъ такой не знаетъ, потому что воспитатели его скрывали это отъ всѣхъ такими приемами, обнаруживать которые онъ не желаетъ. Именъ своихъ воспитателей онъ не назвалъ и мѣста своего прежняго жительства не указалъ. Въ виду такого своего положенія, онъ просилъ обнаружить его происхожденіе. Въ томъ же смыслѣ онъ далъ 30-го того же мая показаніе у Судебнаго Слѣдователя, вслѣдствіе чего привлеченъ къ отвѣтственности по 950 ст. Улож. о Нак. Вслѣдъ за тѣмъ къ Судебному Слѣдователю явилась жена Колежскаго Совѣтника Серафима Петровна Терлецкая, живущая въ г. Уральскѣ вмѣстѣ съ мужемъ своимъ Мамертомъ Мамертовичемъ Терлецкимъ, и заявила, что лицо, явившееся къ московскимъ судебнымъ властямъ

подъ именемъ непомнящаго родства Владимира, есть родная дочь ея и ея мужа Анна, родившаяся 12-го декабря 1872 г., постоянно жившая съ ними до 13-го мая 1892 г., а въ этотъ день приславшая въ С.-Петербургъ съ посылнымъ письмомъ о своемъ намѣреніи покончить жизнь самоубійствомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ г. Терлецкая представила подлинное метрическое свидѣтельство Херсонской духовной консисторіи, удостовѣряющее происхождение Анны отъ Терлецкихъ, а также другія бумаги, доказывающія этотъ фактъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлала указаніе на цѣлый рядъ лицъ, которыя могутъ подтвердить, что Анна есть дочь Терлецкихъ. Произведеннымъ изслѣдованіемъ вполне установлено, что лицо, явившееся въ Москву подъ именемъ непомнящаго родства Владимира, есть дѣвица Анна, рожденная отъ г.г. Терлецкихъ и скрывшаяся отъ нихъ 13-го мая 1892 г., по причинамъ, недостаточно выясненнымъ слѣдствіемъ

Такимъ образомъ, находя, что происхождение и званіе названнаго лица представляется обнаруженнымъ, что за симъ не представляется оснований для примѣненія къ этому лицу требованій 448, 476 и 478 ст. Уст. Уч. Суд., Судебный Слѣдователь постановилъ настоящее дѣло направить черезъ г-на Товарища Прокурора 1 уч. гор. Москвы, въ Московскій Окружный Судъ для прекращенія въ порядкѣ 277 ст. Уст. Уг. Суд., а вещественныя доказательства, поименованныя въ особой описи, передать на храненіе въ Архивъ Окружного Суда. Причемъ Судебный Слѣдователь полагалъ, бы въ случаѣ прекращенія дѣла Окружнымъ Судомъ, вещественныя доказательства возвратитъ тѣмъ лицамъ, коими представлены они къ слѣдствію. Копія вѣрна. Судебный Слѣдователь Сахаровъ».

На основаніи всего приведеннаго матеріала можно сдѣлать заключеніе, что Нина шла къ намѣченной цѣли опредѣленнымъ путемъ. Права С. П., дѣлающая предположеніе, что кто-то руководилъ ея образомъ дѣйствій, но отнюдь она не являлась жертвой, такъ какъ личное ея желаніе сбросить съ себя внѣшніе покровы, опредѣляющіе ея принадлежность къ полу, было очень настойчиво. Предположеніе участія посторонняго лица въ осуществленіи желанія Нины подкрѣпляется поступками ея незадолго до побѣга. Прийти и заявить официальному лицу о томъ, что она мужчина, юноша, скрываемый его воспитателями, и не подумать, что опредѣленіе пола дѣлается весьма просто, трудно вяжется съ 18-тилѣтнимъ возрастомъ дѣвушки. Очевидно, она имѣла средства для доказательства, но, видя въ первый разъ, что таковыхъ не потребовалось, усилила вторичное появленіе эффектомъ, который создала присутствіемъ своей «невѣсты». Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ данныя, которыя предназначаются для нашей специальной работы о проблемахъ пола и которыя на страницахъ общаго журнала считаемъ неудобнымъ опубликовывать.

Во всякомъ случаѣ просто объяснить поведеніе Нины нельзя; здѣсь слѣдуетъ искать глубокое пересозданіе въ ея душевной конструкціи, назвать которое опредѣленнымъ терминомъ душевной болѣзни не представляется возможнымъ; тѣмъ не менѣе такое состояніе должно быть опредѣлено научно, но все же не въ смыслѣ формальнаго душевнаго недуга.

Нина, какъ сообщаетъ С. П., скрывшись отъ матери, не тотчасъ покинула Россію. На основаніи доходившихъ слуховъ С. П. полагаетъ, что она вращалась нѣкоторое время въ обществѣ, высшемъ по своему положенію въ нашихъ столицахъ. Но что она тамъ дѣлала и какъ себя вела, объ этомъ можно только предполагать. На этой страничкѣ изъ жизни Нины мы останавливаться не будемъ, вслѣдствіе отсутствія у насъ достаточныхъ для этого данныхъ.

С. П. больше никогда не видѣла Нины. Живя съ мыслями и надеждами, что дочь ея когда-нибудь вернется, С. П. не могла не упрекнуть себя въ довѣрчивости гувернанткѣ Р—нѣ, которой поручила воспитаніе Нины.

Въ 1893 г. въ № 9 одной изъ Саратовскихъ газетъ (имѣется вырѣзка) появилась статья подъ заглавіемъ «Загадочная исторія», (Вниманію матерей), которая представляла, по содержанію то же, что сообщила и намъ С. П. Въ этой статьѣ, принадлежавшей С. Ю—кому, которому С. П. предоставила необходимый матеріалъ, были высказаны предположенія, что Нина гдѣ-то въ Америкѣ. Предположенія эти были основаны на письмѣ Нины, которое С. П. получила черезъ третье лицо. Письмо это мы приводимъ полностью.

«Милая, дорогая мама, я очень скучаю по тебѣ. Прости меня за причиненное горе. У меня сильное желаніе жить съ тобой. Я получаю вдвое больше, чѣмъ отецъ получалъ. Я пришлю къ тебѣ вѣстника, который съ тобой переговорить, и если ты согласишься на мои условія, то я дамъ тебѣ полный комфортъ жизни и мы съ тобой никогда не разстанемся. (Письмо передано намъ въ копию)

Годы шли, а вѣстникъ отъ Нины не являлся... И вотъ только въ 1907 году Серафима Петровна получила изъ Чикаго письмо... русскій консулъ сообщалъ о смерти Нины. Официальное увѣдомленіе разъясняло жизнь и дѣятельность дочери Серафимы Петровны въ Америкѣ.

Имѣющуюся у насъ въ оригиналѣ, переписку С. П. съ русскимъ консуломъ въ Чикаго, барономъ Шлипенбахомъ, мы приводимъ полностью.

Чикаго. 12—25 іюня 1907 г.

Милостивая Государыня, С. П. Терлецкая.

18-го декабря н. ст. минувшаго 1906 года, въ городѣ Фениксѣ, штата Оризона, скончался отъ туберкулеза легкихъ, бывший въ продолженіи 12 лѣтъ письмоводителемъ Консульства въ Чикаго, назвавшійся Николай Константиновичъ Райланъ.

Принятъ онъ былъ въ Консульство въ 1894 г. по рекомендаціи б. Коммисара при Чикагской выставкѣ и бывшаго здѣсь же Консула П. Я. де-Талья.

За все время исправлялъ свою службу удовлетворительно и оставилъ ее весной 1906 года по болѣзни и уѣхалъ для леченія въ Канонъ—Сити, Колорадо,

По смерти упомянутого Райлана оказалось, что означенное лицо-служившее въ продолженіи столькихъ лѣтъ, какъ лицо мужскаго пола, было женщиною и умерла дѣвицей. Хотя физическій строй, голосъ и безбородое лицо его могло бы возбудить подозрѣніе о настоящемъ его полѣ, вся его жизнь однако и тотъ фактъ, что онъ былъ дважды женатымъ, на двухъ разныхъ женщинахъ, изъ которыхъ первая получила разводъ вслѣдствіе прелюбодѣянія и жестокости обращенія, исключало всякое подозрѣніе не только Консульства, но и всѣхъ лицъ, знавъшихъ его.

Изъ оставленныхъ этой загадочной личностью документовъ, писемъ, дневниковъ и т. п. Консульство усмотрѣло, что вопросъ о полѣ этой личности уже былъ возбужденъ въ Россіи, хотя подробности этого дѣла Консульствомъ не могли быть выяснены, по имѣющимся даннымъ, но изъ ся писемъ нѣкоей Евгеніи Александровны Р—ной уясняется, что мать назвавшася Рейланомъ,—Г-жа С. П. Терлецкая. Предполагая, что Вы именно та особа, о которой сообщаетъ Евгенія Александровна Р—ная, на томъ основаніи, что Вы ей писали изъ Одессы два письма, въ которыхъ Вы упоминаете о вашей дочери (письма всѣ были переправлены покойнымъ: гдѣ говорится о дочери, исправлено на сынъ), Консульство имѣетъ честь обратиться къ Вамъ за свѣдѣніями, во-первыхъ, дѣйствительно ли у Васъ была дочь, которая сбѣжала съ гувернанткой, подъ именемъ Луиза Р—нъ, что въ Россіи она выдавалась за мальчика и называлась Владимиромъ и, во-вторыхъ, было-ли какое-либо судебное дѣло по сему поводу и чѣмъ оно закончилось, и кромѣ того, было бы весьма интересно знать Консульству всѣ поводы и причины, побудившіе названную выше личность выдавать себя за мужчину, въ продолженіи столькихъ лѣтъ.

Мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной изъ тѣхъ психическихъ аномалій, о которыхъ повѣствуютъ нѣкоторые знаменитые профессора, признаваемые свѣтилами медицинской науки.

Послѣ смерти назвавшася Райланомъ и впослѣдствіи оказавшейся дѣвицею Терлецкой, осталось наслѣдство, приблизительно въ семь тысячъ долларовъ, право на которое заявила вторая жена Райлана. Въ Судѣ, завѣдывающемъ наслѣдственными дѣлами, въ этой претензіи ей было отказано, вслѣдствіе того, что бракъ между двумя женщинами не допустимъ и розыскиваются законные наслѣдники упомянутой особы.

Если, какъ полагаю, Вы состоите ея матерью, то Вы съ могущими быть въ живыхъ братьями и сестрами покойной, или-же ихъ прямыми наслѣдниками, оказываетесь прямыми наслѣдниками на оставленное покойной капиталы и вещи.

Въ заключеніе обращаюсь къ Вамъ съ просьбою о высылкѣ необходимыхъ документовъ для предьявленія правъ на наслѣдство.

Консуль баронъ Шлипенбахъ.

Отвѣтъ С. П. консулу.

Многоуважаемый Баронъ!

Получивъ 20-го іюля Ваше любезное письмо со всѣми его дополняющими документами, спѣшу высказать Вамъ мою сердечную и глубокую признательность за Ваши заботы, за то безпримѣрное, трогательное участіе, которое Вы приняли во мнѣ, безкорыстно взявъ на себя крайне хлопотливую защиту моихъ интересовъ на чужбинѣ. Вѣрьте, глубокоуважаемый баронъ, мысль о томъ, что горячо любимая мною дочь Нина, покинувшая родительскій домъ подъ вліяніемъ, я въ томъ увѣрена,

какого-то злого генія нашей семьи, прожила послѣдніе годы своей несчастной жизни на Вашихъ глазахъ, что Вы заботливо относились къ ея здоровью, отпустивъ своего секретаря для леченія въ Оризонъ и наконецъ, проявили столько вниманія ко мнѣ, ея матери, мысль объ этомъ, повторяю, никогда не изгладится изъ моей памяти, а вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не заглохнетъ во мнѣ чувство искренней и безпредѣльной къ Вамъ, Баронъ, благодарности.

Далѣе, попросивъ барона съечь оставшіяся послѣ Райлана, бумаги, могущія шокировать дочь, и давъ указанія, какъ поступить съ ея недвижимымъ имуществомъ, Серафима Петровна говорить о неосновательности требованій «жены» Нины, могущихъ быть предъявленными по отношенію къ капиталу умершей.

«...Въ случаѣ какихъ либо именуемой себя женою Николая Райлана пререканій ко мнѣ, единственной получившей всю сумму наслѣдственнаго капитала, то будьте любезны сообщить ей, что деньги эти, заработанная моею дочерью, давно уже предназначены мною не для моего обогащенія, а на устройство кровати при одной изъ больницъ, имени Анны Терлецкой, для такихъ несчастныхъ страдающихъ отъ туберкулеза, который безвременно скосилъ жизнь моей несчастной дочурки.

Что же касается того, что г-жа Райланъ можетъ считать себя опозоренной противосестественнымъ бракомъ моей дочери съ нею, то вѣдь, когда она выходила за мужъ за Николая Райлана, она была ужъ не такой молоденькой дѣвочкой, чтобы не понимать тонкостей супружеской жизни. Въ то время она была вдовою и матерью 12-тилѣтнаго сына и могла скоро разгадать обманъ безъ всякаго ущерба для своей репутаціи и, изблотивъ мою дочь, привлечь ее къ законной отвѣтственности; между тѣмъ она продолжала жить какъ съ мужемъ.

Я не стану утверждать, что моя дочь правильно поступила, заключая бракъ на такихъ необычайныхъ началахъ, но вѣдь это, повторяю, поступокъ былъ столь же необдуманымъ, сколь и внушеннымъ злой силой.

Мнѣ тяжело, что въ то время меня не было вмѣстѣ съ дочерью, такъ какъ можетъ быть мнѣ удалось бы вернуть ее къ нормальной жизни.

Во всей этой печальной исторіи моей дочери я виню французенку гувернантку, которая воспитаніе Нины закончила удаленіемъ, развращенной ею, дѣвушки изъ родительскаго дома.

Еще разъ повторяю Вамъ, Баронъ, выраженіе моей искренней благодарности.

С. П. Терлецкая. 1907 г.

Отвѣтъ консула.

26—9 ноября 1908 года.

Милостивая Государыня Серафима Петровна!

Честь имѣю сообщить Вамъ, что согласно желанію, выраженному въ письмѣ Вашемъ, отъ 20-го августа сего года, всѣ письма, дневникъ и документы Вашей дочери Анны Терлецкой, именованной Николаемъ Константиновичемъ Райланомъ, мною собственноручно сожжены.

Относительно передачи въ мѣстную Православную Церковь иконы и продажи оставшихся вещей, мною сдѣлано сношеніе съ Императорскимъ Россійскимъ Консульствомъ въ Чикаго, прося вырученныя отъ продажи деньги выслать Вамъ непосредственно въ Одессу.

Генеральный консулъ баронъ Шлипенбахъ.

Неожиданное открытіе тайны послѣ смерти, удивительная жизнѣдѣятельность Нины, обратили на себя вниманіе Американцевъ. У нихъ даже появилась брошюра на англійскомъ языкѣ, переводъ которой мы приведемъ.

Исторія Николая де-Райлана.

Факты въ этомъ замысловатомъ случаѣ слѣдующіе:

Нина Терлецкая родилась въ Петербургѣ 33 года тому назадъ. Ея мать и отецъ дворяне, по происхожденію. Она бѣжала изъ Россіи, 16-ти или 17ти лѣтъ отъ роду, въ Нью-Йоркъ, а потомъ и въ Чикаго. Когда и почему она переодѣлась въ мужское платье и что ее побудило къ этому, — неизвѣстно. Не нравился ли ей просто ея женскій подѣ, была ли она пикисткой, или, можетъ быть, въ этомъ случаѣ сыграла роль любовь, никто не знаетъ. Возможно предполагать, что она должна была быть рускимъ шпиономъ, но это, конечно, только предположеніе.

Пріѣхавъ въ Чикаго, она начала свою замѣчательную карьеру тѣмъ, что поступила клеркомъ въ банкирскую контору за пять долларовъ въ недѣлю. Позднѣе она была секретаремъ въ русской комиссіонной торговлѣ на всенародной выставкѣ въ Чикаго, послѣ которой отправилась въ Мексику, гдѣ пробивъ нѣсколько мѣсяцевъ, вернулась въ Чикаго и поступила тамъ секретаремъ въ русское Императорское Консульство. На этой службѣ она пробыла 12 лѣтъ, вплоть до самой своей смерти. Кромѣ того она основала свое собственное дѣло, которое имѣло сношеніе съ русскимъ консульствомъ, подѣ именемъ «Русско-Американскаго Бюро». Это было въ родѣ интернаціональной русской нотаріальной конторы. Это дѣло приносило Нинѣ Терлецкой тысячу долларовъ въ мѣсяць.

Райланъ (Нина Терлецкая) имѣлъ много любовныхъ приключеній и былъ два раза женатъ. Первая жена получила разводъ и живетъ въ Чикаго. Вторая же, которая сейчасъ называется вдовой его, была концертной пѣвицей въ Чикаго на выставкѣ въ 1893 году, гдѣ Райланъ ее и встрѣтилъ. Бракосочетаніе ихъ состоялось только въ 1898 году. Вторая жена Райлана имѣла 12-тилѣтняго сына, котораго онъ хотѣлъ усыновить и оставить ему все свое состояніе.

Райланъ вмѣстѣ со своимъ личнымъ докторомъ пріѣхалъ въ г. Фениксъ въ ноябрѣ 1906 года, въ послѣднихъ градусахъ чахотки, и умеръ 18-го декабря того же года въ отелѣ Уніонъ.

Только тогда, какъ тѣло было принесено въ анатомическій покой, опредѣлился его полъ. Тотчасъ объ этомъ узнала пресса и стали говорить о томъ, что никто не подозрѣвалъ и никогда бы не узналъ.

Въ Фениксѣ объ этомъ говорили всю недѣлю и, за три дня, въ которое тѣло находилось въ моргѣ, около пяти тысячъ человекъ посѣтило его.

Райланъ была замѣчательная женщина, это всѣми подтверждается. Она не только имѣла громаднй успѣхъ, скрываясь подѣ видомъ мужчины, но она имѣла еще замѣчательную дѣловитость и находчивость, гораздо большія, чѣмъ у средняго мужчины, а въ дѣлахъ она имѣла такой успѣхъ, что каждый изъ мужчинъ могъ бы гордиться.

Ея характеръ былъ добрый, щедрый, и она легко простила обиды. Медицинскій осмотръ установилъ, что она не потеряла дѣвственности.

Похоронена она на кладбищѣ въ г. Фениксѣ, штата Оризона, въ субботу 23-го декабря 1906 года.

Наконецъ въ Россіи въ отдѣлахъ, печатающихся въ концѣ газетъ, гдѣ приводятся разныя удивительныя исторіи и житейскія необычайности, появилась маленькая замѣтка.

Мужчина или женщина?

Въ Оризонѣ умеръ недавно бывший въ Чикаго секретаремъ русскаго консульства Николай Райланъ. Врачебный осмотръ трупа его обнаружилъ, что это была женщина. Любопытно, что Райланъ считался лихимъ наѣзникомъ, служилъ добровольцемъ въ Чикагскихъ гусарахъ во время войны съ Испаніей и участвовалъ въ различныхъ битвахъ. При этомъ Райланъ много курилъ и пилъ, но самое невѣроятное: секретарь Райланъ былъ женатъ и жилъ въ счастливомъ супружествѣ, хотя и пользовался репутаціей Донъ Жуана. Баронъ Шлиненбахъ, русскій консулъ, у котораго покойный былъ секретаремъ, немало изумленъ такимъ открытіемъ врачей. Онъ заявляетъ, что пригласилъ Р. въ секретари 12 лѣтъ назадъ, и что Р. былъ сынъ русскаго адмирала, превосходно говорилъ по-англійски, французски, нѣмецки, русски и польски, занимался много переводами. Консулъ никогда не предполагалъ, что имѣеть дѣло съ женщиной. Теперь, однако, припоминаютъ, что, когда Р. служилъ гусаромъ, при паденіи съ лошади онъ повредилъ себѣ ногу, но несмотря на боль, не позволилъ доктору себя раздѣть. Р. былъ женатъ три раза: первый разъ въ Одессѣ, позднѣе въ Нью-Йоркѣ на американкѣ, съ которой развелся, и въ третій разъ на той, которая теперь его пережила и утверждаетъ, что покойный мужъ былъ мужчиною, а не женщиною».

Даже отрывной календарь за 1908 годъ, отъ 1-го сентября, на своемъ оборотѣ помѣстилъ.

Мужчина или женщина?

«Въ Оризонѣ (Америка) недавно умеръ бывший секретаремъ нашего консульства въ Чикаго Николай Райланъ. Онъ служилъ въ одномъ консульствѣ болѣе 10 лѣтъ, былъ женатъ три раза, считался лихимъ наѣзникомъ, участвовалъ въ испанско-американской войнѣ.

Врачебный осмотръ трупа Райлана, послѣ его смерти, обнаружилъ что онъ былъ... женщина! Пережившая его жена утверждаетъ, что Райланъ былъ мужчиною».

Вотъ весь матеріалъ, долженствующій послужить къ разъясненію «Маленькой исторической тайны» г. Виташевскаго. Мы полагаемъ, что его достаточно, и Серафима Петровна Терлецкая, мать злополучной Нины, доставившая его намъ и удостовѣрившая своей подписью, что сообщаемое и самые документы не подлежатъ сомнѣнію, можетъ быть спокойна, — врядъ-ли кто усумнится (даже самъ г. Виташевскій), что Нина и Николай Райланъ одно и то же лицо, — дочь С. П. Терлецкой, которая обладала столь своеобразной натурой и жизнью, что создала тайну, но не въ духѣ г. Виташевскаго, а другую — біологическую, психическую тайну. Вотъ эта новая тайна и является наряду съ другими явленіями психическихъ перевоплощеній пола, предметомъ нашего изслѣдованія, результаты котораго, вмѣстѣ съ деталями жизни Нины, необходимыми въ спеціальныхъ цѣляхъ, мы и представимъ въ недалекомъ будущемъ.

Проф. В. Образцовъ.

ПУШКИНСКІЙ УГОЛОКЪ ¹⁾.

«Пушкинъ—нашъ все».

А. Григорьевъ.

«Пушкинъ—самое драгоценное, что
есть у Россіи, самое родное и близ-
кое для каждого изъ насъ».

М. Айхенвальдъ.

ВСПОМНИТЬ лишній разъ о томъ, что для каждого культурнаго русскаго человѣка дорого и мило, и съ чѣмъ связанъ цѣлый рой красивыхъ впечатлѣній, легендъ и мечтаній, не только можно, но и необходимо. Даже въ разгаръ такой жестокой бойни, такого небывалаго въ исторіи человѣчества бряцанія оружія, когда, повидимому, вниманіе всего человѣчества нервно и напряженно приковано къ событіямъ нынѣшней отечественной войны и съ ужасомъ и невѣдомымъ страхомъ слѣдитъ за исходомъ борьбы собственно двухъ народностей—славянской и германской, но отдохнуть и дать хотя бы минутное успокоеніе мятущемуся на мысли, что существуетъ на свѣтѣ, какъ благодатный, дающій роздыхъ оазисъ, красивый «уголокъ» земли, въ которомъ обиталъ и тамъ же незрѣлъ пріютъ для вѣчнаго упокоенія великій русскій геній, на все отозвав-

¹⁾ «Пушкинскимъ уголкомъ», обычно считаютъ село Михайловское—имѣніе родителей А. С. Пушкина, въ которомъ жилъ, а затѣмъ часто посѣщалъ поэтъ; с. Тригорское, гдѣ поэтъ провелъ «дни лучшіе младости своей», и наконецъ Святогорскій монастырь, гдѣ похороненъ прахъ великаго поэта и его родственниковъ. Извѣстный педагогъ-писатель В. Острогорскій значительно расширяетъ границы Пушкинскаго уголка. «Пушкинскій уголокъ», по нему,—это не только с. Михай-

шійся сердцемъ своимъ, такъ что «ничего не оставлено имъ подь солнцемъ живыхъ безъ привѣта», и подарившій человѣчеству великое богатство—свои творенія. Въ моменты настоящей исторической борьбы народностей каждый славянинъ пусть вспомнитъ великаго русскаго поэта А. С. Пушкина, въ каждой строчкѣ твореній котораго видны черты славянскаго генія, съ его безпечнымъ и глубокимъ добродушіемъ, свѣтлостью взгляда и несравненной легкостью, подь которой кроется глубина мысли. А затѣмъ «этотъ полетъ славянскаго чувства, широкій взмахъ доносящихся въ высъ орлиныхъ крыльевъ, голосъ шуму водъ подобный!» Справедливо говоритъ одинъ серьезный изслѣдователь языка, духа и литературы славянскихъ націй: «До сихъ поръ у насъ есть только одинъ поэтъ, который далъ полный и цѣльный образъ русской народности. Это—Пушкинъ. Въ его стихахъ вылилось все наше душевное, особенное, и кто хочетъ изучать русскую душу, пусть читаетъ Пушкина. Прочтетъ, и увидитъ тамъ чистый обликъ славянина¹⁾ Дѣйствительно, годъ смерти Пушкина показалъ, насколько онъ близокъ и дорогъ былъ славянству: почти во всѣхъ славянскихъ литературахъ тогдашняго времени русская потеря нашла себѣ сочувственный откликъ. Въ нынѣшнюю эпоху національнаго подъема пусть каждый русскій культурный человѣкъ съ гордостью и радостью вспомнитъ великаго русскаго національнаго генія, съ русской душой, русскимъ размахомъ и безпечнымъ добродушіемъ. «При имени Пушкина, говоритъ Н. В. Гоголь, тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ назваться болѣе національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русскій языкъ, русскій характеръ, отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ

ловское, эта небольшая часть Опочецкаго уѣзда, Пековской губерніи, гдѣ на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, въ гористой, чудной мѣстности, омываемой живописными рѣчками Великой и Соротью и многими озерами, сгруппировалось нѣсколько селеній, тѣсно связанныхъ съ именемъ Пушкина: Святогорскій монастырь въ 55 верстахъ отъ города Острова съ с. Михайловскимъ или Зуевымъ, отстоящимъ отъ него версты на четыре; красивѣйшее мѣстечко Тригорское и рядомъ съ нимъ, на Лысой горѣ, имѣніе Батово, всего въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго,—вотъ, такъ сказать, собственно Пушкинскій центръ, уголокъ, связанный съ именемъ поэта наиболѣе. Но къ «уголку» причислили бы мы еще и с. Голубово. Вотъ и весь уголокъ, если не считать городовъ: Опочки, Острова, наконецъ, Пекова, гдѣ Пушкинъ бывалъ по дѣламъ». См. «Міръ Божій», 1898 г., сентябрьская книжка.

¹⁾ А. Сиротининъ. «Россія и славяне». Петроградъ, 1913 г., стр. 4.

на выпуклой поверхности оптического стекла»¹⁾. Одинъ очень серьезный изслѣдователь твореній Пушкина и Пушкинской эпохи въ такихъ словахъ опредѣляетъ значеніе Пушкина для русской литературы: «Солнце русской поэзіи—Пушкинъ, крупнѣйшій выразитель русскаго національнаго духа, именемъ своимъ отмѣтившій цѣлую эпоху родной литературы, никогда не перестанетъ занимать умы. Вспомнимъ, что именемъ Пушкина отмѣчена великая эпоха русской литературы, и въ этой эпохѣ центральной фигурой является великій поэтъ, отразившій въ своихъ твореніяхъ русскую жизнь, отвѣтившій на безчисленные запросы современности и указавшій широкія задачи будущности. Смѣло и съ гордостью можно сказать, что ни одинъ поэтъ не далъ своей странѣ столько, сколько дала русскому народу муза Пушкина, щедрая, по мѣткому и высокопоэтическому выраженію Гейне, «какъ солнце»²⁾ Вспомнить о Пушкинѣ и о всемъ, что связано съ его именемъ, благотворенно въ настоящее время еще и потому, что 26-го мая сего года исполнилась 117-я годовщина со дня рожденія поэта.

Умеръ міровой гений, оставивъ намъ, кромѣ своего богатства—великихъ твореній, еще, какъ драгоценный амулетъ, свой уголокъ, гдѣ покоятся его дорогія останки, и куда стекаются тысячи русскихъ и иностранныхъ туристовъ, чтобы поклониться праху великаго человѣка, помолиться объ упокоеніи раба Божія «Александра» и полюбоваться живописнымъ уголкомъ, въ которомъ жилъ и умеръ поэтъ. Пишущему эти строки выпало счастье посѣтить Пушкинскій уголокъ и поклониться праху поэта при особо благопріятныхъ обстоятельствахъ: волны жизни, по счастливой случайности, занесли меня на службу въ г. Псковъ, въ предѣлахъ коего находится Пушкинскій уголокъ, а затѣмъ эти мѣста освящены и самимъ поэтомъ—онъ много разъ посѣщалъ губернский городъ, гдѣ до сихъ поръ по Сергіевской улицѣ сохранился домъ, въ которомъ останавливался Пушкинъ;³⁾ въ честь поэта названа одна изъ главныхъ

1) Н. В. Гоголь. «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ». Полн. собр. сочин. изд. Маркса, 1900 г., т. IX, стр. 227.

2) Н. Лернеръ. «Труды и дни Пушкина». Введеніе. 1903 г. Интересно отмѣтить, что «солнцемъ русской поэзіи» Пушкинъ названъ тотчасъ послѣ смерти. Такъ, въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду», издававшихся подъ редакціей А. А. Краевского, находимъ слѣдующую замѣтку о кончинѣ Пушкина: «Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща! Болѣе говорить о немъ не имѣемъ силы, да и не нужно: всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратной потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ!.. Наша радость, наша народная слава!.. Неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ у насъ Пушкина? Къ этой мысли нельзя привыкнуть». Далѣе слѣдуетъ дата кончины: 29-го января, 2 ч. 45. м. пополудни. Факсимиле замѣтки напечатано въ «Ист. Вѣстн.», 1899, кн. IV.

3) Извѣстный мѣстный, теперь уже покойный, археологъ И. И. Василевъ, оспаривалъ преданіе, будто бы Пушкинъ останавливался въ домѣ Литвинова, на Сергіев-

улицъ, а также въ память столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта воздвигнуть въ городѣ памятникъ поэту—Пушкинскій домъ (театръ); сохранилась и по сіе время въ бывшемъ кремлѣ бесѣдка, называемая Пушкинскою, находящаяся на возвышеніи при слияніи рѣкъ Великой и Псковы, откуда поэтъ любовался рѣкой и чудными перспективами, открывавшимися предъ его взоромъ. Такъ какъ Псковъ представляетъ изъ себя археологическій памятникъ, и историческое прошлое этого города восходитъ ко временамъ возникновенія и образованія русскаго государства, то въ городѣ имѣется два археологическихъ музея, въ которыхъ хранятся, между прочимъ, и нѣкоторыя реликвіи Пушкина. Такимъ образомъ сравнительная близость отъ Пскова Пушкинскихъ мѣстъ, а съ другой стороны свѣжесть преданій о немъ въ городѣ являлись достойными мотивами для посѣщенія Пушкинскаго уголка. Въ экскурсію приняли участіе товарищи по службѣ, и мы, пользуясь тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, что отъ Пскова до Пушкинскихъ мѣстъ почти вся дорога, за исключеніемъ 22 версты проселочной, лежитъ по шоссе, рѣшили совершить экскурсію нѣсколькимъ оригинальнымъ образомъ ¹⁾ на велосипедахъ.

I.

Выѣхавъ въ 5 часовъ вечера лѣтомъ прошлаго 1914 года изъ Пскова, мы около 10 часовъ вечера были уже въ г. Островѣ и остановились здѣсь на ночлегъ въ центральной гостиницѣ, противъ

ской улицѣ, гдѣ теперь находится Ольгинскій пріютъ, и гдѣ между прочимъ прибита доска съ указаніемъ, что въ этомъ домѣ останавливался поэтъ. «Сергіевская улица, по мнѣнію этого археолога, въ то время не имѣла настоящаго вида. Въ началѣ ея отъ Сергіевскихъ воротъ тогда были расположены дома по лѣвой сторонѣ, если смотрѣть за городъ, такъ: противъ стѣны, составлявшей улицу, былъ Сергіевскій переулокъ, названный такъ отъ находящейся въ настоящее время на ней церкви Сергія Радонежскаго (теперь церковь реального училища), а за нею былъ домъ, принадлежавшій въ 50-хъ годахъ чиновнику Тихомирову. Для дома Литвинова тогда и мѣста не было» (См. И. И. Василевъ. «Слѣды пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Псковской губерніи. П. С. Г.». 1899, стр. 6—7).

¹⁾ Если ѣхать отъ Пскова по желѣзной дорогѣ, то по Варшавскому шоссе, идущему почти параллельно полотну ж. д., можно проѣхать 50 верстъ до г. Острова, а за Островомъ, гдѣ начинаются развѣтвленія шоссе, «свернувъ влѣво, проѣхать можно по Опочецкому шоссе 33 версты до ст. «Новгородка», а отъ этой станціи, свернувъ опять влѣво, 22 версты до «Святыхъ Горъ», ѣхать нужно по проселочной грунтовой дорогѣ. Туристы же, отправляющіеся по желѣзной дорогѣ, должны взять пассажирскій билетъ до ст. «Островъ», отстоящій въ 1—2 верстахъ отъ узднаго г. Острова, Псковской губерніи, откуда могутъ отправляться для дальнѣйшаго слѣдованія на автобусахъ или автомобиляхъ, отходящихъ отъ Острова ежедневно приблизительно около 10—11 часовъ утра, и отсюда же по шоссе могутъ доѣхать до упомянутой ст. «Новгородка», а туда брать земскихъ лошадей и ѣхать тѣ же 22 версты по проселочной дорогѣ до «Святыхъ Горъ»; обычно же туристы берутъ земскихъ лошадей въ г. Островѣ и ѣдутъ до конечнаго пункта—«Святыхъ Горъ».

которой находится лѣтній садъ съ рестораномъ и кинематографомъ. Въ этомъ саду, какъ оказалось по нашимъ наблюденіямъ, сосредоточивается, какъ въ фокусѣ, вся жизнь обывателя въ лѣтнее время, жаждущаго отдыха послѣ дневного труда, развлеченій и вообще пріятнаго времяпровожденія на свѣжемъ воздухѣ. Городъ, какъ и большинство русскихъ провинціальныхъ городовъ, не отличается оживленностью, бойкостью, и ничѣмъ особенно не замѣчательнъ, за исключеніемъ развѣ того, что въ Островѣ, какъ древнемъ пригородѣ Пскова; была крѣпость, стѣны и башенки которой сохранились до настоящаго времени; вблизи крѣпости сохранилась старинная и оригинальная по архитектурной постройкѣ Николаевская церковь и при ней мѣстными археологами изъ духовенства устроены маленькій музей съ цѣнными въ археологическомъ отношеніи мѣстными святынями и древностями. Соединяетъ двѣ части города, раздѣляемаго и омываемаго р. Великой, замѣчательный цѣпной мостъ. Когда основанъ городъ, съ точностью неизвѣстно; въ первый разъ онъ упоминается Псковскими лѣтописцами въ первой половинѣ XIV в., въ 1341 году. Любопытно, что Пушкинъ ни однимъ словомъ не обмолвился о г. Островѣ ни въ своихъ твореніяхъ, ни въ письмахъ, хотя неоднократно проѣзжалъ здѣсь.

Переночевавъ, на слѣдующее утро отправились дальше въ путь и, выѣхавъ за Островъ, свернули влѣво и поѣхали по Опочецкому шоссе до ст. Новгородка, гдѣ кончилась для насъ прямая шоссезная дорога и нужно было сворачивать влѣво отъ шоссе и ѣхать 22 версты до Святыхъ Горъ по проселочной дорогѣ. На ст. «Новгородка» пришлось сдѣлать продолжительную остановку, такъ какъ съ запада надвигалась, къ нашему несчастью, зловѣщая черная туча, обѣщавшая если не градъ, то во всякомъ случаѣ проливной дождь. Поднялся страшный ураганъ, столбы пыли, въ видѣ смерчи, появились на шоссе, слышны стали раскаты грома, и затѣмъ немедленно начали падать крупныя капли дождя. Мы благословляли судьбу, что въ этотъ моментъ находились въ уютной, хотя и грязной чайной, а не въ пути, но съ другой стороны, скорбѣли о томъ, что пойдетъ проливной дождь, размочитъ грунтовую дорогу, вслѣдствіе чего двигаться на велосипедѣ дальше не придется и начали уже выработать планъ дальнѣйшаго слѣдованія, но у каждого, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно было прочитать во взорѣ мольбу:

«Унеси ты, вѣтеръ, тучу градовую».

Къ нашему счастью, буря скоро разогнала нависшія тучи, такъ что дождь успѣлъ прибить къ землѣ только пыль, освѣжился воздухъ, выглянуло вечернее, клонящееся къ закату солнышко, такъ что послѣ нестерпимаго дневного зноя ѣхать было прохладно и непыльно, и потому мы продолжали еще съ большимъ удоволь-

ствіемъ и подъемомъ духа свое путешествіе и черезъ часа полтора были уже въ Святыхъ Горахъ. Дорога отъ ст. Новгородка до Святогорскаго монастыря грунтовая, какъ будто приготовленная для шоссе и даже называется Новоржевскимъ шоссе, но посировать ее, невозможно, въ виду ея чрезвычайной холмистости¹⁾, и потому, конечно, очень неудобной для обычной ѣзды. Кстати сказать, это неудобство ѣзды увеличивалось еще до недавняго времени тѣмъ, что дорогу эту пересѣкаетъ р. Великая, переѣздъ черезъ которую въ весеннее время былъ на лодкахъ, и только лишь

Терраса главнаго дома, съ которой открывается чудный видъ на р. Соротъ и озеро. (Домъ построенъ по образцу сгорѣвшаго дома).

26-го мая 1914 г., въ день годовщины рожденія поэта, былъ освященъ, въ присутствіи начальника губерніи и членовъ Пупкинскаго комитета, построенный желѣзный мостъ, вслѣдствіе чего сообщеніе сдѣлалось незатруднительнымъ. Окрестности по дорогѣ въ Святія Горы живописныя и ласкаютъ взоръ туриста; попадаются часто лѣсные опушки, молодой лѣсъ, холмы, насыпи, деревушки; въ пятнадцативертномъ разстояніи отъ Святыхъ Горъ виднѣются среди лѣса уже купола Святогорскаго монастыря, такъ что

¹⁾ Холмистость дороги и вообще окрестностей объясняется тѣмъ, что въ этой мѣстности проходятъ отроги Валдайской возвышенности.

«Истор. вѣстн.», июль—августъ 1917 г., т. СХЛХ.

кажется, что совсѣмъ доѣхать близко, а на самомъ дѣлѣ получается обманъ зрѣнія.

«Святые Горы», гдѣ находится монастырь, пріютившій прахъ поэта, это островокъ песчаныхъ холмовъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, среди безконечной, слегка волнующейся равнины полей и луговъ. Существуетъ преданіе, что Стефанъ Баторій, идя на Псковъ по этимъ мѣстамъ, не замѣтилъ тогда еще совсѣмъ молодого монастыря, хорошо укрытаго своими горками, и послѣдній, такимъ образомъ, спасся отъ серьезныхъ непріятностей. По пріѣздѣ въ Святогорскій монастырь, остановились въ гостинницѣ монастыря, расположенной у вратъ обители, и здѣсь думали переночевать съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день отправиться въ село Михайловское. Гостинница была переполнена богомольцами, прибывшими сюда изъ окрестныхъ селъ и уѣздовъ—одни помолиться, а другіе на ярмарку¹⁾, которая бываетъ ежегодно во 2-е воскресенье послѣ Троицы, и сосредоточена главнымъ образомъ въ монастырѣ. Завѣдующій гостинницей старичекъ монахъ захлопотался съ богомольцами и потому вначалѣ не особенно любезно принялъ пріѣзжихъ велосипедистовъ, но одинъ изъ товарищей догадался, какъ можно расположить къ себѣ старика, и на вопросъ послѣдняго, откуда мы пріѣхали, товарищъ за всѣхъ отвѣтилъ, что ѣдемъ изъ Пскова и мы, знакомые архіерея. Слово «архіерей» явилось для старика монаха магическимъ словомъ; онъ тотчасъ же разсыпался любезностями, отвелъ лучшей номеръ въ своей гостинницѣ, сталъ хлопотать о томъ, чтобы напоить насъ чаемъ, успѣлъ сбѣгать въ обитель, которая находится въ 100—150 шагахъ отъ гостиницы, и сообщить монахамъ о нашемъ пріѣздѣ, такъ что когда мы отправились послѣ непродолжительнаго отдыха въ самую обитель съ тѣмъ, чтобы сдѣлать визитъ настоятелю, а затѣмъ пройти къ могилѣ Пушкина, то насъ тамъ встрѣтила толпа любопытствующихъ монаховъ; въ монастырѣ также много было сновавшаго по случаю ярмарки народа. Въ покояхъ настоятеля принялъ насъ очень ласково сѣденькій глубокой старичокъ, настоятель обители, игуменъ Кириллъ²⁾, видимо, усталый послѣ продолжительной вечерней службы, благословилъ насъ и поручилъ своему келейнику проводить насъ къ могилѣ поэта. Мы его не рѣшались ни о

¹⁾ Между прочимъ, эта ярмарка—очень давнее явленіе, и первое упоминаніе о ней находимъ въ «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1871 г. Здѣсь одинъ авторъ въ своей статьѣ по поводу того, что русское общество занято въ настоящее время вопросомъ о сооруженіи памятника Пушкину въ Москвѣ, дѣлаетъ такое любопытное замѣчаніе: «Не мѣшало бы любителямъ русскаго слова вообще и намъ, псковичамъ, въ особенности, вспомнить, что самая могила поэта находится въ печальномъ состояніи и посѣщается развѣ только богомольцами во 2-е воскресенье послѣ Троицы». См. Н. В. Васильевъ. Цит. кн. стр. 8.

²⁾ Нынѣ покойный; теперь настоятелемъ монастыря назначенъ игуменъ Евстафій,

чемъ спрашивать, такъ какъ заранѣе были освѣдомлены, что онъ недавно только сюда переведенъ изъ другого монастыря, такъ что ничего не сможетъ сообщить намъ новаго и интереснаго. Отъ дома настоятеля мы, въ сопровожденіи той же толпы монаховъ, направились къ могилѣ Пушкина, путь къ которой лежитъ черезъ довольно высокую лѣстницу, соединенную примитивнымъ образомъ изъ крупныхъ поросшихъ травой камней, такъ какъ главный храмъ обители, памятникъ, а также небольшое кладбище находятся на сравнительно высокой горѣ, отчего и самая обитель получила названіе Святогорской. Направо отъ лѣстницы, прямо противъ алтаря, у церкви, надъ самымъ обрывомъ укрѣпленной

Главный домъ въ имѣніи Михайловскомъ, построенный по образцу сгорѣвшаго дома.

камнемъ горы—могила Пушкина. Памятникъ надъ могилой—небольшой бѣлый обелискъ съ кирпичнымъ, поросшимъ травой и цвѣтами пьедесталомъ, окруженъ желѣзной рѣшеткой. Надпись на памятникѣ самая скромная и простая: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, родился 26-го мая 1799 года, скончался 29-го января 1937 г». Могила содержится опрятно и чисто, видны слѣды заботливой руки; на памятникѣ оказался сравнительно еще свѣжій вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Этотъ вѣнокъ былъ возложенъ, какъ объяснили монахи, Пушкинскимъ Комитетомъ 26-го мая, т. е. тогда же, когда, послѣ освященія упомянутого желѣзнаго моста, Комитетъ на могилѣ Пушкина отслужилъ панихиду. Изъ-за ограды

со всѣхъ сторонъ тянутся въ вышинѣ надъ бѣлой пирамидой пушкинскаго памятника огромныя вѣтви деревьевъ, растущихъ по скату горы. Онѣ почти касаются стѣнъ монастырской церкви. Рядомъ съ могилой поэта, слѣва, ветхая плита съ почти стертой надписью надъ могилами дѣда и бабушки Пушкина, Иосифа Абрамовича и Маріи Алексѣевны Ганибалль. Ни матери, ни отца Пушкина могилъ не сохранилось. Здѣсь была похоронена и няня поэта, Арина Родіоновна, но могилы ся тоже найти нельзя. Направо отъ Пушкина покоится игуменъ Геннадій, современникъ Пушкина; онъ похоронилъ тѣло поэта. Благоговѣно поклонившись праху великаго поэта, мы стали разспрашивать сопутствовавшихъ насъ монаховъ о сохраняющихся въ монастырѣ преданіяхъ, связанныхъ съ именемъ Пушкина, часто ли посѣщается туристами могила поэта и проч. Монахи говорили, что пріѣзжихъ бываетъ много, причемъ старикъ монахъ, завѣдующій гостинницей, подавая намъ телеграмму, сказалъ, что вотъ завтра, т. е. 4-го іюня, пріѣзжаетъ экскурсія въ 40 человекъ Кронштадской женской гимназіи, и нужно имъ приготовить мѣсто въ гостинницѣ, но монахи не преминули добавить, что доходъ монастырю отъ посѣщеній публикой могилы Пушкина невеликъ. Во время дальнѣйшихъ разспросовъ изъ среды монаховъ выступилъ одинъ монахъ, повидимому, большой начетчикъ, который знаетъ о Пушкинѣ, что онъ былъ человекъ религиозный, а затѣмъ повторялъ ту общеизвѣстную истину, что Пушкинъ при жизни хотѣлъ построить въ с. Михайловскомъ церковь Вознесенія Господня, такъ какъ праздникъ этотъ имѣлъ большое значеніе въ жизни поэта, и самъ Пушкинъ говорилъ, что этотъ праздникъ имѣлъ какую-то таинственную связь съ важнѣйшими событіями его жизни: 26-го мая, въ день Вознесенія Господня, поэтъ родился, обвѣнчанъ былъ 18-го февраля 1831 г. въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенія. Въ заключеніе монахъ сказалъ, что Пушкинскому Комитету надлежало бы озаботиться, чтобы на родинѣ Пушкина, въ с. Михайловскомъ, былъ воздвигнутъ храмъ Вознесенія Господня. Осмотрѣвъ небольшое кладбище, которое находится вблизи могилы поэта и полюбовавшись видомъ, открывающимся съ террасы памятника на окружающую мѣстность, всю усѣянную нивами и молодымъ лѣсомъ, мы вышли въ сопровожденіи тѣхъ же монаховъ въ главный монастырскій Успенскій храмъ, построенный на той же горѣ, поклонились святынямъ монастыря и тотъ же самый монахъ—начетчикъ сообщилъ намъ красивую легенду о возникновеніи и основаніи въ XVI вѣкѣ Святогорскаго монастыря ¹⁾.

¹⁾ Сказаніе объ основаніи Святогорскаго монастыря можно найти хотя бы въ небольшой брошюрѣ, изданной на средства монастыря игуменомъ Іоанномъ: «Описаніе Святогорскаго Успенскаго монастыря, Псковской епархіи», Псковъ, 1899 г., какую брошюру можно пріобрѣсти въ монастырѣ; намъ брошюра была подарена настоятелемъ монастыря.

До сихъ поръ въ Святогорской обители свѣжо преданіе о Пушкинѣ, какъ о добромъ и доступномъ баринѣ, и о томъ, что простой народъ любилъ Пушкина и поэтъ пользовался въ Святыхъ Горахъ большой популярностью. Поэтъ старался сблизиться съ простымъ народомъ, вмѣшивался постоянно въ крестьянскую толпу. Въ крестьянскомъ костюмѣ онъ являлся на бывающую и по настоящее время въ девятую пятницу по Пасхѣ ярмарку и особенно любилъ ходить по колесному ряду, гдѣ слушалъ присказки и пѣсни. Возился съ нищими и пѣвалъ съ ними вмѣстѣ про Лазаря и про Алексѣя Божія человѣка. Это преданіе настолько достоверно

Кабинетъ въ главномъ домѣ; на письменномъ столѣ лежитъ книга для записи посѣтителей.

и популярно въ монастырѣ, что даже послужило сюжетомъ для фотографическаго снимка открытки, который мы отыскали въ книжной монастырской лавкѣ и который можно приобрести каждому желающему. На этой открыткѣ указано точно мѣсто у вратъ обители, гдѣ Пушкинъ пѣвалъ съ нищими Лазаря¹⁾. Простившись и

¹⁾ Также просто и незатѣливо велъ себя Пушкинъ, когда прѣбазалъ по дѣламъ во Псковъ: бывалъ на базарной площади въ простомъ мужицкомъ костюмѣ, вмѣшивался въ толпу, велъ бесѣды съ крестьянами и даже игралъ на улицѣ съ городскими мальчиками. Это преданіе, однако, оспариваетъ упомянутый археологъ И. Васильевъ. Въ его книжкѣ «Слѣды пребыванія Пушкина въ Псковской губерніи» находимъ слѣдующіе строки: «Устныхъ преданій о Пушкинѣ сохранилось очень мало, и изъ со

облагодаривъ сопутствующихъ монаховъ, мы, при возвращеніи въ гостинницу, заглянули въ книжную лавку монастыря, находящуюся съ гостинницей въ одномъ домѣ, рассчитывая найти тамъ какія нибудь реликвіи, богатую литературу о Пушкинѣ и Пуш-

хранившихся нѣкоторыя перепутаны. Такъ, въ биографіи его, приложенной къ его сочиненіямъ (Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 3-е, С.П.Б., 1899, стр. XXXIV) говорится, что когда Пушкинъ былъ вызванъ въ Псковъ для представленія мѣстному начальству, то онъ являлся на базаръ и въ частные дома въ мужицкомъ костюмѣ. Едва ли это могло быть во Псковѣ. Между тѣмъ, имѣются опровергающія мнѣніе Василева данныя, и прежде всего мы находимъ ихъ у Анненкова. По поводу «Бориса Годунова» онъ говоритъ: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что работа надъ «Борисомъ Годуновымъ», въ которой такую видную роль играетъ элементъ старинной русской народной жизни, содѣйствовала стремленію Пушкина проникнуть въ окружающую его дѣйствительную жизнь. По словамъ того же Анненкова, время пребыванія въ Псковѣ онъ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли—изученію народной жизни. Онъ изыскивалъ средства для изученія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ костюмъ мужицкій, въ которомъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ во Псковѣ (см. Анненковъ «Матеріалы», 2-е изд., стр. 144). Насколько поэтъ изучилъ народную рѣчь, видно, между прочимъ, изъ того факта, что извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскій въ предисловіи къ своему собранію народныхъ пѣсенъ говоритъ: «А. С. Пушкинъ, еще въ самомъ началѣ моего предпріятія, доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи». Неопровержимое же доказательство сохранившагося преданія о томъ, насколько просто и даже необычно было поведеніе поэта въ моменты его пребыванія въ Псковѣ, находимъ, между прочимъ, въ недавно опубликованныхъ воспоминаніяхъ одного автора въ журналѣ «Сѣверныя Записки». Авторъ сообщаетъ объ одной встрѣчѣ съ Пушкинымъ въ Псковѣ, въ бытность свою чиновникомъ особыхъ порученій при псковскомъ губернаторѣ Пешуровѣ, который автору приходился дядей.

«Въ одну изъ утреннихъ прогулокъ по городу,—разсказываетъ авторъ,—я набрелъ на кучку ребятъ, играющихъ въ бабки. Отъ нечего дѣлать, я засмотрѣлся, какъ ловко вивалась тяжелая свинчатка, подымая пылъ клубомъ. Переведя затѣмъ глаза на игрока, я немного опѣшилъ, увидя человѣка, если еще не стараго, то и не первой юности. Незнакомецъ одѣтъ былъ въ бѣлый армякъ на распашку; лѣтній картузь небрежно покрывалъ ему голову; кудрявая борода вилась на щекахъ и подбородкѣ. Было въ немъ нѣчто цыганское, своевольное, и я подумалъ сначала, ужъ не цыганъ ли это, но русые волосы неизвѣстнаго указывали на принадлежность его къ славянскому племени, да и странно было бы цыгану держаться такъ смѣло и свободно въ присутствіи губернаторскаго чиновника. Не обращая на меня вниманія, незнакомецъ мѣтко и увѣренно выбивалъ игру за игрою, чуть припадая на колѣни и щуря глаза; потомъ встряхнулъ, потеръ свои маленькія загорѣлыя руки, далъ мальчикамъ пятакъ и бѣгло меня окинувъ взглядомъ, пошелъ прочь. Я успѣлъ замѣтить, что верхняя губа у него была выбрита, но не позднѣе недѣли тому назадъ, и заключилъ отсюда, что это, должно быть, мелкій уѣздный помѣщикъ. Возвратясь домой, разсказалъ дядѣ, псковскому губернатору Пешурову, о встрѣчѣ. —Да это Пушкинъ,—перебилъ меня дядя. Въ то время я зналъ уже о Пушкинѣ и восхищался его «Кавказскимъ Пльнникомъ» и «Людмилой». Какъ жалѣлъ я, что не заговорилъ съ нимъ, не разспросилъ его о стихахъ, о томъ, не пишетъ ли онъ чего-нибудь новаго! Въ заключеніе дядя сказалъ: «За Пушкиннымъ надобно зорко слѣдить: онъ человѣкъ весьма и весьма опасный» (См. Борисъ Садовской: «Три встрѣчи съ Пушкинымъ» (рассказъ старика). «Сѣверныя Записки», 1915, мартовская книжка).

А в т.

кинскихъ мѣстахъ, много фотографическихъ снимковъ и проч., но были жестоко разочарованы. Кромѣ упомянутаго «Описанія монастыря», двухъ трехъ книжекъ о Пушкинѣ и нѣсколькихъ открытокъ, мы ничего не нашли. Этимъ и закончился нашъ осмотръ Святогорскаго монастыря и всего того, что связано съ именемъ Пушкина. Въ заключеніе, кстати, скажемъ, что многіе нескѣдующіе задають вопросъ, почему именно Святогорскому монастырю, пріютившемуся въ глуши отъ большихъ городовъ и ничѣмъ особенно незамѣчательному, суждено было сдѣлаться мѣстомъ упокоенія великаго поэта, и почему погребеніе было именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, болѣе извѣстномъ, и естественнѣе всего въ Петро-

Общій видъ главнаго дома и домика няни.

градѣ, гдѣ поэтъ жилъ, и гдѣ произошла роковая дуэль Пушкина съ Дантесомъ. Вопросъ разрѣшается очень просто, если принять въ соображеніе, что въ с. Михайловскомъ, родовомъ имѣніи Пушкина, церкви не было, и оно являлось такимъ образомъ какъ бы приписнымъ приходомъ къ Святогорскому монастырю. Близость села Михайловскаго отъ Святогорскаго монастыря (всего 4 версты) давало возможность семьѣ Пушкина, въ частности и самому поэту, часто бывать въ монастырѣ, и, какъ видѣли, имя поэта было связано съ монастыремъ самыми тѣсными узами. Здѣсь было, наконецъ, фамильное кладбище рода Пушкиныхъ. Естественнымъ и понятнымъ поэтому была послѣдняя воля умирающаго на чужбинѣ

поэта быть погребеннымъ въ любимомъ и родномъ ему Святогорскомъ монастырѣ, прихожаниномъ котораго онъ состоялъ ¹⁾). Прекрасное подтвержденіе и выясненіе высказанной мысли находимъ у проф. А. Яцимирскаго: «Совмѣщавшій въ себѣ юношескую безпечность и старчески разсчетливую дальновидность, поэтъ давно (1829) опредѣлилъ мѣсто, гдѣ надлежало итлѣвать его «безчувственному тѣлу». Близкій къ Михайловскому, видному съ вершины этого холма, Святогорскій монастырь былъ традиціоннымъ мѣстомъ упокоенія насельниковъ окрестныхъ дворянскихъ гнѣздъ. Въ началѣ апрѣля 1836 г. хоронили мать поэта. На погребеніе пріѣзжалъ Пушкинъ и, говорятъ, указалъ мѣсто своей могилы. Вотъ почему въ первыя тревожныя минуты послѣ кончины, когда предстояли хлопоты о перевезеніи праха, вдова и близкія лица почти не колебались: монастырь и опредѣленное мѣсто были связаны съ волей почившаго» ²⁾).

II.

Переночевавъ въ монастырской гостинницѣ, мы слѣдующее утро отправились на велосипедахъ въ Михайловское, или Зуево, отстоящее въ 4 верстахъ отъ Святогорскаго монастыря ³⁾. Окружающая мѣстность здѣсь очень живописна, дорога пролегаетъ между полями и лѣсными рощами,—и получаса не прошло, какъ мы очутились въ имѣніи поэта. Чувство живѣйшей радости и какого то неизъяснимаго мистическаго настроенія овладѣло каждымъ изъ насъ, когда мы вѣхали во дворъ усадьбы. Очень дорогимъ, милымъ и близкимъ показался для насъ этотъ уголокъ земли, красивый оазисъ, затерявшійся въ глуши, но столь много говорящій сердцу русскаго человѣка. Дѣйствительно, с. Михайловское дорого для каждаго русскаго культурнаго человѣка не только потому, что тамъ жилъ великій русскій гений и что Михайловское

¹⁾ Печальныя обстоятельства, сопровождавшія перевезеніе тѣла покойнаго поэта изъ Петрограда въ Святогорскій монастырь, извѣстны каждому, такъ что упоминать о нихъ здѣсь не будемъ. Документы, относящіеся къ провозу чрезъ Псковскую губернію и преданію землѣ тѣла А. С. Пушкина впервые, кажется, опубликованы были въ печати И. И. Василевымъ въ упомянутой книжкѣ: «Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи».

²⁾ Проф. А. Яцимирскій. «Святія Горы—мѣсто вѣчнаго упокоенія Пушкина». Библиотека великихъ писателей подъ редакціей проф. С. Е. Венгерова. Пушкинъ. Изд. Брокгаузъ Ефронъ. Петроградъ, т. VI, 1915 г.

³⁾ Кстати сказать, что еще до выѣзда изъ Пскова, знакомые совѣтовали намъ обратиться и даже дали свою рекомендацію къ земскому начальнику Павлу Федоровичу Карпову, который состоитъ членомъ Пушкинскаго комитета и имѣетъ ближайшее наблюденіе за селомъ Михайловскимъ и, слѣдовательно, могъ намъ оказать громадную услугу, но, къ сожалѣнію, любезностью его не пришлось намъ воспользоваться, такъ какъ онъ живетъ въ 10—15 вер. отъ Михайловскаго, въ селѣ Вѣче, сообщеніе съ которымъ затруднительно на велосипедахъ, благодаря проселочной дорогѣ.

связано съ именемъ поэта самымъ тѣснымъ образомъ, но еще болѣе тѣмъ, что въ отношеніи къ поэтическому творчеству Пушкина время, проведенное имъ въ Михайловскомъ, особенно съ 1824 по 1826 г., когда онъ здѣсь жилъ въ качествѣ плѣнника, было весьма плодотворно. Тутъ въ тиши уединенія, въ глубокомъ сосредоточеніи созрѣвали творческіе замыслы поэта и облеклись въ рядъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ впервые обнаружилась настоящая сила его гениальнаго дарованія¹⁾. На первомъ мѣстѣ среди произведеній Михайловскаго періода стоитъ «Борисъ Годуновъ»;

Домикъ, въ которомъ жилъ поэтъ съ няней. Теперь этотъ домикъ называютъ домикомъ няни—Арины Родионовны.

другимъ поэтическимъ трудомъ, занимавшимъ поэта въ Михайловскомъ былъ «Евгеній Онѣгинъ»²⁾ затѣмъ «Цыгане», «Графъ Нулинъ»,

¹⁾ Проф. Е. Пѣтуховъ. «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» (1824—1826). Библиотека великихъ писателей подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Пушкинъ, т. II, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, П.Р.Г., 1908.

²⁾ Извѣстно, что въ Михайловскомъ были написаны четыре, нужно сказать, самыя важныя и центральныя главы романа «Евгеній Онѣгинъ», а именно 3, 4, 5 и 6 главы. Между прочимъ, въ IV главѣ «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ такъ рисуетъ свою скромную однообразную жизнь въ Михайловскомъ:

Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ,
Пѣвцу Гюльнаръ подражая,

«Русалка», «Египетскія ночи». Въ Михайловскомъ произошло «возрожденіе», котораго поэтъ жаждалъ давно, о которомъ мечталъ въ водоворотѣ Петроградской жизни и подъ знойнымъ небомъ юга. Нашъ поэтъ испыталъ переломъ въ душевной жизни, отшумѣли и замолкли грезы юности, періоды бури и натиска, — наступаетъ пора самосознанія, спокойнаго и опредѣленнаго взгляда на цѣль жизни и литературной дѣятельности. Не мало потратилъ Пушкинъ душевныхъ силъ на случайныя впечатлѣнія, встрѣчи, далекія отъ интересовъ литературы между тѣмъ талантъ его зрѣлъ, кипучія молодыя силы бродили и нуждались въ новой обстановкѣ, которая дала бы возможность поэту сосредоточиться въ себѣ и выступить въ той великой роли, на которую онъ имѣлъ право по размѣрамъ своего гениальнаго дарованія. Такимъ именно мѣстомъ и явилось для Пушкина с. Михайловское. Словомъ, Пушкинъ изъ Михайловскаго выходитъ на литературное поприще уже вполне серьезнымъ художникомъ не только во всеоружіи природнаго художественнаго дарованія, но и глубокаго, сознательнаго пониманія своихъ дальнѣйшихъ творческихъ задачъ и плановъ. Установить точно дату, когда родители Пушкина переѣхали въ Михайловское—это дѣдовское имѣніе, доставшееся матери поэта, — затруднительно; первое же посѣщеніе Пушкинымъ Михайловскаго, есть основаніе предполагать, было въ 1817 г., по окончаніи поэтомъ лиція, и здѣсь онъ все лѣто проводитъ въ удовольствіяхъ деревенской жизни, на лонѣ любимой природы; по крайней мѣрѣ, на это указываютъ хронологическія данныя, собранныя Н. Лернеромъ. У него подъ датой 3-го іюля 1817 г. помѣчено. «Прошеніе Пушкина на Высочайшее имя объ отпускѣ по 15-е сентября въ Псковскую губернію для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ». Въ сохранившемся отрывкѣ изъ записокъ Пушкина онъ вспоминаетъ, между прочимъ, о своемъ первомъ пребываніи въ Михайловскомъ лѣтомъ 1817 г. «Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ уѣхалъ въ Псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч. Но все это правилось мнѣ недолго. Я донынѣ люблю шумъ и толпу». Въ своей элегии «Вновь я посѣтилъ»,

---

Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
 Потомъ свой кофе выпивалъ,
 Плохой журналъ перебирая,
 И одѣвался...
 Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
 Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
 Порой бѣлянки черноокой
 Младой и свѣжій поцѣлуй,
 Уздѣ послушный конь ретивый,
 Бутылка свѣтлаго вина,
 Успокоенье, тишина...

написанной въ 1835 г., поэтъ, привѣтствуя родныя Михайловскія рощи, говоритъ:

Въ разны годы
 Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
 Являлся я. Когда вы въ первый разъ
 Увидѣли меня, тогда я былъ
 Веселымъ юношей. Безпечно, жадно,
 Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
 Промчались—и вы во мнѣ пріяли
 Усталого пришельца...

Здѣсь поэтъ опредѣленно указываетъ, что въ «первый разъ увидѣли его родныя рощи, когда онъ, по окончаніи Лицея, безпечно

Одинъ изъ красивыхъ уголковъ с. Михайловскаго

и жадно приступалъ лишь только къ жизни». Въ Михайловское затѣмъ Пушкинъ прѣзжалъ почти каждое лѣто до ссылки его на югъ, т. е. до 1820 года; далѣе съ 9-го августа 1824 г. по 28-ое августа 1826 г. Пушкинъ проживалъ безвыѣздно въ Михайловскомъ, будучи сосланъ сюда подъ надзоръ своего отца, который однако въ ноябрѣ 1824 г. со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ Петроградъ и, оттуда, подъ благовиднымъ предлогомъ, прислалъ отказъ отъ добровольно принятыхъ на себя обязанностей надзора за сыномъ. Пушкинъ, такимъ образомъ, остался въ Михайловскомъ въ одиночествѣ со своей только любимицей, няней Ариной Родионовной. Проведенные въ отшельничествѣ, «два года незамѣтныхъ»

были очень важны и продуктивны, какъ сказано выше, для художественнаго творчества и развитія генія поэта. Затѣмъ, Пушкинъ навѣщаетъ Михайловское и живетъ здѣсь по цѣлымъ мѣсяцамъ уже въ качествѣ свободнаго гражданина въ 1827, 1828, 1835 и, наконецъ, въ послѣдній разъ въ 1836 г., когда пріѣзжалъ хоронить мать.

Не смотря на то, что поэтъ подолгу проживалъ въ Михайловскомъ и такъ часто навѣщалъ «родныя рощи и мѣста», въ настоящее время, къ великому огорченію, почти ничего не осталось въ Михайловскомъ, чтобы являлось живымъ свидѣтелемъ пребыванія здѣсь великаго поэта, за исключеніемъ развѣ домика, гдѣ жилъ поэтъ въ годы ссылки съ «подругой дней его суровыхъ», съ старушкой, дряхлой своей няней. Всѣ другія постройки и даже главный домъ, въ которомъ жилъ поэтъ со своими родителями, пожаромъ былъ уничтоженъ, и уже при сынѣ поэта, Григоріѣ Александровичѣ Пушкинѣ, выстроены заново по образцу старыхъ сторѣвшихъ построекъ. При вѣздѣ въ большой дворъ насъ встрѣтилъ человекъ среднихъ лѣтъ, оказавшійся управляющимъ Михайловскимъ имѣніемъ, любезно предложившій свои услуги ознакомить насъ со всѣмъ, что находится въ имѣніи, и пригласилъ зайти въ свою квартиру, находящуюся при вѣздѣ и состоящую изъ маленькаго флигеля. Онъ оказался большимъ любителемъ—фотографомъ и коротаетъ свой досугъ, живя здѣсь въ одиночествѣ, (онъ холостякъ) тѣмъ, что съ увлеченіемъ воспроизводитъ фотографическіе снимки съ каждаго представляющаго для него интересъ уголка, каждаго что называется, кустика, находящагося въ управляемомъ имъ имѣніи. Онъ подарилъ каждому изъ насъ по нѣсколько одинаковыхъ имѣющихся у него снимковъ, а мы, въ отвѣтъ на его любезность, прислали по пріѣздѣ домой фотографическихъ принадлежностей любителю-фотографу. Сначала осмотрѣли мы въ сопровожденіи управляющаго растянувшіяся на довольно значительное разстояніе надворныя постройки, находящіяся при вѣздѣ въ имѣніе, и въ одномъ изъ сараевъ намъ показали управляющій карету, недавно доставленную сюда изъ Пятигорска, въ которой ѣздилъ Пушкинъ. Далѣе, съ лѣвой стороны по обѣимъ сторонамъ воротъ, ведущихъ въ паркъ, расположены два небольшихъ домика: это колонія для престарѣлыхъ писателей или писательницъ, а также учителей или учительницъ. Извѣстно, что въ настоящее время с. Михайловское съ 800 десятинами земли, изъ которыхъ было 600 десятинъ лѣса, пріобрѣтено казной отъ наслѣдниковъ А. С. Пушкина за 140000 руб. и передано въ вѣдѣніе дворянства Псковской губерніи. Здѣсь ведется лѣсное и полевое хозяйство, и на доходы отъ него содержится упомянутая Пушкинская колонія для престарѣлыхъ писателей. Мы видѣли въ усадьбѣ группу крестьянъ, работающихъ здѣсь въ огородѣ и примитивной оранжереѣ.

Главная аллея парка въ имѣннѣ Михайловскомъ.

Въ центрѣ двора находится цвѣтникъ, въ родѣ скверика, обсаженный кустами жасмина, сирени и дикимъ виноградомъ, свѣшивающимся гирляндами между декоративными деревьями, и обнесенный круглымъ заборикомъ. Затѣмъ, съ лѣвой стороны, у входа въ большой домъ, стоящій посрединѣ двора, притаилась теперь уже, дѣйствительно, «ветхая лачужка», съ двумя комнатками,

гдѣ обитала дорогая для поэта личность, старушка няня Арина Родіоновна, сыгравшая громадную роль въ жизни воспитаннаго ею поэта, особенно, когда жила въ с. Михайловскомъ извѣстные два года въ уединеніи¹⁾. Она являлась для него тогда единственной подругой, второй матерью, и съ этой «наперсницей волшебной старины», «другомъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ» поэтъ короталъ, слушая ся сказки, длиннѣ зимніе вечера, объ одномъ изъ которыхъ поэтъ говорить въ посвященномъ нянѣ стихотвореніи «Зимній Вечеръ»:

А то плоды своихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читалъ онъ старой нянѣ,
Подругѣ юности своей.

Эта же «подруга» юности поэта послужила прототипомъ няни Татьяны Лариной²⁾. Правда, одиночество поэта во время ссылки скрашивали пріѣзжавшіе навѣстить его лицейскіе товарищи Пушкинъ, поэтъ Дельвицъ, Горчаковъ, и также большой пріятель Пушкина изъ сосѣдняго Тригорскаго студентъ Вульфъ, часто навѣщавшій Пушкина съ поэтомъ Языковымъ. Наконецъ, мы вошли въ главный большой домъ, выстроенный сыномъ поэта Григоріемъ Александровичемъ Пушкинымъ на мѣстѣ сгорѣвшаго дома, въ которомъ жили родители поэта³⁾ Въ новомъ домѣ ни обстановки,

¹⁾ Кстати, надлежало бы Пушкинскому комитету озаботиться, чтобы сохранить отъ разрушенія на память грядущимъ поколѣніямъ, эту драгоценность—«ветхую лачужку» подобно тому, какъ, напримѣръ, сохраняется домикъ Петра Великаго въ Петроградѣ.

²⁾ «Во многихъ стихахъ поэтъ обезсмертилъ свою Арину Родіоновну,—говоритъ современный критикъ Ю. Айхенвальдъ,—и во многихъ поэтическихъ созданіяхъ чувствуется его нѣжная любовь къ «подругѣ дней его суровыхъ», дряхлой старушкѣ-нянѣ, чья память дорога всей Россіи, потому что она хранила его жизнь и рассказывала курчавому мальчику русскія сказки, но нигдѣ не воздвигъ ей такого памятника, какъ въ этой навѣки запечатлѣвшейся для насъ картинѣ, потому что вѣдь это несомнѣнно «его» няня сидитъ съ платкомъ на головѣ сѣдой, въ длинной тѣлорѣзкѣ, и въ тишинѣ, при вдохновительной лунѣ, слушаетъ мало понятную ей исповѣдь влюбленной Тани. Она забыла уже, старушка, что такое любовь и влюбленность, и даже въ юности не знала она про это, какъ слѣдуетъ, иначе ее согнала бы со свѣта покойница-свекровь. Она вѣнчалась безъ любви, когда ей было 13 лѣтъ; и эту психологію, эти старые нравы, этотъ мелькнувшій обликъ няниной біографіи Пушкинъ также понимаетъ и принимаетъ, какъ и совершенно другую психологію,—эту дѣвушку съ блѣдной красотой, съ распущенными волосами, ее, для которой въ мірѣ только и есть, что любовь, и которая съ ужасомъ спрашиваетъ нелюбившую Филиппевну: «Да какъ же ты вѣнчалась, няня?». И няня хочетъ окропить Татьяну святой водой и крестить ее дряхлой рукой, и этимъ думаетъ исцѣлить ее отъ нездоровья; старушка спуталась, мало помнитъ и понимаетъ любовь и, вынычавшая Таню, она никакъ не можетъ сообразить, что Таня—уже не дитя. (Ю. Айхельвальдъ. «Пушкинъ». Москва, 1917, стр. 123—124).

³⁾ Интересно вспомнить, какъ Пушкинъ описываетъ свой домъ въ селѣ Михайловскомъ во II главѣ романа «Евгеній Онѣгинъ»:

ни библиотеки, ни даже какихъ либо цѣнныхъ реликвій поэта Пушкина не осталось, за исключеніемъ развѣ двухъ кѣвъ и бильярда, на которомъ поэтъ по цѣлымъ днямъ зимой

Одинъ, въ расчеты погруженный,
 Тупымъ кіемъ вооруженный,
 Онъ на бильярдѣ въ два шара
 Играетъ съ самага утра.
 Настанетъ вечеръ деревенскій:
 Бильярдъ оставленъ, кіи забытъ,
 Предъ каминомъ столъ накрытъ...

Мебель въ домѣ въ стилѣ ампръ, но съ новой, повидному, обивкой. На письменномъ столѣ лежитъ книга, въ которую вносятъ свои фамиліи посѣтителі Пушкинскаго уголка. Управляющій, между прочимъ, насъ освѣдомилъ о томъ, что Пушкинскій Комитетъ озабоченъ тѣмъ, чтобы въ этомъ домѣ былъ сосредоточенъ Пушкинскій музей; поэтому изъ другихъ музеевъ, не исключая даже и столичныхъ, будутъ сюда перевезены и здѣсь будутъ храниться предметы, вещи и вообще все, имѣющее отношеніе къ Пушкину и его эпохѣ. Изъ гостиной мы вышли на балконъ, возлѣ котораго имѣется терраса, откуда не могли налюбоваться восхитительнымъ видомъ, открывающимся предъ нашимъ взоромъ: озеро, которое, «межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ, синѣя, стелется широко»... налѣво воспѣтая Языковымъ «Соротъ голубая—подруга зеркальныхъ озеръ». За озерами убѣгаютъ въ синія дали ярко зеленыя поля, перелѣски, прерываемыя темнымъ пятномъ деревень и хвойныхъ лѣсовъ. Мѣсто, гдѣ такъ красиво и плавно льются воды р. Сороты, и гдѣ она соединяется съ озеромъ, было самымъ любимымъ мѣстомъ поэта. Вообще же, говоря о красотахъ с. Михайловскаго, нельзя умолчать о томъ, что здѣсь, куда бы глазъ

Господскій домъ уединенный,
 Горой отъ вѣтровъ огражденный,
 Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
 Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
 Луга и нивы золотые,
 Мелькали села здѣсь и тамъ,
 Стада бродили по лугамъ.
 И сѣти расширялъ густыя
 Огромный, запущенный садъ,
 Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.
 Почтенный замокъ былъ построенъ,
 Какъ замки строиться должны,
 Отмѣнно проченъ и покоенъ,
 Во вкусѣ умной старины.
 Вездѣ высокіе покои,
 Въ гостиной штофныя обои,
 Царей портреты на стѣнахъ,
 И печи въ пестрыхъ изразцахъ...

ни окинулъ свой взоръ, вездѣ его ласкають живописные поэтические пейзажи, чудныя перспективы, красивые ландшафты¹⁾.

Были среди экскурсантовъ южане, уже достаточно, кажется, избалованные красотами южной природы, но и они не могли не восхищаться красотами Пушкинского уголка и глазамъ своимъ не вѣрили, чтобы на далекомъ угрюмомъ сѣверѣ могли встрѣчаться такія роскошныя и живописныя мѣста.

III.

Отдохнувъ послѣ осмотра и полюбовавшись красивыми перспективами и ландшафтами, открывавшимися предъ нашимъ взоромъ съ нѣсколькихъ указанныхъ управляющимъ уголковъ Михайловскаго, мы, поблагодаривъ за любезность и простившись съ управляющимъ, отправились на велосипедахъ чрезъ старый роскошный сосновый Михайловскій паркъ въ Тригорское, отстоящее въ 2—3 верстахъ отъ Михайловскаго. Свернувъ отъ большой аллеи парка влѣво, мы вскорѣ выѣхали на дорогу, по обѣимъ сторонамъ которой колыхались отъ слабого дуновенія вѣтерка спѣлые колосы золотой нивы, а вдали виднѣлась голубая лента знакомой уже намъ Сороти. При выѣздѣ изъ парка, «на границѣ владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ, гдѣ въ гору подымается дорога», насъ должны были привѣтливо встрѣтить своимъ шорохомъ три сосны, воспѣтыя

¹⁾ Подтверженіе этому можно найти въ твореніяхъ поэта. Такъ, въ знаменитомъ стихотвореніи «Деревня» прямо срисовала съ натуры и представляетъ собою точное изображеніе окрестностей села Михайловскаго съ его усадьбою на краю обрыва, съ котораго открывается видъ на два озера, на дальніе луга и поля:

Люблю сей темный садъ,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Съ его прохладой и цвѣтами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ предо мной подвижныя картины:
Я вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣтъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали—разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...

Въ стихотвореніи «Домовому» также нарисованы пейзажи села Михайловскаго

Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ.
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моею бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

(Оба стихотворенія написаны въ Михайловскомъ лѣтомъ 1819 г.).

Пушкинымъ въ его элегiи «Вновь я посѣтилъ», но увы, теперь, отъ нихъ не осталось и слѣда, и даже невозможно указать мѣста, гдѣ онѣ росли. Быстро проѣхавъ по мягкой проселочной дорогѣ, мы не попали сразу въ Тригорское, а очутились въ пог. Ворони-чахъ, находящемся на горкѣ и расположенномъ рядомъ съ Тригор-скимъ, доѣхали до приходской церкви, гдѣ намъ сказали, что нужно опуститься съ горки, и на другой горѣ и будетъ искомое нами Тригорское.

Погостъ Вороницъ, въ древности пригородъ, нынѣ бѣдная деревушка. Здѣсь, около церкви Св. Георгія, могилы близкихъ

Домикъ колоніи для престарѣлыхъ писателей.

друзей Пушкина—П. А. Осиповой и Н. А. Вульфа; здѣсь же могила И. С. Осипова, второго мужа Прасковьи Александровны. Чрезъ Вороницъ, между прочимъ, въ Святые Горы слѣдовало тѣло «умершаго камеръ-юнкера Александра Пушкина», и здѣсь въ церкви была совершена надъ прахомъ поэта панихида тогдашнимъ священникомъ, котораго Пушкинъ любилъ, по фамиліи Раевскимъ, а больше извѣстнымъ по уличному прозвищу «Шкодой»¹⁾. Эготъ же самый

¹⁾ Любопытно, что прозвище это привилось настолько, что настоящая фамилія была почти забыта; поэтому когда Пушкинъ написалъ дарственную на семь десятинъ попу «Шкодѣ», о. Илларионъ пошелъ благодарить и объясняетъ, что онъ—не Шкода, а Раевскій; Пушкинъ же въ отвѣтъ на это сказалъ: «А я почему зналъ... все Шкода, истор. вѣстн.», июль—августъ 1917 г., т. сѣлх. 14

священникъ встрѣчалъ тѣло умершаго поэта въ разстояніи 17 верстъ отъ своего прихода въ пог. Вревѣ, на рукахъ несъ гробъ и, по отслуженіи панихиды въ своей церкви, передалъ сопроводить дорогіе останки явившемуся изъ Святогорскаго монастыря священнику-монаху. Пог. Вороничи замѣчательны еще тѣмъ, что Пушкинъ писалъ здѣсь своего «Бориса Годунова», о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и заглавіе этой драмы, данное первоначально поэтомъ: «Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ Годуновѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ.—Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 на городищѣ Вороничѣ»¹⁾.

Спустившись съ горки, мы подошли къ берегу Сороти и здѣсь наткнулись на «ловца» рыбы удочкой—священника пог. Вороничъ. Онъ до того погрузился въ свое мирное занятіе на лонѣ сельской тишины, что не замѣтилъ нашего приближенія, а когда мы стали разспрашивать и при этомъ отрекомендовались, что мы археологи изъ Пскова, онъ спокойно и невозмутимо отвѣтилъ, что много сюда археологовъ ѣздитъ, а затѣмъ, указавъ, какъ намъ пройти къ усадьбѣ Тригорскаго, сталъ присматривать за поплавкомъ своей удочки, который уносило съ собою теченіе рѣки. Очевидно, сельская идиллія выработала въ немъ невозмутимое спокойствіе и настроеніе *nil admirare*. Пожелавъ батюшкѣ богатаго улова, мы быстро съ низкаго берега рѣки, поросшаго зеленымъ ковромъ, взобрались на холмъ,— и предъ нами выросла усадьба Тригорскаго, со стариннымъ, растянувшимся въ длину домомъ и возлѣ него виднѣющимся огромнымъ паркомъ, съ вѣковыми соснами-великанами и елями.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію красотъ и достопримѣчательностей Тригорскаго, умѣстно, кажется, сказать нѣсколько словъ о значеніи или роли этого симпатичнаго и интереснаго уголка въ судьбѣ поэта. Оказывается, что Тригорское связано съ именемъ поэта не менѣе, чѣмъ родное ему Михайловское, и первое не только въ личной жизни поэта, но также и для творчества сыграло громадную роль, и не тѣмъ, что Тригорское представляетъ собою, дѣй-

---

да Шкода. Я сто человекъ спрашивалъ». Это со словъ недавно умершей старушки, дочери о. Иллариона, Акулины Ларионовны, по мужу Скоропостижной. По ея словамъ, она знала Пушкина, когда ей было 12 лѣтъ. Онъ часто пріѣзжалъ къ о. Лариону и тотъ къ нему. Поэтъ любилъ попа Шкоду. Пріѣдетъ и стучитъ: «Дома попь?» И коли итъ, да долго не видѣлись, сердится: «Что онъ ко мнѣ уже три дня не ѣдетъ?» По ея словамъ, Пушкинъ часто приглашалъ ее собирать грибы съ нимъ. Какъ сосѣдніе крестьяне, Акулина Ларионовна отзывалась о поэтѣ, какъ о добромъ баринѣ.

¹⁾ Съ какой тщательностью и добросовѣстностью художника работалъ Пушкинъ надъ «Борисомъ Годуновымъ», можно видѣть изъ его собственнаго признанія: «Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю наслаждаться дозволено: живое занятіе, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ».

ствительно, поэтическій уголокъ, услаждавшій поэта, такъ живо чувствовавшаго и любившаго красоту сельской идилліи, а главное,— милымъ и дорогимъ для поэта былъ этотъ уголокъ и манилъ всегда къ себѣ потому, что въ Тригорскомъ жила симпатичная семья Прасковьи Александровны Вульфъ, а по второму мужу Осиповой, имѣвшей отъ второго брака дочерей Марію и Екатерину Осиповыхъ, а отъ перваго брака—Анну и Евпраксію Николаевны Вульфъ, послужившихъ, между прочимъ, прототипомъ Татьяны и Ольги, дочерей Лариныхъ въ «Евгеніи Онѣгинъ», а также сына Алексѣя Вульфа, пріятеля Пушкина, студента Дерптскаго универ-

Карета, въ которой ѣздилъ А. С. Пушкинъ. Доставлена недавно въ Михайловское изъ Тригорскаго.

ситета. Кромѣ этихъ прекрасныхъ обитательницъ Тригорскаго, здѣсь временно проживала еще красивая племянница, Анна Петровна Кернъ, къ которой Пушкинъ былъ равнодушенъ. Но изъ всѣхъ обитательницъ Тригорскаго едва ли не самой большей любимицей поэта была дочь Осиповой—Евпраксія Николаевна, вышедшая замужъ за барона Вревскаго, которой Пушкинъ, въ знакъ особаго расположенія и дружбы, преподнесъ экземпляръ «Евгенія Онѣгина» съ надписью: «Твоя отъ твоихъ». Что дѣйствительно въ романѣ выведены Тригорскіе обитатели, на это имѣются указанія прежде всего въ одномъ изъ писемъ Пушкина, гдѣ онъ пишетъ: «единственное развлеченіе мое (во время жизни поэта въ Михай-

14*

ловскомъ) составляетъ добрая сосѣдка, которую я часто вижу, слушая ся патріархальные разговоры въ то время, когда ея дочери разыгрываютъ мнѣ Россіи. Лучшаго положенія для окончанія моего романа врядъ ли можно и желать». Такимъ образомъ, справедливо говорить одинъ историкъ литературы,—поэтъ самъ намекаетъ, что семейство Осиповыхъ-Вульфъ помогло ему изобразить въ «Онѣгинѣ» семью Лариныхъ, хотя надо замѣтить, что лица были намѣчены Пушкинымъ еще на югѣ, до знакомства съ Тригорскими сосѣдками¹⁾. Младшая Вульфъ—Евпраксія Николаевна—была живая, веселая, бойкая и симпатичная, но нѣсколько легкая натура; она, дѣйствительно, напоминаетъ собою Ольгу Ларину. Старшая—Анна Николаевна отличалась серьезнымъ характеромъ: она была искренно привязана къ поэту». Кромѣ непосредственныхъ указаній самаго поэта относительно обитателей Тригорскаго, имѣются также объ этомъ авторитетныя подтвержденія у Анненкова, а также это мнѣніе находитъ себѣ почти неопровержимое подтвержденіе въ сравнительно недавно опубликованномъ дневникѣ А. Н. Вульфъ, гдѣ онъ говоритъ по поводу чтенія «Евгенія Онѣгина»:

«Онѣ (романъ) не только почти весь написанъ на моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она взята вся изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго, подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ Онѣгинѣ, были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ въ Михайловскомъ пересуждаемы между нами, а послѣ встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ»²⁾.

Такая дружеская связь Пушкина съ Тригорскимъ и его обитателями начинается съ момента перваго посѣщенія поэтомъ род-

¹⁾ А. Незеленовъ. «Пушкинъ». См. «Ист. русск. словесн.». Москва, 1904, ч. II, стр. 114. Нѣкоторые историкъ литературы, имѣя въ виду обстоятельства жизни поэта на югѣ, строятъ догадку о томъ, что едва ли не въ семьѣ Раевскихъ нужно искать прототипа Татьяны. Извѣстно, что Пушкинъ прожилъ въ Гурзуфѣ три недѣли въ семьѣ генерала Раевского «въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ», какъ писалъ брату. Въ одну изъ дочерей Раевского онъ былъ влюбленъ, и эта чистая и глубокая привязанность прибавляла сладкое очарованіе къ наслажденію, доставленному роскошной южной природой. Впослѣдствіи, незадолго до смерти, Пушкинъ писалъ князю Голицыну, вспоминая о своемъ пребываніи въ Крыму (10 ноября 1831 г.): «Que je vous envie votre beau climat de Crimée. Votre lettre a réveillé en moi bien des souvenirs de tout genre. C'est le berceau de mon Онѣгинъ, et vous avez sûrement reconnu certains personnages». Сюда также нужно отнести письмо Н. А. Раевского отъ 21-го августа 1824 года. (См. Саводникъ. «Чувство природы въ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и Тютчева». Москва, 1911, стр. 44).

²⁾ См. проф. Е. Пѣтуховъ. «Поэтическая дѣятельность Пушкина въ Михайловскомъ».

наго Михайловскаго, т. е. въ 1817 г. по окончаніи Лицея. Уѣзжая въ августъ этого же года изъ родныхъ мѣстъ, поэтъ трогательно прощается съ Тригорскимъ

Прости, Тригорское, гдѣ радость
 Меня встрѣчала столько разъ!
 На толь узнать и вашу сладость,
 Чтобъ навсегда покинуть васъ?
 Отъ васъ беру воспоминанья,
 А сердце оставляю вамъ.

Быть можетъ (сладкое мечтаешь!),
 Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
 Приду подъ липовые своды,
 На скать Тригорскаго холма,
 Поклонникъ дружеской свободы,
 Веселыхъ грацій и ума ¹⁾.

Въ каждый изъ своихъ послѣдующихъ пріѣздовъ въ Михайловское (годы посѣщеній поэтомъ Михайловскаго указаны выше), Пушкинъ частенько бывалъ въ Тригорскомъ, жила въ цѣлымъ недѣлямъ или просиживалъ въ фамильной библиотекѣ цѣлые дни. Особенно дорогимъ и милымъ былъ уголокъ Тригорскаго для поэта въ годы его изгнаничества (1824-1826), когда онъ, всѣми оставленный, даже родной семьей, остался въ Михайловскомъ въ одиночествѣ со своей только няней, и тогда особенно сроднился съ Тригорскимъ и его обитателями. «Сколько веселыхъ вечеровъ проводилъ здѣсь поэтъ въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ; сколько было здѣсь и написано и задумано имъ безсмертныхъ произведеній! Какое теплое участіе во всей его жизни, особенно въ два года ссылки въ Михайловскомъ, принимали въ немъ добрыя обитательницы Тригорскаго! Вѣдь у Пушкина, въ характерѣ котораго было столько семейныхъ инстинктовъ, своей-то семьи не было никогда вовсе, ни въ домѣ родительскомъ, ни въ послѣднемъ супружествѣ, его и погубившемъ, и единственной семьей для него, хотя и чужой по родству, была семья Осиповыхъ ²⁾. И дѣйствительно, достаточно познакомиться съ письмами Пушкина къ П. А. Осиповой ³⁾,

¹⁾ Кстати, дата этого стихотворенія обозначена Лерперомъ въ августѣ, безъ обозначенія числа, между тѣмъ, въ спискѣ, въ которомъ это стихотвореніе находится, помѣчено 10-го сентября. Первая дата болѣе вѣрна, такъ какъ Пушкинъ уѣхалъ изъ Михайловскаго именно въ началѣ августа; подтвержденіе этому находимъ также въ томъ, что 1-го сентября Пушкинъ увѣдомлялъ уже письмомъ князя П. Я. Вяземскаго о недавнемъ своемъ возвращеніи (до срока) въ Петербургъ, присовокупляя, что онъ скучалъ въ Псковскомъ своемъ уединеніи.

²⁾ В. Острогорскій. «Пушкинскій уголокъ земли». «Міръ Божій», 1898, т. IX, стр. 224.

³⁾ Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ послѣднемъ выпускѣ «Пушкинъ и его современники», (изъ Акад. Наукъ), а также въ вышедшемъ недавно VI томѣ соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, подъ ред. проф. С. А. Венгерова содержится много писемъ,

къ которой, а также къ ея семьѣ сохранилъ онъ самыя теплыя отношенія до самой смерти, чтобы убѣдиться, до какой степени эти отношенія поэта къ ней, ея семьѣ и Тригорскому были близки и дороги. Интересно отмѣтить, что въ архивѣ канцеляріи гсковскаго губернатора хранится дѣло, раскрывающее нѣкоторыя подробности семейной распри, возникшей въ 50-хъ годахъ среди обитателей поэтическаго Тригорскаго, воспѣтаго Пушкинымъ, среди тѣхъ самыхъ лицъ, которыя нѣкогда составляли постоянное общество опальнаго Пушкина и услаждали дни его печальнаго изгнанія. Дѣло это озаглавлено: «По отношенію управляющаго

Порховъ—окрестности. Пушкинскій камень въ Михалевѣ.

III Отдѣленія Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи, по просьбѣ наслѣдниковъ Опочецкой помѣщицы, статской совѣтницы Прасковьи Осиповой объ уничтоженіи заключенныхъ ею съ помѣщикомъ N (въ дѣлѣ указана фамилія) на покупку имѣнія актовъ и безденежныхъ обязательствъ и объ учрежденіи опеки какъ надъ матерью, такъ и надъ имѣніемъ»¹⁾. Эта распря между оби-

Пушкина къ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ, и къ П. А. Осиповой, а также много отвѣтныхъ писемъ разныхъ лицъ. Между прочимъ, въ одномъ своемъ письмѣ къ П. А. Осиповой, датированномъ 29-го іюля 1831 г. Пушкинъ говорилъ о своемъ желаніи купить Савкино, (имѣніе, сосѣднее съ Тригорскимъ) и даже просилъ ее навести соотвѣтствующія справки.

¹⁾ Н. О. Окуличъ-Казаринъ. «Обитатели Тригорскаго въ 50-хъ годахъ». См. Труды Псковскаго Археологическаго Общества за 1911 годъ.

телями Тригорскаго чуть не закончилась продажей имѣнія, но, по счастливой случайности, продажа Тригорскаго не состоялась, несмотря на запродажную запись, и Тригорское осталось собственностью П. А. Осиповой, по смерти коей перешло къ сыну ея, А. Н. Вульффу; послѣ него—къ Маріи Ивановнѣ Осиповой, а затѣмъ къ нынѣшней владѣлицѣ, старшей дочери Евпраксіи Николаевнѣ, баронессѣ Софіи Борисовнѣ Вревской.

С. Тригорское—это огромная, теперь нѣсколько запущенная усадьба, съ длиннымъ растянутымъ деревяннымъ домомъ, имѣющимъ два балкона: съ одного открывается великолѣпный видъ

Порховъ—окрестности. «Михалево», здѣсь жилъ въ 1825 г. Пушкинъ.

на рѣку Сороть, а другой выходитъ во дворъ. Одну половину дома съ балкономъ, обращенномъ къ р. Сороть, занимаетъ теперешняя владѣлица имѣнія упомянутая баронесса Софія Борисовна Вревская. Если мать баронессы, Евпраксія Николаевна Вревская, явилась прототипомъ Татьяны Лариной, то нынѣшняя владѣлица Тригорскаго является дочерью знаменитой «Татьяны Лариной». Въ другой половинѣ дома проживаетъ со своей семьей управляющій имѣніемъ Тригорскимъ М. И. Пальмовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ арендующій Тригорское за 3000 рублей. Домъ, въ которомъ живутъ теперешніе обитатели Тригорскаго, старый, сохранившійся отъ временъ Пушкина, теперь уже разваливающийся, представляетъ печальный видъ: на балконѣ, гдѣ нѣкогда Татьяна «предупреждала зари восходъ», когда на блѣдномъ небосклонѣ звѣздъ исчезаетъ

хороводъ»; напрімѣръ, доски сгнили и мѣстами провалились, ступени шатаются; во время нашего посѣщенія Тригорскаго происходилъ внутренній ремонтъ покоевъ, гдѣ живетъ баронесса. На балконѣ мы встрѣтили ключницу и спросили ее, нельзя ли удостоиться видѣть баронессу и передать ей привѣтъ изъ Пскова, на что ключница отвѣтила, что она сейчасъ доложитъ о насъ. Возвратившись изъ покоевъ на балконъ, она сообщила, что баронесса выйдетъ вскорѣ и приметъ насъ на балконѣ, а пока предложила намъ погулять въ усадьбѣ. Когда мы были вторично приглашены на балконъ, насъ привѣтливо встрѣтила баронесса, старушка довольно преклоннаго возраста, и, сидя въ своемъ креслѣ, начала разспрашивать насъ, откуда мы пріѣхали. Отрекомендовавшись, мы сказали, что пріѣхали сюда изъ Пскова для того, чтобъ посѣтить и познакомиться съ Пушкинскимъ уголкомъ, и привезли ей привѣтъ отъ ея сестры, вдовы члена Государственнаго Совѣта, Евфиміи Борисовны Зубовой, живущей со своей дочерью, начальницей Епархіальнаго училища, Прасковіей Петровной Зубовой во Псковѣ, съ которыми пишуцій эти строки и нѣкоторые изъ нашей компаніи знакомы. Баронесса благодарила насъ за привѣтъ и съ своей стороны просила кланяться ея родственницамъ, интересовалась псковскими новостями и сообщила, между прочимъ, что недавно пріѣзжали къ ней «паломницы»—классныя дамы Епархіальнаго училища. Во время пріятнаго разговора мы выразили баронессѣ свое сочувствіе по поводу того, что жить въ Тригорскомъ осенью и зимой скучновато: въ отвѣтъ на это баронесса, соглашаясь съ нами, сказала: «въ свое время пожили, и теперь живемъ пріятными воспоминаніями». При этихъ словахъ у всѣхъ насъ живо промелькнула въ воображеніи знакомая каждому картина извѣстнаго художника Максимова: «Все въ прошломъ», на которой изображена старушка—помѣщица, также, какъ и баронесса, сидящая въ своемъ креслѣ, и вся ушедшая своими мечтами въ пріятное прошлое своего земного бытія. Вслѣдствіе царившаго, повидимому, въ домѣ по случаю ремонта безпорядка, мы не рѣшились обратиться къ баронессѣ съ просьбой показать намъ реликвию и письма Пушкина. Пишуцій эти строки предъ отъѣздомъ въ Пушкинскія мѣста обращался съ просьбой къ родственницамъ баронессы Зубовымъ, но онѣ сказали, что, къ сожалѣнію, ничего имѣющаго отношеніе къ Пушкину не могутъ предоставить въ мое временное распоряженіе, за исключеніемъ развѣ приходорасходной книги Пушкина, ничего, конечно, ни уму, ни сердцу не говорящей, такъ какъ очень многое подарили своимъ близкимъ и знакомымъ. Въ заключеніе нашей бесѣды баронесса любезно разрѣшила намъ осмотрѣть усадьбу Тригорскаго, предложивъ намъ предварительно адресоваться къ ея управляющему, который покажетъ всѣ достопримѣчательности Тригорскаго, но, къ сожа-

лѣнію, управляющаго въ этотъ моментъ не оказалось дома, и знакомилъ съ Тригорскимъ и его достопримѣчательностями садовникъ, симпатичный старичекъ, человекъ свѣдушій и очень занимательно дававшій намъ свои объясненія. Въ сопровожденіи его мы вошли въ громадный паркъ. Въ цѣломъ видѣ парка носитъ характеръ нѣсколько запущенной усадьбы, но раньше онъ, видимо, содержался въ полномъ порядкѣ и былъ еще роскошенъ. Самая лучшая часть парка находится у спуска къ «голубой» рѣки Сороти; отсюда открываются очаровательные виды; здѣсь, между прочимъ, на естественной террасѣ подъ развѣсистой пной надъ обрывомъ находится «диванъ Онѣгина» и скамейки со столикомъ. Пріятно посидѣть было здѣсь на этомъ «диванѣ» и помечтать, вспомнить чудныя строфы романа. Близко отъ той террасы находятся развалины старой бани, гдѣ жилъ Пушкинъ съ товарищами, когда гостилъ по цѣлымъ днямъ въ Тригорскомъ; поблизости находится мѣсто, гдѣ устраивался помостъ для тапцевъ. Въ паркѣ сохранился старый огромный дубъ, который воспѣтъ Пушкинымъ въ «Русланъ и Людмила»¹⁾; сохранилась чудная лужайка, вся окруженная вѣковыми липами, по тѣни которыхъ поэтъ узнавалъ время, и такимъ образомъ здѣсь были невидимые солнечные часы; лужайка эта служила мѣстомъ для различныхъ игръ обитателей Тригорскаго. Прекрасные въ паркѣ заглохшіе и усѣянные бѣлыми лиліями пруды, со свѣшивающимися надъ ними куполами деревьевъ. Все въ паркѣ обвѣяно какимъ-то мистицизмомъ, какой-то чарующей элегіей: поэтическіе образы такъ и витаютъ здѣсь невидимо. Живо представляется въ воображеніи тихая и безмятежная, но полная интереса и идиллическаго счастья жизнь семейства Лариныхъ, живущихъ въ душѣ каждаго какими-то родными тѣнями²⁾, живо встаетъ въ сознаніи дорогой образъ самаго цоэта, «подарившаго

¹⁾ По другой версіи, дубъ, воспѣтый Пушкинымъ, находится не въ Тригорскомъ, а въ селѣ Михалево, Порховскаго уѣзда, имѣніи Бухаровой, гдѣ этотъ дубъ дѣйствительно расположенъ у лукоморья (у изгиба рѣки), тогда какъ въ Тригорскомъ этотъ дубъ находится въ паркѣ.

²⁾ Нѣтъ болѣе идиллическихъ, болѣе привлекательныхъ красокъ, — говоритъ Айхенвальдъ, — чѣмъ тѣ, какими описаны родители Татьяны въ своей непосредственности, въ своемъ однообразномъ существованіи, въ элементарности своего душевнаго склада. Это — «Семейная хроника» и «Старосвѣтскіе помѣщики», но только въ Пушкинскихъ стихахъ, которые льются и журчатъ лазурными ручейками, и безмятежности жизни такъ соответствуютъ эти спокойныя, ласковыя, простыя слова, эта дружеская усмѣшка въ лицѣ цоэта:

Они хранили въ жизни мирной
Привычки мирной старины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились жирныя блины.
Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребенъ
И такъ старѣли оба...

свое сердце и лучшие порывы своей души милому Тригорскому, а взявшего отъ него себѣ только «сладкія воспоминанія». Безконечно милымъ и интереснымъ показалось намъ Тригорское и, признаться, не хотѣлось покидать его, а хотѣлось подольше остаться въ этомъ прелестномъ и сказочномъ паркѣ, среди деревьевъ, безъ словъ много говорящихъ сердцу русскаго человѣка о прекрасномъ быломъ... Становилась понятной, близкой намъ грусть Татьяны Лариной, «этой бѣдной плѣнницы», по милому Тригорскому послѣ переѣзда всей семьи въ Москву:

Ей душно здѣсь (въ Москвѣ). Она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ летаетъ свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ явился къ ней.

Поблагодаривъ баронессу за любезность и разрѣшеніе осмотрѣть усадьбу Тригорскаго, мы, съ грустью простившись съ милымъ уголкомъ, поѣхали сначала дорогой, ведущей въ имѣніе, а затѣмъ свернули направо, на большую грунтовую дорогу, ту самую, по которой наканунѣ ѣхали въ Святогорскій монастырь. По дорогѣ часто останавливались и, оглядываясь назадъ, любовались покидаемыми мѣстами и посылали прощальныя привѣтствія. Черезъ 10—15 верстъ скрылись и главы Святогорскаго монастыря, и мы безъ остановокъ продолжали свой путь той же дорогой обратно въ Псковъ.

Нечего и говорить, что поѣздка въ Пушкинскій уголокъ оставила у всѣхъ насъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, дала возможность пережить самыя разнообразныя, прекрасныя психическія настроенія, морально освѣжила насъ... Она явилась счастливымъ моментомъ, который останется памятнымъ для каждого изъ насъ на всю жизнь, какъ очаровательный волшебный мигъ чудной сказки жизни... И, несомнѣнно, всякій, кто рѣшится послѣдовать нашему примѣру и посѣтитъ милыя и дорогія для каждого русскаго человѣка Пушкинскія мѣста, тотъ испытаетъ аналогичныя нашимъ переживанія и настроенія. Хочется вѣрить, что къ Пушкину и Пушкинскому уголку никогда «не заростетъ народная тропа», и что глубоко правъ былъ поэтъ Ф. Тютчевъ, пророчески предсказавшій о Пушкинѣ:

Тебя, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

А. Гладкій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. П. (Полк. Г. Г. Перетцъ. «Въ цитадели русской революціи». Записки коменданта Таврическаго дворца. 27 февраля—23 марта 1917 г. Изданіе второе. Пг. 1917. Стр. 112. Ц. 1 р. 50 к.

ВТОРЪ, комендантъ Таврическаго дворца, даетъ въ своей книжкѣ много цѣннаго матеріала для уясненія событій, группировавшихся съ 27 февраля по 23 марта около Государственной Думы, каковую онъ именуетъ «цитаделью русской революціи». Онъ говоритъ въ предисловіи: «Дни великаго переворота, дни освобожденія русскаго народа отъ вѣковаго ига настолько захватили автора, что онъ не могъ не записать, по возможности, всѣхъ тѣхъ кинематографическихъ впечатлѣній, которыя ежедневно безконечной вереницей мелькали передъ его взоромъ. Черезъ стѣны дворца въ эти дни прошли всѣ столпы стараго режима съ ихъ уродливыми взглядами на жизнь страны и на ея гражданъ, многіе историческіе документы оставили слѣдъ въ комендатурѣ Таврическаго дворца, но рядомъ съ этимъ проходила черезъ залы дворца и обыденная сѣренькая жизнь со всѣми своими мелочами, и эти мелочи тоже нашли себѣ мѣсто въ запискахъ».

Г. Г. Перетцъ начинаетъ свое повѣствованіе съ описанія событій, протекшихъ въ теченіи декабря, съ убійства Распутина, которое онъ считаетъ «первымъ актомъ» русской революціи; затѣмъ сразу переходитъ къ февральскимъ событіямъ, ведя ихъ хронологію съ 23 числа, гдѣ рисуетъ состояніе города въ лицѣ, главнымъ образомъ, рабочихъ и войсковыхъ частей, ихъ взаимоотношенія на почвѣ вспышекъ голодныхъ бунтовъ и мобилизацію ротныхъ командъ

въ интересахъ революціоннаго *сoup d'état*. Далѣе онъ описываетъ, какъ состоялось выступленіе войскъ, прибытіе ихъ къ Таврическому дворцу, сношенія М. В. Родзянко съ царемъ, организацію Исполнительнаго Комитета Государственной Думы и образованіе Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ, основавшася сначала въ Технологическомъ Институтѣ и затѣмъ перенесшаго свою штаб-квартиру въ тотъ же Таврическій дворецъ. Чрезвычайно цѣнные свѣдѣнія даетъ авторъ въ слѣдующей главѣ подъ названіемъ «Контръ-революція», въ которой читатели впервые знакомятся со всѣми подробностями движенія ген. Н. І. Иванова къ Петрограду во главѣ специально- подготовленныхъ войскъ для подавленія революціи. Тутъ мы встрѣчаемъ рядъ документовъ по сношенію ген. Иванова съ царемъ, съ главнокомандующимъ ген. Алексѣевымъ, съ Хабаловымъ и др. Эти же сношенія въ извѣстныхъ своихъ частяхъ обрисовываются и въ слѣдующей главѣ, являющейся центральной въ работѣ г. Перетца, наименованной имъ «Въ Таврическомъ дворцѣ», гдѣ онъ, какъ очевидецъ и дѣйствующее лицо въ стѣнахъ этого дворца, имѣлъ возможность наблюдать происходившее тамъ изо дня въ день во всѣхъ его проявленіяхъ и деталяхъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ этой части первыя непосредственныя впечатлѣнія челоуѣка близко стоявшаго къ думскимъ сферамъ, а потому являющіяся драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи русской революціи 1917 года. Если въ напечатанной въ нашемъ журналѣ статьѣ Н. Θ. Акамова «Агонія стараго режима» мы видимъ развалъ прежняго правительственнаго гнѣзда, то въ работѣ г. Перетца мы становимся лицомъ къ лицу съ нарожденіемъ обновленной русской жизни, ликвидаціей стараго режима и формированіемъ тѣхъ органовъ власти, которымъ суждено было пріять въ свои руки бразды правленія и повести Россію по новому открывшемуся ей пути жизни.

Много мѣста отводитъ авторъ кипучимъ днямъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца. Онъ говоритъ послѣ изложенія событій, сопутствовавшихъ низложенію правительства Николая II: «Въ Таврическомъ дворцѣ шла работа интесивная, тяжелая, но не такая видная. Тутъ начинала входить въ колею будничная жизнь. Комендатура Таврическаго дворца осаждалась просителями всякаго рода. Съ тѣмъ только не шли къ коменданту! А въ то же самое время арестованныхъ чиновъ полиціи и корпуса жандармовъ вели непрерывной цѣпью. Многіе изъ нихъ являлись сами и просили арестовать ихъ. Всю эту массу нужно было размѣстить въ совершенно неприспособленныхъ для этой цѣли помѣщеніяхъ Таврическаго дворца. Всѣхъ нужно было накормить, выставить часовыхъ, каждому отвѣтить, каждого успокоить и дать точныя указанія, куда онъ долженъ обратиться за разрѣшеніемъ интересующаго его вопроса. Большую услугу въ дѣлѣ налаживанія порядка въ Тавр. дворцѣ оказывали студенты горнаго института, которые приняли на себя нелегкую задачу проводниковъ и по плану указывали, гдѣ что находится. Много помогали намъ въ работѣ юныя развѣдчики, милые бойскоуты, съ поразительной аккуратностью выполнявшіе всякое порученіе, какое бы мы имъ не давали. Иногда появлялись и юныя развѣдчицы въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, поддерживавшія наравнѣ съ товарищами-развѣдчиками связь съ различными учрежденіями Таврич. дворца. Одинъ развѣдчикъ пишетъ бланки пропусковъ, другой помогаетъ у чайника, третій

стрѣлою летить съ пакетомъ въ какую-нибудь комиссію и т. д. Все это дѣлалось съ величайшей серьезностью, съ полнымъ сознаниемъ важности дѣла; ни шалости, ни смѣха, ни возни, ни дѣтскихъ шутокъ не было и въ поминѣ. Дѣти стали сразу взрослыми дѣятелями государственнаго переворота, вносящими въ него самый чистый, самый искренній, самый благородный порывъ своей еще не испорченной жизнью души. Молодые офицеры и студенты на перебой предлагали свои услуги для исполненія обязанностей комендатскихъ адъютантовъ. Каждый изъ нихъ горѣлъ желаніемъ помочь дѣлу налаживанія порядка. Работа осложнялась еще тѣмъ, что неоднократно приходили тревожныя свѣдѣнія. То сообщали по телефону о какихъ-то осложненіяхъ на окраинахъ города, то появлялся какой-то автомобиль, разстрѣливающий публику, то стали говорить о какихъ-то адскихъ машинахъ, спрятанныхъ въ подвалахъ Таврическаго дворца. Пришлось спѣшно, при участіи представителей отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, осмотрѣть всѣ подвалы дворца; къ счастью, тамъ ничего не оказалось, слухи не подтвердились. Всѣ же взрывчатые вещества, которыя въ предыдущіе дни доставлялись въ Тавр. дворецъ изъ разныхъ частей города, были при содѣйствіи чиновъ химическаго комитета артиллерійскаго вѣдомства удалены изъ зданія Тавр. дворца, пироксилинъ же, опасный въ холодное время для перевозки, утопили въ колодцѣ. Такимъ образомъ, все, что могло грозить Тавр. дворцу, было удалено. Охрана народной арміи зорко слѣдила за всѣмъ происходящимъ. О каждомъ подозрительномъ посѣтителѣ, о каждомъ фактѣ, заслуживающемъ внимательнаго отношенія, немедленно доводили до свѣдѣнія коменданта.

«Такая работа шла непрерывно съ ранняго утра и до поздняго утра. Офицеры комендантскаго управленія ни на минуту не отлучались изъ комнаты № 41. Солдаты, не разгибая спины, сидѣли за машинками и за бумагами. Въ такомъ напряженномъ состояніи, въ ожиданіи какихъ-либо контръ-вооруженныхъ эксцессовъ, шла работа въ теченіи первыхъ дней. За 3—4 дня съ начала революціи въ Тавр. дворецѣ перебивалъ весь Петроградъ. Тутъ приходилось встрѣчаться съ людьми, которыхъ не видѣлъ десятки лѣтъ. Все тянулось на поклоненіе цитадели русской революціи. До 3-го числа манифестъ объ отреченіи Николая II не былъ оглашенъ. Мы знали о немъ, но населеніе столицы еще только догадывалось. Нельзя было опубликовать манифестъ до того момента, пока не станетъ извѣстно, какъ отнесется къ оставленному наслѣдію младшій братъ бывшаго царя, великій князь Михаилъ Александровичъ, котораго, отрекаясь отъ престола, Николай благословилъ на вступленіе въ управленіе государствомъ Россійскимъ, и которому 3-го марта была послана имъ телеграмма исключительнаго историческаго значенія—это единственный документъ адресованный Михаилу, какъ императору: «Изъ Сиротино. Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроградъ. Событія послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться безповоротно на этотъ крайній шагъ. Прости меня, если огорчилъ тебя и что не успѣлъ предупредить. Остаюсь навсегда вѣрнымъ и предѣннымъ братомъ. Возвращаюсь въ ставку и оттуда черезъ нѣсколько дней надѣюсь пріѣхать въ Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебѣ и твоей родинѣ. Ника».

«Но вотъ, днемъ 3-го марта, волной прокатилась по заламъ Таврическаго дворца вѣсть объ отреченіи отъ правъ на престолъ великаго князя Михаила Алс-

ксандровича. Своды Тавр. дворца огласились могучими криками восторга, криками: «да здравствует демократическая республика!» Тутъ уже стало ясно, что возвратъ къ старому невозможенъ, что произошелъ коренной переворотъ въ исторіи русскаго народа. Оковы, наложенные монархической властью на русскій народъ, спали. И, подобно старому Фаусту, русскій забитый народъ, изнывавшій долгіе годы подъ царскимъ игомъ, преобразился въ молодой, мощный, энергичный, свободный народъ. Описать восторгъ присутствовавшихъ во дворцѣ въ минуту полученія этой вѣсти не въ силахъ перо человѣческое—это было сплошное ликование тысячной толпы... Къ Тавр. дворцу потянулись чуть ли не всѣ войсковыя части петроградскаго гарнизона съ тѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать свою вѣрность новому правительству. Въ числѣ первыхъ частей, пришедшихъ въ Тавричскій дворецъ,—было Михайловское артиллерійское училище.»

Въ своемъ повѣствованіи г. Перетцъ рисуетъ передъ нами длинную вереницу лицъ, привезенныхъ въ качествѣ арестованныхъ въ Тавричскій дворецъ, обрисовываетъ состояніе ихъ духа и ихъ поведеніе здѣсь, а также даетъ свѣдѣнія объ отношеніи къ нимъ гарнизона, членовъ Государственной Думы; имъ приведенъ рядъ документовъ, телеграммъ, писемъ, которые являются цѣннымъ матеріаломъ для будущаго историка русской революціи. Должно привѣтствовать появленіе работы г. Перетца, составленной на свѣжую память, и остается пожелать, чтобы и многіе другіе соучастники и свидѣтели февральскихъ и мартовскихъ дней текущаго года не полѣнились, пока все тогда происшедшее еще не изгладилось изъ ихъ памяти, повѣдать все извѣстное имъ по поводу зарсужденія разныхъ организацій и той, такъ сказать, «подводной» дѣятельности, какъ ихъ самихъ, такъ и разныхъ социальныхъ организацій, которыя поработали въ направленіи сверженія стараго порядка вещей и созданія новыхъ государственныхъ и социальныхъ формъ жизни. Обычно, такого рода воспоминанія пишутся спустя долгое *post factum*, почему въ распоряженіе историковъ попадаютъ документы порою не совсѣмъ вѣрно отражающіе событія минувшаго. Въ этомъ отношеніи Россія, благодаря существовавшему у насъ запрету слова, всегда обрѣталась въ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ. Нынѣ эти условія устранены и всякій безбоязненно можетъ повѣдать потомству—свидѣтелемъ чего онъ былъ и въ какой области онъ такъ или иначе приложилъ свою руку для осуществленія на своей родинѣ новаго порядка вещей.

В. Глинскій.

Н. Карѣвъ. Исторія западной Европы въ началѣ XX столѣтія. Т. VII, часть II. Петр. 1917. 384 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Неутомимый профессоръ Н. И. Карѣвъ закончилъ свой капитальный трудъ. Исторія Европы доведена имъ до современной войны, до того колоссальнаго событія, которое несомнѣнно будетъ чревато своими послѣдствіями и которое по всей вѣроятности составитъ грань между двумя эпохами. Каковы же причины, вызвавшія эту небывалую раньше бойню народовъ? Обстоятельный отвѣтъ

на этотъ важнѣйшій вопросъ нашихъ дней читатель найдетъ въ интересной книгѣ нашего извѣстнаго историка.

Причины мірового пожара очень сложны, и авторъ не безъ основанія старался освѣтить ихъ со всевозможныхъ сторонъ, говоря и о главныхъ экономическихъ явленіяхъ въ западной Европѣ, о рабочемъ движеніи и социализмѣ, о духовной культурѣ, женскомъ движеніи, философіи Бергсона и Джемса, о господствѣ научнаго духа въ общественныхъ явленіяхъ, о международной политикѣ, германскомъ милитаризмѣ, балканскомъ вопросѣ, Тройственномъ союзѣ. Изъ этого видно, какъ богато содержаніемъ и поучительно сочиненіе профессора Карѣва. Очень важное значеніе имѣетъ обстоятельство, указанное авторомъ, что къ началу XX вѣка Англія и Германія сдѣлались рѣшительными соперницами въ промышленности, въ торговлѣ, въ морскомъ могуществѣ, что и заставило Англію вступить въ соглашеніе со старыми своими непріятельницами, Франціею и Россіей. Опаснѣйшій соперникъ Англіи, Германія, не только побиваетъ англійскаго фабриканта на своемъ туземномъ рынкѣ, но успѣшно вытѣсняетъ его съ нейтральныхъ рынковъ и даже съ собственнаго рынка Англіи. Разрастаніе капиталистическаго хозяйства привело къ чрезвычайному усиленію промышленнаго соперничества въ торговомъ мірѣ, и Англіи не удалось удержать прежней гегемоніи. Въ тѣсной связи съ этимъ явленіемъ находится и германскій имперіализмъ, который, по опредѣленію Н. И. Карѣва, то же самое, что стремленіе къ политической и экономической гегемоніи. Самъ по себѣ въ силу этого онъ агрессивенъ, и какъ разъ міровое положеніе Германіи толкало ее на агрессивную политику, такъ какъ хозяйственная территория Германіи совершенно не соотвѣтствовала необычайному росту германскаго капитализма. По сравненію съ другими европейскими державами нѣмецкія колоніи ничтожны, и германское правительство естественно стремится къ расширенію колоніальныхъ земель.

Война неожиданно затянулась и захватила $\frac{2}{3}$ населенія земнаго шара, при чемъ на антигерманскую коалицію приходится около 840 мил. жителей, а на Германію съ ея союзницами около 160 мил. Общее убѣжденіе, говоритъ авторъ въ заключеніи, что результатомъ войны будетъ коренная передѣлка карты не только Европы, но и въ другихъ частяхъ свѣта. За эти два съ половиной года возникла цѣлая литература о конкретныхъ цѣляхъ войны, въ которой много и справедливаго, при томъ осуществимаго, и фантастическаго, а вдобавокъ и такого, что при своемъ осуществленіи породило бы только новыя войны. Жизнь народовъ течетъ непрерывно, и сегодняшній день есть только продолженіе вчерашняго, но иногда въ эту жизнь нѣчто вторгается извнѣ и ставитъ въ ней все вверхъ дномъ. Война была именно такимъ извнѣ ворвавшимся факторомъ жизни, создавшимъ новыя отношенія, предъявившимъ новыя требованія, и каждая страна реагировала на это по своему, хотя иногда и вопреки своимъ традиціямъ, какъ это случилось въ Англіи съ учрежденіемъ коалиціоннаго министерства и введеніемъ обязательнаго отбыванія воинской повинности. Война пагубно отозвалась на духовной культурѣ и на духовномъ общеніи народовъ. «Война противъ войны, о которой говорятъ нѣкоторые,—справедливо замѣчаетъ Н. И. Карѣвъ,—можетъ настоящимъ образомъ вестись

только въ мирное время, мирными средствами и въ интересахъ упроченія мира. Задача человѣчества, когда кончится война, будетъ заключаться въ томъ чтобы работать надъ достиженіемъ вѣчнаго мира, и уже сама по себѣ эта задача будетъ заключать въ себѣ и всѣ остальные, такъ какъ въ постоянномъ мирѣ и безъ вѣчныхъ опасеній войны можно будетъ жить только свободнымъ народамъ, которые сами ни надъ кѣмъ не будутъ властвовать и въ своей внутренней жизни осуществлять высшія требованія соціальной справедливости».

Всѣ мыслящіе люди съ удовольствіемъ подпишутся подъ заключительными словами профессора Карѣва: «Пусть же переживаемыя нами тяжелыя времена только умножаютъ усилія всѣхъ людей доброй воли. Какъ ни печально зрѣлище, представляемое нашими днями, нужно тѣмъ не менѣе не забывать, что все это бывало и прежде и всетаки не могло остановить движенія человѣчества впередъ къ лучшему будущему».

П. Б.

Юлій Гессенъ. Исторія еврейскаго народа въ Россіи. Въ двухъ томахъ. Томъ первый. Съ иллюстраціями и картинами. Пг. (1916). Стр. 472, VI. Цѣна 4 р.

Авторъ настоящаго объемистаго труда является какъ нельзя болѣе подготовленнымъ къ своей задачѣ. Г. Гессену принадлежитъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ книгъ и брошюръ, посвященныхъ исторіи еврейства въ Россіи, и безчисленное количество журнальныхъ статей по тому же вопросу. Особого вниманія заслуживаютъ книги: «Исторія евреевъ въ Россіи» (Пг. 1914), «Евреи въ Россіи» (Пг. 1906), «Законъ и Жизнь. Какъ созидались ограничительныя законы о жительствѣ евреевъ въ Россіи» (1911), «Факты и мысли», «Еврейскій вопросъ въ Россіи» (Пг. 1907; вмѣстѣ съ гр. И. И. Толстымъ) и др. Разсматриваемый трудъ, какъ бы подводящій итоги всѣмъ предыдущимъ, распадается на 17 главъ. Въ первыхъ двухъ авторъ кратко обобщаетъ скудныя извѣстія о евреяхъ въ допетровской Руси. Отмѣтимъ здѣсь тотъ грустный фактъ, что первый еврейскій погромъ былъ въ Кіевѣ и относится къ 1113 г. (послѣ кончины Святополка II). Неоднократно встрѣчающіяся указанія, особенно въ сообщеніяхъ иностранцевъ, о ненависти русскихъ къ евреямъ г. Гессенъ удачно парируетъ тѣмъ, что подобной же неприязнью отличались наши предки и къ иностранцамъ вообще. Любопытны также данныя автора, что въ этотъ же періодъ нашей исторіи евреи явились основателями нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, существующихъ и понынѣ. Въ послѣдующее время съ особенною нетерпимостью относилась къ еврейству императрица Елизавета, руководившаяся религіозными побужденіями. При Екатеринѣ II рѣшенію еврейскаго вопроса способствовало историческое событіе исключительной важности, именно раздѣлы Польши, въ силу которыхъ Россія должна была принять въ свое подданство массы еврейскаго населенія. Это обстоятельство даетъ г. Гессену поводъ посвятить особую главу (4-ю) положенію евреевъ въ Польшѣ до ея паденія. Здѣсь же касается онъ вопроса о начальной организаціи и возникновеніи сектъ (саббатіанства и франкизма), а также зарожденія хасидизма. При Екатеринѣ, указомъ 23 декабря 1791 г., было положено начало

чертъ еврейской осѣдлости, а изъ Польши перешель въ Россію и миѡ обь употребленіи евреями для религіозныхъ цѣлей христіанской крови. Эта легенда распространялась сначала теоретическимъ, книжнымъ путемъ и впервые нашла себѣ практическое примѣненіе въ т. н. Сѣненскомъ дѣлѣ (въ Бѣлоруссіи) въ 1799 г., когда вблизи еврейской корчмы найденъ былъ трупъ женщины христіанки. Съ паденіемъ Польши въ составъ Россіи вошла Курляндія, герцогъ которой былъ ранѣе вассаломъ польскаго короля. Эготъ фактъ опять даетъ поводъ г. Гессену изложить въ отдѣльной главѣ (8-й) исторію евреевъ въ Курляндскомъ герцогствѣ. Новый фазисъ еврейскаго вопроса начинается съ 1800 г., когда извѣстный поэтъ Державинъ, въ то время сенаторъ, былъ командированъ въ Бѣлоруссію для выясненія причинъ свирѣпствовавшего тамъ голода, а также для составленія мнѣнія о вредѣ, который причиняли евреи крестьянамъ. Державинъ, предполагавшій, по вѣроятному мнѣнію г. Гессена, стать во главѣ особаго вѣдомства по дѣламъ еврейскаго народа, занялся возложеннымъ на него порученіемъ довольно основательно, хотя, по чисто внѣшнимъ соображеніямъ, главной причиной бѣлорусской неурядицы выставилъ «корыстные промыслы евреевъ». Въ связи съ этимъ сенаторъ-ревизоръ представилъ проектъ о выселеніи евреевъ изъ деревень и вообще о «нравственномъ» преобразованіи этого народа. Эго послѣднее совпадало и съ пожеланіями наиболѣе прогрессивныхъ изъ тогдашнихъ евреевъ. Особенно старался въ этомъ направленіи Нота Хаимовичъ Ноткинъ, который стремился привлечь не только мужчинъ, но и женщинъ изъ своихъ соплеменниковъ къ физическому труду, борясь такимъ образомъ съ предразсудкомъ, будто подобный родъ занятій непристоенъ для евреевъ. Соображенія и проекты Державина поступили на разсмотрѣніе особаго комитета, учрежденнаго въ 1802 г. по еврейскимъ дѣламъ. Въ составъ этого комитета, кромѣ самого Державина, ставшаго вскорѣ министромъ юстиціи, вошли широко образованные и прогрессивные дѣятели того времени, какъ гр. Кочубей, кн. Чарторыжскій и гр. Потоцкій. Управление дѣлами комитета было поручено не кому иному, какъ Сперанскому. Мало того, каждому члену комитета было высочайше разрѣшено пригласить для участія въ совѣщаніяхъ по одному «изъ просвѣщеннѣйшихъ и извѣстныхъ въ честности евреевъ», а сами члены комитета постановили вызвать въ Петербургъ депутатовъ отъ кагала. Но выработанныя комитетомъ «Положеніе о евреяхъ 1804 года» все же было далеко отъ совершенства, такъ какъ, по удачному замѣчанію г. Гессена, главные члены комитета, не смотря на свой либерализмъ, «были все же дѣтьми господствовавшего класса, основывавшаго свое благополучіе на безправіи прочаго населенія». Съ другой стороны представители кагаловъ относились вполне отрицательно къ насущному для евреевъ вопросу о просвѣщеніи, такъ какъ боялись потерять черезъ это неприкосновенность внутренняго быта своего народа и тѣ условія, съ которыми связывались экономическіе интересы господствовавшего еврейскаго класса. Такая же разнь между правительствомъ и кагаломъ замѣчалась и въ послѣдующихъ мѣропріятіяхъ касательно евреевъ, бывшихъ при Александрѣ I, правленіемъ котораго и заканчивается I томъ труда г. Гессена. Обь власти (т. е. правительствомъ и кагалъ) хотѣли каждая по своему упорядочить бытъ

«истор. вѣстн.», июль—августъ 1917 г., т. сѣдх.

15

евреевъ, но не считались съ ихъ насущными потребностями. Обѣ власти искали другъ у друга поддержки, но не шли на уступки другъ другу.

Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе книги г. Гессена. Она составлена въ общемъ весьма старательно и съ большою любовью къ еврейскому народу. Авторъ привлекъ къ своему труду цѣлый рядъ впервые имъ опубликованныхъ архивныхъ документовъ, что придаетъ его книгѣ полную самостоятельность. Слабѣ другихъ обработана глава 4-я (исторія евреевъ въ польско-литовскомъ государствѣ), гдѣ встрѣчаются иногда цитаты въ ковычкахъ, но безъ указанія источника. Затѣмъ настоящую книгу нельзя считать итогомъ предшествующихъ аналогичныхъ изслѣдованій автора; особенно часто ссылается онъ на свою «Исторію евреевъ въ Россіи», которую необходимо имѣть подъ руками при пользованіи разбираемымъ трудомъ. Конечно, это не можетъ содѣйствовать удобствамъ читателей. Мѣстами попадаются недостаточно опредѣленные ссылки, именно цитируется только заглавіе книги, но нѣтъ указанія на страницы. Для серьезнаго и ученаго труда такое явленіе представляется нежелательнымъ. Книга снабжена рядомъ интересныхъ портретовъ, картъ и снимковъ съ рукописей и старопечатныхъ изданій. Но и здѣсь нѣкоторыя иллюстраціи представляются совершенно излишними, какъ напр. занимающіе двѣ страницы виды Москвы въ началѣ XVII вѣка, или Рига въ началѣ XVII вѣка, или Невскій проспектъ и Аничкинъ мостъ въ срединѣ XVIII вѣка,—тѣмъ болѣе, что эти рисунки взяты изъ общедоступныхъ изданій. Авторъ сообщаетъ, что второй томъ готовится къ печати. Желаемъ возможно скорого его появленія.

М.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга 21. Москва. 1916. XXVIII+592. Цѣна 4 руб.

Московскій архивъ министерства юстиціи выпустилъ новый 21 томъ, въ которомъ помѣщено начало описанія одного изъ самыхъ обособленныхъ отдѣловъ этого архива—литовской метрики. Составители предисловія къ разбираемому тому правильно говорятъ, что возрастаніе интереса къ исторіи Литовско-Русскаго государства и сознание въ наукѣ и жизни незамѣнимое учено-историческое и практически-юридическое значеніе метрики выдвигало необходимость такой работы на первую очередь. И если мы обратимъ вниманіе на позднѣйшія изслѣдованія по западно-русской исторіи, Литвы или Польши, то, дѣйствительно, въ рѣдкомъ изъ нихъ не встрѣтимъ ссылокъ на документы литовской метрики, хранящіеся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

По взятіи въ 1794 г. Варшавы Суворовымъ польская и литовская метрики, т. е. государственные архивы этихъ странъ, были помѣщены въ Петроградѣ при 3-мъ департаментѣ сената, откуда послѣ 1799 г. акты обѣихъ метрикъ, относившіеся къ территоріямъ, отошедшимъ при раздѣлахъ Польши къ Пруссіи, были переданы послѣдней, а отъ Пруссіи въ 1807 г. поступили въ варшавскій архивъ древнихъ актовъ. За этимъ исключеніемъ и за выдѣленіемъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ дипломатической части документовъ

изъ 3-го департамента сената литовская метрика въ 1887 г. была отправлена и стала находиться на храненіи въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи въ составѣ 1001 книги, 39 отдѣльныхъ древнихъ актовъ, 50 родословныхъ и 19 картъ, захватывающихъ время съ 1380 г. до конца XVIII вѣка.

По содержанію, акты литовской метрики распадаются на слѣдующіе отдѣлы: 1. Книги записей—грамоты и пожалованія великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ разнымъ лицамъ, учрежденіямъ, селамъ и областямъ и отчасти свѣдѣнія о посольствахъ, подходящія къ русскимъ статейнымъ спискамъ. 2. Судебныхъ дѣлъ—преимущественно рѣшенія самого господаря и высшихъ судовъ, по его повелѣнію. 3. Публичныхъ дѣлъ—акты публично-правового характера, совпадающіе съ записями. 4. Переписи, т. е. писцовыя и межевыя книги, податные и пошлинные списки. 5. Выписи, или выдержки изъ переданныхъ въ Пруссію документовъ метрики, касающіяся областей, подвластныхъ Россіи. 6. Sigillata—перечень актовъ, исходившихъ изъ королевской и великокняжеской канцеляріи, съ скрѣпою канцлера и съ печатью. 7. Непремѣннаго совѣта—производства по разнымъ вопросамъ въ періодъ времени между первымъ и вторымъ раздѣлами Польши. 8. Инвентари—описи актовъ польской метрики, составленныя въ Петроградѣ при передачѣ послѣдней въ Пруссію. 9. Новыя книги, составленныя и вновь пересмотрѣнныя въ 1835 г. особой комиссіей для предупрежденія возможности появленія въ метрикѣ подложныхъ документовъ. 10. Древніе акты, на отдѣльныхъ листахъ. 11 и 12. Родословныя, большею частью на пергаментѣ, и межевыя карты.

Въ 1887 г., незадолго до передачи метрики въ Москву, С. Л. Пташицкимъ еще въ Петроградѣ было напечатано «Описаніе книгъ и актовъ метрики». Оно было составлено настолько кратко, что скорѣе служило описью-охранною документовъ, чѣмъ научнымъ и практическимъ цѣлямъ. Настоящее же «Описаніе», изготовленное московскимъ архивомъ министерства юстиціи, исполнено по глубоко обдуманному и широко поставленному научному, систематическому плану 1912—1913 г.г., когда былъ произведенъ коренной пересмотръ дѣла прежнихъ архивныхъ описей метрики. Начинается оно съ перваго отдѣла метрики—«Записей». Цѣликомъ напечатана I книга «Записей», содержащая описаніе документовъ съ 1386 г. по 1558 г., подлинники которыхъ утратились, съ поправками изъ 2-й книги, являющейся копіей первой. Въ виду же того, что слѣдующія 3, 4 и часть 5 книги «Записей» уже изданы въ 27 томѣ «Русской Исторической Библиотеки» археографической комиссіи, описаніе записей въ разсматриваемомъ трудѣ начато съ той половины 5 книги, которая не вошла въ изданіе комиссіи, и оканчивается 12 книгой, давая такимъ образомъ содержаніе 7½ книгъ записей, относящихся къ 1492—1533 г.г.

Въ книгѣ описывается каждое отдѣльное дѣло, а число ихъ достигаетъ нерѣдко до 630 въ книгѣ, ставится его дата и указывается языкъ документа и листъ книги; въ описаніи строго наблюдается при сжатости точное содержаніе каждаго акта. Послѣ описанія тѣхъ актовъ, которые были помѣщены въ какомъ-либо печатномъ трудѣ, послѣдній тутъ же указывается.

Описанные въ настоящемъ томѣ акты (дѣла) литовской метрики чрезвычайно разнообразны по своему содержанию. Касаются они земельныхъ владѣній, ихъ инвентарей, арендныхъ статей, мыта, коморъ, корчемъ, замковъ, устройства ярмарокъ, назначенія служилыхъ людей на рядъ должностей, высшихъ и низшихъ, организацій мѣстнаго и городского управленій, магдебургскаго и холмскаго права, сдѣлокъ между разными лицами. Нѣкоторые акты касаются положенія въ Литвѣ женщины, какъ, на примѣръ, разрѣшеніе вдовѣ вторичнаго замужества съ оставленіемъ за нею до ея живота имѣній перваго ея мужа (кн. X, д. 98); дозволеніе жениться на сиротѣ и взять имѣнія ея отца (кн. XII, д. 506). Встрѣчается цѣлая группа не напечатанныхъ актовъ о посольствахъ изъ Литвы и Польши и о сношеніяхъ этихъ государствъ съ ханами Золотой орды и крымскими.

Описаніе выполнено начальникомъ отдѣленія литовской метрики С. К. Шамбинаго и дѣлопроизводителемъ Н. Г. Бережковымъ, подъ общимъ руководствомъ управляющаго архивомъ профессора Д. В. Цвѣтаева. Къ книгѣ приложены подробные указатели: личный и географическій; а предметный указатель замѣненъ во введеніи систематическимъ обзорнымъ содержаниемъ. Цѣна книги, имѣющей почти 38 листовъ, при теперешнемъ вздорожаніи цѣнъ на печатныя изданія, болѣе чѣмъ скромная, а издана она очень изящно.

Бог—скій.

Записки Н. В. Басаргина. Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Издательство «Огни». Петроградъ. 1917. Ц. 3 р. 50 к.

Послѣ 1905 года, когда установлена была относительная свобода для исторической литературы, потребовались для многихъ уже изданныхъ сочиненій новыя ихъ изданія съ цѣлю возстановить тѣ мѣста этихъ сочиненій, которыя были пропущены ранѣе изъ цензурныхъ соображеній. Въ особенности важно возстановленіе этихъ пропусковъ для историческихъ документовъ и матеріаловъ, являющихся основой историческихъ изслѣдованій. Къ числу этихъ матеріаловъ относятся и «Записки Н. В. Басаргина», декабриста, уже напечатанныя въ первой книгѣ «Девятнадцатаго Вѣка» П. И. Бартенева въ 1872 г. съ нѣкоторыми купюрами. Въ новомъ изданіи ихъ, вышедшемъ подъ редакціей П. Е. Щеголева, текстъ «Записокъ» возстановленъ вполнѣ по подлинной рукописи Н. В. Басаргина, хотя дореволюционная цензура и здѣсь оставила свои слѣды въ пропускѣ нѣсколькихъ строчекъ, обозначенныхъ точками (стр. 74, 78). Впервые въ этомъ изданіи появляется третья часть «Записокъ» Басаргина, пропущенная П. И. Бартеневымъ, заключающая въ себѣ мысли автора о Сибири и ея будущемъ. Наконецъ къ «Запискамъ» приложена и другая автобіографическая статья Басаргина: «Воспоминанія объ учебномъ заведеніи для колонновожатыхъ и объ учредителѣ его, генералъ-маіорѣ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ», напечатанная ранѣе въ «Русскомъ Архивѣ», 1868 года. Чтобы собрать все, написанное Басаргинымъ, редакторъ изданія, П. Е. Щеголевъ, счелъ необходимымъ приложить къ «Запискамъ» Басаргина и его показанія, данныя имъ слѣдственной

комиссії по дѣлу декабристовъ подъ заглавіемъ: «Процессъ П. В. Басаргина», документально подтверждающія справедливость соотвѣствующихъ мѣстъ «Записокъ».

Одинъ изъ участниковъ тайнаго общества, образовавшагося въ южной арміи подъ руководствомъ Пестеля, П. В. Басаргинъ вступилъ въ общество въ 1820 г. еще зеленымъ юношей (р. въ 1799 или 1800 г.), пріѣхавъ въ южную армію прапорщикомъ свиты его величества по квартирмейстерской части, и оттого не могъ принять въ дѣлахъ общества дѣятельнаго участія, чему способствовали и другія обстоятельства его личной жизни, между прочимъ, ранняя женитьба. Но образование и прекрасныя личныя свойства, а также ревностное исполненіе служебныхъ обязанностей при главной квартирѣ, скоро выдвинули Басаргина изъ ряда другихъ офицеровъ, сблизили его съ высшими чинами арміи и возбудили довѣріе къ нему членовъ тайнаго общества. Уже въ 1821 году онъ назначенъ былъ адъютантомъ начальника штаба 2-й арміи генерала П. Д. Киселева, а декабрьская смута застала его на важномъ мѣстѣ старшаго адъютанта главнаго штаба арміи. Въ тайномъ обществѣ Басаргинъ принадлежалъ къ числу умѣренныхъ членовъ. «Въ 1822 г.,—показывалъ онъ самъ въ слѣдственной комиссіи,—въ образѣ моихъ мыслей начала дѣлаться перемѣна, и, наконецъ, подъ конецъ 1823 года, принявши намѣреніе жениться, я совершенно измѣнилъ образъ понятій своихъ и былъ увѣренъ, что никакое правленіе безъ нѣкоторыхъ недостатковъ быть не можетъ, но что недостатки сіи исправиться должны правительствомъ, а не частными лицами». Хотя въ 1821 г. Басаргинъ и высказался, на собраніи въ Тульчинѣ, за продолженіе существованія тайнаго общества, но на слѣдствіи заявилъ, что причиной этого былъ «ложный стыдъ и боязнь быть укоряему въ малодушіи». «Въ сущности,—говоритъ П. Е. Щеголевъ,—такихъ, какъ онъ, было большинство среди понесшихъ отвѣтъ за 14 декабря, и П. В. Басаргина можно считать типичнымъ декабристомъ». Приговоренный къ ссылке въ Сибирь на каторжную работу на 15 лѣтъ, Басаргинъ, совместно съ большинствомъ декабристовъ, водворенъ былъ въ Читѣ, а въ 1836 г., освобожденный отъ каторги, поселенъ былъ въ г. Туринскѣ, Тобольской губерніи. Въ 1846 г. ему дозволено было поступить на государственную службу канцелярскимъ служителемъ 4-го разряда въ Курганѣ, гдѣ онъ жилъ въ то время, и въ слѣдующемъ году онъ былъ прикомандированъ къ Ялutorовскому земскому суду. Въ Ялutorовскѣ Басаргинъ женился въ третій разъ на Ольгѣ Ивановнѣ Менделѣевой, сестрѣ знаменитаго нашего химика Д. И. Менделѣева, получивъ за ней въ приданое Коптольскій стеклодѣлательный заводъ. Послѣ амнистіи въ 1856 г. Басаргинъ выбылъ въ Россію, гдѣ и умеръ въ Москвѣ въ 1861 году.

«Записки» свои Басаргинъ написалъ по возвращеніи изъ ссылки. Отличительной чертой ихъ является объективность автора, стремленіе его излагать лишь вполнѣ достовѣрные факты. «Предположивъ себѣ писать только то, въ чемъ я самъ участвовалъ и чему былъ свидѣтелемъ,—говоритъ Басаргинъ,—я ограничиваюсь одними собственными моими воспоминаніями». Одно это достоинство «Записокъ» Басаргина заставитъ изслѣдователя исторіи декабри-

ствоѣ отнести съ полнымъ вниманіемъ и довѣріемъ къ показаніямъ ихъ автора.

Изданіе—тщательно проверенное и съ вѣншей стороны изящное. Жаль только, что къ «Запискамъ» не приложено портрета П. В. Басаргина.

Е. Шумигорскій.

Симбирская Церковная Старина. 3. Изданіе Симбирскаго Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Общества. Симбирскъ. 1917. Стр. 122. Цѣна 2 р.

Въ 3-мъ выпускѣ «Старины» данъ краткій біографическій очеркъ «Памяти Высокопреосвященнаго Симбирскаго Архіепископа Анатолія» и къ нему приложеніе, вибрирующее особой красотой и силою: «Слово на случай приведенія къ присягѣ чиновъ, избранныхъ въ гражданскія должности» (1811) и составленная въ честь Владыки Ода на латинскомъ языкѣ, Мадригалъ и Сонетъ, Г. Соловьевымъ предложена статья «Алатырская Духовская пустынь». (Составлено по архивнымъ документамъ, собраннымъ К. И. Невоструевымъ). Прот.-миссіонеръ А. Сокольскій помѣстилъ здѣсь «Мѣстную память, данную по указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича новокрещенному изъ татаръ Андрею Петрову». О. Сокольскій защищаетъ Петра I отъ попрековъ въ «царепализмъ». По мнѣнію автора сообщенія: «церковно-административныя реформы Петра Великаго не вносили въ церковную жизнь частныхъ переменъ церковнаго права, а стремились лишь согласовать строй церковной жизни съ новымъ устройствомъ жизни государственной». Протоіерей Успенскій, воспоминанія котораго во 2-мъ выпускѣ «Старины» мы отмѣчали (см. «Ист. Вѣстн». 1915, кн. 12), въ разсматриваемой книжкѣ, продолжая свои очерки, между прочимъ заявляетъ: «Я ратую за широко открытыя двери духовныхъ семинарій для всѣхъ, ищущихъ богословскаго образованія, русскихъ подданныхъ, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, возраста и состояній, безъ всякихъ нормъ, бесплатно». Г. Яхонтѣвъ вноситъ поправки въ исторію Симбирскаго мужскаго духовнаго училища «по подлиннымъ рукописнымъ документамъ архивовъ Симбирскаго Покровскаго монастыря и Сызранскаго Спасо-Вознесенскаго монастыря» и приводитъ повторяющееся на обложкѣ «завѣщаніе проф. К. И. Невоструева»: «Братіе и отцы! Блюдите ради отцовъ вашихъ, васъ самихъ и грядущихъ по васъ родовъ сіи памятники минуваша».

А. Налямовъ.

М. М. Винаверъ. Недавнее. Воспоминанія и характеристики. Петроградъ 1917 г. Стр. 300, ц. 3 р. 50 к.

Перводумецъ, извѣстный присяжный-повѣренный и общественный дѣятель, нынѣ сенаторъ, М. М. Винаверъ выпустилъ изящно изданный томикъ своихъ воспоминаній объ отошедшихъ въ вѣчность товарищахъ по профессіи, соратникахъ по Государственной Думѣ перваго призыва и лицахъ, игравшихъ своими работами выдающуюся роль въ нашей юридической литературѣ. Съ большимъ психо-

логическим мастерствомъ рисуетъ авторъ предъ читателями небольшую группу лицъ изъ этого міра, съ которыми онъ лично состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ, труды которыхъ онъ основательно изучилъ, и имена которыхъ будятъ въ его сердцѣ прекрасныя и задушевныя воспоминанія о недавнемъ быломъ. До сихъ поръ о людяхъ изъ «юридическаго міра» мы имѣли воспоминанія Джаншіева и А. Ѳ. Кони, гдѣ даны главнѣйшія страницы изъ жизни лицъ, поработавшихъ на поприщѣ укрѣпленія въ нашей родинѣ основъ законности и правового самосознанія; рядомъ съ этими «памятками» нынѣ по всей справедливости, по цѣнности заключеннаго тутъ матеріала, должны быть поставлены характеристики, сдѣланныя г. Винаверомъ, которыя надолго останутся прекраснымъ литературнымъ памятникомъ свершившимъ свой земной путь его современникамъ по совмѣстной научно-общественной работѣ. Въ свою галлерею М. М. Винаверъ помѣстилъ портреты: В. Д. Спасовича, С. А. Муромцева, Пасовера, Н. М. Мясоѣдова, А. А. Книрима, І. И. Карницкаго, А. М. Колюбакина, Г. И. Шершеневича, А. С. Гольденвейзера, В. Л. Исаченко, С. А. Бершадскаго, Ф. И. Прокуракова, Н. А. Полетаева, В. О. Люстига, П. А. Потѣхина.

Если о нѣкоторыхъ поименованныхъ лицахъ въ общей литературѣ уже и до г. Винавера имѣлись болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія, то другія предстаютъ передъ нами въ ихъ жизненной практической и кабинетной работахъ впервые, благодаря чему потомство можетъ и ихъ занести въ свой благодарственный синодикъ за ихъ службу родинѣ въ области разработки гражданского права и укрѣпленія политической свободы въ Россіи.

Книга г. Винавера несомнѣнно прочтется съ большимъ интересомъ не только людьми, такъ или иначе соприкасающимися съ сферой юстиціи, практической и теоретической, но и широкой публикой, которая почерпнетъ изъ этого чтенія какъ новый для нея фактическій матеріалъ изъ области культурной жизни нашей родины такъ и богатый запасъ идей, освѣщенныхъ подъ угломъ зрѣнія права и справедливости.

Г.

**Ив. Лазаревскій. Среди коллекціонеровъ. 2-ое изданіе. Петроградъ. 1917 г.
Стр. 223. Цѣна 5 рублей.**

Интересъ къ родной старинѣ, такъ сильно распространившійся въ русскомъ обществѣ за послѣдніе годы, вызвалъ цѣлую литературу, къ которой очень внимательно прислушиваются многочисленные любители и цѣнители памятниковъ минувшаго. Среди этой литературы останавливаетъ вниманіе любопытная книга г. Ив. Лазаревскаго «Среди коллекціонеровъ», нынѣ выходящая уже вторымъ изданіемъ. Это не сухой научный трактатъ, способный вызвать интересъ только среди узкаго кружка специалистовъ, съ головой ушедшихъ въ коллекционированіе и изученіе какой-либо стороны жизни и быта далекихъ былыхъ годовъ; это не мертвый каталогъ, а яркая, живо написанная книжка челоуѣка, страстно влюбленнаго въ сокровища и бездѣлушки старины, будь то фарфоровая статуетка или чашечка, рѣдкое изданіе или какой-нибудь елизаветинскій «премилый стуликъ со спинкой въ видѣ лиры». И при чтеніи очерковъ г. Лазаревскаго эта любовь къ старинѣ, это восторжен-

ное отношеніе къ какой-нибудь рѣдкой бездѣлушкѣ невольно передается и читателю, который вмѣстѣ съ авторомъ радуется каждой счастливой находкѣ и скорбитъ, слушая исторію о нашемъ пассивномъ, если не варварскомъ отношеніи къ памятникамъ прошлаго.

Начинается книга г. Лазаревскаго очерками рѣдкихъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій прошлаго вѣка и конца восемнадцатаго, при чемъ авторъ нерѣдко рассказываетъ исторію нахождения экземпляра описываемаго изданія у того или иного лица и называетъ его послѣдняго собственника, у котораго ему приходилось видѣть это изданіе. Такого рода указанія представляютъ для любителей большой интересъ. Подобныя же замѣчанія дѣлаетъ авторъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ очерковъ. Особенно интересна глава объ иллюстрированныхъ изданіяхъ, посвященныхъ исторіи нашего театра. При слабой разработкѣ библиографіи по данному вопросу работа г. Лазаревскаго должна обратить вниманіе многочисленныхъ друзей русской театральной старины. Очеркъ Лазаревскаго знакомитъ съ многими рѣдкими названіями по этому вопросу и облегчаетъ любителямъ-дилетантамъ хоть нѣсколько разобраться въ этой мало разработанной области и представить имъ болѣе или менѣе картину того, что въ этомъ отдѣлѣ есть рѣдкаго и что рядового.

Заканчивается отдѣлъ о старыхъ книгахъ рассказами и воспоминаніями о бродячихъ антикварахъ-книжникахъ, нынѣ уже несуществующихъ, о «холодныхъ букинистахъ», среди которыхъ ярокъ таинственный Гумбольдтъ, воспитанный Некрасовымъ, объ извѣстномъ петроградскомъ антикварѣ В. И. Ключковѣ и старѣйшемъ тамошнемъ же букинистѣ Герасимовѣ.

Статья о старинной русской мебели особенно удалась автору. Въ этой мало разработанной области авторъ сообщаетъ много цѣнныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о мебельномъ искусствѣ прошлаго, которое оставило намъ массу превосходнѣйшихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о большомъ вкусѣ и пониманіи задачъ художественности невѣдомыхъ русскихъ мастеровъ. Также интересны очерки о фарфоровыхъ издѣліяхъ, о русскомъ цвѣтномъ хрусталѣ и стеклѣ.

Второе изданіе книги г. Лазаревскаго во многомъ дополнено по сравненію съ первымъ, вышедшимъ въ 1914 г.. Внѣшность изданія можно смѣло назвать художественной.

Д. М—ко.

Вл. П. Кранихфельдъ. Въ мірѣ идей и образовъ (Этюды и портреты). Т. III. Изданіе Книгоиздательства «Жизнь и Знаніе». Петроградъ 1917 г. Стр. 326. Цѣна 2 р. 50 коп.

Статьи г. Кранихфельда, собранныя въ томѣ III-емъ сборника «Въ мірѣ идей и образовъ», являются, подобно первымъ двумъ сборникамъ того же автора, журнальными работами (главнымъ образомъ изъ «Современнаго Міра») на поприщѣ «публицистической» критики со всѣми недостатками, свойственными критикѣ съ симъ послѣднимъ условнымъ эпитетомъ.

Статей въ сборникѣ 13. Изъ нихъ 4 о графѣ Л. Н. Толстомъ и затѣмъ по одной: объ Н. Н. Златовратскомъ, Д. Н. Мамипѣ Сибирякѣ, А. И. Эртелѣ.

Иваѣ Рукавишниковѣ, о Достоевскомъ, сведенномъ съ В. В. Вересаевымъ, о Горькомъ и Купринѣ, о Мережковскомъ и Вячеславѣ Ивановѣ, какъ о новыхъ наслѣдникахъ «Переписки съ друзьями» Гоголя (?); и наконецъ 2 статьи: 1) «Три вопроса» (собственно по поводу сборника «Куда мы идемъ?» въ публицистической параллели съ «Кто виноватъ?» и «Что дѣлать?») 2) «Въ подпольѣ».

Нельзя сказать, чтобы авторъ названной книги былъ очень плохимъ критикомъ-публицистомъ (въ старомъ и условномъ значеніи этого термина) или чтобы намѣренія его были дурны. Но, съ другой стороны, благими намѣреніями, какъ извѣстно, вымощенъ адъ. Избранный же г. Кранихфельдомъ «методъ» подхода къ явленіямъ литературнымъ—съ точки зрѣнія политическаго дѣятеля и сторонника экономическаго матеріализма—приведитъ лишь къ одному результату: къ явному и безцѣльному оскорбленію разбираемыхъ имъ явленій русской литературы. Писатель русской разсматривается имъ не по силѣ художественнаго значенія творчества его для дѣла мірзогого или національнаго оборота, какъ недѣлимаго отпрыска единой міровой или національной культуры, а съ узкой и, въ сущности, безчеловѣчной точки зрѣнія «Прокрустова ложа».

Критикъ перестаетъ слѣдить за собой, провѣрять помощью сложной и кропотливой работы анализа общіе свои выводы. Графъ М. Н. Толстой «твергъ исключительное искусство высшихъ классовъ», послѣднія художественныя произведенія его выше прежнихъ, автобіографичностью «Отца Сергія» «объясняется художественная стройность и законченность повѣсти». Всѣ, хотя бы сіи, отвѣтственные тезисы нуждаются въ доказательствахъ, въ предварительной, зачастую чисто черновой, историко-литературной и эстетической провѣркѣ. Напр., «Дѣтство» М. Горькаго или его «Среди людей» также автобіографичны, но художественности въ этихъ двухъ произведеніяхъ весьма мало по той простой причинѣ, что авторъ преступилъ законъ художественнаго творчества, и его произвенія ни мемуары, ни литература. У графа же Толстого, не взирая на «автобіографичность» (тоже г. критикомъ не доказанную), повѣсть «Отецъ Сергій»—дѣло рукъ художника, подвигъ искусства.

Попутно (въ статьѣ «Левъ Толстой и его спутники») авторъ «раздѣлываетъ подъ орѣхъ» Н. Н. Страхова. Тутъ пригодился даже Влад. С. Соловьевъ, какъ авторъ полемики со Страховымъ. Но вотъ что достопримѣчательно: соловьева критикъ прочиталъ и цитируетъ, но съ язвительными и весьма содержательными отвѣтами Страхова, бьющими иногда Соловьева въ корень, познакомиться не удосужился. То же самое относится къ утверженію г. Кранихфельда, будто Страховъ цѣликомъ воспринялъ ученіе Аполлона Григорьева. Написать подобное можно, но это столь же соответствуетъ исторической истинѣ, какъ если бы начать утверждать, что г. Кранихфельдъ всецѣло воспринялъ ученіе, ну, скажемъ, столь ему не любезнаго А. Волынскаго!

Къ какимъ парадоксамъ приводитъ г. Кранихфельда его «точка зрѣнія» на русскую литературу, можно еще убѣдиться изъ случая съ А. И. Эртелемъ. Въ годы застоя печальной памяти 80-ые и 90-ые гг. прошлаго вѣка, Эргель, единственный нашъ романистъ, художникъ въ полномъ смыслѣ слова, съ широкимъ захватомъ наблюдаемыхъ имъ міровъ, среди талантливыхъ по-

велистовъ этой эпохи, Эртель, авторъ «Гардениныхъ», оказался всего на всего «провозвѣстникомъ русской буржуазной культуры». Эртель, по г. Кранихфельду, даже «писателемъ-то вообще былъ случайнымъ», на томъ основаніи, что заявлялъ: «мнѣ всегда была нужна сознательная увѣренность, что то, что пишу,—ново и интересно, по крайней мѣрѣ для самого себя (т. е. какъ разъ въ этомъ признаніи самого беллетриста и кроется подлинное чувство художника, а, по мнѣнію г. Кранихфельда, наоборотъ.)»

Сказаннаго, пожалуй, слишкомъ даже достаточно для квалификаціи книги г. Кранихфельда. Все это—ничтожная и никому, во истину влюбленному въ литературу и искусство, ненужная Сизифова, бесполезная работа.

Влад. Княжнинъ.

Шета Руставели. Носящій барсову шкуру. Грузинская поэма XII в. Переводъ К. Бальмонта. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1917. 112 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Знаменитая грузинская поэма, кажется, впервые появляется въ русскомъ стихотворномъ переводѣ. Къ сожалѣнію, г. Бальмонтъ пока далъ только переводъ десяти пѣсень (вступленіе и пѣсни 1—8 и 47) и лишь оглавленіе остальныхъ. Полный переводъ онъ обѣщаетъ выпустить впоследствии. Переводъ сдѣланъ звучными рифмованными стихами, въ которыхъ переводчикъ, по его словамъ, стремится передать ту звучность, какой обладаетъ подлинникъ. Къ книгѣ приложены портреты царицы Тамары и Руставели, переводъ древне-грузинской оды къ царицѣ Тамарѣ, грузинское народное сказаніе о турнирѣ въ честь Руставели и два вступительныхъ очерка: первый говоритъ о характерѣ грузинскаго языка и поэзіи, а во второмъ г. Бальмонтъ сопоставляетъ Руставели съ Данте, Петраркой и Микель Анджело, которые всѣ воспѣвали любовь, но каждый въ своемъ родѣ. Чтобы дать понятіе о переводѣ, приведемъ изъ него нѣсколько строкъ изъ вступленія:

«Дай мнѣ страстнымъ устремленьемъ, вплоть до смерти жить томленьемъ,
Время сердца, съ свѣтлымъ пѣньемъ, въ міръ иной снести легко.
Льва, что знаетъ мечъ блестящій, щить и копій свистъ летящій,
Ту, чьи волосы—какъ чащи, чьи уста—рубинъ, Тамарь,—
Этотъ лѣсъ кудрей агатный, и рубинъ тотъ ароматный,
Я хвалю многократной вознесу въ сіяньи чаръ».

Желательно, чтобы кто-либо изъ специалистовъ-грузинологовъ разобралъ переводъ съ точки зрѣнія соответствія его подлиннику, и, надѣмся, что это будетъ сдѣлано, если не теперь, то когда выйдетъ полный переводъ поэмы.

А. Захаровъ.

И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. Часть I. Первая половина XIX в. Книгоиздательство «Задруга». Москва. 1916. Стр. 342. Ц. 3 р.

Задачей г. Игнатова является изслѣдованіе измѣненія психики театральнаго русскаго зрителя въ связи съ исторіей нашего театра въ первой половинѣ

мипувшаго столѣтія. Историки литературы и театра въ общемъ мало затрагивали эту область, ограничиваясь лишь общими сужденіями и обращая главное вниманіе на изслѣдованіе различныхъ эпохъ, вскрывая причины появленія того или иного теченія, выясняя его послѣдствія и т. п. Поэтому стѣ книги г. Игнатова можно было бы ожидать много интереснаго, но авторъ не вполне оправдываетъ возлагавшіяся на него надежды.

Во введеніи онъ излагаетъ свой теоретическій взглядъ на взаимоотношенія театра и зрителей. Эта его теорія, снабженная и подтвержденная многочисленными примѣрами изъ исторіи, физиологіи, анатоміи, психологіи и прочихъ наукъ, сводится въ общемъ къ слѣдующему. Театръ развиваетъ въ зрителяхъ пассивность какъ разъ тогда, когда чувства возбуждены до крайняго предѣла; это сильно вредитъ зрителю, понижая его энергію за счетъ повышенія чувствительности. Когда же театръ черезъ посредство чувства возбуждаетъ мысль зрителя, это вредное и съ общественной, и съ индивидуальной точекъ зрѣнія свойство почти незамѣтно, «и сцена пріобрѣтаетъ значеніе воспитательницы» «совершенной» личности, распространительницы «добрыхъ чувствъ» и альтруистическихъ поступковъ. «Въ зрителяхъ несомнѣнно таятся стремленіе къ усилению раздражительныхъ свойствъ театра, какъ въ привычныхъ алкоголикахъ скрыта постоянная жажда къ новому принятію разрушительнаго яда». Съ этимъ свойствомъ театра боролись, развивая другое его свойство, дѣйствовавшее на мыслительную способность человѣка. Отсюда борьба и кризисы опредѣленныхъ жанровъ театра, замѣна одного другимъ, побѣда мелодрамы надъ стариной трагедіей, смѣна мелодрамы натуралистической драмой, кризисъ театра реализма, воцареніе на сценѣ символизма, послѣ чего, говоритъ авторъ, «ненасытимая жажда зрителя будетъ опять искать утоленія въ большей близости къ дѣйствительности; начнется погоня за реальностью, разцвѣтъ «натурализма», злоупотребленіе имъ, «и побѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны издалека къ любимымъ берегамъ».

И въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ иллюстрируетъ свое теоретическое положеніе фактами изъ исторіи нашего театра, главнымъ образомъ пользуясь исторіей петербургскаго театра (драматическаго), меньше затрагивая московскій театръ, очень мало касаясь провинціального театра, область котораго почти вовсе не изслѣдована у насъ, и совсѣмъ не трогая крѣпостнаго театра, который имѣлъ важное значеніе, давши изъ своихъ нѣдръ много выдающихся актеровъ и пробудивъ во многихъ зрителяхъ интересъ къ сценическому искусству. Все изложеніе г. Игнатова нѣсколько схематично, вездѣ черезчуръ явно сквозитъ стремленіе подогнать все подъ сказанную теорію, причемъ легкіе отбѣнки, мелкіе штришки и черточки или отбрасываются, или увеличиваются, смотря по степени пригодности ихъ къ высказанной теоріи. Перенеся центръ тяжести своего повѣствованія на зрителей, авторъ не совсѣмъ достаточно охарактеризовалъ дѣятельность и личность многихъ выдающихся актеровъ. Слабо отмѣчено благотворное вліяніе на репертуаръ и развитіе актеровъ кружковъ просвѣщенныхъ и знатныхъ театраловъ типа Катенина или Гнѣдича, а вѣдь подобные любители и друзья театра, несмотря на свою малочисленность по сравненію съ другими зрителями, имѣли на него опре-

дѣленное и сильное вліяніе, которое достаточно подтверждается хотя бы тѣмъ, что успѣхъ знаменитой Е. Семеновой созданъ былъ именно этими всемогущими театрами, тѣмъ «лѣвымъ флангомъ» александринскаго партера, о коемъ столько разсказано въ запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Не совсѣмъ также можно согласиться и съ заключеніями автора о нашихъ водевиляхъ: онѣ весьма категоричны, но нѣсколько односторонни.

Работа г. Ипатова доведена до прихода на русскую сцену реалистической драмы, до воцаренія Островскаго.

Книжка иллюстрирована портретами дѣятелей театра, снимки ми со старинныхъ рисунковъ, воспроизводящихъ типы тогдашнихъ зрителей, видами театровъ, нѣсколькими любопытными жанровыми картинками; въ концѣ приложенъ списокъ, откуда заимствованъ каждый рисунокъ.

Д. М.—ко.

Остроумовъ Т., свящ. Историческій очеркъ Астраханской 1-й мужской гимназіи за время съ 1806 по 1914 годъ. Астрахань. Безъ обозначенія года (1916). Стр. IV нен.+VII+3+823.

Исторія школы, средней и высшей, у насъ разработана еще недостаточно. Многие университеты, гимназіи и духовныя семинаріи имѣютъ, правда, болѣе или менѣе подробныя исторіи, но, въ большинствѣ случаевъ, это—сухіе перечни фактовъ, составленные при самомъ казенномъ освѣщеніи.

Лишь одной казанской академіи необыкновенно повезло: за ея исторію взялся прекрасный знатокъ и художникъ, историкъ П. В. Знаменскій. Оттого и исторія эта стоитъ очень высоко среди всѣхъ трудовъ подобнаго характера, оттого она и читается съ такимъ громаднымъ интересомъ.

Работа о. Остроумова составлена исключительно на основаніи данныхъ гимназическаго архива. А такъ какъ эти данныя, въ большинствѣ случаевъ, отличаются официальнымъ характеромъ, то и самый трудъ носить нѣкоторый характеръ официальности. Здѣсь мы не найдемъ живыхъ характеристикъ директоровъ и преподавателей, яркихъ очерковъ постановки учебнаго дѣла за тотъ или другой періодъ существованія гимназіи, составляющихъ главную цѣнность всякихъ изученій исторіи просвѣщенія,—авторъ даетъ лишь послужные списки преподавательскаго персонала и довольно скупъ на замѣчанія общаго характера. Впрочемъ, сильно обвинять автора, конечно, нельзя; онъ сдѣлалъ, что могъ, при современной обстановкѣ средней школы.

Можно пожалѣть, что авторъ совершенно не использовалъ архивы другихъ учреждений, напримѣръ, архивъ казанскаго учебнаго округа, а также не попытался разыскать сочиненія учениковъ гимназіи за прошлые годы; вѣдь, эти сочиненія всего лучше характеризуютъ развитіе ихъ авторовъ, дававшееся школой. Если бы авторъ использовалъ имѣющуюся печатную литературу предмета, его трудъ, несомнѣнно, много бы выигралъ; вѣдь, въ астраханской гимназіи служили нѣкоторые видные директора и преподаватели, оставившіе по себѣ слѣды въ литературѣ, у многихъ изъ нихъ были и печатные труды. Напримѣръ, С. С. Краснодаровскій, бывший преподавателемъ саратовской

семинаріи (это мѣсто служенія не указано о. Остроумовымъ), много работалъ по исторіи и археологіи (см. его книгу «Увекъ»), велъ полемику по ученымъ вопросамъ съ С. И. Кедровымъ и пр.; этотъ Краснодаровскій послѣ того, какъ занималъ довольно видный постъ инспектора народныхъ училищъ, поступилъ, вслѣдствіе неудачъ въ семейной жизни, въ скромные учителя приготовительнаго класса астраханской гимназіи. Свѣдѣнія относительно его дѣятельности даютъ: С. Д. Соколовъ. «Саратовцы», стр. 124—25, гдѣ помѣщенъ и списокъ трудовъ; В. П. Соколовъ. «XXV-лѣтіе саратовской архивной комиссіи»; Н. Ф. Хованскій. «Краткія біографіи нѣкоторыхъ членовъ комиссіи» (тамъ же.). И. А. Козеко также работалъ въ области исторіи.

За всѣми этими недочетами «Очеркъ» о. Остроумова даетъ свѣжій и цѣнный архивный матеріалъ.

Александръ Лебедевъ.

И. А. Булинъ. Храмъ Солнца. Съ 18 рис. въ текстѣ. Пг. 1917. Стр. 174. Ц. 2 р. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе». Библіотена для юношества.

Въ этой книгѣ сперва помѣщены стихи г. Бунина, которые служатъ какъ бы музыкальнымъ прологомъ къ послѣдующей прозѣ.

Первый очеркъ здѣсь—«Тѣнь птицы», въ немъ рѣчь идетъ о Константинополь и его окрестностяхъ. Названіе статьи уясняетъ слова автора о томъ, что тѣнь легендарной птицы Хумай «принеситъ всему, на что она падаетъ, царственность и безсмертіе». Далѣе читаемъ главы: «Море Боговъ», «Зодіакальный свѣтъ» (объ Александріи и Каирѣ), «Иудея», «Пустыня дьявола», «Мертвое море», «Храмъ солнца» (о Вазальбекѣ, «долинѣ Ваала—Солнца», на Ливанѣ), «Геннисаретъ».

Мастерски справляется авторъ съ чертами и красками, изображая чудныя декораціи и яркій людской «маскарадъ» въ Галатѣ, на Босфорѣ, въ Архипелагѣ, на Нилѣ; выдѣляя своеобразные рельефы и цвѣта Иудеи, «Мертваго моря» и т. д. Описанія г. Бунина дороги тѣмъ, что они, видно, и тутъ и тамъ взяты собственными переживаніями автора, и въ нихъ нѣтъ столь распространенной въ беллетристикѣ примѣси стилистической воды. Авторъ какъ бы оговаривается, отъ времени до времени, въ подобномъ родѣ: «будемъ служить людямъ Земли и Богу вселенной,—Богу, котораго я называю Красотой, Разумомъ, Любовью, Жизнью и который проникаетъ все сущее».

Но въ этой книгѣ, включенной въ «Библіотеку для юношества», все-же повѣваетъ очень замѣтно и пессимизмомъ не безъ холодка и искусственности. Столь цѣнныхъ, думается, для молодежи—идеалистическихъ разрѣшеній и завершеній мало въ лирическихъ откровеніяхъ г. Бунина.

А. Налимовъ.

Г. Ферреро. «Величіе и паденіе Рима». Т. III. Отъ Цезаря до Августа. Пер. А. Захарова. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1917. VII+507 стр. 3 р. 50 к.

Третій томъ извѣстнаго труда итальянскаго ученаго Ферреро—первые два вышли и были уже встрѣчены критикой очень сочувственно—охваты-

ваетъ одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ римской исторіи—отъ убійства Цезаря до установленія принципата (44—27 гг. до Р. Х.). Въ то же время эта эпоха—одна изъ труднѣйшихъ для изученія. Возстановить правильную картину послѣднихъ междоусобій I в. весьма затруднительно: традиція сильно разукрасила дѣйствія Октавіана, Антонія, Клеопатры; съ другой стороны, социальная подкладка междоусобій оставлена ею безъ должнаго вниманія. Историкъ, занимаясь изученіемъ событій указанныхъ годовъ, долженъ, такимъ образомъ, не только привлечь къ дѣлу все, что можно, для выясненія социальной стороны изучаемыхъ явленій, но также проявить тонкое критическое чутье и остроуміе при работѣ надъ текстами, такъ какъ иначе они могутъ легко повести къ утвержденіямъ, далекимъ отъ истины. И то и другое дѣлаетъ г. Ферреро: многочисленныя ссылки и примѣчанія показываютъ, насколько серьезно обосновано его изложеніе, а какъ онъ работаетъ надъ первоисточниками, лучше всего, пожалуй, видно изъ «Приложеній», назначенныхъ для оправданія особенно оригинальныхъ утвержденій въ текстѣ книги (стр. 4555, сл.: А. Событія въ Римѣ 15, 16 и 17 марта 44 года до Р. Х.—В. Провинціи Брута, Кассія, Антонія и Долабеллы.—С. Битва при Актіи). Кромѣ того, Ферреро, какъ и въ другихъ томахъ своего труда, не ограничивается изученіемъ разсматриваемой эпохи съ какой-либо одной точки зрѣнія. Выдвигая на первый планъ явленія экономическія, онъ, тѣмъ не менѣе, разбираетъ, на примѣръ, вопросы и литературы и философіи. Короче говоря, въ третьемъ томѣ «Величія и паденія Рима» мы имѣемъ научное, осторожное и глубокое описаніе событій 44—27 г.г.

Изложеніе отличается большими достоинствами. Правда, порою дается слишкомъ много фактического матеріала, что затрудняетъ чтеніе; но зато имѣются страницы, содержащія яркія характеристики партій, отдѣльныхъ личностей. Безпристратное спокойствіе смѣняется иногда пессимомъ; замѣчанія общаго характера оживляютъ рассказъ, не внося въ него, однако, излишняго модернизма. Особенно живо написана глава «Актіи»; съ большимъ интересомъ читаются отдѣлы, посвященные литературѣ. Все-таки слѣдуетъ еще разъ замѣтить, что фактического матеріала вообще много. Книга Г. Ферреро не можетъ считаться легкой для чтенія. При всѣхъ достоинствахъ изложенія она требуетъ отъ читателя достаточнаго знанія и исторіи и особенно географіи. Поэтому было бы очень желательно, чтобы была приложена карта.

Общая тенденція книги—показать, что истиннымъ продолжателемъ дѣла Цезаря былъ Антоній, а не Октавіанъ. Октавіанъ большой роли вообще не игралъ; его строй не есть діархія или начало монархіи, а просто реставрація республики. Антоній, далѣе, погибъ не вслѣдствіе безумной любви къ египетской царицѣ, а въ силу внутренняго противорѣчія въ положеніи, которое онъ занялъ: съ одной стороны, онъ былъ главой опредѣленной римской партіи; съ другой—почти царемъ Египта, стремившагося сдѣлаться самостоятельнымъ. Попытка Антонія завоевать Парсію—продолженіе дѣятельности Цезаря, но изъ-за недостатка средствъ онъ былъ принужденъ опираться не на Римъ, а на Египетъ.

Сказать опредѣленно, насколько правъ Ферреро въ своихъ взглядахъ,

довольно затруднительно. Его критика, как кажется, порою переходит въ гиперкритику. Оцѣнка Августѣ, повидимому, нѣсколько пристрастна (характерно, что онъ его нѣсколько разъ называетъ «племянникъ ростовщика изъ Веллитръ», напримѣръ, стр. 429); Антоній, повидимому, также не заслуживаетъ столькохъ похвалъ.

Что касается перевода, то исполненъ онъ, какъ и въ первыхъ двухъ томахъ, прекрасно. Издана книга также очень хорошо.

В. Каплинокій.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 22-ая. Петроградъ. 1917 г. Стр. 292 и приложение въ 150 стр. Цѣна 3 руб.

Въ годовщину основанія общества ревнителей историческаго просвѣщенія 26 февраля вышелъ, по обыкновенію, новый (22) томъ издаваемаго обществомъ сборника, составленный и на этотъ разъ весьма разнообразно и занимательно. Читатели прочтутъ весьма легко и съ большимъ интересомъ «Современныя происшествія и воспоминанія» А. Я. Булгакова, бывшаго московскаго почтъ-директора и сенатора ¹⁾, извѣстнаго имъ, конечно, по его перепискѣ, напечатанной въ Русскомъ архивѣ, по которой не былъ доволенъ его отецъ (дипломатическій дѣятель временъ Екатерины II). Онъ далъ совѣтъ сыну писать просто, что въ голову идетъ, какъ всякая вещь кажется самому, не смотря на нее чужими глазами. «Зачѣмъ не дѣлать замѣчаній на все, что тебя наиболѣе поражало? Зачѣмъ не наблюдать обычаи, нравы, красоты, недостатки, достойные яркости всякаго рода и т. д. (стр. 105)»,—говорилъ отецъ сыну, послѣдовавшему доброму совѣту отца. А. Я. Булгаковъ началъ заниматься составленіемъ современныхъ ему своихъ записокъ, нынѣ появляющихся въ печати, въ которыхъ онъ, не упоминая о себѣ лично, говорятъ о томъ, что происходило любопытнаго и примѣчанія достойнаго въ Россіи вообще и ея двухъ столицахъ. Изложеніе своихъ современныхъ записокъ А. Я. Булгаковъ начинаетъ съ 1825 г.; пожалѣвъ, что не принялся ранѣе за работу въ 1812 г., когда служилъ при гр. Ѳ. В. Ростопчинѣ, пользуясь его довѣренностью. Онъ сталъ писать свои воспоминанія съ полученіемъ въ Москвѣ извѣстія о кончинѣ императора Александра I въ Таганрогѣ и подробно записалъ все происходившее послѣ этого, въ общемъ уже извѣстное читателямъ, какъ-то: о погребеніи государя, о происходившихъ недоразумѣніяхъ по вопросу о престолонаслѣдіи, о прибытіи новаго императора съ семействомъ въ Москву, торжествѣ при его въѣздѣ, коронованіи и о бывшихъ по сему случаю наградахъ, чѣмъ и заканчивается первая часть любопытныхъ записокъ А. Я. Булгакова, которая вселяетъ желаніе прочесть и продолженіе оныхъ.

Чрезвычайно интересенъ трудъ бывшаго государственнаго дѣятеля графа Модеста Андреевича Кюффа, который въ половинѣ минувшаго столѣтія занялся изложеніемъ преимущественно по архивнымъ нашимъ источникамъ исторіи извѣстнаго Брауншвейгскаго семейства, которая по цензурнымъ условіямъ

¹⁾ Александръ Яковлевичъ Булгаковъ р. 23 іюня 1771 г., умеръ въ 1763 году.

своевременно не могла быть напечатана и сохранилась въ собственной его величества библиотекѣ, откуда и передана для напечатанія. Читателямъ, конечно, извѣстно, что императрица Анна Иоанновна за 12 дней до своей кончины (17 октября 1740 г.) истребовала учиненія подданными присяги на вѣрность своему преемнику, двухмѣсячному младенцу Иоанну (р. 12 августа 1740 г.), сыну ея племянницы Анны Леопольдовны (дочь Екатерины Иоанновны мекленбургской) и ея супруга Антона-Ульриха, принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго; онъ 28 октября объявленъ былъ императоромъ, при чемъ правительницей была его мать. Онъ царствовалъ не долго. Скоро вступила на престолъ Елизавета Петровна и чрезъ три дня манифестомъ 28 ноября 1741 г. объявила, что «въ разсужденіи принцессы Анны, ея супруга Антона-Ульриха и ихъ дѣтей Иоанна и дочери Екатерины (р. 1741 г. 26 іюля; эти всѣ лица и составляютъ такъ называемое Брауншвейгское семейство), предавъ ихъ разные къ намъ предосудительные поступки крайнему забвенію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество всемилостивѣйше отправить повелѣли». Были сдѣланы всѣ распоряженія къ отправленію назначеннаго семейства за границу. 29 ноября 1741 г., въ два часа пополудни, это семейство вмѣстѣ съ фрейлинами, сестрами Менгденъ, покинуло Петербургъ, направляясь на Ригу и Митаву съ огромнымъ конвоемъ (до 304 чел.), подъ главнымъ начальствомъ Салтыкова, которому были даны инструкціи явныя, секретныя и секретнѣйшая 29 ноября, чтобы поѣздъ подвигался чрезвычайно медленно. Онъ прибылъ въ Дерптъ только 19 декабря, а въ Ригу около 25-27 декабря и тутъ былъ задержанъ. Въ Петербургѣ началось дѣло о драгоценныхъ вещахъ и деньгахъ, оставшихся послѣ арестованнаго герцога Курляндскаго Бирона, но переданныхъ правительствомъ Анны Леопольдовны графу Линару, при посредствѣ Юліаны Менгденъ. Различными допросными пунктами по этому предмету продолжавшимися и весь 1742 г., заканчивается первая часть очень любопытнаго труда гр. М. А. Курфа. Съ интересомъ читаются письма поэта партизана Д. В. Давыдова къ князю П. А. Вяземскому за время съ 1811г. до 1857 г., а также статья г. Н. Д. Чечулина о стихотвореніяхъ Карамзина. Въ особомъ приложеніи содержится окончаніе дневника Сестренцевича, перваго митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, при чемъ приложенъ и указатель личныхъ именъ и названій географическихъ, встрѣчающихся въ семь дневникѣ, который появлялся частями въ предшествовавшихъ томѣхъ сборника «Старины и Новизны».

П. Майковъ.

Викторъ Никольскій. Русская національная живопись. Изъ серіи книгъ «Знаніе для всѣхъ». Изданіе П. П. Сойкина. Петроградъ 1916 г. Ц. 75 к.

Приступивъ въ 1913 г. къ изданію серіи научно-популярныхъ книгъ, подъ общимъ заголовкомъ «Знаніе для всѣхъ», фирма П. П. Сойкина продолжаетъ это прекрасное дѣло, не взирая на созданныя войной чрезвычайныя трудности въ издательскомъ дѣлѣ. За истекшіе четыре года появилось въ свѣтъ 48 книжечекъ, отличающихся роскошной внѣшностью, разнообразнымъ, строго научнымъ содержаніемъ и легкостью изложенія. Одинъ изъ послѣднихъ выпусковъ этой серіи посвященъ обзору русской національной живописи, начиная

съ первыхъ изобразителей нашей старины и до современныхъ художниковъ включительно. Великолепныя красочныя воспроизведенія съ картинъ Васнецова, Сурикова, Нестерова и Рериха, а также множество черныхъ рисунковъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, уподобляютъ эту книжечку дорогимъ художественнымъ изданіямъ. Текстъ очерка въ общемъ вполне удовлетворителенъ; жаль только, что авторъ, говоря о здравствующихъ нынѣ изобразителяхъ русской старины, ограничился однимъ Н. К. Рерихомъ. Такіе знатоки и талантливые изобразители древняго русскаго быта, какъ напр., А. Ѳ. Максимовъ, заслуживаютъ хотя бы упоминанія.

П. Василькъ—ій.

А. И. Гучковъ. Рѣчи по вопросамъ государственной обороны и объ общей политикѣ 1908—1917. Пг. 1917. Стр. 130. Цѣна 1 р. 50 к.

Когда-то я писалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ статьѣ о судьбѣномъ краснорѣчїи, что у насъ, въ Россїи, мало развито ораторское искусство и что только въ рѣчахъ видныхъ представителей судебного вѣдомства мы встрѣчаемъ прекрасныхъ ораторовъ, умѣющихъ соединять въ своихъ рѣчахъ изящество и красоту формы съ ихъ идейнымъ содержаніемъ. Но вотъ прошло съ тѣхъ поръ какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ и въ особенности послѣ государственнаго перелома въ жизни Россїи, послѣдовавшаго вслѣдъ за манифестомъ 17 октября 1905 года, какъ среди насъ являются рядъ видныхъ политическихъ ораторовъ, по преимуществу изъ состава народныхъ представителей въ Государственной Думѣ. Изъ числа послѣднихъ, безусловно, выдается своими рѣчами А. И. Гучковъ, предѣдатель Государственной Думы III созыва, лидеръ октябристовъ и недавній военный министръ, принужденный покинуть этотъ свой постъ подъ вліяніемъ измѣнической большевистской организаціи.

Рѣчи Гучкова въ Государственной Думѣ по вопросамъ нашей обороны всегда составляли «событіе» политическаго дня, т. к. въ нихъ безошадно и вполне обоснованно раскрывались язвы нашего военнаго вѣдомства, дефекты въ снабженїи арміи, въ комплектованїи ея и всего русскаго военнаго хозяйства. Громкій голосъ А. И. Гучковъ оказалъ Россїи въ отношенїи вопросовъ обороны не мало пользы, и съ его именемъ связаны многія реформы въ военномъ вѣдомствѣ—благодаря которымъ, какъ ни какъ, а наша армія все же оказалась передъ лицомъ міровой кровавой трагедїи боеспособной, и если эта армія не всегда была въ состоянїи оказывать врагамъ необходимое сопротивленїе, то это происходило потому, что далеко не во всѣхъ случаяхъ представители стараго режима согласны были слѣдовать указанїямъ знатока нашего военнаго дѣла, каковымъ, безусловно, долженъ считаться А. И. Гучковъ. Во всякомъ случаѣ, если въ вопросахъ обороны, несмотря на всякія тутъ тренїя со стороны представителей старой власти, все же оказалось возможнымъ прѣвести нѣкоторыя новшества, то таковыя несомнѣнно явились слѣдствїемъ тѣхъ словесныхъ таранныхъ ударовъ, которые наносилъ съ думской трибуны ея видный представитель. Если ознакомиться въ послѣдовательномъ порядкѣ съ рѣчами Гучкова, вошедшими въ

поименованную брошюру, и сопоставить ихъ съ тѣми теченіями въ жизни военнаго вѣдомства, которыя наблюдались за послѣднія 5—6 лѣтъ, то мы убѣдимся въ справедливости нами сказаннаго. Будущій историкъ сумѣетъ сдѣлать это сопоставленіе, когда весь фактическій матеріалъ для того будетъ въ его распоряженіи. Въ краткой рецензіи мы лишены возможности это сдѣлать, и намъ остается только рекомендовать нашимъ будущимъ историкамъ рѣчи А.И. Гучкова, гдѣ они найдутъ богатѣйшій фактическій и критическій матеріалъ, изъ коего обнаружатся и тѣневые стороны русской жизни, и чаянія и требованія лучшихъ представителей русскаго народа въ интересахъ оздоровленія этой жизни и очищенія этихъ тѣневыхъ сторонъ.

Большого вниманія заслуживаютъ и общеполитическія рѣчи Гучкова, произнесенныя имъ какъ въ Гос. Думѣ, такъ въ «Союзѣ 17-го Октября» и въ Центральномъ Военно-Промышленномъ Комитетѣ, которыя помѣщены въ концѣ брошюры. Рѣчи эти въ свое время произвели большую сенсацію, особенно произнесенныя въ Москвѣ, гдѣ онъ первый изъ числа русскихъ политическихъ дѣятелей еще въ 1912 году поднялъ завѣсу надъ преступной дѣятельностью предателя Мясоѣдова и темными шпіонскаго характера махинаціями Альтшиллера и К^о, а также надъ недостойною военнаго министра близостью Сухомлинова съ компаніей Мясоѣдова и Альтшиллера и другихъ темныхъ дѣльцовъ, ведшихъ Россію на край гибели и во власть ея враговъ. Это разоблаченіе Гучкова было актомъ большого гражданскаго мужества, дѣяніемъ высокаго патріотическаго порядка и заслужило ему любовь и расположеніе многихъ широкихъ слоевъ населенія, дорожащихъ честью и благомъ Россіи, и рядомъ съ этимъ нетерпимость со стороны тѣхъ, кто былъ заинтересованъ въ темной дѣятельности Сухомлиновыхъ, кто ей сочувствовалъ и для кого всяческія разоблаченія, шедшія на пользу нашей родины, были смертельнымъ ударомъ и грознымъ предупрежденіемъ того, что кара народнаго гнѣва скоро или поздно на нихъ обрушится, какъ это и случилось въ февральскіе и мартовскіе дни текущаго года.

В. Г.

Алфавитный сводъ опредѣленій сената по земскимъ дѣламъ за 50 лѣтъ. Составилъ секретарь Харьковской губернской земской управы М. И. Ржевусскій. Харьковъ. 1916. Стр. —XXVII, 1—918. Ц. 11 р.

За полвѣка существованія земскихъ учрежденій накопились тысячи сенатскихъ указовъ по земскимъ дѣламъ, составившіе десятки томовъ официальныхъ и неофициальныхъ изданій. Не смотря, однако, на все огромное значеніе для земскихъ учрежденій сенатскихъ разъясненій, создавшихъ пѣлый рядъ юридическихъ прецедентовъ по различнымъ отдѣламъ дѣйствующаго законодательства о мѣстномъ самоуправленіи, этотъ матеріалъ до сего времени оставался, можно сказать, безъ своего «систематическаго» изслѣдователя. Составленный г. Ржевусскимъ «Алфавитный сводъ» имѣетъ въ виду пополнить столь важный пробѣлъ въ нашей специальной литературѣ. Представляя собою полезный и обстоятельный справочникъ для земскихъ учрежденій и лицъ, сопри-

касающихся съ земскимъ (и отчасти городскимъ) дѣломъ, книга эта, несомнѣнно, скоро сдѣлается настольною въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ. Для удобства справокъ, матеріалъ здѣсь сгруппированъ и расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Но какъ первый крупный опытъ этого рода въ нашей специальной литературѣ, книга г. Ржевусскаго, разумѣется, не свободна и отъ нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ недостатковъ, которые въ значительной степени, можно надѣяться, будутъ устранены при новомъ изданіи ея. Цѣннымъ достоинствомъ подобныхъ громоздкихъ изданій обыкновенно считается возможная краткость справочнаго текста, который составитель долженъ обработать и освободить отъ всякаго «балласта». Но въ книгѣ г. Ржевусскаго это «основное правило», на нашъ взглядъ, не всегда соблюдается, — нѣкоторыя выдержки изъ сенатскихъ рѣшеній несомнѣнно грѣшатъ здѣсь излишними длиннотами. Напрасно также г. Ржевусскій на каждой страницѣ всякій разъ при словѣ «сенатъ» старательно добавляетъ «Прав.» т. е. правительствующій»; въ справочникѣ приставка эта никому не нужна и лишь напрасно пестритъ книгу и занимаетъ въ ней мѣсто. Но всѣ эти, сравнительно не крупные, недочеты не мѣшаютъ, конечно, намъ признать книгу г. Ржевусскаго весьма почтеннымъ и полезнымъ справочнымъ изданіемъ.

Т. М.

В. М. Грибовскій, ординарный профессоръ Петроградскаго университета. Древнерусское право. Краткій обзоръ чтеній по исторіи русскаго права. Вып. II. Періодъ московскій. Петроградъ. 1917 г. 154 стр.

Второй выпускъ краткаго обзора чтеній проф. Грибовскаго по исторіи русскаго права задуманъ по той же системѣ, какъ и первый, но въ немъ недостають отдѣловъ, посвященныхъ судопроизводству и уголовному праву съ гражданскимъ. Эти отдѣлы войдутъ въ составъ третьяго выпуска. Что касается сравненія содержанія обоихъ выпусковъ, то если особенностью перваго является попытка ознакомленія студентовъ юристовъ съ методологіей исторіи, то во второмъ пересматривается заново вопросъ объ образованіи самодержавной власти въ Московскомъ государствѣ. Проф. Грибовскій отвергаетъ давнее, прочно укоренившееся у насъ воззрѣніе, будто бы власть московскихъ государей была позаимствована изъ Византіи. Авторъ идетъ въ своихъ разсужденіяхъ, такъ сказать, соціологическимъ путемъ, утверждая, что власть представляется сложнымъ явленіемъ общественности и что по этой причинѣ заимствованной она быть не можетъ. Заимствование допускаютъ теоретическія обоснованія власти, а не самый фактъ, обладающій всюду и вездѣ самодовлѣющимъ характеромъ. Происхожденіе власти московскихъ государей проф. Грибовскій видитъ въ особо благоприятныхъ условіяхъ, въ которыхъ очутилось московское княжество, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣстившее ханское владычество надъ раздробленной Русью. Такимъ образомъ проф. Грибовскій косвенно примыкаетъ къ мнѣніямъ на этотъ счетъ Ключевскаго и Сергѣевича. Обзоръ написанъ очень сжато и очевидно послужитъ основнымъ камнемъ для пространнаго курса; но и въ своемъ настоящемъ видѣ, благодаря ясности, точности языка и формулировкѣ

16*

вопросовъ, онъ можетъ служить хорошимъ пособіемъ при ознакомленіи съ исторіей русскаго права и долженъ замѣнить различные лубочнаго характера конспекты, составляемые неумѣлой рукою и преслѣдующіе цѣли легкой наживы.

В.

И. Я. Павловскій. Исторія одного убійства. Романъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Петроградъ 1917. Стр. 290. Ц. 2 р. 50 к.

Издательская фирма т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» выпустила нынѣ въ продажу отдѣльной книгой напечатанный въ 1912 году на страницахъ «Истор. Вѣстника» романъ И. Я. Павловскаго «Исторія одного убійства». Если этотъ романъ, рекомендованный нашему журналу покойнымъ А. С. Суворинымъ, прошелъ при печатаніи его въ журналѣ благополучно черезъ цензурныя казёнскія ущелья, то печальная судьба постигла его, когда А. С. Суворинъ рѣшилъ выпустить его отдѣльнымъ изданіемъ въ 1915 году. Изданіе было запрещено безъ всякихъ особо побудительныхъ къ тому оснований, чѣмъ ярко иллюстрируется то неустойчивое время, которое русское общество пережило въ текущемъ десятилѣтіи: одно и то же произведеніе въ популярномъ журналѣ пропускается, а въ отдѣльномъ изданіи, гдѣ оно становилось доступнымъ лишь небольшой массѣ читателей, оно запрещалось! Все зависѣло отъ тѣхъ или иныхъ административныхъ вѣяній, съ полнымъ пренебреженіемъ къ правамъ авторовъ, издателей и законоположеніямъ о цензурѣ. Нѣтъ надобности здѣсь пересказывать знакомаго уже нашимъ читателямъ содержанія романа. Отмѣтимъ лишь, что г. Павловскій обработалъ въ беллетристической формѣ надѣлавшій въ 1879 году большой шумъ эпизодъ изъ нашего революціоннаго прошлаго: убійство 26 февраля въ Москвѣ агента тайной полиціи Рейнштейна. Нынѣ, съ обновленіемъ нашего государственнаго строя и вступленіемъ въ силу закона о свободѣ слова, т-во А. С. Суворина—«Новое Время» извлекло изъ кладовыхъ эту «зловредную» книгу и сблала ея достояніемъ книжнаго рынка.

Г.

Очеркъ дѣятельности совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества за сто лѣтъ 1816—1916. Петроградъ. 1916.

Это юбилейное изданіе, состоитъ изъ введенія и 5 главъ текста, по числу царствованій, причѣмъ каждая глава заключаетъ въ себѣ краткую исторію періода, указываетъ на перемѣны въ составѣ высшей администраціи и совѣта и на измѣненіе въ строѣ отдѣльныхъ учреждений.

Такой порядокъ изложенія даетъ въ краткой, чисто конспективной, но легко запоминаемой формѣ весь историческій матеріалъ по предмету и тѣмъ самымъ, несомнѣнно, побуждаетъ читателя, не отрываясь, перелистывать страницы этой книги.

Въ концѣ очерка—приложеніе, съ краткой исторіей канцеляріи совѣта общества, вѣдомостью о числѣ лицъ, воспользовавшихся благотворительною

помощью общества, и о движеніи благотворительныхъ суммъ, картою Европейской Россіи съ помѣщенными на ней городами и мѣстностями, гдѣ находятся благотворительныя учрежденія общества и приведенъ списокъ всѣхъ его учреждений.

Въ книгѣ помѣщены портреты пяти государей, двухъ государынь и десяти главныхъ попечителей общества, причѣмъ сдѣлана краткая характеристика этихъ послѣднихъ. Общество возглавлялось знаменитымъ сподвижникомъ императора Александра I княземъ А. Н. Голицынымъ, за нимъ въ роли главныхъ его попечителей слѣдуютъ 7 петроградскихъ митрополитовъ и затѣмъ вновь свѣтскія лица—сенаторъ В. И. Маркевичъ, не дожившій до юбилея нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и П. П. Кобылинскій

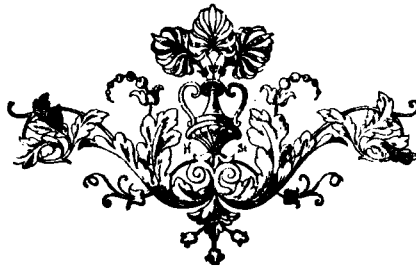
Нельзя не отмѣтить тѣ подробности, которыя указаны составителемъ книги Н. Г. Рункевичемъ при изложеніи обстоятельствъ оставленія своего поста кн. Голицынымъ въ 1824 г. и замѣны его митрополитомъ Серафимомъ. Послѣдній вступилъ на столичную кафедру въ періодъ острой борьбы съ такъ называемымъ мистицизмомъ. Возникшее въ началѣ XIX вѣка въ средѣ нашего высшаго общества стремленіе къ усовершенствованію внутренняго человѣка и углубленію религіознаго созерцація, въ первые годы захватившее лучшихъ представителей церкви, съ теченіемъ времени потеряло свою исключительную идейную сторону. Слишкомъ заманчивымъ былъ просторъ для собственнаго внутренняго настроенія, нерѣдко противорѣчиваго чистому ученію церкви; отсюда легко было подпасть и подъ вліяніе западно-европейскихъ мистиковъ. Неудивительно, что въ этихъ условіяхъ стало вызывать пареканіе даже библейское общество, имѣвшее святую цѣль распространенія слова Божія на понятномъ для всѣхъ языкѣ: указывали на то, что нельзя такъ опрощать священное писаніе. Образовались два противоположныхъ лагеря мысли—въ одномъ изъ нихъ былъ тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода, министръ народнаго просвѣщенія и главный попечитель челоѣколюбиваго общества князь А. Н. Голицынъ, во главѣ второго стояли: адмиралъ А. С. Шишковъ, архимандритъ Фотій и съ ними митрополитъ Серафимъ. Началась борьба, которая привела князя А. Н. Голицына въ 1824 году къ рѣшенію оставить всякую административную службу. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ его противникъ, адмиралъ А. С. Шишковъ, а на постъ главнаго попечителя челоѣколюбиваго общества митрополитъ Серафимъ. Между тѣмъ князь Голицынъ остался докладчикомъ государя по дѣламъ общества. Естественнымъ было опасеніе обостренія взаимныхъ отношеній между прежнимъ и новымъ попечителемъ, какъ людей, несходныхъ въ принципиальныхъ взглядахъ на весьма существенные и серьезные вопросы жизни. Но ревность о благѣ церкви митрополита Серафима и глубокой тактѣ князя Голицына не вызвали между ними никакого разлада.

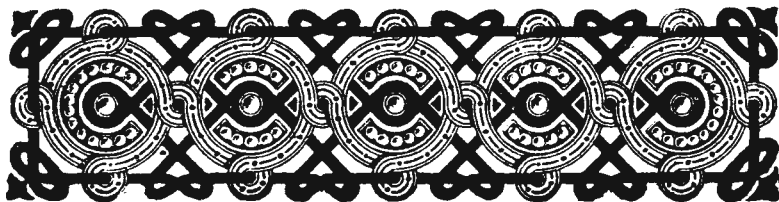
Затѣмъ интересна краткая, но сильная отмѣтка императора Николая I на докладѣ о кончинѣ преемника митрополита Серафима—по главному попечительству общества—митрополита Антонія: «Да, у меня митрополиты будутъ, но Антонія уже не будетъ» (стр. 38).

Дѣятельность совѣта общества ко дню юбилея обнимаетъ собою 2 столицы и 37 другихъ мѣстностей имперіи. Изъ общаго числа находящихся въ вѣдѣніи со-

вѣта общества 278 заведеній:—73 учебно-воспитательныхъ, въ которыхъ призрѣвалось къ 1 января 1915 года 5733 сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей; 80 богадѣленъ, призрѣвающихъ 2020 престарѣлыхъ и увѣчныхъ мужчинъ и женщинъ, 41 домъ бесплатныхъ и дешевыхъ квартиръ, въ которыхъ проживаютъ до 2500 лицъ, и 3 ночлежныхъ пріюта, гдѣ ежедневно пользуются ночлегомъ 1500 человѣкъ; 10 народныхъ столовыхъ и одна студенческая, въ которой ежедневно питается до 3000 человѣкъ; 4 заведенія для оказанія трудовой помощи бѣднымъ, въ которыхъ получаютъ работу свыше 750 женщинъ; 37 благотворительныхъ обществъ, комитетовъ, попечительствъ и другихъ организацій, доставляющихъ временную помощь деньгами свыше 15000 нуждающимся; 33 медицинскихъ учрежденія, пользовавшихся 254,169 бѣдныхъ больныхъ. На содержаніе всѣхъ благотворительныхъ учрежденій человѣколюбиваго общества ежегодный расходъ превышаетъ сумму 2 милліоновъ рублей.

Итоги своей дѣятельности за сто лѣтъ совѣтъ человѣколюбиваго общества отдастъ на судъ русскаго общества, въ увѣренности, что посильное исполненіе имъ своего долга даетъ ему основаніе разсчитывать въ будущемъ на отзывчивость русскихъ сердецъ къ великому дѣлу христіанскаго милосердія. **Н.**

Съ 15 іюня по 1 августа 1917 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Отчетъ о дѣятельности Смоленской Ученой Архивной Комиссіи за 1914 и 1915 г. г. Смоленскъ. 1916. Стр. 87. Ц. не обозн.

Смоленская Старина. Вып. III. Часть II. Изданіе Смоленской Ученой Архивной Комиссіи. Смоленскъ. 1916. Стр. 300. Ц. не обозн.

Православный христіанскій катехизисъ въ звукахъ поэзіи. Съ картинами. II часть. Составилъ свящ. І. Жиловъ. Юрьевъ. 1917. Стр. XXXIX+454. Ц. 3 р.

Свящ. Жиловъ издалъ II томъ своей хрестоматіи, гдѣ собрано много стихотвореній отечественныхъ поэтовъ о христіанской надеждѣ и любви; здѣсь часто встрѣчаются очень хорошіе стихи забытыхъ неизвѣстныхъ поэтовъ. Книжка украшена многими рисунками и снабжена алфавитнымъ и предметнымъ указаніями.

Мурманская желѣзная дорога. Краткій очеркъ постройки желѣзной дороги на Мурманъ съ описаніемъ ея района. Съ ми. рис. (На правахъ рукописи). Птр. 1916. Стр. 204. Ц. не обозн.

Отчетъ Литературно-Художественнаго Общества съ 1-го октября 1915 г. по 1-ое октября 1916 г. Птр. 1917. Стр. 177. Ц. не обозн.

Историческій очеркъ Астраханской 1-й мужской гимназіи за время съ 1806 по

1914 г. Составилъ законоучитель гимназіи священникъ Тихонъ Остроумовъ. Астрахань. Годъ изданія не обозн. Стр. 823. Ц. не обозн.

Владимиръ Федоровичъ Снегиревъ. Некрологъ. М. 1917. Стр. 103. Ц. не обозн.

Составленный г. Губаревымъ некрологъ скончавшагося 19 дек. прошлаго года заслуж. профессора Москов. у.—та Владимира Федоровича Снегирева первоначально былъ напечатанъ въ «Отчетѣ Моск. у.—та за 1916 г.». Къ книгѣ приложены портретъ покойнаго и списокъ его ученыхъ трудовъ.

Н. В. Санчурскій. Латинская Хрестоматія. Ч. II. Курсъ IV класса. Изданіе 4-е, дополн. и пересмотрѣнное. Птр. 1917. Стр. XIV+62+26+53+9. Ц. 1 р. 50 к.

А. Турчановичъ. Lingua latina. Краткая, но полная грамматика латинскаго языка для гимназій. Птр. 1917. Стр. 288. Ц. 2 р. 40 к.

Годъ войны. Обзоръ за 1916 годъ подъ редакціей А. Б. Съ 3 картами. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Птр. 1917. Стр. 91. Ц. 1 р.

Настоящій обзоръ главнѣйшихъ военныхъ событій на всѣхъ фронтахъ взятъ изъ статей, помѣщенныхъ въ газетѣ «Новое Время». Въмѣстѣ съ вышедшими передъ тѣмъ обзорами за 1914—15 г. эта брошюра даетъ ясное представленіе о развитіи нынѣшней войны.

А. И. Фаресовъ. Народъ и трезвость. (Путевыя картины). Птр. 1917. Стр. 369. Ц. 2 р.

А. И. Заозерскій. Царь Алексѣй Михайловичъ въ своемъ хозяйствѣ. Птр. 1917. Стр. IV, 352. Цѣна 5 р.

А. Н. Вершинскій. Пѣмцы въ русской промышленности въ первой половинѣ XVIII вѣка. М. 1916. Стр. 37. Ц. не обозн.

А. П. Пинкевичъ. Методика начальнаго курса естествовѣдѣнія (природовѣдѣнія). Изданіе 9-е, пересмотрѣнное. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Птр. 1917. Стр. 331. Ц. 3 р. 50 к.

Адамъ Бѣльскій. Пѣвняя мысль. Очерки и рассказы. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Птр. 1917. Стр. 261. Ц. 2 р.

Подъ старымъ знаменемъ. (Сборникъ статей В. Авилова, А. Витимскаго, А. Ломова, В. Павлова, И. Степанова, М. Фабричнаго). Кн-во «Жизнь и Знаніе». Птр. 1917. Стр. 133. Ц. 1 р. 50 к.

Карль Марксъ и Ф. Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партіи. Съ предисловіемъ К. Каутскаго. Переводъ съ нѣм. П. Орловскаго. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Птр. 1917. Стр. 79. Ц. 1 р.

С. Карасевичъ. Приключенія уличнаго бродяжки. Съ рис. худ. И. Гурьева. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Птр. 1917. Стр. 113. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія (1901—1914). Часть 2. Главы IX—XII. (Общіе обзоры экономическаго развитія и соціальнаго и умственнаго движенія.—Международныя отношенія въ 1908—1914 г.г.). Птр. 1917. Стр. 389—772. Ц. 3 р. 50 к.

Н. Цвѣтковъ. Къ вопросу о переработкѣ программъ по русскому языку и литературѣ въ средней школѣ. Стр. 51. Ц. не обозн. (Отдѣл. оттискъ изъ «Рус. Филологич. Вѣстн.». 1917. 1—2).

Кн. В. Насаткинъ-Ростовскій. Съ войны. (Листки походной тетради). Тетрадь третья. Птр. 1917. Стр. 62. Ц. 1 р. 20 к.

Аполлонъ Наботовъ. Враги. Повѣсть въ 2 частяхъ съ эпилогомъ. М. 1917. Стр. 64. Ц. 70 к.

В. И. Холодковская. Забытые звуки. Стихотворенія. Птр. 1917. Стр. 120. Ц. 1 р. 20 к. (Въ пользу приюга для сиротъ воиновъ, павшихъ во Вторую Отечественную войну Воронежскаго Общества охраны материнства и младенчества).

Д. М. Павловъ Прототипы княжны Мэри. (Изъ очерковъ «Лермонтовъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ»). (Отдѣл. оттиски изъ газеты «Кавказскій Край» № 156, 157 1917 г.).

Ознакомя по малодоступнымъ источникамъ съ тѣми многочисленными современниками Лермонтова, въ концѣ исследованийъ хотѣли-бы видѣть прототипъ княжны Мэри, г. Павловъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что типы—не портреты и что княжна Мэри—не живое лицо, а типическое созданіе творческой фантазіи гениальнаго психолога и поэта.

П. П. Филипповичъ. Жизнь и творчество Е. Л. Баратынскаго. Кіевъ. 1917. Стр. 220. Ц. 2 р. 50 к.

Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1916 г. Книга третья (258) издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любоветаго. М. 1917. Стр. 490. Ц. 3 р. (Акты писцоваго дѣла. Матеріалы для исторіи кадастра и прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. Гл. 2. Акты 1627—1650 г.г. Сообщилъ С. Б. Веселовскій).

Труды Подтавской ученой архивной комисіи. Издано подъ ред. И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падалко. Вып. 15. Полтава. 1917. Стр. 271. Ц. 1 р.

Д. И. Дмитріевичъ, серж. сербской мисіи. Союзъ Болгаринъ съ Германіей передъ судомъ свободной Россіи. (Факты и документы). Съ предисловіемъ председателя Гос. Думы М. В. Родзянко. Птр. 1917. Стр. XIV+105. Ц. 1 р.

И. Я. Павловскій. Исторія одного убійства. Романъ. 1915. Ц. 2 р. 50 к. (До сихъ поръ не поступалъ въ продажу въ виду цензурнаго запрета).

А. И. Гучковъ. Рѣчи по вопросамъ государственной обороны и общей политики 1908—1917. Птр. 1917. Стр. 130. Ц. 1 р. 50 к.

А. Вихровъ. Князь Михаилъ Тверской. Трагедія. Птр. 1917. Стр. 88. Ц. 2 р.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Подъ редакціей прив.-доц. В. Строева. Вып. 16-й. Птр. 1917. Стр. 464. Ц. не обозн.

А. А. Жилинъ, проф. Петрогр. унверситета. Учебникъ государственнаго права (Пособіе къ лекціямъ). Ч. I. Общее чтеніе о государствѣ въ связи съ основными началами иностраннаго государственнаго права. Птр. 1916. Стр. 429. Ц. 3 р. 25 к.

Д. Найгородовъ. Наши весенніе цвѣты. Популярныя очерки. Серія II-я. Растенія, зацвѣтающія во второй половинѣ весны. Съ 16 красочными таблицами. Т. Д. Марсеевой. 2-е изданіе т-ва А. С. Суворинъ.

на—«Новое Время». Птр. 1917. Стр. 60. Ц. 2 р.

М. П. Базилевичъ. Положеніе русскихъ плѣнныхъ въ Германіи и отношеніе германцевъ къ населенію занятыхъ ими областей Царства Польскаго, и Литвы. Матеріалы, собранные докт. М. Б. Базилевичемъ въ плѣну и среди 110 вернувшихся изъ германскаго плѣна русскихъ врачей. Птр. 1917. Стр. 208. Ц. не обозн.

Наталія Поталенко. Сотворенная женщина. Птр. 1917. Стр. 119. Ц. 2 р. 50 к.

В. Минуличъ. Дуся. Разсказы. 2-е изданіе. Птр. 1917. Стр. 259. Ц. 2 р. 25 к.

Чтенія въ обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1916. Книга 4. (259). Издана подъ завѣданіемъ С. А. Блокурова. (Исторія русской церкви **Е. Е. Голубинскаго.** Періодъ Московскій, т. II). М. 1917. Стр. 616. Ц. 4 р.

Лучъ жизни. № 1. Птр. 1917. Стр. 32. Ц. 40 к.

Сборникъ Псковской губернской ученой архивной коммисіи. Вып. I. Псковъ. 1917. Стр. 271. Ц. не обозн.

В. Д. Гейманъ. И. К. Айвазовскому. (Къ 100-лѣтію со дня рожденія). Феодосія. 1917. Стр. 52. Ц. 1 р.

Настоящая брошюра, изданная ко дню годовщины рожденія знаменитаго художника, содержитъ въ себѣ его біографію, очеркъ его дѣятельности по г. Феодосіи, статью г. С. Яблоновскаго и любопытное письмо И. К. Айвазовскаго о Феодосіи; это письмо, кажется, единственный литературный опытъ художника, и его историческій интересъ несомнѣненъ.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Русскій дворъ въ послѣдніе дни царствованія императора Николая II.

ОБЫТІЯ, происшедшія въ Россіи въ послѣдніе дни существованія царскаго режима и повлекшія за собою торжество революціонныхъ началъ въ самодержавномъ государствѣ въ періодъ кровавой борьбы его съ германизмомъ, всегда будутъ обращать на себя особое вниманіе изслѣдователей. Въ настоящее время мы хорошо знаемъ внѣшнюю исторію начала русской революціи, но истинныя причины многихъ событій ея, борьба партій и вліяній, оказавшихъ рѣшительное воздѣйствіе на ходъ переворота, а также вѣрная характеристика лицъ, принимавшихъ въ немъ главное участіе, не скоро еще сдѣлаются достояніемъ исторіи. Намъ, современниковъ, въ особенности поражаетъ быстрый успѣхъ революціи, въ одну недѣлю свергшей династію Романовыхъ съ русскаго престола, тогда какъ между началомъ великой французской революціи 1789 года и отреченіемъ отъ престола слабаго Людовика XVI протекло цѣлыхъ три года. До сихъ поръ кажутся совершенно необъяснимыми и нѣкоторыя дѣйствія носителей царской власти въ періодъ, предшествовавшій революціи, и самоубійственная политика русскаго правительства, систематично подрывавшая всякое довѣріе къ нему народа и возбуждавшая озлобленіе всѣхъ классовъ населенія по отношенію къ существовавшему режиму. Грозныя обстоятельства, среди которыхъ очутилась Россія и правившая ею династія, требовали тонкаго политическаго ума Екатерины II, твердой воли и реформаторской энергіи Петра Великаго, а, между тѣмъ, именно въ это страшное для государства время послѣдніе носители царской власти, замкнувшись въ царкосельскомъ своемъ уединеніи и окруживъ себя своего рода опричниной, перестали слышать біеніе пульса народнои жизни и какъ бы сознательно порывали одну за другою

нити, связывавшія ихъ съ народомъ. Взаимное непониманіе и недоуѣріе народа къ власти росло съ каждымъ годомъ, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Николая II поведеніе правительства вызывало на всемъ пространствѣ Россіи кошмарное чувство: объ этомъ единодушно заговорили даже такія ультра-консервативныя учрежденія, какъ Государственный Совѣтъ и съѣздъ объединеннаго дворянства. Загадочное поведеніе правительства, шедшаго къ пропасти быстрыми шагами и увлекавшаго за собою и Россію, служило предметами всеобщихъ толковъ во всѣхъ, даже захолустныхъ углахъ Россіи, и фатальное имя «Распутинъ» не только не объясняло его, но возбуждало цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ. Нельзя сказать, чтобы вопросы эти и теперь получили должное удовлетвореніе. Въ заграничной печати, однако, появились уже нѣкоторыя данныя, уясняющія роль Распутина и его губительную роль въ паденіи династіи Романовыхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Распутинъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ Германіи въ ея борьбѣ съ Россіей. Этими данными мы и подѣлимся съ нашими читателями.

Авторъ статьи «*Les premiers jours de la révolution russe*» въ журналѣ «*Mercure de France*», Бинштокъ, получившій свѣдѣнія о русскіихъ дѣлахъ, очевидно, изъ первоисточниковъ, считаетъ появленіе и успѣхъ Распутина среди высшаго петроградскаго и придворнаго міра выраженіемъ тѣхъ крайнихъ мистико-религіозныхъ возрѣній, которыя онъ характеризуетъ «ново-хлыстовскими». Это была смѣсь хлыстовщины съ оккультизмомъ и спиритизмомъ, сильно дѣйствовавшихъ на патологически настроенныя сферы высшаго общества. Одна придворная дама сообщала Пругавину, извѣстному изслѣдователю сектантства, что когда она была призвана на должность статсъ-дамы, она услышала такія невѣроятныя и возмутительныя подробности о придворной жизни, что отказывалась имъ вѣрить и считала ихъ за уличныя сплетни. «Но,—сказала она,—мнѣ, къ несчастію, пришлось не только слышать, но и видѣть собственными глазами такія странныя, невѣроятныя и непостижимыя вещи, видъ которыхъ возбуждалъ негодованіе людей самыхъ равнодушныхъ. Я не считаю себя въ правѣ сообщить подробности, но могу сказать, что въ нашихъ высшихъ сферахъ происходятъ вещи, столь особенныя, столь невѣроятныя, что не поддаются ни объясненію, ни пониманію. Весь дворъ какъ бы заговоренъ чарами колдовства: разумъ затемненъ, воля парализована». Ново-хлыстовство, укоренившееся при дворѣ, вызвало противъ себя,—говоритъ Бинштокъ,—обличеніе со стороны епископа Гермогена, но, вмѣсто того, чтобы напасть на новую религію въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ она получила быстрое распространеніе, онъ видѣлъ корень зла въ разныхъ литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ мистическая развращенность находила себѣ оправданіе. «Въ то же время органъ высшей духовной власти», «Колоколъ», печаталъ статьи прославлявшія замѣчательную мудрость пресловутаго Распутина, являвшагося тогда главнымъ жрецомъ этой новой религіи. По мнѣнію духовенства, въ основѣ этой религіи была аскетическая идея о борьбѣ съ плотью и, въ особенности, съ половыми страстями. Распутинъ утверждалъ, что достигнуть спасенія можно не иначе, какъ согрѣшивъ, и что побѣдить плоть можно только тогда, когда она будетъ подвержена искушенію».

Душевное помраченіе, которое захватило обитателей Царскосельскаго дворца подъ растлѣвающимъ вліяніемъ «святого старца», Распутина, какъ нынѣ оказывается, была тѣсно связано съ германскимъ вліяніемъ при дворѣ и умѣло направлялось германской интригой изъ Берлина. Огромная власть Распутина надъ образомъ мыслей и волей цари и царицы всячески поддерживалось нѣмецкой партіей, прочно утвердившейся при дворѣ русскаго монарха». «Теперь,— говоритъ Винштокъ,—уже существуютъ доказательства прямой измѣны двора и постоянныхъ сношеній его съ дворомъ берлинскимъ. Услуги Распутина были щедро оплачиваемы нѣмецкой партіей. Депутатъ Пуришкевичъ, хорошо освѣдомленный обо всемъ, что творилось около Распутина, сообщаетъ, что Треповъ, желая удалить Протопопова, рѣшилъ, въ видѣ послѣдняго средства, подкупить «старца». Онъ послалъ къ нему своего зятя, генерала Мосолова, съ полномочіемъ предложить ему 150,000 р. за отказъ поддерживать Протопопова. Но, безъ сомнѣнія, въ первый разъ съ начала своей карьеры, Распутинъ отказался отъ этого предложенія. Должно замѣтить, что изъ всѣхъ лицъ, достигшихъ власти по вліянію Распутина, Протопоповъ былъ единственнымъ членомъ, съ котораго онъ не взялъ денегъ. Это кажущееся безкорыстіе объясняется очень просто тѣмъ фактомъ, что для того, чтобы поддержать значеніе Протопопова, онъ получилъ денежныя суммы, гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя предлагались ему за его отставку,—отъ организаци, образовавшейся въ началѣ 1916 г. въ Стокгольмѣ и извѣстной подъ именемъ партіи «Зеленыхъ». Она составлена была изъ высшихъ нѣмецкихъ агентовъ, посланныхъ берлинскимъ правительствомъ въ Стокгольмъ, чтобы оказывать давленіе на положеніе внутреннихъ дѣлъ въ Россіи. Главнымъ орудіемъ этой организаци въ Петроградѣ былъ Распутинъ, который получалъ опредѣленныя инструкціи относительно направленія, которому должна была слѣдовать русская внутренняя политика. Всѣ перемѣны министровъ, изъ которыхъ нѣкоторые оставались у власти не болѣе недѣли, перемѣны, казавшіяся необъяснимыми, были лишь результатами изъ Стокгольма. Во главѣ партіи «Зеленыхъ» находился Жавинеръ (Javiner), одинъ изъ директоровъ Deutsche Bank'a. Кромѣ Распутина, его агентами въ Россіи былъ министръ двора баронъ Фредериксъ, генераль Воейковъ, г-жа Вырубова, генераль Ренненкампфъ и г-жа Васильчикова, самое ревностное орудіе партіи: Васильчикова, сбросивъ маску, открыто предложила правящимъ русскимъ сферамъ сепаратный миръ съ Германіей. При обыскѣ, произведенномъ у Васильчиковой, нашли нѣсколько писемъ съ шифрованными адресами. Оказалось, что адресатами были высшіе чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ и придворнаго вѣдомства, нѣкоторые великіе князья и великія княгини. Письмо, адресованное великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, теперь арестованной, было отъ самого германскаго императора. Въ письмѣ этомъ, находящемся теперь въ рукахъ временнаго правительства, было сказано, что между Гогенцоллернами и Романовыми нѣтъ и не можетъ быть вражды, что война идетъ только противъ русскаго народа, который боится нѣмецкаго вліянія. Дѣло Васильчиковой, потушенное при старомъ режимѣ, будетъ теперь возобновлено и подвергнуто гласному разбирательству».

Такимъ образомъ, если вѣрить автору, царь и царица окружены были тѣснымъ кольцомъ германскихъ агентовъ изъ русскихъ царедворцевъ, прямой интересъ которыхъ заключался въ томъ, чтобы поддерживать авторитетъ Распутина и на немъ основать достиженіе своихъ цѣлей. Особенно ревностное содѣйствіе оказывала Распутину въ этомъ смыслѣ г-жа Вырубова, считавшаяся «другомъ» императрицы. Она не останавливалась ни предъ какими средствами, чтобы увеличить власть «старца» надъ умомъ своей «подруги». «Извѣстно,—говоритъ Бинштокъ,—что однимъ изъ важнѣйшихъ козырей Распутина—была увѣренность въ его чудесномъ вліяніи на здоровье молодого цесаревича. Однажды случилось, что Распутинъ былъ удаленъ отъ двора по требованію председателя совѣта министровъ Коковцева, къ его чести сказать, не переносившаго Распутина. Но едва старецъ отправился, какъ цесаревичъ заболѣлъ кровоизліаніемъ. Медики не могли ни остановить его, ни опредѣлить его причины. Призываютъ опять Распутина, онъ дѣлаетъ пассы надъ мальчикомъ, и, спустя нѣсколько дней, кровоизліаніе останавливается. Это чудесное исцѣленіе было въ дѣйствительности ловкой махинаціей, въ которой участниками Распутина явились г-жа Вырубова и извѣстный тибетскій врачъ Бадмаевъ. Наслѣдникъ страдаетъ гемофіліей, и вотъ эти три лица рѣшили использовать эту патологическую особенность цесаревича. Бадмаевъ имѣлъ рецептъ лѣкарства, очень распространеннаго въ Китайской медицинѣ и извѣстнаго въ Тибетѣ подъ именемъ н а н т ъ, основнымъ элементомъ котораго является порошокъ, полученный изъ роговъ молодого оленя. Лѣкарство это имѣетъ силу увеличивать дѣятельность сердца, а принятое въ большой дозѣ—производитъ у предрасположенныхъ къ тому лицъ кровоизліаніе. Когда нужно было поддержать вліяніе Распутина и возвратить его ко двору, г-жа Вырубова брала это лѣкарство у Бадмаева и примѣшивала его къ пищѣ цесаревича. Дѣйствіе его тотчасъ сказывалось, и дѣло было выиграно: Распутину оставалось только явиться въ роли спасителя царскаго сына. Этого было достаточно, чтобы обезпечить за «старцемъ» могущественное вліяніе на императрицу.

Г. Бинштокъ приводитъ не мало новыхъ данныхъ и объ убійствѣ Распутина, за точность которыхъ онъ ручается. «По мѣрѣ того,—говоритъ онъ,—какъ вліяніе Распутина при дворѣ усиливалось, вліяніе великихъ князей уменьшалось, такъ что всѣ великіе князья, безъ исключенія, сдѣлались враждебны по отношенію къ императрицѣ и императору. Враждебность эта достигла до степени ненависти, принявшей открытую форму, и выразилась, прежде всего, въ убійствѣ Распутина».

Въ началѣ ноября 1916 г., послѣ извѣстной рѣчи Милюкова, когда сессія Государственной Думы была приостановлена вслѣдствіе увольненія Штюрмера, князь Ф. Ф. Юсуповъ пригласилъ нѣкоторыхъ представителей думскихъ фракцій къ которымъ питалъ довѣріе, и вступилъ съ ними въ бесѣду, которая была стенографирована.

— Дума—начальъ кн. Юсуповъ,—далека отъ истины, Милюковъ объявляетъ Штюрмера виновникомъ всѣхъ золъ; Милюковъ обвиняетъ правительство. Увѣряю васъ, что здѣсь дѣло идетъ не о Штюрмерѣ и не о правительствѣ, а объ одномъ лицѣ—Распутинѣ. Разъ его тамъ не будетъ, все пойдетъ хорошо.

— Вы, князь, ошибаетесь. Не будет Распутина, будетъ какой-нибудь Мардарій, князь Андрониковъ или другой негодяй.

— Нѣтъ, я интересуюсь оккультными науками и могу васъ увѣрить, что такихъ лицъ, какъ Распутинъ, обладающихъ могущественною, магнетическою силою, появляется одно въ теченіи столѣтія. Его вліяніе на царя и царицу необычайно. Когда Александра Феодоровна, настроенная Распутинымъ, приходитъ къ царю въ кабинетъ, онъ буквально прячется подъ столъ. Пусть Дума и всѣ классы общества будутъ говорить противъ Распутина, это ничему не поможетъ. Если бы императору сказали, что его покидаетъ народъ и армія, но что съ нимъ остается Распутинъ,—онъ спокойно смотрѣлъ бы на будущее. Распутинымъ пользуются, чтобы назначать министровъ и управлять дѣлами государства. Дѣлается только то, что хочетъ Распутинъ. Увѣряю васъ, что императоръ вовсе не такъ ревнивъ къ власти. Онъ согласился бы на отвѣтственность министровъ, на установленіе полной конституціи, но нельзя ни къ чему прійти, пока дѣйствуетъ Распутинъ. Императоръ—въ его рукахъ. Вотъ почему мы рѣшили заставить Распутина исчезнуть.

— Какимъ же это образомъ?

— Для этого существуетъ два средства: первое—купить Распутина. Онъ человѣкъ продажный.

— Это средство не приведетъ къ цѣли. Распутинъ возьметъ деньги, а затѣмъ заставитъ васъ потанцовать, не болѣе.

— Тогда есть другое средство: убить его. Распутину назначить свиданіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его можно будетъ убить.

— Но, князь, кто убьетъ его? Черносотенцы иногда убиваютъ кого-либо изъ лѣвыхъ, особенно если они разчитываютъ на безнаказанность. Но на нихъ нельзя разчитывать, чтобы убить Распутина, потому что въ этомъ случаѣ, прежде всего, нельзя ожидать безнаказанности. Что касается до лѣвыхъ, то они скорѣе воздвигли бы Распутину памятникъ, потому что никто болѣе его не подорвалъ такъ значеніе самодержавія и не подвинулъ Россію къ республиканскому образу правленія.

— Но могутъ найтись люди, которые возьмутся за это дѣло. Я могу открыть для этого неограниченный кредитъ.

— Но, князь, поймите, что среди честныхъ людей вы не найдете наемныхъ убійцъ. Если же вы найдете кого-либо другого, тотъ ничего не сдѣлаетъ, а только вѣчно будетъ васъ шантажировать.

— Вы правы... Я самъ возьмусь за это дѣло.

Лица, присутствовавшія при этомъ разговорѣ, признали, что хотя заговорщики, члены императорской фамилии, и могутъ совершить сами это дѣло, но должны при этомъ имѣть при себѣ общественнаго дѣателя, съ той цѣлью, чтобы убійство Распутина имѣло характеръ общественнаго дѣйствія, а не дворцоваго заговора.

Хотя князь Юсуповъ и сказалъ, что онъ самъ возьметъ на себя убить Распутина, но впослѣдствіи отрицалъ свое непосредственное участіе въ его убійствѣ; и въ настоящее время неизвѣстно въ точности, кто именно убилъ Распутина: всѣ, присутствовавшіе при этой сценѣ, дали клятву молчать объ этомъ.

Депутатъ Пуришкевичъ, одинъ изъ участниковъ знаменитаго ужина, совершенно отрицаетъ, будто бы онъ первый стрѣлялъ въ Распутина. Онъ утверждаетъ, что онъ находился въ другой комнатѣ, когда началась стрѣльба, и что онъ только послѣ узналъ о виновникѣ убійства».

Авторъ приводитъ также разсказъ объ убійствѣ Распутина извѣстнаго юрдиваго Мити, котораго также принимали въ Царскосельскомъ дворцѣ. Обыкновенно онъ только мычалъ, не будучи въ состояніи ясно произнести слова, такъ что при немъ всегда находился его другъ, истолкователь его безсвязныхъ рѣчей. Но когда Митю послѣ революціи арестовали въ Москвѣ, съ нимъ произошло чудо: онъ заговорилъ довольно отчетливо и былъ въ состояніи отвѣчать на вопросы. Онъ показалъ, что его очень любилъ «папка» (такъ онъ называлъ Николая II), но что «мамка» (т. е. Александра Феодоровна) его не терпѣла. Въ началѣ войны «папка» призвалъ Митю и просилъ у него благословенія. Они долго молились вмѣстѣ, простершись на полу. До убійства Распутина «мамка» относилась къ Мити равнодушно, но послѣ стала его ненавидѣть; но она въ это же время требовала, чтобы онъ находился возлѣ нея, когда во время спитирическихъ сеансовъ вызывали духъ Распутина.

О сценѣ убійства «старца» Митя сообщилъ слѣдующія подробности. Въ эту ночь онъ находился во дворцѣ Юсупова. Всѣ залы были освѣщены, играла музыка. Въ три часа утра великій князь Дмитрій Павловичъ подозвалъ Распутина къ телефону и пригласилъ его пріѣхать. Тотъ отказался. Тогда Юсуповъ самъ поѣхалъ за нимъ на автомобиль. Полчаса спустя автомобиль возвратился, но освѣщеніе было уже прекращено во дворцѣ, за исключеніемъ двухъ, трехъ комнатъ. Распутинъ вошелъ, перекрестился и протянулъ руку Дмитрію Павловичу. Тотъ не принялъ его руки, но подалъ ему стаканъ вина со словами: «Выпей и умри, собака!» Распутинъ оттолкнулъ рукою стаканъ, который упалъ и разбился.

Самъ Митя не видѣлъ этой сцены, но ему о ней разсказывали. Онъ приѣхалъ въ залу, гдѣ произошло убійство, только послѣ, услышавъ стрѣльбу изъ револьверовъ, и увидѣлъ тамъ двухъ человекъ, завязывавшихъ мѣшокъ. Дмитрій Павловичъ подошелъ къ Митѣ и сказалъ ему, положивъ ему на плечо руку: «Иди, иди, Митя: тебѣ здѣсь нечего дѣлать». Въ этотъ моментъ предъ дворцомъ остановились два автомобиля. Въ одинъ изъ нихъ сѣло двое людей, захвативъ съ собой мѣшокъ, въ другомъ помѣстился Юсуповъ съ однимъ офицеромъ, и они отправились. «Оттуда,—разсказывалъ Митя,—я пошелъ къ обѣднѣ, а затѣмъ вернулся домой. На другой день за мной прислали изъ Царскаго Села. Когда я пріѣхалъ туда, то увидѣлъ Александру Феодоровну въ ужасной истерикѣ; она лежала на полу, и тѣло ея тряслось. Она хотѣла узнать отъ меня всѣ подробности и имя убійцы, но такъ какъ я не могъ разсказать ничего, кромѣ того, что самъ видѣлъ, то она сказала что-то, думаю—по-англійски, вѣроятно, бранное слово, и съ яростью требовала отъ царя, чтобы онъ немедленно велѣлъ повѣсить Дмитрія Павловича, Юсупова и меня, меня, сказала она, потому, что я все видѣлъ и ничего не предупредилъ. Но «папка» сказалъ: «Нѣтъ, я не могу: это невозможно!»

Послѣ убійства Распутина его совершенно замѣстилъ Протопоповъ. Когда онъ явился извѣстить императрицу о драмѣ, происшедшей во дворцѣ Юсупова,

она вскричала:—«Не удаляйтесь отъ насъ! Я не позволю вамъ уйти! Убили нашего святого. Теперь вы—единственный нашъ другъ!» Чтобы показать себя достойнымъ преемникомъ Распутина, Протопоповъ сталъ изображать собой «пророка» и «чудотворца». При дворѣ начали происходить настоящія «мистеріи», куда допускались только посвященные и во время которыхъ духъ Распутина воплощался въ Протопопова. Одинъ изъ очевидцевъ такъ описывалъ одну изъ этихъ мистерій. Посвященные, допущенные во дворцовую церковь (la chapelle), стояли по древне-русскому обычаю: мужчины—на лѣвой сторонѣ, а женщины—на правой, посрединѣ, на почетномъ мѣстѣ, находились три министра-спирита: Протопоповъ, Добровольскій и Кульчицкій. Началась церемонія съ молитвы (se déroule le service religieux), затѣмъ наступилъ моментъ «транса». Протопоповъ, поднявъ руки, какъ бы въ экстазѣ, восклицаетъ: «тамъ въ куполѣ, я вижу лицо нашего святого». И «трансъ» переходитъ на всѣхъ, воплощеніе продолжается. Протопоповъ испытывалъ эти «трансы» не только во время «мистерій», но и при другихъ случаяхъ. Такъ, войдя однажды въ комнаты, гдѣ находились царь и рица, онъ бросился на колѣни и распростерся на полу.

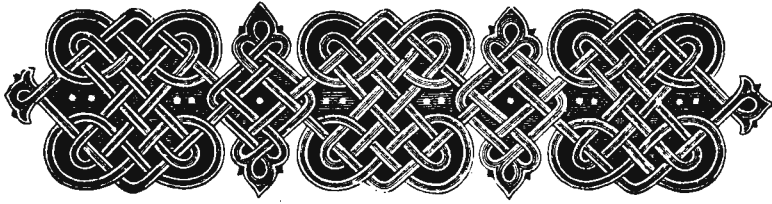
— Что съ вами, Александръ Дмитріевичъ?—спросилъ его царь.

— Это не для васъ, это не для васъ,—отвѣчалъ онъ.—Это ради Христа. Я вижу Христа между вами!

Но это сверхъчужественное состояніе духа, позволявшее Протопопову видѣть Христа между царемъ и царицей, не мѣшало ему быть въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ съ извѣстной балериной Кшесинской...

Эти интересныя черты придворнаго обихода за послѣдніе мѣсяцы царствования Николая II ясно указываютъ, въ чьихъ рукахъ находилась тогда судьба великой и многострадальной Россіи...

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РОССІЯ, Войны Германіи и Интернаціональ. (Двѣ параллели).—Обнародованная уже дипломатическая переписка, предшествовавшая войнѣ 1914 г., множество относящихся къ ней сообщеній частныхъ и правительственныхъ лицъ, словомъ, вся огромная и разносторонняя литература, посвященная этой войнѣ, съ несомнѣнной, почти осязательной убѣдительностью доказываетъ, что Германія готовилась къ своему хищническому нападенію на Францію и Россію очень долго и съ изумительной тщательностью. Поставивъ себѣ цѣлью разбить сначала Францію и Россію, а затѣмъ и Англію и дать такимъ образомъ военное господство надъ всемъ міромъ въ руки кайзера и прусскихъ юнкеровъ, а международный рынокъ и міровую промышленность подчинить нѣмецкимъ капиталистамъ и рабочимъ, Германія для осуществленія этой грандіозной мечты сдѣлала все, что только можетъ выдумать человѣческая изобрѣтательность, не стѣсняющаяся никакими нравственными соображеніями. Отбросивъ въ сторону всякую гуманность, всѣ завѣты лучшаго прошлаго, нѣмецкая интеллигенція, ревностно поддерживая свое правительство, перевоспитала народъ въ духѣ ненависти къ всему, что есть на свѣтѣ не нѣмецкаго, сроднила народную массу съ мыслью о захватѣ мірового господства, о необходимости жестокой войны со всѣми, кто станетъ нѣмцамъ на дорогѣ. Нѣмецкіе рабочіе—эти «соціаль-демократы Его Величества» тоже вошли во вкусъ будущихъ завоеваній и проповѣдая другимъ идеи международного братства, потихоньку въ подземельяхъ Крупповскихъ заводовъ отливали чудовищныя пушки, ковали штыки и сабли, готовили ядовитые, сжигающіе человѣческія легкія газы, снаряжали бомбы, собирали цеппелины и подводныя лодки.

Выковывая для своего отечества «бронированный кулак», нѣмцы шли къ своей цѣли и съ другой стороны, ослабляя всѣми доступными средствами своихъ будущихъ противниковъ. Еще не настало время и мы многого не знаемъ изъ того, какъ расшатывали нѣмцы своихъ противниковъ. Но достаточно и того, что теперь доказано, чтобы видѣть, какія адскія средства пускали въ ходъ нѣмцы, чтобы создать затрудненія воюющимъ съ ними державамъ и сочувствующимъ имъ націямъ. Безпрестанные взрывы мостовъ, каналовъ, желѣзнодорожныхъ путей въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, адскія машины, неоднократно находимыя на нейтральныхъ корабляхъ, поджоги фабрикъ и заводовъ, работающихъ на государственную оборону, разбрасываніе съ аэроплановъ отравленныхъ конфетъ и трубочекъ съ холерными вибрионами, мелкія иглы въ оеесъ лошадей, карандаши со взрывчатымъ веществомъ внутри и многое множество другихъ преступныхъ и безчеловѣчныхъ ухищреній для ослабленія и уничтоженія врага доказываютъ, что нѣмцы для достиженія своей цѣли не останавливаются рѣшительно ни передъ чѣмъ. Само собою разумѣется, что въ рукахъ такихъ людей шпіонажъ, провокація и всякіе способы создавать волненія и беспорядки въ тылу противника являются однимъ изъ главныхъ способовъ борьбы съ враждебными державами. Мы знаемъ отдѣльные эпизоды того, что нѣмцы дѣлали и продолжаютъ дѣлать въ этой области, но и теперь уже можно утверждать, что тутъ дѣйствуетъ цѣлая огромная и планомѣрная организація, которую раскроютъ лишь будущіе историки. Достаточно указать, напримѣръ, на чуть было неудавшійся нѣмцамъ планъ поднять при помощи турецкаго султана всѣ магометанскія народности Англіи, Франціи и Россіи.

Естественно предположить, что нѣмцы сумѣли использовать въ своихъ видахъ и рабочее и социалистическое движеніе въ государствахъ Согласія. Волненія въ рабочей средѣ, забастовки и беспорядки на заводахъ и фабрикахъ—могучій союзникъ нѣмцевъ и есть факты, которые невольно наводятъ на мысль, что всѣмъ тѣмъ, что творится у насъ теперь, руководятъ нѣмецкіе режиссеры. Припомните, какъ передъ самой войной, въ то время, когда въ Петроградѣ находился президентъ Французской республики Пуанкарэ, у насъ вдругъ, безъ видимой причины возникли рабочіе беспорядки, причѣмъ дѣло дошло до баррикадъ и кровопролитія. Припомните отдѣльные эпизоды, сильно волновавшіе рабочую среду во время самой войны—всѣ эти таинственные взрывы пороховыхъ заводовъ, загадочныя массовыя отравленія работницъ и т. п. Провозъ Ленина и сотни его сподвижниковъ черезъ всю Германію да еще въ запломбированныхъ вагонахъ долженъ убѣдить всякаго, у кого открыты глаза, чтобы видѣть въ стремленіи нѣмцевъ разложить Россію, внести въ нее классовую вражду, вытравить въ ней чувства патріотизма и государственности, замѣнивъ ихъ съ виду очень возвышенными, на самомъ же дѣлѣ химерическими идеалами интернационализма.

Пріемъ этотъ, какъ оказывается, для нѣмцевъ уже не новый, и наши враги идутъ по дорожкѣ, проторенной ими еще въ 1870 году, передъ самой франко-прусской войной. Въ этомъ читатель можетъ убѣдиться, прочтя небольшую, но очень содержательную статью Сади-Карно въ іюньской книжкѣ журнала «Le Correspondant».

Вскрыть работу нѣмецкихъ провокаторовъ интернаціонализма среди французскихъ рабочихъ того времени теперь довольно трудно: архивы французской полиціи были предусмотрительно сожжены коммунарами, документы самого Интернаціонала, конечно, не доступны ни одному смертному, кромѣ главварей этой таинственной организаціи, знающихъ свое дѣло, а бумаги создателя и вдохновителя Интернаціонала Карла Маркса были, по окончаніи побѣдоносной войны Германіи, вывезены имъ въ 1872 г. въ Америку, куда скрылся и онъ самъ. Есть, однако, труды, дающіе косвенныя указанія на затронутый Садикарно вопросъ о работѣ Интернаціонализма надъ разрушеніемъ французскихъ силъ наканунѣ войны съ Германіей. Такими сочиненіями служатъ для автора книга бельгійскаго социалиста Буланже «L' Internationale Socialiste avècu» и записки французскаго участника этой организаціи Фрибурга—«L' association internationale des travailleurs». Но главнымъ источникомъ, откуда черпалъ авторъ свои свѣдѣнія, является официальное изданіе историческаго отдѣла французскаго Генеральнаго Штаба «La Guerre de 1870—71». Въ этомъ изданіи собраны между прочимъ донесенія французскихъ военныхъ властей изъ пограничныхъ съ Германіей областей, живо рисующія волненія и беспорядки, спровоцированныя Интернаціоналомъ не только въ этихъ областяхъ, но и внутри самой Франціи.

Такъ какъ главная роль въ этой работѣ принадлежала созданному Марксомъ Интернаціоналу, то авторъ статьи даетъ сначала краткій очеркъ возникновенія этой до сихъ поръ конспиративной, неизвѣстно кѣмъ, руководимой организаціи.

Впервые мысль о международной ассоціаціи рабочихъ возникла въ 1864 г. во Франціи. Программа этой ассоціаціи была чисто экономическая, опиравшаяся на писанія Прудона. Для осуществленія этой мысли въ 1866 г. въ Женевѣ состоялся первый международный съѣздъ рабочихъ представителей.

На этомъ съѣздѣ преобладалъ социализмъ французскаго типа: французы и итальянцы смотрѣли на новое ученіе исключительно съ экономической точки зрѣнія, ставили цѣлью своихъ стремленій матеріальное улучшение рабочаго быта и горячо отстаивали институтъ частной собственности. На второмъ конгрессѣ, собравшемся въ Лозаннѣ въ 1867 году, перевѣсъ получили нѣмцы, явившіеся туда съ тремя томами «Капитала» и множествомъ агитаціонныхъ брошюръ, направленныхъ къ возбужденію классовой борьбы рабочихъ противъ остальныхъ частей общества. Съ этого момента Интернаціональ получаетъ нѣмецкій отпечатокъ и дѣлается агрессивнымъ. Интернаціональ требуетъ между прочимъ прекращенія войнъ народовъ и готовности къ войнѣ классовой. Социализмъ принимаетъ характеръ государственный. Изъ чисто экономическаго ученія онъ дѣлается доктриной цѣлаго государственнаго устройства. По его ученію, государство должно взять въ руки всю жизнь народа и руководить рѣшительно всѣми сторонами его дѣятельности. Такая государственная опека была какъ нельзя болѣе на руку прусскимъ королямъ, и они въ своихъ, конечно, цѣляхъ всячески поддерживали новую доктрину.

На конгрессѣ въ Базелѣ въ 1869 г. французы рѣшительно протестовали противъ такихъ идей, «отдававшихъ капральствомъ». Но представители французскихъ социалистовъ были немногочисленны, плохо сплочены между собой

ине могли бороться съ нѣмецкимъ блокомъ, высланнымъ на конгрессъ Маркомъ. Такимъ образомъ догматъ классоваго обособленія рабочихъ и необходимости для нихъ вести классовую борьбу съ буржуазіей, для чего надо добиваться и политическаго господства, былъ положенъ краеугольнымъ камнемъ въ основаніе интернаціонала.

Такія директивы немедленно дали свои плоды во Франціи, гдѣ Наполеонъ только что сдѣлалъ крупную ошибку, отмѣнивъ статью закона о наказуемости незаконныхъ коалицій. «Кругомъ стачки и стачки, писалъ въ началѣ 1870 г. упомянутый уже Фрибургъ, самъ участвовавшій въ созданіи Интернаціонала. Заграничные интернаціоналисты, захвативъ почву, всячески поддерживаютъ это движеніе и заводятъ у насъ газеты, призывающія къ насиліямъ. Какая-то эпидемія беспорядковъ свирѣпствуетъ во Франціи и тормозитъ производство». «Революціонныя приемы, которые обнаруживаютъ на нашихъ границахъ враги общественнаго порядка, произвели тяжелое впечатлѣніе на общественное мнѣніе, доносилъ въ Парижъ командиръ 3 армейскаго корпуса, расположеннаго въ Эльзасѣ. Свѣдѣнія объ этихъ революціонныхъ провокаціяхъ, которыя стремятся къ всеобщей забастовкѣ, внушаютъ самыя серьезныя опасенія».

«Стачки поддерживаются главнымъ образомъ деньгами Интернаціонала, доносилъ изъ Мюльхаузена генералъ Сентъ Соверъ. Въ самомъ Мюльгаузенѣ главари обречены на бездѣйствіе въ виду присутствія здѣсь войскъ. Но они разбѣжались повсюду, увлекая за собой рабочихъ. По моему мнѣнію, этой стачкой Интернаціоналъ хотѣлъ сдѣлать подсчетъ своимъ силамъ. Всѣ рабочіе, которыхъ мнѣ приходилось выслушивать, дѣйствуютъ, повинуются приказу изъ-за границы и не могутъ сказать, что имъ собственно надо. Большая часть ихъ сознаются сами, что они прекратили работы только потому, чтобы не отстать отъ другихъ».

Съ германской границы рабочія волненія скоро перекинулись и внутрь страны. Въ Парижѣ эмиссары Интернаціонала воспользовались похоронами социалиста Виктора Нуара и устроили шумныя манифестаціи. Вслѣдъ за этимъ вспыхиваетъ цѣлый рядъ волненій въ разныхъ городахъ, куда посылаются войска. Въ іюнь 1870 г. полиція арестовала въ Парижѣ четырехъ лицъ, вооруженныхъ бомбами. 22-го іюня вспыхиваетъ стачка въ Ліонѣ, причемъ дѣйствіе пропаганды Интернаціонала обнаруживается уже и среди войскъ, гдѣ начинаются случаи нарушенія дисциплины. Для поддержанія общественнаго порядка приходится брать съ нѣмецкой границы значительныя военныя силы, ослабляя пограничный надзоръ за нѣмцами.

Въ іюль, за нѣсколько дней до войны, вдругъ разразилась стачка булочниковъ и столяровъ въ Бордо. И это какъ разъ въ то время, когда Пруссія выдвинула кандидатуру на испанскій престолъ одного изъ Гогенцоллерновъ. Стачка въ Бордо и его окрестностяхъ, продолжавшаяся до 11 іюля, парализовала цѣлую дивизію пѣхоты, и проходы черезъ Пиренеи остались почти безъ прикрытія.

Взрывъ газа въ рудникахъ Рикамари вызвалъ кровавыя волненія рабочихъ въ Сентъ-Этьеннѣ. 10 іюля—всего за 9 дней до начала франко-прусской войны, вспыхнула огромная стачка въ Фуршанбо, перекинувшаяся на заводъ Крезю и приковавшая къ себѣ нѣсколько эскадроновъ кавалеріи.

Наканунъ войны разразилась новая огромная стачка, на этотъ разъ въ пограничной съ Германіей мѣстности—Верхнерейнской области. Отношенія между здѣшними фабрикантами и рабочими не оставляли въ это время желать ничего лучшаго. Рабочіе были здѣсь сдѣланы участниками въ прибыляхъ предприятий, впервые были заведены разныя страховыя учрежденія. И тѣмъ не менѣе стачка разразилась, причемъ коноводами ея оказались рабочіе изъ нѣмцевъ. Она была настолько неожиданна и безпричинна, что мѣстные жители терялись въ догадкахъ, и будущій сенаторъ и политическій дѣятель извѣстный Шереръ Кестнеръ увѣрялъ всѣхъ, что стачку эту устроило на зло фабрикантамъ само правительство, недовольное посланнымъ отъ этой провинціи депутатомъ. Допрошенные слѣдственной комиссіей рабочіе не могли предъявить никакихъ требованій и жалобъ и показали, что они слушались только приказа Интернаціонала. «Въ рабочихъ волненіяхъ, писалъ одинъ изъ чиновъ сдѣдственной парламентской комиссіи, мы постоянно видѣли руку Интернаціонала и наталкиваемся на тѣхъ же людей, на тѣ же лозунги».

Эта огромная стачка, разразившаяся въ то самое время, когда Бисмаркъ фабриковала свою фальшивую эмскую депешу, захватила болѣе 40 тысячъ рабочихъ, и для обезпеченія порядка военнымъ властямъ пришлось не только обнажить германскую границу, но даже вывести часть гарнизона Бельфора. Рейнь охранялся одной пограничной стражей.

Извѣстно, что въ случаѣ войны съ нѣмцами, французскій генеральный штабъ предполагалъ начать немедленно наступленіе на Германію. Но теперь, съ такими рабочими волненіями въ тылу, о наступленіи нечего было и думать. Къ тому же баденцы, которыхъ Наполеонъ III упорно считалъ старинными и вѣрными союзниками Франціи, неожиданно уничтожили понтонные мосты черезъ Рейнь, обезопасивъ нѣмцевъ отъ вторженія французской арміи. Когда все было готово, Прусскій король повелъ себя съ французскимъ посланникомъ Венедетти съ такой надменностью, что война стала неизбѣжной. Она вспыхнула 19 іюля 1870 г., когда французское правительство не успѣло еще покончить у себя въ тылу съ многочисленными безчинствами рабочихъ, подстрекаемыхъ Интернаціоналомъ.

Поразительно то, что въ то самое время, когда Интернаціональ такъ возбуждалъ рабочихъ во Франціи, внутри Германіи, готовившейся раздавить французовъ, все было тихо и спокойно! Все это подозрительно и похоже на нашу русскую современность и, кажется, это одинъ изъ случаевъ, гдѣ исторія несомнѣнно повторяется.

— Французская революція и христіанство.—Осенью 1793 г. священники, не принявшіе присягу на вѣрность новорожденной французской республикѣ, подвергались изгнанію изъ Франціи. Тѣ изъ нихъ, которые приняли присягу, тѣмъ не менѣе были внесены въ списокъ подозрительныхъ. Дѣло шло уже не о священникахъ, а объ уничтоженіи самого христіанства, о чемъ больше всего хлопотала парижская Городская Дума. Коноводомъ этого антирелигіознаго движенія былъ членъ Конвента и Думы Шометтъ, недоучившійся студентъ-медикъ, неудачно пробовавшій свои силы въ журналистикѣ и вынесенный наконецъ на поверхность революціонной волной благодаря его

способности ораторствовать на митингах и пускать въ толпу соблазнительные лозунги. Шометтъ держался во всемъ самыхъ крайнихъ убѣжденій и въ ознаменованіе своего отпаденія отъ христіанства перемѣнилъ свое христіанское имя Гаспаръ на языческое «Анаксагоръ».

Вотъ этотъ-то фанатикъ свободомыслія и принялся за французское духовенство. Онъ велѣлъ чуть не силою тащить священниковъ въ народные клубы, гдѣ угрозами и обѣщаніями ихъ заставляли подписывать свое отреченіе отъ пастырскихъ обязанностей, а иногда и отъ самой вѣры въ Бога.

Отъ священниковъ очередь скоро дошла и до высшаго духовенства. Архіепископскую кафедру Парижа занималъ въ это время епископъ Годель. Онъ былъ буржуазнаго происхожденія, но жилъ при старомъ режимѣ на широкую ногу и умѣлъ импонировать парижскому населенію своей величавой наружностью. Къ сожалѣнію, Годель не отличался силою воли и характера и боялся людей едва ли не больше, чѣмъ самого Бога. Еще въ началѣ революціи онъ поспѣшилъ записаться членомъ въ клубъ якобинцевъ и одно время былъ въ немъ даже вице-президентомъ. Несмотря на это, онъ былъ человѣкомъ искренно вѣрующимъ и добрыхъ нравовъ.

На него-то и направилъ свои усилія Шометтъ, понимая, что примѣръ отреченія отъ христіанства парижскаго архіепископа неизбѣжно соблазнитъ многихъ.

16 брюмера (6 ноября) поздно вечеромъ въ архіепископскій домъ явилось нѣсколько членовъ Конвента, среди которыхъ были Шометтъ, Геберъ, Анахарзисъ, Клотцъ и другіе, и, угрожая архіепископу убійствомъ, потребовали, чтобы онъ публично отрекся отъ христіанства. Годель нашелъ въ себѣ мужество и наотрѣзъ отказался отъ такого предложенія. Тогда пришедшіе смягчили свое требованіе и заявили, что они желаютъ лишь отреченія Годеля отъ исполненія его архіепископскихъ обязанностей. Архіепископъ потребовалъ на размышленіе нѣкотораго времени, чтобы собрать своихъ викаріевъ и посоветоваться съ ними.

Между тѣмъ въ якобинскомъ клубѣ произносились самыя кощунственныя рѣчи, подъ вліяніемъ которыхъ чернь овладѣла металлической ракой съ мощами покровительницы Парижа Св. Женевьевы и отправила эту раку на Монетный дворъ. Богохульство и враждебныя духовенству выходки не прекращались на улицахъ столицы.

На другой день послѣ посѣщенія членами Конвента, архіепископъ Годель созвалъ своихъ викаріевъ и большинствомъ 14 голосовъ противъ 3 было рѣшено исполнить требованіе Шометта. Въ часъ дня архіепископъ явился на засѣданіе Городской Думы и произнесъ здѣсь рѣчь, отрекаясь отъ своего архіерейскаго служенія. Рѣчь эта была, конечно, подхвачена Шометтомъ, призывавшимъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ поклоняться лишь Разуму.

Изъ Городской Думы Годель отправился въ Тюильри, гдѣ засѣдалъ Конвентъ. Въ архіепископскомъ облаченіи, окруженный своими викаріями, изъ которыхъ нѣкоторые отъ срама поспѣшили скрыться въ боковыя улицы, Годель шелъ, словно плѣнникъ, окруженный Шометтомъ и его приспѣшниками. Шествіе замыкалось шутовскою процессіей уличныхъ хулигановъ, которые, облачившись въ награбленные въ церквахъ ризы, пародировали крестный ходъ, не

скупясь, конечно, на ругательства и богохульства. Поравнявшись съ какимъ-нибудь виннымъ погребомъ, эти представители одичавшаго парижскаго отребья требовали себѣ вина, которое и пили изъ захваченныхъ съ собою священныхъ сосудовъ.

Когда эта жалкая процессія приближалась къ Palais de Justice, тамъ царило большое возбужденіе. Только что осудили на смерть герцога Орлеанскаго Филиппа-Эгалите и теперь разбирали дѣло m-me Роланъ, которую постигла, какъ извѣстно, та же участь. Узнавъ, что архіепископъ идетъ въ Конвентъ отречься, толпа разразилась аплодисментами и радостными криками.

Засѣданіе Конвента началось въ этотъ день въ обычный часъ подъ предсѣдательствомъ очереднаго депутата, прочли нѣсколько донесеній изъ провинціи о томъ, что нѣсколько священниковъ сложили съ себя санъ, а шестеро изъ нихъ даже вступили въ бракъ. Но толпѣ, переполнявшей хоры, этого было мало: хотѣлось пощекотать притупившіеся нервы зрѣлищемъ какой-нибудь болѣе рѣзкой выходкой противъ Бога и церкви. Хоры начинали уже выражать криками свое нетерпѣніе, какъ вдругъ съ площади донеслись крики: «Вотъ они! Идутъ, идутъ!»

Это подошла процессія Годеля. Архіепископа ввели въ залъ засѣданій, гдѣ на столѣ были уже навалены цѣлыя груды церковныхъ облаченій, чашъ и другой утвари. Годель прочиталъ по запискѣ свое отреченіе. Потомъ, надѣвъ красный колпакъ, онъ подошелъ къ столу и положилъ на него свой наперстный крестъ и перстень, надѣваемый католическими епископами при посвященіи. По требованію бурно ликовавшаго Конвента, архіепископъ поднялся на трибуну къ президенту и облобызался съ нимъ: въ эту эпоху только и дѣлали, что говорили громкія рѣчи, лобызали другъ-друга или посылали одинъ другого на гильотину.

Процедура архіепископскаго отреченія кончилась довольно поздно, и главные актеры этой комедіи Годель и Шометтъ разстались уже при наступленіи ночи. Черезъ пять мѣсяцевъ они встрѣтятся опять, но уже въ другой обстановкѣ. Ихъ будутъ вмѣстѣ судить—Шометта, какъ врага демократіи, а Годеля, какъ атеиста, и главный прокуроръ, извѣстный своимъ звѣрствомъ, Фуке-Тэнвилль поставитъ ему въ вину, что «вмѣстѣ съ Шометтомъ, Геберомъ, Клоотцемъ онъ старался уничтожить самую идею Божества и основать управленіе Франціи на безбожій».

Добившись формальнаго уничтоженія христіанской религіи, Шометтъ немедленно занялся изобрѣтеніемъ другой, которая болѣе соответствовала бы, по его мнѣнію, свободной демократіи. Вообще надо замѣтить, что эти революціонеры, разрушавшіе съ такой яростью прежній строй, были въ сущности большими рутинерами и, уничтоживъ старое учрежденіе, создавали на его мѣсто такое же новое, лишь бы только имъ можно было играть въ этомъ революціонномъ учрежденіи главную роль.

На мѣсто «христіанства» Шометтъ выдумалъ особый культъ Разума, первое торжество котораго было назначено на ближайшее воскресенье 20 бромера. Оставалось всего три дня, но Шометтъ, Геберъ и ихъ подручные принялись за устройство торжества самымъ дѣятельнымъ образомъ. На ихъ счастье, въ это

время въ Пале-Рояль, который тогда назывался Пале-Эгалитэ, засѣдалъ союзъ артистовъ, музыкантовъ и пѣвцовъ. Къ нимъ-то и обратился за помощью Шометтъ.

Хотя Разумъ—вещь отвлеченная, тѣмъ не менѣ рѣшено было олицетворить его въ образѣ какого-нибудь женскаго существа. Одни говорятъ, что на эту роль была приглашена артистка оперы—Обри, по словамъ другихъ—Майльяръ, по увѣренію третьихъ жена одного изъ коноводовъ городской Думы—Моморо. Затѣмъ предстояло избрать мѣсто для торжества. Этимъ мѣстомъ былъ избранъ старинный соборъ Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). Его задрапировали республиканскими эмблемами, подъ его сводами устроили посрединѣ круглый готическій храмъ въ греческомъ стилѣ съ надписью: «Философія», а передъ нимъ укрѣпили гигантскій факель, символизировавшій озареніе всѣхъ свѣтомъ истины. Кругомъ для чего-то разставили бюсты Вольтера, Руссо и... американскаго гражданина Франклина!

День 20 брюмера выдался холодный и дождливый. Торжественное шествіе, въ которомъ участвовали члены Городской Думы, музыканты и цѣлый рой молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, двинулся въ десять часовъ утра. Народу было, кажется, не много: разбиравшійся въ этотъ день процессъ Балльи оттягивалъ къ себѣ всѣхъ настоящихъ «патріотовъ».

Приблизившись къ «храму Разума», процессія запѣла пѣсни, «на простомъ, народномъ языкѣ». Потомъ дѣвицы съ факелами въ рукахъ входили и выходили изъ храма Разума, откуда наконецъ появилась и сама богиня Разума. Она была одѣта въ бѣлыя одѣянія съ голубой накидкой на плечахъ и съ золотымъ копьемъ въ рукахъ. Милостиво окинувъ взглядомъ собравшихся, богиня возлегла на ложе изъ зелени.

Потолкавшись еще пѣкоторое время у храма Разума и видя, что дѣлать здѣсь больше нечего, процессія рѣшила отправиться къ зданію Конвента. Ряды ея по дорогѣ значительно порѣдѣли, такъ какъ многимъ эта пошлая шумиха оказалась крайне тягостной. На улицахъ было довольно грязно, и какъ богиня Разума, которую несли на носилкахъ, такъ и окружавшія ее дѣвицы, имѣли довольно неряшливый и растрепанный видъ.

Засѣданіе Конвента уже началось, когда процессія подошла къ Тюйлъри. Шометтъ заявилъ, что процессія, посѣтивъ святилище Разума, хочетъ теперь посѣтить святилище законодательства. Не имѣя возможности уклониться отъ этого визита, члены Конвента сдѣлали видъ, что они очень рады принять у себя представителей народа.

Залъ засѣданій быстро наполнился толпой. Были пропѣты всѣмъ уже надоѣвшія «излюбенныя пѣсни Революціи», произнесены пышныя, фразистыя рѣчи. Но разошедшейся толпѣ и этого показалось мало. Она потребовала, чтобы члены Конвента шествовали вмѣстѣ съ нею обратно въ Соборъ Богоматери.

Тамъ опять зажигали факелы, опять дѣвицы съ грязными шлейфами входили и выходили изъ «Храма Философіи». Опять появлялась съ своимъ копьемъ подмокшая богиня Разума, опять пѣвцы пѣли, а музыканты неумолчно трубили «Гимнъ свободы», пока, наконецъ, измучившись въ конецъ, толпа не стала мало-по-малу расходиться по домамъ, осыпая богохульствами древнюю парижскую святыню.

А вечером, не думая о завтрашнем дне и о ждавшей многих гильотинѣ, парижане опять веселились, прославляя свою свободу. Натянутые нервы требовали чего-нибудь возбуждающаго, и никогда еще парижскіе театры не были так набиты публикой, какъ въ страшные дни Конвента.

— Настроенія магометанскаго міра.—Начало XX вѣка представится будущимъ историкамъ періодомъ національнаго самоопредѣленія народностей и стремленія къ національной независимости. Родившись въ средѣ европейскихъ народовъ, эти идеи становятся теперь достояніемъ народностей, живущихъ внѣ Европы, и наряду съ пангерманизмомъ, панславизмомъ дасть уже себя чувствовать и панисламизмъ.

Какъ извѣстно, общее число поклонниковъ Магомета достигаетъ въ настоящее время двухсотъ милліоновъ. Они разбросаны главнымъ образомъ въ предѣлахъ трехъ континентовъ Стараго міра и, кромѣ Турціи и Аравіи, не имѣютъ независимаго политическаго существованія: магометанскія массы входятъ въ составъ Англіи, въ ея индійскихъ колоніяхъ, Франціи—въ Алжирѣ и Марокко и Россіи, гдѣ магометане живутъ попережку съ кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Несмотря на то, что этнографически магометане принадлежатъ къ различнымъ племенамъ, однако, единство вѣроисповѣданія замѣняетъ имъ это племенное единство и, благодаря общности религіи, магометане—индійцы, турки, арабы, мароккане, наши татары чувствуютъ себя членами одного и того же огромнаго цѣлага, которое можетъ имѣть сильнѣйшее вліяніе на ходъ міровой исторіи. Попытка низверженнаго турецкаго султана Абдула-Гамида разбудить сознание вѣроисповѣднаго единства магометанъ и съ помощью нѣмецкихъ денегъ и агентовъ объединить вокругъ себя стихійную магометанскую массу показала европейцамъ, какую страшную опасность представляетъ для нихъ исламизмъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что англійскіе и французскіе журналы удѣляютъ не мало вниманія характеристикѣ магометанскаго міра и проявляющимся въ немъ движеніямъ.

Съ этой точки зрѣнія не лишена интереса статья полковника Рено, помѣщенная въ № 14 *Revue Hebdomadaire* за текущій годъ ¹⁾).

Рено по своему служебному положенію долго былъ въ соприкосновеніи съ магометанами Турціи, Малой Азіи и французскихъ владѣній въ сѣверной Африкѣ и прекрасно знаетъ свою среду. «Не разъ я сидѣлъ молчаливымъ гостемъ среди послѣдователей корана, пишетъ онъ, и наблюдалъ за ихъ жестами, улыбками, слезами. Не разъ приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ тѣхъ мелочей повседневной жизни, которыя одни и даютъ правильное освѣщеніе семейнаго и общественнаго строя»

Основная черта, которая бросается въ глаза опытному наблюдателю при встрѣчѣ съ магометанами, это ихъ тайное презрѣніе ко всему, что не признаетъ корана, и достаточно легкой вспышки религіознаго фанатизма, чтобы это презрѣніе превратилось въ ненависть. Въ противоположность другимъ религіямъ, которыя вмѣняютъ человѣку въ обязанность трудиться и ѣсть свой хлѣбъ въ

¹⁾ Commandant Reynaud. *Derrière le mur de l'Islam.*

потѣ лица своего, коранъ совершенно умалчиваетъ о трудѣ: вѣрные должны знать только одно занятіе—войну съ невѣрными, остальное для нихъ должны дѣлать ихъ плѣнники—рабы. Покоряя какое-нибудь племя, магометане не стремились приобщить ихъ къ религіи пророка, но не по своей вѣротерпимости, а просто потому, что, оставшись невѣрными, покоренные должны стать ихъ рабами. Паденіе мусульманскаго міра началось съ того момента, говорить авторъ, когда магометане не имѣли уже кого покорять и стали приобрѣтать себѣ черныхъ рабовъ. Съ запрещеніемъ работорговли они лишились и этихъ слугъ. А такъ какъ магометанинъ лѣнивъ не только по натурѣ, но и по религіозной традиціи, то трудовой вопросъ стоитъ теперь въ магометанскомъ мірѣ очень остро.

Каждый образованный магометанинъ обязанъ знать коранъ наизусть. Но, конечно, знаніе корана наизусть нельзя найти ни у кого. За то каждый магометанинъ твердо знаетъ тѣ правила, которыя предписаны Магометомъ своимъ послѣдователямъ относительно невѣрныхъ. «Когда встрѣтишь невѣрныхъ, убей ихъ и избивай ихъ всѣхъ. Сильныхъ закуй въ колодки рабовъ». «Бейтесь съ ними, пока не будетъ другого Бога кромѣ Единого». «Убивайте идолопоклонниковъ, гдѣ бы вы ни поймали ихъ» и т. д. въ томъ же духѣ.

Естественно, что періодическія извѣстія христіанъ на востокъ являются лишь приложеніемъ къ дѣлу этихъ религіозныхъ заповѣдей.

Чтобы поближе изучить психику турокъ, авторъ свелъ знакомство съ нѣкимъ Галилемъ. Этотъ Галиль пользовался огромнымъ вліяніемъ въ магометанскихъ кварталахъ Константинополя, гдѣ его считали чуть ли не святымъ. Вотъ какъ рассказываетъ Рено объ этомъ знакомствѣ. Углубившись въ турецкій кварталъ Стамбула, авторъ, руководимый однимъ знакомымъ армянскимъ купцомъ, скоро увидѣлъ на порогѣ одного дома высокаго представительнаго старика съ длинною сѣдою бородою и съ мягкими голубыми глазами. Онъ раздавалъ мѣстной бѣднотѣ какіе-то овощи. Это и былъ Галиль. Онъ прекрасно говорилъ по-французски, такъ какъ получилъ образованіе въ одной изъ константинопольскихъ французскихъ школъ, что, впрочемъ, не помѣшало ему остаться истымъ туркомъ. Разговоръ зашелъ сначала о взятіи Константинополя турками, о которомъ Галиль зналъ со всѣми мельчайшими подробностями, почерпнутыми не только изъ книгъ, но и изъ устныхъ преданій. Потомъ Рено осторожно перевелъ бесѣду на священную войну. Спокойно, безъ всякихъ волненій и сомнѣній, этотъ старикъ, стоявшій уже одной ногой въ гробу, пустился объяснять своему собесѣднику о томъ, что рѣзать невѣрныхъ необходимо, что это дѣло, угодное Аллаху и т. д. Замѣтивъ, что его собесѣдника нередернуло отъ такой холодной жестокости, турецкій святой замѣтилъ: «Чтобы понять это, нужно быть нашимъ».

Есть, впрочемъ, среди магометанъ люди и другого религіознаго типа. Турецкіе офицеры, побывшіе въ рядахъ французской, а главнымъ образомъ нѣмецкой арміи, возвращаются на родину вольнодумцами и относятся къ корану и его предписаніямъ критически. Духъ вольнодумства проникаетъ даже въ ряды духовенства. Авторъ зналъ одного имама, очень образованнаго, совершившаго два путешествія въ Мекку и потому имѣвшаго право носить зеленый тюрбанъ. И тѣмъ не менѣе, этого имама гораздо болѣе привлекали Италия и Франція,

чѣмъ Аравія. Кабачки Монмартра онъ зналъ, кажется, лучше, чѣмъ свою Каабу. Этотъ пастырь магометанскихъ душъ считалъ Магомета чрезвычайно ловкимъ человѣкомъ за то, что онъ создалъ такую простую религію, почти лишенную всякихъ догматовъ, и особенно хвалилъ пророка за разрѣшеніе многоженства. По взгляду этого турецкаго интеллигента—женщина не что иное, какъ аппаратъ для производства дѣтей. Такіе взгляды не мѣшали, однако, имаму осуждать своихъ единоплеменниковъ за ихъ сопротивленіе всякому прогрессу, за ихъ косность, за ихъ антиобщественныя убѣжденія, несомвѣстимыя съ развитіемъ народа. Онъ съ грустью смотрѣлъ на будущность турокъ, которые представлялись ему живымъ анахронизмомъ, препятствіемъ ко всякому прогрессу.

Такъ причудливо переплетались въ головѣ этого имама европейскія идеи и турецкія наклонности. Разумѣется, такое положеніе между европейской и магометанской культурой обрекаетъ міръ ислама на застой, не давая ему возможности ассимилироваться съ европейскими народами, среди которыхъ онъ живетъ. Въ Алжирѣ, напримѣръ, найдется не мало арабовъ-магометанъ, которые кончили французскіе коллежи и по духу стали совершенными парижанами. Но традиціонный бурнусъ, который они не рѣшаются снять у себя на родинѣ, многоженство, при которомъ они принуждены заключать браки только съ своими соплеменницами,—все это отгораживаетъ ихъ отъ французовъ. Хотя мусульманинъ по закону можетъ жениться на христіанкѣ, но за то мусульманка ни въ коемъ случаѣ не смѣетъ стать женою христіанина. Въ бытность автора въ Константинополь какой-то булочникъ-грекъ вздумалъ вступить въ бракъ съ молодой турчанкой. Въ результатѣ сосѣди-магометане зарѣзали и его, и его жену. И такихъ примѣрсовъ можно указать не мало. Чтобы окончательно устранить возможность такихъ браковъ, магометане съ дѣтства дѣлаютъ своимъ женщинамъ татуировку въ видѣ синей черты между бровями, на подбородкѣ, а иногда даже на щекахъ. Если бы такая татуированная магометанка впоследствии приняла бы христіанство, то эта синяя черта останется неизгладимымъ слѣдомъ ея происхожденія. Мѣшаютъ сліянію магометанъ съ окрестнымъ населеніемъ и нѣкоторые обычаи, отъ которыхъ немногіе изъ нихъ имѣютъ мужество отказаться. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, манера сидѣть не на стулѣ, а прямо на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, привычка обходиться при ѣдѣ безъ стола и т. п.

Не смотря на всѣ эти неблагопріятныя для сліянія обстоятельства, время дѣлаетъ свое дѣло, и религіозная нетерпимость мусульманъ значительно сглаживается. Въ Марокко, напримѣръ, зажиточные классы населенія, такъ сказать магометанская буржуазія, посѣщаетъ мечети очень неаккуратно, и религіозное усердіе можно наблюдать лишь среди простого народа. Характеренъ такой фактъ. Для просвѣщенія магометанскаго юношества французское правительство завело въ Алжирѣ особыя школы. Утренніе часы въ нихъ должны посвящаться общенаучнымъ предметамъ по утвержденной правительствомъ программѣ, а послѣобѣденныя—изученію корана подъ руководствомъ особаго учителя. И что же? Родители перестали присылать своихъ дѣтей послѣ обѣда, а учителя возбудили ходатайство, чтобы послѣобѣденныя часы были такъ:

посвящены общеобразовательнымъ предметамъ, а не корану, который «ничему научить не можетъ».

Впрочемъ, Алжиръ идетъ впереди всѣхъ другихъ магометанскихъ странъ по пути европеизаціи, но въ сосѣднемъ съ нимъ Тунисѣ магометанскій духъ держится еще очень крѣпко.

— Талейранъ въ роли Беневентскаго князя.—Извѣстно, что знаменитый дипломатъ Наполеоновской эпохи Талейранъ носилъ титулъ князя Беневентскаго. Но изъ десяти лицъ, знакомыхъ съ исторіей этой эпохи, едва ли найдется одинъ, который не принималъ бы этого названія за простой почетный титулъ, которые Наполеонъ любилъ раздавать своимъ маршаламъ и сановникамъ. Такъ Фуше именовался герцогомъ Отрантскимъ, Марэ—герцогомъ Бассано и т. д.

Между тѣмъ дѣло съ Талейраномъ обстояло совершенно иначе, и онъ дѣйствительно былъ владѣтельнымъ княземъ Беневенто—лиципута-княжества около Неаполя, которымъ онъ управлялъ очень дѣятельно черезъ своего представителя. Мѣры, которыя онъ старался ввести въ своемъ государствѣ, его отношенія къ административнымъ планамъ своего губернатора, все это очень характерно для Талейрана, и, безъ ознакомленія съ этимъ матеріаломъ, характеристика его личности представляется неполной.

Матеріалы по управленію Беневенто, хранящіеся въ итальянскихъ и французскихъ архивахъ, довольно скудны. Къ счастью, этотъ недостатокъ свѣдѣній оказалось возможнымъ восполнить однимъ частнымъ архивомъ—архивомъ эльзаской семьи Веровъ, одинъ изъ представителей которой былъ поставленъ Талейраномъ во главѣ его государства и игралъ роль его намѣтника. Архивъ этотъ былъ недавно переданъ въ распоряженіе аббата Ингольда, который на основаніи этихъ рукописныхъ матеріаловъ написалъ цѣлую книгу, только что вышедшую въ Парижѣ. Книга аббата Ингольда получила неожиданно огромное значеніе единственнаго первоисточника для исторіи этой стороны дѣятельности Талейрана. Во время теперешней войны авторъ былъ заподозрѣнъ нѣмцами въ помощи французамъ. Ему грозили арестъ, прусскій судъ, тюрьма. Къ счастью аббатъ успѣлъ скрыться въ Парижъ, гдѣ уже печаталась его книга. Но, къ несчастью, вся его библіотека и рукописные документы остались въ Эльзасѣ и попали въ руки нѣмцевъ, которые не нашли ничего лучшаго, какъ предать огню это драгоцѣнное собраніе матеріаловъ.

На основаніи книги Ингольда сотрудникъ *Revue Hebdomadaire* Ланзакъ де-Лабари напечаталъ въ № 14 этого журнала обстоятельную статью, которую мы здѣсь и приводимъ въ извлеченіи.

Городъ Беневенто и его территория, прилегавшіе къ Неаполитанскому королевству, съ XI вѣка входили въ составъ папскихъ владѣній, являясь постояннымъ яблокомъ раздора между папою и королевствомъ обѣихъ Сицилій. Наполеонъ, убѣдившись въ несомнѣнной враждебности къ нему неаполитанской королевы Маріи Каролины, низложилъ Бурбоновъ съ Неаполитанскаго трона и посадилъ на ихъ мѣсто своего брата Иосифа. При этой перемѣнѣ нельзя было оставить въ прежнемъ положеніи и Беневенто, который могъ сдѣлаться съ одной стороны гнѣздомъ папскихъ интригъ, а съ другой убѣжищемъ неаполитанскихъ

повстанцевъ. Вотъ почему въ іюнѣ 1805 г. онъ, безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ папскимъ дворомъ, объявилъ, что Беневенто и Понте-Корво изъемятся изъ папскихъ владѣній и жалуются: первое—маршалу Бернадету, который, женившись на Деизидеріи Кларѣ, сдѣлался своякомъ Іосифа Бонапарта, а второе Талейрану, котораго Наполеонъ хотѣлъ вознаградить за его дипломатическія заслуги.

Желая какъ можно скорѣе поставить Европу лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ, Наполеонъ торопилъ своего министра иностранныхъ дѣлъ вступить какъ можно скорѣе въ управленіе его новымъ владѣніемъ.

Новый государь началъ съ того, что наговорилъ и наобѣщалъ своимъ подданнымъ, никогда его въ глаза не видавшимъ, массу хорошихъ вещей. По инициативѣ нѣсколькихъ пылкихъ беневентинцевъ, надлежащимъ образомъ обработанныхъ, въ городѣ произошли манифестаціи въ честь Талейрана, причемъ толпа кричала: *Viva il nostro principe!* Былъ даже сооруженъ въ честь этого *principe* фонтанъ съ соответствующей надписью. Новый государь, знакомый съ своими владѣніями лишь по рисункамъ, которые были сдѣланы для него однимъ французскимъ художникомъ, прежде всего проявилъ заботу о своей будущей резиденціи и занялся устройствомъ для себя дворца. Для этихъ работъ присланъ былъ сначала нѣкій Сентъ-Леонъ, бывший сотрудникъ Неккера, стоявшій въ началѣ революціи очень близко къ епископу-разстригѣ. Этотъ эпикуреецъ, подобно всѣмъ современнымъ ему французамъ, былъ увѣренъ въ своей полной способности къ государственнымъ дѣламъ и, отправляясь въ Бенвенуто, мечталъ о широкихъ, утопическихъ планахъ, долженствовавшихъ облагодѣтельствовать населеніе этого микроскопическаго государства. Государственная дѣятельность его продолжалась, однако, очень недолго, и когда черезъ два мѣсяца ему пришлось возвращаться во свояси, то оказалось, что ничего путнаго онъ не сдѣлалъ.

На его мѣсто Талейранъ прислалъ Эльзасца Людовика Бера. Бери въ это время не было еще и тридцати лѣтъ, тѣмъ не менѣе выборъ губернатора для Беневенто оказался удачнымъ. Беръ получилъ образованіе въ Гейдельбергскомъ университетѣ, отличался большимъ трудолюбіемъ, прекрасно владѣлъ нѣсколькими языками, былъ преисполненъ желанія всѣхъ облагодѣльствовать во вкусѣ тогдашняго «просвѣщенія», а главное былъ беззавѣтно преданъ Талейрану.

Какъ и всѣ «просвѣтители» того времени, Беръ въ сущности совершенно не считался съ тѣми, къ которымъ ему было поручено управлять, и былъ о нихъ самаго низкаго мнѣнія. «Лучшій между ними, пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей, не больше, какъ плутъ или, по меньшей мѣрѣ, глупецъ».

Возмущенный лицемѣріемъ беневентинцевъ, Беръ, однако, не замѣчалъ, что онъ первый подавалъ имъ въ этомъ примѣръ. Бывшій католическій епископъ Талейранъ не видѣлъ ничего неудобнаго въ томъ, что губернаторомъ бывшаго папскаго владѣнія будетъ нѣмецъ-лютеранинъ. Впрочемъ религіозныя убѣжденія Бера опирались, конечно, не на церковную догму, а на просвѣтительную философію, и онъ преспокойно участвовалъ въ разныхъ церковныхъ торжествахъ католической церкви, исполняя, когда было нужно, всѣ ея обряды не хуже са-

мих беневентинцевъ. Его притворство привело къ тому, что когда умеръ его отецъ, католическое духовенство назначило по немъ торжественное заупокойное богослуженіе, что нисколько не смутило губернатора.

Однако, религиозный вопросъ и борьба съ вліяніемъ католическаго духовенства составляла одну изъ главныхъ заботъ сидѣвшаго въ Парижѣ «государя». Кромѣ политическихъ причинъ, его толкало на эту борьбу и желаніе получить съ своего владѣнія возможно больше доходовъ. Съ этою цѣлью началось прежде всего уничтоженіе монастырей и секуляризація ихъ имуществъ. Чтобы устранить всякія препятствія къ этому, надо было прежде всего удалить куда-нибудь мѣстнаго архіепископа. Его отправили подъ какимъ-то предлогомъ въ Римъ, гдѣ онъ и былъ, по просьбѣ Талейрана, на нѣкоторое время задержанъ.

Упразднивъ монастыри и монаховъ, лилипутское государство осталось совершенно безъ учителей. Пришлось волею-неволею собрать бывшихъ урсининокъ и поручить имъ воспитаніе дѣвочекъ, причемъ вся официально утвержденная программа этого воспитанія ограничивалась умѣніемъ читать, писать и любить императора.

Еще труднѣе оказалось организовать обученіе мальчиковъ. Лицей, который Беру съ трудомъ удалось устроить, имѣлъ лишь очень отдаленное сходство съ лицеями французскаго типа. Скорѣе онъ походилъ на пресловутыя *écoles centrales*, устроенныя якобинцами Конвента; въ немъ, какъ и въ этихъ *écoles*, учились одновременно и дѣти, и взрослые.

Какъ и огромное большинство современниковъ, Беръ слѣпо вѣрилъ въ силу просвѣщенія и увѣрялъ беневентинцевъ, что если они станутъ заниматься ботаникой, то это приведетъ къ прекращенію пьянства между ними. Чтобы еще болѣе привить управляемымъ вѣру въ науку, губернаторъ публично въ торжественной обстановкѣ велѣлъ привить себѣ оспу—опытъ, на которой въ то время могли рѣшиться немногіе.

Но, распространяя просвѣщеніе ради поднятія нравовъ, Беръ не забывалъ и практическихъ цѣлей, которыя долженъ былъ осуществлять его лицей. Ему нужны были чиновники и администраторы, которыхъ взять было рѣшительно не откуда: кругомъ были или паписты, или якобинцы, плуты или глупцы. Съ начальникомъ полиціи у губернатора произошла настоящая война и, донося Талейрану о сверженіи своего врага, Беръ пишетъ: «Это было въ миниатюрѣ 18 Брюмера».

Законодательство также подверглось ломкѣ, и вмѣсто прежнихъ законовъ церковной области былъ введенъ съ нѣкоторыми измѣненіями кодексъ Наполеона. Въ области уголовного права все осталось, впрочемъ, попрежнему, и тѣлесныя наказанія попрежнему казались лучшимъ средствомъ исправленія преступниковъ, хотя и въ эту область Беръ пытался внести начала, провозглашенныя вѣкомъ просвѣщенія.

Однако всѣ эти мѣры упорядоченія внутренней жизни Талейранова государства имѣли самыя неожиданныя послѣдствія: разбойничество въ окрестностяхъ Беневенто и Неаполя процвѣтало, какъ никогда, и французскому археологу или, какъ тогда выражались, антиквару Миллэжу, вздумавшему было пріѣхать изъ Казерты въ Беневенто для осмотра мѣстныхъ древностей, пришлось

вернуться назад: на дорогѣ господствовали двѣ огромныя шайки разбойниковъ, составившіяся изъ дезертировъ одного изъ неаполитанскихъ полковъ.

Модернизация бывшаго папскаго владѣнія, предпринятая Беромъ, постоянно натыкалась на противодѣйствіе папскаго престола и на жадность самого Талейрана. Хотя Наполеонъ и писалъ о своемъ министрѣ, что онъ уже достаточно богатъ и не имѣетъ надобности обогащаться болѣе, однако, онъ жестоко въ этомъ случаѣ ошибался. Талейранъ старался извлечь изъ своего Беневенто все, что только можно. Понятно, онъ мѣшалъ реформаторскимъ планамъ Бера и требовалъ отъ него возможной экономіи въ расходахъ на содержаніе администраціи. Учтывая легендарную жадность Талейрана, его сосѣдъ Юсіфъ Бонапартъ предложилъ продать ему Беневенто, и Талейранъ принялъ было предложеніе, но въ дѣло вмѣшался Наполеонъ, запретившій эту сдѣлку.

Неаполитанское правительство также чинило Талейрану всякія препятствія и непріятности, желая его вынудить продать Беневенто. Но и на этотъ разъ Наполеонъ пришелъ на помощь своему министру и прикрикнулъ на Мюрата. Когда Бери пришлось по служебнымъ дѣламъ предпринять поѣздку въ Неаполь, министры осыпали его знаками вниманія, и сама королева заявила, что она сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы угодить г. Талейрану. Узнавъ объ этомъ, Талейранъ писалъ: «я чрезвычайно тронуть милостивымъ ко мнѣ вниманіемъ королевы». Однако, не далѣе, какъ черезъ три года, когда кто-то завелъ рѣчь на Вѣнскомъ конгрессѣ о королѣ Іоакимѣ Мюратѣ, Талейранъ, превратившійся уже въ уполномоченнаго Людовика XVIII, нисколько не смущаясь, заявилъ: «Намъ такое лицо неизвѣстно!»

Съ паденіемъ Наполеона и новымъ измѣненіемъ политической карты Европы положеніе владѣтеля Беневенто стало особенно труднымъ. Измѣнившій своему зятю Мюратъ перешелъ на сторону Австріи и съ ея помощью занялъ это маленькое княжество. Талейранъ на этомъ же Вѣнскомъ конгрессѣ твердилъ, что «въ Италіи остается искоренить еще одного только разбойника».

Въ Неаполѣ былъ возстановленъ Фердинандъ Бурбонскій, не нынче—завтра Беневенто должно было вернуться къ папѣ и епископу-разстригѣ, строчившему дипломатическія бумаги для Дантона, ставленника Барраса, Наполеоновскому министру и наконецъ уполномоченному Людовика XVIII приходилось думать лишь о томъ, какъ бы вознаградить себя за потерю своихъ владѣній. Ему удалось сорвать кое-что и съ короля Обѣихъ Сицилій, получить нѣкоторую мзду и отъ Австріи и выхлопотать себѣ пожизненную ренту отъ Святѣйшаго престола за уступку ему своихъ правъ на Беневенто.

Съ переходомъ этой территоріи въ составъ папскихъ владѣній кончилась и административная карьера Бера. Живой и безсовѣстный Талейранъ поступилъ съ нимъ въ высшей степени неблагородно, и, когда бѣдный эльзасецъ умолялъ его объ аудіенціи, не нашелъ даже нужнымъ принять этого преданнаго ему человѣка. Оскорбленный и опечаленный, Беръ уѣхалъ къ с бѣ на родину въ г. Рабовилль, гдѣ вскорѣ и покончилъ свои печальные дни.

— Э п и з о д ъ и з ъ о с а д ы М о б е ж а.—По случаю обратнаго взятія французами крѣпости Мобежа извѣстный критикъ Артуръ Шюке напоминаетъ въ *Revue Hebdomadaire* одинъ интересный эпизодъ изъ осады этого

города австрійцами въ 1793 г. Пруссаки и австрійцы, шедшіе на помощь сверженному Людовику XVI, вытѣснили въ этомъ году французскія республиканскія войска изъ предѣловъ Бельгіи и осадили Валансьенъ, Мобежъ и Дюнкирхенъ. Генераль Ушаръ смѣлымъ ударомъ выручилъ Дюнкирхенъ, но Мобежъ оставался обложеннымъ принцемъ Кобургскимъ. 16 октября преемникъ Умара, генераль Журданъ, побуждаемый Лазаремъ Карно, разбилъ Кобурга и освободилъ едва державшуюся крѣпость.

Комендантомъ Мобежа во время этой осады былъ генераль Ферранъ. Какъ онъ, такъ и его ближайшіе помощники не проявили ни особой храбрости, ни особыхъ военныхъ дарованій и допустили австрійцевъ соорудить вокругъ города огромныя осадныя работы. Распоряжались въ крѣпости, впрочемъ, не они, а два члена Конвента, посланные въ Мобежъ наблюдать за военными властями: нѣкій Баръ и другая тогдашняя знаменитость, бывший почтмейстеръ Друэ, тотъ самый, который задержалъ королевскую семью въ Вареннѣ во время неудачнаго ея бѣгства изъ Парижа, и котораго баронъ Бенуа еще въ 1816 г. называлъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Францію послѣ революціи. Друэ имѣлъ довольно представительную наружность, которую портили большой носъ и изрытое оспой лицо. Щеголялъ онъ всегда въ зеленомъ камзолѣ и по обычаю, свойственному людямъ, попавшимъ изъ грязи въ князи, обращался со всѣми свысока и повелительно, считая себя знатокомъ всякихъ вопросовъ, которые ему приходилось разрѣшать.

Видя, что крѣпость находится въ отчаянномъ положеніи, и съѣстныхъ припасовъ хватить для осажденныхъ всего на нѣсколько дней, Друэ задумалъ бѣжать. Онъ зналъ, что, если крѣпость капитулируетъ и онъ попадется въ плѣнъ, то пощады ему не будетъ. Австрійцамъ было извѣстно, что именно онъ настоялъ на томъ, чтобы король былъ разлученъ въ тюрьмѣ съ своей семьей, а потомъ подалъ свой голосъ за его казнь.

Но поднять вопросъ о бѣгствѣ было въ высшей степени неудобно для члена Конвента, который долженъ былъ подавать собою примѣръ стойкости. Вотъ почему Друэ былъ чрезвычайно обрадованъ, когда къ нему явился нѣкій подполковникъ Пентвилль и изложилъ ему свой проектъ вылазки, которая дастъ возможность пробиться изъ Мобежа и сообщить Журдану объ отчаянномъ положеніи крѣпости. Этотъ Пентвилль, повидимому пользовался, не совѣмъ хорошей репутацией игрока и развратника, но отличался храбростью и опытностью въ военномъ дѣлѣ. Онъ просилъ дать ему всего на всего 50 человекъ, но рѣшительныхъ и сильныхъ.

Друэ тотчасъ же заявилъ, что онъ желаетъ самъ стать во главѣ этого маленькаго отряда. Пентвилль, которому хотѣлось самому прославиться и хоть чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе властей, сталъ было отговаривать его отъ этого рискованнаго предпріятія, но Друэ, прикрываясь высшими военными соображеніями, оборвалъ его и приказалъ исполнять его распоряженіе безпрекословно. Онъ понималъ свое положеніе и зналъ, что если пруссаки отпустили изъ Майнца члена конвента Ребелля, а англичане, взявъ Валансьенъ, освободили другого «патріота» Котона, то австрійцы не послѣдуютъ этому примѣру и расправятся съ нимъ жестоко. Какъ нарочно, онъ не задолго передъ тѣмъ

произнесъ въ Конвентѣ одну изъ своихъ рѣчей, насыщенныхъ, по обыкновению, цвѣтами революціоннаго краснорѣчія, въ которой, между прочимъ, воскликнулъ: «Если быть революціонерами, значить быть разбойниками, то ради счастья народа, будемъ разбойниками. Объявите подозрительнымъ, что если свобода окажется въ опасности, вы будете ихъ рѣзать безъ всякаго милосердія».

Чтобы спастись отъ отвѣтственности за свои революціонные подвиги, бывшій почтмейстеръ маленькаго городка рѣшилъ бѣжать съ своего поста во что бы то ни стало. Наканунѣ бѣгства онъ, въ сопровожденіи Пентвилля и еще одного бельгійскаго офицера, хорошо знавшаго окрестности Мобежа, поднялся на колокольню и долго совѣщался тамъ со своими приближенными о томъ, въ какомъ направленіи слѣдовало двинуться ночью. Рѣшено было постараться достигъ высотъ Соръ сюръ Санбръ.

Ночь была темная и свѣжая. Пентвилль предложилъ тронуться всѣмъ вмѣстѣ, но Друэ, которому казалось, что онъ знаетъ все лучше другихъ, раздѣлилъ отрядъ на нѣсколько частей и самъ двинулся въ срединѣ этого шествія. Бѣжали шагомъ, по два въ рядъ, соблюдая величайшую осторожность и не отвѣчая на одиночные выстрѣлы непріятельскихъ часовыхъ.

Когда голова отряда добралась до австрійскаго лагеря, изъ маленькаго лѣска посыпался градъ пуль. Лошади понесли, многіе упали во рвы, нѣкоторые бросились назадъ въ Мобежъ, большинство же поскакало на проломъ.

Когда несшіяся впередъ были уже за предѣлами обстрѣла, то оказалось, что спаслось всего девятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ Пентвилль. Друэ между ними не было, и никто не зналъ, что съ нимъ произошло.

А произошло слѣдующее.

Услышавъ австрійскіе выстрѣлы, Друэ поскакалъ было карьеромъ, но тутъ же упалъ въ какую-то яму. Выбравшись оттуда, онъ вскочилъ было на лошадь какого-то гусара и вмѣстѣ съ нимъ помчался дальше. Но и эта лошадь вмѣстѣ со своимъ всадникомъ упала въ яму, и подоспѣвшіе австрійцы схватили обоихъ плѣнниковъ.

Друэ отвели къ капитану венгерской кавалеріи Штаттену. Сначала членъ Конвента хотѣлъ было выдать себя за офицера, но зеленый камзолъ обличалъ его штатское званіе. Къ тому же его товарищъ по несчастью проболтался, что онъ очень важная персона, которую всѣ слушались въ городѣ. Скоро обнаружилось, что въ руки венгерцевъ попался не кто иной, какъ Друэ. Солдаты Штаттена хотѣли бы немедленно покончить съ цареубійцей, и его едва удалось отнять у разъяренныхъ венгровъ.

Между тѣмъ Пентвилль съ своими спутниками прибыли въ Парижъ. Пентвилль бросился къ одному изъ членовъ Конвента, нѣкому Дю-Буа, съ которымъ онъ познакомился на фронтѣ, и рассказалъ ему о всемъ случившемся подъ Мобежемъ. Вѣсть о плѣненіи Друэ быстро распространилась по Парижу. Военные круги встрѣтили это извѣстіе безъ особой горечи. «Друэ былъ вооруженъ съ головы до ногъ, писалъ черезъ нѣсколько дней тогдашній военный министръ Генцъ. Почему же онъ не сопротивлялся? Почему онъ не пустилъ себя пулю въ голову?»

Героизмъ дня сдѣлался не Друэ, а Пентвилль. Его быстро сдѣлали бригаднымъ генераломъ, но члены Конвента, желая сдѣлать кого-нибудь козлищемъ отпущенія за Друэ, обвинили его въ предательствѣ. Пентвилль и нѣкоторые другіе его спутники были арестованы, брошены въ тюрьму, гдѣ просидѣли нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, за отсутствіемъ въ ихъ дѣйствіяхъ состава какого-либо преступленія, выпущены на свободу.

Между тѣмъ Друэ, захваченный австрійцами, былъ отправленъ въ Брюссель. Тамъ его заковали въ цѣпи и посадили въ тюрьму, гдѣ на него приходили смотрѣть, какъ на заморскаго звѣря. Былъ у него между прочимъ и Ферзень, вѣрный рыцарь Маріи Антуанеты, правившій подъ видомъ кучера королевскимъ экипажемъ въ тотъ злосчастный день, когда бывшій драгунъ Друэ узналъ въ Вареннѣ короля и задержалъ экипажъ. Къ чести Друэ надо сказать, что на допросѣ, который велся знатокомъ всякихъ хитростей и ухищреній, самимъ Меттернихомъ, онъ не выдалъ военныхъ секретовъ французской арміи и отказался отвѣчать на вопросы о положеніи Мобежа. За то онъ много рассказывалъ о Вареннскомъ событіи и о Конвентѣ, заявляя, что самымъ вліятельнымъ его членомъ, въ рукахъ котораго находятся всѣ важнѣйшія комиссіи, является Барреръ.

Изъ Бельгіи Друэ перевели въ Австрію и заключили въ тюрьму въ Шпильбергѣ. Заключение это, вопреки ожиданіемъ, было, однако, не слишкомъ продолжительно, и Друэ былъ освобожденъ въ обмѣнъ на кого-то изъ австрійскихъ военнопленныхъ.

Дальнѣйшая карьера бывшаго Вареннскаго почтмейстера была довольно спокойна. Наполеонъ далъ этой знаменитости мѣсто помощника префекта въ Сентъ-Менегу. Во время ста дней онъ явился въ палатѣ депутатовъ представителемъ отъ департамента Марны. Съ паденіемъ Наполеона этотъ ловкій чловѣкъ сумѣлъ устроиться и при Бурбонахъ и ускользнулъ отъ преслѣдованій полиціи, скрывшись подъ именемъ нѣкоего жителя Льежа, бельгіяца Меергассе, бумаги котораго попали ему въ руки. Умеръ онъ въ 1824 году въ Маковѣ, гдѣ держалъ водочный заводъ.

— Великая Среда въ коптскомъ монастырѣ. — Въ апрѣльской книжкѣ «Le Correspondant» французскій художникъ-археологъ Ипполитъ Буссакъ описываетъ свое посѣщеніе одного изъ старинныхъ коптскихъ монастырей въ Египтѣ въ Великую Среду. Затерянный среди песчаной пустыни къ юго-западу отъ древняго города Фивъ, монастырь этотъ, во имя св. Теодора, представляетъ большой интересъ для европейскаго наблюдателя.

Добраться до него было не такъ-то легко. Ѣхать надо было на ослѣ, по узкой тропинкѣ, усѣянной ямами и рытвинами, образовавшимися отъ дождей. Направо отъ Нила желтѣла безбрежная песчаная пустыня, налѣво виднѣлись воздѣланныя поля бобовъ и чечевицы. Монастырь чуть маячилъ вдали неопредѣленнымъ сѣрымъ пятномъ, къ которому съ разныхъ сторонъ тянулись вереницы верблюдовъ.

По мѣрѣ приближенія къ коптской святынѣ вырисовывалось мало-по-малу большое прямоугольное зданіе изъ сѣраго нильскаго камня, строгое и вмѣстѣ съ тѣмъ величавое, какъ сама евангельская простота.

Около монастыря бойко кипѣла жизнь. Прїѣзжіе купцы, раскинувъ импровизованныя палатки, устроили здѣсь настоящую ярмарку. Кругомъ стѣнъ группами сидѣли богомольцы, стараясь укрыться отъ жгучаго африканскаго солнца подъ тѣнью какой-нибудь яркой тряпки.

Внутренность церкви была вся залита солнцемъ, лучи котораго съ трудомъ пробивались сквозь густыя облака кадилаго дыма. Купола ея поддерживались массивными колонами, на верху видѣлась особая галлерея для женщинъ.

Особенностью коптскаго богослуженія является общее участіе въ пѣніи всѣхъ молящихся. Священникъ служитъ только, такъ сказать, руководителемъ при богослуженіи, чтеніе же и пѣснопѣнія исполняются самими вѣрующими.

Между коптами сохранился обычай, въ воспоминаніе о пришествіи къ городу женъ-мироносицъ, посѣщать въ Великую Среду могилы умершихъ родичей. Кладбище находится здѣсь же при монастырѣ, но на немъ нѣтъ ни крестовъ, ни надгробныхъ возвышеній. Оно плоско, какъ поле, и, не зная о близости, трудно догадаться даже о его существованіи.

Прежде чѣмъ войти въ церковь, женщины уже побывали на могилахъ. Съ самаго разсвѣта богомольцы ничего не ѣли, и послѣ богослуженія имъ было разрѣшено вкушать пищу.

Картина моментально измѣнилась: во всѣхъ уголкахъ обширной, просто убранной церкви образовались живописныя группы. Присѣвъ на корточки, люди жадно набрасывались на свое единственное блюдо—бобы. Поднялись разговоры, споры, и церковь стала похожа на какую-то восточную базарную площадь.

Но среди этой пестрой, смуглой толпы мелькали иногда фигуры въ бѣлыхъ античныхъ туникахъ, отъ которыхъ такъ и вѣяло другимъ, давно отжившимъ міремъ, временами Византіи и древняго христіанства.

Съ разрѣшенія священника, французскій художникъ поднимался на галлерею для женщинъ. Сидя на циновкахъ, онъ также подкрѣпляли свои силы бобами. Снявъ съ себя длинныя черныя покрывала, онъ остался въ своихъ живописныхъ костюмахъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ. Черные съ отливомъ волосы прикрыты у большинства серебряными сѣтками. Смуглыя, съ большими черными глазами, надъ которыми дугой выгибаются густыя брови, съ ослѣпительными зубами, эти правнучки древнихъ египтянокъ наслѣдовали отъ своихъ предковъ и черты лица, и удивительное благородство манеръ.

Священникъ очень охотно показалъ художнику монастырскую ризницу, гдѣ среди церковныхъ одѣяній и пеленъ нашлись рѣдкіе по красотѣ образчики. Большинство вещей стариннаго происхожденія, вдвойнѣ интересныя для художника-археолога.

Египетская церковь—одна изъ самыхъ древнихъ христіанскихъ общинъ, и въ ней еще сохраняются обычаи ранняго христіанства. Такъ, рядомъ съ духовенствомъ въ ней играетъ большую роль могильщикъ (fossor). Въ древніе вѣка гоненій могильщикъ подвергался такой же опасности отъ язычниковъ, какъ самъ епископъ. При общинѣ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ регистратора. На его же обязанности лежало собирать окровавленные остатки замученныхъ или растерзанныхъ христіанъ, одѣвать ихъ въ саванъ и предавать землѣ, отмѣчая мѣста

ихъ погребенія. Словомъ, могильщикъ былъ важнымъ и необходимымъ членомъ ранней христіанской общины, какимъ онъ остается и до сихъ пору у коптовъ.

Египетская церковь вытерпѣла за свое существованіе много гоненій. Послѣ гоненія Діоклетіана, который свирѣпствовалъ въ Египтѣ съ особенной силой, копты подверглись угнетеніямъ со стороны византійскихъ императоровъ. Покореніе востока магометанами дало имъ наконецъ спокойствіе. Калифъ Амру предоставилъ было завоеваннымъ народамъ полную свободу вѣроисповѣданія, Но это спокойствіе продолжалось не долго. Окруженные фанатическимъ мусульманскимъ населеніемъ, копты опять стали подвергаться всяческимъ обидамъ и притѣсненіямъ. Такъ, въ отличіе отъ правовѣрныхъ, имъ было предписано носить не бѣлый, а черный тюрбанъ, — головной уборъ, до сихъ поръ сохранившійся у коптскаго духовенства. Коптовъ избивали и жгли цѣлыми тысячами, церкви ихъ предавались огню и разрушенію, и несмотря на всѣ эти тысячеклѣтнія мученія, копты до сего времени остаются вѣрными своему просвѣтителю, евангелисту Марку.

— Изъ біографіи подлиннаго Донъ-Жуана.— Если кому-нибудь изъ читателей придется побывать въ Севильѣ, то стоитъ обратить вниманіе на памятникъ, воздвигнутый тамъ въ честь нѣкоего Мигеля Маньяра Винченело де Лека, челоуѣка, давшего своею жизнью обильный матерьялъ для постепеннаго образованія литературнаго типа Донъ-Жуана, или, по-испанскому произношенію, — Донъ-Хуана.

При дальнѣйшемъ пребываніи въ этомъ раѣ южной Испаніи туристъ узнаетъ вещь еще болѣе странную: среди испанцевъ давно уже идутъ толки и хлопоты о причтеніи Мигеля Маньяра къ лику святыхъ. Хлопоты эти начались еще два съ половиной столѣтія тому назадъ, и въ Парижской Національной Библиотекѣ, въ числѣ бумагъ, вывезенныхъ Наполеономъ изъ Ватиканскихъ архивовъ, хранится любопытное дѣло въ двухъ большихъ томахъ, содержащее опросъ свидѣтелей о чудесахъ, творимыхъ останками Мигеля Маньяры, и вообще всѣ матеріалы, которые бывають необходимы при канонизаціи.

Какъ согласить двѣ такія крайности, какъ прототивъ развратника и убійцы и кандидата въ католическіе святцы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ статья извѣстнаго итальянскаго историка Цезаря Рокки, помѣщенная въ «*Measure de France*».

Цезарь Рокка уже давно занимается біографическими разысканіями своего героя. Отъ установилъ, что Мигель Маньяра былъ собственно корсиканскаго происхожденія, а не чистый испанецъ. Это открытіе, опубликованное лѣтъ двадцать тому назадъ въ журналѣ «*Le Journal*», вызвало въ Испаніи цѣлую бурю негодованія: множество испанскихъ грандовъ, считающихъ себя потомками знаменитаго Донъ-Хуана, хотя и не законными, возмущались тѣмъ, что ихъ предокъ былъ не испанскій грандъ, а авантюристъ—выходецъ съ острова Корсики.

Чтобы разъ навсегда покончить съ такого рода полемикой, Цезарь Рокка вновь произвелъ обширныя изысканія какъ въ старинной литературѣ, такъ и въ рукописныхъ источникахъ, хранящихся по разнымъ архивамъ и библиотекамъ, и въ результатъ получилъ любопытную біографію героя, съ котораго вѣд-

ствіи поэты всѣхъ странъ списывали своего Донъ-Жуана, каждый, конечно, по своему.

Мигель Маньяра родился въ 1626 г. въ Севильѣ. Его родители Томазо Маньяра и Джеронима Анфріано были пришельцами въ городъ и переселились сюда изъ Корсики очень недавно. Дядя будущаго Донъ-Хуана, родной братъ Томазо, не пожелалъ послѣдовать за ними и остался на родномъ островѣ.

Корсика XVII вѣка была страной довольно дикой. Бѣдная, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, безпрестанно угнетаемая то генуэзцами, то арабами, страна стала мрачнымъ убѣжищемъ монаховъ и разбойниковъ. Бородатые, запущеннаго вида мужчины, женщины, вѣчно закутанныя въ траурныя, черныя одѣянія, однѣ эти фигуры свидѣтельствовали о значительномъ одичаніи страны. Въ бесплодныхъ и выжженныхъ солнцемъ горахъ царило вѣчное унылое молчаніе, прерывавшееся лишь громкимъ ревомъ набатной трубы, возвѣщавшей нападеніе на островъ какихъ-нибудь корсаровъ, своихъ или арабскихъ.

Одной изъ главныхъ родовитыхъ фамилій на этомъ печальномъ островѣ была семья графовъ Чинарки. Эти Чинарки до 1500 года царили на островѣ почти неограниченно и безъ всякихъ соперниковъ, принимая по временамъ даже титулъ графовъ всей Корсики. Это была замкнутая семья, члены которой женились только на тѣхъ женщинахъ, которыя сами принадлежали къ ихъ роду, выбирая при этомъ такую невѣсту, у которой было много братьевъ и родственниковъ. Въ тѣ времена господства грубой физической силы такіе родственные отряды цѣнились болѣе всего: они могли составить и ядро партіи, и банду тѣлохранителей своего старшаго родственника.

Рядомъ съ законными женами въ этой разросшейся семьѣ существовалъ традиціонный обычай имѣть одну или нѣсколькихъ незаконныхъ сожительницъ. Обычай этотъ не покровлялъ рѣшительно никого, ибо цѣль его была создать около себя возможно большее потомство. А можетъ быть въ немъ сказывался и примѣръ сосѣдняго арабскаго населенія съ его многоженствомъ.

Нравы, конечно, были самые дикіе. Убить человѣка, въ особенности врага, доставляло огромное удовольствіе, и не одинъ корсиканецъ возносилъ Богу горячіе молитвы, чтобы Тотъ помогъ ему встрѣтить его врага и убить его! «Трупъ врага лучше, чѣмъ его благословеніе», заявилъ одинъ изъ предковъ будущаго Донъ-Хуана, дорѣзывая нѣкоего монаха, вздумавшаго было откупиться отъ него индульгенціями.

Вотъ какіе нравы и понятія нѣсли съ собой многочисленныя сородичи де Лeko, разсѣивавшіеся съ Корсики по всей Европѣ! Въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ ихъ вездѣ, гдѣ только идетъ драка: во Франціи, въ Испаніи, въ Италіи и даже въ Валахіи, гдѣ одинъ изъ нихъ, бывший сначала кондотьеромъ на службѣ у венеціанцевъ, превратился впослѣдствіи въ Лeko-агу и графа священной Римской имперіи.

Самымъ знаменитымъ изъ этихъ выходцевъ оказался нѣкій Джованни Антонио Винтичелло—солдатъ-авантюристъ и крупный негодяецъ въ одно и то же время. Переселившись въ Испанію, онъ въ потокѣ всякихъ искателей приключеній былъ перенесенъ въ недавно открытый Новый Свѣтъ, нажилъ въ Перу огромныя деньги и, вернувшись въ Европу, завелъ на Корсикѣ дешевые дом-

барды, отдалъ свой домъ подъ монастырь, а въ своей новой резиденціи въ Севильѣ построилъ для себя великолѣпный дворецъ и зажилъ маленькимъ царькомъ. Его дочь вышла впоследствии замужъ за принца Браганцкаго дома, Георгія Альберта, приходившагося правнукомъ Христофору Колумбу.

Этотъ Джіовани Антоніо былъ однимъ изъ предковъ Мигеля, которому досталось по наслѣдству его огромное состояніе.

Страшный богачъ и неотразимый красавецъ, Мигель былъ воспитанъ матерью въ религіозно-патріархальномъ духѣ. Но корсиканская страстность, корсиканскіе нравы, вѣками передававшіеся отъ отца къ сыну, быстро взяли въ немъ верхъ на почвѣ роскошной, соблазнительной Севильи. Трудно себѣ представить болѣе рѣзкую противоположность Корсикѣ, чѣмъ этотъ прелестный уголокъ испанскаго юга. Тутъ ужъ звучали не одни похоронные напѣвы, какъ въ Корсикѣ, а и пѣсни любви, довольства жизнью. Женщины здѣсь красивы, обжигаютъ взглядомъ и нерѣдко обгагриваютъ свои руки въ крови тѣхъ, кто измѣнилъ ихъ любви. Словомъ, трудно подобрать обстановку, въ которой сладострастная полудикая натура могла бы развернуться шире, чѣмъ здѣсь.

Не успѣлъ Мигель выйти изъ юношескаго возраста, какъ случилось происшествіе, взволновавшее всю корсиканскую колонію. Одинъ отецъ, захватившій Мигеля у своей дочери, былъ имъ убитъ. Это происшествіе вызвало, впрочемъ, въ этихъ людяхъ не осужденіе соблазнителя, а общее сожалѣніе по поводу приключившагося съ нимъ «несчастья». Мигель долженъ былъ бѣжать изъ Севильи. Онъ побывалъ въ Италіи, въ Германіи, геройски дрался во Франціи, но солдатская среда съ ея своеволіемъ и грубостью не нравилась ему. Вотъ почему, какъ только его роднымъ удалось замаять въ Севильѣ дѣло объ убійствѣ, онъ вернулся туда и опять сталъ вести себя такимъ образомъ, что современники положительно считали его во власти дьявола. По городу ходилъ разсказъ о томъ, какъ Мигель, разгоряченный виномъ, прогуливался однажды по лѣвому берегу Гвадалквивира и, встрѣтивъ человѣка, шедшаго ему навстрѣчу по правому берегу, потребовалъ у того огня, чтобы закурить сигару. Тотъ вытянулъ руку, и рука оказалась такой длины, что Мигель могъ закурить черезъ Гвадалквивиръ. Оказалось, что Мигелю встрѣтился самъ дьяволъ.

Но встрѣча съ нечистой силой не образумила знаменитаго соблазнителя, и онъ попрежнему продолжалъ свои похождения, развращая женщинъ и убивая мужчинъ, которые становились ему на дорогѣ. Всѣ эти въ высшей степени опасныя похождения сходили ему съ такой безнаказанностью, что составитель біографіи этой мѣстной знаменитости, напечатанной въ Севильѣ въ 1680 году, утверждаетъ, что Богъ нарочно хранилъ этого отчаяннаго грѣшника, чтобы дать ему впоследствии возможность исправиться.

Исправленіе это началось съ его женитьбой. Мигель женился тридцати лѣтъ отъ роду и сталъ рабомъ своей жены. И вотъ въ то самое время, когда онъ нашелъ женщину, сумѣвшую прочно привязать къ себѣ это непостоянное сердце, она неожиданно умираетъ. Донъ Мигель едва не сошелъ съ ума отъ горя. Онъ бросился въ горы Сьерры Невады и забился тамъ въ келью какого-то кармелитскаго монастыря. Долго жилъ онъ здѣсь среди скалистыхъ и бесплодныхъ горъ, пока не улеглось его горе. Но затѣмъ, когда онъ вернулся въ Севилью, его разсудокъ,

кажется, не справился съ постигшимъ его ударомъ, и съ нимъ начались, судя по біографіи, галлюцинаціи. Такъ рассказывали, что однажды онъ встрѣтилъ во время прогулки похоронную процессію и освѣдомился о томъ, кого это хоронятъ. «Дона Мигеля Маньяру», отвѣчали одинъ за другимъ трое провожавшихъ гробъ. Это произвело на великаго грѣшника столь потрясающее впечатлѣніе, что онъ упалъ замертво.

Съ этого момента этотъ еще не старый человѣкъ совершенно перерождается. Онъ всецѣло посвящаетъ себя дѣламъ благотворенія, возстановляетъ приходскую въ разрушеніе церковь Милосердія и сооружаетъ большую больницу для бѣдныхъ. Вскорѣ онъ покидаетъ свой роскошный дворецъ и присоединяется къ толпѣ бѣдняковъ, чтобы жить ихъ радостями и дѣлать съ ними горе. Послѣ смерти онъ завѣщаетъ раздать бѣднымъ огромную по тогдашнему времени сумму въ пятьдесятъ тысячъ дукатовъ и дѣлаетъ распоряженіе, чтобы его гробъ несли нищіе. На его могилѣ сдѣлана эпитафія, имъ самимъ составленная: «Здѣсь покоятся кости и прахъ самаго худшаго человѣка въ мірѣ. Молитесь за него».

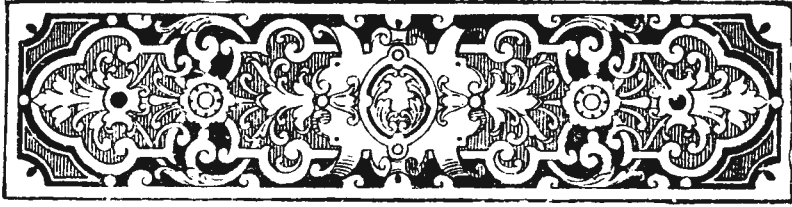
Послѣ Мигеля Маньяры не осталось мужского потомства, по крайней мѣрѣ, законнаго потомства. Но легенда, до сихъ поръ живущая въ Андалузіи, гласитъ, что Господь не пожелалъ истребить память объ этомъ благочестивомъ человѣкѣ, и розовый кустъ, который Мигель собственноручно посадилъ въ 1674 году, до сихъ поръ продолжаетъ каждую весну покрываться великолѣпными розами.

Такова историческая фигура человѣка, послужившаго источникомъ легенды о Донъ-Жуанѣ. Что касается этого имени, то оно, кажется, соединилось съ нимъ случайно. Легенда рассказываетъ, что въ поискахъ приключеній Маньяра забрался однажды на родину своихъ предковъ на Корсику и здѣсь соблазнилъ одну изъ своихъ родственницъ, убивъ при этомъ ея стараго отца, вздумавшаго было защищать честь дочери. Дѣло принимало очень опасный оборотъ, жители города, гдѣ случилось это происшествіе, возстали противъ соблазнителя, который спасся отъ ихъ ярости и мести только благодаря быстротѣ своей лошади. Въ народной памяти этотъ фактъ, повидимому, связался съ другимъ дѣйствительно случившимся въ 1421 году.

Корсиканскія лѣтописи XV вѣка повѣствуютъ, что въ корсиканскомъ городѣ Кальви въ этотъ годъ произошло возстаніе противъ испанцевъ, занимавшихъ въ то время городъ, которые были принуждены бѣжать, причемъ командиру испанскаго отряда Дону-Хуану де Линону едва удалось спастись отъ ярости возставшихъ.

Легенда спутала оба эти факта и имя начальника испанскаго отряда пристегнула къ другому испанцу, Мигелю Маньярѣ, котораго корсиканскіе мужья XVII вѣка имѣли основаніе ненавидѣть не менѣе, чѣмъ ихъ предки—испанскаго военачальника.

С М Ъ С Ъ.

ИЗБЕЛЬ ПАМЯТНИКОВЪ. Истребленіе памятниковъ «царизма», о которомъ уже говорилось въ майско-іюньской книжкѣ журнала, продолжается, можно сказать, съ «неослабѣвающей энергіею». Вотъ, непретендующій на полноту, перечень новыхъ недавнихъ разрушеній, совершенныхъ «революціоннымъ народомъ». Въ маѣ делегация одесскаго гарнизона, отправившаяся въ Кишиневъ, для наведенія тамъ революціоннаго порядка, начала здѣсь свою дѣятельность съ уничтоженія всѣхъ памятниковъ стараго строя. Въ числѣ ихъ оказались уничтоженными нѣсколько старинныхъ портретовъ Екатерины II и ея сподвижниковъ. Въ самой Одессѣ памятникъ Екатерины II долженъ былъ подвергнуться нѣкоторой цензурѣ. У ногъ изваянія помѣщены статуи четырехъ сподвижниковъ императрицы: Потемкина, Зубова, де-Рибаса и де-Воллана. Первый признается достойнымъ о ставаться въ виду одесситовъ, какъ устроитель завоеванныхъ Россіей областей. Остальные предполагалось снять и запрятать въ какое-нибудь укромное мѣсто. Какой видъ будетъ памятника, когда его обкарнаютъ одесскіе цензора, можно себѣ представить. Въ Екатеринбургѣ вмѣстѣ съ Екатериною II былъ истребленъ и Петръ I. Въ Таганрогѣ 12 мая, въ 12 часу ночи, группа неизвѣстныхъ, собравъ возлѣ памятника Петра I толпу, призывала ее къ сверженію памятника, но, къ счастью, это подстрекательство не имѣло успѣха и подстрекатели успѣли скрыться. На ряду съ Екатерининскими очень усердно уничтожали также и памятники Александру II. Такъ въ Аккерманѣ въ апрѣлѣ двое вооруженныхъ изъ мѣстной тюрьмы амнистированныхъ преступниковъ разрушили памятникъ этому государю. Въ Корсунѣ, Симбирской губерніи, разрушеніемъ уже занялись не амнистированные преступники, а толпа солдатъ

и горожанъ. Здѣсь ораторы изъ толпы, указывая на памятникъ, говорили: «Ты далъ свободу, но сорвалъ за землю миллионы». Предложеніе разрушить памятникъ было поддержано толпой—и онъ былъ разрушенъ. Памятникъ этотъ былъ сооруженъ на крестьянскія средства въ воспоминаніе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По словамъ «Царицынскаго Вѣстника», въ селѣ Житкурѣ, царицынскаго уѣзда, крестьяне съ ибнѣемъ марсельезы тоже снесли памятникъ Александру II. Пьедесталъ памятника рѣшено использовать какъ трибуну для ораторовъ. Во Владимірѣ губернскомъ чернь, разрушивъ памятникъ Александру II, не удовольствовалась этимъ подвигомъ, а направилась еще на Пушкинскій бульваръ—къ памятнику великаго поэта, А. С. Пушкина, и обезглавила его. Въ Харьковѣ также учинили расправу надъ памятью Александра II. Здѣсь на сѣздѣ украинцевъ кто-то предложилъ убрать изъ зала бюстъ этого государя.—«Геть отсюда»,—кричали депутаты и аплодировали предложенію: «Геть! Онъ снялъ одну кабалу и далъ другую». Предсѣдатель намѣревался поставить вопросъ на голосованіе, но раздались протесты: «Нечего торчать здѣсь этъй идіотскій физіонміи. Просто убрать безъ голосованія». Предсѣдатель дѣлаетъ распоряженіе убрать бюстъ, и засѣданіе возобновляется. Въ Саламатинѣ, Камышинскаго уѣзда, крестьяне, во имя «окончательнаго торжества свободы», молотками разбили въ куски стоявшій на мѣстной площади памятникъ Александру II. Подвигъ этотъ, впрочемъ, не заслужилъ всеобщаго одобренія. Сосѣди саламатинцевъ, костаревцы, даже рѣшительно осудили его. Недовольные, они не пожелали оставаться въ одной волости съ саламатинскими вандалами, рѣшили образовать особую самостоятельную волость—и потребовали, чтобы имъ была возмѣщена ихъ доля расхода на памятникъ, въ разбитіи котораго они совсѣмъ не участвовали. Въ Феодосіи, въ Крыму, въ іюлѣ разрушенъ замѣчательный въ художественномъ отношеніи мѣстный памятникъ Александру III. Группа русскихъ матросовъ съ проходившаго румынскаго крейсера «Императоръ Траянъ» устроила у этого памятника летучій митингъ, на которомъ была вынесена резолюція: немедленно снести монументъ. Въ виду разъясненія предсѣдателя совѣта с. и р. депутатовъ о состоявшемся уже такомъ постановленіи, матросы, съ согласія митинга, ограничились тѣмъ, что замазали на памятникѣ надписи: «Благодарная Феодосія» и «сооруженъ въ благополучное царствованіе Николая II». Во избѣжаніе эксцессовъ, совѣтъ постановилъ немедленно приступить къ снесенію фигуры памятника. И приговоръ этотъ уже исполненъ—царскій памятникъ на берегу Чернаго моря погибъ.

Увѣковѣченіе имени А. Ф. Керенскаго. На ряду съ истребленіемъ памятниковъ царямъ—мѣстами у насъ наблюдаются попытки прославленія современныхъ «героевъ революціи», борцовъ съ самодержавіемъ. Въ этомъ отношеніи больше всего, кажется, посчастливилось молодому А. Ф. Керенскому. Такъ, культурно-просвѣтительное общество при 170 пѣхотной дивизіи, приступая къ постройкѣ солдатскаго дома въ районѣ расположенія дивизіи, обратилось къ военному и морскому министру съ просьбой наименовать домъ «Солдатскій домъ 170-й дивизіи имени А. Ф. Керенскаго. Служащіе ст. Шухтаново, Сѣверо-Донец. ж. д., обратились къ министру путей сообщенія съ ходатайствомъ о пере-

именованіи стаціи въ «Керенскую». Большіе портреты Керенскаго украшаютъ витрины, продаются на Невскомъ. Впрочемъ, «революціонный народъ» нигдѣ никогда не отличался ни единодушiемъ, ни устойчивостью въ своихъ симпатiяхъ и приговорахъ. Одни славятъ, другіе въ то же время протестуютъ, порой даже очень рѣзко. Такъ это случилось и съ А. Ф. Керенскимъ. Въ Кутаисѣ, напримеръ, толпа, разгромивъ помѣщеніе совѣта рабочихъ депутатовъ социаль-федералистовъ, порвала знамена революціи и портреты Керенскаго. Въ кровавые дни іюльской революціи въ Петроградѣ носили плакатъ съ надписью: «Первая пуля Керенскому», и т. д. Ничто не ново, но и ничто не прочно подлунною.

Упорядоченіе могилы Т. Г. Шевченко. Кіевская губернская земская управа, какъ сообщаетъ «Кіевлянинъ» (№ 145), заслушавъ заявленіе С. К. Бондарчука о томъ, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время могила «тѣвца Украины» Т. Г. Шевченко, постановила взять на себя починъ въ дѣлѣ сбора средствъ на упорядоченіе могилы поэта и обратиться по этому поводу ко всѣмъ земствамъ Украины. При этомъ губернская управа, не дожидаясь поступленія отвѣтовъ на свой призывъ, произвела позаимствованіе изъ земскихъ средствъ 15.000 руб., изъ которыхъ 14.000 рубъ уже переведены въ распоряженіе каневской уѣздной земской управы для пріобрѣтенія пристани, ведущей къ могилѣ поэта и приведенія въ порядокъ самой могилы. О своемъ постановленіи кіевская губернская земская управа увѣдомила подольскую, волынскую, черниговскую, полтавскую, харьковскую и курскую губернскія земскія управы, прося одновременно принять участіе въ произведенномъ расходѣ. Пріобрѣтенная пристань представляетъ изъ себя «пристань-дачу» въ 25 комнатъ, которая предположенѣ приспособить подъ гостиницу для туристовъ.

Конкурсъ имени А. Н. Островскаго. На конкурсъ союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей имени А. Н. Островскаго было представлено 116 пьесъ. Обычно рѣшеніе жюри дѣлалось извѣстнымъ въ концѣ декабря, нынѣ оно затянулось, въ виду различныхъ связанныхъ съ войной обстоятельствъ, до мая. Въ концѣ-концовъ, ни одна изъ представленныхъ пьесъ не оказалась удовлетворяющей требованіямъ литературнымъ и сценическимъ и денежной преміи не удостоилась. Но все же жюри отмѣтило нѣсколько пьесъ, обладающихъ извѣстными художественными достоинствами. Въ томъ числѣ: «Молчаніе звѣря», «Тигръ», «Рыцарь Гонтронъ», «Торжество добродѣтели», «Зарево на утесѣ», «Лицо жизни» и двѣ пьесы безъ названія подъ девизами «666—число имени» и «Нельзя оставаться спокойнымъ, пока есть на свѣтѣ хоть одинъ страдающій человекъ». Первая изъ этихъ пьесъ—«Молчаніе звѣря» принадлежитъ драматургу С. А. Шиманскому, пьеса котораго «Кровь» удостоилась полной преміи на конкурсѣ имени А. Н. Островскаго въ позапрошломъ году.

Статуя свободы. Изъ Стокгольма въ іюнѣ нашимъ газетамъ сообщено: Знаменитая «Статуя Свободы», подарокъ французскаго народа свободной Америкѣ, воздвигнутая въ Нью-Йоркѣ на берегу океана, будетъ въ копiи подарена американцами русскому народу въ память его освобожденія. Этотъ проектъ осуществляется теперь «Фондомъ русской свободы», во главѣ котораго стоитъ бывшій президентъ Тафтъ. Членами являются выдающіеся граждане заокеанской рес-

публики. Въ Стокгольмѣ сейчасъ находится на пути въ Россію секретарь фонда русской свободы американскій журналистъ Германъ Бернштейнъ, инициаторъ этого національнаго подарка. Детали исторіи подарка характеризуютъ отношеніе американцевъ къ новой Россіи. Бернштейнъ заявилъ объ этомъ проектѣ въ своемъ органѣ и предполагалъ осуществить его отъ имени американскихъ гражданъ-евреевъ, бывшихъ нѣкогда русскими подданными. Нью-Йоркскіе евреи откликнулись на призывъ и стали дѣлать пожертвованія. Временному правительству была послана телеграмма съ запросомъ, согласится ли оно принять отъ американскихъ евреевъ этотъ даръ въ знакъ симпатіи и восторга. Министерство иностранныхъ дѣлъ сообщило инициатору, что даръ будетъ принятъ съ благодарностью. Между тѣмъ американская печать придала этому оригинальному проекту широкую гласность. Имъ заинтересовались выдающіеся американскіе дѣятели, обратившіеся къ Бернштейну съ предложеніемъ придать проекту общенациональный американскій характеръ. Бернштейнъ охотно согласился на это. Тогда во главѣ фонда сталъ Тафтъ. Теперь во всей Америкѣ происходитъ сборъ денегъ на сооруженіе статуи и перевозку ея въ Россію.

Освященіе памятника М. М. Ковалевскаго. 14 мая, въ 12 часовъ дня, въ Александро-Невской лаврѣ состоялось освященіе памятника на могилѣ М. М. Ковалевскаго. По порученію родственника покойнаго члена Гос. Думы Е. П. Ковалевскаго скульпторомъ И. Л. Гинцбургомъ былъ вытѣпленъ бюстъ М. М., который укрѣпленъ на дикой гранитной скалѣ. Вокругъ памятника по скалѣ вьется плоть. У памятника была совершена панихида, а затѣмъ онъ былъ освященъ. У могилы собралось много друзей и учениковъ М. М. Ковалевскаго. Послѣ панихиды были произнесены рѣчи. Отъ имени петроградскаго университета говорилъ ректоръ Гриммъ, отъ общества социологіи почетный членъ общества профессоръ Карѣевъ, отъ психоневрологическаго института профессоръ Гогель. Кромѣ того произнесли рѣчи А. Ф. Кони, охарактеризовавшій М. М., какъ члена законодательной палаты, А. С. Посниковъ, — какъ экономиста, Е. П. Ковалевскій, учредительница народнаго дома въ Харьковѣ Е. В. Пономарева, передавшая привѣтъ отъ земляковъ М. М., и ораторъ, говорившій отъ имени еврейскаго народа.

Собраніе Толстовскаго общества. 14 мая въ помѣщеніи Толстовскаго музея состоялось годичное собраніе Толстовскаго общества. Проф. С. А. Венгеровъ, привѣтствуя первое собраніе общества въ свободной Россіи, въ небольшой, но содержательной рѣчи обрисовалъ собранію значеніе Льва Николаевича Толстого въ дѣлѣ успѣха русскаго освободительнаго движенія. Сопоставляя ученіе народниковъ съ художественной проповѣдью Л. Н. Толстого, Венгеровъ большее значеніе приписываетъ послѣдней, находя, что Л. Н. Толстой, исходя отъ идеи божества, внесъ смуту и заставилъ пересмотрѣть религіозность въ болѣе широкихъ слояхъ общества, чѣмъ то удавалось народникамъ, приверженцы которыхъ были сравнительно немногочисленны. С. А. Венгеровъ указалъ также, что мысль о земельномъ переустройствѣ, получившая окончательное оформленіе въ разработкѣ аграрнаго вопроса, и идея націонализаціи земли впервые были заложены въ обществѣ Л. Н. Толстымъ. Затѣмъ собраніемъ были заслушаны годовые отчеты о дѣятельности общества вообще, отчетъ казначея и отчетъ ревизи-

зіонной комисіи, изъ которыхъ выяснилось, что интересъ къ Толстовскому обществу и музею значительно возросъ за послѣднее время въ массахъ русскаго общества. Значительно затруднена, въ связи съ переживаемымъ моментомъ, издательская дѣятельность общества, но тѣмъ не менѣе уже приступлено къ изданію переписки Л. Н. Толстого съ В. В. Стасовымъ, а также въ ближайшее время будетъ издана извѣстная брошюра Л. Н. Толстого «Николай Палкинъ». Изданіе производится по послѣдней редакціи, произведенной великимъ писателемъ уже послѣ заграничнаго оттиска этого труда. Обществомъ предложено учредить издательскій фондъ. На собраніи былъ также поднятъ вопросъ о памятникѣ Л. Н. Толстому. Объ этомъ говорилъ скульпторъ И. Я. Гинзбургъ. Всѣ отчеты собраніемъ были утверждены; была выражена благодарность С. А. Венгерову и В. И. Срезневскому, а также было рѣшено выразить благодарность швейцару Публичной бібліотеки, г. Андрееву, художнику-самоучкѣ, который пожертвовалъ музею написанную имъ картину, изображающую Л. Н. Толстого и В. В. Стасова сидящими на диванѣ въ Публичной бібліотекѣ. Въ заключеніе въ собраніи были прочтены два еще нигдѣ не появлявшіеся разсказа Л. Н. Толстого.

Общество «Славія». Въ маѣ въ Москвѣ состоялось учредительное собраніе возродившагося Общества «Славія», поставившаго своею задачею отстаиваніе и пропаганду идеаловъ славянскихъ національныхъ социалистовъ, конечною цѣлью которыхъ является созданіе подъ главенствомъ Россіи всеславянскаго союзнаго государства. Послѣ произнесенныхъ рѣчей о ближайшей дѣятельности Общества «Славія» намѣтилась необходимость выдѣлить три комисіи, а именно 1) общеславянскаго единства; 2) національной автономіи и 3) социально-экономическихъ реформъ. Затѣмъ были произведены выборы въ Правленіе и повѣрочную комисію. Временнымъ предсѣдателемъ Правленія избранъ К. М. Евстафьевъ.

Отъ Западно-Русскаго Общества. Граждане! Русская земля переживаетъ роковые дни. Эпоха изгнанія и призванія Варяговъ на зарѣ нашей государственности, бѣдствія нашествій Батыя и Тамерлана, разруха смутнаго времени— вотъ съ чѣмъ можно сравнить ниспосланныя Русскому народу въ нынѣшнюю войну испытанія. Въ цѣпкихъ когтяхъ нѣмца половина русскаго западнаго края. Два милліона русскихъ героевъ погребены въ дебряхъ искони русскихъ Карпатъ. Два милліона чудо-богатырей легло на Мазовецкихъ поляхъ для защиты западныхъ границъ Россіи. Эти мертвые русскіе люди повелѣли намъ, живущимъ въ тылу, подняться и избавить Русь отъ внутренняго врага, безжалостно загубившаго цвѣтъ русскаго воинства, подняться въ ту минуту, когда за спиной Руѣи готовился позорный миръ. Русскій народъ обновляетъ свою землю на славянскихъ демократическихъ началахъ. Онъ властно требуетъ себѣ всей земли и всей воли. Какъ же дать ему всѣ земли, если бѣлорусскія, малорусскія, червонорусскія и угрорусскія земли находятся въ нѣмецкихъ рукахъ. Память о павшихъ въ этой войнѣ русскихъ людяхъ, страданія милліоновъ раненыхъ и истязанія военноплѣнныхъ требуютъ, чтобы миръ не былъ заключенъ, пока хотя бы пядь коренной русской земли остается подъ нѣмецкимъ игомъ. Мы не должны позволить расхищать родную русскую землю.

Не для того пращуръ, дѣды и отцы наши ее кровью и потомъ поливали, чтобы мы легкомысленно раздробили и потеряли ее, оставивъ нашимъ дѣтямъ только право на нѣмецкое ярмо. Законныя областныя стремленія бѣлоруссовъ и малороссовъ не должны заслонять въ нашемъ сознаніи національно-культурныхъ интересовъ, безъ защиты которыхъ подъ нѣмецкое иго попадутъ сначала бѣлорусы, потомъ малороссы, а затѣмъ, черезъ поколѣніе—два и великороссы. Русское единство было всегда оплотомъ всеславянскаго строительства и взаимности. Крушеніе павшаго строя родило Русскую націю, ея самостоятельныя шаги на міровой аренѣ должны быть смѣлѣе и сознательнѣе. Отказываясь отъ всякихъ захватовъ чужого, Русская нація должна собрать и сберечь тысячелѣтнее достояніе предковъ и нерушимо и цѣлокупно передать его потомству. Западно-Русское Общество, учрежденное въ Петроградѣ въ 1911 году, имѣющее своей задачей укрѣпленіе русской культуры и развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ русской народности въ Западномъ краѣ, со времени своего образованія горячо призывало русское общество въ этомъ краѣ къ самодѣятельности, живой творческой общественной работѣ, сознавая, что однѣми мѣрами огражденія нельзя укрѣпить русскія народныя силы. Въ связи съ обстоятельствами военнаго времени—занятіемъ непріятелемъ Холмщины, части Бѣлоруссіи и части Волыни и развитіемъ бѣженскаго движенія Западно-Русское Общество вынуждено было послѣдніе 2 года обратить свое вниманіе главнымъ образомъ на удовлетвореніе острыхъ нуждъ русскихъ бѣженцевъ изъ Западнаго края. Событія 27-го февраля—3 марта н. г. и послѣдовавшія за ними реформы, коснувшіяся различныхъ сторонъ жизни страны и измѣнившія въ корнѣ сложившіяся въ теченіе десятковъ лѣтъ отношенія, а также проявившаяся мѣстами разруха вызвали необходимость тѣснаго единенія на широкихъ демократическихъ началахъ русскаго населенія Западнаго края: бѣлоруссовъ, малороссовъ и великороссовъ, для защиты своихъ національныхъ интересовъ по примѣру другихъ народностей—поляковъ, евреевъ, литовцевъ, латышей. Будучи единственной крупной виѣпартійной культурно-просвѣтительной организаціей, призванной защищать интересы всего русскаго населенія Западнаго края, Западно-Русское Общество приглашаетъ русскихъ людей, жителей и уроженцевъ этого края, безъ различія политическихъ убѣжденій, сплотиться въ могучую національную демократическую организацію. Объединеніе это должно, по мнѣнію Общества, преслѣдовать слѣдующія цѣли: 1. Содѣйствіе Временному Правительству въ дѣлѣ удовлетворенія культурныхъ и экономическихъ нуждъ русскаго населенія Западнаго края: бѣлоруссовъ, малороссовъ, великороссовъ и активное участіе въ разработкѣ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью проведеніе въ жизнь началъ новаго строя. 2. Подготовку русскаго населенія Западнаго края къ участію въ выборахъ въ будущее Учредительное Собраніе и въ демократизированные органы земскаго, городского и волостного самоуправленія. 3. Всемирную поддержку Временнаго Правительства въ дѣлѣ доведенія войны до побѣднаго конца и возвращенія Россіи занятыхъ непріятелемъ древне-русскихъ земель—Бѣлоруссіи, Холмщины и Волыни, а также отторженнаго отъ нея коренного русскаго Прикарпаття, на началахъ самоопредѣленія народовъ. Объединеніе

русскихъ людей Западнаго края отнюдь не должно быть разсматриваемо какъ дѣйствіе враждебное въ отношеніи другихъ народностей. Западно-Русское Общество, наоборотъ, исходитъ изъ убѣжденія, что русскій народъ всегда съ должнымъ уваженіемъ отнесется къ правамъ и интересамъ другихъ народовъ Западнаго края, и будетъ лишь настаивать на полной взаимности въ этомъ отношеніи. Жить и давать жить другимъ—таковъ долженъ быть лозунгъ русскаго народа въ Западноиъ краѣ. Лица, сочувствующія объединенію русскихъ людей Западнаго края на указанныхъ началахъ, приглашаются немедленно сообщить свои адреса Обществу (Петроградъ, Симеоновская, 1, Западно-Русское Общество, тел. 159-88 и 447-33).

НЕКРОЛОГИ.

АНТОНОВИЧЪ, А. Я. 6-го іюля въ Кіевѣ скончался бывшій профессоръ университета св. Владимира и затѣмъ состоявшій товарищемъ министра финансовъ при С. Ю. Витте Аѣногенъ Яковлевичъ Антоновичъ. Сынъ священника Волынской губерніи, покойный родился въ 1848 г. и учился въ Кіевской семинаріи, а затѣмъ на юридическомъ факультетѣ университета св. Владимира. По окончаніи университетскаго курса кандидатомъ правъ въ 1873 г., онъ вскорѣ былъ опредѣленъ доцентомъ по политической экономіи и статистикѣ въ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, состоящій въ Новой Александріи, и приобрѣлъ степень магистра (1879 г.). Затѣмъ съ 1882 г. ему пришлось занять въ родномъ университетѣ кафедру полицейскаго права, но послѣ полученія степени доктора (1883 г.) удалось перейти на кафедру политической экономіи. Спустя 10 лѣтъ, онъ былъ назначенъ товарищемъ министра финансовъ и занималъ эту должность до 1 марта 1896 г., когда, разоидясь съ С. Ю. Витте во взглядахъ на золотую валюту, оставилъ свой постъ и былъ переведенъ въ члены совѣта министра народнаго просвѣщенія. Главными научными трудами покойнаго являются: «Теорія цѣнности», магистерская диссертация (Варшава 1877 г.), «Теорія бумажно-денежнаго обращенія и государственные кредитные билеты» и «Курсъ государственнаго благоустройства». Кромѣ того, имъ въ Кіевѣ издавалась газета «Кіевское Слово» (съ 1887 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1917, № 149).

† **Барсовъ, Е. В.** 2-го апрѣля скончался и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ извѣстный археологъ и этнографъ Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ, родившійся 1 ноября 1836 г. въ с. Логиновѣ, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. Покойный получилъ образованіе—сперва въ духовномъ училищѣ, потомъ въ повгородской семинаріи и, наконецъ, въ петроградской духовной академіи. Осенью 1861 г., по окончаніи академіи, онъ былъ опредѣленъ въ олопецкую семинарію преподавателемъ логики и психологіи. Предъ молодымъ се-

минарскимъ учителемъ открылся теперь любопытный сѣверный край, гдѣ жили большею частью люди древняго благочестія—старовѣры, гдѣ въ домашнихъ скриняхъ съ почетомъ хранились рукописныя и старопечатныя книги, въ монастырскихъ архивахъ—неизданные акты, а на устахъ простого народа жила и процвѣтала безыскусственная словесность. Е. В. невольно увлекался богатой мѣстной археологіей и этнографіей. Въ результатѣ появляется цѣнный для русской науки трудъ его: «Причитанія сѣвернаго края». Съ начала 70-хъ годовъ прошлаго вѣка Барсовъ изъ отдаленной сѣверной провинціи переселяется въ Москву и здѣсь занимаетъ должности, уже болѣе соответствующія его научнымъ стремленіямъ. Такъ, нѣкоторое время онъ несетъ обязанности помощника извѣстнаго археолога А. Е. Викторова по завѣдыванію отдѣленіемъ древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Румянцевскомъ музеѣ; потомъ—библіотекаря въ московской чертковской библіотекѣ, а въ довершеніе всего онъ избранъ ученымъ секретаремъ въ Обществѣ «Исторіи и древностей російскихъ». Въ журналѣ этого общества («Чтенія») былъ помѣщенъ рядъ интересныхъ изслѣдованій покойнаго («Древнерусскіе памятники вѣнчанія царей на царство», «Новый списокъ Слова Даніила Заточника», «Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ древней Руси» и др. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1917, № 91).

† **Берманъ, Т. Н.** Въ ночь на 19 іюня внезапно скончалась Татьяна Наумовна Берманъ, состоявшая въ послѣднее время библіотекаршей общества просвѣщенія евреевъ. Въ концѣ 1887 г. она эмигрировала и только послѣ 1905 г. покойная получила, наконецъ, возможность возвратиться въ родную Одессу. Въ періодъ заграничныхъ странствованій имя усопшей ассоціруется съ именемъ одного изъ представителей германской социаль-демократіи—съ Парвусомъ, но съ Парвусомъ не нашихъ дней, вокругъ котораго мрачнымъ вѣнцомъ сплелись недобрые слухи, а съ партійнымъ вождемъ. Т. Н. вышла замужъ еще въ бытность свою въ Одессѣ, незадолго до отъезда въ Швейцарію. Нѣсколько лѣтъ спустя она съ мужемъ переѣзжаетъ въ Германію, въ Берлинъ. Правительство кайзера нашло, однако, для себя неудобнымъ это сосѣдство, и нашей четѣ пришлось перебраться въ Дрезденъ, гдѣ она работала въ партійныхъ организаціяхъ и публицистикѣ. Захудалый марксистскій листокъ ихъ совмѣстными усиліями быстро превратился въ блестящій социалистическій органъ, параллельно все возрастало количество подписчиковъ. Въ 1903 г., неожиданно для окружающихъ, прервалось сотрудничество супруговъ, и больше они не встрѣчались. Матеріально Т. Н. послѣ этого сильно бѣдствовала. Средства къ жизни приходилось за границей добывать такимъ неблагодарнымъ трудомъ, какъ переводы. Искусная переводчица, Т. Н. знакомила нѣмецкую публику преимущественно съ произведеніями нашихъ революціонно-«тенденціозныхъ» авторовъ, и ея переводы Савинкова и, если не ошибаемся, Мельшина удостоились отъ Каутскаго лестнаго отзыва. (Некрологъ ея: «Одесскія Новости», 1917, № 10450).

† **Брошель (Волынцевъ), М. Н.** 21-го іюня въ Петроградѣ скончался на 47 году жизни артистъ Михаилъ Николаевичъ Брошель. Покойный, выступая въ Троицкомъ фарсѣ, въ срединѣ 2-го акта, только окончивъ свой выходъ и ожидая

слѣдующаго, вдругъ зашатался и упалъ. Смерть была моментальная отъ разрыва сердца. Спектакль прервали, и публика разошлась подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. М. Н. Брошель (настоящая фамилія Волынцевъ) окончилъ университетъ по филологическому факультету, служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при курскомъ губернаторѣ, но увлекся сценой, выступая сперва въ любительскихъ спектакляхъ, а затѣмъ принялъ участіе въ гастрольной поѣздкѣ М. Г. Савиной. Профессиональнымъ актеромъ покойный началъ свою службу въ провинціи у Синельникова, оттуда перешелъ въ Москву къ Коршу, а затѣмъ перешелъ въ фарсъ, гдѣ быстро занялъ видное амплуа, играя у Сабурова, Вьялева и др. Покойный былъ артистомъ легкаго, пріятнаго тона, будучи много выше избраннаго имъ жанра шумливой фарсовой эксцентрики. Сынъ извѣстной французской актрисы Брошель, широко образованный, владѣющій превосходно языками, М. Н. перевелъ, вмѣстѣ съ Р. З. Чинаровымъ, много фарсовъ и легкихъ комедій; были у него также и оригинальныя пьесы и обзоры на злобу дня. (Некрологъ его: «Театральная Газета», 1917, № 26—27).

† **Владимировъ, Л. Е.** 17-го іюня скончался въ Москвѣ, на 72-мъ году жизни, заслуженный профессоръ харьковскаго университета Леонидъ Евстафьевичъ Владимировъ. Покойный—питомецъ харьковскаго университета, который онъ окончилъ въ 1866 году. Научная дѣятельность его началась съ 1866 года, когда онъ представилъ свою диссертацию «Теорія уликъ»; въ 1867 году онъ былъ утвержденъ приватъ-доцентомъ харьковскаго университета; въ 1869 году молодой ученый представилъ и защитилъ диссертацию «О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ процессѣ». Большое вниманіе вызвалъ его ученый трудъ, представленный на соисканіе степени доктора уголовного права, — «Судъ присяжныхъ». Профессоромъ харьковскаго университета Л. Е. состоялъ съ 1873 года. Изъ научныхъ трудовъ покойнаго извѣстны еще: «Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ», «Учебникъ русскаго уголовного права», «Таблицы преступленій и наказаній по русскому законодательству» и друг. Въ первые годы изданія «Южнаго Края» Л. Е. принималъ въ газетѣ живое участіе. Переселившись изъ Харькова въ Москву, Л. Е. продолжалъ работать въ газетныхъ и юридическихъ изданіяхъ («Право», «Утро Россіи», «Журналъ министерства юстиціи» и др.) и выступалъ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго округа московской судебной палаты защитникомъ по уголовнымъ (главнымъ образомъ по политическимъ и литературнымъ) дѣламъ. (Некрологъ его: «Южный Край», 1917, № 14094).

† **Воскресенскій. Г. Н.** 21 мая внезапно скончался писатель и артистъ московскаго камернаго театра Германъ Николаевичъ Воскресенскій, создавшій нѣсколько удачныхъ ролей и, между прочимъ, удивительный гротескъ судьи въ «Женитьбѣ Фигаро». Этотъ мятущійся художникъ, одаренный многими талантами, долго не находилъ своего мѣста. То мечталъ о морской службѣ, то поступалъ въ горный институтъ, то на юридическій факультетъ. Въ 1913 г. онъ выпустилъ талантливый сборникъ стихотвореній и затѣмъ поступилъ на курсы пѣнія, но окончательно нашелъ себя на сценѣ—по натурѣ артистъ, всегда играющій, всегда позирующій, темпераментный. Но здѣсь судьба не дала ему проявиться дѣлкомъ. Въ расцвѣтѣ силъ онъ умеръ. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1917, № 16256).

† **Дудченко, И. С.** Въ ночь съ 5-го на 6-е іюня звѣрски убить врачъ-бактеріологъ Иванъ Степановиѣ Дудченко въ числѣ восьми лицъ служащаго персонала въ завѣдуемой имъ бактериологической лабораторіи въ Читѣ. Подробности страшнаго преступленія не поддаются описанію. Всѣ жертвы, будучи придушены перетянутыми веревками, были потоплены въ водѣ, скопившейся въ тѣсномъ, низкомъ погребѣ лабораторіи, гдѣ хранились бактеріальныя культуры и другіе объекты научнаго изслѣдованія. Безвременно погибшій отъ злодѣйской руки И. С. Дудченко своею научной дѣятельностью въ вопросахъ чумовѣдѣнія былъ извѣстенъ далеко за предѣлами Россіи. Его изслѣдованія по тарбаганьей чумѣ въ Забайкальѣ цитируются англійской ученой комиссіей. Японскіе изслѣдователи-чумологи тоже ссылаются на научныя работы покойнаго. Своими трудами онъ окончательно выяснилъ значеніе тарбаганъ, какъ переносчиковъ чумы на людей. Въ поврежденныхъ медицинскихъ изданіяхъ напечатано болѣе 50 его научныхъ работъ, изъ нихъ «Жилища тарбагановъ, какъ хранилища эпидемической чумы людей», «Биологія чумнаго бацилла» и отчеты о лабораторіи за послѣдніе годы—имѣютъ большое научное значеніе. Онъ первый выяснилъ немаловажное значеніе участія хищныхъ птицъ, въ частности тарбаживовъ, въ распространеніи чумы во время побѣданія дохлыхъ зачумленныхъ тарбагановъ. Словомъ, все относящееся къ чумовѣдѣнію въ Забайкальѣ имъ тщательно собиралось. Благодаря его неутомимой, кипучей научной дѣятельности въ читинской бактериологической лабораторіи собраны объекты, представляющіе большую научную цѣнность для будущаго въ вопросахъ изученія чумы въ читинскомъ краѣ. Покойный вообще зорко слѣдилъ за литературой, трактующей о чумѣ. Самъ привѣтствовалъ всѣ научныя начинанія и являлся самымъ активнымъ участникомъ въ разработкѣ научныхъ вопросовъ. (Некрологъ его: «Забайкальская Новь», 1917, № 2809).

† **Ефимовичъ, А. Я.** Въ Харьковѣ 20-го іюля скончался на 55 году жизни Андрей Яковлевичъ Ефимовичъ, извѣстный журналистъ, бывший редакторъ «Харьк. Губернскихъ Вѣдомостей», сдѣлавшихся, благодаря ему, органомъ прогрессивнымъ, серьезнымъ и вліятельнымъ, «Приднѣпровскаго Края», и «Южной Зари». Магистръ математическихъ наукъ, человекъ прекрасно знавшій исторію, юридическія науки и литературу, Андрей Яковлевичъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы прожить свою жизнь иначе, съ большимъ достаткомъ и покоемъ, достигнуть матеріальнаго и служебнаго успѣха, но на пути къ этому стало непреоборимое желаніе служенія народу. Оно мѣшало ему остаться при университетѣ, такъ какъ свидѣтельствовало о неблагонадежности, а быть чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, на что могъ рассчитывать въ началѣ своей карьеры А. Я., было равносильно переходу на сторону народнаго врага. И онъ сталъ на тернистый путь журналиста. Свои первые журналистическіе шаги А. Я. началъ въ роли редактора неофициальной части «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», и газета сразу измѣнила свою физиономію. Она приняла прогрессивное направленіе, программа ея расширилась далеко за установленныя предѣлы, она сдѣлалась органомъ вліятельнымъ и серьезнымъ настолько, что въ послѣдствіи въ одной изъ книгъ «Историческаго Вѣстника» была отмѣчена, какъ образецъ и рѣдкое явленіе въ области официальной пе-

чати. Потомъ покойный редактировалъ «Приднѣпровскій Край» и издавалъ въ Екатеринославѣ собственную газету «Южная Заря». Позже сотрудничалъ въ «Южномъ Краѣ». Первый періодъ революціи доставилъ покойному, горячему народнику, не мало счастливыхъ минутъ, но послѣдующія затѣмъ событія въ Петроградѣ и на фронтѣ омрачили его настроеніе, подѣйствовали на состояніе его здоровья, обострили таившуюся болѣзнь, и его не стало. (Некрологъ его: «Южный Край», 1917, № 14142; «Рѣчь», № 172).

† **Заменгофъ, Л.** Въ концѣ апрѣля скончался докторъ Левъ (Лазарь-Людвигъ) Заменгофъ, авторъ извѣстной системы искусственнаго языка «эсперанто», одинъ изъ тѣхъ мечтателей-языкотворцевъ, которые чисто рациональнымъ путемъ, путемъ созданнаго въ тиши кабинета хитроумнаго плана тщетно пытались испрямить и возсоздать въ прежней прочности и прежней красотѣ рухнувшую на зарѣ библейскихъ временъ роковую «вавилонскую башню». Врачъ по профессіи, еврей по національности, Заменгофъ родился въ 1859 г. Онъ провелъ свое дѣтство и юность въ Вѣлостокѣ, городѣ, гдѣ такъ ярко проявился антагонизмъ четырехъ народовъ, говорящихъ на четырехъ языкахъ. Антагонизмъ этотъ въ многоязычномъ городѣ, несомнѣнно, оказалъ не малое вліяніе на рѣшимость основателя «эсперанто» создать новый вселенскій языкъ, какъ это видно и изъ предисловія къ первой выпущенной имъ въ 1887 г. эсперантистской грамматикѣ. Покойный посвятилъ десятки лѣтъ усовершенствованію своей системы, издавалъ учебники, журналы, переводилъ классическихъ авторовъ на языкъ эсперанто. Но, несмотря на его неутомимую энергію, на весь его энтузіазмъ, на моральную поддержку такихъ людей, какъ Шопенгауэръ и Толстой, и даже поддержку ряда ученыхъ, искусственному цвѣтку доктора-мечтателя не удалось пустить глубокихъ корней. (Некрологъ его: «Одесскія Новости»: 1917, № 10402).

† **Игнатовичъ, П. А.** 20 апрѣля на 87 г. жизни въ Кіевѣ скончался старожилъ Кіево-Подола Павелъ Акимовичъ Игнатовичъ, бывший инспекторъ кіевской духовной семинаріи, а впослѣдствіи старшій помощникъ наблюдателя школъ церковно-приходскихъ и грамоты. Многолѣтняя служба покойнаго цѣликомъ была посвящена дѣлу просвѣщенія вначалѣ въ тѣсныхъ стѣнахъ семинаріи, а впослѣдствіи и внѣ ихъ. Помимо идейной стороны просвѣщенія въ духѣ христіанскихъ идеаловъ, онъ придавалъ важное значеніе въ школьномъ дѣлѣ сторонѣ профессионально-практической; онъ настаивалъ и дѣятельно помогалъ открытію при школахъ классовъ мастерствъ, наиболѣе пригодныхъ въ сельскохозяйственномъ быту. Эти мысли покойный не только теоретически проводилъ въ редактируемомъ имъ въ теченіе 20 лѣтъ журналѣ «Церковно-Приходская Школа» (съ 1887—1906 г.), но и практически осуществлялъ въ многочисленныхъ случаяхъ соприкосновенія съ народомъ, къ которому всегда тяготѣлъ. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1917, № 106).

† **Карпинскій, Ч. А.** Въ Царскомъ Селѣ скончался 27-го мая членъ Гос. Сов. по выборамъ землевладѣльцевъ губерній Царства Польскаго Чеславъ Александровичъ Карпинскій. Покойный пользовался большою извѣстностью, какъ общественный и сельскохозяйственный дѣятель Царства Польскаго. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ предсѣдателемъ влодавскаго окружнаго суда, сельскохозяйственнаго общества, членомъ правленія центральныхъ сельскохозяйствен-

ныхъ кружковъ Царства Польскаго, совѣтникомъ комитета земскаго кредитнаго общества въ Царствѣ Польскомъ и мн. др. Онъ не былъ чуждъ литературѣ, состоя дѣятельнымъ сотрудникомъ издававшихся въ Царствѣ Польскомъ земледѣльческихъ и сельскохозяйственныхъ журналовъ, а также нѣсколькихъ мѣстныхъ газетъ. Изъ его печатныхъ трудовъ пользуются распространѣніемъ «Главныя основы обработки земли», «Хлѣбопашество», «Рациональное сѣмянное хозяйство и др. Покойный устроилъ въ своемъ имѣніи «Новый Андржыювъ» образцовое сѣмянное хозяйство, снабжавшее Царство Польское хлѣбными сѣменами и злаками. Ч. А. родился въ 1863 году и окончилъ курсъ въ рижскомъ политехническомъ институтѣ по агрономическому факультету. Свои агрономическія знанія онъ пополнилъ за границей и затѣмъ широко примѣнилъ въ своей практической сельскохозяйственной дѣятельности. Въ Гос. Совѣтѣ покойный примкнулъ къ группѣ центра. Некрологъ его: «Новое Время», 1917, № 14790).

† **Кожевниковъ, В. А.** Скончался на станціи Хлѣбниково, близъ Москвы, Владимиръ Александровичъ Кожевниковъ, на 65 году, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. Покойный провелъ бурную и мятежную жизнь, посвященную въ началѣ рѣзкой критикѣ «существующаго строя», каковая привела его вмѣстѣ съ другомъ Н. П. Петерсономъ къ шагамъ, имѣвшимъ печальныя послѣдствія и неосторожные шаги (участіе въ заговорѣ Каракозова). Но затѣмъ сближеніе и дружба съ тихимъ, созерцательнымъ отшельникомъ Москвы, Н. Ф. Федоровымъ—библіотекаремъ Румянцевскаго музея, умиротворили его бури и привели въ спокойное русло философско-религіозной дѣятельности. Оба они, Петерсонъ и Кожевниковъ, собрали фрагменты работъ, мыслей и отрывковъ Федорова, ничего не печатавшаго при жизни и издали ихъ послѣ его смерти подъ заглавіемъ: «Философія общаго дѣла»—трудъ, нынѣ знаменитый и вызывающій къ себѣ все болѣе и болѣе вниманіе. Теперь объ этомъ трудѣ уже написаны ученыя диссертациі. Пока вышло два тома «Философіи общаго дѣла»,—одинъ въ гор. Вѣрномъ, въ 1907 г., другой въ 1913 г. въ Спб.; третій томъ подготовленъ къ печати. Такимъ образомъ, только благодаря Петерсону и Кожевникову Россія получила возможность сохранить память объ оригинальнѣйшемъ русскомъ мыслителѣ. Первымъ собственнымъ трудомъ Кожевникова былъ очеркъ: «Умственное и нравственное развитіе римлянъ во времена Марка Аврелія и Антонина Пія». Слѣдующимъ трудомъ его было: «Философія чувства и вѣры». Эта работа относилась къ исторіи германской философіи и ходу подготовленія къ ней идеализма XIX вѣка. Но самымъ важнымъ трудомъ его остается послѣдній неоконченный, къ сожалѣнію, «Буддизмъ въ сравненіи съ христіанствомъ», два тома, 1915 г. (Некрологъ его: «Новое Время», 1917, № 14832).

† **Каменскій, Е. С.** Въ Петроградѣ 16-го мая с. г., послѣ продолжительной болѣзни, скончался отставной генералъ-отъ-кавалеріи Евгеній Семеновичъ Каменскій. Потомственный дворянинъ Калужской губерніи, онъ родился въ 1848 г. и, по окончаніи курса во второмъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и 3-мъ военно-Александровскомъ училищѣ, въ 1865 г. произведенъ въ старшіе корнеты 3-го уланскаго Смоленскаго Его Императорскаго Величества Наслѣдника Цесаревича полка. Спустя пять лѣтъ онъ былъ прикомандированъ къ

Л.-Гв. жандармскому полубатальону (впоследствии Гвард. Полевому жандармскому батальону), въ которомъ, послѣдовательно занимая разныя должности, до командира батальона включительно (съ 1884), прослужилъ до 1893 г. Въ его же рядахъ Е. С. участвовалъ въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—1878 гг., и за отличіе при переходѣ черезъ Балканы награжденъ боевымъ орденомъ св. Станислава 2 степени съ мечами. Послѣ прикомандированія къ Л.-Гв. Конно-Гренадерскому полку для отбытія строевого кавалерійскаго ценза, Е. С. въ 1893 г. былъ назначенъ командиромъ 2-го драгунскаго С.-Петербургскаго генераль-фельдмаршала кн. Меншикова полка, которымъ командовалъ три года, связавъ свое имя съ петербургскими драгунами (нынѣ уланами) не только какъ командиръ полка, но и какъ лѣтописецъ, давшій обстоятельную повѣсть о первомъ Лейбъ-Региментѣ, созданномъ волею Петра Великаго. Эта исторія, составленная Е. С. уже по сдачѣ имъ полка и изданная въ 1899—1900 гг., представляетъ собою два большихъ тома болѣе 1500 страницъ текста, иллюстрацій и приложений. Почтенный трудъ этотъ въ свое время былъ отмѣченъ благопріятными отзывами («Новое Время» 1899 г. № 8831, «Русскій Инвалидъ» 1899 г. № 188 и 1900 г. № 120). Административно-художественныя способности Е. С., обнаруженные имъ еще въ должности командира гвард. полев. жандармскаго батальона, когда ему приходилось соприкасаться съ нуждами войскъ большого Красносельскаго лагеря, обратили вниманіе его начальства и въ 1896 г. ему было предложено занять должность помощника окружнаго интенданта Петроградскаго военнаго округа; въ томъ же году произведенъ въ генераль-майоры. Въ 1899 г. назначенъ на ту же должность въ Туркестанскій военный округъ, затѣмъ, съ производствомъ въ генераль-лейтенанты, — въ распоряженіе главнаго интендантства, въ каковой должности выполнилъ цѣлый рядъ отвѣтственныхъ служебныхъ порученій по разработкѣ вопросовъ специально-техническаго характера. На его же долю выпали большіе труды интендантскаго вѣдомства въ Русско-Японскую войну 1904—5 гг., когда онъ былъ окружнымъ интендантомъ Киевскаго военнаго округа. Вновь назначенный въ распоряженіе главнаго интенданта, Е. С. 1908 г. занялъ должность его помощника, но уже въ слѣдующемъ году вынужденъ былъ, по болѣзни, выйти въ отставку, отдавъ военной службѣ 44 года и заслуживъ всѣ ордена до Владиміра 2 степени включительно. Параллельно служебной дѣятельности, которой покойный Каменскій отдавался съ рѣдкой добросовѣстностью, честностью и энергіей, необходимо отмѣтить его любовь къ русской исторіи, которою онъ занимался съ особеннымъ увлеченіемъ. Военно-историческія событія нашли отраженіе въ его работахъ. Немало труда посвятилъ онъ для выпуска въ свѣтъ такихъ цѣнныхъ матеріаловъ, какъ изданіе перевода съ французскихъ рукописей «Записокъ графа Ланжерона 1806-1812 гг.» напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» въ 1907—1911 гг. Ранѣе того, въ «Изборникѣ Развѣдчина» 1899 г. № 12 былъ помѣщенъ переводъ «Березинской операціи 1812 г.» того же графа Ланжерона и въ 1900 г. въ «Военномъ Сборникѣ» №№ 8-12 помѣщены «Замѣтки о причинахъ войны 1805 года». Кроме того, въ «Военно-Историческомъ Вѣстникѣ» 1912 г. имъ же, въ видѣ матеріаловъ для исторіи Аустерлицкаго сраженія, напечатано интересное «дѣло о генераль-лейтенантѣ

Пришибшевскомъ». Съ особою любовью Евгеніемъ Степановичемъ были собраны, разработаны и частью изданы матеріалы, касающіеся жизни Цесаревича Александра Александровича отъ его дѣтства до воцаренія. Эги интересныя статьи, заключающія въ себѣ бѣльшой фактической матеріалъ, были помѣщены въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1913—17 гг., подъ заглавіями: «Отъ дѣтства до присяги», «Въ старую Москву», «Красное село и Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ». Кромѣ того, въ «Русскомъ Архивѣ» 1915 г. Е. С. напечаталъ статью «Заботы Цесаревича Александра Александровича о перевооруженіи русской арміи и о помощи голодающимъ въ 1867 г.», а въ «Русской Старинѣ» 1916 г. «Августѣйшіе кадеты». Кромѣ историко-литературнаго матеріала и извлеченій изъ личной переписки цесаревича Александра Александровича, покойнымъ Е. С. собрана цѣнная коллекція фотографическихкихъ снимковъ, богато иллюстрирующихъ молодые годы жизни будущаго императора Александра III и лишь въ незначительномъ количествѣ приложенныхъ къ статьямъ покойнаго автора. Не перечисляемъ здѣсь мелкихъ статей и замѣтокъ, которыми онъ отзывался на разнообразныя вопросы и событія текущей жизни и случайной дѣятельности, иногда печатавшіяся подъ псевдонимомъ «К. Менскій» и свидѣтельствующіе о томъ, насколько живо реагировалъ онъ на запросы русской общественной жизни и той служебной сферы, въ которой работалъ. Въ «Развѣдчикѣ» онъ сотрудничалъ съ основанія этого военнаго журнала. Когда въ 1907 г. возникло русское (впослѣдствіи Императорское) военно-историческое общество, Е. С. Каменскій былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя непосредственно положили начало этому почтенному Обществу, поставившему себѣ цѣлью изученіе военно-историческаго прошлаго русскаго народа во всѣхъ его управленіяхъ. Избранный въ первый же составъ совѣта Общества, Е. С. много и энергично потрудился въ ту пору дѣятельности Военно-историческаго общества, когда нужно было вырабатывать всю организацію молодого дѣла и основныя пути, на которыхъ оно должно было развиваться. Особенно слѣдуетъ отмѣтить работу Е. С. въ изслѣдованіи мѣстныхъ отдѣловъ Общества, въ комиссіи по изданію популярныхъ сочиненій и по устройству публичныхъ лекцій и чтеній и нѣкоторыхъ другихъ трудахъ Совѣта Общества, отмѣченныхъ въ ежегодныхъ отчетахъ о дѣятельности послѣдняго. Отзывчивый, сердечный, трудолюбивый и безкорыстно преданный своему дѣлу, Е. С. привлекалъ къ себѣ всѣхъ его знавшихъ, среди которыхъ навсегда сохраняются наилучшія воспоминанія объ этомъ прекрасномъ человѣкѣ.

† **Левинскій, В. Д.** Въ началѣ марта въ Тифлисѣ скончался одинъ изъ старыхъ москвичей и общественныхъ дѣятелей—тайный совѣтникъ Владиміръ Дмитріевичъ Левинскій, родившійся въ бѣдной еврейской семьѣ, въ Могилевѣ. Его отлично знала торговая, интеллигентная, ученая, журнальная и театральная Москва. Неутомимый труженикъ, покойный въ свое время принималъ очень дѣятельное участіе въ самыхъ разнообразныхъ московскихъ ученыхъ, учено-промышленныхъ и другихъ обществахъ. Онъ составлялъ и выпускалъ популярныя брошюры, редактировалъ и выпускалъ изданія политехническаго музея и популяризовалъ дѣятельность ученыхъ обществъ тѣмъ, что съ 1874 г. первымъ

изъ сотрудниковъ ежедневныхъ газетъ открылъ въ газетахъ новый отдѣлъ, посвященный этой дѣятельности, который и велъ болѣе десяти лѣтъ въ крупныхъ столичныхъ газетахъ. На ряду съ учено-промышленною дѣятельностью, покойный сыгралъ видную роль и въ другой, далекой отъ нихъ области—въ исторіи нашей сатирической печати. Въ 1883 г. онъ купилъ погибавшій тогда, сидѣвшій безъ розницы и подписки, сатирическій журналъ «Будильникъ», и затѣмъ съ большимъ успѣхомъ въ теченіе 25 лѣтъ издавалъ этотъ журналъ. Не обладая самъ литературнымъ талантомъ (въ своемъ журналѣ покойный писалъ лишь замѣтки о театрѣ и зрѣлищахъ, подъ псевдонимомъ «Не присяжный рецензентъ»), В. Д. сумѣлъ привлечь въ этотъ журналъ многихъ талантливыхъ сотрудниковъ—и въ числѣ ихъ Доросевича, Амфитеатрова и Чехова. Помимо хорошаго текста и рисунковъ, «Будильникъ» при немъ далъ нѣсколько цѣнныхъ премій, замѣчательныхъ въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ (иллюстрированные роскошныя изданія «Ревизора», «Горе отъ ума» и другія), благодаря чему, а также и вообще талантливому веденію журнала онъ имѣлъ самое широкое распространеніе. Скончался В. Д., имѣя отъ роду около 70 лѣтъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1917, № 777; «Южный Край», № 14092).

† **Манизеръ, Г. Г.** 21-го іюня въ Румыніи отъ сыпного тифа скончался вольноопредѣляющійся «дивизионный метеорологъ» Генрихъ Генриховичъ Манизеръ. Покойный родился въ 1889 г. въ Петербургѣ. По окончаніи 5-й гимназіи онъ окончилъ естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета и прослушалъ курсъ историко-филологическаго факультета петроградскаго университета. Весною 1914 г. онъ отправился съ естественно-историческими и лингвистическими цѣлями въ Южную Америку вмѣстѣ съ четырьмя другими молодыми людьми на очень ограниченныя средства. Результаты полугодового путешествія превзошли всякія ожиданія, были доложены Г. Г. Манизеромъ и его спутниками въ географическомъ обществѣ, удостоившемъ путешественниковъ серебряныхъ медалей, а затѣмъ печатались въ «Изданіяхъ Антропологическаго общества», въ журналѣ «Природа» и другихъ. Происходя изъ художественной и музыкальной семьи, Г. Г. былъ самъ хорошимъ рисовальщикомъ и вывезъ альбомъ этнографическихъ рисунковъ изъ Южной Америки; лингвистическія способности дали ему возможность за его короткую жизнь овладѣть научно и практически всеми романскими языками, двумя индійскими языками, не говоря о другихъ европейскихъ языкахъ. Г. Г. былъ выдающимся философомъ, много работалъ по антропологии и былъ совершенно изъ ряда вонъ выходящимъ любителемъ скрипачемъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1917, № 157).

† **Марковскій (Свѣтловъ) С. А.** Въ Саратовѣ скончался сотрудникъ мѣстнаго «Листка», докторъ Святославъ Адамовичъ Марковскій, извѣстный въ театральномъ мѣрѣ подъ псевдонимомъ Свѣтловъ. Покойный былъ одно время земскимъ врачомъ, затѣмъ издавалъ газету, увлекся театромъ и поступилъ на сцену. Въ послѣдніе годы С. А. читалъ лекціи въ Петроградѣ въ обществѣ народныхъ университетовъ. Въ «Саратовскомъ Листкѣ» онъ велъ театральныи отдѣлъ и писалъ военныя обозрѣнія. (Некрологъ его: «День», 1917, № 53).

† **Натарова, А. П.** 18-го іюня похоронили одну изъ старѣйшихъ артистокъ казенной драматической труппы Анну Петровну Натарову, скончавшуюся

на 81-мъ году. Воспитанница бывшаго императорскаго театральнаго училища, современница всѣхъ корифеевъ драмы: Каратыгиныхъ, Мартынова, Дюра, Самойловыхъ, и др., она была живою хроникой блестящей эпохи Александринскаго театра. Выпущенная изъ училища въ 1852 г., А. П. не сразу заняла положеніе въ драматической труппѣ. Ей приходилось выступать и въ операхъ, и въ балетахъ, и даже принимать участіе въ театрѣ-«циркѣ», нынѣ Маринскомъ—гдѣ она показывала высшую школу верховой ѣзды, вмѣстѣ съ Сабуровой и Т. А. Стуколкинымъ, впоследствии извѣстнымъ балетнымъ артистомъ, тогда продѣлывавшимъ комическіе «entrées». Въ драмѣ она играла роли сначала *ingénue comique et dramatique*, а позднѣе «комическихъ старухъ», отличаясь необыкновенной добросовѣтностью и исполнительностью. Если о ней не кричали, то во всякомъ случаѣ, какъ публика, такъ и авторы относились къ артисткѣ съ большимъ уваженіемъ. Покойная была замужемъ за артистомъ балетной труппы А. Д. Чистяковымъ. Выйдя въ отставку въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, она уже больше не появлялась на подмосткахъ; А. П. не чужда была и литературѣ. Въ послѣднемъ томѣ «Историческаго Вѣстника» за 1903 г. были напечатаны ея интересные очерки: «Изъ воспоминаній артистки». (Некрологъ ея: «Вечернее Время», 1917, № 1846).

† **Никольскій, М. В.** 2-го іюля с. г. послѣ продолжительной болѣзни скончался Михаилъ Васильевичъ Никольскій, одинъ изъ немногихъ русскихъ ученыхъ, посвятившихъ себя занятію ассириологіей. М. В., сынъ священника, родился въ 1848 г., въ с. Мясновѣ, Московской губ., Серпуховскаго уѣзда, высшее образованіе получилъ въ московской духовной академіи, и затѣмъ служилъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, гдѣ послѣднее время занималъ должность члена Совѣта. Дважды онъ былъ стороннимъ преподавателемъ еврейскаго и ассирійскаго языковъ въ московскомъ университетѣ. Почти вся научная дѣятельность покойнаго была связана съ московскимъ археологическимъ обществомъ. Онъ былъ однимъ изъ основателей и первымъ секретаремъ основанной при обществѣ «Восточной Комиссіи». Въ 1893—1894 г.г. вмѣстѣ съ А. А. Ивановскимъ онъ былъ командированъ обществомъ для изученія памятниковъ старины Урарту, лежавшей въ Закавказьи. Результатомъ этой экспедиціи является V выпускъ матеріаловъ по археологіи Кавказа: «Клинообразныя надписи Закавказья». Ранѣе имъ были изданы: «Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи» («Древности Восточныя», т. I, вып. 3). Другой крупный трудъ М. В. составляетъ изданіе и переводъ клинописныхъ табличекъ богатой коллекціи Н. П. Лихачева: «Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи». Часть 1 и 2 («Древности Восточныя», т. III, вып. 1 т. V). Въ прошломъ году въ связи съ дѣйствіями нашихъ войскъ въ Закавказьи и Арменіи Турецкой, московское археологическое общество получило рядъ новыхъ эстампажей и фотографій съ памятниковъ клинописи, и М. В. съ жаромъ принялся за ихъ изученіе, но успѣлъ выполнить лишь немного, именно провѣрить по прекраснымъ фотографіямъ гр. А. А. Бобринскаго чтеніе надписей, уже ранѣе извѣстныхъ (докладъ его въ обществѣ, прочитанный 24-го февраля с. г.). Однимъ изъ послѣднихъ трудовъ его была изданная Археологическимъ обществомъ брошюра: «Къ вопросу о задачахъ

русской археологической и исторической науки на Переднем Востоке» (М. 1917). Въ ней указывалось на необходимость и Россіи приняться за самостоятельные изслѣдованія въ области передне-азиатской археологіи и рекомендовалось основать особое общество съ этой цѣлью. Последнее время почившій работалъ надъ переводомъ еврейскаго псалтыря, каковъ онъ успѣлъ выполнить до конца.

А. З.

† **Самсоновъ, В. В.** 23-го іюня похоронили въ Кіевѣ поручика артиллеріи Василя Васильевича Самсонова. Покойный погибъ у деревни Конюхи въ первые же часы начавшагося тогда наступленія. Въ лицѣ покойнаго ушелъ молодой, но уже много сдѣлавшій для своихъ 29 лѣтъ и много общавшій русскій ученый. В. В. Самсоновъ по окончаніи въ Россіи реального училища переселился въ Швейцарію и поступилъ въ Лозанскій университетъ. Тамъ онъ занимался подъ руководствомъ извѣстнаго экономиста математической школы, В. Парето. Результатомъ этихъ занятій явилась работа о рентѣ: «Esquisse d'une théorie générale de la rente suivie d'une critique des principales opinions émises sur le même sujet. Lausanne. 1912». Эта работа дала автору ея докторскую степень. По полученіи докторской степени В. В. вернулся въ Россію съ цѣлью посвятить себя здѣсь научной работѣ. Въ качествѣ доктора иностраннаго университета и автора указанной выше книги, покойный былъ допущенъ юридическимъ факультетомъ университета св. Владиміра къ магистерскому экзамену по политической экономіи. Къ этому экзамену дѣятельно готовился В. В. Одновременно имъ была задумана и въ части подготовлена къ печати интересная работа о фیزیократахъ. Отрывокъ изъ этой работы принятъ былъ къ напечатанію въ «Русской Мысли». Война прервала его научную работу. Племянникъ покойнаго генерала Самсонова, вѣрный традиціямъ своей военной семьи, В. В. лѣтомъ 1915 года, въ періодъ тяжелыхъ военныхъ испытаній, ни на что не глядя и никого не слушая, добровольно ушелъ въ Одесское артиллерійское училище, а оттуда на фронтъ. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1917, № 151).

† **Свербеевъ, А. Д.** 9-го мая въ Петроградѣ скончался многолѣтній русскій дѣятель и старѣйшій питомецъ московскаго университета, сенаторъ Александръ Дмитріевичъ Свербеевъ. Покойный родился въ 1835 г. въ Москвѣ, среди стародворянской семьи, примыкавшей по своимъ чувствамъ и воззрѣніямъ къ славянофильскому кружку; высшее образованіе получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ московскаго университета. Скоро по окончаніи курса кандидатомъ онъ поступилъ на службу въ канцелярію Рижскаго военнаго губернатора, а черезъ шесть лѣтъ былъ причисленъ къ Россійской миссіи въ Штуттгартъ. Съ 1878 г. покойный состоялъ Самарскимъ губернаторомъ до 1891 г., когда былъ назначенъ сенаторомъ, и въ этомъ званіи числился до дня своей кончины. Кромѣ занятій по служебной дѣятельности ему принадлежали изданіе интересныхъ «Записокъ» его отца, Дмитрія Николаевича Свербеева (М. 1899) г. и сообщеніе подъ заглавіемъ: «Православіе на Востоке» въ «Русскомъ Архивѣ» (1878 г., т. I). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1917, № 100).

† **Сворцовъ, Н. А.** 15-го іюня совершено убійство настоятеля храма Лазаревскаго кладбища протоіеря Николая Алексѣевича Сворцова и его жены.

Въ 3 часа утра о. Сковрцовъ былъ разбуженъ стукомъ и шумомъ, неспшимся со стороны кухни. Выйдя изъ своей спальной комнаты, онъ увидалъ трехъ злоумышленниковъ, забравшихся въ кухню черезъ окно. Злоумышленники, вооруженные револьверомъ и топорами, потребовали отъ священника денегъ, а затѣмъ одинъ изъ грабителей разможилъ о. Сковрцову топоромъ голову. Увидя подходившую жену убитаго, убійцы произвели нѣсколько выстрѣловъ, и одна изъ пуль попала ей въ голову. Н. А. состоялъ преподавателемъ московскаго археологическаго института и предсѣдателемъ церковно-археологическаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія и извѣстенъ своими многочисленными трудами по описанію московскихъ церквей и вообще по исторіографіи Москвы. Последніе крупныя его труды: «Архивъ московской синодальной конторы. Матеріалы по Москвѣ и московской епархіи за XVIII в.», «Археологія и топографія Москвы», обширный и единственный въ своемъ родѣ трудъ по исторіи и топографіи Москвы. «Духовенство московской епархіи въ XVII в.». Онъ принималъ также участіе въ составленіи «Московского Некрополя», «Исторіи русскаго искусства» И. Грабаря. Покойный окончилъ московскую духовную семинарію и московскую духовную академію. По окончаніи академіи онъ нѣсколько лѣтъ былъ настоятелемъ Георгіевской церкви на Моховой, а затѣмъ былъ переведенъ на Лазаревское кладбище. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1917, № 127, «Раннее Утро» №№ 135 и 137).

† **Смаковскій, К. И.** 5-го іюня скончался Константинъ Ивановичъ Смаковскій. Въ лицѣ К. И. редакція «Кіевлянина» потеряла богато одареннаго, долготѣшняго сотрудника, съ 1910 года послѣ смерти М. М. Ващенко-Захарченко ставшаго редакторомъ газеты. Длинный путь, полный неблагодарной сканивающей организмъ газетной работы, пройденъ покойнымъ. К. И. родился въ 1861 г. въ Полтавской губ. По окончаніи гимназіи въ Лубнахъ, поступилъ въ университетъ св. Владиміра на юридическій факультетъ. Съ первыхъ же годовъ студенчества покойный началъ сотрудничать въ «Кіевлянинѣ». Прислушавъ курсъ науки въ университетѣ, онъ всецѣло отдался литературной дѣятельности. И съ той поры до самой своей болѣзни, сведшей его въ могилу, покойный не прерывалъ связи съ редакціей. Литературныя очерки, беллетристическія произведенія, стихотворенія и театральныя рецензіи—такое содержаніе первыхъ годовъ редакціонной дѣятельности покойнаго. Но наибольшую извѣстность дали К. И. его талантливыя воскресныя фельетоны: «Бесѣды» за хорошо знакомою кіевлянамъ подписью «Неизвѣстный». (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1917, № 135).

† **Соловьевъ, Н. А.** 1) Скончавшійся 5-го февраля протоіерей Николай Александровичъ Соловьевъ, знатокъ церковной археологіи, воспитанникъ витебской семинаріи, родился 2-го мая 1839 г. Онъ состоялъ членомъ московской консисторіи и, по волѣ епархіальнаго начальства, производилъ осмотръ ризницы и прочей утвари Архангельскаго и Казанскаго соборовъ и Богоявленскаго монастыря. Между прочимъ, покойный состоялъ членомъ общества исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ и общества любителей

1) Сообщилъ діаконъ Н. В.

древней письменности. Имъ напечатаны: «Лѣтописи московской Троицкой, что въ Поляхъ, церкви» (1887). «Сарайская и Крутицкая епархіи», четыре выпуска, М. 1894—1909. Имъ описано 5700 вологодскихъ рукописныхъ и печатныхъ антиминсовъ и около 100 новгородскихъ рукописныхъ. Описаніе рукописныхъ вологодскихъ антиминсовъ съ фототипіями напечатано было въ «Московской церковной старицѣ. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи», подъ редакціей А. И. Успенскаго.

† **Стембо, А. Л.** 18-го мая, послѣ краткой болѣзни, скончался журналистъ Александръ Лазаревичъ Стембо, служившій послѣднее время рядовымъ въ гвардіи Гренадерскомъ полку. Покойный появился на журнальномъ поприщѣ лѣтъ 10—12 тому назадъ, работалъ въ «Руси», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ «Днѣ» и другихъ петроградскихъ и московскихъ газетахъ. А. Л. принималъ дѣятельное участіе въ организаціи газеты «Русская Воля», въ которой, однако, сотрудничать ему не пришлось. Въ прошломъ году онъ былъ арестованъ по громкому дѣлу банкира Д. А. Рубинштейна, касающемся военной обороны, но затѣмъ освобожденъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1917, № 117).

† **Успенскій, К. Н.** Въ маѣ внезапный параличъ сердца послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни унесъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, 45 лѣтъ, К. Н. Успенскаго, хорошо извѣстнаго университетской и педагогической Москвѣ. Коренной москвичъ, здѣсь онъ окончилъ университетскій курсъ, руководимый въ историческихъ занятіяхъ В. И. Герье, М. С. Карелинымъ и П. Г. Виноградовымъ, былъ оставленъ по кафедрѣ всеобщей исторіи и послѣ магистерскаго экзамена въ 1910 г. вступилъ въ родной университетъ приватъ-доцентомъ. Главные курсы его были по исторіи Греціи и Рима и особенно по исторіи Византіи. Смерть застала К. Н. за обширнымъ историческимъ трудомъ, первый томъ котораго, почти оконченный и уже печатающійся, долженъ былъ составить магистерскую диссертацию покойнаго. Его перу принадлежить нѣсколько серьезныхъ работъ по древней исторіи въ журналахъ и рядъ популярно-научныхъ статей въ извѣстномъ обширномъ изданіи исторической комиссіи учебнаго отдѣла: «Книга для чтенія по древней исторіи и Среднимъ вѣкамъ». Въ послѣднее время, освобождаясь отъ большого труда надъ диссертацией, К. Н. сталъ развивать все большую научно-литературную дѣятельность, и въ ближайшемъ будущемъ новый рядъ его работъ появится въ свѣтъ (въ «Византійскомъ Временникѣ», въ «Юбилейномъ сборникѣ въ честь М. К. Любавскаго» и др.). Наша молодая революція вызвала и въ немъ подъемъ энергіи и желаніе работать для обновленной Россіи: онъ до послѣднихъ дней горячо и усердно дѣйствовалъ въ комиссіи по разбору политическихъ дѣлъ и успѣлъ написать обширную статью о царствованіи Николая II для «Голоса Минувшаго». (Некрологъ его «Русскія Вѣдомости», 1917, № 109).

† **Фокинъ, С. А.** 13-го мая въ Кіевѣ скончался профессоръ С. А. Фокинъ, лучшій ученый специалистъ Россіи въ области познанія жировыхъ веществъ. Окончивъ казанское реальное училище въ 1883 г., онъ поступилъ на извѣстный стеариновый заводъ Крестовниковыхъ въ Казани, гдѣ и проработалъ въ общемъ десять лѣтъ. Въ промежуткахъ Фокинъ занимался въ Казанскомъ университе-

тетъ въ качествѣ вольнослушателя по естественному отдѣленію, которое фактически и окончилъ, получивъ большую золотую медаль за ученое изслѣдованіе по органической химіи, но диплома объ окончаніи университета по тогдашнимъ правиламъ, конечно, не выдали ему, какъ вольнослушателю. Лишь въ 1893 г., 27 лѣтъ отъ роду, поступилъ С. А. въ Харьковскій технологическій институтъ, который блестяще окончилъ въ 1898 г. Прослуживъ менѣе года по фабричной инспекціи и не найдя удовольствія въ этой дѣятельности, С. А. сдѣлался лаборантомъ въ Харьковскомъ технологическомъ институтѣ и быстро началъ приобретать извѣстность своими учеными трудами. Въ 1908 г. С. А. дѣлается доцентомъ Харьковскаго института, въ 1910 г. переходитъ въ Донской политехнической институтъ, а въ 1912 г. принимаетъ избраніе совѣта Кіевского политехническаго института (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1917, № 119, «Новое Время», № 14802).

† **Ханенко, Б. И.** 26-го мая скончался одинъ изъ крупныхъ общественных кіевскихъ дѣятелей—Богданъ Ивановичъ Ханенко. Покойный происходилъ изъ стариннаго украинскаго рода. Получивъ всестороннее образованіе, Б. И. рано отдался многообразной дѣятельности, какъ практической, такъ и общественной. Имя его хорошо извѣстно въ промышленныхъ и финансовыхъ кругахъ юга Россіи. Б. И. былъ создателемъ и насадителемъ въ краѣ коммерческаго образованія. При его непосредственномъ участіи выработывалась программа Кіевскаго политехническаго института. Покойный былъ и основателемъ Южно-русскаго общества поощренія земледѣлія и сельской промышленности (Земледѣльческій синдикатъ). Б. И. былъ также большимъ знатокомъ и любителемъ искусства. Собираніе имъ предметовъ искусства, производимое въ широкомъ масштабѣ, имѣло результатомъ образованіе обширнаго музея съ перворазрядными образцами живописи, скульптуры и художественной промышленности. Музей этотъ представляетъ громадную художественную и матеріальную цѣнность. Интересовался Б. И. и мѣстной стариной: на его средства производились обширныя раскопки, имъ составлены и роскошно изданы такіе капитальные труды, какъ «Древности Приднѣпровья», «Кресты и образки» и др. Б. И. былъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ, членомъ Археологической комиссіи, председателемъ Кіевскаго общества любителей древностей и искусствъ, председателемъ комитета Кіевскаго музея, членомъ многочисленныхъ ученыхъ, художественныхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Одно время Б. И. былъ членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1917, № 131).

† **Чебышевъ, А. А.** Въ іюнѣ скончался Александръ Александровичъ Чебышевъ, лицо, не занимавшее никакого официальнаго положенія въ научныхъ корпораціяхъ, но сумѣвшее оставить весьма замѣтный слѣдъ въ русской наукѣ своими серьезными изслѣдованіями въ области западно-европейской и нашей литературы и, въ частности, театра, длиннымъ рядомъ статей, разсѣянныхъ въ различныхъ театральнхъ и русскихъ изданіяхъ, и между прочимъ, въ такихъ, какъ «Извѣстія Академіи Наукъ», «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», «Русская Старина», «Голосъ Минувшаго» и др. А. А. родился въ 1866 г. и приходился племянникомъ знаменитому математику П. Л. Чебы-

шеву. По окончаніи курса въ Александровскомъ лицѣѣ онъ служилъ въ Сенатѣ, затѣмъ по выборамъ въ Воронежскомъ земствѣ, но, увлекаемый наукой, оставилъ службу и всю свою недолгую жизнь провелъ за книгами, въ архивахъ и библіотекахъ Петрограда, Франціи, Германіи. Печататься онъ началъ съ девятидесятихъ годовъ, дебютировалъ очерками жизни и дѣятельности полузабытаго драматурга Николаева; затѣмъ онъ далъ два изслѣдованія, замѣчательныхъ по глубинѣ и новизнѣ затронутыхъ темъ и богатству привлеченнаго матеріала: «Изъ исторіи англійской комедіи конца XVII и начала XVIII в.в.» и о такъ называемой «Французской слезной комедіи»; цѣнны по обилію матеріала его статьи: «Трагедія Шиллера изъ русской жизни» (О Дмитріи Самозванцѣ), «Драма въ Мангеймѣ» (убійство Коцебу), о Мериме и др. На основѣ весьма детальнаго знакомства съ европейской литературой ему удалось отвѣтить на нѣкоторые запутанные вопросы и въ нашей литературѣ; отмѣтимъ его интересные въ этомъ отношеніи этюды: о «Скупомъ рыцарѣ» Пушкина, объ источникахъ комедіи императрицы Екатерины II «О время!» и др. Онъ же опубликовалъ обширную переписку П. А. Катенина, составившую цѣлую книгу любопытнѣйшаго матеріала по исторіи русской литературы и театра первой половины XIX вѣка; подъ его же редакціей Академія Наукъ издала въ двухъ томахъ собраніе сочиненій академика И. Н. Жданова. Въ обществѣ неофилологовъ покойный былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ, библіотекаремъ и казначаемъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1917 г., №14808, «Рѣчь», № 144).

† **Чириковъ, М. І.** ¹⁾ 30-го января скончался на 38-мъ году жизни извѣстный иконописецъ, реставраторъ и собиратель древностей Михаилъ Юсифовичъ Чириковъ. Покойный принималъ участіе въ реставраціи многихъ замѣчательныхъ памятниковъ русской старины, художественной старины: въ нынѣ производящейся реставраціи московскаго Успенскаго собора, въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, иконъ царской молельни въ Зимнемъ дворцѣ, лѣтняго храма Рогожскаго кладбища и мн. др. Не мало также исполнено имъ работъ для новыхъ знаменитыхъ храмовъ. Напримѣръ, для Романовскаго въ Петроградѣ, Марфо-Мариинской обители въ Москвѣ, въ Почаевской лаврѣ. М. И. принималъ также участіе въ дѣлахъ церковно-археологическаго отдѣла при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, членомъ котораго онъ состоялъ. Изъ печатныхъ трудовъ покойнаго назовемъ: «О реставраціи иконы «Спасъ-Ярое око» изъ Воскресенской Расловской церкви Грязовецкаго уѣзда», М. 1905, «Храмовая икона Владимирской церкви г. Вологды и ея реставрація». Имъ изданы: «Иконы Богоявленской церкви слободы Метеры М. 1903». Съ его фототипіями издана книга «Иконостасъ церкви св. Іоанна Богослова при техническомъ желѣзнодорожномъ училищѣ въ Борисоглѣбскѣ». Покойный участвовалъ своими коллекціями въ выставкахъ древне-русскаго искусства въ Москвѣ и Петроградѣ. Вообще—это былъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ иконописцевъ, любившій и изучавшій старину.

† **Шашковскій, А. П.** 25-го апрѣля недалеко отъ Шлиссельбурга скончался послѣ тяжелой болѣзни завѣдующій редакціей «Всего Петрограда» Александръ

¹⁾ Сообщилъ діаконовъ Н. В.

Петрович Шанковскій. Онъ былъ душою этого справочнаго изданія около 15 лѣтъ и работалъ неустанно, руководствуясь желаніемъ сдѣлать «Весь Петроградъ» возможно полнымъ и образцовымъ справочникомъ. Покойный по окончаніи курса въ Петроградскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще и уѣхалъ въ Архангельскъ въ качествѣ учителя русскаго языка въ мѣстной гимназіи. Затѣмъ онъ переехалъ въ Петроградъ, преподавалъ недолго русскій языкъ въ петроградскомъ учительскомъ институтѣ, затѣмъ былъ учителемъ послѣдовательно въ 7 и 1 петроградскихъ гимназіяхъ. Скончался онъ на 56-мъ году своей полезной жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1917, № 14768).

† Эрнъ, В. Ф. 29-го апрѣля въ Москвѣ скончался приватъ-доцентъ Владимиръ Францевичъ Эрнъ. Покойный родился въ Тифлисѣ въ 1882 г. и тамъ же окончилъ гимназію. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ стѣнахъ московскаго университета. Здѣсь же протекала и его дальнѣйшая научная дѣятельность, въ качествѣ приватъ-доцента по кафедрѣ философіи. Русская литература и философія понесли большую утрату въ лицѣ скончавшагося. Онъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ жизни, и кончина его вызоветь въ Москвѣ не только сожалѣніе, даже не одну скорбь, но и рыданія. До того весь очеркъ личности его былъ прекрасенъ, исключителенъ, до того, наконецъ, онъ былъ необходимъ сложившемуся въ Москвѣ кружку молодого славянофильства, коего онъ былъ однимъ изъ возродителей, защитниковъ и пропагандистовъ. Человѣкъ огромной логики, обширнѣйшихъ знаній, и знаній рѣдкихъ, въ которыя немногіе заглядывали, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ весь пылалъ живымъ ощущеніемъ дѣятельности, связями съ трепетомъ текущей минуты. Нѣмецъ по племени, онъ былъ опредѣленно враждебенъ нѣмецкой культурѣ, нѣмецкой образованности, нѣмецкой философіи, какъ совершенно его собралъ по духу, Владимиръ Даль, собиратель пословицъ и говоровъ на Руси. Громадные труды В. Ф. Эрна открыли для русскихъ совершенно новую область въ философіи: именно открыли имъ итальянскую метафизику въ лицѣ двухъ великихъ мыслителей, Розмини и Джоберти. Каждому изъ нихъ онъ посвятилъ по обширному изслѣдованію. По странной игрѣ судьбы, В. Ф., такъ долго и съ такимъ упорствомъ работавшій надъ своей докторской диссертацией о Джоберти, всего нѣсколько дней не дожидаясь ея публичной защиты. Очень нуждавшійся всю жизнь матеріально, онъ всего за нѣсколько дней до смерти получилъ приглашеніе занять одну изъ кафедръ въ казанскомъ университетѣ. (Некрологъ его: «Утро Россіи», 1917, № 108, «Новое Время», 1917 г., № 17771).

Яроцкій, В. Г. 29-го іюня въ Усть-Наровѣ скончался на 63-мъ году жизни извѣстный экономистъ, профессоръ Василій Гавриловичъ Яроцкій. Покойный въ теченіе свыше тридцати лѣтъ читалъ лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петрограда—въ университетѣ, Александровскомъ лицѣ и Военно-Юридической академіи. Въ научной литературѣ онъ приобрѣлъ извѣстность, какъ авторъ весьма солидныхъ трудовъ по рабочему вопросу. Главнѣйшіе его труды—магистерская и докторская диссертации—посвящены вопросамъ отвѣтственности предпринимателей и о страхованіи рабочихъ. («Экономическая отвѣтственность предпринимателей», 2 т., Спб., 1887 г. и «Страхованіе рабочихъ въ

связи съ отвѣтственностью предпринимателей». Спб. 1887 г.). Оба эти изслѣдованія были первыми работами на русскомъ языкѣ, посвященными проблемѣ обезпеченія рабочихъ, и подготовили осуществленіе у насъ стрхованія рабочихъ, проведеннаго законами 1912 г. Помимо двухъ крупныхъ изслѣдованій перу покойнаго принадлежитъ рядъ статей въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», въ «Русскомъ Богатствѣ», въ «Правѣ» и въ другихъ изданіяхъ. Наконецъ, еще въ прошломъ году покойный напечаталъ «Учебникъ политической экономіи», въ которомъ, какъ бы предчувствуя скорый конецъ, подводилъ итоги своей преподавательской дѣятельности. Въ маѣ нынѣшняго года при обновленіи сената онъ былъ назначенъ сенаторомъ II департамента: (Некрологъ его: «Рѣчь», 1917, № 153; «День», № 100).

† **Ярошенко, С. П.** 11-го іюня въ Одессѣ скончался на 71-мъ году заслуженный профессоръ Новороссійскаго университета Семень Петровичъ Ярошенко. Покойный родился 28-го декабря 1846 года въ Херсонѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Херсонской гимназіи и по окончаніи поступилъ въ Ришельевскій лицей, откуда въ 1864 г. перевелся въ Кіевскій университетъ, а въ 1865 г. въ новооткрытый Новороссійскій университетъ на 2-й курсъ математическаго отдѣленія физ.-мат. факультета. С. П.—студентъ перваго выпуска Новороссійскаго университета и первый получилъ въ немъ золотую медаль; онъ же былъ первымъ лицомъ, оставленномъ при университетѣ для приготовленія къ профессорству и первый изъ питомцевъ Новороссійскаго университета приобрѣлъ ученую степень магистра и доктора. Въ 1868 г. С. П. выдержалъ въ Новороссійскомъ университетѣ экзаменъ на магистра чистой математики и представилъ диссертацию на степень магистра: «О изысканіи особыхъ рѣшеній дифференціальныхъ уравненій перваго порядка», которую и защитилъ въ мартѣ 1870 г. Въ томъ же году онъ былъ избранъ доцентомъ. Въ октябрѣ 1871 г. С. П. защитилъ тоже въ Новороссійскомъ университетѣ докторскую диссертацию: «Теорія опредѣлителей и ея приложенія», послѣ чего избранъ совѣтомъ экстра-ординарнымъ профессоромъ. Въ 1873 г. по напечатаніи С. П. сочиненія: «Начала новой геометріи», онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ. Кромѣ упомянутыхъ диссертаций С. П. написалъ «Алгебраическія операціи въ области элементарныхъ геометрическихъ формъ», «Проективная геометрія» и много другихъ. Въ 1884 г. С. П. былъ избранъ ректоромъ университета. Затѣмъ онъ состоялъ редакторомъ «Записокъ» Новороссійскаго университета. Въ общественной жизни покойный принималъ большое участіе. Въ 1905 г. былъ избранъ городскимъ головою, но въ исполненіе обязанностей городского головы не вступилъ. Послѣ пожара одесскаго порта въ 1904 г. былъ высланъ въ Вологду одновременно съ О. Я. Пергаментомъ и Р. М. Орженцкимъ. По возвращеніи съ мѣста ссылки С. П. былъ торжественно встрѣченъ на вокзалѣ многотысячной толпой студентовъ и его почитателей. Въ 1907 г. распоряженіемъ генерала Толмачева былъ лишенъ права посѣщенія совѣта Новороссійскаго университета. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1917, № 148).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ некрологу В. В. Матэ.

Въ май-юньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за т. г. напечатанъ, составленный по свѣдѣніямъ изъ «Вечерняго Времени», «Рѣчи» и др. газетъ некрологъ, посвященный покойному отцу моему—В. В. Матэ, гдѣ приведены нѣкоторыя данныя, не соответствующія дѣйствительности. Такъ въ началѣ некролога указано: «онъ, прусскій подданный, былъ отправленъ въ 1880 г. на средства вел. кн. Владимира Александровича въ Парижъ и совершенствовался тамъ въ гравированіи на деревѣ у Панемакера». Въ концѣ некролога напечатано: «Покойный только недавно принялъ русское подданство, уже во время войны. Незадолго до войны онъ приобрѣлъ въ Финляндіи, на взморьѣ, близъ Теріокъ, земельный участокъ. Въ послѣднее время, говорятъ, въ этомъ участкѣ обнаруженъ былъ очень загадочный подземный ходъ—и открытіе это, какъ передаютъ, ускорило кончину В. В.» Согласно имѣющимся у меня документамъ, отецъ мой перешелъ въ русское подданство въ 1880 г. (приведенъ къ присягѣ 11 апрѣля 1880 г), проведя все дѣтство съ младенческими лѣтъ вмѣстѣ со своими родителями въ Россіи и слѣдовательно посланъ былъ за границу, будучи русскимъ подданнымъ, и получилъ воспитаніе въ Россіи. Что же касается указанныхъ выше свѣдѣній о дачѣ въ Финляндіи, то все это является сплошнымъ вымысломъ. Умеръ отецъ мой отъ рака кишечника, который уже давно подтачивалъ его организмъ и борьба съ которымъ оказалась безплодной. Близость же дачи къ форту объясняется тѣмъ, что часть дачнаго участка, еще издавна приобретеннаго, была отчуждена только въ сравнительно недавнее время, когда у военныхъ властей возникла мысль устроить въ этомъ мѣстѣ фортъ.

М. В. Наргина, урожденная Матэ.

слѣдомъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока исчезли послѣднія улицы города и не было уже сомнѣнія, что Ларральдъ ѣдетъ въ Толедо.

Толедо въ это время былъ своего рода котломъ всякихъ политическихъ интригъ, которыя черезъ нѣсколько лѣтъ вспыхнули такимъ яркимъ пламенемъ и привели къ изгнанію Бурбоновъ изъ Испаніи. Ларральдъ былъ достаточно опасенъ, и за нимъ слѣдили. Но подобно многимъ людямъ его сорта, онъ приписывалъ себѣ гораздо большее значеніе, чѣмъ соглашались признать за нимъ другіе.

Какъ извѣстно, Толедо почти окруженъ рѣкою Таго и въ него можно въѣхать только черезъ двѣ заставы. Въѣхать въ одну изъ нихъ среди бѣла дня—значило привлечь къ себѣ общее вниманіе, что было особенно нежелательно въ тѣ времена. Севастьянъ Ларральдъ уже лѣзлъ подъ уклонъ, заканчивавшійся арестомъ.

Въ первый разъ онъ принялъ денежное вознагражденіе за свои услуги. Хотя оно было предложено ему самымъ деликатнымъ образомъ—подъ видомъ аванса на издержки, когорыя могутъ встрѣтиться въ такого рода дѣлѣ, тѣмъ не менѣе фактъ оставался фактомъ. Севастьянъ Ларральдъ не былъ больше живописнымъ заговорщикомъ, служившимъ своему дѣлу съ такимъ усердіемъ, за которое можно было впослѣдствіи заплатить только почестями, предоставленіемъ какого-нибудь выдающагося поста, равноцѣннаго съ оказанными имъ заслугами. Ему заплатили впередъ, а это вѣрный знакъ недовѣрія съ той или иной стороны.

Сеньора Баренна водворилась съ дочерью въ Толедо уже нѣсколько недѣль. Для Юліи настала довольно скучная жизнь. Она рвалась на сѣверъ, хорошо зная, что интриги Ларральда должны будутъ привести его сюда же и даже, быть можетъ, въ самый Толедо. Но Ларральда какъ будто и слѣдъ простылъ.

Носились слухи, что въ рядахъ карлистовъ царитъ большое смущеніе. Ихъ дѣло, казалось, упало настолько, что ежедневно цѣлыя толпы наемниковъ уходили отъ нихъ на болѣе обѣщающіе театры войны. Нѣкоторые даже принимали цинично предложеніе поступить въ армію Эспартеро.

— Я всегда предсказывала, что дона Карлоса постигнетъ неудача, если онъ будетъ привлекать къ себѣ людей, въ родѣ этого...— не разъ говорила сеньора Баренна, дополняя свое указаніе движеніемъ вѣера.

И теперь въ этотъ вечеръ она сдѣлала это замѣчаніе, кажется, уже въ шестой разъ, какъ вдругъ калитка на внутренній дворикъ, гдѣ она сидѣла съ Юліей, распахнулась и Ларральдъ, который и имѣлся въ виду при этихъ замѣчаніяхъ, быстро появился передъ дамами.

При видѣ Юліи его усталое лицо просіяло. Понимая каждое выраженіе его лица, та готова была прыгнуть отъ радости. Втайнѣ она радовалась неудачѣ карлистовъ.

«истор. вѣстн.», июль—августъ 1917 г.,

7

Сеньора Баренна поднялась и въ улыбкой протянула ему руку. Ей было что-то скучно въ этотъ вечеръ и она была рада вообразить себя въ центрѣ политическихъ интригъ.

— А мы все думали, придете ли вы?—сказала она.

— Я то здѣсь, то тамъ, но гдѣ бы я ни былъ, я всегда возвращаюсь къ дому Баренна,—галантно отвѣтилъ Ларральдъ.

— У васъ усталый видъ,—спокойно замѣтила Юлія.—Гдѣ вы были?

— Въ послѣднее время я былъ въ Мадридѣ. Ураганъ надѣлалъ не мало вреда въ городѣ, и я самъ едва не погибъ.

Онъ пожалъ плечами и продолжалъ беззаботнымъ тономъ:

— Что значить теперь жизнь? Жизнь одинокаго человѣка, да еще въ Испаніи?

Сеньора Баренна пришла въ ужасъ.

— Господи помилуй,—прошептала она.—Почему же никто не хочетъ ничего сдѣлать для устранения этого?

— Каждый дѣлаетъ все, что можетъ,—отвѣчалъ Ларральдъ,—поглаживая усы рукою.

И онъ заговорилъ о разныхъ новостяхъ, и когда онъ въ концѣ концовъ предложилъ Юліи сдѣлать прогулку по саду, сеньора Баренна уже не возражала противъ этого. На нѣсколько минутъ Юлія чувствовала себя совершенно счастливой: Ларральдъ, видимо, былъ искренно радъ, что видитъ ее опять.

— Вы любите меня?—спросилъ онъ вдругъ.

Юлія тихо засмѣялась.

— И готовы покинуть со мной Испанію и жить въ другой странѣ?

— Готова.

— Готовы рискнуть всѣмъ ради меня?

— Готова.

— Я хотѣлъ создать вамъ высокое положеніе,—продолжалъ Ларральдъ,—но судьба противъ меня. Мнѣ это не удалось: дѣло карлистовъ проиграно, Юлія. У насъ нѣтъ болѣе главы. Этого незачѣмъ скрывать отъ себя. Мы стараемся посадить его королемъ, но какъ только мы отнимемъ руки прочь, онъ упадетъ. Это соломенное чучело. Мы сдѣлали послѣднее и, какъ вы знаете, очень опасное усиліе. Охъ, этотъ проклятый англичанинъ! Никто не можетъ сказать, что ему извѣстно. Письмо было такъ долго въ его рукахъ! Но на этотъ разъ я перехитрилъ его!

Ларральдъ замолчалъ и вынулъ изъ кармана письмо въ розовомъ конвертѣ, порядочно теперь загрязненное отъ пребыванія въ рукахъ лакея полковника Монреала.

— Нужно еще двѣ подписи, и тогда все будетъ въ порядкѣ,—заговорилъ этотъ партизанъ дона Карлоса.—Мы произведемъ тогда нашъ переворотъ. Но мы не можемъ двинуться, пока этотъ Конингэмъ находится въ Испаніи. Я хотѣлъ бы застрѣлить его въ эту минуту.

Юлія тяжело дышала.

— Вотъ что хочеть сдѣлать этотъ Конингэмъ. Прежде всего онъ намѣренъ показать это письмо Эстреллѣ Винченче. Тутъ при- мѣшалась эта глупая любовная исторія. Во вторыхъ, онъ ненави- дить меня и старается добиться высокаго положенія въ рядахъ роялистовъ. Эти англичане ничѣмъ не стѣсняются. Онъ пытался даже сбить меня—не далѣе, какъ вчера. Я впрочемъ за это на него не въ претензіи: *á la guerre comme á la guerre*. Я только хотѣлъ бы выпроводить его безъ шума изъ Испаніи. Это можно устроить довольно легко. Помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ: это спасеть мнѣ жизнь.

— Хорошо,—отвѣчала Юлія.

— Надо, чтобы вы написали Конингэму письмо, въ которомъ было бы сказано, что вы устали отъ политическихъ интригъ...

— Небеса знаютъ, что я сказала бы только правду,—вста- вила Юлія.

— И что вы дадите ему письмо, котораго онъ добивается, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ показалъ его только Эстреллѣ Вин- ченче и вернулъ его вамъ. Со своей стороны вы можете дать клятву, что это то самое письмо, которое онъ вручилъ вамъ въ саду у ге- нерала. Если Конингэмъ согласенъ на это, то онъ можетъ встрѣ- титься съ вами здѣсь въ Толедо сзади церкви Святаго Оомы въ слѣ- дующій понедѣльникъ въ семь часовъ вечера. Вы напишите это письмо, Юлія?

— Но... Эстрелла Винченче...

— Она забудетъ его черезъ недѣлю,—со смѣхомъ отвѣчалъ Ларральдъ.

XIX.

Консенсіонъ отправляется въ дорогу.

Послѣ великой бури настала столь же поразительная тишина. Казалось, природѣ стало стыдно, и она остановилась въ раздумьѣ передъ тѣмъ, что она надѣлала въ припадкѣ ярости. Каждый день солнце ярко свѣтило съ безоблачнаго неба и вся Кастилія казалась коричневой выжженой пустыней. На улицахъ Мадрида носилась тучами горячая пыль и тотъ запахъ теплой земли, который рѣдко можно почувствовать въ Англии.

Тѣ, кто могъ, оставались дома, на своихъ тѣнистыхъ внутрен- нихъ дворахъ, пока не свалитъ дневной жаръ. Тѣ, кому приходилось работать на воздухѣ, отъ полудня часовъ до трехъ безвозбранно дежали гдѣ-нибудь въ тѣни. Въ эти дни военныя операціи были почти прекращены, хотя начальники отдѣльныхъ частей и продол- жали заниматься по своимъ канцеляріямъ. Военныя пертурбаціи прошли и давно желанный миръ начиналъ уже приносить свои

плоды. Армія королевы-регентши была въ жалкомъ состояніи, и между офицерами царили зависть и интриги. Генераль Винченге былъ рѣдко дома, и Эстрелла проводила свое время оъ полномъ уединеніи. Пріѣхавъ въ Мадридъ изъ Андалузїи, она привыкла еще и не къ такому жару и знала, какъ избѣгать его непрїятнаго дѣйствїя.

Однажды послѣ обѣда она сидѣла у себя въ комнатѣ, возлѣ открытаго окна со спущенными жалюзи.

Вошелъ слуга и доложилъ, что пріѣхалъ падре Конха.

Старый священникъ вошелъ въ комнату, обтирая свое запотѣвшее лицо.

— Вы, очевидно, спѣшили и не обращали вниманїя на солнце,— встрѣтила его Эстрелла.

— Старой собакѣ не зачѣмъ укрываться,—возразилъ, усаживаясь, Конха. Это только молодые люди рискуютъ собою безъ надобности.

Эстрелла взглянула на него пристально, но ничего не сказала въ отвѣтъ. Конха, съ платкомъ въ рукѣ, сидѣлъ и смотрѣлъ на полоску солнечнаго свѣта на полу, прорывавшагося черезъ щели въ жалюзи. Съ улицы доносился отдаленный шумъ города и крики продавцевъ воды, фруктовъ и газетъ.

Падре Конха казался смущеннымъ и, видимо, старался найти для себя какой-нибудь выходъ изъ затруднительнаго положенїя. Эстрелла откинулась на креслѣ и почти совсѣмъ закрылась своимъ медленно двигавшимся чернымъ вѣеромъ.

— Я пришелъ, чтобы повидаться съ вашимъ отцомъ,—началь наконецъ старикъ, хотя и понималъ, что такой приступъ довольно неправдоподобенъ.—Я недавно видѣлъ Конингэма, которымъ мы всѣ такъ интересуемся. Онъ ведетъ себя удивительно неосторожно. Я пытался убѣдить его не поступать такъ легкомысленно и необдуманно. Вы помните приключенїе въ вашемъ саду въ Рондѣ, когда онъ вручилъ письмо Юлія?

— Да, помню,—спокойно отвѣтила Эстрелла.

— По причинамъ, которыя онъ не хотѣлъ мнѣ объяснить, я понялъ, что онъ хочетъ получить это письмо обратно. Недавно Юлія писала ему отсюда, изъ Толедо, что она дастъ ему это письмо, если онъ явится сюда за нимъ самъ. Однако, путешествїе по Толедской дорогѣ, какъ вы знаете, едва ли можно рекомендовать сеньору Конингэму.

— Но Юлія вѣдь не сдѣлаетъ ему никакого вреда,—замѣтила Эстрелла.

— Дитя мое, мужчинѣ, который занимается политикой, можно довѣрять лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, женщинѣ—никогда. Если бы Юлія хотѣла отдать ему письмо, она просто переслала бы его ему въ Мадридъ по почтѣ. Но Конингэмъ, котораго ничѣмъ нельзя

удержать, сегодня послѣ обѣда отправляется въ Толедо и притомъ совершенно одинъ. Съ нимъ не будетъ даже его слуги Консенсіона Вара, который вдругъ куда-то исчезъ. Въ то же время какая-то женщина, которая выдаетъ себя за жену этого негодяя изъ Алжесираса, наводила справки о томъ, гдѣ онъ живетъ. Я предложилъ было Конингэму ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но онъ въ отвѣтъ только разсмѣялся и сказалъ, что сѣдло будетъ мнѣ не по вкусу.

Онъ замолчалъ и глядѣлъ на нее изъ подъ своихъ насупленныхъ бровей, зная, что ему не смутить этой дѣвушки, что она одна изъ тѣхъ, кому онъ можетъ иногда оказывать маленькую помощь, но не болѣе.

Эстрелла то же бросила на него твердый, спокойный взглядъ.

— У него не мало враговъ въ этой странѣ,—продолжалъ старый священникъ, и презирать—ихъ значитъ повторять ошибку, которую такъ часто дѣлаютъ его земляки. Онъ поѣхалъ по этому приглашенію, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности. Толедо, какъ вы знаете, есть центръ всякаго неудовольствія и всяческихъ интригъ. Сюда собираются недовольные со всей Испаніи, и Конингэму надо бы держаться отъ нихъ подалеже.

Онъ опять замолчалъ, постукивая по своей табакеркѣ. Въ этотъ моментъ дверь открылась и вошелъ генераль Винченче.

— О, падре,—воскликнулъ онъ весело.—Каково солнце-то, а? Здѣсь, впрочемъ, прохладно. А у Эстреллы въ комнатахъ всегда такъ уютно.

Онъ нѣжно потрепалъ ее по щекѣ и, подвинувъ впередъ кресло, усѣлся на него, стараясь освободиться отъ своей сабли, которая казалась слишкомъ большой для него.

— Какія новости?—спросилъ онъ, слѣгка вытирая лицо платкомъ.

— Плохія,—промычалъ Конха и вдругъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ повторилъ все то, что онъ только что говорилъ молодой дѣвушкѣ.

— Все это происходитъ,—закончилъ онъ,—отъ того, что люди мѣшаются не въ свои дѣла.

— Нѣтъ, это не оттого,—перебилъ его генераль.—Все это оттого, что у Конингэма есть скверная привычка считать своими друзьями первыхъ встрѣчныхъ.

Дверь открылась опять, и вошелъ слуга.

— Ваше превосходительство,—доложилъ онъ,—явился человекъ, который называетъ себя Консенсіонъ Вара и желаетъ говорить съ вами.

— Вотъ еще одинъ изъ друзей Конингэма,—замѣтилъ генераль.—Таковыми друзьями въ Испаніи, хоть прудъ пруди. Позови его сюда.

Слуга, видимо, былъ удивленъ и поспѣшилъ удалиться. Но хотя пріемъ былъ и не совсѣмъ обычный, тѣмъ не менѣе Консенсіонъ Вара

былъ слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія, чтобы смутиться или почувствовать себя въ затруднительномъ положеніи. По счастливой случайности онъ былъ на этотъ разъ въ сюртукѣ. Его мягкая рубашка была безукоризненна, въ петлицѣ красовался цвѣтокъ, а въ рукахъ онъ держалъ шляпу. Платокъ былъ такой яркости, что неотразимо дѣйствовалъ на прекрасный полъ.

— Ваше превосходительство,—промолвилъ онъ, переступивъ порогъ и кланаясь.—Достопочтенный отецъ,—продолжалъ онъ, дѣлая еще шагъ впередъ.—Сеньорита,—докончилъ Вара, отвѣщая глубокой поклонъ въ сторону Эстреллы.

Покончивъ съ церемоніями, онъ сталъ въ срединѣ комнаты, давая понять своей снисходительной улыбкой, что нѣтъ надобности стѣсняться въ его присутствіи, что собравшееся общество какъ разъ для него кстати.

— Не терпящее отлагательства дѣло, ваше превосходительство,—таинственно заявилъ онъ генералу.—Я имѣю основанія подозревать, что одинъ изъ моихъ друзей—сеньоръ Конингэмъ, у котораго я въ данное время нахожусь въ услуженіи, подвергается большой опасности.

— Что же даетъ вамъ основаніе для подозрѣній?—спросилъ Винценте.

Консенсіонъ слегка махнулъ рукой, какъ будто желая сказать, что эту вѣсть ему принесли птицы на хвостѣ.

— Когда бываешь въ кафе, то не всегда сидишь одинъ, иногда подвернется и кампанія—погонщики муловъ, кучера омнибусовъ, торреадоры, даже контрабандисты, да мало ли кто еще.

Говоря о контрабандистахъ, онъ выразилъ на своемъ лицѣ такое къ нимъ уваженіе, что падре Конхе невольно засмѣялся.

— Вы правы, другъ мой,—послѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ генералъ, желавшій загладить обнаруженный священникомъ недостатокъ хорошихъ манеръ.—И вотъ отъ этихъ-то людей, конечно, честѣйшихъ въ своемъ родѣ... отъ нихъ-то вы и узнали...

— Что у сеньора Конингэма есть враги въ Испаніи?

— Это я понимаю. Но вѣдь у него есть и друзья?

— Одинъ-то ужъ навѣрно есть,—промолвилъ Вара, принимая живописную позу, уперевъ одну руку въ яркій поясъ, за которымъ красовался огромный ножъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ очень счастливъ,—продолжалъ генералъ, съ самой обворожительной улыбкой.—Для чего же вы явились ко мнѣ?

— Мнѣ нужны два человѣка,—гордо отвѣтилъ Консенсіонъ.— Вотъ и все.

— А какіе же люди вамъ нужны? Гражданская гвардія?

— Сохрани Богъ! Дайте мнѣ честнаго солдата, ваше превосход-

дительство. Гражданская гвардія! Помилуйте, ваше превосходительство!

Онъ замолчалъ, помахивая рукой, какъ будто хотѣлъ этимъ доказать низкій нравственный уровень гражданской гвардіи.

— Это скверные люди. У нихъ ружья всегда заряжены, а пальцы вѣчно на спускѣ. Бацъ! И человѣка какъ не бывало. Многихъ моихъ друзей не стало отъ нихъ... То есть не стало многихъ, съ кѣмъ я встрѣчался въ кафе.

— Лучше будетъ дать ему двухъ молодцевъ изъ его собственныхъ знакомыхъ,—промолвилъ Конхе на отчаянномъ англійскомъ языкѣ.—Онъ, очевидно, искренно привязанъ къ Конингэму и бояться нечего.

— А если я дамъ вамъ двухъ людей,—сказалъ генераль, за которыми неотступно слѣдили глаза Эстреллы,—то можете ли вы поручиться, что съ сеньоромъ Конингэмомъ не случится ничего дурного?

— Я все устрою,—отвѣчалъ Консенсіонъ, слегка пожимая плечами.—Я все устрою, не бойтесь.

— Я дамъ вамъ этихъ людей,—промолвилъ генераль, подвигая къ себѣ письменный приборъ, чтобы написать приказъ.—Эти люди извѣстны мнѣ лично. Вы на нихъ можете положиться въ любую минуту.

— Если это друзья вашего превосходительства,—успокоительно заявилъ Вара,—то для меня этого совершенно достаточно.

— Онъ, вѣроятно, будетъ просить денегъ,—по-англійски сказала Эстрелла.

Ея щеки горѣли, а въ глазахъ свѣтился огонекъ: въ ней сказывалась происхожденіе отъ воинственной расы, и ея спокойное обращеніе и достоинство, которое было какъ-то странно видѣть въ такой юной особѣ, были только результатомъ самообладанія, перешедшаго къ ней изъ глубины вѣковъ.

Генераль, не отрываясь отъ письма, кивнулъ головой.

— Отнесите это въ главную квартиру,—сказалъ онъ, вручая бумагу Консенсіону.—Меньше чѣмъ въ полчаса, нужные вамъ люди будутъ готовы. Сеньоръ Конингэмъ—мой другъ, и потому всякія расходы, которыя могутъ у васъ встрѣтиться, будутъ уплочены мною...

Консенсіонъ поднялъ руку.

— Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, ваше превосходительство,—произнесъ онъ.—Теперь средства у сеньора Конингэма есть. Онъ еще вчера далъ мнѣ денегъ и погасилъ мой маленькій счетъ. Такіе маленькіе счета, конечно, пустяки для насъ обоихъ.

Онъ весело засмѣялся и направился къ двери.

— Вара,—остановилъ его Конха.

— Что прикажете, ваше преподобіе?

— Если я встрѣчу вашу жену въ Мадридѣ, то что мнѣ сказать ей?

Консенсіонъ повернулся и взглянулъ на улыбающееся лицо стараго священника.

— Въ Мадридѣ, ваше преподобіе? Какъ вамъ могла прійти въ голову такая мысль? Моя жена живетъ въ Алжесирасѣ и, знаете...

Тутъ онъ поднялъ глаза къ потолку и преувеличенно тяжело вздохнулъ.

— Знаете, по временамъ мое сердце болитъ о ней. А пока что, я долженъ садиться на лошадь. Что значить долгъ-то, ваше преподобіе! Будьте здоровы, ваше превосходительство.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Если вы хотите сдѣлать вора честнымъ человѣкомъ, то оказывайте ему довѣріе,—промолвилъ Конха, когда дверь закрылась.

Черезъ часъ Вара уже былъ на дорогѣ въ сопровожденіи двухъ солдатъ, которые съ охотой воспользовались обществомъ человѣка, имѣющаго такую репутацію, какъ Вара. Въ Испаніи, если хочешь быть торреадоромъ, не худо быть и контрабандистомъ.

На западѣ отъ сильнаго жара собиралась гроза: по небу ползли тяжелыя облака, а на землѣ преждевременно спускалась темнота.

Всадники проѣхали уже двѣ трети своей дороги, когда Конингэмъ показался въ виду огней Толедо, сіявшаго на скалѣ, словно брилліантъ въ кольцѣ и почти окруженнаго во всехъ сторонѣхъ быстрымъ Таго. Его лошадь, видимо, сильно устала и не разъ спотыкалась на склонѣ холма, по которому онъ спускался къ большому мосту, построенному тринадцать вѣковъ тому назадъ.

Черезъ старинныя ворота онъ вѣхалъ въ городъ: съ его тихими улицами, пустыми дворами, сотнями церквей, лежавшихъ въ развалинахъ—это былъ городъ мертвыхъ. Былая слава оставила здѣсь слѣды на каждомъ шагу. Здѣсь впервые поселились евреи, бѣжавшіе изъ Иерусалима, здѣсь почти четыре столѣтія цертовали мавры, здѣсь преслѣдовали другъ друга по пятамъ готы, римляне и великіе испанцы Среднихъ вѣковъ. Воистину, эти извѣденные временемъ камни были свидѣтелями величія величайшей изъ націй міра.

Въ городскихъ воротахъ медленно покачивался единственный фонарь, подвѣшенный къ потолку. Улицы также были плохо освѣщены масляными фонарями, развѣшанными кое-гдѣ на углахъ.

Конингэмъ бывалъ въ Толедо раньше и зналъ дорогу въ гостиницу, пролегавшую подъ тѣнью великаго Альказара, теперь сожженнаго и разрушеннаго. Здѣсь онъ оставилъ свою лошадь, ибо улицы Толеды такъ узки и извилисты и такъ дурно вымощены, что лошадь не можетъ удержаться на круглыхъ булыжникахъ, и всякое иное движеніе, кромѣ пѣшеходнаго здѣсь не извѣстно. Оттого здѣсь на улицахъ тихо, какъ въ пустынѣ.

Юлія выбрала мѣсто, отыскать которое было нетрудно. Поужи-

навъ и немного отдохнувъ, Конингэмъ направился туда, не спрашивая никакихъ указаній.

— Во всякомъ случаѣ надѣ попробывать,—говорилъ онъ самъ себѣ. Вѣдь не забыла же она, что я спасъ ея жизнь на Гароннѣ, а потомъ въ Рондѣ.

Улицы были безлюдны. Дулъ сильный холодный вѣтеръ, и окна кафе были плотно прикрыты противъ вечерней сырости.

Въ переулкѣ, гдѣ высилась церковь Святого Θомы, не было ни души, и Конингэмъ напрасно всматривался въ тѣнь, падавшую отъ высокой ограды церкви. Вдругъ до его слуха донесся топотъ ногъ, обутыхъ въ мягкія туфли. Онъ повернулся и сразу понялъ, что Юлія его предала. Двое изъ напавшихъ на него упали сразу, какъ подрубленные деревья, но ихъ оставалось еще четверо. Они бросились на него, какъ собаки на лисицу, и черезъ минуту въ переулкѣ уже было тихо.

XX.

По дорогѣ въ Талару.

На разстояніи часа пути къ западу отъ Толедо по дорогѣ въ Талаверу, два человѣка сидѣли подъ тѣнью скалы и играли въ карты. Игра шла спокойно, безъ восклицаній, съ переменнымъ счастьемъ и длилась уже отъ самого часа сіесты. Валявшіеся кругомъ голыхъ скалъ тлѣвшіе окурки показывали, что оба игрока сильно страдали національной слабостью.

Старшій изъ нихъ время отъ времени оборачивался и поглядывалъ черезъ плечо на пыльную дорогу, которая лентой вилась подъ ними по выжженной равнинѣ. Мѣстность здѣсь была бесплодной, усѣянной камнями, но къ западу, гдѣ Торрихось бѣлѣлъ яркимъ пятномъ на равнинѣ, земля была покрыта зеленью и тяжелыми колосьями маиса. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли оба солдата, зелень была очень скудна, но выдѣляла изъ себя сильный аромать, какъ это обыкновенно бываетъ въ скалистыхъ мѣстахъ жаркихъ странъ. Оба солдата были кавалеристы. Это было видно по ихъ формѣ и въ особенности по ихъ большимъ заржавленнымъ шпорамъ.

Лошадей своихъ они оставили въ конюшнѣ сосѣдней венты, которой изъ за придорожныхъ деревьевъ совсѣмъ не было видно. Сюда, подъ эту скалу, господствующую надъ дорогой, они забрались для того, чтобы, по обычаю земляковъ, провести здѣсь въ тѣни послѣобѣденные часы. Даже въ промежутки между самыми поразительными событіями испанецъ не теряетъ своей способности играть въ карты.

— Ъдетъ,—сказалъ наконецъ старшій солдатъ, медленно тасуя грязныя карты. Я слышу стукъ копытъ его лошади.

Въ самомъ дѣлѣ, мертвая тишина, которая царствуетъ на возвышенностяхъ Испаніи—тишина историческаго прошлаго и омертвѣвшаго настоящаго, нарушалась мѣрнымъ постукиваніемъ копытъ.

Говорившій солдатъ былъ кастилецъ съ бычьей головой, четырехугольной челюстью и глубоко всаженными глазами. Его товарищъ, еще молодой человѣкъ, въ отвѣтъ только кивнулъ головой и принялся разсматривать сданные ему карты.

Игра продолжалась, пока Консенсіонъ Бара крупной рысью приближался по Толедской дорогѣ. На лошади и подъ открытымъ небомъ этотъ человѣкъ производилъ болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ на улицѣ города. Здѣсь среди горъ онъ держалъ голову прямо и смѣло смотрѣлъ на міръ Божій, готовый всякую минуту защищать самого себя. На улицѣ же у него былъ видъ какого-то бѣглеца, и онъ озирался во всѣ стороны, боясь, какъ бы его не узнали.

Онъ отвелъ свою усталую лошадь въ конюшню маленькой венты, гдѣ, вѣрный своей обычной галантности, онъ принялся ухаживать за какой-то отвратительной старой вѣдьмой и такимъ образомъ добылъ себѣ мѣстечко у стола. Осыпая ее разными комплиментами, онъ очень ловко добылъ для своей лошади такого овса, какого нельзя было купить и за деньги.

— Знаете, сеньора,—говорилъ онъ, постукивая по мѣркѣ,—я всегда могу сказать, хороша ли была женщина въ молодости. Но съ вами этого не требуется. Ваша красота сохранится еще много, много лѣтъ.

Такимъ способомъ Бара и его лошадь всегда добывали хорошую пищу въ дорогѣ. Консенсіонъ нарочно медлилъ у дверей конюшни, зная, что овесъ, высыпавшійся изъ мѣрки въ закорму, можетъ найти и обратную дорогу, и пошелъ въ домъ только тогда, когда окончательно успокоился за своего Буцефала.

На скалѣ, превращенной въ игральный столъ, карты еще продолжали шлепаться и Консенсіонъ, какъ настоящій спортсменъ, молча стоялъ до тѣхъ поръ, пока игра не кончилась.

— Все идетъ хорошо,—промолвилъ онъ наконецъ. Карета заказана у одного изъ моихъ друзей въ Толедо и ночью должна двинуться по Талаверской дорогѣ. Талаверъ вѣдь на дорогѣ въ Лисабонъ. Вѣдь я говорилъ вамъ!

Оба солдата кивнули головой. Одинъ изъ нихъ подсчиталъ свой выигрышъ, простиравшійся до десяти пезетъ. Проигравшій старался сохранить бодрый и равнодушный видъ, какъ подобаетъ бравому солдату, спартански переносящему удары судьбы.

— Ихъ будетъ шесть человѣкъ,—продолжалъ Консенсіонъ.—Двое верхомъ, двое на козлахъ и двое внутри кареты, для наблюденія за моимъ другомъ-плѣнникомъ.

— Вотъ какъ!—въ раздумѣ сказалъ молодой солдатъ.

Консенсіонъ взглянулъ на него.

— Что ты думаешь?—спросилъ онъ.

— Я думаю, какъ эти три человѣка могутъ убить шестерыхъ.

— Изъ шести человѣкъ,—вмѣшался солдатъ постарше,—одинъ непременно убьютъ. Сколько разъ со мной такъ бывало.

— А изъ пяти, по крайней мѣрѣ, одинъ не возьмется за ножъ,— замѣтилъ съ своей стороны Консенсіонъ.

Но молодой солдатъ, грудь котораго была украшена цѣлымъ рядомъ медалей въ отвѣтъ только покачалъ головой.

— Боюсь,—прибавилъ онъ.—Мнѣ всегда страшно передъ боемъ.

Консенсіонъ взглянулъ на солдата, котораго генераль Винченче выбралъ изъ цѣлой бригады испытанныхъ людей и слегка вздернулъ голову кверху.

— А мнѣ страшно-то бываетъ потомъ, когда все кончено,—замѣтилъ онъ. Тогда у меня руки дрожать и потъ катится градомъ съ моего лица.

Онъ раземѣялся и вытянулъ руки.

— А все таки,—весело продолжалъ онъ,—это самая лучшая охота, не правда ли?

Солдаты только пожали плечами.

— Карета заказана къ восьми часамъ,—дѣловито заговорилъ опять Консенсіонъ, свертывая себѣ папирску, которую воткнулъ потомъ за ухо, какъ это дѣлаютъ конторщики съ карандашами. Всѣмъ тѣмъ, кто пускается въ путь вмѣстѣ съ ночными птицами, есть, значить что-то скрывать. Увидимъ, что такое будетъ въ ихъ каретѣ. Лошади наняты до деревни Гальвецъ, гдѣ, очевидно, заказана вторая смѣна. Ночь будетъ отличная. Будетъ только половина луны. Для тѣхъ, кто думаетъ поработать ножомъ, это лучше, чѣмъ полнолуніе. Но лошади въ Гальвецѣ, вѣроятно, не потребуются.

Молодой солдатъ, на плечахъ котораго красовались знаки, свидѣтельствующіе о его быстромъ повышеніи, взглянулъ на небо, гдѣ вокругъ заходящаго солнца стали собираться, словно овцы передъ воротами, волнистыя облака.

— Половина луны для работы ножомъ, полная луна для стрѣльбы,—промолвилъ онъ.

— Да. Они откроютъ частую пальбу, если мы дадимъ имъ къ тому возможность,—согласился Консенсіонъ.—Это карлисты. Между этимъ мѣстомъ и Гальвецомъ есть рѣчка. Небольшой ручеекъ, какіе бываютъ у насъ въ Андалузіи. Маленькая—черезъ нее пѣтъ даже и моста, а только бродъ. Дно у нея мягкое. Тутъ лошади должны остановиться или, по крайней мѣрѣ, пойти шагомъ. За рѣчкой стоитъ нѣсколько деревьевъ.

И жестикулируя онъ принялся чертить на скалѣ указательнымъ пальцемъ воображаемый рисунокъ.

— Здѣсь вотъ дубъ, а тутъ группа сосенъ. Рѣчка течетъ съ сѣ-

веро-востока къ юго-западу. Вотъ тутъ высокія березы. А на этой сторонѣ низменные луга, гдѣ пасутся свиньи.

Оба солдата кивнули головой. Вся позиція представлялась имъ какъ на ладони, а между тѣмъ Консенсіонъ, въ которомъ Испанія потеряла, быть можетъ, партизанскаго генерала, видѣлъ эту мѣстность только одинъ разъ, когда проѣзжалъ мимо.

— Такія дѣла лучше обдѣлывать пѣшкомъ. Мы переправимся черезъ рѣчку и привяжемъ лошадей къ соснамъ. Я потомъ вернусь за рѣчку, чтобы встрѣтить карету на самой вершинѣ холма, вотъ тамъ. Верховые будутъ впереди... Мы дадимъ имъ переѣхать черезъ рѣчку. Лошади будутъ выходить изъ воды медленно, или я ничего не понимаю въ лошадяхъ. Когда они начнутъ подниматься въ гору, вы ссадите обоихъ сѣдоковъ. Не забудьте дать имъ возможность убѣжать. По срединѣ рѣчки я нападѣю на тѣхъ, которые будутъ на козлахъ и стащу того, который не будетъ править, за ногу въ воду и проткну ему плечо повыше легкаго. Онъ вообразить, что онъ уже убитъ, но это ничего... поправится. Потомъ вы должны присоединиться ко мнѣ. Насъ будетъ трое противъ троихъ, если у англичанина руки будутъ связаны. А если нѣтъ, то насъ будетъ четверо противъ троихъ. Не надо причинять вреда никому. Англичанинъ стоитъ двоихъ и дѣйствуетъ быстро, не такъ, какъ иные здоровяки.

— Хотите сыграть?—спросилъ кастиліанецъ, беря въ руки карты.

— Нѣтъ. У меня еще есть дѣла. Продолжайте вашу игру.

Солнце уже зашло, когда Консенсіонъ вернулся къ все еще игравшимъ солдатамъ. Сѣвъ около нихъ, онъ медленно принялся точить свой ножъ о кусокъ аспиднаго камня, который на всякій случай носилъ съ собой въ карманѣ.

Послѣ заката солнца въ этихъ мѣстахъ обыкновенно поднимается холодный вѣтерокъ, который тихонько тянетъ черезъ все Кастильское плато. Мѣстная поговорка гласитъ, что этотъ вѣтеръ гаситъ жизнь человѣка, но не свѣчку.

Три человѣка спустились съ горы, и сѣли за простой, но сильно приправленный пряностями ужинъ, поданный имъ древней хозяйкой венты. Въ половинѣ восьмого, когда отъ дневнаго свѣта осталась на западѣ слабая зеленоватая полоса, небольшой отрядъ сѣлъ на коней и тронулся по направленію къ Гальвецу.

— Такъ будетъ лучше,—выразительно сказалъ Консенсіонъ, отвѣшивая хозяйкѣ галантный поклонъ. Я буду чувствовать себя спокойнѣе: вѣдь я все таки мужчина.

Послѣ этого онъ освѣдомился о томъ, сколько стоитъ ужинъ.

Всѣ трое ѣхали къ броду, о которомъ говорилъ Консенсіонъ и здѣсь приступили къ приготовленіямъ, тщательно и хладнокровно, какъ люди, сознающіе, что шансы противъ нихъ.

Едва поднялась луна, какъ лошади обоихъ солдатъ зашлепали

копытами по водѣ. Лошадь Консенсіона они также перевели на ту сторону, а самъ онъ остался на этомъ берегу.

— Да помогутъ намъ всѣ святые,—прошепталъ нервный солдатъ.

Его рука, державшая поводъ, тряслась. Его спутникъ только улыбулся, вспомнивъ былыя схватки.

Вскорѣ послѣ девяти часовъ среди мертвой тишины этой пустыни послышался какой-то отдаленный шумъ. Постепенно онъ становился яснѣе, и скоро можно было уже разобрать стукъ лошадиныхъ подковъ. Старшій изъ солдатъ свернулъ свѣжую папироску и засунулъ ее въ ротъ. Его товарищъ какъ бы замеръ. Оба они залегли по обѣимъ сторонамъ брода. Консенсіонъ былъ на другой сторонѣ ручья, но они не могли его видѣть. Въ Андалузїи говорятъ, что контрабандистъ можетъ спрятаться и за кирпичемъ.

Дѣйствительно, впереди кареты ѣхали два всадника. Какъ и предсказывалъ Консенсіонъ, лошади ихъ стали выходить изъ воды, очень медленно, какъ будто имъ было жаль разстаться съ нею, не насладившись ею вдосталь. Въ одну секунду молодой солдатъ свалилъ съ сѣдла ближайшаго всадника, подставивъ подъ его голову свое колѣно. Всадникъ безъ чувствъ упалъ на землю, а солдатъ быстро побѣжалъ къ рѣчкѣ. Другой солдатъ упустилъ свою добычу и гнался за нимъ, посылая ему въ догонку ругательства и проклятія.

Тяжелая, старомодная карета посрединѣ рѣки остановилась. Кучеръ, бросивъ возжи, призывалъ на помощь всѣхъ святыхъ, объщая имъ множество свѣчей. Въ водѣ, глубина которой въ этомъ мѣстѣ была фута два, Консенсіонъ сводилъ счеты съ человѣкомъ, который сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ. Сдавленный крикъ боли показывалъ, что Консенсіонъ, очевидно, нашелъ указанное имъ мѣсто, надъ правымъ легкимъ. Вскорѣ контрабандистъ вынырнулъ на поверхность и бросился къ каретѣ.

— Конингэмъ!—закричалъ онъ, откладывая всякія церемонїи, которымъ онъ, впрочемъ, никогда не придавалъ большого значенія

— Здѣсь,—отвѣчалъ голосъ изнутри.—Это вы, Консенсіонъ?

— Я, я. Выбросите ихъ вонъ.

— Но дверь заперта,—сдавленнымъ голосомъ крикнулъ Конингэмъ.

Въ каретѣ поднялась возня, она тряслась и ходуномъ ходила на своихъ ресорахъ, словно отъ какого-то землетрясенія.

— Для такого хлама годится и окно,—сказалъ Консенсіонъ.

Въ эту минуту изъ кареты стремглавъ вылетѣлъ какой-то человѣкъ, немилосердно ругавшійся. Консенсіонъ быстро схватилъ его въ свои объятія, сдавилъ ему горло и опустилъ его подъ воду.

— Стойте! Это меня вы схватили за ногу!—кричалъ изнутри Конингэмъ.

— Тысячу извиненій, сеньоръ,—отвѣчалъ солдатъ.

Консенсіонъ, продолжая держать своего человѣка подъ водой, слышалъ какъ кто-то гулко ударился головой о колѣно солдата. Все, очевидно, было кончено.

— Кончено?—спросилъ онъ.

— Кончено,—отвѣчалъ солдатъ, въ которомъ теперь не было и слѣда нервности.—И вмѣстѣ съ тѣмъ мы никого не убили.

— Пырни-ка хорошенько ножемъ этого дурака на козлахъ. Что онъ все оретъ свои молитвы?—дѣловито сказалъ Консенсіонъ.—Теперь не время молиться. Туда, гдѣ шея соединяется съ плечомъ. Самое лучшее мѣсто.

На козлахъ вдругъ водворилась мертвая тишина.

— Правь карету къ берегу,—скомандовалъ Консенсіонъ. Англійскому сеньору не зачѣмъ мочить себѣ ноги. Онъ можетъ еще простудиться.

Всѣ направились къ берегу. Здѣсь въ туманномъ свѣтѣ неполной луны одинъ человѣкъ перевязывалъ себѣ плечо, другой лежалъ спокойно и неподвижно на прибрежныхъ валунахъ. Молодой солдатъ положилъ къ нему и вторую жертву своей ухватки, а Консенсіонъ дружелюбно обратился къ своему недавнему врагу.

— Ну, что наглотался воды? Сначала будетъ скверно, но потомъ поправишься. Если ты, однако вздумаешь двинуться съ этого мѣста, то я выпущу изъ тебя эту воду, но уже инымъ способомъ.

И весело разсмѣявшись столь удачному проявленію своего остроумія, онъ вернулся къ каретѣ, чтобы помочь Конингэму, который никакъ не могъ выбраться черезъ окно.

— Кто еще съ вами?—спросилъ онъ.

— Два храбрыхъ солдата изъ дивизіи генерала Винченге. Какъ видите, сеньоръ, у васъ вѣрные друзья.

— Вижу.

— Одинъ изъ нихъ,—многозначительно продолжалъ Консенсіонъ,—теперь въ Толедо и ѣдетъ вслѣдъ за вами.

— Вотъ какъ! Кто же это?

— Сеньоръ Прейдель.

— Въ такомъ случаѣ, надо ѣхать назадъ, навстрѣчу ему.

— Я тоже такъ думаю,—согласился Консенсіонъ.

XXI.

Перекрестный допросъ.

— Я хочу спѣть вамъ пѣсню контрабандистовъ,—сказалъ Консенсіонъ Вара, когда кортежъ тронулся при лунномъ свѣтѣ по дорогѣ въ Толедо. Мы... т. е. они поютъ эту пѣсню, когда дѣло кончилось удачей. Вы можете слышать эту пѣсню въ любой темный вечеръ на улицахъ Гарсина.

— Пойте,—сказаль старшій солдатъ,—если у васъ легкія чешутся. Что до насъ, то мы предпочитаемъ ѣхать молча.

Конингэмъ ѣхаль нѣсколько впереди на лошади, съ которой такъ безцеремонно стащили ея прежняго сѣдока. Карету оставили въ вентѣ. Тамъ не задавали на этотъ счетъ никакихъ вопросовъ.

— Хорошо,—продолжалъ Конингэмъ, ни мало не смущаясь,— Я вамъ спою. Въ Андалузїи мы всё умѣемъ пѣть. А вотъ кастильцы, такъ даже свиньи поютъ лучше ихъ.

Была уже полночь, когда путники проѣзжали мимо церкви Christo de la Vega, спускаясь съ длиннаго холма, который велъ къ городскимъ воротамъ. Надъ нимъ громоздился Толедо, задумчивый и безмолвный. Консенсіонъ уже пересталь пѣть, и только тяжелое дыханіе лошадей нарушало глубокую тишину. Таго, вырываясь въ этомъ мѣстѣ изъ своихъ каменныхъ тисковъ, безшумно катилъ здѣсь свои волны къ западу, разстилаясь при лунномъ свѣтѣ, словно бѣлая лента. Появленіе на дорогѣ ночныхъ путешественниковъ лѣтомъ—дѣло въ Испанїи совершенно заурядное. Вотъ почему хотя многіе и слышали стукъ лошадиныхъ копытъ по гладкимъ булыжникамъ городскихъ мостовыхъ, однако, никто не всталъ съ постели взглянуть на позднихъ проѣзжихъ.

Въ тѣ времена въ Толедо была всего на всего одна гостинница, очень, впрочемъ, хорошая, которой онъ и теперь можетъ еще похвастаться. Она находилась въ старинномъ домѣ на Plaza de Uscadover, надъ которой нависъ могучій Алказаръ. Здѣсь, говорятъ, не разъ ѣлъ Сервантесъ и пробоваль вина Лазарильо де Тормесъ. Здѣсь эти меланхолическіе люди и вмѣстѣ съ тѣмъ великіе юмористы приводили посѣтителей въ восторгъ своими разговорами. Консенсіонъ быстро поднялъ на ноги спавшаго уже привратника. Широкія ворота отворились настежь, и всё вѣхали во дворъ, не слѣзая съ лошадей.

— Это знатный англичанинъ и его свита,—сказаль Консенсіонъ.

— У насъ ужъ есть одинъ англичанинъ,—отвѣчалъ заспанный привратникъ.—Онъ, впрочемъ, путешествуетъ въ сопровожденїи только одного слуги.

— Это мы знаемъ, другъ мой. Поэтому-то мы и выбрали такую нору, какъ ваша гостинница. Позаботься о томъ, чтобы оба знатныхъ иностранца могли утромъ завтракать рядомъ за отдѣльнымъ столомъ.

— Вамъ придется завтра утромъ бесѣдовать съ сеньоромъ Прейделемъ,—говориль Консенсіонъ, распаковывая черезъ нѣсколько минутъ багажъ Конингэма.

— Да, я хотѣлъ бы поговорить съ нимъ.

— А я былъ бы не прочь,—оборачиваясь къ нему съ щеткой въ рукахъ,— поговорилъ Вара, минутку побесѣдовать съ сеньоромъ Ларральдомъ.

— А!

— Да, онъ, несомнѣнно, тоже замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. Но сеньоръ Ларральдъ такъ скромнень, такъ скромнень! Онъ всегда остается на второмъ планѣ.

Въ шатрахъ Кедара люди спятъ такъ же сладко, какъ и люди, лежащіе на пуховыхъ подушкахъ. Конингэмъ проснулся утромъ довольно поздно. Сэръ Джонъ Прейдель ужъ сѣлъ за свой завтракъ. Онъ приказалъ подать себѣ экипажъ рано утромъ и собирался ѣхать по дорогѣ въ Талаверу. Было очевидно, что сэръ Джонъ не зналъ о ночномъ прибытіи его земляка.

На холодномъ лицѣ адвоката выразилось удовольствіе, когда онъ сѣлъ за столъ на дворикѣ и принялся за кофе. Конингэмъ слѣдилъ за нимъ съ балкона, будучи невидимъ самъ. За нимъ въ комнатѣ стоялъ Консенсіонъ, потирая свои коричневые руки въ ожиданіи драматическаго момента. Постоявъ съ минуту, Конингэмъ спустился по каменной лѣстницѣ и съ веселой улыбкой появился на дворикѣ. Сэръ Джонъ узналъ его, какъ только онъ мелькнулъ въ тѣни крыльца, но на его лицѣ не отразилось ни изумленія, ни страха. Только въ сѣрыхъ глазахъ мелькнуло что-то похожее на растерянность.

Сэръ Джонъ мелькомъ взглянулъ на Конингэма, который усѣлся у сосѣдняго столика, и его холодные глаза, отъ которыхъ непріятно чувствовали себя даже закоренѣлые преступники, дрогнули и смягчились.

— Лакей поставилъ мой приборъ почти рядомъ съ вашимъ,— заговорилъ Конингэмъ, усаживаясь поудобнѣе.

Консенсіонъ, стоя на балконѣ, проклиналъ англійскую расу за ея хладнокровіе: не такой ожидалъ онъ отъ нихъ встрѣчи. И, возвращаясь къ своимъ мирнымъ занятіямъ, онъ испустилъ глубокой вздохъ сожалѣнія.

Конингэмъ обслѣдовалъ скудное меню, поданное ему, и взглянулъ на своего сосѣда съ веселостью, которую не часто можно встрѣтить въ этомъ мірѣ: она рождается отъ крѣпкаго мужества и никакія внѣшнія обстоятельства не могутъ повредить ей. Сэръ Джонъ уже не интересовался своимъ завтракомъ и пристально смотрѣлъ на Конингэма, обыскивая, такъ сказать, его изнутри и тщетно ища мотивовъ его образа дѣйствій, котораго онъ не понималъ.

— По своему жизненному опыту я знаю, что всѣ люди раздѣляются на два класса,—сказалъ онъ.

— На глупцовъ и плутовъ?—подсказалъ Конингэмъ.

— Вы словно работали въ судѣ.

Конингэмъ пожалъ плечами.

— Безъ особаго успѣха. Не лучше всякаго другого.

— Что же вы такое—глупецъ или плутъ?—спросилъ Прейдель

Конингэму вдругъ стало жалко его. Никто не застрахованъ отъ быстро охватывающаго чувства состраданія при видѣ животнаго или человѣка, котораго побили.

— Въ томъ-то и состояла ваша постоянная ошибка,—серьезно сказалъ Конингэмъ.—Люди-то, быть можетъ, не раздѣляются на эти два класса. Между ними можетъ быть, есть такіе, которые всегда дѣлаютъ только ошибки, сэръ Джонъ.

Безсознательно, онъ мало-по-малу превратился въ адвоката, какъ это часто бываетъ съ тѣми, кто играетъ какую-нибудь роль. Въ концѣ концовъ вѣдь дѣло касалось не его, а Джеффри Горнера. И онъ съ такимъ усердіемъ старался выгородить своего друга, что минутами чувствовалъ себя тѣмъ самымъ человѣкомъ, котораго искалъ Джонъ Прейдель. Передъ нимъ былъ не заурядный врагъ. Горнеру удалось отвратить отъ себя подозрѣніе общества, и въ водоворотѣ событій смерть Альфреда Прейделя была забыта всѣми, кромѣ его отца. Конингэмъ видѣлъ опасность, но и не думалъ уклоняться отъ нея.

— Ошибки, скептически замѣтилъ сэръ Джонъ.—Дѣлая преступленія, люди стараются себя увѣрить, что это только ошибки.

— Да, ошибки, о которыхъ они потомъ могутъ сожалѣть всю жизнь.

Сэръ Джонъ остро взглянулъ на своего собесѣдника. Въ глазахъ его опять мелькнуло подозрѣніе. Теперь приходилось сдерживать себя Конингэму. Впослѣдствіи, когда онъ сталъ солдатомъ и нашель въ жизни тотъ путь, для котораго былъ созданъ, его начальники и холодные тактики жаловались, что онъ черезчуръ ретивъ и слишкомъ опережаетъ людей, которыми онъ командуетъ.

— И такъ, вы теперь видите, что это была ошибка?—спросилъ сэръ Джонъ.

— Да, конечно.

— Ошибка въ томъ, что вы вмѣшались въ это дѣло?

— Да.

Сэръ Джонъ какъ будто смягчился, и Конингэмъ начиналъ надеяться на возможность выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ очутился.

— За такія ошибки приходится платиться, и законъ налагаетъ большое возмездіе.

Конингэмъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, мистеръ Конингэмъ, вы не тотъ человѣкъ, котораго я ищу. Странно сказать, но вы понравились мнѣ съ перваго взгляда. Я не вѣрю въ инстинкты или взаимную симпатію и вообще въ разныя сентиментальности. Я не вѣрю во многое, въ томъ числѣ и въ человѣческую природу. Слишкомъ много я знаю о ней. Поэтому, въ этой симпатіи къ вамъ съ перваго взгляда должно быть что-нибудь особенное. Я не желаю вамъ ничего дурнаго, мистеръ Конин-

гэмъ. Я уподобился Валаамовой ослицѣ—пришелъ проклясть и благословилъ. Впрочемъ, я слишкомъ ужъ много болтаю.

И съ улыбкой онъ опять откинулся на спинку.

— Вы можете отправляться въ Англію, хоть завтра, если хотите,—добавилъ онъ, послѣ нѣкоторой паузы.—Если это дѣло повернется противъ васъ, я готовъ принять на себя вашу защиту.

— Благодарю васъ.

— Вы не хотите вернуться въ Англію?—спросилъ сэръ Джонъ, быстро взглядывая на него.

— Нѣтъ, у меня есть дѣла въ Испаніи.

— Можетъ быть, у васъ тутъ испанскіе замки. Берегитесь ихъ. И у меня они были.

И холодное сѣрое лицо просвѣтлѣло на минуту. По временамъ казалось, что въ этомъ мраморномъ изваяніи еще теплится живая человѣческая душа.

— Да и человѣкъ, который можетъ приобрѣсти къ себѣ такую дружбу, какъ ваша,—сказалъ сэръ Джонъ, послѣ короткаго молчанія,—едва ли можетъ быть совершенно плохъ. Онъ, можетъ быть, сдѣлалъ, какъ вы выразились, ошибку. Я не даю никакихъ обѣщаній но, быть можетъ, не стану больше разыскивать его.

Конингэмъ промолчалъ. Заговорить теперь значило бы сознаться.

— Поскольку дѣло зависитъ отъ меня,—сказалъ сэръ Джонъ, поднимаясь,—то вы можете считать себя въ полной безопасности въ любой странѣ. Но я долженъ предупредить—въ Испаніи у васъ есть страшный врагъ.

— Я знаю,—со смѣхомъ сказалъ Конингэмъ.—Это Эстебанъ Ларральдъ. Однажды я взялся передать отъ него письмо. Въ немъ было не то, что онъ думалъ, и когда я его передалъ, онъ сталъ подозрѣвать, что я прочелъ его. Онъ достаточно уменъ и понимаетъ, что я не имѣю никакого значенія въ политикѣ его родины, и что никакихъ важныхъ свѣдѣній у меня нѣтъ. Я ничего не знаю о содержаніи этого письма, но оно мнѣ было нужно на нѣсколько минутъ. Вотъ и вся исторія, вотъ и все, что произошло между мною и Ларральдомъ.

XXII.

Вердиктъ.

Для желающихъ уѣхать изъ Испаніи въ это время была только одна дорога—на югъ. Сѣверные выходы были заперты карлистами, бывшими еще въ силѣ. Донъ-Карлосъ явилъ собою примѣръ того, что можно наблюдать вездѣ при изученіи міровой исторіи, а именно,— что не великія причины, а великіе люди создаютъ и разрушаютъ націи. Почти половина Испаніи стояла за Донъ-Карлоса. Церковь была на его сторонѣ, и были мучениками тѣ солдаты, которые,

не получая жалованья, раздѣтые и разутые, сражались на южныхъ склонахъ Пиренеевъ за человѣка, который даже не осмѣливался предводительствовать ими.

Сэръ Джонъ Прейдель намѣревался переѣхать границу Португаліи вслѣдъ за каретой, которая должна была отвезти его плѣнника въ Лисабонъ, гдѣ не трудно было найти капитана корабля, который согласился бы доставить Конингэма въ Лондонъ. Но весь этотъ планъ потерпѣлъ крушеніе благодаря столь маленькому человѣку, какъ Консенсіонъ Вара, и карета, которая была нанята до Талаверы, теперь стояла на дворѣ гостиницы, пока сэръ Джонъ сидѣлъ въ своемъ номерѣ и раздумывалъ, что ему дальше дѣлать. Всю жизнь онъ имѣлъ дѣло съ правосудіемъ и дѣлалъ это не по любви, но ради добыванія средствъ къ жизни. И теперь онъ желалъ поступить съ Конингэмомъ, какъ того требовало правосудіе.

— Разузнайте, гдѣ теперь находится генераль Винченге, и скажите, чтобы карета подождала,—сказалъ онъ лакею.

Тотъ явился черезъ полчаса съ малообнадеживающимъ лицомъ.

— Въ гостинницѣ есть слуга Конингэма, сеньоръ,—сказалъ онъ.—Онъ знаетъ это, но не хочетъ сказать. Мнѣ, впрочемъ, удалось узнать, что въ Толедо проживаетъ сейчасъ графиня Баренна, которая, несомнѣнно, должна знать это. Генераль Винченге недавно былъ въ Мадридѣ, но его переѣзды такъ быстры и такъ таинственны, что о немъ говорятъ всѣ въ Испаніи.

— Я знаю. Сегодня я заѣду къ графинѣ Бареннѣ, если вамъ не удастся получить нужныя свѣдѣнія до обѣда. Карета мнѣ не нужна.

Сэръ Джонъ медленно подошелъ къ окну, погруженный въ раздумье. Противъ своей воли онъ принималъ участіе въ Конингэмѣ.

Окна Коммерческой гостиницы выходили на рыночную площадь, и сэръ Джонъ, большой домосѣдъ по природѣ, пользовался этимъ случаемъ, чтобы изучать испанскую жизнь.

Онъ разсѣянно смотрѣлъ сквозь пыльные стекла, глядя, какъ внизу шель старый священникъ съ густыми бровями.

— Гдѣ-то я видѣлъ этого человѣка,—рѣшилъ про себя сэръ Джонъ.

— Гдѣ лисица, тамъ должна быть и украденная ею курица,—бормоталъ падре-Конха, спѣша къ дому Баренна.

Его увидалъ Консенсіонъ Вара, сѣдлавшій лошадь во дворѣ гостиницы.

— А вамъ бы все шутить насчетъ моей жены.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже скакалъ рядомъ съ Конингэмомъ, который считалъ необходимымъ вернуться какъ можно скорѣе въ Мадридъ.

Несмотря на сильный жаръ на равнинахъ, вслѣдствіе котораго было даже опасно путешествовать въ полдень, на тѣнистыхъ улицахъ Толедо было прохладно, когда сэръ Джонъ ѣхалъ по нимъ,

разыскивая палатку сеньоры Баренна. Графиня была дома, и англичанина ввели въ обширный вестибюль, который еще сохранилъ въ себѣ величіе Среднихъ вѣковъ. Сэръ Джонъ не безъ заминокъ объяснилъ слугѣ по-испански, что сеньора Баренна его лично не знаетъ, что онъ иностранецъ и находится въ затруднительномъ положеніи и что ему рекомендовали обратиться къ ней за помощью.

Сэръ Джонъ имѣлъ внушительный видъ, а любопытство сеньоры докончило остальное. Черезъ нѣсколько минутъ шелестъ шелкового платья заставилъ сэра Джона отвлечься отъ разсматриванія стариннаго оружія.

— Сеньора изволить говорить по-французски?

— Конечно, сеньоръ.

Графиня бросила взглядъ на кресло, которое поспѣшили подставить ей сэръ Джонъ. Онъ уже презиралъ ее, а она восхищалась его манерами.

— Я позволилъ себѣ огромную смѣлость явиться къ вамъ безъ приглашенія, сеньора.

— Не для того, надѣюсь, чтобы продать мнѣ библію?—воскликнула сеньора Баренна, закрываясь, какъ бы для огражденія себя, вѣеромъ.

— Библію? У меня дома въ Англіи есть библія, но...

— Прекрасно,—перебила его Баренна, откидываясь назадъ и опять начиная дѣйствовать вѣеромъ.—Извините мой страхъ. Но здѣсь есть одинъ англичанинъ... Какъ его зовутъ... забыла.

— Борро?

— Да, да, Борро. Онъ продаетъ библии. А отецъ Конха, мой духовникъ,—медвѣдь, знаете; но настоящій святой, запретилъ мнѣ покупать библію. И я боялась, какъ бы по забывчивости не послушаться его. Въ библии, знаете, есть вещи, которыя нельзя читать, и естественно...

И она закончила свою рѣчь выразительнымъ движеніемъ вѣера.

— И естественно, что это-то и хочется прочесть,—подсказалъ за нее сэръ Джонъ.—Это привиллегія всѣхъ дочерей Евы, сеньора.

Сеньора встрѣтила эти слова тѣмъ, что французы называютъ *fin sourire*.

— Я могу извинить себѣ мое посѣщеніе только тѣмъ, что дѣло идетъ о нашемъ общемъ другѣ. Не можете ли вы сообщить мнѣ, гдѣ теперь находится генераль Винченче,—спросилъ сэръ Джонъ, воспользовавшись случаемъ приступить прямо къ дѣлу.

— Вы занимаетесь политикой?—въ свою очередь спросила Баренна, быстро оглядывая комнату.

— Нѣтъ. Но почему вы предложили мнѣ этотъ вопросъ? Вы слишкомъ умны, сеньора, чтобы заниматься такими дѣлами. Назначеніе женщины,—врать, и это такъ легко сдѣлать!

И въ подтвержденіе своихъ словъ онъ махнулъ своей тонкой бѣлой рукой.

— Нѣтъ. Конечно, я не занимаюсь политикой,—зашептала просіявшая сеньора Баренна, оглядываясь на дверь сосѣдней комнаты.—Но вотъ моя дочь... Ахъ сеньоръ, едва ли вы можете себѣ представить, что значить жить все время на вулканѣ!

И вѣеромъ она указала на дубовый полъ комнаты.

Сэръ Джонъ счелъ достаточнымъ выразить свою симпатію тѣмъ, что слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ.

— У меня есть личное дѣло до генерала,—сказалъ онъ.—Я хотѣлъ бы сообщить кое-что ему или его дочери.

— Эстреллѣ?

— Да, синьоринѣ Эстреллѣ.

— Вы считаете ее красивой? Нѣкоторые находятъ въ ней красоту. Глаза у нея хороши, это правда.

— Я чрезвычайно восхищенъ синьориной.

— Да, да. А вы не видали моей дочери Юліи? Нѣтъ? Она чрезвычайно походить на Эстреллу.

Синьора Баренна остановилась и занялась тщательнымъ разсматриваніемъ своего вѣера.

— Нѣкоторые даже находятъ,—продолжала она, какъ бы съ неохотой,—что у Юліи есть даже нѣкоторые преимущества передъ Эстреллой. Но я этого не нахожу, конечно.

И темные глаза синьоры остановились на лицѣ сэра Джона, но они могли бы подмѣтить больше даже на мраморномъ изваяніи.

— Вамъ извѣстно, гдѣ она находится?—почти грубо спросилъ сэръ Джонъ.

Подобно работнику, который обманулся въ своемъ матеріалѣ, онъ отложилъ въ сторону всякіе тонкіе инструменты.

— Насколько я знаю, они должны были пріѣхать въ Толедо сегодня вечеромъ. Но съ генераломъ Винченце никогда нельзя знать навѣрное. Онъ такъ милъ, такъ любезенъ—о кака я обворожительная у него улыбка! Но вѣдь вы его знаете. Въ Испаніи говорятъ, что онъ всегда тамъ, гдѣ онъ нуженъ. Какъ хорошо,—закатила она вдругъ глаза на потолокъ,—когда человѣкъ гдѣ-нибудь нуженъ!—Тутъ она испустила глубокій вздохъ. Сэръ Джонъ мысленно слѣдилъ за направленіемъ ея взгляда и удивлялся, что въ ней нашель покойный графъ Баренна.

— Да, я принимала большое участіе въ Эстреллѣ. Эго, впрочемъ, и естественно, ибо она мнѣ племянница. Матери у нея нѣтъ, а у генерала такія нелѣпыя идеи. Онъ считаетъ, что дѣвушка способна сама выбрать себѣ мужа. Впрочемъ, для васъ, англичанъ, такія идеи не въ новинку. Мнѣ рассказывали, что въ вашей странѣ предложеніе дѣлаютъ не мужчины, а дѣвушки.

— Не слѣдуетъ понимать это буквально. У насъ это бываетъ не чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ.

— А,—промолвила сеньора Баренна, глядя на него съ недоувѣріемъ. Ей почему-то пришелъ на умъ падре Конха.

Сэръ Джонъ поднялся съ кресла, которое онъ занялъ по безмолвному приглашенію сеньоры.

— Я, слѣдовательно, могу рассчитывать, что генераль пріѣдетъ сегодня вечеромъ въ ту же гостиницу, въ которой живу и я. Я остановился въ Коммерческой гостиницѣ, въ единственной, въ сущности, гостиницѣ въ Толедо.

— Да, онъ, конечно, остановится тамъ же. Не знаете ли вы, сеньоръ, нѣкоего Фредрика Конингема.

— Знаю.

— Оказывается, его все знаютъ!— живо воскликнула хозяйка. Какъ онъ поживаетъ? Очень милый молодой человѣкъ, но безъ рекомендаціи и связей. Впрочемъ, у него повсюду есть друзья.

Она смолкла и, закрывъ вѣеръ, наклонилась впередъ, видимо, желая что-то сказать ему по секрету.

— А какъ же быть съ этимъ дѣломъ?—прошептала она.

— Съ какимъ дѣломъ, сеньора?

— Де соеиг,—пояснила почтенная хозяйка, похлопывая себя вѣеромъ по груди.—Съ Эстреллой,—добавила она, видя, что Прейдалъ не совсѣмъ понимаетъ ее.

— А,—воскликнулъ сэръ Джонъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ прекрасно зналъ, въ чемъ дѣло, и поспѣшилъ проститься.

Генераль Винченге и Эстрелла прибыли въ гостиницу вечеромъ, но, конечно, не вышли въ общія комнаты. Ихъ старая, запыленная карета была помѣщена въ тихомъ уголкѣ гостиничнаго двора. Въ отличіе отъ многихъ своихъ собратьевъ по оружію, генераль не любилъ привлекать на себя вниманія.

— Что-то такое начинается,—говорилъ слуга сэру Джону, который, въ свободные минуты любилъ съ папиромъ въ зубахъ разсуждать о политикѣ.—Что-то начинается, если пріѣхалъ генераль Винченге. Его называютъ буревѣстникомъ, ибо всякій разъ съ его появленіемъ слѣдуетъ буря.

Часовъ въ восемь вечера сэръ Джонъ послалъ своего слугу къ генералу, прося разрѣшенія придти къ нему. Въ отвѣтъ явился самъ генераль.

— Очень радъ васъ видѣть, —заговорилъ онъ, потрясая обѣ руки англичанина.—Неужели мы, живя въ одной гостиницѣ, не пообѣдаемъ вмѣстѣ. Пожалуйста, заходите въ нашу бѣдную комнату. Эстрелла будетъ чрезвычайно рада возобновить знакомство съ вами.

— Въ такомъ случаѣ сеньора, очевидно, унаслѣдовала завидную способность своего отца забывать маленькія непріятности?—

говорилъ сэръ Джонъ, слѣдуя за генераломъ по темно освѣщенному корридору.

— А это ужъ вы спросите ее!—воскликнулъ генераль, отворяя дверь въ довольно мрачную гостиную. Эстрелла стояла спиной къ окну.

— Сеньорина,—началъ англичанинъ съ той свѣтскостью, которая обыкновенно дается только полнымъ пренебреженіемъ къ критикѣ.—Сеньорина, я явился для того, чтобы сознаться передъ вами въ одной ошибкѣ и извиниться за нее.

— Въ этомъ нѣтъ, конечно, никакой необходимости,—довольно холодно отвѣчала Эстрелла.

— Скажите лучше,—мягко вмѣшался генераль,—что вы пришли выпить съ нами чашку чаю и сообщить намъ новости.

Сэръ Джонъ сѣлъ на подставленный ему генераломъ стулъ.

— Конечно,—продолжалъ сэръ Джонъ, обращаясь по прежнему къ Эстреллѣ,—для васъ это, можетъ быть, неинтересно, такъ какъ я хочу сдѣлать поправку къ сужденію, которое я здѣсь высказалъ. Когда я имѣлъ удовольствіе встрѣтить васъ впервые, я позволилъ себѣ высказать свое мнѣніе объ одномъ изъ гостей вашего отца, къ счастью, въ присутствіи этого самаго гостя. Теперь я считаю долгомъ заявить, что все сказанное мною относится не къ Фредерику Конингэму, а къ тому лицу, которое онъ собой прикрываетъ. Онъ, правда, не сознался мнѣ въ этомъ, но я удостовѣрился, что онъ не тотъ чело-вѣкъ, котораго я ищу. Я не знаю, что побудило Конингэма взять на себя эту роль, можетъ быть, онъ это сдѣлалъ по необдуманной беззаботности или изъ желанія оказать услуги, что вполнѣ согласуется съ его характеромъ. Я могу только сказать, что онъ играетъ свою роль съ добросовѣстностью и смѣлостью, которая дѣлаетъ ему честь. Если бы возможны были дружескія отношенія между молодыми людьми и стариками, я хотѣлъ бы имѣть мистера Конингэма своимъ другомъ. Я взвелъ на него обвиненіе въ вашемъ присутствіи, сеньорина, въ вашемъ же присутствіи я отъ него и отказываюсь. Какъ видите, это маленькій пустякъ.

— Но изъ такихъ пустяковъ слагается вся жизнь, —вставилъ свое слово генераль.—Несчастье нашего друга въ томъ, что онъ не достаточно уважаетъ самого себя,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я тоже слегка недоволенъ имъ—изъ за этого письма,—исторія, которая такъ и осталась невыясненной. Сознаюсь я хотѣлъ бы прочесть это письмо.

— А гдѣ оно теперь?—спросилъ сэръ Джонъ.

— Кто можетъ это сказать?—воскликнулъ генераль, пожимая плечами съ веселымъ смѣхомъ.—Можетъ быть, даже здѣсь въ Толедо.

XXIII.

Цѣна Ларральда.

Тѣмъ, которые утверждаютъ, что вѣры уже не существуетъ, Испанія можетъ дать самый наглядный урокъ. Ни одна страна въ мірѣ не можетъ похвастаться такимъ количествомъ соборовъ, какъ Испанія. Каждой другой странѣ было бы совершенно достаточно имѣть хотя одинъ такой соборъ, какъ въ Гренадѣ, Кордовѣ, Севильѣ, Толедо или Бургасѣ. Но въ Испаніи такія громадныя зданія, воздвигнутыя въ честь вѣры, сохранившейся несмотря на войны и моды, мысль и безмысліе, можно встрѣтить въ любомъ большомъ городѣ. Но всѣмъ соборамъ соборъ—это соборъ въ Толедо. Падре Конха гордился исторіей этого собора, сохранившагося въ наиболѣе чистомъ видѣ. Онъ до того сплелся съ исторіей испанскаго народа, что объ исторіи—испанскаго народа и Толедскаго собора, въ сущности одна исторія, только изложенная съ разныхъ точекъ зрѣнія,

Конха любилъ ходить по собору съ особой гордостью. Онъ не былъ генераломъ или вождемъ и не занималъ важнаго мѣста въ рядахъ духовенства. Но онъ все же принадлежалъ къ арміи и принималъ хоть маленькое участіе въ побѣдахъ прошлаго времени. Вотъ почему всякій разъ, какъ ему случалось пріѣзжать въ Кастилію, онъ непременно заходилъ въ этотъ соборъ и обыкновенно отстаивалъ здѣсь раннюю обѣдню. Пройтись по этому сѣрому и холодному собору, гдѣ царствуетъ безмолвіе давно прошедшихъ вѣковъ, само по себѣ составляло уже богослуженіе.

Плохо одѣтая, худая, но восторженная фигура Конха двигалась уже по средней части собора, какъ вдругъ падре замѣтилъ сэра Джона Прейделя. Англичанинъ тоже остановился и смотрѣлъ на испанца. Конха поклонился.

— Мы видѣлись одну минуту у генерала Винченге въ саду его дома въ Рондѣ,—сказалъ онъ.

— Вѣрно,—припомнилъ сэръ Джонъ.—Вы уже уходите изъ собора? Мы могли бы пройти немного вмѣстѣ. Здѣсь разговаривать не подобаетъ.

Онъ поднялъ глаза на великолѣпную рѣзбу изъ дуба и замолкъ.

— Да,—серьезно отвѣчалъ Конха,—здѣсь разговаривать не подобаетъ.

Онъ поднялъ тяжелую кожаную завѣсу у входной двери, и они очутились на улицѣ.

— Испанія удивительная страна, и сами вы удивительные люди,—заговорилъ сэръ Джонъ.—Въ бытность мою въ Рондѣ я встрѣчался тамъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ. Я могу перечислить ихъ по пальцамъ: генералъ Винченге, его дочь, сеньора Баренна, сеньо-

рина Баренна, англичанинъ Конингэмъ, наконецъ, вы, падре Конха. Я прибылъ въ Толедо вчера утромъ, а черезъ двадцать четыре часа я уже встрѣчаю здѣсь всѣхъ перечисленныхъ мною лицъ.

— Кромѣ того, здѣсь есть еще одно лицо, о которомъ вы не упомянули,—сказалъ Конха.

— Кто такой?

— Сеньоръ Ларральдъ.

— Онъ здѣсь?

— Да.

Нѣсколько минутъ оба шли молча.

— Что вы дѣлали всѣ здѣсь, падре?—спросилъ сэръ Джонъ, холодно усмѣхаясь.

— А вы, что здѣсь дѣлаете, сеньоръ?

Сэръ Джонъ отвѣтилъ не сразу. Оба шли очень тихо. Улица, по обыкновенію, была совершенно безлюдна.

— Я складывалъ два да два,—отвѣтилъ, наконецъ, адвокатъ.— Сначала я это дѣлалъ отъ нечего дѣлать, а потомъ это меня заинтересовало.

— Вотъ что!

— Да. Заинтересовало. Говорятъ, что если съ вершины горы покатитъ маленькій камешекъ, то онъ будетъ все усиливаться въ своемъ движеніи, пока не превратится въ дѣлующую лавину, способную завалить городъ или равнину.

— Это вѣрно, сеньоръ.

— Я понялъ, что Фредерикъ Конингэмъ, прибывши въ эту страну, толкнулъ такой маленькій камешекъ съ вершины очень высокой горы. Онъ летитъ внизъ низко, безшумно, увлекая за собой все большую и большую массу. Вы, генералъ Винченче, Эстрелла Винченче, сеньорина Баренна и въ нѣкоторой степени я самъ—мы всѣ летимъ за этой лавиной и несемъ за ней внизъ. И всѣ мы пытаемся какъ нибудь остановить это паденіе. А внизу, въ самой равнинѣ лежитъ испанская монархія—дѣло Бурбоновъ.

Падре Конха, вспомнивъ свою любимую поговорку, что въ закрытый ротъ и муха не влетитъ, упорно молчалъ.

— Такимъ камешкомъ является письмо,—досказалъ сэръ Джонъ.—Письмо это у Ларральда,—продолжалъ онъ послѣ минутной паузы.—Вотъ почему и вы всѣ въ Толедо, вотъ почему воздухъ насыщенъ опасеніями, вотъ почему, кажется, вся Испанія замерла въ ожиданіи. Удастся остановить лавину, или нѣтъ. Падутъ Бурбоны, или не падутъ?

— А!—воскликнулъ Конха, на морщинистомъ лицѣ котораго нельзя было увидѣть ни малѣйшаго волненія.

— Вы, конечно, не отвѣтите мнѣ на этотъ вопросъ. Я спрашиваю васъ объ этомъ только изъ любознательности, но вы знаете одну вещь, о которой я спрошу васъ уже не изъ одной любознательности,

Я спрошу потому, что мнѣ тоже хотѣлось бы остановить эту лавину. Я не занимаюсь политикой, хотя, конечно, имѣю свой взглядъ въ этомъ дѣлѣ. Когда человѣкъ достигаетъ моего возраста, онъ понимаетъ, что политика есть въ сущности самовозвеличиваніе и ничего больше. Нѣтъ, Бурбоны могутъ пасть, Испанія можетъ послѣдовать примѣру Франціи и объявить себя республикой. Ко всему этому я совершенно равнодушенъ. Но я хочу сдѣлать что-нибудь полезное для Фредерика Конингэма, и потому спрашиваю васъ, гдѣ бы я могъ повидаться съ Ларральдомъ. Вы вѣдь все знаете, падре.

Конха погрузился въ размышленіе, пока они шли по тѣневой сторонѣ узкой улицы. Это была улица, сплошь заселенная сѣдельниками, и изъ темныхъ дверей доносился громкій стукъ ихъ молотковъ по кожѣ и дереву. Падре Конха порядочно боялся Ларральда и относился съ преувеличеннымъ уваженіемъ къ ловкости этого заговорщика. Онъ понималъ, что сэръ Джонъ былъ ученѣе Ларральда и лучше его зналъ обратную сторону человѣческой природы.

— Я могу вамъ это сказать,—промолвилъ, наконецъ, старый священникъ.—Ларральдъ живетъ въ домѣ одного изъ недовольныхъ, у нѣкаго журналиста Ламберенто, обиженного тѣмъ, что свѣтъ принимаетъ его не за то, чѣмъ онъ хочетъ быть, а за то, что онъ есть. Его домъ находится недалеко отъ еврейской синагоги въ Мадридской улицѣ. Тамъ есть небольшая писче-бумажная лавка, гдѣ можно получить проклятіе нашего времени—перья и бумагу.

— Благодарю васъ,—вѣжливо и просто отвѣчалъ сэръ Джонъ.

Съ разными людьми онъ умѣлъ и говорить по-разному. Какъ и всѣ люди, добившіеся успѣха въ жизни, онъ былъ немного актеръ и умѣлъ входить въ душу своего, хотя бы случайнаго собесѣдника. Съ Конхой онъ былъ простъ и непритязателенъ, какъ непритязателенъ былъ и самъ этотъ старикъ. Разставаясь съ нимъ, онъ не счелъ нужнымъ скрыть отъ него, что онъ явился въ соборъ именно съ предвзятой цѣлью.

Безъ всякаго труда сэръ Джонъ отыскалъ писчебумажную лавочку, недалеко отъ еврейской синагоги. За прилавкомъ появился какой-то субъектъ въ очкахъ съ стоящими дыбомъ волосами и съ такимъ видомъ, какъ-будто онъ искалъ что-то въ мірѣ, который не всегда укладывается на его прилавкѣ. Сэръ Джонъ попросилъ передать его карточку сеньору Ларральду. Сначала продавецъ сдѣлалъ было видъ, что эта фамилія ему неизвѣстна, но потомъ, соображая, что посѣтитель владѣетъ испанскимъ языкомъ такъ плохо, что едва ли можетъ впутываться въ какія-нибудь интриги, вышелъ въ комнату за лавкой, откуда несся запахъ приготовляемыхъ кушаній.

Пока сэръ Джонъ дожидался въ этой маленькой лавочкѣ, падре Конха направился на староцерковную площадь—небольшую площадь надъ Таго, шумъ котораго явственъ лишь въ полдень, когда мальчишки изображаютъ здѣсь бой быковъ. Здѣсь Конха усѣлся,

раскрылъ молитвенникъ, чтобы прочесть полагающіяся въ этотъ день молитвы, но такъ ничего и не прочелъ. Въмѣсто этого онъ стоялъ и смотрѣлъ на коричневый выступъ надъ городомъ сводивъ къ нулю ея значеніе, какъ крѣпости, въ наши дни господства артилеріи. Онъ сидѣлъ и думалъ о тѣхъ скрытыхъ пружинахъ въ человѣческой природѣ, которыя дѣлаютъ одного человѣка счастливымъ, а другого несчастнымъ.

А въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отсюда сэръ Джонъ шелъ за приказчикомъ, обнаруживая что-то въ родѣ живости.

Ларральдъ сидѣлъ за столомъ, заваленномъ газетами и засыпанномъ папироснымъ пепломъ. Онъ былъ нечесанъ и вообще имѣлъ видъ человѣка, который давно уже не выходилъ на свѣтъ Божій. То былъ, какъ сказалъ Консенсіонъ Вара, настоящій заговорщикъ, который предпочитаетъ спокойно смотрѣть на все сквозь какую-нибудь щелку, пока другіе дѣйствуютъ и ведутъ смѣлую игру.

— Ну, сеньоръ,—началъ онъ, напуская на себя развязность какого-нибудь браво.—Какъ ваше предпріятіе?

— Это уже дѣло прошлое, и за это заплачено,—отвѣчалъ сэръ Джонъ.—Теперь я имѣю къ вамъ другое дѣло. Конингэмъ не тотъ человѣкъ, котораго я ищу.

Сэръ Джонъ держалъ себя теперь совершенно иначе. Онъ говорилъ, какъ власть имѣющій. При упоминаніи объ уплатѣ, Ларральдъ пожалъ плечами.

— А, вотъ что,—воскликнулъ онъ, скручивая съ беззаботнымъ видомъ новую папиросу.

— Я явился сюда, чтобы предложить вамъ другое дѣло, которое будетъ не безвыгодно для васъ; это съ одной стороны. А съ другой, сеньоръ Ларральдъ, мнѣ извѣстны кое-какія вещи, которыя могутъ доставить вамъ немало неспрїятностей.

Ларральдъ поднялъ брови и принялся искать спички.

— Я имѣю основаніе предполагать,—вѣско продолжалъ сэръ Джонъ, что у васъ находится нѣкое письмо. Я не знаю его содержанія и не могу сказать, чтобы я интересовался имъ. Но одному изъ моихъ друзей весьма хотѣлось бы имѣть его на самое короткое время. Не спросивъ его, я взялъ на себя задачу устроить это дѣло.

Глаза Ларральда сверкнули сквозь прозрачный дымъ, которымъ онъ былъ окутанъ.—Вы, кажется, собираетесь предложить мнѣ деньги? Берегитесь, сеньоръ,—запальчиво сказалъ онъ.

Но, сэръ Джонъ въ отвѣтъ только улыбнулся.

— Показывайте ваше негодованіе другимъ, сеньоръ Ларральдъ, спокойно продолжалъ онъ. Да дѣйствительно, я хочу предложить вамъ денегъ,—фунтовъ двѣсти. Ну, скажемъ, круглымъ счетомъ три тысячи пезетъ за то, что вы дадите это письмо на нѣсколько часовъ. Я могу выдать вамъ ручательство, что его

прочтеть только одно лицо, и притомъ дама. По всей вѣроятности, ей будетъ достаточно пробѣжать лишь первыя его строки только для того, чтобы удостовѣриться въ характерѣ его содержанія. А три тысячи незетъ дадутъ вамъ возможность бѣжать на Кубу, если ваши планы рухнутъ. А если они удадутся, то и тогда три тысячи будутъ для васъ не лишними, даже если вы будете членомъ республиканскаго правительства.

Ларральдъ размышлялъ. Онъ понималъ, что дѣло карлистовъ проиграно; передъ кризисомъ колеблягся даже самыя закаленные души и самый беззаботный заговорщикъ подумываетъ о безопасномъ убѣжищѣ. Вотъ уже нѣсколько дней мысль о Кубѣ не покидала Себастьяна Ларральда, и упоминаніе объ этой пристани для всѣхъ потерпѣвшихъ въ Испаніи крушеніе, привело его въ нервное настроеніе.

— Условимся покончить дѣло черезъ недѣлю, — предложилъ сэръ Джонъ. Или лучше всего, назначимъ для этого опредѣленный день.

Ларральдъ бросилъ на него острый взглядъ: этотъ англичанинъ былъ или хорошо освѣдомленъ, или чрезвычайно хитеръ. Казалось, онъ читалъ въ душѣ Ларральда.

— Конечно, вы уже догадались, для кого я беру это письмо и кому нужно его прочесть, — продолжалъ Прейдель. Мы оба ошиблись въ одномъ человѣкѣ. Мы оба должны загладить нашу вину передъ нимъ. Мы оба должны отблагодарить чѣмъ-нибудь Конингэма, чтобы загладить нашу вину передъ нимъ. А вамъ нужно его отблагодарить. Вѣдь онъ, несомнѣнно, спасъ сенъорину Баренна отъ пожизненной тюрьмы.

Ларральдъ пожалъ плечами.

— Каждый человѣкъ долженъ бороться за самаго себя, — изрекъ онъ.

— А большинство изъ насъ, кромѣ того и за женщинъ, — поправилъ его сэръ Джонъ. Наконецъ, рыцари вѣдь еще не перевелись въ Испаніи

Ларральдъ разсмѣялся. Онъ былъ тщеславенъ, и англичанинъ зналъ это.

— Вы хорошо повели дѣло, — покровительственно замѣтилъ Ларральдъ. И я не вижу причинъ, почему бы мнѣ въ концѣ недѣли не принять вашего предложенія. Вѣдь дѣло идетъ, какъ вы сказали, о женщинѣ.

— Именно.

Ларральдъ откинулся на спинку кресла, припоминая легендарную галантность его расы.

— О женщины! — воскликнулъ онъ, дѣлая выразительный жестъ. Въ такомъ случаѣ я это сдѣлаю.

— За двѣсти фунтовъ? — холодно спросилъ сэръ Джонъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — отвѣчалъ Испанецъ, выражая на своемъ лицѣ благородное отвращеніе къ подобнаго рода вещамъ.

XXIV.

Роль священника.

Синьора Баренна играла руководящую роль въ высшемъ Толедскомъ обществѣ и никогда не отказывалась отъ приглашеній.

— Каждый имѣетъ свои обязанности по отношенію къ обществу говаривала она со вздохомъ, хотя самъ Богъ знаетъ, что свѣтскія дѣла не доставляютъ мнѣ никакого удовольствія.

Послѣ этого она обыкновенно надѣвала лучшую севильскую мантилью и летала по какимъ-нибудь дѣламъ, болтая безъ умолку и связи.

Юлія рано стала отдаляться отъ такой жизни и отъ этой постоянной лѣнивой праздности, изъ которой слагается жизнь многихъ женщинъ. Въ этотъ день она сидѣла одна въ большой мрачной комнатѣ въ Толедо, ожидая Ларральда. За неимѣніемъ лучшаго, она подобно тысячамъ другихъ женщинъ, любила недостойнаго субъекта. Значительная часть ея жизни проходила въ ожиданіи Ларральда, который, дѣйствительно, былъ занятъ сильно въ это время и рѣдко показывался изъ дому послѣ восхода солнца.

— Юлія, — говорила сеньора Баренна Конхѣ, для меня больше не компаньонка. Она даже не считается съ моей чувствительной организаціей. Она сдѣлалась совершенно статуей и думаетъ только о политикѣ.

— Для нея, какъ и для другихъ женщинъ, не было бы и политики, если бы не существовало политиковъ, — отвѣчалъ священникъ.

Въ этотъ день Юлія волновалась болѣе, чѣмъ обыкновенно.

Ларральдъ не появлялся уже нѣсколько дней и въ отвѣтъ на ея частыя письма время отъ времени присылалъ ей короткія записки, извѣщавшія ее, что онъ чувствуетъ себя хорошо и находится въ безопасности.

Послѣ жгучаго дня, солнце понемногу стало терять свою страшную силу. Въ тѣни внутренняго дворика, на который выходили окна комнаты Юліи, воздухъ былъ свѣжъ и пріятенъ. Въ небольшомъ домикѣ, сооруженномъ лѣтъ шестьсотъ тому назадъ арабами, тихо плескалась вода. Самый звукъ ея журчанія дѣйствовалъ какъ-то успокоительно на нервы и, казалось, разряжалъ напряженную атмосферу.

Юлія была одна и даже не старалась дѣлать видъ будто она читаетъ книгу, которую она держала въ рукѣ. Съ ея мѣста она могла видѣть колокольчикъ, висѣвшій на противоположной сторонѣ двора. Его густой звонъ во всякое время дня и ночи наполнялъ ея сердце внезапной радостью.

Наконецъ-то въ тишинѣ большого дома раздался этотъ давно желанный звукъ! Затаивъ дыханіе, Юлія стояла у окна, наблюдая, какъ слуга лѣниво прошелся по двору и отворилъ входную дверь, въ которую могъ проѣхать экипажъ, запряженный парой лошадей. Но увы! то былъ не Ларралдъ, а падре Конха. Его привело сюда письмо только что полученное послѣ обѣда отъ сэра Джона Прейделя.

«Письмо будетъ у меня въ рукахъ не далѣе, какъ черезъ недѣлю»,—сообщалъ ему англичанъ.

Падре Конхѣ сказали, что сеньорины нѣтъ дома, сеньорита же у себя.

— Ее-то мнѣ и надо видѣть.

Юлія слышала эти слова черезъ окно, и сердце у ея упало. Въ воздухѣ, казалось, нависла какая-то бѣда: падре имѣлъ видъ человѣка, несущаго бурныя вѣсти.

— А, дитя мое,—заговорилъ онъ, входя въ комнату и устало опускаясь на кресло.

— Что такое?—быстро спросила Юлія, складывая руки на груди.

Вѣтеръ дулъ съ юго-востока, неся за собой сухость и зной. Солнце сохраняло цѣлый день мѣдно-красный оттѣнокъ. Такая погода сильно дѣйствуетъ на женщинъ и людей, страдающихъ умственнымъ разстройствомъ. Послѣ такого дня состояніе умственныхъ способностей и нервная система приходятъ въ сильное напряженіе. Въ такіе дни мужчины подвержены неожиданнымъ припадкамъ гнѣва и способны хвататься за ножъ, а женщины чувствуютъ безпричинное безпокойство, и судьба людей нерѣдко принимаетъ неожиданный оборотъ.

Конха зналъ, что говорить въ такое время съ женщиной удобнѣе всего.

— Что такое?—какъ эхо повторилъ онъ,—да то, что по временамъ я очень бы хотѣлъ, чтобы я не былъ священникомъ.

— Это почему?

— Потому, что тогда я могъ бы оказать вамъ большую помощь. Иногда вѣрнымъ другомъ бываетъ только мужчина, а не священникъ.

— Почему вы все это говорите?—вскричала Юлія,—развѣ мнѣ грозитъ какая нибудь опасность? Что такое случилось?

— Вамъ лучше знать, дитя мое, грозитъ ли вамъ какая-нибудь опасность. Вы знаете и то, что должно случится.

Юлія стояла передъ нимъ, глядя на него глазами смертельно испуганнаго человѣка.

— Что-нибудь случилось съ Эстабаномъ?

Священникъ оставилъ сначала эти слова безъ отвѣта.

Потомъ онъ принялся стряхивать съ рукавовъ слѣды табака, обычно привлекавшіе его вниманіе въ такіе минуты.

— Я знаю очень мало,—нарушилъ онъ наконецъ свое молчаніе.— Я не политикъ, что я могу сказать? Какой я могу дать вамъ совѣтъ, когда я самъ брожу въ темнотѣ? А между тѣмъ время бѣжитъ, да бѣжитъ.

— Я ничего не могу сказать вамъ,—прошептала Юлія,—отворачиваясь и глядя въ окно.

— Если вы не можете сказать мнѣ какъ священнику, то скажите, какъ мужчинѣ.

Терпѣніе и выдержка вдругъ ей измѣнили. Попржему стоя къ нему спиной, она рассказала ему всю свою исторію. Конха внималъ ей, затаявъ дыханіе, какъ человѣкъ, который долго искалъ нужныхъ ему свѣдѣній и добрался до нихъ наконецъ въ тотъ моментъ, когда казалось, ихъ уже совсѣмъ нельзя получить. Маленькій фонтанъ по прежнему журчалъ внизу. Какая-то лягушка квакнула раза два подъ листомъ водяной лиліи, а вверху старый священникъ жадно слушалъ исповѣдь прелестной молодой дѣвушки. Исторія міра создается вѣдь не въ однихъ королевскихъ дворцахъ и парламентахъ.

Конха хранилъ упорное молчаніе, а Юлія, разъ начавъ, не хотѣла оставить ничего недосказаннаго и машинально рассказывала ему всѣ подробности. Ей какъ будто руководила чья-то чужая воля, болѣе сильная, чѣмъ ея собственная.

— Онъ для меня все въ мірѣ,—просто закончила она свой рассказъ.

— Такъ. Счастливы женщины, умѣвшія любить въ этомъ мірѣ.

Снова настало молчаніе. Старый священникъ незамѣтно посмотрѣлъ на свои часы. Онъ былъ по преимуществу человѣкомъ дѣйствія.

— Дитя мое,—заговорилъ онъ, поднимаясь,—когда вы состаритесь, и у васъ будутъ дѣти, которыя придадутъ цѣну вашей жизни, вы, вѣроятно, будете вспоминать этотъ моментъ съ благодарностью. Вы сдѣлали то, что единственно обѣщало вамъ счастье.

— Почему же вы хотите помочь мнѣ?—спросила она.

— Потому, что счастье такая рѣдкая вещь, что мнѣ больно видѣть, какъ оно исчезаетъ,—съ серьезной улыбкой отвѣтилъ падре, направляясь къ двери.

Выйдя изъ комнаты, онъ медленно пересѣкъ дворъ. Потомъ, когда тяжелая дверь воротъ затворилась за нимъ, онъ подобралъ полы своей одежды и быстро пустился вдоль узкихъ улицъ.. По переулкамъ, гдѣ никого не было, онъ бѣжалъ съ такой быстротой и выносливостью, какую можетъ проявить только бѣдный, неизбалованный человѣкъ, которому живется нелегко.

Подобно всякой женщинѣ, Юлія сдѣлала свое дѣло только въ половину: ея исповѣдь слишкомъ запоздала.

Въ гостинницѣ падре сказали, что генераль Виңчене сейчасъ обѣдаетъ и его нельзя беспокоить.

— Онъ не приметъ никого,—сказаль слуга.

— Вы не знаете, кто я,—возразиль Конха съ ироніей, которой только и можно было утѣшать себя въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Не говоря больше ни слова, Конха поднялся наверхъ и велѣль слугѣ доложить о себѣ.

— Но вы видите, я несу десертъ,—попробоваль было возразить тотъ.

— Все равно, дѣлай, что я говорю,—повториль какъ бы про себя падре.

Генераль Винчене въ самомъ дѣлѣ сидѣль за столомъ съ Эстрелой. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на появившагося въ дверяхъ падре.

— Когда вы уѣзжаете?—сразу спросиль его Конха.

— Минуть черезъ десять, какъ только выпьемъ кофе,—отвѣчалъ генераль, съ улыбкой свертывая папиросу своими тонкими пальцами.

— Въ такомъ случаѣ прикажите подавать себѣ карету.

Винчене продолжалъ смотрѣть на своего стараго друга. Улыбка по прежнему не сходила у него съ лица, хотя глаза его были совершенно серьезны.

Трудно было сказать, что могло разстроить этого человѣка.

Генераль всталъ и подошелъ къ раскрытому окну, выходившему на дворъ. Здѣсь въ углу возлѣ кадки, въ которую стекала дождевая вода за рѣшеткой, обвитой виноградной лозой, стояла запыленная дорожная картина. На подножкѣ ея сидѣль человѣкъ, славившійся какъ самый проворный кучеръ во всей Испаніи. Онъ ѣль простой обѣдъ, состоявшій только изъ хлѣба и сушеныхъ фруктовъ.

— Мануэль, черезъ десять минутъ ѣдемъ, крикнулъ ему генераль.

— Слушаю, пробормоталь кучеръ, ротъ котораго былъ набить обѣдомъ.

— Далеко ѣхать? спросиль генераль обращаясь къ Конхѣ.

— Да, путь будетъ не ближній.

— Ёхать, Мануэль, ёхать, крикнулъ опять генераль, закрывая окно. Не будетъ ли еще какихъ приказаній? шутливо обратился онъ къ падре. Я было рассчитываль проспять эту ночь въ постели.

— У васъ пропадетъ и сонъ, когда узнаете мои новости.

— Вотъ какъ!

— Но сначала вы должны обѣщать мнѣ, что вы не воспользуетесь этими свѣдѣніями, которыя я вамъ сообщу, противъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Вы должны обѣщать мнѣ, что ограничитесь только мѣрами предупредительнаго характера.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

